ТАЙНЫ ЗЕМЛИ РУССКОЙ

Древняя история казачества

Казаки: воинское сословие или древний народ?

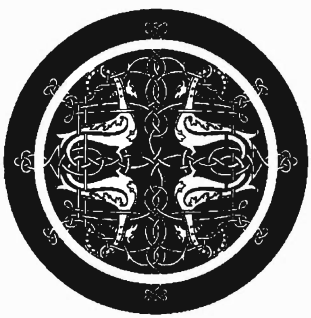
Арийские корни казачества

На службе великой России

Е.П. САВЕЛЬЕВ

Е.П. Савельев

Древняя история казачества



Москва
«Вече»
2010

УДК 94(47)
ББК 63.3(2)
С12

Scan By Vitautus

Издание третье, доработанное

Савельев Е.П.

С12 Древняя история казачества / Е.П. Савельев. — М. : Вече, 2010. — 480 с. — (Тайны Земли Русской).

ISBN 978-5-9533-4471-5

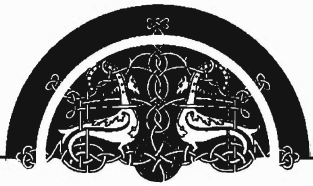
Кто такие казаки? Потомки беглых крепостных, одно из сословий старой России, как обычно утверждает академическая наука? Или же их предки (по крайней мере часть из них) испокон веков жили в тех же самых краях — на Дону, на Кубани?.. Именно такой позиции придерживается автор этой книги — историк казачества, писатель и краевед Евграф Петрович Савельев. Привлекая колоссальный по объему фактический материал, со страстью и убежденностью истинного патриота он доказывает, что культура казачества во многих своих проявлениях уходит в глубины тысячелетий, что казаки — не случайные пришельцы на своей земле.

УДК 94(47)
ББК 63.3(2)

ISBN 978-5-9533-4471-5

© Вступительная статья. Асов А.И., 2010

© ООО «Издательский дом «Вече», 2010



Историк, казак и провидец

Известный и прославленный своими трудами по древней и современной истории казачества писатель и краевед Евграф Петрович Савельев родился 18 декабря 1860 года, а кончил свои дни в 1927 году в Новочеркасске. Он был свидетелем последнего расцвета, а также заката Российской империи.

По его семье также прокатилась Гражданская война. Так, старший сын Александр сражался в белой армии, туда же была призвана врачом дочь Валентина, а младший, Василий, был комиссаром в Красной армии. И потом его семью разметала судьба по всему белу свету, потомки Евграфа Петровича теперь живут в Балкарии и Болгарии, а также в Германии и Венесуэле.

Вообще о жизни писателя, а особенно о последних годах, известно немного. Остались только напечатанные еще в царской России книги и статьи, а все его работы последних десяти лет жизни напечатаны не были и пропали уже в огне Второй Мировой войны.

В отечественной историографии имя Е.П. Савельева осталось благодаря фундаментальному труду «Древняя история казачества», напечатанному в трех томах с 1915 по 1918 год в Новочеркасске.

При советской власти он не переиздавался, сохранились и с великим трудом были отысканы всего несколько экземпляров от первого издания. Они были воспроизведены репринтно (Ростов-на-Дону, 1990), а теперь многократно переизданы и получили широчайший отклик в России. Этот труд и воспроизводится в настоящем издании. Представляют несомненный интерес и другие его работы, такие как «Очерки истории торговли на Дону» (1904), «Атаман М.И. Платов и основание Новочеркасска» (1906), «Типы донских казаков и особенности их говора» (1908) и др.

Особенно продуктивным периодом его творчества были годы, когда в стране уже разгорался революционный пожар.

В 1917—1918 годах вышли кроме последних томов «Древней истории...» также «Войсковой круг на Дону как народоправление», «Булавин и Некрасов», и еще пьеса в стихах «Гибель Чернобога», где есть и размышления о политических идеалах и мироустройстве: о «воле казачьей», о традициях «казачьего круга», как древнем вечевом народоправстве. Здесь Е.П. Савельев рассказывал о том, что во все века казаки отстаивали идеалы вольной жизни, и потому не дали закрепостить себя.

А в настоящем он видел как бы эхо от прошлого, повторяющуюся из века в век со времен языческих и ведических великую мистерию борьбы добра со злом.

Так, в «Гибели Чернобога» (1917), напечатанной, между прочим, в Донской епархиальной типографии, власть над миром захватывает древний бог тьмы и зла, коему служат его жрецы, также судейские, дьяки и проч., а низвергает все зло во тьму сам Баян — *«витязь светозарный, с великой, сильною душой, народу Богом Света данный, с горящей, огненной звездой на златокованном шеломе, рожденный Светом от Зарницы, прекрасной, юной Царь-девицы из массагетских теплых стран...»*.

Поразительно, но так Е.П. Савельев провидел не только символы грядущей революции (звезды на шлемах-буденовках появятся позже), он здесь по сути пересказал древнюю мистерию борьбы князя алан-казаков IV века Буса Белояра и сына его Баяна, потомков Солнцебога Яра и Зари, против бога тьмы Каранджеля-Чернобога. А ведь эта история была известна в то время немногим посвященным в православно-ведическую, ведославную, традицию.

Тогда же Е.П. Савельев, как археолог, искал и исследовал святилища пятигорских черкас, предков донских казаков, на развалинах близ Пятигорска и священной горы Бештау, о чем сообщил в заметке «Храм солнцепоклонников на горе Бештау». Ведь именно здесь расположены главные святыни ведославной традиции, включая Бусов курган.

Всю жизнь Евграф Петрович немало средств, времени и сил тратил не только на исторические труды, археологические раскопки. Он также мечтал вырастить на Донской земле яблони с необычно крупными яблоками, следуя и здесь древней традиции «украшения земли». Он видел, что заброшенные сады, превратившиеся за столетия в буйно разросшиеся рощи диких яб-

лонь и алычи, окружают развалины величественных аланских-казачьих городов в Древнем Пятигорье. И за это советские историографы с усмешкой называли его «историком-садоводом».

Все мысли историка-патриота всегда были обращены к поиску истоков казачества, как древнейшей и самобытной части русского народа, сохранившей идеалы предков: ведических ариев, саков, массагетов, алан, сарматов-роксалан. Само возникновение имени казаков он относил в глубь веков, возводя его к самоназванию арийцев, как *Азов-Саков, али Асов*. Важно вспомнить, что и сам Будда Сакья-Муни, основатель буддизма, был князем из рода саков-сакиев. Да и Буса Белояра «Велесова книга» именует Будаем, то есть Буддой. Христиане же первых веков в князе Бусе Белояре видели образ Христа.

Античной истории известны близ Каспия и к северу от Черного моря бесчисленные племена саков, массагетов, асов-роксалан. А потом, в Средневековье, — яссов, касогов, торков, подонских бродников, именуемых общим именем черных клобуков. В «Велесовой книге» эти народы именуются *русколанами*, также «белогорами», «белоярами», «новоярами» и иными именами.

Русские летописи упоминали, что черные клобуки назывались также черкасами и казаками. И многие историки казачества полагают, что общее имя казаков образовано от сочетания имени племени саков (оленей-сохатых) с приставкой «кос» («кас») — «белый». Получается: «белые олени». Заметим, древний герб Войска Донского — «Елень пронзен стрелой», изображает белого оленя с черной стрелой в спине.

И, разумеется, глубоко чужды были Е.П. Савельеву, как и иным казачьим историкам-патриотам теории, рассматривающие казачество как «беглых крепостных», либо «сброд людей разных народностей», согласно принятой большинством современных историков доктрине.

Но тут следует заметить, что в начале XX века подобные теории оспаривались многими и вовсе не были общепринятыми. Их активно поддерживали лишь «норманисты», приверженцы западной исторической школы, выдававшие свою точку зрения за официальную. А у Запада всегда были свои интересы на Кавказе — и экономические, и политические. И потому историки-норманисты выступали, как «агенты влияния», коим было важно ослабить позиции геополитического противника и конкурента.

К сожалению, наследники этого направления, а также сродные им «хазароведы», уже заняли главенствующие позиции в российской академическойсреде, но в те годы им мощно противостояли славянофилы и антинорманисты.

Можно, к примеру, назвать имя Дмитрия Ивановича Иловайского (1832 — 1920), автора многих научных трудов, а также гимназических учебников, который также отстаивал древности Черноморо-Азовской Руси и видел предков русских и казаков в роксаланах и аланах. Именно его точка зрения была в те годы официальной.

Так что труды Е.П. Савельева не были такими революционными в области историографии, как они воспринимаются теперь. Их ценность прежде всего в том, что он привлек для отстаивания истинной истории наших предков множество важных источников, древних казацких преданий, а также в том, что вступил в борьбу с оппонентами без страха и оглядки на ложные авторитеты.

За эту смелость и вольномыслие, и прежде всего за прямую критику самодержавия — в Чернобоге и его присных нетрудно увидеть карикатуру на царя и его окружение — ему даже, как говорят старожилые казаки, грозило заточение в Петропавловской крепости. Потому и сын его, Василий, ушел «в революцию», к красным.

Но и это не помогло признанию его трудов новой, большевистской властью, оказавшейся еще более консервативной в вопросах истории, чем прежняя, опасавшейся силы и независимости казачества, помнившей о том, что эта история получила статус официальной в 1918 — 1920 годах при создании казацкой республики в области Всевеликого войска Донского. Хорошо еще, что сам Е.П. Савельев не попал потом под репрессии и «расказачивание».

Конечно, Евграф Петрович в своих книгах спорил несколько более эмоционально, чем это принято в исторических кругах, а также он чрезмерно вольно использовал метод символической этимологии, представлял и народное, чисто казачье, видение исторических проблем, но тем не менее этот спор был вполне научным, ведущим к истине.

Опорочивание имени и трудов Е.П. Савельева привело к тому, что важное направление в исследовании исторического прошлого как казачества, так и всей индоевропейской расы было осмеяно и отвергнуто.

Отрицательные и категоричные выводы были сделаны несмотря на то, что изучение и научное обоснование этой теории находилось тогда в самом зародыше и естественно не могло на равных соперничать с устоявшимися, «отшлифованными» теориями, на деле не имеющими к реальной истории русского народа никакого отношения.

И важно, что ныне труды сего подвижника вновь входят в общественное сознание и научный обиход. Ведь именно так, заинтересованно, «кровью сердца» и должна писаться истинная история предков.

И здесь следует напомить слова П. Е. Савельева: *«Тот, кто собирается писать историю, должен посвятить многие годы на собирание всего того, что может просветить его ум по избранному предмету. ... Для этого нужна бесконечная начитанность, любовь к избранному предмету, а, главное, к народу, историю которого собираешься писать...»*

А.И. Асов, 2007 г.

Вместо предисловия
(Как нужно писать историю)*

История казачества, в том числе и Донского, еще мало разработана, а потому казачье население в массе своей о великих делах предков своих знает очень немного: о первоначальном же происхождении этого народа не имеет ни малейшего представления, если не считать ни на чем не основанных легенд, дошедших до нас изустным преданием или записанных и необдуманно принятых за достоверные факты некоторыми легковерными историками. Письменных памятников о древностях казачества очень немного, да и те разбросаны по разным, мало изученным, русским и иностранным архивам и библиотекам; доступные же изучению русские летописные сказания говорят о казачестве весьма сбивчиво, а в большинстве случаев почти совсем о том замалчивают. Донской архив, в котором, надо полагать, было немало ценного материала по данному вопросу, сгорел дотла в гор. Черкасске в 1744 году.

Читатель скажет, что это все давно забытые дела и вспоминать о них нет никакого интереса и смысла. Но это далеко неверно. История есть результат человеческих опытов; опыты же мы можем забыть лишь тогда, когда мы в них более не нуждаемся, между тем как мы еще и теперь на каждом шагу наталкиваемся на такие факты, которые нам непонятны с современной точки зрения, но могут быть объяснены лишь историей. К ним мы можем отнести, с одной стороны, проявление отличительной народной гордости, стремление к властвованию, вероисповедной терпимости и национальной обособленности, наряду с непросвещенностью масс; с другой — часто до поразительности быстрый и устойчивый культурный рост народа с прогрессивным стремлением к владычеству над другими национальностя-

---

* В книге частично сохранены орфография и особенности словоупотребления оригинала. — *Примеч. ред.*

ми не путем насилия и страха, а науки, искусств и вообще культурно-экономического превосходства над остальными.

Взвесить, оценить, объяснить и осветить все это может нам лишь только история.

Историк должен быть беспристрастен, объективен и независим. Это самые главные его достоинства. Без этих качеств из-под пера его выйдет не правдивая история данного народа, в научном смысле, а пристрастный рассказ о жизни одного, с порицанием или умалением исторического значения другого. Такая история для науки значения иметь не может. Начинающий историк должен это помнить. Скрывать, извинять и замалчивать требующие порицания действия исторических личностей — это значит затемнять ход жизни народа и его стремление к будущему. Говорить во всеуслышание, раскрывать злоупотребления и бороться с ними — дело науки, которая должна быть руководительницей в нашей жизни. Благородные мыслители и исторические деятели должны трудиться над развитием человеческой культуры и утверждением нравственных воззрений в обществе, которое в этом случае должно быть единомыслящим на пространстве всего культурного мира.

Ничто так рельефно не рисует степени культурности пишущего класса, а также умственного и нравственного состояния самого народа, как его историческая литература. Из всех предметов, в которых упражняется перо, эта часть самая трудная и может назваться настоящим мерилом начитанности и учености писателя, его чувств и понятий. В этом труде отражаются в полном свете и его собственные познания, и мнения, и нравственный облик, и, наконец, искусство, приобретенное навыком и упражнением, побеждать свои страсти, свою самонадеянность, свои и чужие предрассудки в пользу истины и общего блага.

Может ли Донское казачество похвалиться по части исторической литературы?

К сожалению, у нас на Дону такой литературы слишком мало, хотя уже достаточно собрано материала для истории этого войска.

Донские казаки, в большинстве случаев, не знают даже, кто были их предки, откуда пришли и почему они называются казаками. Они знают только, что деды их и прадеды издавна служили Российским Государям и за верную службу получали от них разные льготы, привилегии и жалованные грамоты на владение принадлежащими им ныне землями и угодьями. Вот и

все. Вообще у нас на Дону, не говоря уже о массе казачества, малограмотной и даже неграмотной, и в интеллигентной среде историей интересуются мало и книги по историческим вопросам расходятся слабо. А вопрос об истории казачества поднимался некоторыми истинно любящими свою родину не раз, даже были попытки и к составлению истории, но труды эти вообще страдали недостаточной разработанностью исторического материала и неудачными заимствованиями и подражанием другим историкам, мнения и выводы которых, иногда заведомо неверные, принимались как положительные данные и целиком вносились в эти труды. Поднимался вопрос и о происхождении казачества, но дальше предположительных выводов он не шел, а выводы эти были: «Донское казачество, по всей вероятности, происхождения неблагородного, — оно образовалось из беглецов разных областей Московского государства» и т.д. (Карамзин); или «в Придонских степях собирается (в XV в.) вольница из русских беглецов-разбойников»... (Иловайский).

Местные историки упускали из виду, что история целого государства не есть история его окраин. У историков государства задачи были совсем другие, чем у историков, пишущих историю какого-либо народа, вошедшего в состав этого государства. Там история окраин приносилась в жертву центра, выдающиеся события и стремления окраин замалчивались или объяснялись с точки зрения центра, даже иногда порицались, как сепаратные. Так, например, в русской истории при покорении царем Иваном Васильевичем Грозным Казанского и Астраханского царств о казаках упоминается лишь вскользь, говорится мельком, между тем как, по достоверным историческим данным, в покорении Казани их участвовало от 6 до 7 тысяч. Пусть это были казаки Рязанские и Мещерские, но достоверно и то, что там была и донская конница. Казаки, как люди ратные, более других были знакомы с употреблением пороха и искусством осады крепостей, а потому при подкопах и взрыве казанских стен они играли первенствующую роль и первые ворвались в проломы крепости. Такую же первенствующую роль они играли и при покорении царства Астраханского. «Сведав о том, что царь Иоанн решился покорить царство Астраханское, Донские казаки, пламенея доказать усердие свое к Государю, приговорили в кругу своем вспомоществовать ему. Почему знатная их часть, под начальством походных атаманов — Павлова и Ляпуна, пошли к Переволоке и, дождавшись тут царских войск, шедших Волгой под

предводительством князя Вяземского, присоединились к оным», говорит российский историк. И только. Летописи же об этом событии говорят, что, когда московские войска еще продолжали плыть Волгой, а часть их, высадившись на сушу, медленно подвигалась правым берегом реки к Астрахани, казаки, составляя передовой отряд, под Черным островом нанесли такое поражение Ямгурчею, астраханскому царю, что тот бросил город и расположился станом в 5-ти верстах ниже него. При вторичном поражении казаками он с остатками своих войск ушел в степи и, преследуемый атаманом Павловым на расстоянии более четырехсот верст, успел вскочить в Азов только с 20-ю всадниками. Князь Вяземский занял Астрахань без боя.

Российский историк честь покорения Астрахани всецело приписывает царю Иоанну Грозному и его полководцу князю Вяземскому; историк же Донского казачества в подобного рода событиях, не умаляя деятельности и стремлений Российских Монархов к объединению страны и покорению ее врагов, должен быть более самостоятельным и постараться о казаках сказать правдивую и подробную повесть, не подражая первым и заимствуя от них только то, что, по проверке, действительно является ценным.

Труды наших донских историков обнаруживают и еще один общий недостаток — это отсутствие критических приемов исторических исследований или слишком одностороннее отношение к такому труду.

Исторические творения считались и считаются всегда результатом необыкновенного трудолюбия, терпения, прилежных изысканий, долгих соображений, обширной учености и тщательно обработанной мысли. Тот, кто собирается писать историю, должен посвятить многие годы на собирание всего того, что может просветить его ум по избранному предмету; должен сличить все тексты, сблизить все отголоски одного и того же известия, взвесить все сопряженные с ним нравственные и физические обстоятельства; должен преследовать его не только на родной земле, но и за пределами ее, до последнего эха, прозвучавшего в бытописаниях разных народов; должен проникнуть во все доступные источники, не пропустить ни одной строчки, не увидев ее собственными глазами и не взвесив собственным беспристрастием. Первая обязанность в таком случае — знать, где искать; вторая — уметь находить. Для этого нужна бесконечная начитанность, любовь к избранному предмету, а

главное, к народу, историю которого собираешься писать*. Нужно родиться среди этого народа, долго жить с ним, изучить его нравы и обычаи, язык, песни, игры, поверья и исторические сказания в виде народного эпоса; нужно изучить антропологию народа и все археологические памятники данной местности. История без сравнительного языковедения, антропологии и археологии будет не полна, сбивчива и не точна, а потому и не может представить действительной картины жизни прошлого. Лингвистика ищет родственность народов в сродстве корней их первоначального языка; история культуры в связи с археологией — в общности культа; антропология же ищет родство народов в общих чертах их физического строения, в устройстве черепа и других частей тела. Следовательно, для изучения истории данного народа, как например казачества, необходимо знать не только русские летописные сказания, но и историю, антропологию, языки и археологию всех соседних народов, как родственных, так и принадлежащих к другой расе, с которыми древнее казачество сталкивалось и тем или иным способом получало влияние, заимствовало культуру и проч.

Одним словом, нет такого мелкого исторического вопроса, который не требовал бы подробного изучения и долговременного обзора со всех сторон.

Историк обязан знать все, что в его время известно науке об этом вопросе. Для него не должно служить преградою даже незнание языков тех народов, с которыми древнее казачество сталкивалось в течение многих веков, а также сокрытые в недрах курганов тайны, могущие свидетельствовать о былой жизни Дона.

Донские казаки, служившие с честью около четырех веков Московскому государству и своею доблестью и рыцарской храбростью известные всему миру, должны иметь и знать свою историю.

Они, во дни порабощения России, ее бессилия и неустройства, на южных ее пределах, сами собой встали грозной стеной и своим удальством и упорной борьбой, длившейся целые века, изумили все соседние народы. От берегов Дуная и Днепра, по степям Дона, Кубани, Терека, Нижней Волги, Урала и далее на Восток, по дебрям Сибири, до Амура и Камчатки, по меже вели-

* Эти мысли высказывал еще Сенковский в статье «Казаки» в 1834 году, хотя сам и не воспользовался ими, произведя слово — «казак» от каз, гас — гусь, гусак.

кой современной России, казачьи общины первые положили заветную черту, чрез которую не суждено было уже перешагнуть соседним народам, и своим мужеством и кровью отстояли занятые ими земли. Пример в жизни народов редкий. (Вегель).

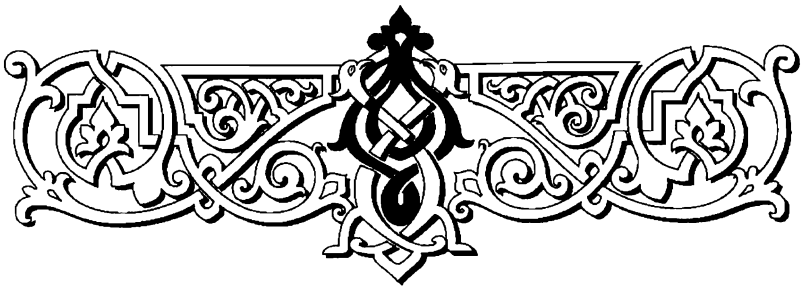
Казачество, предложившее свою службу Московскому Царю в половине XVI века в борьбе с их общими врагами — турками, крымцами, астраханцами, ногаями и другой татарвой, было уже довольно значительной и сильной народной общиной. Следовательно, служба казачества Москве началась раньше, чем это принято думать.

Все это должно быть выяснено будущими донскими историками.

От таких историков требуется беспристрастная оценка духа казачества и его исторического роста.

Для истории о начале казачества недостаточно знать местные источники, а нужно хорошо изучить историков греческих, римских, армянских, арабских, татарских и турецких, порыться в консульских донесениях XI—XV вв., хранящихся в архиве монастыря св. Марка в Венеции, основательно познакомиться с археологией Дона, берегов Черного и Азовского морей и тогда уже сказать свое слово и сделать заключение о том, кто были предки Донских казаков XV и XVI вв., а равно, кто были предки казаков Мещерских, Рязанских, Северских (севрюков) и Запорожских.

Новочеркасск,
1915 г. *Е.П. Савельев*



Часть I
Предки казачества

Глава I
Взгляд историков на происхождение казаков

Вызывать в воспоминании минувшее есть своего рода способ заглядывать в будущее.

Многомиллионный народ, населяющий в настоящее время берега Дона, Кубани, Терека, Урала, Нижней Волги, Иртыша, Амура, Уссури и другие места великой России, как-то: Забайкалье и даже Камчатку и с гордостью называющий себя в течение многих веков «казаками», едва ли может правильно понимать носимое им имя, а тем более объяснить его значение.

В русской исторической литературе хотя и были многократные попытки к объяснению этого слова, но они, как увидим ниже, не привели ни к какому положительному результату. Задача действительно нелегкая, тем более что название народа «казаки» тесно связано с вопросом о его происхождении.

Если мы станем на точку зрения российских историков, объясняющих, хотя и бездоказательно, происхождение казачества от гулящих, бездомных людей и беглых преступников из разных областей Московского и Литовско-Польского государств, «искавших дикой воли и добычи в опустелых улусах орды Батыя» (Карамзин), то название «казак» будет происхождения сравнительно недавнего, явившееся на Руси не ранее

XV века и данное этим беглецам другими народами как имя нарицательное, с отождествлением со словом «вольный, никому неподвластный, свободный». (Отождествление это будет объяснено ниже.) Но тогда явится на сцену совсем необъяснимый вопрос, а именно: почему беглецы эти, скопившиеся на Днепре и Дону и по низовьям Волги, стали сами себя в XV и XVI вв. именовать казаками — названием чуждым, для них совсем непонятным, и с гордостью носят это имя в течение четырех веков, совсем отрицая какую-либо связь с московскими и литовскими областями, кроме связи по религии.

Русские и все славянские народы издавна называют германцев немцами, французы аллеманами, англичане, как и древние римляне, — германцами, шведы и норвежцы — по-своему и т.д.; сами же немцы, считая эту кличку для себя обидной, называют себя дейтш, а страну свою Дейтшланд[1].

Арабы, русские и южные славяне турок называют: турки, тюрки и турци, от арабского слова «туркур», разбойник, следовательно, прозвищем бранным, которое турки не любят: сами же себя они именуют османами (османли) от султана Османа и оттоманами.

Подобных примеров можно привести тысячи, и все они будут свидетельствовать, что каждый народ носит с гордостью

---

[1] А. Вельтман (Дон. Москва, 1866) слово «дейтш» производит от славянского племени даков или дациан, живших в IV в. по среднему Дунаю, а потом постепенно поднявшихся в его верховья и в VIII в. смешавшихся с жившими там германцами, обновив это полудикое племя и дав им некоторую культуру, заимствованную от греков. В это же время у немцев появилось и название их укрепленных мест — замков — *бург*, от греческого «пургос» — башня.

Название немец у нас принято производить от слова немой, т.е. не умеющий говорить по-славянски, не-умец. Основанием к этому послужило древнее греческое название иностранцев *непиос* (nepios), от на — нет и эпос — речь, т.е. неговорящий, бессловесный, замененное впоследствии словом варвар. Это едва ли верно. «Немец» или «неемец» произошло от славянских слов «не» и «имать», т.е. неимеющий, бездомный, грабящий других и главным образом славян. Об этом грабительстве свидетельствует и вся история Дейтшланда. Следовательно, название народа «дейтш» впервые появилось в истории только в VIII в. нашей эры.

Латинские названия *германцы* (germanus) и *Германия* немцам (кимврам и тевтонам) искони не были известны. Их так называли римляне (Цезарь, Тацит, Страбон и др.) в смысле нации (natio), в отличие от племен (gentes), т.е. союзом, братовщиной (Тацит). И действительно, германцы, разделяясь на многие независимые племена, во время войны всегда соединялись в один общий союз, в одну духовно сплоченную массу, братовщину.

только то имя, которое он сам себе дал, а не то, каким его называют другие народы, часто даже в насмешку или как бранное.

Освобожденные от рабства американские негры в 1821 году основали на западном берегу Африки самостоятельную республику и назвали ее Либерия (от лат. слова liber — свободный): почему же русские и литовские беглецы, почувствовав в южных степях вольную волю и свободу от гнета бояр, не наименовали свою общину и себя одним из этих названий, а каким-то неведомым им словом «казак», объяснить которое лингвисты до сего времени не могут, и все это происходит оттого, что все историки стоят на ложной дороге в вопросе о происхождении этого, как будто бы всем известного, но на самом деле загадочного народа — казаков. Были ли когда в истории примеры, чтобы бежавшие в одиночку холопы и преступники за тысячи верст от своей родины, среди чуждого и враждебного им народа могли основать особое государство, составить сильную демократическую, свободолюбивую и религиозно-идейную общину, целый народ, с его своеобразным правлением, где старшого не было, а младший равен всем, с особыми воинскими приемами, с особенным говором, другими нравами и обычаями, а главное — рыцарской идеей лечь костьми за обиженных и угнетенных, за свои родные земли и православную греческую веру, на удивление всему миру и на славу своим потомкам. Пример в истории редкий, если не сказать — единственный. Исключительным его назвать нельзя, так как в истории подобного рода исключений не было и быть не может.

Казаки отстояли для России весь юг, покорили Сибирь, проникли на Амур за 200 лет до его присоединения (в Албазине), открыли Берингов пролив за 100 лет до Беринга (казак Дежнев) и даже проникли до островов Новой Сибири, в Ледовитом океане[2].

На покоренных и отнятых у татар и турок землях они стали твердой ногой по Дону, Тереку, Кубани, Уралу, Иртышу, Амуру, даже до Камчатки, сохраняя повсюду свои особенные, мало понятные историкам, нравы, обычаи и своеобразное воинское устройство. Сделали ли что-либо подобное прославленные западом алжирские пираты и итальянские бандиты, существовавшие, как известно, более тысячи лет? Ничего подобного.

---

[2] Близ Иркутска и теперь еще видна крепость-острог, построенная казаками, сподвижниками Ермака, в 1622 г. из гигантских стволов лиственницы.

Казаки-некрасовцы, ушедшие от гнева Петра Великого, в числе 600 семей, с атаманом Игнатием Некрасовым, сподвижником Кондратия Булавина, в 1708 году на Кубань, а потом — в Турцию, в течение 200 лет неизменно сохраняют древний общинно-казацкий строй, старинный казачий говор, нравы и обычаи XVI в., выбирают, как и прежде, атаманов и есаулов и решают все свои общественные дела казачьим кругом.

Могли ли так поступать потомки всякого рода беглых из разных мест, случайного, как думают некоторые историки, сброда, не имевшего общих традиций и не соединенного одним идейно-рыцарским духом, если бы все это им не было передано издревле от славных предков. Мы думаем, что случайно или поневоле попавшие в степи беглецы скоро ассимилировались бы в среде чуждого им народа и в течение веков утратили бы свою национальность, так что от них не оставалось бы и следа.

Не то мы видим в среде казачества, разбросанного волею судеб по всем окраинам обширной России. Везде мы видим одну общую казацкую идею, один мощный казацкий дух.

Западное средневековое рыцарство, прославившееся грабежами, насилием и угнетением мирного земледельческого люда, ничего общего с идеей казачества не имеет. Казачество стояло за свою свободу, за права обиженных и угнетенных, за свои земли и за свою веру, никому не навязывая ее и насильно не обращая в нее неверных, между тем как в западном рыцарстве цель была совсем другая, а именно — порабощение мирных и беззащитных граждан и распространение католицизма мечом среди славян и литовцев, т.е. цель отрицательная.

Казаки прежних веков, как это ни странно звучит для историков, не считали себя русскими, т.е. великороссами или москвичами; в свою очередь и жители московских областей да и само правительство смотрели на казаков, как на особую народность, хотя и родственную с ними по вере и языку[3]. Вот почему сношения верховного правительства с казаками в XVI и XVII вв. происходили чрез посольский приказ, т.е. по современному — чрез

[3] Даже позднейшие историки, А. Филимонов в «Очерках Дона» в пятидесятых годах прошлого столетия и В.Ф. Соловьев в своей брошюре «Особенности говора Донских казаков» в 1900 г. писали, что казаки, несмотря на то, что стоят за Русь, что полки их оберегают ее окраины и что все имеют рвение постоять за Царя, сами себя не считают русскими; что если любому казаку предложить вопрос: «разве ты не русский?» Он всегда с гордостью ответит: «Нет, я казак!» (Филимонов и Соловьев не были казаками).

министерство иностранных дел, чрез которое вообще сносятся с другими государствами. Казацких послов или, как их тогда называли, «станицы» в Москве принимали с такою же пышностью и торжественностью, как и иностранные посольства; об этом нам подробно говорит русский публицист XVII в., современник царя Алексея Михайловича, Григорий Котошихин.

С Петра Великого, с 1721 года, войско Донское перешло в ведение военной коллегии. С этого времени, вместо Царских грамот, адресованных «на Дон, в верхние и южные юрты, атаманом и казаком и всему великому войску Донскому», и отписок казаков прямо к Царю, на Дону стали получаться приказы коллегии и указы Сената.

Если же смотреть на казаков, как на исконных обитателей берегов Азовского и Черного морей, Дона и Нижнего Днепра, о чем мы будем говорить в следующих главах, то происхождение имени «казак» объясняется очень легко, и значение этого слова было понятно как для самих древних казаков, так и для соседних с ними народов.

Но прежде чем приступить к этому объяснению, которое тесно связано с вопросом о происхождении казачества, мы здесь приведем мнения по этому предмету некоторых историков, а мнения эти, как увидят читатели, иногда доходят до крайней нелепости, если не сказать — до смешного.

Фишер, в своей Сибирской Истории, изданной нашей Академией наук в 1774 году, слово «казак» относит к языку татарскому. «Оно означает, по его мнению, такого человека, у которого нет семьи или который не имеет постоянного жилища. Название это первоначально приписывалось собственно казачьей орде, т.е. ордынским казакам, жившим в начале XVI в. по Нижней Волге, ныне киргиз-кайсаки, которые своими набегами и наездами славились перед прочими народами. Название «казак», продолжает Фишер, от татар перешло к русским и полякам[4].

[4] У киргизов есть особый род, который исключительно носит название «казак», подобно тому, как есть другие роды «кипчак», «чайман» и др. Эти киргизы называют себя не «кайсак», как многие пишут, а «кхазак». Это потомки омагометаненных и смешанных с другими восточными народностями древних казаков. Среди них часто попадаются лица с чисто арийским красивым профилем и веселым взглядом. В языке киргиз-кхасаков встречается много очень характерных слов и выражений, свойственных говору Донских казаков прежних веков, как то: кублюк — кубилек (женский наряд из шелковой материи ярких цветов на Дону), чекмень — кафтан, казан — котел, тумак — шапка с верхом, шальба-

По мнению Сталенберга, слово «казак» означает вольный, живущий на границе и всегда готовый служить за деньги.

Но ни Фишер, ни Сталенберг не указывают, от каких именно татарских корней они производят это слово. В современных же наречиях татарского языка слова «казак» нет; следовательно, оно не татарское, а заимствованное ими от другого народа и отождествлено по характеру и исторической жизни казачества с понятием — вольный, никому не подвластный, служащий за деньги, и другими проявлениями военного быта пограничных стражников, подобных древним нашим предкам.

Болтин в примечании к истории Леклерка, в 1788 году писал, что «в отдаленные времена на юге России жили татарские, сарматские и славянские племена; что от них отделились разные толпы в степи, разбойничали там или питались звероловством. Татары называли их казаками, т.е. сбродом. Люди эти, увеличившись, стали известны в нашей истории под именем половцев, существовавших до нашествия татар».

Вл. Броневский, в своей «Истории Донского войска», составленной, как известно, по чужим рукописям и изданной в СПб. в 1834 г., каковой труд серьезного исторического значения не имеет и притом репутация этого автора сильно пострадала от критических статей известного донского историка В.Д. Сухорукова (Донск. вест., 1867, №№ 27—29), ничтоже сумняшеся, высказался о казаках так, что будто бы царь Иван Васильевич, видя размножение по Руси бродяг и разбойников, приказал, выражаясь просто, отворить южные заставы государства и турнуть их вон из отечества на Дон.

В.Д. Сухоруков в составленном им в двадцатых годах прошлого столетия, при участии других авторов, «Историческом описании земли войска Донского» говорит, что «слово казак известно было в России гораздо раньше этого времени: оно, по

ры — шаровары, юрт, мерин, башка, таган, чугун, серьги, чулги — чулки, кун — выкуп, чекан — оружие, тала — тальник, камыс — камыш, чушка — свинья, карга, беркут, драфа, сазан, уран — ура, карбуз — арбуз, каун — дыня, тыква, бахча, канжар — кинжал, чумичка, малахай и др. Многие лингвисты склонны думать, что эти и многие другие слова заимствованы русскими и в частности казаками от татар и киргизов. Это неверно. Славянский язык настолько богат словами, что, как увидим ниже, не нуждался в этом заимствовании и многие тысячи своих названий навязал всем соседним народам востока и запада. Сталенберг и Рубруквис отличают киргизов татарского историка Абул-Газа от киргиз-кайсаков и называют последних кергезы или черкесы — казаки, вернее — черкасские казаки, что, как увидим ниже, очень правдоподобно.

мнению некоторых, на языке монгольском означало пограничного стража и вообще военного человека; но, рассматривая наши летописи тогдашнего времени, видим, что казаками назывались и такие люди, кои не только вовсе не составляли стражи, но даже разоряли Украйну. По смыслу слов, в летописях и современных актах встречающихся: «На поле ходят баловники-казаки... живут своим казачьим обычаем» и т.д., нельзя не согласиться, что имя «казак» применялось однозначительно разбойнику, но в отношении ремесла оно не было столько поносным и преступным, как разбойник, ибо этот род жизни и поведение были в духе тогдашнего времени. Таким образом, думать надобно, что слово «казак» означало отважного наездника, живущего набегами и войною, не привязанного к земле и домовитости»[5].

Известный наш журналист, критик, беллетрист и историк Н.А. Полевой говорит: «Кажется нет уже сомнения, что имя казаков есть азиатское название легкого конного воина. Тут не нужно прибегать ни к Косогам и Казахии Константина Багрянородного (X в. по Р. Х.), ни к косе, ни к козе, ни к козявке, от чего выводили имя казаков Гербинии, Пясецкие, Зиморовичи и др. В Азии доныне целая орда турецкая называется казаками (киргиз-кайсаки). Татары и русские принимали в XV в. имя казака в смысле бездомного, странствующего удальца-воина. Так разумел и Иоанн III в ответе хану Зинебеку в 1477 году. Но то, чем порицали казаков неприятели, составляло их славу, и имя казаков осталось именем собственным целого народа, ибо они гордились им. Некоторое число сих народов, избегшее меча монголов и не хотевшее соединиться с ними, сделались «казаками».

Барон Брамбеус (О.И. Сенковский), знаток восточных языков, в 1834 г. (т. VI «Казаки») писал: «Мы не думаем, чтобы можно было рассуждать о происхождении слова «казак» без пособия ориентализма и его исторической критики... Слово «казак» есть собственное имя народа, который мы ныне называем киргизами. Кажется, что это поколение, издревле известное в Азии отвагою, хищничеством и ловкостью всадников, с давнего времени придало имя свое отрядам легкой конницы, употребляемой восточными властелинами для разных воинских назначений, подобно тому, как народное имя швейцарцев

[5] 2-е издание Областн. войска Донск. Статистического комитета, 1903.

превратилось в Европе в наименование известного рода служителей. То верно, что у монголов, завладевших Россией, оно означало, кроме киргизов, еще вооруженных всадников, не приписанных ни к какому улусу, не составлявших собственности никакого хана, ни бека, бежавших от своих кочевых владельцев, коротко сказать — «вольных воинов» из разных поколений, соединявшихся в летучие отряды. Слова «казак» и «вольный» были как бы однозначащие, и поэтому первое из них, соединяющее в себе притом понятие о войне, так нравилось беглецам из России и Литвы, поселившимся на Днепре и на Дону. Вот все, что при нынешнем состоянии ориентальной исторической критики можно сказать с некоторою достоверностью о происхождении слова «казак»; оно, по-видимому, ничего не имеет общего с именем Касогов. Не должно, однако ж, думать, чтобы понятие «казачества» не было известно на севере гораздо раньше слова казак. Оно, кажется, очень древнее и в некотором отношении может быть названо коренным обычаем северных народов, проявившихся в разные времена под разными именами. Здесь мы позволим себе одно сближение. Хотя слово «казак» есть собственное имя огромного народа, но оно очень давно сделалось уже нарицательным и притом имеет правильное производство от известного корня. Как нарицательное в восточнотурецких языках оно означает — бесприютный, скитающийся, никому не подвластный, вольный. Бабер часто употребляет в своем джигатайском наречии слова «казаклык, казакламак» в этом смысле. Как производное оно происходит от «каз» — гусь и значит гусак — «свободный, как дикий гусь», говорят турки.

Название черкесов, которые сами себя именуют «адигами», происходит от персидского слова «серкеш», испорченного грубыми устами горцев, и тоже значит — «неподвластный, бунтующий, вольный»[6].

Новгородцы, еще до нашествия монголов, славились своею «вольницей». Присовокупите к тому венгеро-славянское: гуса, гусар — «свободный всадник, бродяга, разбойник», происшедшее от слова гус (гусь), с его производными — «гусарити», т.е. разбойничать на море, «гусарица» — разбойничья лодка и т.д., и вы получите четыре однозначащих названия, четыре разных перевода одной и той же идеи. Вот почему донские и малорос-

[6] Черкес или серкеш в буквальном переводе означает «головорез». — *Авт.*

сийские казаки назывались попеременно то черкасами, то казаками, вольницей, то даже, как напр. новосербские их соседи и нередко товарищи, — гусарами[7].

Остатки ордынских казаков, не присоединившиеся к киргизам — своим соплеменникам, образовавшим новое ханство, могли быть первым ядром, около которого копились русские беглецы. Скоро это ядро могло исчезнуть от безженства, преобладавшего в скопище, и русское поколение, беспрестанно умножавшееся новыми пришельцами, остаться хозяином союза. Таким образом, говорит в заключение Сенковский, первоначальное соединение двух разнородных племен нисколько не мешает нынешним донцам быть сынами славянских предков».

Устрялов в своей «Русской истории» говорит, что донцы составляют чудную смесь разноплеменных народов; что язык их состоит из разных элементов; что в чертах их лица есть нечто азиатское и что казаки гордятся своим происхождением от черкесов и даже сами называют себя черкесами[8].

Д.И. Иловайский в «Истории Рязанского княжества» (Москва, 1884, стр. 203) пришел к заключению, что «в XV в. с одной стороны образуется в Рязанском княжестве особый класс служилых людей из передовой украинской стражи, а с другой — в Придонских степях собирается вольница из русских беглецов — разбойников».

То же самое о донских казаках говорит и Костомаров, признавая их не более как беглецами, а не какой-либо партией, стремившейся сделать изменение или переворот в обществе (Русская История, гл. XXI, Ермак Тимофеевич). Как тот, так и другой не делают серьезной попытки к объяснению этого загадочного для них слова «казак». Впрочем, Иловайский в своих «Розысканиях о начале Руси» (Москва, 1882, стр. 242), цитируя соображения проф. Бруна, помещенные в Записк. Од. Общ. Ист. и Др., т. XII, приходит к заключению, что название «казаки», вопреки всем попыткам объяснить его из татарских языков, есть, вероятно, то же, что казары, с его вариантами: «казахи» у Константина Багрянородного (X в.) и касоги в нашей летописи».

---

[7] По-словацки гусь-самец называется гусер, по-сербски — гуссар, по-чешски — hauser, husak, по-польски — gensior, по-древнеэтрусски — гас, по-осетински — газ.

[8] Казаки называли себя «черкасами», а не черкесами. Это ошибка историка. — *Авт.*

М.О. Коялович, известный исследователь по истории Западной Руси (ум. 1891 г.), высказался вообще о казаках, что это испорченные силы русского народа, питомцы неестественно натянутой русской жизни времен Иоаннов III и IV, негодные (?) люди, испорченные «злыми началами управления»[9].

Мнения историков Забелина, Соловьева и Ключевского о происхождении казачества я приведу после, а также попутно укажу и на взгляды по этому вопросу историков малороссийских и донских.

Историограф Карамзин, мнение которого я нарочито привожу после других, как более полное, говорит (т. V гл. IV), что «летописи времен Василия Темного, в 1444 г., упоминают о казаках рязанских, как особенно легком войске... Казаки были не в одной Украйне, где имя их сделалось известным в истории около 1517 г.; но, вероятно, что оно древнее Батыева нашествия и принадлежало торкам и берендеям, которые обитали на берегах Днепра, ниже Киева. Там находим и первое жилище малороссийских казаков. Торки и берендеи назывались черкасами, а также казаками[10]. Вспомним касогов, обитавших, по нашим летописям, между Каспийским и Черным морями, вспомним и страну Казахию, полагаемую греческим императором Константином Багрянородным в сих же местах; прибавим, что осетинцы и ныне именуют черкесов казахами. Столько обстоятельств, вместе взятых, заставляют думать, что торки и берендеи, называясь черкасами, назывались и казаками; что некоторые из них, не хотев покориться ни монголам, ни Литве, жили как вольные люди на островах Днепра, огражденных скалами, непроходимым тростником и болотами, принимали к себе многих россиян, бежавших от угнетения, смешивались с ними и под именем казаков составили один народ, который сделался совершенно русским, тем легче, что предки их с X в. обитали в области Киевской и уже были почти русскими... В истории следующих времен увидим казаков ордынских, азовских, ногайских и других; сие имя означало тогда вольницу, наездников,

[9] Напротив, в степи могли бежать только с сильным и свободным духом люди, а не негодные и испорченные управлением. Последние остаются на своих старых местах и с покорностью переносят гнет и унижения. Ведь все американские колонии основаны беглецами, бежавшими от гнета метрополий.

[10] О том, что *черные клобуки* назывались черкасами, говорят Воскресенская и Киевская летописи: «И сконя свою дружину пойде, пойма с собою Вячеславль полк весь и вся черные клобуки, еже зовутся черкасы».

удальцов, но не разбойников, как некоторые утверждают, ссылаясь на лексикон турецкий: оно, без сомнения, не бранное, когда витязи мужественные, умирая за вольность, отечество и веру, добровольно так назывались».

Далее (т. VIII, гл. IV) Карамзин собственно о донских казаках говорит:

«...но важнейшим страшилищем для варваров и защитою для России между Азовским и Каспийским морями сделалась новая воинственная республика, составленная из людей, говорящих нашим языком, исповедующих нашу веру, а в лице своем представляющих смесь европейских с азиатскими чертами, людей, неутомимых в ратном деле, «природных конников и наездников», иногда упрямых, своевольных, хищных, но подвигами усердия и доблести изгладивших вины свои, — то были донские казаки, выступившие тогда (в половине XVI в.) на театр истории».

Карамзин прямо не называет этих «природных конников и наездников» российскими беглецами, а лишь говорит, что «они считались таковыми», т.е. кем-то, по ходячему мнению, не основанному ни на каких серьезных исторических данных, а это обстоятельство имеет много шансов к более вескому утверждению его первого положения о том, что казачество на южной окраине нынешней России было известно ранее Батыева нашествия, что оно выступило в X в. на театр истории то под именем торков и берендеев, то черкасов и просто казахов или казаков.

Этот взгляд Карамзина, с нашей точки зрения, надо считать более правильным.

В следующих главах мы постараемся доказать, с приведением подробных исторических данных, что казачество как лихие конники, с копьями и саблями — на суше и отважные мореходцы — на море, представляя передовой оплот великого славяно-русского племени, было известно, под тем или другим именем, в глубокой древности, за много веков до Р. Х.; что оно обитало почти в тех же местах, которые занимает и ныне; что оно в XII в. до Р. Х. на 30 кораблях с берегов Дона, Днепра и Днестра ходило на защиту Трои, потом часть его проникла в Италию под именем гетов-руссов, а впоследствии основало Рим; что начиная с VI в. до Р. Х. и до XIII в. по Р. Х. оно наводило страх на персов и мидян, на греков и арабов; боролось с татарс-

кими ордами и в конце концов осталось победителем над всеми своими многочисленными врагами, на славу великих свободолюбивых предков и в назидание грядущему, несокрушимому и гордому потомству.

Глава II
Краткий обзор современных народов Северного Кавказа

Все народы Европы, принадлежащие к так называемому кавказскому племени, произошли от одного общего первобытного племени — арийцев, т.е. было то время, когда, по выражению Макса Мюллера, предки арийцев, как то: индусов, персов, греков, римлян, славян, кельтов, германцев и др. жили под одною кровлей, составляя одну семью, род[11]. Уже на пороге истории между отдельными отраслями арийского племени было довольно значительное различие как в образе их жизни, в нравах и обычаях, так и в религиозных воззрениях, и только сравнительное языковедение позднейших времен могло установить их первоначальное единство. На помощь к этому явилась археология и сравнительная антропология. Лингвистика ищет родственность народов в сродстве корней их первоначального языка, история культуры в связи с археологией — в общности культа, антропология же ищет родство народов в общих чертах их физического строения, в устройстве черепа и других частей тела. Одни из народов, благодаря климатическим, географическим, топографическим и другим условиям местности, сохранили в достаточной степени свой древнейший тип и особенности языка, другие же, ввиду неблагоприятных исторических событий, давно уже утратили не только свою политическую самостоятельность, но и народную индивидуальность, подпав под влияние более численного и сильного врага и приняв его язык, веру

[11] Слова: ар, эр, ир на всех древних языках арийского корня означают понятие «муж». Отсюда древнерусское «бойар» (бояр) — боевой муж и санскритское arya (ария) — благородный. Персы называют себя «ирами», осетины «ирон», а страну свою — «ирани-станом». Древнее ассиро-вавилонское и персидское сар (наше царь), санскритское сир и сарапе — господин, французское сер и английское сир имеют один и тот же общий корень ар, эр и ир.

и обычаи, и только сравнительная антропология указывает нам на те или другие физические особенности таких погибших народов, выделяющая их из общей массы, как единиц, искусственно присоединенных к чужому организму. Примером тому могут служить давно исчезнувшие, политически, народы Передней Азии, как то: шумеро-аккадийцы долин Тигра и Евфрата, за ними ассиро-вавилоняне (халдеи), финикияне, фригийцы, бактриане, лидийцы и др.

Из всех частей света Европа наиболее представляла благоприятные условия для смешения рас и племен. С древнейших времен на это влияли не только местные передвижения народов и междоусобные войны, но и переселение их с востока на запад, как то: болгар, угров, печенегов, половцев, татар и оттоманов. Это последнее обстоятельство вызвало беспрерывные войны, развило торговлю Европы с Азией, внесло в жизнь народов запада много обычаев и взглядов, унаследованных азиатскими народами от своих предков, создало помесь языков и произвело такой хаос в этнологических основах европейцев, что многочисленные исторические и лингвистические исследования не могли дать никаких объяснений, и лишь благодаря успехам этнографии, археологии и антропологии перед нами открылось далекое прошлое человека с его верованиями, взглядами, привычками и мировоззрениями.

С древнейших времен племя Гомер (гомо-ер, ир, ар) и Аскеназ (ас-кен-аз) — в народной таблице Моисеевой, потомки Иапета Гезиода, миф о Прометее и предание о переселении Девкалиона, сына Прометея, с Кавказа в Фессалию — у греков связывают Кавказ с историей Европы[12].

Самое слово Кавказ (от кау — село, поселение, по-осетински, и аз) означает жилище или поселение «азов», древних предков арийцев. Страна, лежащая между низовьями Дона, восточными берегами Азовского и Черного морей и Кавказским хребтом, у древних народов называлась землею «азов», asia terra, т.е. священная земля. Это родина и первобытное местопребывание богов и героев всех арийских народов. Кавказский перешеек с высокой горной цепью, перерезанный глубокими плодо-

[12] Слово «аз» или «ас», аза, ази, азен — священное для всех арийцев: оно означает бога, господина, царя или народного героя. Неркун-аз у литовцев и азы у древних скандинавов почитались как божества. Ассирвахдам — даю или желаю добра, господин, по-санскритски. Здесь слова «ас» и «сир» (саране) означают понятие — владыко, господин.

родными долинами и расположенный на границе двух частей света, так резко отличающихся и по характеру растительности, и по устройству поверхности, с юга плоская возвышенность, а с севера равнина, с доисторических времен представлял из себя как бы спасательный остров для всех обитавших близ него народов или случайно принесенных каким-либо течением из глубин востока и запада, потерпевших здесь кораблекрушение и за немногими остатками погибших исторически.

Кроме этих случайно заброшенных или укрывшихся от преследования более сильнейшего врага в неприступные дебри гор народов, Кавказ должен был иметь и своих первобытных жителей. Народы эти поселились там, надо полагать, весьма рано, раньше, чем населена была Европа, бывшая большею частью, как это доказывают геологические изыскания, долгое время, в третичный период, под водой и в четвертичный или ледниковую эпоху под льдом.

Хотя следы доисторического человека, большею частью найденные в Западной Европе, Бельгии, Франции, Австрии и Южной Германии, относятся к последней промежуточной, междуледниковой, эпохе, а более ясные к послеледниковой, но это показывает только то, что в этом отношении Западная Европа исследована лучше, Кавказ же со своими пещерами, дольменами и циклопическими постройками, которые мне самому приходилось видеть в области Осетии, по северным склонам гор, почти совсем не исследован, между тем как многочисленные следы здесь доисторического человека на каждом шагу являются очевидными. На Кавказе, как и в других местах, после каменного существовал также и бронзовый век, о чем сделал свой доклад знаток археологии профессор Д.Н. Анучин на IX археологическом съезде в Вильне в 1893 г., причем он указал на влияние этой культуры и на область Дона. Открытая в 1869 г. в Осетии, близ аула Кабан, древняя могила, исследованная Филимоновым, Антоновичем, Вирховым и другими, дает ясные указания на связь бронзовой культуры Кавказа с многими странами Европы. Позднейшие исследования могил этих древних обитателей Европы, известных под названием Неандертской расы, привели к заключению, что раса эта населяла все пространство европейского юга от берегов Дона до Атлантического океана и перебралась в Америку, которая некогда (в третичный период) была соединена сухим путем с Европой. В юго-западной Европе Неандертская раса, помнившая пещерного медведя

и мамонта, вымерла раньше, на Руси же она еще долго держалась и стала известна впоследствии (у Геродота) под именем Киммериан. Но это не были арийцы, так как исследования черепов Неандертского человека и найденного у нас в России близ села Гамарни (Каневского уезда) ясно показали, что древние обитатели Европы относились к длинноголовым (долихоцефалам) и пережили каменный период[13]. Черепа эти длинны и узки, надпереносье сильно выдается, выступы бровяных дуг толсты, темя посредине приподнято и округлено, лоб отлог, затылок выпуклый, зубы все, но стерты до десен, нижняя челюсть низка, мускульные прикрепления сильны[14].

Не будем говорить о том, где именно человечество впервые познакомилось с обработкой металлов, меди, бронзы, а потом и железа, так как этот вопрос в науке является спорным, но несомненно лишь то, что обитатели Кавказа с прилегающими к нему местностями, в том числе Ираном и Месопотамией, очень рано научились обрабатывать металлы; отсюда искусство это постепенно распространилось на юг и восток Азии и на запад в Европу. Носителями этой культуры по передней Азии были древние воинственные ассирийцы, а по Европе арийские племена, населявшие богатую металлами область между Черным, Азовским и Каспийским морями, западными склонами Ирана, равниной Месопотамии, Таврскими горами и гористой Каппадокией. Область эта в древности считалась колыбелью металлургии, благодаря богатым залежам железной руды, доставлявшей прекрасное железо и сталь[15].

К этим древним обитателям Кавказского перешейка в течение веков постепенно двигались новые народные массы с южных и северных берегов Каспийского моря, из-за Урала, с северных берегов Понта и других мест. Все эти дороги вели к подошве Кавказского хребта, где проходившие народы, испытав различные судьбины, постоянно встречались.

Таким образом на столь незначительном пространстве, как Кавказский перешеек, между туземными народами в дебрях гор вместилось множество последующих племен, путем мир-

---

[13] Неандертский череп найден в пещере Н-ой долины в 1857 г.

[14] Труды III Археолог. съезда в Киеве 1874 г. Известия Имп. Общ. любителей естествознания, антропол. и этнограф. Москва, 1860, т. XXXV, ч. I.

[15] По преданию, древних греков научили добывать и обрабатывать железо «халибы», арийское племя, жившее на берегах Понта. Именем этого народа греки и называли сталь.

ным или враждебным, целыми массами, поколениями, отраслями и колониями. Уже от древних цивилизованных народов не укрылась эта особенность Кавказа, так напр., царь Понтийский Митридат говорил на 20 языках кавказских горных племен, которых он старался привлечь на свою сторону в борьбе с Римом, а римляне для своих торговых сношений с Диоскуриасом (где ныне Сухуми) нуждались в 70 переводчиках, а по Плинию даже в 130.

В настоящее время между горными племенами Кавказа можно указать на семь совершенно самостоятельных коренных языков, разделяющихся на 80 различных отраслей и наречий; народы же, говорящие ими, распадаются на бесчисленные племена и маленькие народцы, имеющие каждый свои нравы, обычаи и наклонности, а также отличающиеся один от другого чертами лица, телесным развитием и религией, представляющей смесь язычества, христианства и мусульманства.

Народы Кавказа — арийской расы, а именно три группы: восточную — лезгино-чеченскую, западную — черкесско-абхазскую и среднюю — осетинскую — в настоящее время нужно рассматривать как только немногие остатки от той многочисленной и сильной семьи арийцев, населявших когда-то северные склоны Кавказских гор до берегов Дона и Волги и от берегов Азовского и Черного морей до Каспийского и потерпевших в течение многих столетий метисацию с восточными тюркско-монгольскими племенами, арабами и евреями, проникшими сюда из древнеперсидской монархии в VIII и VII вв. до Р. Х., а с запада — с греками и римлянами, а ранее того с доисторическими племенами Европы, известными у древнегреческих историков под именем Киммерийцев. Чистый арийский антропологический тип теперь можно встретить только в горных малодоступных областях Кавказа. Общие черты этого типа следующие: короткий, стройный стан, широкий в плечах и тонкий у талии; высокие, прямые, вытянутые в голенях ноги, круглая голова с высоким прямым лбом, тонким прямым или с горбиной носом, малым, круглым, подобранным подбородком, светлыми или темно-русыми волосами, голубыми, чаще карими глазами и белым чистым румяным лицом, в особенности бросающимся в глаза у молодого поколения. Как на особенности переходного типа (метисов) можно указать на черные, иногда с красниной, жесткие волосы на усах и бороде, выпуклый лоб, выдающийся

затылок (колпачком), горбатый, орлиный, или ястребиный, нос, а в Дагестане и Осетии часто семитический[16].

По исследованиям К. Курдова (Антропология лезгин, 1902 г.) более чистый тип лезгин сохранился в Самурском округе Дагестана — местности, изрезанной глубокими и дикими ущельями и защищенной с юга Кавказским хребтом.

Лезгины, древние Аланы-Лезги, самый многочисленный и храбрый народ на всем Кавказе; они говорят, собственно самурские, легким звучным языком арийского корня, но благодаря влиянию начиная с VIII в. по Р. Х. арабской культуры, давшей им свою письменность и религию, а также давлению соседних тюркско-татарских племен, много утратили из своей первоначальной национальности и теперь представляют поразительную, труднодоступную для исследования смесь с арабами, аварами, кумыками, тарками, евреями и др.

Соседями лезгин, на западе, по северному склону Кавказского хребта, живут чеченцы, получившие название это от русских, собственно от своего большого аула «Чачань» или «Чечень». Сами чеченцы свою народность называют Нахчи или Нахчоо, что значит люди из страны Нах или Ноах, т.е. Ноевой, так как, по народным сказаниям, они пришли около IV в. по Р. Х. в настоящее свое местожительство, чрез Абхазию, из местности Нахчи-Ван, с подножий Арарата (Эриванской губерн.), и, теснимые кабардинцами, укрылись в горах, по верхнему течению Аксая, правому притоку Терека, где и теперь еще есть старый аул Аксай, в Большой Чечне, построенный некогда, по преданию жителей аула Герзель, Аксай-ханом[17].

По филологическим изысканиям барона Услара, в чеченском языке есть некоторое сходство с лезгинским, в антропологическом же отношении чеченцы — народ смешанного типа. В чеченском языке встречается довольно много слов с корнем

---

[16] Дагестан — гора языков, по словам арабских писателей. И теперь в этой местности, что ни гора, ущелье, то отдельный язык, наречие, говор, мало понятный соседям. Среди этих народов издревле живут отдельными аулами евреи, занимаясь скотоводством, земледелием и торговлей; евреи эти заимствовали от древних персов их язык, а от местных жителей нравы и обычаи, оставшись верными религии праотцов.

[17] Кабардинцы или Кабары, по Константину Багрянородному (X в. по Р. Х.) были одно из казарских племен; часть этого племени, после междоусобной войны, ушла к Уграм и, соединившись с ними, представляла в их войске самую храбрую отборную конницу. Впоследствии конница эта стала называться хусары или гусары, т.е. казары.

«гун», как, например, в названиях рек, гор, аулов и урочищ: Гуни, Гуной, Гуен, Гуниб, Аргун и др.

Солнце у них называется Дэла-Молх (Молох). Мать солнца — Аза.

Из всех народов Кавказа наиболее всего ученых занимали осетины, живущие по горам и северным предгорьям Кавказского хребта, от Военно-Грузинской дороги на запад. Много было написано трактатов, разных исследований, гипотез об этом загадочном народе, об его далеком прошлом, языке, верованиях, нравах и обычаях, но, к несчастью, мало основанных на научных данных. Несомненно лишь то, что язык осетин, по исследованию известного немецкого лингвиста и санскритолога Макса Фридриха Мюллера, относится к одному из индоевропейских наречий иранской ветви, занимающей среднее положение между армянским и персидским, но ближе к языкам древних пельви и парси, сохраняя в то же время свои некоторые первобытные особенности. Как это обстоятельство, так и наблюдения в области сравнительного языковедения, скажу от себя — даже поверхностные, дали повод нашему московскому профессору В.Ф. Миллеру причислить осетин чуть ли не к современной германской расе, даже к немцам. Одно забывают наши ученые исследователи, впрочем, большею частью из немцев, что язык не есть еще показатель принадлежности данного народа к той или другой расе. Примеров к тому много налицо. Все литовско-славянские племена, населявшие до X в. по Р. Х. южные берега Балтийского моря и среднее и нижнее течения рр. Немана, Вислы, Эльбы и Рейна, как то: Пруссы, Венеды, Поморяне, Оботриты, Полабы и др. в настоящее время, как онемеченные, говорят на немецком языке, но это нисколько не может служить основанием к тому, чтобы их и в антропологическом и других отношениях также можно было причислить к германцам. Язык, нравы и обычаи, с потерей политической самостоятельности народа, могут быть поглощены более сильной культурой завоевателей, антропологический же тип может удержаться на целые тысячелетия и в особенности скажется в атавизме молодого поколения. Дети немцев-пруссаков поразительно похожи на детей малороссов наших Харьковской, Черниговской, Полтавской, Волынской и других губерний, не говоря уже о детях польского и белорусского крестьянства. Далее, по исследованиям Шантра, Эркерта и нашего антрополога И.И. Пантюхова, армяне с антропологической точки зрения в большинстве

случаев крайние брахицефалы, т.е. короткоголовые и в этом случае во многом сходны с сиро-халдеями и кавказскими горскими евреями. Английский ученый Бертинг считает их людьми одного типа с евреями допалестинского периода. Профессор Анучин говорит, что армяне — племя не арийское, а скорее арианизированное (по языку).

Доктор И.И. Пантюхов, воспользовавшись случаем, когда Тифлис был наводнен бежавшими из Турции армянами, в конце прошлого столетия, подверг многих из них антропологическому измерению, при чем нашел, что огромная часть из них, по своему физическому складу, оказалась чистокровными курдами. Среди армян очень много даже ассимилированных цыган. А между тем армяне говорят на одном из арийских языков и в этом только отношении причисляются к индоевропейскому племени.

Да. Название вещей меняется в истории народов, но под новыми словами живут старые факты, трудно изменяемые (В. Величко).

В языке осетин довольно много корней славянских, германских, древнеперсидских, греческих и латинских, т.е. общеарийских. Но причислять их только за это к одной из немецких народностей довольно рискованно и даже смешно. Нетрудно догадаться, что все это вышло из-за того, что все наши ученые в области сравнительного языковедения были из немцев, которые и старались все, что только есть хорошего у какого-либо из народов, в особенности входящих в состав России, приписывать своей расе, своему влиянию, своей культуре, отнимая это у других.

Осетинский язык имеет много диалектов; главные из них: тагаурский, куртатинский, дигорский, валаджирский, джавский и др. Дигорец с трудом понимает тагаурца и валаджирца. Тагаурское наречие считается более чистым, т.е. оно более других приятней для слуха европейца и может легче других быть усвоено, между тем как остальные изобилуют неопределенными гласными, большею частью протяжными, нелегко запоминаемыми, твердыми шипящими, гортанными и горловыми, так неприятно действующими на слух цивилизованных наций. Кроме индоевропейских, в осетинском языке немало есть слов туранских и семитских, в особенности в собственных именах. В общем замечено, что во всех горных ущельях буква С произносится как Ш, ДЗ и Ц как Ч, т.е. чем глубже в горы, тем произношение тверже, и наоборот.

Река по-осетински называется «дон», отчего все реки Осетии имеют следующие названия: Гизельдон, Садон, Нардон, Закидон, Сонгутдон, Мамисондон, Ардон, Лаядон, Фиагдон, Пацадон, Ксандон, Урухдон и др.[18] Названия рек и вообще воды «дон, тон, дан, тан, тун, дун» очень древние, встречающиеся на пороге истории арийских народов по всей Европе и западной Азии и удержавшиеся до настоящего времени только в одном языке осетин. Вардан — кипящий, пенящийся дан, Кубань — по Птолемею (II в. по Р. Х.); Тан, Танаис (Танай, Данай) — Дон; Данапр, дан с порогами — Днепр; Данастр — дан-стрый, быстрый, струйный — Днестр; латинский Данубий, немецкий Донау, осетинский Дуней-дон, т.е. всемирная река, Дунай[19]. Дуна — Двина, Родан — Рона, Эридан — Рейн или какая-то другая северная река, скорее Неман, на берегах которого добывался янтарь. Радус или Эриданус — По, в Италии. Яксарт — нынешняя река Аму-Дарья, в древности также называлась Танаис, иногда Раса, как и наша Волга — Ра, Ара, Арас[20]. Река Висла носила название Танаквисл, Танаисл или просто Исла. Неман в более древнюю эпоху назывался Рудон, а в позднейшую Рось. Поросье, собственно, нижнее его течение. Устья рек носили общее название «донье», «тонье» или «тоня», удержавшееся до сего времени во многих местах славянских земель, как напр., у нас и у сербов[21]. Древние города, расположенные по берегам рек — «данов», носили названия: немецкий Данциг, польский — Гданск, при устьях Вислы: Сингидан или Чингидан, Новиодун, Лунгдун (Лейден), Лондон[22], Каргодун или Кракодун — Краков. Тания или Дания — местность, изрезанная реками (данами), проливами. Датчане или Даны у поляков называются дуньчики. У англосаксов даны или таны были привилегированным сословием, подобным нашим боярам; об этом сословии мы будем говорить ниже. Древние божества с окончанием дон, тон и тун: Посейдон и Нептун — боги воды, моря и Плутон — бог ада, подземного огня (Вулкан), у греков и рим-

[18] Днестр по-осетински — Дон-стир, большая река. Днепр — Дон-бире (воды много), полноводная река.

[19] Страбон говорит, что древним грекам известно было только нижнее течение Дуная под именем Истера или Истра.

[20] Птолемей (II в.) и Аммиан Марцеллин (IV в.). По-мордовски Волга также называется Ра.

[21] Донье, низовье, дно. Dunen — низовья Рейна.

[22] Р. Темза или Тамиза, на которой расположен г. Лондон, в древности называлась Лоно-дон, т.е. широкий дон.

лян; Годан или Одан — бог воды у германцев, у славян Водан; Дон-беттер — бог воды у осетин, как Ю-беттер (Юпитер) у древних лидийцев — царь небесный и Юмал — бог добра; отсюда Юдан — бог дождя, небесной воды[23]. Одним словом, название воды или рек «дон» было известно тому доисторическому народу, от которого Eridanus, знаменитая мифическая «река борьбы», получила свое название. Название рек с прибавлением «дон» встречается в языках санскритском и семитических, как то: аравийском, финикийском и других, например: Иордан, с притоком Дан; в Египте Танис или Таникум — один из правых рукавов Нила; Сардон или Сирдон, Ладон, Гесперидон и т.д. В Малой Азии часть исторических рек также имела окончания «дон»[24]. Но все это нисколько не подтверждает гипотезы некоторых наших ученых о том, что будто бы когда-то существовала какая то осетинская цивилизация, простиравшаяся на все пространство Европы, западной Азии и северной Африки. Это только доказывает историческую связь арийцев с Кавказом, как и присутствие во всех индоевропейских языках слова «ази, аза, азен и азе», означающего бога, господина, вождя или народного героя. Арийская раса, а какой именно народ, об этом мы будем говорить ниже, господствовала на всем указанном пространстве и свои этимологические особенности языка в более первобытной форме удержала только в одном из своих представителей — в осетинском народе, укрывшемся от чужеземного влияния в дебри Кавказа. По мнению некоторых лингвистов, при помощи осетинской этимологии можно объяснить многие непонятные слова, встречающиеся в арийских языках всех стран. Но это мнение преувеличено, так как осетинская этимология не так уж богата, чтобы ею могли пользоваться европейские языковеды для объяснения некоторых малопонятных или веками утративших смысл индоевропейских корней; в отношении же названий предметов семейно-домашнего обихода вывод этот в некоторой степени верен. Но сходство эти названия скорее всего имеют с языками древнеперсидским, древнеславянским, русским и литовским, но никак уж не с немецким, как об этом трактовал в своих осетинских этюдах в 1881—1887 гг. московский профессор В.Ф. Миллер. Этот языковед в осетинском языке нашел до 600 корней, будто бы имеющих большое сходство с разными

[23] Юмал — Бог у эстонцев.
[24] Плиний, V, 29.

немецкими наречиями, чем немало смутил других русских ученых и вселил уверенность в осетинском народе о родственности его с германцами. Одно забыл этот почтенный ученый, что немецкий язык сравнительно недавнего происхождения. Древние германцы, по исследованию известного немецкого географа и историка Кледена, занимались лишь войною и охотой, презирали городскую жизнь, любили ленивый покой, мало имели понятия о торговле, ремесле и промышленности и до римлян даже не знали употребления денег. Следовательно, это были дикие варварские племена, одевавшиеся в звериные шкуры, занимавшиеся лишь войной и грабежами соседей и не оставившие после себя ни памятников искусства, ни письменности, а также и следов языка, на котором они говорили. Недавно в Тевтобургском лесу, в Вестфалии, во время работ землекопы наткнулись в толстом слое торфа на удивительно сохранившийся труп древнегерманского воина.

Хирург, доктор Гротиан, и многие археологи, явившиеся на место находки, признали по одежде и оружию в найденном трупе одного из древних тевтонов, так хорошо описанных Тацитом. Тело необыкновенно хорошо сохранилось. Только кожа слегка почернела и местами сморщилась, зубы же остались удивительно белыми, а волосы, очень длинные, сохранили красивый рыжеватый цвет. Черты лица довольно крупны и резки.

С виду германцу лет тридцать, а рост его равняется 1,85 метра. Он был покрыт толстым плащом из темно-коричневой шерсти, с вытканными на нем рисунками. На ногах были кожаные сандалии, чудесно сохранившиеся, длиной 33 см (около половины аршина). Вот образец германца со всей его цивилизацией.

Нынешний немецкий язык имеет много общего с языками голландским, датским и шведским и отличается от них лишь выговором. Вместе с христианством и вообще римской культурой в него вошли слова и даже целые фразы языка латинского, как развитого и литературного, названия религиозных обрядов, образа правления, законодательные термины, а также наименования разного рода учреждений и проч. Но самое главное — это то, что в язык немецкий вошло много слов литовских и славянских, исковерканных и переработанных на свой лад в течение веков до неузнаваемости. Только современные беспристрастные лингвисты могут разобраться в этом. Некоторые немецкие ученые последнего времени откровенно сознаются, что для объяснения значения многих будто бы древнегерманских корней им при-

ходится изучать древнеславянский язык в его многочисленных говорах и наречиях. Дело в следующем: соседями германцев на севере и востоке были многочисленные племена славян и литовцев (Пруссов). Из славянских племен известны: Бодричи — на границе с Данией, Лютичи — в нынешнем Бранденбурге (Бранном боре), Венды, Поморяне — по берегам Балтийского моря, в Померании, к востоку от устьев Одера; Гаволяне, Лужичи, Сербы Полабские (по Эльбе), Силезцы, Великополяне и др. Словом, от р. Рейна, славянской Рины, до Вислы все земли были населены славянами. Тацит в 60 г. по Р. Х. говорит, что германцы не знают еще городов, славяне же строят прочные деревянные дома и укрепленные города для обороны от неприятелей. В славянских землях, говорит Кледен, торговля и ремесла процветали до такой степени, что миссионеры не могли иначе выразить своего удивления, как сравнением Поморья с обетованной землей. У Вендов тоже процветало скотоводство и земледелие, так что в открытых полях находились всяких родов овощи и т.п. Оттуда вывозились соленые и копченые сельди, мед, воск, лен, полотна, пенька, хмель, бревна, доски, смола, поташ, сукна, меха, кожи, сало и копченое свиное мясо, до которого и тогда уже были лакомы германцы. Славяне даже имели свою особую письменность, о чем будем говорить ниже. Начиная с X в. германцы, объединенные Карлом Великим в сильную монархию, наступательно двинулись на восток, покоряя и истребляя одно за другим многомиллионные славянские племена, и под тяжелым гнетом своим шаг за шагом убили их народность и их язык. Вся нынешняя германская низменность есть сплошное славянское кладбище.

Вслед за славянами потеряло свою народность и свой язык под тем же гнетом и литовское племя Пруссы, обитавшие между устьями Вислы и Немана, в Поросье. Славяне защищали свои родные земли отчаянно и с героизмом, но искусственно разъединенные и разобщенные хитрым и дерзким врагом, действовавшим где силой, где интригой и подкупом, легли костьми среди своих полей и лесов и под развалинами своих сел и городов. Мицкевич в «Конраде Валленроде» говорит, что нашествие немцев было для славян хуже чумы или другого какого-либо мора, так как при этих бедствиях гибли только некоторые города и села, при нашествии же немцев гибло все:

Где ж сила немцем проходила,
Там целый край уже могила.

Слова эти глубоко верны, ибо они рисуют нам германизм как могилу славянских народностей.

Древние германцы, как сказано выше, жили в лесных шалашах и юртах и занимались лишь войной и охотой, мало имели понятий о торговле, ремеслах и промышленности, а также об архитектуре; не знали и письменности; следовательно, не могли иметь в своем языке тех названий, которые необходимы для выражения понятий о предметах, качествах и действиях народам оседлым и более культурным. Все это германцы в течение веков должны были поневоле заимствовать от культурных соседей, и главным образом от славян и римлян.

Славянские названия местностей, сел и городов германцы переделали по созвучию на свой лад: Брани-бор, в стране Лютичей, в Бранденбург, Микулин-бор в Мекленбург, Гамбор в Гамбург, Поморье в Померанию, Стрелов в Стрелиц, Лужицу в Лаузац, Будисин в Баунен, Липс в Лейпциг, Русиславу в Руслау, Прусаков в Прайсен, Вельбор в Вилленберг, Выструг в Истербург, Острог в Остерроде, Кролевец в Кенигсберг, Колобрег в Кольберг, р. Лабу в Эльбу, Рину в Рейн.

Немцы уродуют не только чужие слова, но и свои собственные: там, где д, они произносят т; где т, там д; где г, там к; где к, там г; где б, там п и наоборот. Заставьте немца произнести пить, он скажет бить; велите сказать быть, он скажет пить. Славянский плуг они переделали в флюг.

Глагол пахать — в флюген — pflügen; полк — в фольк; холм, скалу, остров — в гольм — Holm; соху — в Zoche и т.п. Кто желает убедиться, сколько славяно-русских корней в немецком языке, пусть возьмет сравнительный словарь этих языков и вспомнит при этом историю того и другого народа. Беспристрастный исследователь укажет нам, славяне ли заимствовали слова у немцев или немцы у славян.

Германцы не знали также горного дела: в саксонском горном календаре, изданном в 1783 г., сказано, что славяне первые там начали разрабатывать руду и им принадлежали все первые горные рудники. Все технические горные названия сохранились там по сие время, и названия эти вендо-славянские, выдаваемые немцами за древнегерманские[25].

---

[25] Славянское название «немец», венгерское «nemet» (сноска 1) означает «неемец», от слав. глагола «не имать», неимеющий, бездомник. Граф от greifen — грабить. (Вспомнить историю появления графов.) Haben — хапать, как и латинское capio — беру, хватаю.

После всего этого спрашивается: какого же языка корни профессор Миллер нашел в языке осетинском? При сравнении, даже поверхностном, словаря осетинского с славяно-литовским, латинским, древнеперсидским и санскритским ясно бросается в глаза, что многие корни этого языка по своему значению общи языкам индоевропейским и более всего сходны с персидскими, языка парси, и древнерусскими. Так, например: газ — гусь, сар — голова (царь), мад — мать, дуар — дверь, аик — яйцо, карн — курица, аз — год, хор — хлеб (кор — корка), манг — обман, тарк — торг, зимег — зима, мест — месть, геди — гадкий, раст — прямой, хорз — хороший, ней — нет, стин — стоять и т.п.

Глава III
Черкесия и ее прошлое

К западу от Осетии, по северным склонам Кавказского хребта, живут черкесы; кличка эта дана им в прежние времена азиатскими народами за их дерзкие разбойнические нападения на море и означает в буквальном переводе «головорезы» (по-персидски серкеш — головорез). Обыкновенно черкесами называют все племена горцев, населяющих восточный берег Черного моря от устьев Кубани до пределов Абхазии, но такое обобщение не совсем верно, потому что эти племена отличаются друг от друга как по своему происхождению, так и по языку. Собственно, к черкесам относятся одни только «адигейцы», самое красивое племя из кавказских горцев. (Адиге — остров на всех языках Кавказа.) Адигейцы разделяются на многие племена, из которых натухайцы и шапсуги в половине прошлого столетия занимали ближайшие к нашим границам земли от Анапы до р. Вардан.

Эти два племени, сходные по происхождению, говорят одним языком, с небольшим различием в наречии, и составляют население в 150 тыс. душ. Адигейцы имеют свою азбуку и даже грамматику.

Из других черкесских племен в прошлом веке были известны: тюкайцы, темиргойцы, безсленеевцы, хегайковцы, абадзехи, бжедухи, гизе, мохошевцы, убыхи, кемгуй, кабардинцы и др., всего около 527 000 человек[26]. Число черкесов значитель-

[26] История войны и владычества русских на Кавказе. Дубровин. 1835.

но уменьшилось вследствие массовых выселений в Турцию после Крымской войны; дальнейшие выселения после войны 1877—78 гг. и в 1889—90 гг. низвели число их до 152 тыс. Шапсуги и убыхи выселились все, абадзехи и бжедухи наполовину. Они поселились в Азиатской Турции около озера Ван, близ Ерзерума и Трапезунда и теперь представляют в Турции иррегулярную кавалерию, известную под названием «баши-бузуков», тоже — головорезов. В прежние века некоторые племена черкесов, живших на подгорных равнинах, подчинялись крымским ханам, но шапсуги и кабардинцы вели в продолжение 200 лет такую ожесточенную войну с крымцами, что целые племена их были истреблены до одного человека, например племя хегайковцев.

В конце XVIII века силою судеб на Кавказе, на р. Кубани, появляется новый, сильный и оригинальный народ, и именно в то время, когда стала разгораться борьба России с горскими племенами. Это были запорожские казаки, переселившиеся туда из Добруджи и других мест и ставшие лицом к лицу с дикими и воинственными соседями. Расположившись на привольных кубанских берегах, Черноморское войско нашло на отведенных ему местах остатки сильных черкесских племен, воевавших с ногайцами, а иногда и вместе с ними вносивших опустошение и меч за Дон, в глубь русских земель.

Запорожцы в первые годы своего пребывания на новых местах жили с черкесскими племенами мирно, взаимно изучая и интересуясь друг другом, а потом завели даже дружбу и куначество. Видимо, новые соседи ценили друг в друге удаль, отвагу и рыцарский дух. Затем, с развитием борьбы России с черкесскими племенами, запорожцы приняли в ней деятельное участие, покрыв вновь славой свое древнее рыцарское имя.

Сохранилось предание, записанное В.А. Потто, что всю местность и все разливы близ устьев Кубани занимало некогда хегатское племя, ближайшее к владениям крымских татар, а к юго-востоку от них обитали жанинцы — сильный и страшный для соседей народ, выставлявший до 10 тысяч превосходных всадников.

Жанинское племя было некогда на Кавказе сильным и могущественным, резко отличавшимся от других черкесских племен своею отвагою, гордостью, духом независимости и пламенным характером. Жанинцы исповедывали чуть ли не с первых веков нашей эры христианскую веру и говорили на славянском

языке. Собственно, это были не черкесы, а кубанские «черкасы», древнее и сильное славянское племя, черкасское казачество, о котором будем говорить ниже. Хегатцы и жанинцы в течение нескольких веков с отчаянным упорством отстаивали свою веру и независимость; часть их раньше, в X, XI и XII вв., переселилась на Днепр, а остальные в конце концов погибли в неравной борьбе с врагами; остатки их в семидесятых годах XVIII в. были истреблены чумою. Запорожцы на их месте нашли лишь несколько бедных хижин, разбросанных по Кара-Кубанскому острову. О христианстве древних кубанских черкасов свидетельствуют сохранившиеся доныне многочисленные развалины храмов, чтимых как святыни не только нынешними черкесами — христианами, но даже и магометанами: об этом также говорит барон Сигизмунд Герберштейн в своих «Записках о Московитских делах», составленных в 1517—1526 годах. Этот выдающийся ученый писал, что «около болот Меотиды и Понта (Азовского и Черного морей), при реке Кубани, впадающей в болота, живет народ Афгазы (Абхазы). В этом месте вплоть до р. Мерузы, вливающейся в Понт, находятся горы, по которым живут черкесы или цики (сиги или чиги Страбона). В надежде на неприступность гор, они не повинуются ни туркам, ни татарам. Однако русские свидетельствуют, что они христиане, живут по своим законам, согласуются с греками в вере и обрядах и совершают богослужение на славянском языке, который у них в употреблении. Это самые дерзкие морские разбойники, ибо по рекам, текущим с их гор, они спускаются на судах в море и грабят всех, кого могут, в особенности плывущих из Кафы в Константинополь». (Стр. 159 и 160).

На карте Московии, составленной по Герберштейну[27], в углу между Азовским морем и Кавказским хребтом, именно в том месте, где протекает р. Кубань, отмечено средним шрифтом CIRCASI POPULI, т.е. черкасские народы, а к северо-востоку, на меридиане Крестового перевала, приблизительно там, где ныне Пятигорье, отмечено мелким шрифтом: черкасы пятигорские. Выше черкасов, там, где ныне северная часть Кубанской области и Ставропольская губерния, крупным шрифтом отмечено: TARTARIA, Татария, а по нижнему течению Волги, по обеим сторонам, — ногайские татары.

Кубанские черкесы, вернее черкасы, продолжали быть христианами и во второй половине XVI века, при царе Иване Васи-

[27] Базельское издание «Записок», 1556.

льевиче Грозном. Карамзин в V главе, т. VIII, своей «Истории Государства Российского» говорит:

«Кроме Ногаев, послушных князю Исламу, верному союзнику России, и донских казаков, царь имел на юге усердных слуг в князьях черкесских: они требовали от нас полководца, чтобы воевать Тавриду, и церковных пастырей, чтобы просветить всю их землю учением евангельским. То и другое желание было немедленно исполнено: Государь послал к ним бодрого Вишневедского и многих священников, которые в дебрях и на скатах гор Кавказских, основав церкви, обновили там древнее христианство». Ученый миссионер времен царя Алексея Михайловича, родом кроат, посетивший Россию и пробывший в ссылке в Тобольске около 15 лет, в оставленных им записках ясно говорит, что черкесы — славянского племени и исповедуют христианскую веру. В подтверждение этого мнения можно привести еще следующее обстоятельство. В 1865 году наш отряд, прорубавший в девственном лесу просеку между Туапсе и Шахэ, в урочище Хан-Кучий, раньше населенном истребленным черкасским племенем христиан хануче́й, нашел на одном из старых гигантских дубов вырезанную древнеславянскими буквами надпись следующего содержания: «Здесь потеряна православная вера. Сын мой, возвратись в Русь, ибо ты отродье русское».

Современные этнографы обыкновенно относят черкесов к тюркско-татарскому племени. Но это не совсем верно, так как среди массы населения попадаются на каждом шагу не только отдельные лица, но даже целые аулы с чисто арийскими профилями, овалами лиц и выражением глаз, усмешкой и ухватками, до поразительности схожими с казачьими, особенно казаков терских. Темно-русые волосы на голове, светлые с краснинoй на усах, высокий лоб, прямой, немного с горбиной нос, подобранный подбородок и серые или светло-карие глаза дополняют это сходство, но иллюзия тотчас пропадает, когда заговоришь с ними по-русски: они ни слова не понимают. В особенности достойны изучения в этом отношении жители аула Карм, расположенного к северо-западу от Эльбруса. Масса лиц встречается и с тюркско-татарскими типами, но в большинстве черкесское население, как бы оно разнообразно ни было, имеет свой особенный облик, свойственный всем горским народам

Кавказа: угрюмое, почти злое выражение лица и черных глаз, сухой и гибкий стан, с тонкой талией и широкими плечами, горбатый, часто семитический нос, высокие голени с небольшой стройной ступней.

Селения черкесов обыкновенно расположены в живописных местностях, но разбросаны без всякого порядка и скрыты за деревьями, увитыми виноградными лозами так, что издали трудно бывает их заметить. Жилища их — это древние запорожские курени: продолговатый четырехугольник из плетня, обмазанного глиной, с очагом посредине и с навесом (причолком) у входной двери. Над очагом к соломенной крыше подвешена высокая плетенная из хвороста и обмазанная глиной труба. Внутри по стенам развешено дорогое оружие. Вокруг печи приделаны полки или подвешен шкаф для посуды. Широкие, низкие кровати, покрытые войлоком или коврами, и небольшие круглые столы, расставленные в разных местах комнаты, довершают ее украшение.

Для объяснения всего вышесказанного обратимся к древней истории этой интересной страны, которую осетины и до сих пор называют казакией, и ее загадочного народа, известного у греческих и римских историков и географов под многими разными названиями. Страна эта обнимала все пространство, простиравшееся по восточным берегам Азовского и Черного морей, от нижнего течения Дона до предгорий Кавказа.

Еще задолго до появления в этих местах греков финикияне, имевшие уже сильный торговый флот, плавали по Черному морю и заходили до той дальней восточной «земли», куда их, как и позднее греков, привлекала молва о золотых россыпях и о богатстве далеких баснословных стран.

В этих странствованиях финикийцы из Черного моря заходили в Азовское, в р. Дон и по р. Манычу, которая в то отдаленное время была многоводна и служила проливом между Азовским и Каспийским морями, — проникали в р. Волгу и Урал, куда из стран Приуральских действительно могло доставляться золото. О пребывании на берегах Маныча финикийцев свидетельствуют найденные лет сорок тому назад в берегах большого манычского озера Гудилы остатки древнего финикийского корабля, построенного из очень крепкого дерева с медными гвоздями. Устье р. Дона в то время было гораздо выше нынешнего, и, быть может, Манычский пролив вливался прямо в древнюю

Меотиду, т.е. Азовское море[28]. Кроме золота, купцы вывозили из этих мест и другие металлы, рыбу, какой нет в других морях и реках, как напр. красную, мед, воск, пушной товар и хлеб.

Древние писатели говорят также о плаваниях по Черному морю карийцев, бывших то союзниками, то соперниками финикийцев.

Развившееся впоследствии мореходство у греков заставило финикиян уступить свои рынки этим последним и прекратить свои экспедиции в эти страны.

С VII и VI в. до Р. Х. греческие торговые колонии, милетские, уже появляются по берегам Черного и Азовского морей, как напр. Синоп (на южном берегу Черного моря), Фазис, Диоскурий (на восточном), Пантикапея, Нимфея, Феодосия и Ольвия (на северном). Дорические колонии: Гераклия Понтийская, Херсонес Таврический и др. Ионийские: Фанагория на Таманском полуострове, Пантикапея, как расположенная при Керченском проливе (Босфор Киммерийский), близ нынешнего города Керчи, держала в своих руках всю рыбную и хлебную торговлю восточной половины Скифии; р. Танаис (Дон) и Волга представляли удобный путь для привоза продуктов дальних, северных и восточных стран.

Таманский полуостров представлял группу островов между рукавами Гипаниса (Кубани); здесь находились города: Фанагория, Кепы, Гермонасса, Киммерион, Ахиллеон, Апатурон и др. Несколько южнее, к берегу Понта (Черного моря), лежала «гавань синдов» (индов) и Горгиппия. Древнейшие обитатели Босфора были Киммериане, полудикое первобытное племя. О господстве их прямо говорят Геродот и Страбон. Их вытеснили скифы[29].

Восточные берега Азовского моря до Кавказских гор в V в. до Р. Х. занимали племена сарматов или савроматов. Греки, строя свои города на землях этих народов, становились первоначально в зависимость от них или платили им дань за занимаемую землю. С одной стороны, им приходилось бороться с этими племенами, с другой, благодаря неизбежному смешению с греками, племена эти перенимали греческий язык и культуру и превращались таким образом в полугреков; так, например, Гелланик называет эти народы миксэллинами.

---

[28] Географическое развитие дельты р. Дона в связи с ее заселением. В.В. Богачев.

[29] Русские древности в памятниках искусства. И. Толстой и Н. Кондаков, Вып. 1. СПб. 1889.

Основание Пантикапеи относят к 511 г. до Р. Х., т.е. к промежутку между походом Дария на скифов и разрушением Милита персами. В V в. она уже стояла во главе союза босфорских греческих городов, носившего общее название Босфора. В 438 г. до Р. Х. один из туземных князьков, именем Спартак, соединил под своею властью оба берега Босфора и положил таким образом начало Босфорскому царству, просуществовавшему до конца II в. до Р. Х., а потом пришедшему в упадок и покоренному Митридатом — царем понтийским[30].

В тот же период времени, т.е. около VI и V вв. до Р. Х., босфорскими греками в устьях Дона (Танаиса) был основан новый город под названием Танаиды. Эта греческая колония, выдвинутая далеко на северо-восток, глубже всех прочих колоний, во времена Геродота (V в. до Р. Х.) не считалась уже новым городом и имела значение в торговле Греции по вывозу невольников, рыбы, выделанных мехов, сыромятных кож и хлеба. Чрез нее ввозились предметы греческой культуры, как то: сукна и другие ткани, вина, оружие, посуда, разные металлические изделия и мелкие товары.

Около Рождества Христова Танаида достигла цветущего состояния и сделалась самым оживленным пунктом для торговых сношений греков с восточными народами. Вскоре она была разрушена до основания понтийским царем Пелемоном, ставленником Рима, завидовавшим ее процветанию, так что во времена Плиния (I в. по Р. Х.) город этот уже не существовал.

По археологическим изысканиям позднейшего времени, а также раскопкам хранителя музея Императора Александра III А.А. Миллера, произведенным в 1908—1910 гг., в достаточной степени установлено, что древняя Танаида (первая) была расположена близ нынешней Елизаветовской станицы. Город этот находился на острове, незатопляемом в половодье, окруженном водой: с севера — рукавом Дона, проходившим по ерику Дугину (теперь — Камышовое болото), с востока и юга — Доном и полузаглохшим ныне ериком Казачьим, а с запада — морем, которое в то время, надо полагать, простиралось выше нынешнего своего местоположения.

Найденный А.А. Миллером при раскопках в указанном месте материал по стилю золотых вещей, керамике, по клеймам на глиняных амфорах относится к V—III вв. до Р. Х. и должен

[30] Страбон, VII, 4, 4.

быть разделен на две категории: 1) предметы греческой техники, служившие местным туземным жителям при торжественных случаях народной жизни, и 2) предметы туземного производства, употреблявшиеся в повседневной жизни. Первые найдены в могилах, вторые — при раскопках городища и особенно жилищ. Могилы устроены по одному образцу: они представляют собою прямоугольные или квадратные ямы, глубиной около одного метра, со стенками, обложенными толстым слоем местного камыша.

Скелеты расположены большею частью головой на запад, при этом в ногах всегда находятся амфоры и другие глиняные сосуды и кости лошадей, ожерелья, шейные обручи (гривны) и оружие обыкновенно лежат на своих местах. Ввиду чрезвычайной сырости почвы бронзовые и железные изделия совершенно уничтожены ржавчиной. Внешняя форма могил почти всегда курганы полушаровидной формы, обложенные вокруг кольцом — оградой из камней.

Из этих погребений можно вывести заключение, что в древней Танаиде жили богатые скифы — славяне и греческие купцы, сносившиеся с Грецией, а большею частью с Пантикапеей, выходцами которой Танаис и был основан[31].

Самое городище расположено посредине курганного могильника. Оно очень обширно и состоит из двух частей, окруженных валами. При этом внутренний вал значительно больше наружного. Верхний слой почвы состоит почти целиком из мусора, черепков, пепла, угля, черепицы, остатков пищи (кости рыб, баранов, птиц и лошадей), каменных грузил от сетей, остатков построек из необтесанного камня-дикаря, скрепленных глиной и крытых камышом или черепицей, и стеклянного шлака. Последний факт указывает на практиковавшееся здесь производство стекла.

Городище все изрыто кладоискателями почти за две тысячи лет до нас. На окраине его курганный некрополь (кладбище). Можно установить и место акрополя (крепости).

Ниже г. Танаиды, в ста стадиях от него, т.е. около 17—20 верст, Страбон указывает населенный разными племенами остров Алопекию. По исследованиям геолога В.В. Богачева, остров этот мог находиться близ нынешнего села Кагальника.

---

[31] О погребальных обычаях языческих славян. Исследование А. Котляревского. Москва, 1868.

Через сто лет после разрушения Танаиды в устьях Дона возрождается новый город, и уже не на прежнем месте, так как, повидимому, река там к тому времени сильно обмелела или отошла по другому руслу, а на правом берегу Мертвого Донца, близ нынешнего хутора Недвиговского Елизаветовской станицы. Местность эта сильно изрыта: раскопками открыто два курганных некрополя; найдены остатки валов, фундаменты капитальных зданий, а также многие предметы и надписи на камнях и монетах, ясно свидетельствующие о существовании здесь торгового города со смешанным населением, управлявшегося архонтами[32] и имевшего сношение с Босфором. Гавань этого города, носившего название Танаиды 2-й, была доступна для морских судов. В IV в. по Р. Х. он был разрушен гуннами, так что к концу этого века о нем уже не упоминает ни один из византийских писателей. Степи, прилегающие к Меотиде, представляли обширные пастбища для скота кочевых народов, которые, по словам Страбона (VII, 3, 17), «жили в различных местах, смотря по тому, какое из них в данное время обладает хорошими пастбищами, — зимою на болотах около Меотиды, летом на равнинах». Кроме скотоводства, местные жители занимались в обширных размерах хлебопашеством и рыболовством, в особенности на восточных берегах Азовского моря. Страбон также говорит о разведении в босфорском царстве и винограда, где его на зиму, по причине холодов, закапывали в землю; но плоды этой лозы были мелки (II, I, 16 и VII, 3, 18). О процветании земледелия в древнейшие времена на равнинах нижнего Дона и в особенности Кубани указывает существовавшее в то время поклонение в этих местах богине земли, именуемой «Апия, Опия и Опс», отсюда распространенное название этой богини «Европия» или «Деметер» (Dea Mater), которой, по словам Геродота, гиперборейские или северные девы приносили в жертву пучки пшеничных колосьев как первые плоды своих полей. На это указывают также найденные в курганных раскопках на Таманском полуострове изображения на разных предметах, бляхах, ожерельях, стенах могильников и проч. хлебных колосьев, цветов мака, домашних и диких животных, плодовых деревьев, сошников и проч., а позднее — виноградных гроздьев.

Во время Геродота и его современника Гиппократа, т.е. в V в. до Р. Х., на юге нынешней России и в Приазовье климат

[32] Старейшинами.

был гораздо суровее, чем теперь. В течение восьми месяцев, говорит Геродот (IV, 28), там стоял нестерпимый холод, а пролитая в это время на землю вода не делала грязи, разве разведешь огонь. Азовское море и Керченский пролив, даже часть Понта, как говорит Помпоний Мела, замерзали так, что живущие там свободно переезжали через пролив с одного берега на другой на телегах с тяжестью. В остальные четыре месяца также стояли холода и шли непрерывные дожди. Гиппократ:

«...с севера постоянно дули холодные ветры, южные же доходили редко и то слабые. Густой туман окутывал днем равнины: люди жили в сырости, вдыхая сырой туман... так что там постоянно был холод, летняя же жара всего несколько дней и то не сильная... Жители зимой и летом употребляли одну и ту же пищу и носили одну и ту же одежду. Воду пили из снега и льда; телесных упражнений никаких не имели. По этим причинам сложение у них толсто и дородно, суставы мокры и бессильны, а желудки очень отягощены мокротами, особенно нижний. Да и невозможно, чтобы тело несколько просыхало в таком крае, по одним уже свойствам природы и времен года... Женщины одутловатого сложения»...

Геродот:

«лица у жителей от холода белые и веснушковатые... Тело безволосое. Волосы белокурые, глаза голубые».

Ко времени Р. Х. климат в Приазовье, по-видимому, стал еще суровее. Диодор Сицилийский (III, 34) говорит, что вследствие чрезмерного мороза замерзают там величайшие реки, и по льду переходят войска и нагруженные телеги; замерзает и вино и другие жидкости, так что их откалывают ножами, и, что всего удивительней, оконечности людей отпадают, перетертые одеждой, глаза помрачаются, огонь не дает защиты и бронзовые статуи лопаются. Овидий (I в. по Р. Х.) в своих «Понтийских письмах» (1, 3, 34) говорит:

«Что хуже скифского мороза? Лежу я, покинутый на песках края земли, где все засыпано постоянно снегом. Поля не родят здесь ни яблок, ни сладких гроздей, не зеленеют ивы на берегу, ни дубы на горе. Нельзя и море похвалить больше земли: по-

стоянно под яростью ветра вздымаются волны, которых не освещает солнце (50—54). Лежит снег и не сгоняет его ни дождь, ни солнце, борей делает его твердым и вечным. Так что пока не сошел еще прежний, идет уже новый и во многих местах остается двухлетний снег... Без бочек стоят вина, сохранившие форму сосудов: пьют вино не черпая, а давая кусками» и т.д.

Страбон также приводит целый ряд свидетельств о скифском холоде: «Лошади малы, скот велик, лопаются бронзовые гидрии, а их содержимое замерзает... Рыбы, замерзшие во льду, вырубаются так называемой гангамой[33].

Нет сомнения, что описанные южанами-греками страхи о холоде преувеличены, но астрономические и геологические данные действительно подтверждают, что в то время в нашем Северном полушарии было холодней, чем в Средние века; что самый теплый год у нас был 1262 и что с этого времени наше полушарие вновь постепенно замерзает и высыхает. Это наглядно подтверждается следующими доводами: во времена Страбона, т.е. в I в. до Р. Х. виноград произрастал только на Босфоре, в Средние же века культура его распространилась по северной Германии, Бельгии и даже Англии. Теперь в тех местах о виноградниках уже нет и помину. Даже в северной Франции и средней Германии он не вызревает и разведение его постепенно отодвигается к югу.

Дон, по Страбону, впадал в Азовское море двумя устьями, отстоявшими одно от другого на 50 стадий, около 8—10 в.[34] Дионисий (I в. до Р. Х.) в своем землеописании говорит:

«посреди беспредельного леса впадает Танаис (Дон) в угол Меотиды (Азовского моря), отделяя Европу от Азии: к западу Европа, к востоку Азия».

В этих местах в древности водилось множество всякого рода диких животных, даже барсы. Из домашних наибольшим ува-

---

[33] У казаков и теперь в употреблении есть орудие, вроде большого долота с рукоятью, для рубки льда, называемое «семенем», а для вытаскивания крыг из полыньи и рыбы — «ганчей».

[34] По исследованиям геолога В.В. Богачева, дельта Дона выдвигается на 3/4 версты в столетие. За $19^1/_2$ веков она выдвинулась в море приблизительно на 15 верст. Следовательно, против нынешней Елизаветовской станицы, где был древний г. Танаида, ширина дельты действительно была около 8—14 верст и море подходило к самому городу.

жением пользовались лошадь и землепашец-вол. По преданию скифов, записанному Геродотом (IV, 5—7), плуг, ярмо, секира и чаша, сделанные из золота, упали с неба и достались во владение младшему из трех сыновей родоначальника их Таргитая, именовавшихся Аксаями, — Кол-Аксаю. Предметы эти у них считались священными. По Курцию (VII, 8, 8) скифы на требование о покорности ответили Александру Македонскому:

«Нам даны были дары, если ты хочешь знать скифский народ: ярмо для волов, плуг, копье, стрела и чаша. Их употребляем мы с друзьями и против врагов. Мы даем друзьям плоды, добытые работой волов, из чаши вместе с ними совершаем возлияние богам, врагов поражаем вблизи копьем, вдали стрелою!»

Трог Помпей, писатель I в. до Р. Х., пользовавшийся, кроме Геродота, какими-то несохранившимися документами, говорит: «скифский народ всегда считается древнейшим, хотя долго был спор о древности рода между скифами и египтянами (Iustinus, II, I).

Глава IV
Кто были скифы-сарматы?

За изучение и критический разбор древнерусских летописей, как это ни странно и не больно для самолюбия русских людей, взялись впервые иностранцы и особенно немцы. Все выдающееся в истории Руси ими нарочито или замалчивалось, или искажалось; все характеристическое русское они старались присвоить своей расе и даже нередко покушались отнять у нас не только славу, величие, могущество, богатство, промышленность, торговлю и все добрые качества сердца, но и племенное имя — имя руссов, известное исстари, как славянское.

Во главе таких критиков славяно-русских летописей стоит Август Людвиг Шлецер, случайно попавший (в 1761 г.) в Россию (по приглашению придворного историографа Г.Ф. Миллера), а потом ставший членом нашей академии наук.

В своем труде «Нестор. Русские летописи», изданном на немецком языке и переведенном Языковым на русский в 1809—1810 гг., Шлецер, переставляя и выбрасывая произ-

вольно слова (из Ипатьевского списка), сделал вывод, что варяги — народ германского племени, живший по берегам Балтийского и Немецкого морей, и что Руссы принадлежат к этому же племени и могут означать шведов. Выводы Шлецера усиленно стали повторять его соотечественники, а потом и наши историки, не разбираясь в том, что продают славу своей родины и ее великое прошлое. Эта инертность и нежелание разобраться в многочисленных источниках, прямо говорящих о славянстве древних Руссов, поразительны. Впрочем, мы привыкли перенимать все целиком от запада и во всем ему верить, в особенности немцам.

Из позднейших наших историков один только Иловайский восстал против шлецерианства, т.е. германского происхождения Руссов, в своем труде «Розыскания о начале Руси» 1882 г., но все-таки целиком отнес варягов к норманнам, что, как мы увидим ниже, не следовало бы делать.

Материалы, служившие для созидания древнейшей славяно-русской истории, много веков лежали под спудом, не разобранные, не рассмотренные и не пропущенные сквозь горнило здравой и беспристрастной критики, подобно тому, как Геркулан и Помпея скрывались около двух тысячелетий под пеплом. Между тем история славянской Руси так богата фактами, что везде находятся ее следы, вплетенные в быт всех европейских народов, при строгом разборе которых Русь сама собою выдвинется вперед и покажет все разветвления этого величайшего в мире племени.

Хотя путь к тому, по обширности своей, довольно трудный, но уже несколько знакомый: по нем пускались и вели ожесточенную борьбу с скандинавоманией Ломоносов, Катанчич, Венелин, Шаффарик, Савельев-Ростиславич, Морошкин, Надеждин, Боричевский, Чертков, Вельтман, Лукашевич и многие другие, и, скажем с благодарностью, не без успеха. В особенности потрудился над этим вопросом во 2-й половине прошлого столетия Егор Классен, а до него исследователь славяно-русских древних археологических памятников Фаддей Волланский. Трудность в изучении этих памятников заключается в том, что исследователю необходимо знать все главнейшие славянские наречия и происшедшие в течение веков перемены в них от внутреннего развития слова и от соседнего влияния; также необходимо знакомство с характером, нравами, обычаями, домашним бытом и внутренним движением славянского мира.

Мы знаем, что история не должна быть пристрастной к данному народу, но не дозволим и мало осведомленным иностранцам, как например шлецерианцам, обращать русскую историю в сатиру.

Может быть, русские последователи Шлецера, не разбирая сущности дела, по одному влечению к этому, по их словам, величайшему критику вступятся за своего кумира, но, чтобы наперед охладить жар этой партии, выводящей, посредством невозможных натяжек, огромнейшее племя Руссов, занимавшее некогда половину Европы, из крошечного скандинавского народца, напомним им, что их «великий критик и филолог» производит чисто славянское слово «дева» от германского «Tieffe» (сука). Одного такого факта достаточно, чтобы понять Шлецера без дальнейших исследований его доводов. Но чтобы опровергнуть это грубое лжеучение, что будто Россия развила свои силы от влияния на нее скандинавов и что самое имя свое она получила от них же, мы представим здесь материалы, которых, как говорится, тля не тлит и ржа не разрушает.

Эти материалы состоят из племенных названий, рассеянных по всем историям и ныне очищенных критикой от переклада их на языки греческий, римский, татарский, немецкий и скандинавский и доведенных ею до своего прототипа; также названия городов, живых урочищ, городища, могилы, клады, насыпи, развалины, монеты, медали, кумиры, оружие, сохранившиеся местами остатки славянского языка, нравы, обычаи, поверья, порядок ведения войны, а главное — остатки древнейшей славяно-русской письменности. Эти памятники ясно свидетельствуют, что предки наши, славяно-руссы как народ существовали ранее греков и римлян и оставили после себя следы, указывающие о их существовании, а также о своем искусстве и просвещении.

Греки и римляне давали многим славянским племенам свои, произвольно составленные прозвища, относя их то к местности, то к наружности, то к суровости в войнах, то к занятиям и образу их жизни. От этого в древней истории накопились сотни лишних имен, ничего в этнографическом отношении не означающих; но кой-где выплывают и настоящие имена тех племен. На них-то главным образом мы и остановимся.

Древнейших обитателей восточной Европы, берегов Азовского и Черного морей, части Малой Азии и степей Закаспий-

ских греки называли общим именем *скифов* и делили их на несколько племен[35]. Из этих племен наиболее известны: саки, парфяне, давы, массагеты, варки или урки и гирки — гиркамцы, сколоты и сарматы. Давы (Dahves, греческ. D*aoi*, лат. Dahae) были одним из главных скифских народов Передней Азии и берегов Каспийского моря (Страб. II, 508, 511. Плин. Ест. Ист. 6, 19, 33 и 37). В VI в. до Р. Х. даги были под властью персов. В это время некоторые племена дагов покинули свою страну и поселились по соседству с Арменией. Другая часть этого народа переселилась в Самарию (Ездра: 4. 9). Это произошло, надо полагать, после того, как родичи их скифы с берегов Черного моря проникли в Вавилонию, Сирию и Палестину, образовав там свои поселения, из которых азиатским грекам был известен город Скифополис, на месте еврейского Вефесиана. Третья часть дагов около V в. до Р. Х. перешла на берега Азовского моря, а потом утвердилась во Фракии, образовав там народ, известный в истории под именем *даков* или *дациан*, двинувшийся впоследствии (в VIII в.) в верховья Дуная.

Следовательно, название «скиф» не было родовым именем этого народа, в чем сознается и сам Геродот, говоря: «Общее название всех скифов, по имени царя их — Сколоты; скифами назвали их эллины». Персы называли этот народ саками.

Барельефы на колоннах дворца в Персиполе и на скале в Багистане (Манифест Дария Гистаспа), на которых саки изображены в характерных скифских одеждах, с надписью под ними: «это сак», и теперь свидетельствуют, что персы скифов называли этим именем. Соседями европейских скифов, по словам Геродота, были сарматы или савроматы — S*aurmatai*, Sur*omatai*, Surm*atai* *Sauromatai*, жившие по левой стороне Нижнего Дона до Кавказа, к востоку от берегов Азовского моря, и говорившие на одном из скифских наречий. Об этом свидетельствуют Геродот (IV, 117) и Овидий. Последний говорит, что, научившись говорить по-гетски и по-сарматски, он мог слушать речь старика варвара, т.е. скифа[36].

Позднейшие, после Геродота, историки, как то: Страбон (I в.), Птолемей (II в. по Р. Х.) и др. к сарматским племенам относят Яцигов, Алан и Роксолан (рос-алан). Яцигов или Адзигов разделяют на три касты: на королевских, сидевших у

[35] Геродот. I—IV и VI. Юст. 1, 8. XI, 1. Стр. VII и XI. Плин. Ест. Ист. и др.
[36] Овидий. Понт. посл., III, 2, 39.

Черного моря, а потом у Дуная, на хлебопашцев — у Азовского моря и на Яцигов-меченосцев (по греческому выговору «метанасте»[37]).

Название «сарматы», как и «скифы», не было собственным именем этого народа, а дано было понтийскими греками, часто сталкивавшимися с жителями названных местностей только по делам торговли, на народных торжищах, и, надо полагать, не со всею массою, а только с известною корпорацией промышленников и торговцев, привозивших на эти торжища произведения и изделия своей и соседних стран. Как в древности, так и теперь на этих торжищах, или ярмарках, известного рода торговцы-промышленники располагаются в отдельных местах, по предметам торговли, как например: меховщики, кожевники, сыромятники, сапожники, железняки, рыбники, медовщики, бредники и др. Сыромятные кожи и меха были главными предметами вывоза из Скифии и Сарматии. Греки их поставляли во все южно-европейские страны. Из таких кож выделывались конская сбруя, воинские щиты и проч.

---

[37] Греческое название этого народа историки переводят как Ясиги, Яциги, Азиги, Языги и Зыхи, Зихи, Зиги, а иногда и Сиги, даже Циги, Цинги и Цихи. Это не совсем верно. В греческих подлинниках после начальной буквы А стоит дзета, произносимая как ДЗ. Правильное произношение этого названия по-русски будет с начальной А — Адзиги или Адиги, каковым именем и теперь себя называют нынешние черкесы, испорченным под тюрским влиянием: эдыге, ыдыге и адыгэ. Без начальной А — Дзиги или Чиги. Азовские Яциги двигались на запад вместе с роксоланами. Часть их, оставшаяся в Венгрии, и до сего времени существует под именами ящагов и русияков. Место между Пестом и Гевесом и теперь называется Ящаг. Там вырыт лет 60 назад золотой кубок с древнеславянскою надписью:

Булд жупан теси луге:
Тойги бу Таул жупан,
Тагрогитциги танси.

В переводе на русский язык:

Был жупан тише луга:
То был Таул — жупан,
Тагрогицигов утаивший (укрывший).

По Птолемею в том месте действительно сидели Тагры и, как видно из приведенной надписи, яциги, которых Таул — жупан (гетман, князь) укрыл в горах от полчищ Траяна, громившего славянские племена по этому пути.

Следовательно, прозвище «сарматы» или «савроматы» и «суроматы» произошло от «сыромяты», т.е. сыромятники, выделыватели сыромятных кож[38].

Диодор Сицилийский говорит, что сарматы вышли из Мидии. Их переселили на Дон скифы. Но почему же греки их не называли мидийцами, а сарматами или савроматами? Венелин искал в греческом языке корень этого слова и производил слово «сармат» от ящероглазый. Другие слово это производили от персидских «сар» — господин, голова и «мада» — женщина, от господства будто бы у этого народа женщин. Проф. Страсбург. ун. Ф.Г. Бергман (1860) слово «сарматы» переводит «люди севера», от Shauro — север и mates — люди (мидийское mat и древнее mant). Но по отношению к какому же народу они были северянами — трудно сказать. По древнему писанию, они жили у истоков Инда, затем южнее Мидии, а во времена Геродота в нынешнем Задонье. Как они назывались в древности, мы не знаем, но только нам известно, что этим именем их назвал Геродот в V в. до Р. Х., а за ним стали повторять эти названия и все греческие историки. Следовательно, приведенные мнения являются ошибочными. Первоначальные сношения греков со скифами были на путях торговли. Известно, что на ярмарках спрашивают купцов и промышленников по товару, а не по стране, в которой они живут, и не по цвету и быстроте их глаз. Греки спрашивали, приехали ли кожевники (сыромятники), лунтайники, малахайники, рыбники и др. Скифы, как скотоводы, в большом количестве производили сыромятные кожи и продавали их грекам. Этот товар составлял одну из главнейших ветвей торговли. Вот почему греки и римляне, несмотря на постоянные войны с сарматами, всегда оказывали им предпочтение пред другими соседними народами и старались переселять их в свои владения, даже пленных не продавали в рабство, а пристраивали к излюбленному их ремеслу. Если принять это в основание, то нам будет ясно, почему древние историки писали скифы-сарматы, венеды-сарматы, алане-сарматы и проч. Фракийцы также имели сыромятников, которых греки называли Σaurmatal . Во многих местах Малороссии и теперь называют сыромятников — сырмате и кожемяте. Греки не выговаривают звука Ы и потому писали сармата, сурмата и саурмата — Saurmatai.

«Сколоты» — также слово славяно-русское. В великорусском наречии название «сколоты» означало хлопотуны, сколо-

[38] Классен. Материалы для истории славяно-руссов. Выпуск II. 1854 г.

тин-хлопотун, от глагола колотить, сколачивать, выколачивать. Так называли купцов, торгашей, шибаев. Впрочем, в России есть несколько речек с подобным же названием, как то: Сколотка (Хар. губ.). Колота (Варш. губ.), Колоча (Смолен. губ.), Колокша (Яросл. губ.) и др. Жители Южной России, как думает Классен, названы Геродотом «сколотами» со слов только одного правителя племени, с которым он лично беседовал. Речь, по всей вероятности, шла о русских купцах-хлопотунах, людях суетливых, требовавших себе скидки или прибавки, как это делается и теперь. Геродот и правителя этого племени назвал именем Сколот. Но мнение это едва ли верно. Ведь не все же европейские скифские народы, жившие на пространстве от Каспийского моря до Дуная и далее на север на 20 дней пути, считая день по 200 стадий (около 640 000 кв. в.), были купцами и шибаями, чтобы их Геродот назвал этим случайным именем. Поищем другое объяснение этому слову. Хотя, несомненно, все ниже приведенные названия будут нарицательные.

В доказательство этого назовем несколько случайных имен, данных греками и римлянами народам нынешней Южной России и происшедших от занятия жителей и от предметов их торговли, а также и от носимой ими одежды и обуви.

Алане — скотоводы, пастухи от «алань» — пастбище, в Тверской, Новгородской, Смоленской и др. губ. Зипани, сипани — зипуннnки — Zipani, Sipani. Какатцы от какаты — башмаки из бересты — Zaccati. Кисыни от кисы — оленьи сапоги — Kissini. Курпинники от курпин — лапти из охлопьев — Carpiani. Курпы — носящие или торгующие башмаками с пряжками — Carpi. Лунтайники — носящие сапоги из оленьей шкуры — Lantani. Малахайники — Malachitd. Меланхлены, носящие черные плащи — Melanchldni. Нарыняне от няры — валеные сапоги, Neuri, Nerinani. Струсни, носящие башмаки с ушками — Sturni, Strusi. Харпайники, носящие серые кафтаны — Carpagi. Чепани, носящие казакины, жупаны — Cepini. Шабура, носящие балахоны из толстого холста — Sabiri. Одноглазые — Аримаспи — Кривичи. Будины, от малороссийского «будина» — хоромина, живущие в деревянных домах — Budini. Конюхи — Coniochos и Heniochi — уздодержатели. Волыняне, вольные — Valoini, Vulini, Vulni. Поганые — Pagani и т.д.[39]

[39] Во многих местностях России, как и среди донских крестьян, часто в употреблении слово «волына» — вольность, неподчинение властям, бунт. Волынить — своевольничать, на детском языке — играть.

Таких мнимых народов с испорченными в устах греков и римлян названиями можно привести сотни.

Даже позднее собственные имена славян и их городов греки, римляне, а потом и германцы переделали до неузнаваемости; так например: Святослав — Свендосфлав, Ярослав —Iarysleif, Игорь — Ingor, Володарь — Baldur, Ратибор — Radbiart, Новгород — Nemogarda и Nowago, Рыбинск — Kibinska, Кизляр — Kitzlar, Устюжна — Ustezna, Козлов — Kolzof, Ряжск — Rask, Киев — Kuiada и Kioabu (Конст. Багр.); Муром — Murow, Вышгород — Wusegarda, Мста — Mstva, Смоленск — Milinisk, Очаков — Axiake, Хорваты — Chrodati, гости — Gosi; Ахтырка — Aqathyrska, Бел-бог — Bidbog, секира — Saqaris, Углич — Aulisch и т.п.

Некоторые названия городов и местечек греки (Константин Багрянородный и др.) до того исковеркали, что даже сам Шлецер не решился их объяснить и над многими поставил вопросительные знаки, а между тем города эти были расположены где-то близ Киева, Смоленска и Новгорода.

Вот сколько мнимо разнородных племен населяло нынешние славянские земли. Если к этому еще прибавить случайные названия этих племен, происшедшие от места их жительства, как то: загорцев, подгорцев, нагорцев, поречан, заречан, брежан, поморян, залесян, древлян, озерян, украинцев и т.п., каковые названия греки выдавали за собственные, то нет никакой возможности, без строгой критики, добраться до истины.

Итак, греки, а за ними и римляне жителей нынешней Южной России и Передней Азии называли общим именем скифов: скифы, скиты, скуты, скюты, сциты, скюфь и скют (чуть и чудь), от первоначальной формы этого названия, известного со временем Гомера (Odiss. 14, 34), Scvtos и Scutos, означавшего у адриатических греков кожу (cutis), а у понтийских сыромять или сыромятную воловью (скотскую) кожу — щит, латин. scutum, так как это орудие защиты выделывалось из этих кож. Греки не имели в своем языке звука *щ* и выговаривали его как *ск*, а потому и писали вместо *«щиты»*, т.е. щитоносцы, скиты и скифы, римляне же вместо *щ* писали *сц* и выговаривали сциты и т.д. Следовательно, греки и римляне все славяно-скифские племена называли *щитоносцами*, щитниками, так как это боевое оружие, по свидетельству многих древних писателей, было изобретено именно скифами. Это подтверждается и персидскими барельефами времен Дария, на которых скифы изображены со щитами, а пер-

сидские воины без них. Сарматы или сыромяты и скифы есть синонимы одного и того же первоначального имени, но только на разных наречиях: вот почему многие древние историки часто писали скифы-сарматы, сарматы скифского племени и т.д.

Название одного из скифских племен *сколоты* также означает *щитоносцы* или *щитники*, от персидского *кала*, хазарского *кел*, наше *скала* (простонародное *скель*), готское skildus, литов. skyda, англосаксонское scyld, норм. skiödr, шведск. sköld — щит, защита. У скифов, как и их потомков — славян, щит был символом защиты власти. Вот почему Геродот и утверждает, что *«сколоты»* было название царское и что скифы, сознававшие свое превосходство, носили название «царские скифы». Сколоты жили на берегу Черного моря и в Крыму. У них состояли данниками приморские греческие колонии, между которыми была и Ольвия (Ф.Г. Бергман. Скифы. Halle, 1860. В переводе В.А. Канского).

Все приведенные имена скифского народа суть нарицательные. Родовое же имя всех славянских племен есть «россы», встречаемое с древнейших времен на всем пространстве восточной Европы от Балтийского моря до Черного и от Каспийского до Средней Азии, даже до Египта. Имя это встречается и в полном и в сокращенном видах: Россы, Роззы, Руззы, Ресы, Рась, Аорсы, Рси, Рса, Рша, Расы, Роша, Разы, Разены, Роксы и т.д.[40] В соединении с другими названиями: Атторози, Хазироззи, Себбирози, Аланорси, Роксолане, Порси, Парси, Геты-Руссы, Уни-Рози, Уди-Рози, Удины-Рози, Саввеи-Рози и т.д.[41] Места и реки, занимаемые Россами: р. Рса или Раса (в Древней Трое); Рса — р. Аракс, по-арабски Эль-Рас, по-монгольски Орсай и Рахса, по-гречески Раса и Орос; Яксарт или Сырдарья, по-древнему — Раса; Волга также называлась Расой и Рсою; р. Руса или Порусье, в Новгор. губ.; р. Рось, впадающая в Днепр; р. Руса в Моравии; р. Руса, правый рукав Немана; Черное море — Русское море. Дон так же, как и Волга, арабами назывался Русской рекой.

Греки и римляне называли славян: Ставани, Стлавани, Своени, Слави, Славини, Склавини, Склавы и т.д. Во всех этих

---

[40] О северном князе Роша или Роса говорит прор. Иезекииль, гл. 38 ст. 2 и 3 и гл. 39 ст. 1. О нашествии с севера Скифов, народа древнего и сильного, говорит прор. Иеремия в гл. IV, ст. 5—29 и гл. V ст. 15—17.

[41] Византийский ученый X в. Свидас и некоторые другие пишут «Скуфис о Рос», т.е. Скифы или Россы. Эратосфен (III в. до Р. Х.) утверждает, что страна и народ Рось названы были скифами от других народов.

названиях господствующей буквой является «а». Следовательно, название народа «славяне» есть нарицательное и произошло от «славы». Вечные войны славян с римлянами, старавшимися покорить их земли, перенесли название «склавы» на военнопленных рабов, отчего эти последние в Риме и стали вообще называться этим именем. Но это нисколько не препятствует производить имя славян от слова «слава». Славяне никогда не заимствовали свои собственные имена у чужих народов, как например германцы: Ратвальд — Родовлад, Рагнвальд — Роговлад или Рогвольд; Велимир — Волимир, Цвентибольд — Святополк и многие другие, а имели свои и самые лучшие производили от «славы» и «чести», вообще от выдающихся качеств, например: Бретислав, Болеслав, Буреслав, Богуслав, Владислав, Вретислав, Всеслав, Венцеслав, Вячеслав, Вратислав, Гремислав, Доброслав, Буеслав, Разислав, Любослав, Мстислав, Мечеслав, Мирослав, Примислав, Ростислав, Святослав, Буеслав, Сулислав, Собеслав, Судислав, Добромысл, Славомысл, Славолюб, Славомир, Унислав, Ярослав, Преслав, Заслав, Честибор и многие другие. Геродот слово «славяне» переводил по-гречески: алазоны и авхеты — прославленные.

Древняя Мизия и Македония, как мы увидим ниже, были населены славянами. Пелазго-фракийские племена были славяне (исследования Черткова)[42].

По падении Македонского царства часть македонцев около 320 г. до Р. Х. переселилась к Балтийскому морю; народ этот там стал известен под именем Бодричей, сохранивший до самого падения своего герб Александра Македонского, изображавший буцефала и грифа. Бодричи говорили на славянском языке и от натиска германцев переселились на Ильмень и Ловать, где и основали Новгород и Псков около 216 г. до Р. Х. (Птолемей). Славяне во все века с гордостью называли себя этим именем. Мы славяне, т.е. любящие славу, говорили они. Родовое же название этого народа, как сказано выше, было Руссы или Россы, т.е. поклонники росы, воды.

Следовательно, ни скифы-сколоты, ни сарматы как отдельные народы не существовали. Названия эти были даны случайно славянам — Россам от носимых ими кожаных щитов 24 века тому назад греками, а потом, повторяемые в течение многих

[42] По Гейгеру и Гримму, у Оракийцев рожь называлась брицей (briza). В некоторых местностях Малороссии рожь и теперь называется брицей; на Дону брицей называют траву — пырей гребенчатый из породы злаковых.

веков историками и географами, они наконец совсем исчезли из употребления как лишние.

Читающие эти строки спросят, какими же наивными, по выводам автора, были великие Геродот, Страбон и другие греческие и римские историки, что так опрометчиво окрестили великий славяно-русский народ не свойственными ему, случайными именами.

Да, действительно, в этом случае они были наивны, как наивны бывают иностранцы и теперь, когда речь зайдет о славяно-русской народности. Кто желает хоть поверхностно ознакомиться с некоторыми немецкими учебниками по истории и географии России XVIII и прошлого столетий, тот с удивлением найдет в них, что под словом «мужик» — Muschiks — немцы понимали крепостного, под начальником — главу бунтовщиков, под словом работа — барщину; Козьма Минин у них русский бунтовщик, пульк — отделение казаков, баба-яга — богиня войны у руссов; в России, по словам немцев того времени, имеются три породы лошадей: конь, лошадь и кляча; или: в России нагревают воздух разложением огня на улицах и проч. Что это? Наивность, невежество или просто издевательство над русскими? В коммерческой географии Христиани (XVIII в.) — в западной Двинской провинции помещен г. Архангельск. Восточные провинции: Поле, Мордва, Устюг, Вядски, Пейорски, Обдорски и др. Дербент лежит в земле самоедов. Петербург находится на реках: Доне, Оби, Двине, Волге, Днепре и Неве. Эта география выдержала даже два издания. Какой же точности в описании народов мы должны требовать от древних греков, случайно заброшенных на северные берега Понта и Меотиды?

Приведем еще два примера наивности ученых иностранцев, посетивших Россию и Дон в конце XVIII и в первой половине XIX века. Известный французский писатель Александр Дюма-отец в своем путевом дневнике записал, что он видел, как казаки ели сальные свечи и «пили водку под развесистой клюквой». Ученый Паллас в 1773 г. писал, что из Старочеркасска он видел Эльбрус и что эта гора видна и из Сарепты. В действительности же это не могло быть, так как от названных мест до Эльбруса около 700—800 верст.

Шлецер утверждает, что славяно-руссы IX в. были номады. Между тем Баварский географ в 866 г. насчитывает у славян до 4000 городов, у уннов-Россов 148 городов, у великороссов (Vuillerozi) — 180, у савейских Руссов 212, у хазар-Россов 250 и т.д.

Прокопий и Маврикий в начале VI в. говорят, что славяне живут в городах и деревнях и занимаются хлебопашеством, ремеслами и торговлей. Тацит в 60 г. по Р. Х. писал, что германцы не знают еще городов, славяне же строят прочные деревянные дома и укрепленные города. Скандинавы Россию (Rьszaland) называли царством городов — Gaardarikr. То же говорит и наш летописец Нестор. Шлецера, написавшего комментарии на Нестора, нельзя заподозрить в невежестве. Так в чем же? Только в злом умысле умалить, унизить приютивших его славян-руссов и давших ему звание члена своей академии наук.

Все средневековые историки и географы Россию называли страною городов, а наш академик конца XVIII в. назвал ее страною бродячего народа. Древние историки нам говорят, что скифы, сарматы, яцыги, роксолане и алане один и тот же народ. Но какое же коренное название этого народа, населявшего издревле нынешнюю Россию? Геродот говорит, что сарматы скифского племени. Птоломей (II в. по Р. Х.) называет славян и алан скифами и тех же славян и алан сарматами; он же говорит, что скифы сарматского племени. Плиний (I в. по Р. Х.) называет хазар — скифами, сербов — сарматами, роксолан — аланами. Страбон (I в.) сарматов — скифами, роксолан — аланами. Греки — по Нестору — славян скифами. Свидас и древняя география — Руссов скифами. Константин. Багр. (X в.), Анна Комнена, Лев Диакон и Киннам — Руссов скифами; Маркиан Гераклийский — алан сарматами, Халкокондила — Руссов сарматами; Прокопий — венедов сарматами, Диодор Сицилийский (I в. до Р. Х.) — ассирийцев и мидян сарматами. В Пеутингерских таблицах ведены (берегов Балтийского моря) названы сарматами; у Скимна Хиосского и в Перипле Понта Эвксинского алано-руссы названы сарматами. Адам Бременский — венедов скифами, а Папа Сильвестр II — сарматами, Клууверий — венедов и словецев — сарматами, Иорнанд (VI в.) славян сарматами, а готов — славянами. Антон — будинов, роксолан и сербов — сарматами. Шаффарик — роксолан, алан и яцигов — сарматами. Аммиан Марцеллин и блаженный Иероним — яцигов, паннонцев — сарматами; древняя грузинская история — алан Россами. Прокопий — антов и славян — аланами, Приск (V в.) — аорсов (живших к востоку от Азовского моря) — сармато-скифским народом. По Геродоту — скифы поклонялись мечу, в виде бога войны. По Климентию Александрийскому,

сарматы также поклонялись мечу как богу войны. По Нестору — Руссы поклонялись мечу как богу войны.

«Малые Аорсы», т.е. Малая Русь, пишет Страбон (L. XI, p. 506) происходили, по всему вероятию, от Великих Аорсов, живших к северу. Малые Аорсы могли выставлять 200 000 конницы. Великие же несравненно более».

Гуннов называют скифами все почти историки. Гетов, Массагетов, Тирагетов, Тана-Гетов и др. также почти все греческие историки называют то скифами, то сарматами, то аланами, то россами, напр. Геты—Россы.

Все эти народы, по греческим и римским писателям, говорили то славянским, то русским языками, но лишь на разных наречиях.

Если считать все приведенные названия за принадлежавшие отдельным народам, то приходится допустить, что в истории есть выражения, свидетельствующие о совершенном отсутствии логики, а также образцы бессмысленницы, как напр. скифский народ, живущий в Европейской Сарматии, славянского племени, или скифы сарматского племени, а сарматы — скифского и т.п.

По Страбону — роксолане жили между Днепром и Доном и были многочисленным и храбрым народом, могшим выставлять до 50 000 и более хорошо вооруженных всадников. Плиний, Тацит и Птоломей, а также Иорнанд местожительство этого народа указывают там же, где и Страбон. Плиний признает их за народ, родственный аланам: следовательно, роксолане то же, что Россы-алане; к этому выводу пришел и Иловайский в «Розысканиях о начале Руси». Тацит (I в. по Р. Х.) причисляет роксолан к сарматам и описывает участие их в битве таким образом: «У сарматов раздавался не один голос вождя; у них все подстрекают друг друга не допускать метания стрел, говоря, что следует предупреждать битву быстрым ударом и рукопашной схваткой... Сарматы, оставив лук, которым они хорошо владеют на близком расстоянии, бросились вперед с длинными пиками и мечами» (Annal. VI, 35). В другом месте тот же историк говорит: «Удивительно, храбрость сарматов находится как бы вне их самих. Никто не боится так пешей битвы, как они; но когда они делают нападение лавой, едва ли может устоять какой-либо строй» (История, I, 79). Арриан (II в. по Р. Х.) в своей «Тактике» о военных приемах сарматов говорит: «Копьеносцы приблизились к вражеским рядам и отбивались копьями»...

или: «прогоняли при нападении врага пиками, как алане и сарматы» (IV, 3). Аммиан Марцеллин в 358 г. по Р. Х. говорит, что у сарматов были длинные копья и что боевым их криком было восклицание «мара! мара!», что означало смерть[43]. Народ этот приведенными историками назван «сарматами» по старой привычке, так как одновременно он ими же, а также и другими именуется «роксоланами», т.е. аланами-Россами и описывается как народ скотоводы. Сарматы времен Босфорского царства (I в.) объединились, по словам римских историков, в сильный народ под управлением «spadines», т.е. господина.

Атака с пиками наперевес сарматских всадников прекрасно изображена на фреске катакомбы, открытой в Керчи в 1841 г.

Последним из авторов древности о роксоланах упоминает готский историк Иорнанд (VI в.). По его словам, народ этот оставался в тех же пределах, отведенных ему еще Страбоном: следовательно, он не был увлечен на запад гуннским движением.

Дальнейшие упоминания о роксоланах мы встречаем уже в источниках IX в., по которым народ этот оказывается живущим гораздо севернее, где-то близ р. Вислы и Немана (прусские хроники). Роксоланы там называются уже Руссами. В это же время на историческое поприще выплывает и Русь днепровская, черноморская и казарская. Арабские историки IX и X вв. Ибн-Даст, Мукадеси, Масуди и др. прямо говорят о Руси, живущей по берегам Черного моря на лесистом и болотистом острове, а также в земле хазарского царя; что из этого народа, говорящего славянским языком, набираются отряды в его войско и что Руссы населяют целую часть столичного города Итиля или Ателя (при устьях Волги).

О славянстве северных и прибалтийских Руссов много привели убедительных данных Иловайский в своем «Розыскании о начале Руси» и Егор Классен в «Материалах для истории Славяно-Руссов», выпуски I и II. Здесь мы ограничимся лишь некоторыми указаниями, более выясняющими этот вопрос.

Руссы и торговый город Руса на берегах Балтийского моря упоминаются еще в IV в. до Р. Х. Об этом пишет грек Пифей,

---

[43] Мара, мор, мёр, умер — имеют один и тот же корень. У донских казаков низовых станиц и малороссов есть бранное выражение: «Мара тебя возьми», т.е. смерть. У древних ассирийцев, вавилонян и персов «а» и «е» произносились безразлично, вернее, имели средний звук: Беел — Баал или Ваал, Мардук или Мардух — дух мертвых, главный бог Вавилона. Осетинское балта, литовское — балтос, белый. Персидско-вавилонское набу — небо. Балтасар — белый царь. Сар — сер, т.е. царь, господин.

посетивший эти места в 320 г. на корабле вместе с торговцами греками. После этого о Руссах прибалтийских говорят, на основании древних летописей, историки скандинавские: Торфей (норвежский), Иоганнес Магнус (шведский) и Саксон Грамматик (датский).

Саксон Грамматик (ум. 1208) говорит, что в I в. по Р. Х. датский король Фротон 1-й в морской битве победил русского царя Траннора и взял его город Роталу, в Ливонии, и Пельтиск (Полоцк), столицу Веспазия, другого русского царя, завоевал страну еще какого-то царя Гондувана и женился на его дочери.

В III в. при Фротоне 3-м Руссы и Гунны напали на Данию: царь руссов Олимер начальствовал флотом, а царь гуннов — сухопутным войском.

В I в. норвежский владетель Гальфдан воевал в землях востока России и Ливонии, убил на поединке славяно-русского царя Сигтрига и женился на дочери другого русского царя Эймунда[44].

Во II в. Готер, сын шведского короля Готброда, погиб в сражении с Боем, сыном русской княжны Рынды. Сын Готера и его преемники имели многие войны с Руссами в течение всего II в. (Саксон Грамматик).

Шведский король Готеброд за несколько лет до Р. Х., вспомнив о насилиях, совершенных руссами в Швеции, и собрав значительное войско из шведов и готов, вступил в Русь, избил великое множество русских и заставил их платить себе дань. Преемник его снова начал войну с Руссами. (Иоганнес Магнус).

Король Готский Велимир около нашей эры объявил русскому царю Гервифу войну, победил его и наложил на Русь дань. Но вскорости Гервиф выгнал готов (Магнус).

В VI в. шведский король Ингварь покорил Эстляндию и двинулся на Россию, но был там убит (Саксон Грамматик).

Классен говорит, что в имении Ф.Н. Глинки, в Тверской губернии, есть древние камни с надписями; снимок с одной из них был отправлен в Копенгагенское общество древностей; там прочли надпись так: «Здесь Ингварь поднят на щиты», что значит: признан королем.

Летописцы также говорят о русском поморском князе Ратиборе, давшем свой флот в помощь датскому королю Гильдестанду для истребления морских пиратов.

---

[44] История Норвегии, I. 175. Торфей.

В исландских сагах упоминается о знаменитом русском владетеле Зигурламе или Чигурламе, который, по мнению Торфея, жил в III в.

Приведенными данными ясно доказывается, что в нынешней северо-западной России и по берегам Балтийского моря издревле обитали Руссы, составлявшие несколько самостоятельных и сильных государств, что они не были ни датчане, ни норвежцы, ни шведы, так как имели постоянную вражду с ними. О том же говорят и названные выше историки.

Готы также не причисляются ни к шведам, ни к датчанам, так как они всегда воевали то в союзе с Руссами против шведов, то в союзе с последними против Руссов. Саксон Грамматик далее говорит, что Ивор (славянин-венед) в VII в. покорил Данию и Швецию, потом убил зятя своего Рерика (также венеда), царствовавшего в Зеландии, которая в то время была населена славянами. Дочь Ивора Овда с сыном Гаральдом бежала к русскому князю Радибрату и вышла за него замуж. Гаральд с помощью русского флота вступил на датский престол. Следовательно, Руссы имели на Балтийском море весьма сильный флот и владели, как увидим ниже, обоими берегами этого моря. т.е. западным и южным. Руссы были славяне: они занимали как раз все те земли, которые населены были этим народом. В их землях были города: Старая Русса, Новая Русса между рукавами Немана, из которых правый называется и доныне Руссою, а прилегающая приморская местность носила название Пороси, по Пифею — Руснеи; Русислава — нынешний Рослау на Эльбе (Лабе). По всему южному Балтийскому побережью и доныне множество городов и сел носят славяно-русские названия. Следы Руссов видны и на северных и западных берегах этого моря; так, например, Рескильд, местечко, в котором жил историк Саксон Грамматик, в переводе названия этого местечка значит: «кол для Руссов», т.е. там было место казни для руссов; Рослаген, т.е. кочевье Руссов, местность на Упландском берегу в Швеции. Что Руссы-славяне владели западными берегами Балтийского моря, об этом свидетельствует историк XI в. Адам Бременский; он пишет, что в г. Упсале стоял золотой славянский кумир бога Радегаста, т.е. Радигостя, покровителя торговли и торговых людей (гостей). Радегаст — рад гостям. В другом месте он уверяет, что упсальский храм был сделан из золота. Другой храм этому богу был в г. Ретре, на южном берегу. На острове Рюгене, населенном славянским племенем ранов, славившихся богатством, мореходством и торговлей, в

г. Орекунда или Ореконда, на полуострове Витов, находился храм широко прославляемого и почитаемого бога Святовита или Свентовита. Храм Свентовита в г. Святограде или Свентограде был разрушен в 1168 г. датским королем Вальдемаром I. Многие сокровища этого храма и до сих пор находятся в Копенгагенском музее северных древностей. Развалины Кремля Святограда и теперь видны близ г. Арконы. На о. Рюгене, по-славянски — Руяне, в г. Стопень-камень (ныне Штубенкаммер) также было три чтимых храма: Сварогу, Волосу и Перуну[45]. В храме Волоса хранилась золотая сошка, упавшая с неба Микуле Селяниновичу. Другая в Микуль-боре, нынешнем Мекленбурге. Тацит говорит (Германия, гл. XL) о поклонении славянами на острове Рюгене богине земли — Матказеме (Герте). Драгоценную статую этой богини с серпом в правой руке и со снопом из золотых прутьев с янтарными колосьями в левой возили в колеснице по селам с весны до Купалы. Остатки этого храма у немцев теперь называются Гертабург[46].

Шлецерианцы возражают, что приведенные исторические данные из Дитмара, Торфея, Саксона Грамматика и Иоганнеса Магнуса о древних славяно-Руссах мало проверены исторической критикой и, таким образом, являются как бы пустыми сказками. За чем же дело стало? Почему же до сего времени молчат критики? Видимо опровергнуть эти данные им не по плечу. Авторитеты же названных историков говорят сами за себя: Дитмар был мерзебургским епископом (род. 975 г.), Саксон Грамматик пробстом в Рескильде (ум. 1208 г.), а Магнус архиепископом в Упсале (род. 1488 г.); притом они писали историю не России, а Скандинавии, следовательно, в пристрастии их заподозрить нельзя. Под руками у них были сказания, саги и летописи о жизни древних народов, населявших берега Балтийс-

---

[45] Сварог или сварожич — бог огня (от санскритского сварга — небо, т.е. небович). Дитмар, епископ мерзебургский (975—1018 г.). VI, 17. Pertz «Scriptores», p. 812. Сравнить: славянский Сварог, индусский Сварга, сын царицы массагетов Тамирисы, воевавшей с Киром, — Сваргапис, царь агафирсов (скифского племени) тоже Сварганис, от Сварог — бог огня и *апи* — земля, у скифов по Геродоту. По раскопкам в Этрурии (Италия), у этрусков земля также называлась *ани*. У египтян бык апис олицетворял силу земли. Серапис — бог, царь земли.

[46] Празднование Купалы и теперь совершается со многими обрядностями в Пруссии, Померании и других немецких землях как пережиток славянского язычества, унаследованный от своих онемеченных предков — славян. «Весенняя обрядовая песня на западе и у славян». Е.В. Аничков, СПб., 1903, ч. I.

кого моря. Исторические повествования их подтверждаются и археологическими раскопками.

Главным занятием новгородских и приморских Руссов была торговля с соседними странами. Азиатские товары туда доставлялись Волгой и реками, впадающими в Финский залив. Для охраны торговых караванов от нападения разбойников Руссы имели многочисленную и хорошо вооруженную речную и морскую наемную стражу, называемую «варягами», от славянского глагола варити — предварять, предупреждать и варяю (по-кирилловски) — разъезжаю; варять — плавать по водам. Дитмар (Chronicon) говорит, что у славян-бодричей были особые вооруженные стражи, наблюдавшие за целостью товара; что товар у них назывался *вара*, охранять — *гаичь* или *ветити*, отсюда стража — *варагайче* и *вараветниче*. У вендов оберегатель товаров назывался *воорагай*. Следовательно, варяги не составляли какой-либо отдельной народности, а просто это была особая каста военных людей, на обязанности которых лежала охрана торговых судов от нападения морских пиратов, называемых на Балтийском море викингами, а на русских реках слывших под названием «поляницы». В варяги принимались люди испытанной храбрости и честности. Предводители варяжских дружин именовались князьями, каковое звание встречается только у народов славянских, но не германских.

В Тамбовской губ. «варять» означает заниматься развозною торговлей. В Москве «варягами» называли торговцев-ходебщиков. Поговорка «полно варяжничать» — перестать выторговывать.

Нестор говорит (древнейший Лаврентьевский список), что варяги были: Русь, Свее (шведы), Аньгляне, Оурмане (нордманы) и Гьте (Геты или Готы), т.е. что у славян-Руссов охранители торговых караванов были варяги — Русь, а у других народов стража была своя, носившая (по Нестору) тоже славянское название, по господству славян на Балтийском море, а быть может и какое-либо другое, которого Нестор не знал, а потому и назвал сословие это общим славянским именем. Это последнее мнение более вероятно, так как ни скандинавские, ни датские историки варягов как военное сословие совсем не знают, по крайней мере, не говорят о них ни слова.

Варяги-руссы в IX в. еще господствовали на западном и южном берегах Балтийского моря, главный же прибой имели в Новой Руссе, в дельте Немана. Из этого-то сословия новгородцы с сосед-

ними народами в 862 г. и избрали себе князя. Следовательно, откуда бы ни пришел Рюрик с братьями, с шведского ли Упландского берега, принадлежавшего Руссам, с южного ли, для нас безразлично, но что он и дружина его были славяне — это несомненно. Шведы никогда себя не называли Руссами, а тем более «варягами-Руссами»[47]. Скандинавские историки о призвании князей ничего не говорят и Рюрика совсем не знают. О них говорит лишь один наш летописец Нестор. Для нас это очень важно, так как событие это касается только русских, а никого другого.

Нынешний Кенигсберг, бывший Кролевец, находится на р. Рерике, вытекающей из озера того же названия. Название Рерик на наречии славян-лютичей, живших на этой реке, означало сокола.

Столица славян-бодричей Рарог означала сокола.

Мекленбург, старый Миклухин-бор, бывши еще славянским, назывался Рюрик и означал также сокола. У древан сокол назывался руриком, у поморян рюриком, у верхних лужичан рурком. Имя Рюрика носил также брат владетельного князя Богемского (История Богемии. Палацкий). Имена орла и сокола у славян употреблялись искони как эпитеты молодечества. Латинские историки Латом и Хемницкий называют Рюрика внуком князя бодричей Витислава, от второго сына его Годолюба. Синеус — Синий-ус, как и Гвид, граф Бульонский, прозывался Белобородым, Фридрих I Рыжебородым, Гаральд III, датский король, — Синезубым, Генрих — Синею бородою и т.п. Трубор, Самбор суть также северные славянские имена. Трубор — трубить в бору, на охоте в рог.

Сага Едда Снорре говорит, что родина скандинавских, вернее прибалтийских, героев была страна «Свитиод», «Свидура», т.е. страна света, солнца, юг. По другим сагам герои эти были «азы», переселившиеся туда около I в. с берегов Азовского моря (Сага о Фритьофе Смелом. Тенгер). Нейман полагает, что из этой древней родины Одина или Водана пришли и варяги.

Варяги брили бороды, оставляя усы; так изображается на наших генеалогических картинах, а равно и на золотом брактеате, хранящемся в Копенгагенском музее, и Рюрик.

Напрасно норманисты, последователи Шлецера, стараются доказать, что имена 40 русских вождей, упоминаемых в дого-

---

[47] Финны шведов и норвежцев называют Руосси или Руоци, по старой привычке, по господству на тех берегах древних Руссов.

ворах Олега и Игоря с греками, суть германские. Это напрасный труд. Имена эти все славянские, с берегов Балтийского моря. Над этим уже потрудился с успехом Иловайский в «Розысканиях о начале Руси». А что германцы переняли и присвоили себе много славянских имен, переделали и перековеркали их до неузнаваемости, так это верно.

Желающие сравнить словари русский с немецким народным, французским и английским, а также итальянским с удивлением найдут в них не одну сотню слов с славянскими корнями. Это наследие оставили наши предки как самый многочисленный и древнейший народ Европы. (См. гл. VI «Геты—Руссы»).

Константин Багрянородный привел названия днепровских порогов по-русски и по-славянски, но перековеркал, как вообще и все греки, названия эти так, что на том и другом наречии их никто не поймет. Норманисты и тут ищут германские корни слов. Но это тщетный труд[48].

Римляне называли сербов Рассиянами, сами же сербы себя зовут Рассане и Рашане. Жупан сербский носил титул «расского». В Австрии живут Русины и Русняки. Неужели же эти народы получили свое название от неведомых германцев—руссов, как старается доказать Шлецер. Ведь цель его всем очевидна: унизить, умалить великий славяно-русский народ и произвести название его от несуществовавшего народа Руссов — норманнов, Руссов — шведов, о котором последние никогда не слыхали, руссами себя не называли и слово *князь* им даже неизвестно.

Во время призвания варягов в Новгород Старая Русса уже существовала; следовательно, в призвании князей действительно, согласно Лаврентьевской летописи, участвовали и Руссы, как стоящие во главе народонаселения Новгородской области.

Летописец говорит (Ипат. список):

«Идоша за море к Варягом Руси: сице бо звахуть ты Варягы Русь, яко се друзии зовутся Свее, друзии же Урмани, Аньгляне, инеи и Готе, тако и си — ркоша Русь, Чюдь, Словене, Кривичи и вся земля наша велика и обильна, а наряду в ней нет; да поидеше княжить и володеть нами».

[48] Д. Иловайский в «Розысканиях о начале Руси», стр. 126—140, в достаточной мере объяснил, что названия днепровских порогов, приведенные Конст. Багрянородн., имеют славянские корни и только записаны на двух наречиях — славянском и русском.

В переводе:

«Пошли за море к варягам — Руссам, ибо эти варяги назывались Русью, как другие (варяги же) шведами, норманнами, англичанами и готами. Сказали Русь, Чудь, славяне (новгородцы), Кривичи и все: земля наша...» и т.д.

Переселенцы из Старой Руссы, желая приблизиться к морю, основали Новую Руссу, которая была известна еще в 320 г. до Р. Х. (Пифей). Следовательно, Старая Русса еще древнее Новой. На существование г. Новой Руссы в дельте Немана, на правом рукаве его — Русе, близ взморья, указывают Скимн Хиосский и Холкокондила.

Есть предание, что апостол Андрей Первозванный при своем путешествии на север был в Новгороде.

Птолемей говорит, что жители берегов Балтийского моря венеты, принадлежавшие к славянскому племени, в 216 г. до Р. Х., теснимые Готами, уступили им янтарные прииски и подвинулись на северо-восток, на берега о. Ильменя и р. Ловати. Хотя Руссы в 166 г. по Р. Х. изгнали Готов из венетской земли, но поселенцы на Ильмене и Ловати остались на новых местах и основали там торговые города, из которых стали известны Новгород и Псков. Следовательно, Новгород был основан около 216 г. до Р. Х. В противоположность названию этого города прежние города венетов стали называться старыми городами — Stargard, где ныне Ольденбург. Иорнанд в VI в. писал, что в 350 г. по Р. Х. Новгород был покорен Готами, но ненадолго. Таким образом, все измышления Шлецера и его последователей о славянах-номадах и о скандинавской Руси являются грубой насмешкой над великой славяно-русской народностью. В доказательство этого мнения можно привести еще тысячи данных, но мы далеко уклонились бы от прямой своей задачи — истории жизни народов, считающихся предками казачества.

Глава V
Черкасия, Чигия, Алания и Казакия

Древнейших обитателей нынешней Южной России греки называли общим именем скифов и савроматов, т.е. именами, как мы видели из IV главы, нарицательными: у персов же они

слыли под именем саков[49]. Саки делали очень частые набеги на народы Ирана, Малой и Средней Азии; даже доходили до Египта, заняли Бактриану и лучшую часть Армении, которой и оставили свое имя Сакасена[50]. Большая часть саков в то время уже не была номадами, а обитала в богатых пшеницею местностях, как говорит об этом Херил в VI в. до Р. Х.

Скифское племя массагетов («масака» еврейских пророков) Геродот считает народом многочисленным и сильным, живущим на востоке за Араксом, т.е. за Волгой, и по берегам Каспийского моря[51].

Прокопий Кесарийский, современник Юстиниана I, причисляет массагетов к народам гуннским, т.е. славянским (см. гл. VIII о Гуннах). Народ этот, т.е. массагеты, любил одежду, оружие и конскую сбрую украшать золотом и серебром, был до дерзости отважен на войне, в мирное же время слыл за «великих пьяниц» (Прокопий, VI в. по Р. Х.).

Греческие легенды много говорят о сакских и массагетских женщинах, участвовавших в походах, и о царицах этих народов, которые удивляли всех военною опытностью и отвагою. Царица саков Зарина, красавица и хитроумная правительница, покорила все соседние народы, возделала большую часть страны, построила много городов и сделала жизнь народа счастливой. Народ в память ее воздвиг пирамиду, стороны которой у основания имели по 3 стадии ($^1/_2$ версты), а высотою в 1 стадию, с колоссальной статуей царицы наверху. Столица Зарины называлась, по Николаю Домасскому (I в. по Р. Х.) «Роскана-кою», т.е. дворцом Россов, и находилась где-то к северу от

---

[49] Геродот. VII, 64. Одежда саков состояла из подпоясанных кафтанов с рукавами, на голове высокие, остроконечные шапки, наподобие нашего башлыка, из плотного войлока, названные Геродотом *«кирбасии»*; на ногах широкие штаны и сапоги. Оружие: туземные луки, короткие мечи и секиры — *сакары* или сагары, от *сак* — сечь, рубить и *ары* или *иры* — мужи, воины.

[50] Страбон. XI, 8. 4.

[51] Геродот. I. 201, 215. Юст. I. 8. Стр. XI. Ра, Ара и Арас — Волга по Птолемею (II в.), Агафемеру (III в.), Аммиану, Марцеллину (IV в. по Р. Х.) и др. Массагеты, массака еврейских пророков, состоит из трех корней: *ма* — великий на семитических языках, *сак* и *геты*, от геть — идти вперед, смотреть. Сравнить санскр. tchit — умственное развитие и арм. gitenal — знать (см. гл. VI «Геты — Руссы»). Ной по-еврейски Ноах и Маноах — Великий Ной, это библейская транскрипция родоначальника всех народов — Ману.

Кавказа[52]. Известен рассказ о походе персидского царя Кира против массагетов, о геройстве царицы их Томирисы и о жестокой битве, в которой пал сам Кир, загнанный в ущелья Кавказских гор (529 г. до Р. Х.).

Могила одной из сакских цариц была найдена в 1864 г. в г. Новочеркасске в небольшом, расположенном на возвышенном месте кургане под названием «Хохлач» при устройстве главного бассейна для водопровода, находящегося ныне на Баклановском проспекте. В этой могиле кроме истлевших костей были найдены следующие предметы: 1) Золотая женская диадема, украшенная разноцветными камнями и мелким жемчугом; спереди ее прикреплен красивый резной бюст царицы из белого аметиста, с венком на голове, в котором над лбом царицы вставлен большой сирийский гранат. Сверху диадема имеет украшения в виде растений с идущими к ним оленями и козлами (аргалами), а внизу подвески, или по старинному русскому названию «рясны», в виде золотых репейков, идущих рядами кругом всей головы под нижним бордюром повязки; повязка убрана большими овальными гранатами и аметистами. 2) Массивное золотое ожерелье с разноцветными камнями. 3) Два золотых браслета. 4) Три золотые складные коробочки. 5) Золотой флакон для духов на цепочке. 6) Золотая статуэтка Эрота, играющего на свирели, и проч.

По заключению археологов, означенное погребение относится к первым векам нашей эры. Корона и другие предметы сделаны местными мастерами с подражанием персидским и среднеазиатским изделиям.

Вещи эти в настоящее время находятся в Эрмитаже: снимки с них можно видеть в Донском музее.

Ксетий (около 400 г. до Р. Х.), пользовавшийся для своих хроник царскими архивами персов, называет скифские племена, с которыми воевал Кир, саками и войско их исчисляет в

---

[52] Диодор Сицилийский. II, 34. На правом берегу Терека, близ станции Котляревской Влад. жел. д., на земле Бороковского аула, есть остатки древнего городища — крепости, возвышающейся над долиной Терека сажен на 20—30. Крепость имеет вид усеченной пирамиды со сторонами у основания около $^1/_2$ версты. Часть крепости смыл Терек. Наверху видны развалины башни из широких, с квадратным основанием кирпичей. У обрыва к Тереку виден толстый слой человеческих костей, пепел, каменные орудия, выше находят бронзовые и железные вещи, сабельные клинки, пряжки, бляхи и проч. Не это ли была столица Зарины Росканака?

300 тыс. мужчин и 200 тыс. женщин. Это и есть повторение легенды Геродота об амазонках.

Страбон (XI. 8. 5.) относит персидские празднества «Сакай» или Сакейские игры к победе Кира над массагетами, когда они, напившись вином, среди плясок были захвачены им врасплох. Шумные ночные оргии этого празднества совершались одетыми по-скифски и дерущимися между собою мужчинами и женщинами, которые тоже участвовали в попойке.

Аммиан Марцеллин (XXIII, 6. 7) рассказывает о походе Кира на Скифию Европейскую. Описанный Геродотом поход Гистаспа в Скифию подтверждается не только в сказаниях греческих писателей, но даже и в надписях самого Дария. Знаменитый, сохранившийся до сего времени манифест Дария на трех языках, с барельефом на скале в Багистане, указывает, что персидский царь причислял к подвластным себе народам и саков, — явное хвастовство, так как, по историческим данным, саки всегда били персов. Саки изображены и на террасе дворца персидских царей в Персеполе[53].

Более чем за 20 веков до Р. Х. саки из Бактрианы проникли в Пенджаб, в Пятиречье и далее в Индию, где образовали особое привилегированное сословие, из которого вышел известный царский род Сакиев, а из него Сакия Муни (Будда). В Риг-Веде (собрание знаний) и других священных книгах древних индусов, написанных на санскритском (арийского корня) языке, есть много гимнов, в которых воспевается северная природа и северные небесные явления, не свойственные тропическому поясу[54]. Эти данные, а также книга «Вендидат», глава 1-я (Зенд-Авеста Зороастра), и другие исторические сведения ясно говорят, что

[53] Одежда и вооружение саков-скифов прекрасно изображены на вазах, найденных в могильниках — Куль-Обском, близ Керчи, в 1831 г. и Чертомлыцком, близ мест. Никополя, на Днепре, в 1862—1863 гг. Одежда: шапка в виде башлыка из войлока, меха (овчины) и толстой материи, какие носят и теперь малороссы, — капелюхи; кожаная куртка, короткий полушубок, вышитый узорами по борту и полам; кожаные штаны навыпуск, со штрипками или убранные в голенища сапог, причем голенища обвязывались ремнем; на штанах вышитые лампасы в один и два ряда. Лица суровые, но красивые, с прямыми хрящеватыми носами и широкими бородами. Волосы носили длинные.

[54] Исследования Талака о «Ведах». Веды от славянского слова ведать, знать. Риг, рига, литовское риге — склад, складочное место товаров на древнерусском языке. Гора Риге при устьях Западной Двины, Ригино городище на С. Донце, старинная крепость Рига на Дону, близ Переволоки, тоже означают складочные места.

арийцы Индии пришли с севера. На это указывает и близкое сродство санскритского языка с древнеперсидским, языком парси или фарси, а этот последний близко стоит к древнему русскославянскому.

Приведем несколько слов индусских (сайванских), взятых из книги А. Вельдмана «Сайване или Германцы». Грайван, религиозное ожерелье — гривна; сарпа — обруч на ногах или руках в виде змеи; рота — обет, обещание; в русских летописях времен договоров Олега и Игоря с греками это слово употребляется в том же смысле. Дасья — податной, радх — ряд; грама, грамаджа — общество, сборище, приход, грамада; от грама произошло и слово храм. Грамаяджака — храмовой жрец; кула, кулан — колено; судха, содхана — суд, суждение; гопан — пан, бан, чепан, жупан, гопания — жупания, гупа, гупти — заключение, яма, тюрьма; от этого — губление, погибель, а также губной — уголовных дел староста; кундала — кандалы, цепи; пала и рупья — палочка и рубить — серебро, ценность которого определялась по весу, монеты, как и в Древней Руси: серебряная палочка — гривна рубилась на десять рублей. Ганна и кунна — числа, счет, то же, что куна в Правде Ярослава. Яни, янис, юван — юность, юный; ставира — старый, манава — мальчик, манака — маленький; лока — лико, лицо, стана — стан, грудь, кравья — кровь, чучи — цыца, сися, наса — нос, насика — носик, пата, пада — пятка, нагва, нагвас — ноготь, брува — бровь, акчи — очи; джала — острие, жало; питра, пати и тата — тятя, отец, батя, матри — мать, братри — брат, джани — жена, свасура — свекровь, свасрус — свекор, снуша — сноха, свакия — свояк, зьялика — золовка, деври — деверь, мануша — муж, суна — сын; любга — любовь, приясь — приязнь, приятва — приятство; пратьявайся — противный, бгаясь — боязнь и др.

В мидийском тексте надписей, выбитых по приказу персидских царей из рода Ахеменидов, все слова государственного и административного значения прямо заимствованы из арийского наречия высших классов, т.е. из языка одного из иранских племен, населявших Персиду, парсиев, парси (по-рси, по-роси). Этот язык нельзя смешивать с современным персидским, на котором, со времени нашествия магометан, лежит сильный отпечаток арабского языка. На языке парси за 2 тыс. лет до Р. Х. Зороастр, вернее — Зердест или Сердаст (дар царя), написал свою книгу Зенд-Авесту или Зендашту. Манифест Дария на скале в Багистане читается так:

«Адем (Аз есм) Дариус, ксежи (князь) озеркь (великий), ксежи ксежьеном (князь князей), ксежи Парси, ксежи дееном (областей), Юстаспа-и пютва (Юстаспе сын), Арсама-и непо Акамениси. (Арсаме внук Ахеменисский). Жади (рече) Дариус ксежи: Мъна (мне) пида (отец) Юстаспа. Юстаспа-и пида Арсам. Арсама-и пида Арьерамн... Жади Дариус ксежи: ои-ради (того ради) ым (мы) Акамениси жаемые (рекомые). Эзо (из) перьвидь (первых), амаде эмеи (явившиеся есьмы). Эцо перьвди (из первых) и э-мойем (наш) дома (дом) ксежье е (княжеский есть)» и т.д.

Кто сколько-нибудь знаком с древнеславянским языком и наречиями славянских народностей, тот ясно поймет, что язык парси во многом сходен с языком древних славяно-руссов[55]. Персы южнорусских славян продолжали называть «саками» и в последующие века. Название это впоследствии перешло и к арабам — «Секлаб», «Саклаб» и «Сакалиб» и татарам — «Саклаб». Славяне — Руссы были очень хорошо известны арабам, которые их в VII и последующих веках считали, как и хазар, своими злейшими врагами, даже врагами всего мира[56]. Арабские историки неоднократно говорили о Руссах азовских и черноморских, живших в соседстве с хазарами или входивших в состав этой монархии.

В 909 г. шестнадцать русских кораблей явились у Абесунга, расположенного у Каспийского моря[57]. В 812 г. Руссы на 500 кораблях, по 100 человек на каждом, из Волги вошли в Каспийское море и произвели страшное опустошение на его берегах. (Аль-Масуди, живший в X в.)

По словам Касума (Книги путей и государств) Руссы были одного племени с славянами, ходили на кораблях по р. Славонии (Волге) к Каспийскому морю, а также караванным путем до Багдада.

Ибн-Даст (X в.) говорит, что «Руссы живут на лесистом и болотистом острове, окружность которого равняется 3-м дням пути». Руссы эти занимались мореходством и пиратством.

---

[55] Манифест Дария. Сенковский, т. VI. В древнеперсидском языке буква д произносилась мягко, как дт, а также как ць, чь и кь. Адем — аць—ем— аз есм, ым — мы. В персидском языке часто встречаются перестановки букв, как и в славянских наречиях, например у сербов и черногорцев: свуд — всюду, сви — все и др.

[56] История царей. Эль-Табари. (Жил с 839 по 923 г.)

[57] История Табаристана. Мухамед Хассан.

Захваченные в соседних землях рабы сбывались ими в хазарском г. Итиле, при устьях Волги. Следовательно, Руссы эти обитали или при устьях Дона или в дельте р. Кубани, на Таманском полуострове.

Раскопки курганов-могильников на Таманском полуострове и восточных берегах Азовского моря дали богатейший материал для суждения о культуре и богатстве народов этой местности IV—I вв. до Р. Х. Погребения, судя по этим раскопкам, в общем сходны с древнеславянскими юга России[58].

Пространство, имеющее вид угла, между восточными берегами Азовского и Черного морей и Кавказом, у древних народов считалось родиной богов и народных героев и получило название «земли Азов», Asia Terra, *Asia ge* — священной земли. «Аз, аза, азен» у всех арийских народов обозначает бога, господина или героя.

Отсюда в незапамятные времена конные «азы», как представители военной силы, вышли на север и запад Европы, на Иранское плоскогорье, равнины Средней Азии и Индии, со своими родами или дружинами, одни — как завоеватели, другие — как колонизаторы, искавшие в чужих краях свободы и простора. Древнейшие греческие предания с этим же местом связывают и переселения народов в северную Грецию: Девкалеон, современник потопа, сын Кавказского Прометея и внук Иафета. Азия — мать или жена Прометея. Величественный Кавказ (Кауказ) означает жилище или поселение «азов». (Кау — по-осетински село.)

У древнейших славян, Троян и Этрусков (Гетов-Руссов) высшим божеством почитался «Асьмень» или Язмень, Яшмун, а происшедшие от него боги: Яси, Язи, Азы, Аезар и проч.

У скандинавских народов обоготворенные герои также назывались *азами* (Скандинавские саги). Ассур или Ашур — высшее божество у древних ассиро-вавилонян (в переводе «царь богов»), заимствованное ими от живших до них по Тигру и Евфрату арийских племен аккадийцев и сумеров, имевших высоко развитую культуру, которую можно сравнить только с египетской. «Перкун-аз» — главное божество у литовцев. «Варь-Язар» — языческий бог у мордвы. «Азар» на языке этого народа означает владыку, господина, бога. Ас-сир — господин по-сан-

[58] Русские древности в памятниках искусства. Толстой и Кондаков. 1889. Выпуск I и II.

скритски. Русское «князь», древнеславянское «коназ», сербско-черногорское кньаз, т.е. конный «аз», литовское «кунигас» и «витязь» (вит-аз) прибалтийских славян-поморян также означали владыку или господина. (Святовит — святой Вит; витязь — аз или защитник Вита, славянского божества.) Князья были и теперь есть у некоторых кавказских племен, у древней мордвы и даже у персов. Дарий Гистасп называл себя князем Персии.

Древнегерманское «кёниг» и скандинавское «кинг» есть не что иное, как «конник». Литовский «кунигас» — конный «ас», то же, что князь.

Сопоставляя все эти исторические данные, приходится прийти к выводу, что на восточной стороне Черного моря, у самой северной отлогости Кавказских гор, находится местность, в которой с самых древнейших времен встречаются следы, напоминающие собою имя Азии. До сих пор на эту местность не обращали должного внимания. Народов, живших там в I веке нашей эры, Страбон описывает так: Роксоланы (Рос-аланы) населяют равнины между Танаисом (Доном) и Борисфеном (Днепром) (VII, 3, 17). За Танаисом начинается Азия, первую часть ее населяют от северных стран и океана некоторые из скифов — кочевники и живущие в повозках; ниже их сарматы, они же и скифы, а также Аорсы и Сираки, тянущиеся на юг до Кавказских гор: некоторые кочевники, иные живут в шатрах и земледельцы; вокруг болота — Меоты (около Азовского моря). У моря на азиатской стороне Босфора (Керченского пролива) — Синдика. За нею Ахен (Ахап), Зиги и Гениохи, Керкеты (Чер-геты) и Макропогоны (длиннобородые); над ними теснины Фтирофагов (вшеедов). За Гениохами — Колхида, лежащая под Кавказскими и Мосхийскими (Менгрельскими) горами (XI, 2, 1).

Плиний (I в. по Р. Х.) говорит, что в Кавказском крае жили под именем Сарматов Меоты, Валы или Балы, Сербы, «Цинги» и др. Тот же историк упоминает Великую Скифию, идущую от Нижнего Дона на север и восток, и Малую — от Дона к Днепру и далее на запад. Он же говорит, что Аланы — соплеменники Роксоланам.

Географ Птолемей (II в. по Р. Х.) пишет, что по всему прибрежью Азовского моря живут Яциги и Аланорси (Алано-Россы), по Дону Танаиты (Танагеты).

Константин Багрянородный (X в. по Р. Х.) в 42-й главе своего сочинения «Об управлении Империей» говорит, что за Бос-

фором находится устье Меотийского озера, которое по его величине все называют морем. С восточной стороны море это принимает многие реки, каковы: Танаис, который идет от Саркела, и Харакуль (вероятно северный рукав Кубани — Кара-Ингул (Черная протока), в котором ловится рыба «берзетике»; кроме того, реки: Бал, Бурлик, Хадырь и многие другие (тоже рукава Кубани). Устье Меотиды, изливающееся в Понт, также называется Бурлик: здесь есть город Боспор, а напротив его лежит город, называющийся Таматарха. Это устье простирается на 18 миль, и посреди его находится большой низменный остров, называемый «Атех». От Таматархи на расстоянии 15—20 миль есть река, именуемая Укруг (Кубань), которая отделяет Зихию от Таматархи (области). Зихия простирается на расстоянии 300 миль от Укруха до р. Никопсис, на которой находится город того же имени. Выше Зихии лежит страна Папагия, выше Папагии Казахия, над Казахией Кавказские горы; позади Кавказа Алания. Морской берег Зихии имеет острова, один большой и три малых, между которыми есть и другие острова, населенные и возделанные Зихами, т.е. Турганерх и Чарбагани; кроме того, есть остров при устьях реки и еще около Птелеев; на последний спасаются Зихи во время нападения Алан. От Зихии по морскому побережью лежит Авазгия на протяжении 300 миль (Абхазия).

Иосиф Флавий в своем сочинении «Иудейская война» (VII, 7) говорит, что народ аланы есть скифское племя, живущее у Танаиса и Меотийского моря... Намереваясь вторгнуться в Мидию и более отдаленные страны с целью грабежа, они вели переговоры с царем Гирканом (грузинским), так как в его руках был проход, который царь Александр Македонский закрепил железными воротами. (Проход Дарьяльский или Дербентский.) Когда тот позволил им пройти, то они вторглись в Мидию и Армению во время царя Тиридата.

Светоний об аланах говорит: «Когда царь пареян Вологез просил римлян выслать ему на помощь против аланов войска под предводительством одного из сыновей Веспасиана, то Домициан употребил все усилия, чтобы его туда послали (XII, «Vitae imperatorum», VIII, 2).

У Диона Кассия читаем: «Фарасман II, царь Иберии, подучив масагетов и аланов напасть на владения пареян, пропустил их через свои земли. Набеги эти главным образом были направлены на Мидию, и только боязнь римского могущества, по-ви-

димому, спасла Армению и Каппадокию от их вторжения. Они возвратились в свою землю, испугавшись угроз Флавия Арриана, правителя Каппадокии, и удовлетворившись дарами, которыми их осыпал Вологез II, царь пареянский.

Аммиан Марцеллин, современник и соратник Юлиана, прозванного Отступником, говорит (17, 12—21, 35), что аланы размещены в обеих частях света (т.е. в Европе и Азии, считая границею между этими частями света р. Танаис). Они занимаются скотоводством, переходя с своими стадами с места на место, где есть хорошие пастбища. Но преимущественно заботятся о лошадях. Молодые люди с детства привыкают к верховой езде; ходить пешком считается позором. Вследствие разнообразных упражнений, они все хорошие воины. Аланы почти все стройны и красивы; волосы их темно-русые. Они страшны своими грозными очами и очень подвижны, вследствие легкости своего вооружения. Рабство им неизвестно, так как они все благородного происхождения. На охоту и за военной добычей они доходят до Меотийского моря (Азовского) и Босфора Киммерийского (Керченского пролива), также до Армении и Мидии.

Рассмотрим и поясним сказанное другими историческими данными. Между Доном и Кавказом во времена Геродота (V в. до Р. Х.) жили Синды или Инды — Индусы, имевшие много городов и высокую культуру. Гавань Синдов славилась торговлей. Синды были земледельцы и рыболовы. По Николаю Дамасскому (V в. по Р. Х.) Синды клали в могилы умерших столько штук рыбы, сколько они убили врагов. Подобные обряды погребения часто встречаются при раскопках могил в южнорусских степях и по берегам Аму-Дарьи. При исследовании Кобякова городища, близ Аксайской станицы, В.В. Богачевым в 1901 г. в нижних культурных слоях было открыто много скелетов крупной рыбы (осетров, сомов, сазанов, судаков и других), часто совершенно целых, вместе с костями млекопитающих и черепками грубо обожженной посуды из черной глины. Выше Синдов жили Меоты — собирательное имя нескольких племен (дандары, аспургиане и др.), занимавшиеся земледелием, по словам Страбона, но воинственные, как кочевники. «Аспургиане» от ас, азы и «пургос» башня по-гречески. Этот сильный народ имел много укрепленных городов с башнями. Страбон именует их азийскими городскими жителями.

В I в. до Р. Х. понтийский царь Пелемон, ставленник Рима, покорил Босфорское царство и распространил владения свои от

Дона до Колхиды. За возмущение Танаитов, пытавшихся отложиться, он разрушил цветущий и торговый их город Танаис, в устьях Дона, близ Елизаветовской станицы. В защиту Танаитов восстали азы, или аспурги, и после кровопролитной битвы, в 1 или 2 году по Р. Х., Пелемон был разбит и попал в плен, где и убит (Страбон). Азы овладели всем Босфорским царством и основали там свою династию царей, владычествовавшую до 337 г. по Р. Х. Эта аспургианская династия положила конец греческому и понтийскому периоду истории Босфора (на Азовском море), хотя культурным слоем населения этого царства попрежнему остались греки, о чем можно судить по надписям на монетах и камнях. Владения азов в этот период времени простирались от устьев Дона до Кавказского хребта. Босфорские цари дружили с Римом и находились как бы в вассальной зависимости от него. Из династии этой известны цари, судя по найденным монетам: Асандр, сын его Аспург, Котис I (46—63), четыре Савромата, Рескупорисов 6 или 7, Чиг (III в.) и друг. Юлий Савромат II (175— 211), по смыслу одной надписи, имел очень сильный флот и очистил от пиратов Черное море.

Босфорским царством вскоре овладели Гунны. Самым же распространенным названием народа, жившего между Доном и Кавказом, было, со временем Геродота, савроматы. Имя это было нарицательным и относилось ко многим южнорусским племенам, занимавшимся скотоводством и поставлявшим на греческие рынки хорошо выделанные сыромятные кожи. По Диодору Сицилийскому (I в. до Р. Х.) савроматы были будто бы колонией, выведенной скифскими царями из Мидии на Танаис. Помпоний Мела говорит, что сарматы народ весьма близкий к парфянам и по наружности, и по вооружению, но суровее их по нравам, как и по климату занимаемой ими страны (III, 4), а Тацит в своем трактате о Германии (XVII) делает замечания, что сарматы и парфяне носили широкие одежды. О сарматских, вернее — массагетских, женщинах ходило в древности много баснословных рассказов. Позднейшие писатели постоянно смешивали сарматских женщин с амазонками: даже говорили, что они всегда господствовали над мужчинами и управляли ими. Язык сарматов, по Геродоту и Овидию, был сходен с скифским, хотя по выговору несколько отличался от него. Ахеи или Ахаи Страбона и Авазги Константина Багрянородного суть Абхазцы, живущие и ныне на восточном побережье Черного моря. Heniochi — уздодержатели, вожаки колесниц, по-нашему —

конюхи. Почему это сословие людей Страбон выделил в особый народ, трудно сказать. Далее Страбон говорит (XI, 2. 12), что Ахай, Зиги и Гениохи жили пиратством, от которого терпели и греки, но Босфоритяне, стремясь к наживе, «иногда помогали им, предоставляя стоянки для кораблей и предлагая рынки для продажи награбленного».

Из этого видно, что Гениохи, помимо своих занятий, от которых получили свое название, занимались и мореходством.

Но самым интересным для нас народом, на который мы и обратим особое внимание, являются Зихи, жившие на островах в дельте р. Кубани. В латинском тексте в слове «Зиги» стоит буква «зэт», произносимая как З, в греческом же «дзэта», произносимая как ДЗ, ввиду чего историки название этого народа переводят разно: Сиги, Зихи и Зиги, Зыхи, Дзыхи, Циги (Штриттер и Герберштейн) и Джиги-Геты. Все это происходит оттого, что как в греческом, так и латинском языке нет соответствующей шипящей буквы для воспроизведения точного названия этого народа, но она есть у нас и эта буква Ч, а потому название народа Зиги и Дзиги должно быть переведено «Чиги». Чиги, по Страбону, были отважными мореходцами и пиратами. Греческие историки конца XIII и начала XIV в., Никифор Гигора и Георгий Пахимер, говорят, что Чиги, Геты и Россияне, жившие по берегам Азовского и Черного морей, были покорены татарами, служили в татарском войске и возвели могущество их на высочайшую степень славы[59].

Области, лежащие к востоку от Черного моря. т.е. Чигия и Абхазия, у Константина Багрянородного обозначены верно: но Папагия (Кабарда), Казахия и Алания только приблизительно, даже неопределенно. Алания будто бы находилась над Кавказом, а Казахия под Кавказом; выходит, что между ними лежал Кавказ. Но тут заключается явная неточность, и можно понять так, что они были разделены какими-то отрогами Кавказа. Судя по тому, что аланы, по известиям того же историка, могли заграждать сообщение волжским хазарам с кавказскими, т.е. с Кабардою и Казахией, а также затруднять сообщение с г. Саркелом, надо полагать, что Алания в те времена простиралась далеко к северу от гор; впоследствии половцами и татарами аланы были ограничены в той местности, в которой их застал Иосафато Барбаро, путешественник XV в., т.е. на восточных берегах Азов-

[59] Известия о Россах по византийским историкам с 306 до 1452 г. по Р. Х. Стр. 135 и 136. Ив. Штриттер. Изд. 1771 г.

ского моря, на 12 дней пути, вплоть до Черкасии, до подножия Кавказских гор. Барбаро говорит, что Алания названа так от народа алан, который себя на своем языке называет «ас». Далее, что Черкасы, Готы, жившие на берегах Черного моря и в Крыму, и аланы исповедывали христианскую веру[60]. Алания от «алань» — пастбищное, низкое место, годное для сенокоса и скотоводства. Аланники — скотоводы. Птолемей говорит, что по всему побережью Азовского моря живут яциги и аланорси, т.е. Алано-Руссы. На средней Кубани (Вардане) он отмечает город Черкасу (Сер-асу), т.е. главу или столицу азов, от которого произошло и название народа Черкасов. Черкасы впервые упоминаются в начале II в. по Р. Х.; они принимали участие в войне рим. имп. Траяна с армянским и парфянским царем Парфамазисом. В 107 г. Траян в Малой Армении в г. Сате принимал предводителя Черкасов Анквиала с большим торжеством и отпустил его с богатыми дарами, Анквиал, как правитель Черкасии, был известен и при преемнике Траяна Адриане[61].

Следовательно, Черкасы не были каким-либо отдельным племенем, а просто это была одна из общин народа азов или ясов Нестора, вошедших в VII в. в состав Хазарской монархии, как и другие народы Приазовья. Ясы господствовали на всем пространстве от Азовского моря до Каспийского и известны были то под именем «аланорси» и «аорсов» (Ар-рос, О-рос, У-рос), то «Касахов», «Казахов» (Ас-саков) и «Касогов» нашей летописи. Астрахань (Ас-тархан) называлась ясским торгом. Слово «тархан» персидское; оно означает: вольный, обеленный от подати торгаш, получивший право на торг, «тарханную или выкупную грамату». Славянское слово «торг» сохранилось в осетинском языке — «тарх», в Молдавии и Валахии «тырг», у татар «тура» — город. «Таматарха», в Русской летописи Тмутаракань, означает Таманский торг, с пристанью «Томи» или «Томеа». Торг этот под давлением с юга неприятелей нередко переносился в устья Дона в г. Танаиду или Тану. Тмутаракань у Константина Багрянородного названа Таматархой. Рядом с этим он употребляет и простое название «Матарха». В средневековых еврейских надписях встречается «Матерка», у Нубийского географа «Метреха», у арабов и генуэзцев — «Матерха», у Рубруквиса (XIII в.)

[60] Библиотека иностранных писателей о России. В. Семенов. 1836, т. I.

[61] История о Донском войске. А. Попов. Изд. 1814 г., стр. 60. История Попова о Черкасах составлена по цитатам римских историков I и II вв. по Р. Х.

«Матрига» и «Матерха», на итальянских картах XIV и XV вв. «Матрека» и Матрага[62]. В 1170 г. греческий Имп. Мануил дал Венеции разрешительную грамоту на торговлю с городами: «Россией» и «Матархой». На карте Эдризи, составленной выдающимся арабским географом в половине XII в., хотя эта карта и не совсем точна, недалеко от устьев Дона, названного у него «Русской рекой», помещен г. «Россия»; на восток от него «Матарха», близ которой впадает р. Сакир (Сак-ир), т.е. река народа саков, считаемая очень многими критиками за Кубань. К юго-востоку от Сакира лежит Белая Кумания, Черная Кумания, а к востоку Хазария и Алания. На карте второй половины XV в. Бенниказы «Русский залив» помещен на месте Миусского лимана; на северной стороне того же моря порт Ризано, а в устьях Дона г. Тана и Cassar degli Rossi. На месте нынешнего Темрюка — «Матрига». В Ипатьевской летописи под 1170 г. говорится о путях Соляном и Залозном. Профессор Брун в статье своей «Следы древнего речного пути из Днепра в Азовское море» разъясняет, что пути эти шли от Днепра к соляным озерам: Перкопским, Геническим и Бердянским по рр. Калмиусу и Миусу[63]. По этой дороге днепровская Русь, а потом и запорожцы часто ходили в Азовское море и через Керченский пролив в Черное; еще чаще этим же путем возвращались они обратно, после нападений на крымские и малоазиатские берега. От Миуса Руссы и запорожцы около мили шли волоком до р. Волчьих Вод, а из этой реки спускались в Самару, а потом в Днепр. Эти реки в то время были судоходны, и все пространство к западу от Дона, как говорит Рубруквис, бывший там в XIII в., было покрыто большими лесами, дававшими обильное питание рекам. Вот почему на карте Бенниказы устье Миуса и названо «Русским заливом». Этим же путем тмутараканская Русь сообщалась с днепровской.

Глава VI
Геты—Руссы

По историческим данным, приведенным в предшествовавших главах, Геты не составляли какой-либо отдельной народности; это было сословие, каста воинов, всегда располагавшихся

[62] Розыскания о начале Руси, Иловайский, стр. 332.
[63] Записки Одесского Общества. Т. V.

по границам славянских владений, так сказать — передовой оплот силы и могущества Славяно-Руссов. Каждое племя имело своих «Гетов» или, как позднее их стали называть греки, «Гофов и Готов», с прибавлением иногда — «Гетов-меченосцев» (metanastae)[64]. Как руги, ружане, уруги (от слова «руга», означавшего в Древней Руси дань зерновым хлебом) составляли у славян сословие земледельцев, а алане скотоводов, так и Геты были сословием военным. Древние историки о Гетах говорят только в периоды войн, внезапных нападений и дальних походов Руссов, в мирное же время, а также во время торговых сношений о них совсем умалчивают, иногда даже на целые столетия.

Гет — от слова «геть», двигаться вперед, идти в поход, а также знать, смотреть, перешедшее в армянский язык — gitenal — знать. Слово «гейт», «гей-ты!» — смотри ты означает осторожность, входившую в обязанность сословия Гетов. В малороссийской песне поется:

Солнышко вже, геть, припыкае,
Геть! покатыть дым да й поломья.

Здесь в обоих случаях «геть» означает «смотри».

Малороссийско-польское и русинско-сербско-черногорское «гайда» — идем (в поход), а от этого *гайдуки* или *гайдамаки* имеют одно и то же значение и один и тот же корень, что *геть* и *геты*. Болгарские *четы*, летучие отряды, охотники, называемые ими четники, суть тоже *геты;* в этом слове буква г заменена лишь буквой ч.

«Гетьман» — предводитель Гетов. Слово «геты» весьма древнее и почти всегда употреблялось вместе с названием какого-либо народа: Массагеты Геродота (великие саки-геты); Гедросии (Геты-Россы) у подножий Гиндукуша, где ныне Белуджистан, стан Белучей; Тиригеты, на Тирасе — Днестре (Страбон и Птолемей); Танаиты или Танагеты — Геты на Танаисе, или Дону; Пиенгиты, или Пиен-Геты — Геты на р. Пене, впадаю-

[64] Прокопий Кесарийский (VI в.) и др. греческие историки говорят, что Готы раньше назывались Гетами, а также скифами, савроматами, меланхленами, аланами и др. именами; что под именем Готов народ этот стал известен римлянам только при имп. Траяне, 106 г. по Р. Х., во время его войн.

щей в Балтийское море; Тиссагеты — на р. Тиссе; Геттуни и Готуни — Геты-Унны, т.е. Гунны; Рсигеты, на р. Рси, или Роси; Джигеты, т.е. Чиги-Геты в Чигии и соседи их (по Страбону) Керкеты или Чер-Геты; Гефи в Малой Азии и др. Кроме того, Геродот, описывая поход Дария, говорит о Гетах как соседях Фракийцев; Страбон же упоминает сперва «пустыню Гетов», расположенную к востоку от Дуная, а потом земли Тиригетов на Днестре (VII, 3. 2—17). Также: Мирогеты, Фракогеты, Самогеты и др.

Но самыми интересными являются для нас древние «Геты—Руссы» Италии, переделанные позднейшими историками в Этрусков. О славянстве этого народа свидетельствуют Плиний, Юстин, Диодор Сицилийский, Страбон и др. Тит Ливий (I в. по Р. Х.), родившийся в Падуе между славян, говорит, что горные славяне ничего не удержали из своего прежнего этрусского величия, кроме языка своего. Намогильные плиты Этрусков, а также и другие памятники, разбросанные по всей средней и отчасти северной горной Италии (древней славянской Ретии) с надписями на коренном древнеславянском языке, общем для всех славянских наречий, говорят о народе Гетах-Руссах, а не Этрусках. Алфавит, которым сделаны эти надписи, близко сходен с древнегреческим, так называемым Кадмовским, также с латинским и славянским Кирилловским, но древнее их всех, а потому может быть назван прототипом всех европейских алфавитов. Это алфавит «антикум». Элизе Реклю в своей «Древней Истории», гл. Х., называет его «умбрийско-оскийским», от славянского народа Умбров и Осков, в древности переселившихся в северную, а потом и южную Италию с Балканского полуострова. Область между рр. Тибром и Арно была населена Этрусками или Разенами (Расами). Египтяне, говорит Элизе Реклю, звали эту народность «Турша», т.е. Ту-рса или Рось, а древнегреческие певцы — тирсенами, которых позже мы находим в Этрурии. Судя по египетским надписям времен Рамзеса II, Менефты и Рамзеса III, т.е. за 1300 лет до Р. Х., народность эта, под именем Хитов, Гитов и Китов или Кеттов (Гетов), с севера двинулась на юг и захватила дельту р. Нила. Как Турша, так и Этруски были родственны Кетам, Хетам или Хеттеянам, т.е. Гетам, некогда владевшим Ассирией и дельтой Нила и остатки которых смешались с тамошними жителями и даже с евреями, о чем во многих местах упоминается в Библии. Геты дали части еврейского народа могучий рост, круглую арийскую голову, бе-

локурые волосы и более правильный и прямой нос, иногда как уклонение от первоначальной формы, сливообразный, резко отличающийся от семитско-арабского, бен-израильского. Геты также научили изральтян письменным знакам, земледелию и виноградарству. Они же дали им и институт пророков и многих царей. Судя по рассказам и свидетельствам древних авторов, которых теперь историки усиленно стараются связать в одно целое, Этруски или Расены были пришельцами из Малой Азии, т.е. из Трои, а также Фракии и высадились в Италии на ее восточном берегу, а потом «перетащились» на западный склон Апеннин в Тоскану. Там они основали двенадцать городов, составлявших между собою один общий союз; из городов этих известны: Руселы, Перусия, Коза, Популания, Пиза, Лука, Луна, Сена, Волсиний, Тарквиний, Капена и др. Эта федерация городов существовала веками в истории цивилизации Этрусков; городские группы населения состояли из нескольких республик, носивших в эпоху начала Рима аристократический характер, т.е. Геты-Руссы как господствующая народность главенствовали над Кельтами-Латинами. Впоследствии Расены двинулись к северу и заняли долину р. По, прошедши на запад до Ницы и на юг до г. Нолы, близ Неаполя, где стали известны под именем Вольсков и Кампанейцев, в нынешней Кампаньи, не зависевших от союза двенадцати городов, т.е. вольных кампанейцев, как запорожцы. На всем пространстве ученые находят следы бывшего этрусского величия, подробно описанные Элизе Реклю, а также множество письменных памятников, которые прочтены и объяснены известным славистом Фаддеем Воланским, с применением славянских наречий. Некоторые письмена читаются справа налево.

До Воланского никто из ученых не мог объяснить смысл этих, до того времени загадочных слов, какой бы язык к ним ни применяли: египетский, финикийский, еврейский и др. Только забыли про славянский. Всех смущал восточный обычай писать справа налево, а также преобладание согласных букв над гласными[65]. Этот способ письма, т.е. справа налево, древними Руссами несомненно заимствован с востока. Элизе Реклю приходит в отчаяние от того, что этрусские письменные памятники до сего времени не объяснены. Видимо, о существовании и

[65] Памятники письменности славян до Р. Х. Вып. I, II и III. Егор Классен. 1854 г. и 1861 г.

трудах славянского ученого Воланского он и не подозревал. Высшего благосостояния Этруски достигли в эпоху основания Рима, т.е. 25 или 27 столетий тому назад. Их политическое значение в то время было настолько велико, что простиралось даже за пределы их владений и достигало отдаленнейших берегов Средиземного моря, даже до берегов Западной Африки. Они овладели Кампаньей с суши и с моря и основали там множество колоний (компаний); это была вторая Этрурия, не менее богатая, чем северная, в отношении торговли и промышленности. Они вступали в сношение с Карфагеном и Афинами; им были известны все морские пути и горные проходы Альп; они работали в копях на о. Эльбе и имели в достаточном количестве художников и ремесленников, которые умели строить храмы, лить статуи, разрисовывать фрески и сосуды. Но уже в это время они подпали под железное иго жрецов, которые ухитрились малопомалу замуровать и этот великий русский народ в могильный склеп суеверия и предрассудков[66]. Главное божество Этрусков был Юпитер, царь неба, занесенный ими из Прикавказских стран и берегов Азовского моря. На древнеливийском языке «Баттус» наше батя, батько, батюшка — отец, старший, «властелин», Ю — небо, Юпитер (Ю-беттер) — небесный отец[67]. Этого божества у народов Италии, живших раньше Этрусков, не было. Юпитера окружали двенадцать других богов с совещательным голосом. Из других божеств известны: Диана — богиня охоты у Троян и в Приазовье; «Азмен или Ясмен и Езмень — бог азовских стран, народа «Азов»; «Марс» — покровитель и руководитель азовских «повольников», колонизаторов, искавших простора и воли в чужих странах, а впоследствии бог войны у римлян. Этрусские «повольники» назывались «Sacrani» (сохраняемые), или «Мамертини», посвященные богу Мамерсу или Марсу (Ма-рос, т.е. великий Росс). Марс или, как его называет Геродот, — «Арей», почитался у скифов как божество, покровительствующее военным успехам. Скифы в честь его на холме водружали меч, которому и поклонялись. Аммиан Марцеллин (IV в. по Р. Х.) говорит об аланах, что ими втыкался по

---

[66] Элизе Реклю. Древняя История. Гл. X.

[67] Сборник сведений о Кавказе. Т. II. Н. Зейдлиц. Тифлис, 1872. Осетинское *беттер*, древнеперсидское *пида*, греческое *патрос*, латинское *патер*, сайванское (индусское) *патра, пати*, скифское *Папай*, наше папа, батя, тятя и тата, татарское (заимствованное ими у арийцев) ата имеют один и тот же общий корень.

скифскому обычаю в землю меч и его чтили, как Марса, владыку окрестных стран (XXXI, 2. 23). Любопытно, что один из подобных мечей найден в Чертомлыкском кургане, близ местечка Никополя, на Днепре, воткнутым в стену над могилой.

Рим, по преданию, основан двумя союзными народностями, из которых одна была происхождения туземного, а другая пришлая; эта последняя, как говорят древние сказания, считалась за выходцев из Трои и переселилась под предводительством сына одного благочестивого царя Энея; между прочим известно также, что предание это относится к весьма ранней эпохе, раньше, чем римляне вступили в сношение с востоком. При первом столкновении рас, населявших Рим, более сильные считали себя потомками цивилизованных народностей, а более слабых относили к потомкам полуварварского туземного племени. Таким образом, плебеи считались потомками латинян, а патриции Гетов—Руссов. Позднее все правящие классы стали относить свою генеалогию к царям древнего Илиона, т.е. Трои[68]. В эпоху первой Пунической войны (264—241 до Р. Х.) до 50 римских фамилий вели свое происхождение от Энея, сына Анхиза, и Афродиты (дочь Дианы, по Гомеру). Эти две народности, т.е. туземную и пришлую, римляне олицетворили в легендарных героях — близнецах, основателях Рима: Ромуле и Реме, «рожденных от весталки Реи Сельвии и бога Марса», т.е. Великого Росса. Ромул убил Рема в споре о том, кому принадлежит честь основания Рима, иначе говоря — Руссы поработили латинян и стали господствовать над ними. В Риме имели своих представителей греки и сабиняне. Бывший профессор Пизанского, а ныне Неаполитанского университета Гектор Пайс в своем труде, озаглавленном Storia di Roma, в критике римской традиции об основании Рима до 390 г. до Р. Х., скептически относится к легендарным сказаниям о происхождении римлян от Энея и утверждает, что Фасты и Annales Maximae, погибшие в первоначальных подлинниках во время пожара Рима, впоследствии

[68] В Трое поклонялись богу Азу Илою (этрусская надпись — таб. IV, № 2 у Моммзена. Илион и Илея Геродота, лежавшая при устьях Днепра, с левой его стороны (кн. IV. 9, 18 и 79), где впоследствии в IX, X и последующих веках было Белобережье, упоминаемое в договорах Игоря и Святослава с греками, имеют между собою много общего и означают свободную, священную землю. Анахарсис, скифский мудрец, в Илейской роще совершал празднество матери богов — Мотри (Геродот).

подверглись значительной фальсификации, а потому он не придает никакой веры повествованиям о войне римлян с латинами и гегемонии первых над последними, о владычестве Этрусков над римлянами и о вторжении в Лациум сабинов, а также легендам о Сервии Тулии, Тарквиниях, о Нуме и о других 7 римских царях, отождествляя их с богами, считавшимися у римлян покровителями 7 холмов, на которых стоял Древний Рим, и, наконец, относит основание этого города к 1-й половине V века. Все события V в. римской истории Пайск считает удвоением событий IV в. и проч. Произведенные недавно раскопки на Палатинском холме, считающемся древнейшим поселением римлян, показали, что за 390 лет до Р. Х. Рим даже не был укреплен и что все найденные предметы относятся к эпохе не ранее V в. В 390 г. укреплен был только Капитолий, а так называемая стена Сервия Тулия появилась после нашествия галлов, т.е. в половине IV в. до Р. Х.

Пусть раскопки Палатина, быть может недостаточно изученные, остаются раскопками, а прекрасные легенды об основании Рима — легендами. Нам важно только одно: что Геты-Руссы с берегов Азовского и Черного морей в незапамятные времена перешли в Малую Азию и о-ва Архипелага, а потом под предводительством Энея в XII или XI в. до Р. Х. проникли, после разорения Трои, в Италию, основали там много городов и долгое время господствовали над туземными жителями, оставив после себя благородное потомство патрициев, о чем ясно говорит римский историк I века Тит Ливий, а главное — все сказанное им подтверждается множеством оставшихся этрусских памятников как искусства, так и письменности. Об этом мы и будем говорить.

История Тибра, судя по археологическим находкам в нем, начинается за шесть веков до основания Рима, если считать, что он основан в V в.; следовательно, к XII и XI в. до Р. Х., т.е. к эпохе переселения Гетов-Руссов в Италию. Археолог-профессор Ч. Ниспи-Ланди недавно нашел в Тибре очень много предметов доримского периода, работы мастеров из Этрурии: щиты, латы, мечи, брони, стрелы и проч. Все предметы чудной работы, какие только попадаются при раскопках древнеэтрусских городов.

В 1846 году, в октябре месяце, в Италии близ г. Креччио была найдена гробница Энея с лежащим на ней камнем с неведомой западному ученому миру надписью в виде вьющейся змей-

ки. Под камнем была открыта со сводом камера с прахом погребенного. Камень и могила были подробно описаны Теодором Моммзеном в его издании «Наречия нижней Италии», а также изображена и плита с надписью (табл. 2-я). Хотя форма выбитых букв надписи сходна с глаголицо-кирилловским алфавитом, а этот последний с греческим и латинским, но никто не мог прочитать ни одного в ней слова. Издатель откровенно сознался, что было бы большой дерзостью сделать даже попытку к истолкованию этой надписи.

Эту надпись прочитал и объяснил известный славист Фаддей Воланский, применив только древний славяно-русский говор. Надпись состоит из пяти стихов, написанных гекзаметром, и читается слева направо. Вот она в подлиннике:

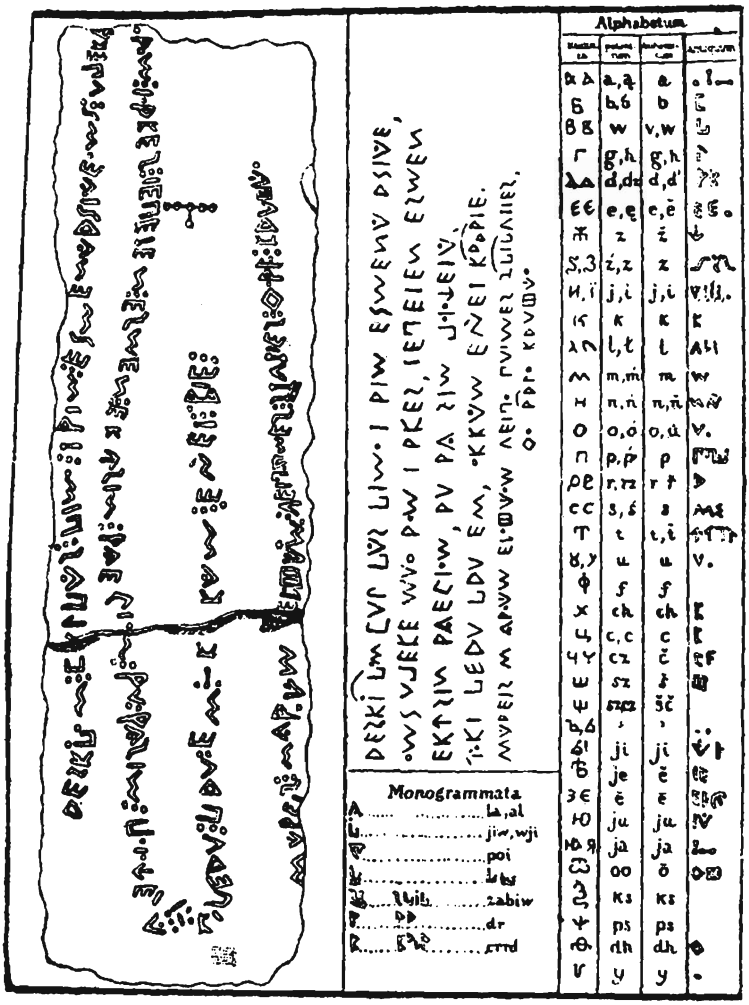
«Рески вес Бог, выш Вима и Дима, Езменю Росией.
Им же онеце мой дом и децес, лепейен Езмен.
Екатезин далечим; до долу зем поежею;
Тоци веро — веро ес! како ем Еней цар роде.
Сидеиз с Ладоим в Елишом, Лейты поймез забывлаез;
Ой! дороги, хороший!»

По-русски:

«Райский всех Бог, выше Вима и Дима, Езмень ты России,
Возьми в опеку мой дом и детей, наилучший Езмень!
Гекаты царство далече; до долу земли выезжаю;
Точно, верно — верно, так есть, как я, Эней, царь родом!
Сидя с Ладом в Елисее, Леты черпнешь и забудешь.
О! дорогой, хороший!»

По объяснению Воланского, Езмень или Ясмень, Асмен, также Ясень есть имя древнего божества, почитавшегося у восточных народов, также в Фракии и Трое. Асмен или Есмун был бог неба и всего мира. Вима и Дима, божества низшие, вроде Шивы или Сивы, почитание которого было занесено на восточные берега Азовского и Черного морей, в Белую Индию[69]. Дима есть обоготворенный сын троянского героя Дардана (дар *дана* или

[69] От бога Шивы или Сивы произошли названия залива Азовского моря Сиваш и колония греков Севастополь или Севаста на восточном побережье Черного моря.



Надгробная плита трояно-русского царя Энея. Читается справа налево

Сравнительная таблица древних алфавитов: кириллицы, полоницы, богемицы и гетов-руссов — алфавита антикум

реки). Все эти божества были чужды латинянам. Царство Гекаты — царство мертвых. Ладо — бог войны у славян. У малороссов и у южных славян, а также у нас на Дону и теперь поются песни с обращением к этому древнему богу: «Ой дид-Ладо!» или «Ой Ладо, Ладо!» Древность приведенной надписи и могильника всеми признана.

В 1746 г. была найдена в Тосканских владениях фигура, высотой 32 дюйма, голого гетского мальчика с гусем в руках. Фигура эта из музея Корразиано перешла в Лейденский кабинет, где Янсен, в росписи этрусских надписей, опубликовал ее под № 33. (По таблице Моммзена — V № 21, у Воланского в выпуске II — XXI). В течение слишком 100 лет очень много говорили об этой статуэтке, и антикварам она хорошо известна, но ни один из них не объяснил сделанную на правой ноге мальчика надпись. Воланский надпись эту, состоящую из двух гекзаметров, прочитал так:

«Бело гас вея нагнала: до воли дасе алпану;
Пенате! голен Гета туди нес толе надейс».

По-русски:

«Белого гуся буря загнала; он отдался воле Алпана;
Пенаты! голый (бедный) Гет туда нес, толико надеясь».

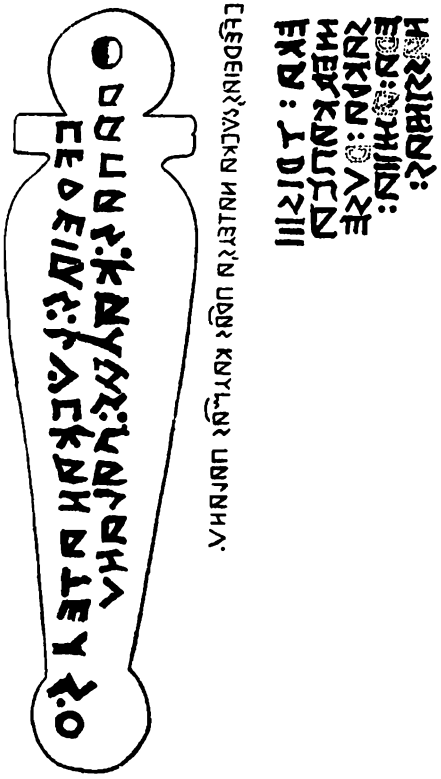
Алпан от ал — бог и пан — господин, т.е. господь-бог. У восточных народов: финикиян, евреев, а потом у арабов, персов, турок и мавров слово «ал» или «алла» означало, да и теперь означает Бога. «Ал» это цвет солнца, также цвет золота. Ваал — бог солнца, алтан — золото по-татарски; Алтай и Ала-тау — золотые горы; алый цвет — золотой, теперь бледно-красный. Аллилуйя — Богу хвала.

Надпись на камне, найденном в Капуе в 1723 г.

«Ека триситий мед Капова сакра роже.
Ера амиua нази зимас».

По-русски:

«Какой трисытный мед Капуя рождает.
Гера друг нашей земли».



Огниво V в до Р.Х.

Также найдена бронзовая продолговатая пластинка с круглой дырочкой. Она хранится в музее Сантангело в Неаполе. Назначение пластинки никем не было объяснено, пока Воланский не прочитал сделанную на ней надпись: «Вечеряяс, губка натейс, а пораж каймас палану». — «Вечереет, губку натисни и поражай каймы кремня».

Следовательно, пластинка эта оказалась мусат от кресала. Археологи ее относят к V в. до Р. Х.

В этой надписи кремень назван паланом от палить, запаливать, засвечать, каковое выражение до сих пор удержалось в русском языке. Название краев кремня или какого-либо другого плоского предмета каймами также осталось в русском языке. В надписи имеется две монограммы:

а) Вторая буква сначала, похожая формой на латинский F, заменяющий славянский Ч, имеет снизу маленький крючочек или прицепочку, отчего она произносится и за Е и в слове «вечереясь» за ч и е.

б) Третья буква во второй строке — этрусское Р, похожее на латинское D, получила еще от прицепочки и значение А, в слове «пораж». Этрусский алфавит (умбрийско-осский) вытерпел в течение нескольких тысячелетий, т.е. с начала возникновения много перемен. Первоначально в нем букв было немного, так что иная буква заменяла несколько звуков, сходных по произношению. Так, например, Б отвечало за П, В за Ф; Т за Д; Ц за К и Г, как это было и в Северном руническом алфавите.

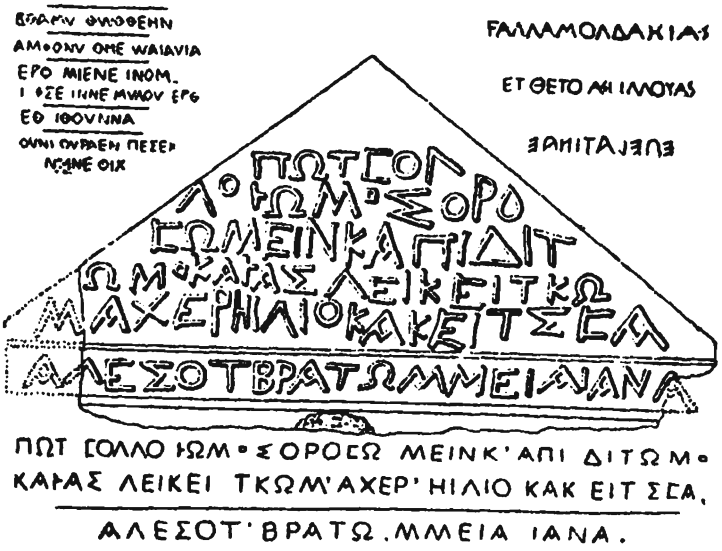
Древний алфавит, в котором буква с изображалась в виде латинского м, два раза изогнутой змейки, впоследствии предоставил это значение обыкновенному м, так как эта последняя буква была сходна с первой, но только изображалась в перевернутом виде, а вместо того изобразил звук с простой изогнутой змейкой, выражая тем ее шипение; это то же, что славянское зело, только изогнутое в обратную сторону. В следующие века алфавит этот является более усовершенствованным и переходит уже в латинский, так как все племена, населявшие Италию, смешиваются и образовывают одну общую великую нацию — римский народ.

Анахарсис, современник Солона, считавшийся, по словам Геродота, одним из мудрейших людей своего времени и происходивший из скифского царского рода, с северных берегов Понта, с низовьев Днепра (Бористена или Борис-тана), для удовлетворения своей любознательности посетил Афины и многие другие города и страны южной Европы и Азии, изучая жизнь и религии народов. По возвращении на родину он стал проповедывать поклонение единому, неведомому бессмертному Богу и стал приносить ему бескровные жертвы (совершать мистерии) в Илейской роще, за что и был убит своим братом. Древние историки приписывают Анахарсису изобретение огнива (около 600 г. до Р. Х.).

Не названное ли огниво, найденное в Этрурии, хранится теперь в музее Сантангело в Неаполе. Весьма вероятно. Археологи относят пластинку эту к V в. до Р. Х. Анахарсис посетил Италию немного раньше этого времени. На пластинке сделана надпись, указывающая ее назначение, нечто вроде рекламы. Такую надпись может сделать только изобретатель, с целью распространить свое изобретение в народе, понятно, бескорыстно, для пользы последнего.

Лепсиус, как и некоторые другие, пластинку эту признают за поддельную. Но о подделке ее не может быть и речи. Славянского гекзаметра и притом в устаревших выражениях никто не придумает в Италии и тем менее, что в последнюю тысячу лет никому и в голову не приходило толковать этрусские надписи с применением к ним славяно-русского языка. Это сделал только Ф. Воланский (Моммзен. Диалекты Нижней Италии. Табл. VIII, № 1).

Между Нардо и Угенто, где находилась древняя Ализза, при рытье фундамента в 1829 г. найдено подземелье, на стене кото-



Могильный камень, найденный в Анзи, в Этрурии. Под надписью видно изображение верхней части головы умершего.

рого надпись: «Чалла молданяся». — «Келья молитеся». По-чешски: «Cela modlitise».

Надпись на бронзовой статуе богини любви: «Мі велерещ — іатви ділай», т.е. «Меня восхваляй — детей приживай». Могильный камень, найденный в Анзи, в Базиликате (сним. № 6): «Путі воло іеом, соровою мейнк Апі-дітем: каяся лейкей таком Ахер ільо, как ейти себя. Алессоту брату Мамея Яна». — «Опутай волю им, суровая мука земли детям: каяться в илу Ахерона им легче, чем владеть собою. Алексею брату, Мамея Яна». Апи — земля у скифов (Геродот).

Надгробная надпись младенцу:

«Бел, детина, Бел презнатіал». — «Бел-бог, дитятко, Бел-бог предназначил».

У Моммзена — надпись, найденная в Рудже: «Ето дето Ази Іллояс». — «Это дано богу Илою» (богу Илиона, Трои).

Бронзовая фигура с милой улыбкой мальчика, держащего голубку, найденная в 1587 г., с надписью на ноге: «Воле дае,

може чо за ни милек чает». — «Волю дает, может быть что ее милый ожидает».

Надпись, найденная в гроте 1690 г. (у Воланского): «Мила Лале, моя краса», — перевода не требует.

Фигура этрусского воина 47 дюймов вышины, находящаяся в Лейденском музее. Фигура эта найдена в Равенне. Этот русский гет, сжав кулаки, готовится к бою. Подпись на правом бедре говорит: «Даву Цербера — меня за то руче!» — «Задавлю Цербера, — я за то ручаюсь!»

На голове воина надет скифский кирбасий, шапка — капелюг.

Этрусских письменных памятников очень много, и все они легко читаются с применением древнерусского говора, как памятники северных Руссов, разбросанные по музеям Копенгагена, Стокгольма, Берлина и других городов (рунические письмена). Но для нас важно одно то, что Этруски были Геты-Руссы, говорившие на русском языке, общем всем древнеславянским племенам; что Геты эти пришли в Италию с берегов Черного моря и Малой Азии, из древней Троады, и что троянский герой Эней был царь Руссов-Гетов, т.е. военного сословия Руссов, передового их оплота.

Теперь рассмотрим вопрос, кто были сами Трояне. Историю покорения Трои (XII в. до Р. Х.) писали Дит грек и Дарий, он же Дарет и Дарес — фригиец; оба они были личными свидетелями этих битв и оба утверждают, что Трояне не знали греческого языка во время прибытия к их берегам Язона. Этим ясно определяется, что они были не греческого племени. Они также не были и евреями, о чем последние не преминули бы упомянуть в своей истории: ни финикийцами, ни вавилонянами, ни ассирийцами, так как в оставшихся исторических надписях на камнях и черепках этих народов ни слова не говорится о троянской войне. Трояне были, как и Эней, Славяно-Руссы. Они раньше назывались Пелазгами, потом Фракийцами, после того Тевкрами, затем Дарданами и, наконец, Троянами, а остатки их, после падения Трои — Пергамлянами и Кемеянами. Города Кемь и Пергам построил Эней: в них поселились Трояне, избежавшие гибели в Илионе. Города эти, как и Илион, были расположены на полуострове, прилегающем к Дарданелльскому проливу и частью к Эгейскому морю.

Известный наш археолог и историк первой половины прошлого века А.Д. Чертков в своих исторических и археологичес-

ких изысканиях пришел к положительному заключению, что Пелезго-Фракийцы были славяне. О том же свидетельствуют и славянские на камнях надписи алфавитом «антикум», разбросанные по всей Македонии и Фракии. По сказаниям Дареса и Дита, Троянам были известны: скульптура, живопись, механика, поэзия, музыка, комедия и трагедия, между тем как греки в то время знали лишь одну грабительскую войну, ее зверства и хитрости, поэтому Трояне называли греков зверонравными. Троянам и соседним родственным им народам была известна и письменность: ею они пользовались во всех случаях повседневной жизни и в стихосложении гекзаметров. Алфавит был тот же, что и у Гетов-Руссов Италии. Многие исследователи позднейшего времени пришли к заключению, что Илиада была первоначально написана на языке славяно-русском и что автором этой поэмы был Дарес, он же Омир или Баян. Только спустя несколько веков Ликург нашел первые 8 песен этого произведения в г. Кеми. Омир, переделанный в Гомера, по словам самих же греков, не есть имя певца, а означало на камеянском языке слепца, т.е. дида-рылешника, слепого певца, бандуриста, «мирского».

Недавними специальными раскопками в Трое, Тиринае, на островах Архипелага и в особенности на острове Крит, в местечке Кноссос, около г. Кандии, археологами, первоначально в 80 годах прошлого столетия, немецким Шлиманом, а потом английским М. Эвансом, работавшим и в прошлое десятилетие, открыты такие предметы неведомой доселе, доисторической цивилизации, которые по своему высокому искусству и артистической отделке поразили весь ученый мир. Пейзажная живопись на кинжалах, украшенных инкрустациями и чеканной работой (Мицены), на золотых кубках, металлических пластинках и каменных плитах, а также скульптурные картины мелкой рельефной работы (Кноссос) достигли такого высокого совершенства, что им могут позавидовать лучшие современные художники. Всюду при раскопках попадаются тысячи текстов, деревянных, глиняных и металлических дощечек с рисованными и гравированными надписями. Лингвисты приходят в отчаяние, — они еще не смогли прочесть ни одного слова, а потому и не объяснили, что за загадочный доисторический народ жил в этих местах, достигший такой высокой культуры. Известный ученый лингвист Соломон Рейнах с горечью восклицает: «Мы обладаем в продолжение уже многих лет пятнадцатью тысяча-

ми этрусских и тремя стами ликийских текстов, но из них нам до сих пор не удалось дешифрировать, увы, — ни одного слова». А тут еще масса новых письменных памятников Кноссоса.

Западные ученые в своем самомнении не догадаются изучить древнерусскую письменность и применить к найденным текстам древний славянский говор. Они не знают Фаддея Воланского. Для разгадки этой цивилизации нужно взяться славянским ученым и идти по следам и методу Воланского, и тогда перед нами во всей красе восстанет и развернется сила и могущество высокоцивилизованного и древнейшего из древнейших славяно-русского народа, жившего более чем 4000 лет тому назад и достигшего на западных берегах Малой Азии, островах Архипелага, а в особенности на острове Крит высокой культуры и погибшего, по всей вероятности, взойдя на крайнюю степень цивилизации, от нападения звероподобных разбойнических племен дорийцев, двинувшихся за богатой добычей раньше XII в. до Р. Х., или от каких-либо стихийных бедствий и мировых катастроф.

То, что мы знаем из Илиады о Трое и ее обитателях, есть только туманные отголоски о той погибшей цивилизации неведомого нам народа.

При раскопках Трои Шлиманом и в Кноссосе Эвансом более всего удивило весь ученый мир то обстоятельство, что все женщины этого загадочного народа, изображенные как на картинах, так и на фресках и статуэтках, одеты в плотно прилегающие к бюсту корсажи с вырезом на груди и юбки с воланами, а также с другими подробностями туалета, обрисовывающими округлые формы, с двумя падающими на спину косами. Покрой одежд и женские украшения свидетельствуют об утонченности вкуса и эстетике. Вместо широких туник со скульптурными складками, падающими, как колонна, от плеч до самых ног, вместо развевающихся плащей, широко задрапированных вокруг стана, критяне носили узкое с рукавами платье, сложный покрой которого ускользает от нас, но вид его поражающим образом словно подсказывает современную женскую моду. Критские дамы носили корсет и шнуровали бюст. Тонкая талия была, очевидно, для них необходимым условием элегантности. Даже мужчины, судя по художественным изображениям, выгибаются в победоносных позах, показывая тонкость талии и ширину плеч. Все это вещи, не известные в классической Греции. На одной из фресок, найденных на о. Крите при раскопке

дворца мифического царя Миноса, отца несчастной Ариадны, изображен интимный кружок дам, болтающих с оживленными жестами и манерной грацией; все они одеты в закрытые платья. На некоторых картинах, изображающих, очевидно, особ в парадных туалетах, платья открыты и большею частью даже чрезмерно. Принцип на Крите, как видно, был такой же, как и у нас: чем значительнее обстоятельства, тем откровеннее были одеты дамы, с большими вырезами в корсаже на груди и спине. Попадаются статуэтки с воротником медичи, подпирающим затылок. Что касается юбок, то эти дамы оказывали явное предпочтение платьям с воланами — не менее двух-трех воланов; у некоторых по пяти, шести и даже более: это придает иногда их юбкам полноту кринолина. И этот, высоко цивилизованный народ, отвергавший, надо полагать, милитаризм, погиб, так как при раскопках оружие попадалось очень редко и то только в виде копий и изящных небольших кинжалов. Развалины дворца носят явные следы пожара; в подвалах было найдено несколько тайников, в которые, очевидно, наскоро были засунуты разные драгоценности, словно под страхом неизбежной опасности. В раскопках, относящихся к времени, последующему за катастрофой, виден отпечаток упадка. Остаток цивилизации в это время, вероятно, перешел или на континент, в города Пелопоннеса: Тирент, Мицены и др., или вследствие гибели цвета населения от неведомых нам бедствий цивилизация эта окончательно упала, и лишь мифические сказания греков, заимствованные ими от живших там раньше народов, смутно говорят нам о тех богоподобных героях, сила, ум и физическая красота которых несколько тысячелетий так обаятельно действовали на последующие поколения европейцев. К этим героям относятся и мифические изобретатели первых летательных аппаратов Икар и его отец Делал.

Таким образом, миценские художники, которых мы принимали за первых учителей Европы, являются только последними представителями уже упадочного искусства древних Руссов. Греки не вполне усвоили эту цивилизацию; хотя они в продолжение многих веков и шли по ее следам, но все-таки не достигли того совершенства, как погибшие жители о. Крита. Искусство греков против критского кажется холодным и безжизненным. Критяне являются нашими ближайшими родственниками не только благодаря живописи и модам своих женщин, но также по искусству и совершенству комфорта. При раскопках двор-

ца Миноса в Кноссосе археологи с удивлением и не без зависти открыли не только роскошные бани, но настоящие усовершенствованные lavatorus, со стенами, выложенными камнем, с прекрасным водопроводом. Этот факт заслуживает быть отмеченным, так как имеет для антропологов и истории цивилизации большое значение. Такая забота о гигиене и комфорте обозначает всегда исключительное положение культурности народа и отмечает последнюю победу цивилизованной расы над варварством. Век Людовика XIV с этой точки зрения, а также во многих других отношениях, в сравнении с веком Миноса, является отсталым и детским[70]. Найдены такие критские вазы XXV столетия до нашей эры, которые словно только что вышли из какой-либо парижской мастерской и которые не замедлили бы признать принадлежащими к стилю нового искусства. Сюжеты, дорогие сердцу критских художников, совпадают как раз с вдохновением наших великих керамистов[71].

Недалеко то время, когда славянские ученые расшифруют письменные памятники этого дивного народа, и мы во всей подробности узнаем его загадочную судьбу, его верования, нравы и обычаи и, быть может, многому у него поучимся. Путь к этому уже указан нашим славистом Фаддеем Воланским. По данным, уже имеющимся в нашем распоряжении, жители городов Трои, Пергама и Кеми, о-в Архипелага: Низироса, Карпатоса, Казоса и др., прилегающих к берегам Малой Азии, а также и жители о-ва Крита были те же Геты-Руссы, Разы или Расы, Рса, проникшие и в Бактарию, и далее до подножий Гинду-Куша (Гедросии), даже владевшие Ассирией и Египтом и частью переселившиеся, по падении Трои, в Италию, долгое время сохранявшие там свою религию, свой язык, нравы и обычаи и, в конце концов смешавшись с туземными жителями, образовали великий римский народ. Гетам, как военному сословию, не сиделось на месте: богатырская сила требовала простора и свободной боевой жизни в чужих странах; они шли, покровительствуемые Маросом (Великим Россом), в дальние страны, образовывали новые колонии, строили города и всюду несли свою культуру, как и в позднейшее время с Ермаком проникли в Сибирь, даже на Амур — в Албазин и Камчатку. Берега Черного моря, Малая

[70] Век Людовика XIV считается во Франции самым нечистоплотным; в это время в Париже было только две бани.

[71] Альма Тадема. Новое искусство. Четыре тысячи лет тому назад. Изд. 1906 г.

Азия, острова Архипелага, о. Крит — все политы кровью наших предков Руссов, всюду видны следы их пребывания, и будет время, когда наше великое племя вновь будет господствовать на всем этом пространстве и вновь воскресит и воздвигнет из пепла свою древнюю цивилизацию.

Геты-Руссы в древнейшие времена проникли из Италии в Испанию и даже на западные берега Африки, где основали много больших торговых городов на многоводном левом притоке Нигера Бенуэ, развалины которых видны и до сего времени. При раскопках 1904—1912 гг. были найдены Лео Фробениусом хорошо сохранившиеся предметы древнего искусства, так дисгармонирующие с окружающим африканским миром, точно осколки другой планеты, иной высокой культуры, когда-то занесенной из Европы, как, например: скульптуры на камне, отливки, чеканка из бронзы, лепные терракоты, античные головки, кувшины из фарфора и многое другое, а также ленточная по дереву орнаментика, подражающая плетению из тесьмы; при поверхностном, даже беглом взгляде на европейски-точный рисунок взор улавливает что-то знакомое, давно известное, поразительно сходное с древнегреческим и римским, а в особенности с этрусскими памятниками[72].

Помимо раскопок, экспедиция Лео Фробениуса исследовала и современную культуру племени иорубов, живущих по р. Бенуэ, и результаты получились самые неожиданные. В понятиях, представлениях, привычках и изделиях этого племени ясно выражаются черты, вполне сходные с культурой этрусков, сильного и богатого, как выше было сказано, народа, владевшего Средиземным морем. Постройки иорубов резко отличаются от негрских. Взамен обыкновенных круглых африканских хижин из ветвей и листьев здесь мы видим довольно сложные четырехугольные строения и притом в некоторых частях напоминающие этрусский дом с атриумом (площадкой) и имплювием (бассейном и садом), окруженными комнатами, конечно, в грубом виде. Как атриум, так и имплювий напоминают этрусскую форму, с воронкообразной, вдающейся внутрь двора крышей. В сухом климате Италии внутренний бассейн для стока с крыш воды является насущной необходимостью; в Африке же, при ее тропических ливнях, устройство его не вызывается местными условиями. Ясно, что обычай этот занесен извне и прочно удерживался в течение нескольких тысячелетий.

---

[72] Результаты раскопок экспедиции Лео Фробениуса 1904—1912 гг. — «Африка заговорила».

Религия иорубов также не африканская: они имеют представление о богах как индивидуальных, обособленных личностях — бог грозы, неба, земли, реки и т.д. Главный бог — бог грома и молнии в их понятиях напоминает славянского Перуна.

Этими исследованиями Фробениус устанавливает факт, что приблизительно за 3000 лет до нашего времени Западная Африка имела высокую культуру, занесенную извне и именно из Этрурии, земли Гетов-Руссов.

Некоторым объяснением к существованию этой загадочной цивилизации может служить следующее древнее сказание, слышанное греческим мудрецом Солоном около 600 г. до Р. Х. от старого египетского жреца. Это сказание передано нам философом Платоном. Жрец говорил Солону:

«О многих великих и чудесных делах вашего государства повествуется в наших летописях; но одно из них величием и доблестью превосходит все остальные, потому что в этих летописях говорится о могучей силе, которая неудержимо надвигалась на всю Европу и которой ваш народ положил конец. Эта сила шла со стороны Атлантического океана, ибо в то время по океану этому ходили корабли; и был тогда остров, расположенный против пролива, который вы называете Геркулесовыми Столбами (Гибралтар); остров был больше чем Ливия (Северная Африка) и Азия, взятые вместе, и через него лежал путь к другим островам, и с этого острова можно было проехать через весь материк, окружавший настоящий океан; потому что море, которое находится у Геркулесовых Столбов, есть только залив с узким входом, а это другое и есть настоящее море, и окружающую сушу можно по всей справедливости назвать материком. И вот на острове Атлантиде было великое и чудесное государство, которое владело всем островом и другими островами, также и некоторыми областями материка; и кроме них, оно подчинило себе часть Ливии по сю сторону Геркулесовых Столбов, вплоть до Египта, и часть Европы, до самой Тиррении (область Средней Италии, Этрурия)».

«Эта огромная, таким образом объединившаяся сила попыталась одним ударом покорить нашу страну и вашу и всю землю, которая была по сю сторону пролива; и тогда, Солон, твоя страна засияла превосходством своей добродетели и мо-

гущества над всем человечеством, потому что она опередила всех отвагою и военным искусством и была во главе эллинов. И когда другие отпали от нее, так что она должна была положиться только на свои силы, то претерпев самые крайние опасности, она разбила посягателей и восторжествовала над ними, охранила от рабства всех еще не покоренных и щедро даровала свободу всем тем, которые жили в пределах Геркулесовых Столбов. Но потом случились сильные потопы и землетрясения, и в один день и одну ночь непрерывного дождя все ваши воинственные борцы были поглощены землею, и остров Атлантида таким же образом исчез и потонул в море».

«Вот почему море в тех местах непроходимо и непроницаемо, ибо по пути встречается большое количество мелководного ила: и произошло это вследствие оседания острова».

На существование погибшей Атлантиды, страны мертвых, Авалон, в западных морях, за солнечным закатом, указывают и предания кельтов, древнейших обитателей южной Европы, а также и греческие легенды — Сады Гесперид, дочерей Атланта, с золотыми яблоками Геры (апельсинами и лимонами), где-то за Геркулесовыми Столбами.

Позднейшие геологические изыскания и исследования дна океана в области островов Мадейры, Канарских, Азовских и Зеленого мыса показали, что действительно в этой местности когда-то существовал материк, с необычайной быстротой опустившийся на дно моря. Не остатки ли этой доисторической цивилизации нашел Лео Фробениус на берегах Западной Африки? Весьма вероятно. Раскопки на о. Крите также ясно говорят о когда-то существовавшей там высокой культуре. Не этот ли доисторический народ вступил в борьбу с западными завоевателями, желавшими подчинить своей власти все берега Средиземного моря.

Камни говорят, что это могло быть так. Но только это были не эллины, так как в мифических сказаниях этого народа нет и намека на подобного рода события; притом цивилизация эллинов уже достаточно изучена и, как видно из раскопок, ничего общего не имела с критской.

Жрец говорил, обращаясь к Солону: «ваше государство»... «ваш народ»... Эти выражения — географическое указание на ту страну, которая встала на защиту своей независимости от

западных завоевателей. Все лучшие силы защитников погибли при геологической катастрофе, изменившей рельеф южной Европы и северной Африки, а следовательно, и очертание берегов Средиземного моря. Этою гибелью войск, надо полагать, и объясняется упадок цивилизации народа, населявшего когда-то о. Крит, Грецию и малоазиатские берега. Греческий миф о царе Миносе и его дочери Ариадне, а также о чудовище Минотавре есть только последний отголосок о бывшей когда-то в тех местах высокой культуре.

Черноморские и азовские Геты-Руссы имели постоянные сношения с своими соплеменниками Троянцами и соседними с ними народами. Во время осады Трои они на помощь им отправили 30 кораблей под начальством Антифа. В этот отряд входили народы: Низирос (Островитяне-Россы), Карпатос (Харваты), Казос или Казы (Азовцы, жители берегов Азовского моря — Азы) и Россы. Потомки этих народов поселились на островах Архипелага, дав им свои названия: Низирос, Карпатос, Казос и др. На защиту Трои также вооружились цари родственных им народов — фракийский Рез, павший от руки Диомеда, и ликийский Пандар, а также боги: Марс, Аполлон и Афродита.

Собственные имена Троянских героев также славянские. Царь Трои Лаомедонт, сын его Приам, названный так после выкупа его из плена, т.е. приятым, принятым. Сыновья Приама: Дий, Троил, Самбор (имя, встречающееся у славянских народов: венетов, моравов и харватов), Эсак, Парис или Борис (от бороться) и Гектор, самый старший. Имя Эней, которое носил один из героев Трои, также встречается в истории Чехии и Болгарии, часто в смягченном виде — Юней; Эней Сильвий, чешский историк 1458 г.

Скифы (по Геродоту) и Трояне (по Даресу) знали секрет бальзамирования трупов. У скифов целый год возили по всему государству набальзамированный труп их царя; у последних тело Гектора также было набальзамировано и помещено в сидячем положении на все время печальной церемонии, до совершения по нем славянской тризны. У Троян был обычай, как и у славян, рыданий по усопшим, и за гробом шли обыкновенно плакальщицы с распущенными волосами, сопровождая покойника рыданием и причитаниями.

Руссы, переселившиеся в Италию, назывались там коренными жителями «Трояни люди». Только впоследствии из славянского слова «люди» латины образовали свое «ludo», игра.

Слово «Трояни» осталось без перемены, но уже отнесено было не к народу, а к свойству игры. Руссы часто устраивали конские ристалища и турниры, отчего эти военные игры так и названы. (Классен, вып. III).

В первые века нашей эры, по известиям византийских и римских историков, Геты или Готы с берегов Азовского и Черного морей неоднократно нападали на римские владения как с суши на Дунае, так и с моря, на прибрежные города: так, в 106 г., в правление императора Траяна, они разорили провинции на Дунае; в 258 г. ограбили берега Абхазии, разрушили Трапезунд и многих жителей и богатства перевезли на берега Азовского моря. В 262 и 263 гг. Геты грабили берега Фракии и Малой Азии, а в 267 г. взяли Каппадокию и разгромили Афины. Прокопий (VI в.) и другие греческие историки называют Гетов то Готфами или Гофами, то, по старой привычке, скифами, сарматами, роксоланами и аланами, причем Прокопий утверждает, что Геты и Готы был один и тот же народ. Синкел, историк VIII в., говорит: «Скифы, которым на родном языке имя Готы», а Феофан (VIII в.) — «Геты или, что одно и то же, склавины», т.е. славяне. В III и IV вв. Готы господствовали на всем северном Черноморском побережье. Но в то же время мы встречаем их под тем же названием и на берегах Балтийского моря: так, например, Птолемей говорит, что в его время (II в. по Р. Х.) Геты владели янтарными берегами и что их вытеснили оттуда роксоланы. В IV веке Геты в правление знаменитого гетмана Эрмана, как сильное военное сословие, покорили почти всю нынешнюю Европейскую Россию, в том числе и Новгород (350 г.) и наложили дань на все жившие там народы: скифов, чудь, весь, мерю, мордву, корелу, рокасов (Русь), венетов и др., одним словом, на все те народы, которые впоследствии перечисляет Нестор[73]. Но скоро господство их, со смертию 110-летнего Эрмана, было свергнуто. В IX в. Готы (Готе, Гьте) вновь, как говорит Нестор, покоряют Новгородскую землю и берут с нее дань, но новгородцы в союзе с чудью, мерей, весью и кривичами, перед призванием князей, прогоняют их. На пребывание этого народа на берегах Балтийского побережья и теперь указывают многие названия

[73] Иорнанд, историк VI в., готского предводителя называет Эрманариком, т.е. Эрман-рик. Riek, произносимое как «рик», означало не царя и не короля, а просто предводителя, атамана или гетмана. Многие историки делают ошибку, говоря: король Эрманарик, король Гелперик; в переводе это значит: король Эрман — гетман, король Гельпе — гетман и т.д.

местностей, как то: о. Готланд и полуостров того же имени, в южной части Швеции[74]; гор. Гетеборг (Гетский бор) там же; р. Гота и др. В писцовых книгах древних новгородских погостов мы находим конных Гофейских казаков (готских), переселившихся в Бежецкую пятину. Кроме того, не так давно в Новгороде ремонтировали один из старейших соборов, построенный еще в XI веке; во время работ обвалилась на одной из стен штукатурка и там оказалась фреска, происхождение которой относится к первоначальной постройке собора. Фреска изображает воинов, вооружение и одеяние которых совершенно сходны с древним казачьим, сохранившимся до конца XVIII в.

Походы южан Гетов на север, к берегам Балтийского моря, в то время были очень часты; их не стесняли ни дальность расстояния, ни трудность пути. В надежде на богатую добычу и в поисках приключений они исколесили всю нынешнюю северную Россию и берега Балтийского моря и везде, как и в 1609—1617 гг., те же Геты — запорожцы, наводили страх и ужас на местных жителей. Вероятно и то, что к этим походам с берегов Азовского и Черного морей Гетов двигали и какие-либо крупные исторические события, как, например, нелады с гуннскими царями, а потом с хазарами, или междуусобицы северных русских князей, быть может, звавших их на помощь[75].

Запорожцы в числе 10 тыс. пристали к Димитрию I в борьбе его с Годуновым. Потом, после битвы под Добрыничами, к ним пришло на помощь еще 7 тыс. Видя неустойчивость бояр в присяге и ненавидя все московское, они в 1606 г. взяли Пронск, Михайлов, Зарайск, Рязань, а потом в 1611 г. напали на Козельск, в 1612 г. взяли Вологду и истребили за преданность кичливым боярам всех ее жителей. В 1615 г., по словам неко-

---

[74] Готланд — от гот или гет и *ланд* — площадь, местность, страна, по-немецки. Германисты с полной уверенностью утверждают, что *ланд* чисто немецкое слово, но это неверно. В русских говорах и даже очень древних слово это также имеет определенное значение: а-лань — пастбищное место, сенокос, во многих губерниях России; от этого *аланы* — скотоводы; поалане (поляне) — жители равнины, поля. *Лан* на Дону означает полосу пахотной земли. Теперь спрашивается, кто же и у кого заимствовал это слово: германцы ли, обитатели лесов, знавшие одну грабительскую войну, у земледельцев-славян или славяне у германцев. Мы думаем, что ответ здесь ясен.

[75] Сага *Тенера* о Фритьофе Смелом, Едда Семунда и Едда Снорре говорят, что и Геты переселились с юга на север в I в. по Р. Х.

торых польских и русских летописей, казаки запорожские и городовые превзошли в жестокости не только поляков, но даже и татар. В 1617 г. казаки напали на Новгородскую область, где жгли и грабили. Потом опустошили уезды: Углицкий, Пошехонский, Вологодский и пошли в поморские места, были в Наваге, Тотьме, Устюге, Двинской земле, Яренске, потом в Олонце, в Сумском остроге, в Заонежье, в Луде, у Ледовитого моря и возвратились в Каргополь, а оттуда через Новгород в Малороссию с многими пленными, которых продавали в рабство татарам и полякам. В 1618 г. с гетманом Сагайдачным и Канишевичем взяли Ливны и Елец и всех жителей истребили. Так делали и их предки Геты. Такое было время. Свободолюбивое казачество XVII в. карало Древнюю Русь за ее косность и собачью преданность клятвопреступному боярству.

Из раскопок могил в областях древнего Новгорода, произведенных по поручению Импер. археол. общ. в 1872—1873 гг. Ивановским, в достаточной степени установлено пребывание там в XI и XII вв. темнорусых южан воинов, резко отличавшихся строением тела от местных светловолосых земледельцев. Ивановским было разрыто 819 курганов-могильников. Громадное количество бронзовых и медных вещей, оружия, в виде сабель и копий, черепков, волос мужских и женских с сохранившеюся прической, самоцветных камней и монет — доказали самым наглядным образом, что по лицевому углу народ этот был славянского племени, темнорусый. Мужчины роста высокого, прекрасного сложения, с коротким туловищем, но развитыми голенями от постоянного движения, каковые имеют только природные моряки и конники, но не земледельцы[76]. Воины эти носили плащи из выделанных кож, застегивавшиеся на плече большою запонкой с цветным камнем. Женщины были также темнорусы, среднего роста, прекрасного сложения, с развитым тазом и нежными костями — от сидячей, недеятельной жизни; на голове носили металлический обруч, а на руках и ногах браслеты из белого металла без замков, точь-в-точь такие, какие еще недавно носили женщины на Дону, в особенности среди консервативного населения старообрядцев, так называемые «базилики» от базилиус — царь, т.е. царские украшения. Также носили оже-

[76] По исследованию американского профессора-антрополога Гульда, характерными признаками природных воинов — конников и моряков являются короткое туловище, высокие, развитые в голенях ноги, длинные руки, ноги и шея. «Физическое развитие человеческих рас». Проф. Ранке. 1902.

релья из горного хрусталя и разных цветных камней; рубашки на груди застегивались семью цветными пуговицами и стягивались кожаным кушаком с металлическими украшениями, имеющими рисунок, схожий с узорами донских поясов прошлого столетия. На поясе у мужчин всегда висел нож в оправе. Покойники похоронены сидя и лежа, привязанные к доске. Почти у всех на шее были кресты. В могилу клали разный домашний скарб: оружие, горшки, одежду с украшениями; но ни женщин, ни коней в мужских могилах не было, за исключением 2-х могил из 819, в которых были женские скелеты. Класть с собою в могилу вещи домашнего обихода и войны есть языческая форма погребения. Хоронить покойников сидя и лежа, привязанными к доске есть форма восточная и тоже языческая. Из этого видно, что погребенные там христиане отправлялись на тот свет по-язычески. По монетам и ценным с обделкою вещам можно судить, что эти славяне вели торговлю с Европою через Балтийское море и Азией через волжских Болгар и жили в XI и XII веках, т.е. во времена Владимира Святого, его сыновей и внуков. Все эти вещи г. Ивановским были представлены на рассмотрение археологического съезда в Киеве в августе месяце 1874 г. (Отчет съезда). Эти темнорусые славянские воины — южане, погребенные на севере по восточному языческому обряду с копьями и саблями, суть не кто иные, как наши предки Геты, новгородские казаки, варяжничавшие на Балтийском море и впадающим в него рекам и зашедшие туда с берегов Азовского моря с II в. по Р. Х. Путь с юга на север и обратно, «из варяг в греки», как говорит Нестор, был многоводный Днепр; по нем древнее гетское казачество на своих легких стругах постоянно переходило с юга на север, а потом нередко спускалось вниз по Волге в Каспий, а иногда в жажде новых открытий и приключений по Балтийскому морю проникло в Северное, далее, под общим именем «норманнов», заходило в устье р. Темзы или Лонодона (Широкого Дона) и появлялось даже в Испании и Италии, где наводило на прибрежных жителей такой страх, что духовенство последнее прошение в молитве Господней переделало так: «и избави нас от норманнов». Из становищ этих северных Гетов-Руссов по берегам Балтийского моря, в Швеции, известны: Рослаген или Родслаген, от Росс и лага (кочевье). Слова Lag и Lagh однозвучащие с Laga, равно как и немецкое Lager, принятое у нас в русский язык в слове «лагерь», употребляются для означения военного кочевья. Сигтун (Чиг-

тун) — город близ Родслагена, основанный Готами в I в. по Р. Х. Siokonung-ом (Сивоконем) Воданом. (Туна — тын, по-немецки Zaun, по-английски town — ограда, город). Рескильд — в буквальном переводе «кол для Руссов», т.е. место их казни. В Норвегии Фрёнделаген — место кочевья Гетов «фругундионов» или Фрягов — Уннов. В Англии Данелаг (Danelagh).

В 844 г., как известно из западноевропейских хроник, норманны сделали высадку в Испании, занятой тогда арабами, и ограбили город Севилью. У одного из арабских писателей того времени Эль-Якуби в его сочинении, писанном 819 г., сказано следующее: «На запад от города Эль-Джазира (ныне Альгасирас, недалеко от Гибралтара) находится город, именуемый Шибилия (Севилья), при большой реке, которая есть река Куртубы (Кордовы — Гвадалквивир). В этот город вошли маджус (язычники), которых называют «Рус», в 229 (по нашему летосчислению в 844) году и пленили, и грабили, и жгли, и умерщвляли». Из этого известия усматривается, что название «Русь» существовало как племенное имя между норманнами еще до призвания наших первых князей.

В сочинении итальянского писателя X в. Лиутпранда, епископа Кремонского, сохранилось известие о неудачном походе Игоря на Царьград. В известии этом, записанном автором со слов своего отчима, бывшего в то время в Константинополе и присутствовавшего при казни русских пленных, говорится, между прочим, что на город напали Россы, «которых мы называем другим именем — Норманнами». В 938 г. Лиутпранд был сам в Константинополе и оставил даже нам краткое описание тогдашних русских кораблей. Из этого можно заключить, что автор, видевший современных ему Руссов воочию, конечно, допустил отождествление их с норманнами не по одному гадательному предположению, а основывался на личном знакомстве как с теми, так и другими. Следовательно, привычка историков называть норманнами только германцев не выдерживает критики. Слово норманны, т.е. нордманы, есть не этнографическое, а географическое название народа. Часть южных приазовских и черноморских Готов, господствовавших в тех местах до половины VI века, не захотев подчиниться владыкам вновь образованной Гуннской монархии, двинулась на запад; в начале V в. они наводнили Мизию и Фракию, а оттуда пошли далее и утвердились в Италии, Галлии, а потом в Испании, где остатки их можно встретить и в настоящее время, в горах провинций

Галиции и Астурии. Из Испании часть Готов вандалов перебралась в Африку (В.И. Ламанский. — «О славянах в М. Азии, Африке и Испании». Западные историки этот народ обыкновенно разделяют на восточных и западных, между тем как византийские этого деления не знают, а просто говорят о Готах как об известном и современном им славянском народе (Евналий Сардийский, Олимпиодр Фивейский, Приск Ритор, Петр Магистр, Прокопий Кесарийский и др.).

Некоторые из этих историков к Готам относят также вандалов, гепидов, герулов, скиров или щиров, ругян, аланов, бургундов, или варугундов и др. Немецкие историки, как например К.Ф. Беккер, Готов обыкновенно относят к германскому племени, хотя ни один из них в подтверждение своего мнения не приводит никаких убедительных данных[77]; напротив того, греческие и римские историки того времени народ этот причисляют к племенам славянским и положительно утверждают, что в древности они были известны под общим именем савроматов, скифов, меланхленов и гетов (Прокопий и др.). Геты, как сказано в начале настоящей главы, были военным сословием славяно-русской народности, передовым ее оплотом. Эти-то беспокойные военные дружины, как неоднократно нападавшие на греческие и римские владения и даже не раз громившие Византию, и были более всего известны историкам того времени под собственным их именем Гетов. В IV и V вв. славянские племена, жившие к западу от Дона, т.е. в Великой Скифии, как то: анты, роксоланы и др., не пожелали подчиниться гуннскому владычеству, часть их двинулась за Дунай и наводнила Балканский полуостров. Эти племена историками по старой привычке также были названы Гетами, или в новом варианте Готами, Гофами и Готфами. О славянстве Гетов или Готов свидетельствуют исторические данные. Овидий (ex Ponto, III, 2, 39—49) говорит, что язык гетов и сарматов был сходен со скифским, т.е. славянским[78]. Иорнанд (VI в.), принадлежавший сам к мнимо-

[77] Всемирная история. Ч. III, кн. V.

[78] Теория Нибура о монгольстве скифов давно уже опровергнута. Уокерт доказал, что скифы были племя арийское. Далее него в том же направлении пошел Бергман (1828 г.), потом Куно (1871 г.), который в скифах видит славяно-литовскую семью исключительно. Из славянских ученых мнение это подтверждают: Коллонтай, Потоцкий, Шафарик, Венелин, Надеждин, Чертков, Воланский, Классен и многие другие. Известный наш археолог Самоквасов в раскопках юго-востока России не нашел присутствия монгольской расы.

му готскому народу, называет соплеменников своих Гетами («de rebus Geticis») и тут же объясняет, что он происходит от алан; следовательно, он сделался гетом, вступив только в это сословие, ибо не мог же он происходить от гетов и алан вместе. Точно так же и Геты придунайские носили славянское племенное имя Даков или Дациев, Дациан, от какового слова А. Вельтман производит название немецкого народа «Дейтш», впервые явившееся в VIII в. Туберони ясно говорит: «что относится до славян и гетов то они составляют один народ». Фома архидиакон говорит о далматах так: «хотя многие зовут их готфами, однако же их собственное имя славяне». По этому обыкновению называть славян готами и Солунский собор (1060 г.) назвал славянскую азбуку Кирилла «готфскою». Георгий Синкел, византийский историк VIII в., определенно высказался: «Скифы, которым имя на родном языке Готы», а предшественник его Феофилакт писал: «Геты или, что одно и то же, склавины». На славянство Готов указывают и имена их князей или предводителей, гетманов, к каковым именам в конце часто добавлялось слово «рик», означавшее на их языке вождя, но не короля. Из этих имен известны: Эрмана-рик, Гельпе-рик, Эра-рик, Афанарик, Атала-рик, Февде-рик, Амала-рик, Ала-рик, Эрмина-рик, Валамир, Аспар, Дония, Валлиа, Гретий, Охон, Тодасий, Сварт, Навлопад, Гонтарий, Илдивад, Февдат, Года, Гелимер, Гивамунд, Кунимунд и др. Одоакр, от испорченного славянского имени Одьекарь — откликающийся (одьек-эхо), сын гетского предводителя, князя Щиров, Яздяконя, разрушил в 476 г. Запад. Рим. Империю. При чтении этих собственных имен нельзя забывать, что они дошли до нас в латинской и греческой переделке: следовательно, в большинстве случаев мы не всегда можем восстановить их точное первоначальное произношение.

По известиям Сократа Схоластика и Созомена Саламинского, Готы Приазовья и Таврического полуострова приняли христианство от греков в IV в., как и все соседние с ними славянские племена. Просветителем Готии был епископ Ульфиил, переведший на готский язык и книги священного писания. Этот епископ вскоре после того (359 г.) принял учение Акакия и отверг Никейский символ веры (церковная история Сократа Схоластика). По исследованию архимандрита Арсения, Готы говорили на одном из славянских наречий и богослужение у них совершалось на языке «рушком». Эти-то книги священного писания и нашел св. Кирилл в Херсонесе Таврическом в 858 г. (Паннонская летопись).

Готы занесли в Северную и Среднюю Европу особый архитектурный стиль, известный под названием готического, раньше господствовавший среди арийцев Передней Азии: персов, армян, бактриан и др., а также ассирийцев и впоследствии арабов.

В IX—XIII вв. Готы, как и Руссы, по словам Нестора, варяжничали по Балтийскому морю и по другим водным путям[79]. Летопись говорит, что «варяги сидят к западу до земли *англянски* и *волошски*, т.е. до Англии, Ирландии и Шотландии, так как славяне называли вообще всех кельтов волохами; что варягами были: Русь, Свее (Шведы), Англяне, Оурмане (Норманны) и Гьте (Геты или Готы).

Варягов мы видим также на Черном и Каспийском морях, у устьев Днепра (Варяжский остров у Заруба), на Северной и Западной Двине, Волге и других реках.

Нестор говорит: «из Руси может идти в Болгары (на Каму и Волгу) и в Хвалисы (Каспийское море) на восток доити жребий Симов. По сему же морю сидят варязи семо ко востоку до предела Симова».

Варяги временно появлялись у византийских императоров и франкских королей (это могли быть или норманны-датчане или шведы), а главным образом входили в состав дружин русских князей то под этой кличкой, то под общим именем *Руси*.

Олег, поселившись в Киеве в 879 году, сказал: «Се буди мати градом русским. Беша у него варязи и словени и прочии прозвашася Русью». Следовательно, все подвластные Олегу племена с этого времени стали называться *Русью*, т.е. варяги-Руссы, славяне-новгородцы и *«прочии»*. Раньше Олега киевские славяне и вообще днепровские также назывались Русью, о чем достоверно свидетельствует константинопольский патриарх Фотий в 866 г. (Беседы Фотия изданы архим. Парф. Успенским в 1864 г. СПб.).

В договоре Олега с греками 912 г. говорится: «Аще украдет Русин что-либо у крестьянина (христианина-грека)...» «Аще кто убиет крестьянина Русин или хрестьян Русина...»

В договоре Игоря 945 г.: «Аще ли обрящутся Русь работающе у грек...»

---

[79] Варяги от славянского глагола *варяти*, предварять, предупреждать, идти вперед. Варяю по-кирилловски — разъезжаю. Так называлась наемная морская и речная стража для охраны торговых караванов от нападения морских пиратов или викингов.

Помимо охраны торговых караванов от нападения морских пиратов (викингов) и речных разбойников (поляницы — полевиков), варяги занимались и сами торговлей, так, например, под 1148 г. сказано: «Изяслав дари Ростиславу что от рускыя земли и от всех царьских земель (цареградских), а Ростислав да дари Изяславу что от верхних земель и от варягов». Не сказано «от варяжския земли», так как ее не было, «а дари от варягов», т.е. от варяжских купцов, доставлявших товары в Новгород.

В 1188—1190 гг. новгородцы вели войну с варягами и именно с готами, задержали их купцов и посадили в темницы, а своих не пустили за море. В 1205 г. последовала новая ссора с варягами, возникшая по делам торговли, и варяги должны были согласиться на все, лишь бы им дозволено было торговать в северных новгородских областях.

В 1241 г. образовался Ганзейский союз прибалтийских городов, в который вошел и Новгород. Этот союз в 1250 г. достиг наибольшего своего развития: он имел до 1000 своих кораблей и до 20 тыс. охранного для них войска. Этой организацией сословие варягов на Балтийском море окончательно вытесняется, и вскоре после этого в исторических актах о них уже ни слова не говорится. Одним словом, в них надобность миновала.

Правда, в 1325 и 1380 гг. мы еще видим их в качестве телохранителей византийских императоров, но и там имя их скоро исчезает, как и вообще имя готов. Вместо варягов-готов в Новгороде, в Бежицкой пятине, появляются уже гофейские казаки.

Приведенные выше раскопки древненовгородских могил, а также присутствие в говоре бывших новгородских областей многих слов и выражений, свойственных южной и днепровской Руси, ясно говорят, что в население древнего Новгорода волею судеб внедрился элемент с берегов Черного и Азовского морей и впоследствии вполне ассимилировался с тамошними жителями, оставив им в наследие своеобразный общинный образ правления, предприимчивый дух, стремление к независимости и религиозной обособленности.

Скандинавоманы, к которым относится большинство наших историков, а также скандинавский Мунх (1853 г.) употребляют все усилия, чтобы доказать, что варяги-Руссы и Готы — германского племени и в доказательство своего мнения приводят следующие данные: 1) шведские шпионы в Византии назвали себя руссами; 2) варяги при византийском дворце говорили дат-

ским языком и другие. Что ж они этим доказали? Шпионы по своей профессии всегда и везде должны лгать и всячески скрывать свою национальность. Варягами были и датчане, о чем говорит и Нестор. Они могли попасть в Византию и говорить своим языком. И только. Но это нисколько не доказывает, что Готы и Руссы были германского племени. Вся история Гетов-Руссов говорит о их славянском происхождении.

Скандинавоманы также отвергают верность сказаний о Руссах и Готах скандинавских же историков: Торфея, Саксона Грамматина и Иоганеса Магнуса, так как эти историки бьют их наповал, говоря, что Руссы всегда были во вражде с германскими народами и воевали с ними то в союзе с Готами, то одни против всех.

Следовательно, как Готы, так и Руссы, по словам самих скандинавских историков, не были ни шведами, ни датчанами, ни англичанами, а какой-то особой народностью и именно славянской, так как на берегах Балтийского моря других каких-либо народностей, кроме славянской и литовской, а отчасти и финской, не было. Господствующим элементом на всех берегах Балтийского (Варяжского) моря, как это мы видели из IV главы, были славяне.

Гельмольд, немецкий историк XII в., говорит (Chronicon Slavorum), что гор. Винета, славянская Выжба — Wisby, на о. Волине, ныне Готланд, считался самым торговым и многолюднейшим в Европе. Туда стекались народы со всех стран и привозили товары не только из прибалтийских местностей, но также по Волге и другим рекам из дальних стран востока.

Видукинд называет жителей Волина Waloini — вольными. У анналиста Саксонского они названы Vulini. Эти летописцы утверждают, что Винета была древнейший в Европе и сильнейший по торговле славянский город, посещавшийся еще финикийцами.

Древняя Винета или Выжба была разрушена в 1177 году датским королем Вальдемаром и после этого не могла уже достичь прежнего своего величия, почему в XIII в. и вошла в союз с Ганзою. Sweno Agonis называет Венету гуннским городом — Hunisburg, а Адам Бременский (XI в.) славяно-скифским, и это, надо заметить, скифо-гуннский город там, где владычествовали Готы, т.е. на о. Готланде. Где же тут германцы? Их не видно. Сами немецкие историки X—XI вв. называют обитателей тех мест то гуннами и скифами, то Готами и Руссами. Славяне вез-

де — и на островах Готланде, Рюгене (Руяне), Зеландии и др., в г. Упсале, на Упландском берегу в Швеции, в Помории (ныне Померания), Мекленбурге (Микулином боре), по рр. Рине (Рейну), Лабе (Эльбе), Одеру и другим. По всему побережью Балтийского моря и всей нынешней Германской низменности. Это говорят нам сами скандинавские историки. Славяне живут оседло, занимаются земледелием, ремеслами и торговлей, имеют свой сильный флот, употребляя в битвах греческий огонь, который они называют вулкановым горшком (Адам Бременский); имеют свою письменность и строят многолюдные укрепленные города, прочные деревянные и каменные дома и храмы, льют статуи и проч.

Составитель жизнеописания св. Оттона говорит о славянских храмах в Штеттине (Щетине) следующее: «там были четыре храма, из которых главный особенно отличался своею художественной отделкой: по стенам внутри и снаружи были выбиты выпуклые изображения людей, птиц и зверей столь сходных с природой, что они казались живыми: краски на внешней стороне не смывались дождем, не бледнели и не тускнели.

Всеми этими славянскими землями завладели немцы; славян не покорили, а истребили в многовековой неравной борьбе. Вся нынешняя германская низменность и острова Балтийского моря есть сплошное славянское кладбище.

Историческая наука в изложении событий требует правды и только правды. Зачем же было нашим, не говоря уже о немцах, историкам-норманнистам лгать, извращать и затемнять ход жизни великого славянского народа и даже производить самое название его «Руссы» от какого-то несуществовавшего и никому неведомого маленького скандинавского племечка, забывая в то же время, что южнее, в бассейнах Днепра, Днестра и Дуная издревле живут миллионы Русин, Русняков, Рутенов, Расов, Червоннорусов, а древнее их, по берегам Азовского и Черного морей, Архипелага, в Малой и Передней Азии и даже по берегам Средиземного моря миллионы Гетов-Руссов, Ресов, Ресинов, Рсы, Рашан и просто Россов, с реками и городами этого имени, с высокими «белыми» горами — Эльбурсом (Эльбоурус) и Эльбрусом. Норманнисты также в доказательство своего взгляда на происхождение Руси от скандинавов говорят, что киевские князья Аскольд и Дир, ходившие в 865 г. с Руссами в Византию (Фотий), были германского происхождения, т.е. были шведы; причем указывают, что имя Аскольд происходит от шведского

sköld — щит. Но ведь щит и по-готски skild, по-литовски skyda, по-англосаксонски skyld и т.п. Скифы, по Геродоту, назывались *сколотами,* т.е. щитоносцами. В России есть реки: Сколотка, Колоча, Колота, Колокша и т.п. Также есть скала, скель — каменный уступ, защищенное место. Кала, кел — крепость по-персидски. Келья, по-чешски и по-польски — Cela, по-латински — Cella — уединенное место, недоступное для других. Все эти слова, имеющие один общий корень, означающий щит, защиту, занесены в Швецию Готами-Руссами, как и слово «безмен», по-шведски Biszman (непереводимое), по-русски же означающее: без мены, на вес и деньги, при купле-продаже.

Аскольд от «ас» или «аз» и «кольд» или «скольд» — щит — «азов», каковым именем, т.е. «азами», назывались древние обитатели берегов Азовского моря, также аланы, хазары и «ассаки» или казаки, которые на севере, у литовцев и скандинавов, почитались за богов. Кон-аз, конный аз или князь; вит-«аз», витязь, защитник Вита, славянского божества; куниг-ас тоже конный «аз» у литовцев, князь. «Конные азы» — наши былинные богатыри, родоначальники княжеских родов, вышли из Приазовья. Пеших богатырей мы, славяне, не знаем, *Куниги, кёниги* и скандинавские *кинги* тоже означают конники. Дир — обыкновенное славяно-русское имя с окончанием на «ир». Подобных имен очень много встречается на пространстве всего древнеславянского мира.

Нужно заметить, что слова Олега (по летописи), обращенные к Аскольду и Диру: «Вы не князья и не княжеского (древнего) роду», ясно показывают, что лица эти являются какими-то самозванцами, предводителями какой-то вольницы, случайно завладевшей Киевом, так как настоящие князья вели свою генеалогию от благородных конных «азов», древних былинных богатырей, и никаких других родословий не признавали. «Аз» на славянских наречиях означает Я (яз), первое лицо единственного числа, личность, особь, индивидуум. Аз-сак или каз-сак означает Я — сак, т.е. казак, *сак* из страны «Аз», Азовской[80].

---

[80] Саками назывались все южные *скифы,* нападавшие на Переднюю Азию. (Страбон. XI. 8. 4.) Оружие саков называлось *сакар* — секира, от сечь, рубить. От этого слова, по всей вероятности, произошло и название *сечи* или *сичи* запорожской, а также и слово *сичевики,* как называли себя запорожцы. Сечь — стан саков. Сак на татарском языке означает осторожный. Сакал — борода. Слова эти заимствованы у славян, масаков, массагетов.

Страбон в I в. назвал жителей восточных берегов Азовского моря «аз». Хазары себя называли также «аз». Иосафато Барбаро, бывший в Азове в 1336 г., говорит, что аланы, жившие на восточных берегах Азовского моря, на своем языке себя называют «аз», т.е. «Я». Константин Багрянородный в X в. жителей этой же местности называл касаками, т.е. казаками. Нестор их назвал Ясами (азами) и касогами, другие летописцы касагами, то же, что казаками; раньше греческие историки называли их *казами* (казос), но чаще всего Гетами, а потом Готами.

О дальнейшей судьбе приазовских Гетов мы будем говорить ниже.

Теперь же скажем несколько слов о том древнем загадочном народе, известном по египетским надписям под именем хиттов, гитов, киттов и кеттов, а по еврейским летописям хититов, хетеев и хеттеян.

Много мудрствовали западные ученые над происхождением этого народа, но положительного не сказали ничего: между тем памятников, оставленных *гитами* и говорящих о их прошлом, очень много; нужно только уметь в них разобраться. Гиты в союзе с другими народами Передней Азии и Сирии неоднократно нападали на Египет при фараонах Рамзесе II, Менефте и Рамзесе III (XIV—XIII вв. до Р. Х.) и владели даже дельтой Нила, оставив там несколько колоний, из которых наиболее всего известна Танис, на правом рукаве Нила, носившем название также Таниса. Раньше гитов дельтой этой владели Гиксы, пришельцы также с севера, которых западные ученые относят то к семитам, то к монголо-скифам и просто к скифам, судя по найденным археологами в развалинах Таниса изображениям царей Гиксов и другим предметам. Гиксы имели такое могущественное влияние на эту часть Египта, что даже долгое время после их изгнания, в эпоху рамессидов, писатели того времени старались избегать чисто египетских оборотов речи и заменяли их оборотами языка, на котором говорила Передняя Азия. Скифы внесли в религиозный пантеон египтян поклонение богу Озирису (солнцу), сестре и супруге его Изиде (луне и земле), богу Ра, Горусу (также солнцу) и Апису (силе природы, земли).

Хотя названные выше божества впоследствии смешались с древними египетскими и некоторые из них получили другое, даже астрономическое значение, но все-таки скифские их названия остались до конца.

Так, Озирис — солнце, от славянского глагола зрети, *озирать*, освещать (заря, зирочки того же корня) впоследствии

получил значение бога реки, Нила. Изида — первоначально египетская луна, впоследствии стала оплодотворенная земля, из которой произрастают (исходят, от *из* и идти, всякие земные плоды. Горус — восходящее солнце, идущее в гору, горит, жжет, то же, что славянский Хорс. Аммон Фивский и Ра из Гелиополиса составили божество Аммон-Ра и соединились позже с греческим Зевсом и римским Юпитером. Апи или Апис — земля у скифов (по Геродоту) и Гетов-Руссов Италии, олицетворялся в быке Аписе (силе земли), а впоследствии был тесно связан с богом солнца Мемфиса Фта или Пта (отца вселенной) и получил уже астрономическое значение — солнце впервые заблистало по сотворении мира (по египетскому счислению) в созвездии Тельца — быка.[81]

Нападения чрез Суэцкий канал Гиксов и с моря гитов вызваны были не какими-либо завоевательными стремлениями северян, а, судя по сохранившимся надписям и свидетельству древних авторов, народы эти решили положить конец набегам могущественных фараонов, не дававших покоя своим азиатским соседям.

Ибсамбульские камни (в Нижнем Египте), повествующие о нападении гитов при Рамзесе II и о действительной или мнимой победе этого фараона над врагами, определенно говорят, что гиты не были семитами. Нападение это вызвано следующими обстоятельствами. Рамзес II или Рамесса (из 19-й династии), которому льстивая история к имени Сезострис прибавила эпитет Великий, отличался ненасытностью по части завоеваний и грабежей соседних народов, особенно Востока. Это заставило многие народы, населявшие побережье Средиземного моря и Переднюю Азию, соединиться под гегемонией гитов и дать отпор этому древнему Наполеону или креатуре его Вильгельму. В союз этот вошли Дарданы (Трояне), Каркемиш, с среднего Евфрата, гиты, владевшие в то время верхним течением Евфрата, частью Малой Азии и Сирией, собственно долиной р. Оронта; всего в союз вошло до четырнадцати народов.

Битва произошла около г. Кадеша, на р. Оронте, как о том говорят египетские барельефы в Рамезиуме в Фивах и повествование историка Рамзеса Пантаура[82]. Этот льстивый царедво-

[81] История Неба. Фламмарион.

[82] Элизе Реклю. Древняя История. Гл. IV. Финикия. Летописи и памятники древних народов. Египет. История фараонов. Бругш. Перевод. И.К. Властова. СПб, 1880.

рец, восхваляя необыкновенные подвиги Рамзеса, говорит о победе его над союзниками. Факты же говорят противное, так как гиты вскоре после того вторглись уже в Египет.

На египетских памятниках гиты изображены с желтоватой кожей, т.е. загорелыми, с бритыми бородами и головами, с длинными торчащими врозь усами и чубом, какой носили наши запорожцы XVI—XVIII вв.; черты лица суровые, с прямым лбом, длинным, прямым хрящеватым носом и подобранным подбородком, отчего носы еще более выдаются вперед. Стан короткий, ноги высокие. На головах высокие, конические барашковые шапки; на туловищах рубахи с каймой по подолу и нечто вроде кольчуг или кожаных курток. На ногах штаны и большие сапоги с голенищами до колен и узкими носками, немного загнутыми кверху. Сапоги настоящие, современные, какие носят и теперь простые казаки. На руках рукавицы с одним большим пальцем. Вооружение: короткое копье, лук и секира.

Некоторые западные ученые народ этот с большой натяжкой относят к монголам, хотя в чертах его нет ничего монгольского. Заключение это они главным образом основывают на том, что на бритых головах у них оставлен чуб. И только. По одному чубу — монгол. Но кто знаком с историей монгольского племени вообще и Китая, тот ясно увидит, что обычай этот не есть коренной монгольский, а заимствованный ими в древности из западной Азии. Древние массагеты брили бороды и носили чубы. Монголы носили косы, в некоторых племенах и чубы, но только высшее военное сословие и то не все.

Все египетские памятники отличаются большою точностью и правдивостью рисунка. На Ибсамбульских барельефах изображены не монголы с севера Азии (сапоги, рукавицы, барашковые шапки), а Геты-Руссы Малой Азии, родственные фригийцам, троянам и Гетам-Руссам Италии.

На некоторых египетских памятниках времен фараонов Менефты, Рамзеса III и др. (XIII в. до Р. Х.) народы, нападавшие на Египет, названы Ту-рса и Ти-рсенами, т.е. росью, россами, и древние историки считали их родственными этрускам, т.е. Гетам-Руссам. Археологические данные, как мы видели выше, вполне подтвердили это предположение.[83]

Памятники хетов или гетов разбросаны по всей Малой Азии и Сирии в виде письменных знаков, барельефов, гербов и проч.

---

[83] Элизе Реклю. Древняя История. Гл. X. Рим.

Письмена эти видны и на базальтовых скалах близ развалин древнего города Кадеша, в долине р. Оронта, где произошла битва с Рамзесом II, и в Киликии, и по верхнему Евфрату, и на скалах Эйюка, где еще крестоносцами был найден выбитый на камнях герб древних гетов в виде двуглавого орла, так поразивший этих рыцарей и принятый потом византийскими императорами, а при Иване III и русскими царями.

Развалины, открытые на севере р. Халиса, впадающего в Черное море близ Синопа, в Эйюке и Богаскои, свидетельствуют о существовании там значительной цивилизации: там были дворцы, выстроенные на обширной площади, от которых сохранились еще смело выведенные стены; затем святилище, высеченное в каменистом склоне холма, близ Богаскои, на стенах которого начертаны непрочтенные еще длинные рассуждения об изваянных на них лицах, в характерной одежде гетов; наконец, храм, недавно открытый немецкими учеными, полагающими, что ему более 4000 лет. Сравнительно более искусная постройка и отделка каппадокийских зданий заставляет предполагать, что эти гетские сооружения относятся к более поздней эпохе, нежели скульптурные произведения, оставшиеся от того же народа в Сирии.

Хетские надписи еще не раскрыли тайну этого великого народа; но недалеко то время, когда мы узнаем его историю. Путь к этому уже указали славянские ученые. Геты имели близкие сношения с Троей, с Финикией, с Закаспийским краем, где на скалах Карабеля (в южной части края) также найдены их изображения, тождественные с Ибсамбульскими.

Империя Гетов, расположенная, так сказать, на перекрестке народов, где разветвляется великий азиатский путь, между востоком и западом, могла распространять свое влияние, с одной стороны, на земли, прилегающие к р. Евфрату, а с другой — на берега Сирии и внутренние, параллельные им долины, равно как и страны Малой Азии. С точки зрения стратегической положение империи было очень прочно; она могла выдерживать упорную борьбу с сильными врагами. Отсюда начало тех беспощадных войн, которые так долго разоряли край. Но века прошли. Империя Гетов распалась. Борьба отдельных ее частей с возникшим могуществом ассириян и вавилонян была уже им не по силам. Часть Гетов подвинулась на берега Черного и Каспийского морей и стала известна под именем массагетов, масаков, просто саков, гетросиев, Гетов-Россов и др.; дру-

гая часть выселилась вместе с остатками троян в северную Африку и Италию, а остальные рассеялись по Ассирии и югу Сирии и искали приюта в стране родственных им аморреев, окрестностях Хеврона, Гаваона, в земле филистимлян и других ханаанских народов, основав там несколько укрепленных городов: Гет или Геф, Сакелаг, Ас-Калу (Аскалон), т.е. крепость «Азов», и др. Позднее они вступили в тесные сношения с Израилем, этим маленьким арабским племенем, усилив и обновив его и, смешавшись с туземцами, сами сильно изменились.[84]

Вместе с евреями они принимали участие в построении Иерусалима.

Геты — хетеяне еврейских летописей, дали Израилю воинственный дух, крепкое телосложение и круглую арийскую голову (некоторой его части), а также каштановые и даже белокурые волосы, каковые имел в молодости царь Давид.[85]

Большинство жен и наложниц Давида и сына его Соломона были чужеземки. Давид был младший из сыновей Иессея, *евфратянина,* т.е. с реки Евфрата; он жил в г. Вифлееме Иудином.[86]

Верхнее течение Евфрата до Месопотамии издревле было занято Гетами, как и Сирия с гг. Гаматом, Кадешем, по р. Оронту, и др.

Если бы Иессей или его предок пришел из Месопотамии, откуда пришел Авраам, то он назван бы был по одному из расположенных там халдейских городов; но он назван *евфратянином,* т.е. переселившимся с верхнего Евфрата, а не среднего, текущего по Месопотамии. Евреи, как увидим ниже, в своих хрониках всегда определенно отмечали, кто из их героев и из какого города или страны происходил. Тот был амморрей, тот хетеянин или Гет, а тоть езреель или кармелит. Одна из жен

---

[84] Там же. Гл. IV. Названия городов Гета, Сакелага и других упоминаются: в Книге Судей, гл. 11, ст. 21; гл. 14, ст. 19; в Первой Кн. Царств, гл. 27, ст. 2, 3 и 6; во Второй Кн. Царств, гл. 21, ст. 2. Имена царя г. Гета Анхуса, у которого укрылся Давид от гонения Саула, и отца троянского героя Энея — Анхиса — тождественны.

[85] Первая Кн. Царств, гл. 17, ст. 42. Голиаф был гет и происходил из г. Гета. (Там же, ст. 4). Вооружение Голиафа: медный шлем, чешуйчатая броня, медные наколенники, медный щит, меч и железное копье, ничего общего не имеет с вооружением халдеев, евреев, египтян и других южных народов; это вооружение древних Гетов-Руссов. (Там же, ст. 5—7).

[86] Первая Кн. Царств, гл. 17, ст. 12.

Давида Агинея была кармелитянка. Любимая же жена была белокурая красавица Вирсавия, отнятая им у своего военноначальника Урии, родом Гета. Следовательно, и Вирсавия была того же происхождения. От Вирсавии родился Соломон.[87]

Сын Давида, красавец Авессалом, у которого, как говорится в Библии, от головы до ног не было недостатка, был рожден от Маахи, дочери царя Гессурского Талмая, из страны Гамат, на р. Оронте, текущей параллельно финикийскому побережью, в Сирии, из владений Гетов.[88]

Дочь Авессалома, красавица Фамарь или Тамарь, сделалась женою сына Соломона Ровоама и родила ему сына Авию, а от Авия родился Аса.[89]

Из гор. Гета с Давидом пришли в Хеврон, а потом и в Иерусалим до 600 воинов — гетов, под начальством Еффея (Геттея), которые во всех его войнах и бедствиях, даже при восстании сына его Авессалома, оставались ему верны. Когда Давид бежал от Авессалома в пустыню, воины эти шли впереди и по сторонам несчастного царя, охраняя его от случайного нападения взбунтовавшейся черни. «И сказал царь Еффею Гетянину: зачем и ты идешь с нами? возвратись и оставайся с тем царем (Авессаломом), ибо ты — чужеземец и пришел сюда из своего места; вчера ты пришел, а сегодня я заставлю идти с нами? я иду, куда случится; возвратись и возврати братьев своих с собою. И отвечал Еффей царю: жив Господь, и да живет господин мой царь: где бы ни был господин мой царь, в жизни ли, в смерти ли, там будет и раб твой. И сказал Давид: и так иди и ходи за мною. И пошел Еффей Гетянин и все люди его и все дети, бывшие с ним.[90]

Евреи в то время были веротерпимы и не чуждались иноземцев, не делавшим им зла, а потому Геты легко смешались с ними. В особенности охотно евреи брали себе в замужество белокурых красавиц гетеянок, предпочитая их своим черномазым сопле-

---

[87] Вторая Кн. Царств, гл. 11, ст. 3, глава 12, ст. 24.

[88] Там же. Гл. 3, ст. 3; гл. 13, ст. 37. В 1812 г. в развалинах Тамада Бурхардт открыл на базальтовых глыбах драгоценные надписи, признанные в настоящее время за гетские. (Древняя История. Элезе Реклю. Гл. IV.) В долине р. Оронта, между гг. Гамадом (Homath) и Кадешем 3500 лет тому назад Геты сходились лицом к лицу с египетскими армиями, отстаивая свою и всех соседних народов свободу от завоевательных стремлений фараонов.

[89] Там же. Гл. 14, ст. 27. Еванг. от Матфея, гл. 1, ст. 7.

[90] Вторая Кн. Царств, гл. 15, ст. 18—22.

менницам. От этого смешения браков появились и те исторические красавицы, пред которыми восторгались персы, а потом греки и ремляне.

Геты дали евреям и институт пророков, и великих провозвестников Истины. Все великие пророки этого народа мыслили не так, как вся бен-израильская масса, узколобая (в антропологическом отношении), не понимавшая их и стоявшая с ними всегда во вражде. Пророки изгонялись, побивались камнями, распинались на крестах и вообще погибали насильственною смертью только за то, что масса эта не смогла понять не свойственной ей арийской идеи об Истине, так хорошо понятой и усвоенной арийцами на пространстве всего земного шара. Голова семита не вместила проповеди пророка-арийца, и голос его оставался «вопиющим в пустыне». Это был голос Гета-арийца, волею судеб заброшенного на чужбину.

Господствуя в Сирии, Геты имели сильное влияние на финикийское побережье Средиземного моря, где ими были построены города: Арад (радость, убежище), Тир или Цур, Сидон, Акку и др., перешедшие по распадении гетской монархии во владение финикийцев, народа смешанного типа.

Геты также способствовали возникновению на р. Тигре Ассирийской монархии, в течение многих веков оспаривавшей первенство и господство в долине Тигра и Евфрата у Вавилонской (халдейской). Они дали ассиро-вавилонянам и своих богов: Ассира, Ассура или Ашура (Ас-сир — я—царь)[91]. Также дали: Беела (Баал или Ваал) — Белаго-бога; Мардука или Мердуха — дух мертвых; Белтис (богиня) — белая; Набу — небо, Баг — бог и др. Также слово сар — царь. Еврейская передача имени Навуходоносор — Небу-кадне-цар, Балтасар — Белый царь, Салмана-сар — Соломон-царь и др.

Пророки, как стоявшие выше темной бен-израильской массы, были хорошо осведомлены о могуществе соседних и даже отдаленных народов и всегда грозили евреям нашествием на Палестину могущественного северного народа Россов, из земли Магог (Великой Скифии), на конях, в бронях, со щитами и вооруженных мечами.[92]

---

[91] Евреи и вообще семиты произносили ш вместо с. Книга Судей, гл. 12, ст. 6.

[92] Кн. прор. Иезекииля, глава 38, ст. 1—4; гл. 39, ст. 1—4.

Магог от Ма — великий и гог — масса. Гог и Магог означали у евреев скифов. Иероним, объясн. к Езек., гл. 38, ст. 1. Иосиф. Древ. I, 6, 3.

Белокурые красавицы северянки прельщали смуглых южан. Даже египетский фараон Рамзес III имел вторую жену, светло-каштановую красавицу гетеянку Изиду, которой имя на родном языке было Гемароцат. И таким образом эта дочь великого народа Гетов сделалась царицей Египта, после замурованной фараоном живою ее предшественницы Тии.

Ко двору этого фараона как пленница, купленная у пиратов в Карфаген, также попала и белокурая дочь несчастного царя Илиона Приама, юная красавица Лаодика. Она была тайно убита одной из прислужниц царицы Тии, из ревности, и погребена Рамзесом с царскими почестями. Саркофаг из порфира с ее мумией был найден в 1881 г. и теперь хранится в музее Булака, под Каиром. На груди умершей был открыт папирус, повествующий о ее горькой судьбине. Мумию и папирус видел в 1881 г. наш известный историк Д.Л. Мордовцев и подробности жизни и смерти этой «миловиднейшей дочери Приама и Гекубы», как говорит Гомер, слышал от директора музея, знаменитого египтолога Масперо, прочитавшего найденный папирус.

Рамзес III Рампсинит (из 20-й династии) воцарился в 1250 г. до Р. Х. Следовательно, Троя пала от набега морских пиратов — данаев в последней половине XIII в., т.е. между 1250 и 1200 г. до Р. Х. Эти ценные документы, как папирус, найденный на груди мумии дочери царя Приама в Египте, так и намогильная плита троянского героя Энея, найденная в Италии, красноречиво говорят нам о том далеком прошлом, жизни, верованиях и страданиях представителей одного из царских родов Гетов-Руссов с берегов Эгейского моря и Дарданелльского пролива, подтверждая в то же время с очевидной ясностью, что Троя, царь ее Приам, жена его Гекуба, сыновья Гектор, Парис, Дий, Троил, дочери Кассандра, Поликсена, Лаодика и др., с такою простотой и любовью описанные Омиром, не миф, а самая реальная действительность и что народ, представителями которого были перечисленные выше лица, говорил на древнем языке Руссов, имел свои письмена и в стихосложении пользовался гекзаметром. Теперь спрашивается, кто же был этот загадочный повествователь, так просто и картинно изобразивший нам жизнь, нравы и верования древнего, но близкого и родственного нам народа — Дарданов-Троян, называвших себя Гетами-Руссами, — кто был Омир?

К этому вопросу мы еще вернемся.

Глава VII
Амазонки[93]

О существовании амазонок на Дону, берегах Азовского и Черного морей говорят почти все древние писатели. Большинство из них повторяют один другого, но между ними есть и такие, с которыми приходится серьезно считаться. Впервые об амазонках упоминается в Илиаде. Они приходили на выручку Трое. Приам говорит (рапсодия III, ст. 188): «И я считался союзником фригиян в то время, когда пришли равные по силе мужам амазонки».

Потом о них вкратце говорят Гекатей (550 лет до Р. Х.), Эсхил (525—456 гг. до Р. Х.), Пиндар (522—442 гг. до Р. Х.), Скилакс Кариандерский (521—485 гг.) и многие др. Скилакс (Peri plus, § 70) говорит: «Азия начинается от р. Танаиса, и первый азиатский народ в Понте — Савроматы. Этим народом управляют женщины-амазонки».

Наиболее пространно о них говорит Геродот (IV, 110—117). «В то время, — пишет этот историк, — когда греки воевали с амазонками, которых скифы называют *ойорпата*, что по-гречески означает *убийца мужчин*, амазонки были побеждены на берегах Фермодонта (на южном берегу Черного моря), и греки отправились на родину, увозя с собой на трех кораблях пленниц. В открытом море амазонки возмутились и убили всех мужчин. Но так как они не умели управлять рулем, парусами и веслами, то, отделавшись от мужчин, носились по морю по воле волн и ветров и наконец пристали к той части Меотийского (Азовского) моря, где находится местечко Кремни. Оно лежит в земле свободных скифов. Здесь эти женщины сошли с кораблей и отправились искать жилых мест, — разграбили первый попавшийся им табун лошадей и затем, сев на них, начали грабить имущество скифов. Последние не знали, откуда появились эти новые враги, и были в большом недоумении. Приняв их сперва за мужчин, как бы однолеток, они вступили с ними в бой, но потом, осмотрев убитых, убедились, что имеют дело с женщинами.

---

[93] Амазонки — безгрудые. По сказанию древних писателей, амазонки (женщины-воины) у новорожденных мальчиков изувечивали ноги и руки и таким образом делали их не способными к войне; у девочек же они выжигали правую грудь, чтобы она не мешала им впоследствии владеть оружием. От этого обычая амазонки и получили свое название.

После этого, посоветовавшись между собою, скифы решили больше их не убивать и послали к ним самых молодых из своих воинов в том приблизительно числе, из какого, как они полагали, состоит войско амазонок. Молодые люди расположились лагерем вблизи стана амазонок. Когда те увидели, что скифы пришли не с целью напасть на них, то не стали обращать внимания на пришедших, и с каждым днем эти два лагеря все больше и больше сближались. Молодые люди, как и амазонки, не имели ничего, кроме оружия и лошадей, и доставали себе средства к жизни охотой.

Около полудня амазонки, в одиночку или вдвоем, удалялись от лагеря... Скифы это заметили и стали делать то же самое. Один из них решился подойти к амазонке, которая была одна. Она не оттолкнула его... Потом, продолжает Геродот, амазонка, не зная языка скифов, жестами дала понять новому знакомому, что завтра она придет с подругой, с тем чтобы и он привел товарища. Так и сделали. Остальные юноши, узнав об этом, последовали их примеру и привлекли к себе всех амазонок. Наконец оба лагеря смешались и стали жить сообща, каждый мужчина с той женщиной, с которой он впервые сошелся. Скифы никак не могли изучить языка амазонок, между тем как последние живо привыкли к языку своих мужей. На предложение молодых скифов возвратиться всем им к их согражданам, амазонки отвечали:

— Мы никогда бы не могли жить с женщинами вашего племени, так как привыкли употреблять лук, метать дротики и ездить верхом. Мирные женские занятия нам неизвестны. Если вы желаете, чтобы мы остались вашими женами, и хотите поступить справедливо, то отправляйтесь к вашим родителям, потребуйте от них вашу часть состояния и возвращайтесь жить с нами.

Молодые скифы так и сделали.

Тогда амазонки сказали им:

— Нам очень неудобно жить в этой стране после того, как мы отняли вас у родителей, а также и опустошили их поля. Но так как вы дорожите нами, как вашими женами, то сделайте вот что: оставим эту страну, перейдем Танаис (Дон) и будем жить по ту сторону этой реки.

Это предложение было принято юными скифами. Перейдя Танаис, они шли три дня к востоку и три дня от Меотийского моря к северу и, придя на то место, где теперь, т.е. во время

Геродота, они живут, основали там свои поселения. С тех пор, заканчивает Геродот, женщины савроматов, т.е. переселенцев скифов, женившихся на амазонках, сохраняя свой прежний обычай, ездят верхом на охоту вместе с мужьями и без них, сопровождают их на войне и носят одинаковое с ними платье. Основной язык савроматов скифский, но испорченный с самого начала, так как амазонки никогда не могли вполне правильно изучить скифского языка.

На счет свадеб у них существует обычай, воспрещающий девушке выходить замуж, пока она не убьет хоть одного врага».

Так говорит об амазонках «отец истории», великий Геродот. Правда, в его повествовании много фантастического, но есть и доля истины.

Гелланник, современник Геродота, говорит (tragm. 84) о нападении амазонок с берегов Азовского моря на Аттику.

Лизий (459—390 гг. до Р. Х.) пишет:

«Амазонки первых времен были дочери Арея (бог войны у скифов — Марс) и жили на берегах Фермодонта. Они были единственные из всех окружающих их народов, носили железное оружие и первые стали ездить верхом. При помощи лошадей они брали в плен бежавших противников совсем неожиданно, т.к. те не знали еще верховой езды, и оставляли далеко за собой тех, которые их преследовали. За свое мужество, по своему телосложению они считались скорее мужчинами, чем женщинами, ибо казалось, что они более превосходят мужчин своим мужеством, чем отличаются от них внешним видом».

Философ Платон (429—348 гг. до Р. Х.) об амазонках сказал более правдиво: «Я узнал из древних мифов и поверил, а что касается нынешнего положения, то к слову сказать, даже знаю, что бесчисленное множество женщин, называемых «савроматидами», живет между народами, окружающими Понт.

Они не только ездят верхом, но и носят луки и всякое оружие и упражняются в их употреблении в строю так же, как мужчины» (De legibus, VI, p. 805).

Не умолчал об амазонках и Страбон:

«Говорят, что амазонки живут в горах (Кавказских), возвышающихся над Албанией... Они жили смежно с гаргареями по северному скату той части Кавказа, которая известна под

названием Громовых гор. Тут в течение не менее месяца в году амазонки занимались садоводством, посевами, скотоводством, но преимущественно разведением лошадей. Самые отважные из них промышляли охотою и занимались военными упражнениями. Все они с малолетства выжигали себе правую грудь, чтобы свободней действовать рукою при разных эволюциях, а в особенности при метании копья. Кроме этого оружия они употребляли также лук, сагарис — двойную боевую секиру и щит и делали себе шлемы, панцири и пояса из шкур диких зверей. При наступлении весны они отправлялись на ближайшую гору, отделявшую их от гаргареев, и оставались там два месяца. С своей стороны и эти последние, следуя древнему обычаю, поднимались туда же. Соединившись с амазонками, они вместе приносили богам жертвы, после чего в тайне ночи соединялись без разбора... Происшедшие таким образом дети делились по их полу: девочки оставались при матерях, а мальчики возвращались отцам...» (VI, 5).

О происхождении этого женского военного сословия Диодор Сицилийский (I в. до Р. Х.) повествует:

«Когда амазонки поселились у Фермодонта, где женщины наравне с мужчинами занимались военными делами, говорят, что одна из них, облеченная в царскую власть, отличалась силой и храбростью. Она составила из одних женщин войско, обучила его и победила несколько соседних народов. Когда ее военная способность и слава возросли, то она стала беспрестанно предпринимать походы против соседей. Счастье ей благоприятствовало, и она стала выдавать себя за дочь Арея, мужчин же заставляла прясть шерсть и исполнять всякие черные работы. У новорожденных мужского пола амазонки изувечивали ноги и руки и таким образом делали их негодными к войне. Царица эта, отличавшаяся умом и военными способностями, основала у устьев Фермодонта большой город Фемискиру, с роскошным дворцом. Она также покорила все народы до Танаиса. В одном сражении царица эта пала геройской смертью. Дочь ее, наследовавшая престол, подражала матери и даже превзошла ее своими подвигами. Отправившись в поход в землю, лежащую за Танаисом, она покорила все тамошние народы до Фракии. Потом завоевала большую часть Азии и распространила свое могущество до Сирии...» (II, 45, 46).

Принимать подобные рассказы на веру полностью едва ли есть основание. Достоверно лишь то, что у скифских народов или саков женщины при нападении врагов сражались вместе с мужчинами. Это и послужило поводом сочинять рассказы об амазонках, как об отдельном военном сословии. Хотя, признаться, в то отдаленное героическое время, когда борьба за существование была обострена до крайности, могла возникнуть подобная община по инициативе такой сильной духом женщины, которую описал Диодор Сицилийский. Но все эти сказания древних историков страдают одним общим недостатком — это отсутствие даты, т.е. они не указывают времени действия этих лиц, употребляя часто при этом излюбленное выражение «говорят», а кто говорит, умалчивают.

Дон или Танаис некоторыми древними писателями назывался Амазонией. Название же Танаиса, как говорит Псевдо-Плутарх, историк I в. по Р. Х., получил по следующей причине. У одного героя-богатыря по имени Беросса (Бе-росс) от амазонки Лисиппы родился сын, которого назвали Танаисом. Рожденный возмужал и стал проявлять великие военные способности, был во всем воздержан и ненавидел женщин, поклоняясь лишь одному богу Марсу. Но Венера возбудила в нем любовь к собственной матери. Вначале он мужественно боролся с своею страстью, но наконец больше не мог владеть собой и, желая остаться невинным, бросился в реку Амазоний, отчего последняя и получила название Танаиса (Танаис. Гл. XIV; 1—2).

Понятно, приведенное Псевдо-Плутархом сказание есть легенда, но для нас она имеет громадное значение, так как пророчески подсказывает быт нашего древнего казачества, этих богатырей-девственников, поклонников Марса, отстаивавших в течение многих веков свободу и независимость родной земли.

В книге Фл. Вописка «Жизнь божественного Аврелиана» читаем: «В триумфальном шествии Аврелиана шли со связанными руками взятые в плен иберы (грузины), персы, геты, аланы и сарматы. Вели также 10 женщин-гетеянок, которые сражались вместе с мужчинами; многие другие были убиты. Надпись на триумфальной арке гласила, что женщины эти из племени амазонок» (158, 1).

Тут вся разгадка легенды об амазонках. Женщины гетов сражались вместе с мужчинами. Женщины савроматов, как говорит Николай Дамасский (171, XXI, XXII), также сражались вместе с мужчинами и были так же воинственны, как и их му-

жья. Русские женщины сражаются и теперь (1915 г.) в рядах русской армии. В XVI и XVII ст. жены и дочери донских казаков шли в битву с врагами наравне с мужчинами. Это явление на Дону было обыкновенное.

Во время знаменитого «Азовского сиденья» в 1641 г. в битве с турками участвовало до нескольких сот женщин. А ведь их никто и не подумал назвать амазонками. Древние авторы были позабыты, а новые нашли другой способ выражений. Но между древними историками есть и такие, с которыми приходится серьезно считаться. О них мы и будем говорить.

Диодор Сицилийский, историк I в. до Р. Х., пользовавшийся всеми современными данными для составления своей «Исторической Библиотеки», говорит, что Александр Македонский в своем победоносном шествии из Закаспийского края двинулся на запад и вступил в Гирканию, расположенную на южном берегу Гирканского (Каспийского моря), и приближался к столице этого царства Задракарт, где ныне Астрабат. Фалестрия, царица амазонок, владевшая всей землей от р. Фазиса (Риона) до Фермодонта, почти до нынешнего Синопа, пожелала встретиться с ним на дороге. Она была замечательной красоты и обладала необыкновенной физической силой, но еще больше славилась своими военными подвигами. Оставив свое войско на границе Гиркании, Фалестрия взяла с собою только 300 амазонок, одетых в военные доспехи. Александр удивился столь необыкновенному посещению и спросил, для какой надобности она явилась. Царица смело ответила, что она желает от него иметь ребенка, так как он превзошел всех мужчин своими подвигами, сама же она превосходит всех женщин своею силой и храбростью. Таким образом она надеялась, что рожденный от них ребенок превзойдет всех людей в мире. Александр согласился на такое предложение и подарил Фалестрии 13 дней, после чего отпустил ее с богатыми дарами (II, 43—16. IV, 5, 24).

Квинт Курций Руф, в своей «Истории Александра Великого» (VI, 8, 35) к приведенному сказанию Диод. Сицил. добавляет, что как только Фалестрия увидела Александра, то тотчас же соскочила с лошади и, держа в правой руке перед собою два дротика, смело приблизилась к царю. За ней стояли 300 других женщин. Платье амазонок не совсем покрывало их тело: левая сторона у груди была обнажена, остальные части были прикрыты до колен. Фалестрия смело смотрела на Александра, без сомнения, удивляясь, что его наружность не соответствует гром-

кой славе. Когда спросили царицу о цели ее прибытия, она без всяких околичностей сказала, что приехала прижить от него детей и что считает себя достойной быть матерью его наследников; что если у нее родится дочь, то она оставит ее у себя, а сына возвратит отцу. Александр спросил, не желает ли она сопутствовать ему на войне; Фалестрия отвечала, что она никого не оставила управлять своим царством и настоятельно просила, чтобы он не обманул ее надежд и ожиданий. Александр склонился на ее предложение, после чего продолжал свой поход в землю парфян, а Фалестрия возвратилась в свое государство на юго-восточные берега Черного моря. О результате этого исторического свидания древние историки, к несчастью, умалчивают.

* * *

Итак, скифы-сарматы, они же *саки, чиги-геты, геты-Руссы, массагеты, варяги-Руссы, черкассы-казахи, азы* или *ясы, аланы-роксоланы* и другие народы, населявшие берега Азовского, Черного, Мраморного и Каспийского морей, Переднюю Азию и нижнюю Италию были славяне, разделявшиеся на многие независимые племена и имевшие свою высокую культуру и письменность. Военное сословие этих племен называлось гетами или готами, а в Приазовье *азами, казами,* касогами, касагами, *казахами* или *казаками* от *аз* и *сак.* Дальше мы докажем, что и гунны и хазары-беловежцы были также славяне, называвшие себя на своем языке *аз.*

Геродот говорит, что самые умнейшие люди, которых он знал, были *скифы.*

Страбон также признает скифов высоко нравственным народом и говорит, что если они приняли что-либо дурное в свой обычай, то заимствовали это у греков и римлян.

Скифы изобрели сталь, огниво (скифский мудрец Анахарсис), нелинючие краски, выделку сыромятных кож и юфти; им было известно бальзамирование трупов, музыка, живопись, ваяние и проч.; им же принадлежат и первые горные работы и разные открытия и изобретения. Адам Бременский утверждает, что скифам был издревле (раньше греков) известен греческий огонь, который они называли вулкановым горшком.

Все древние историки утверждают, что скифы были лучшие воины, а Свидас свидетельствует, что они издревле имели в войсках знамена, чем доказывается регулярность в их ополчениях, а у гетов Передней Азии на знаменах и на щитах был герб,

изображавший *двуглавого орла*, принятый Россией в XV в. как наследие своих славных предков.

Называя славян скифами, греческие историки (Геродот, Эратосфен и др.) сами сознаются, что имя это не есть собственное названного народа, а дано им понтийскими греками от носимых ими кожаных щитов, как и имя сколоты — щитоносцы. Такое же распространенное название носили собственно южные скифы, по их вооружению — *саки* от сечь, сечники, секирники, вооруженные *сакарами* или секирами. Славянами себя называли от любви к славе, отчего собственные имена своих героев в большинстве случаев соединяли со словом «слава» и «честь»: Ярослав, Владислав... Собственное же имя их, как наиболее древнее, по религии *Рось, Рос, Русь, Рса* — роса, вода — поклонники воды, росы, от чего произошли и их древние боги: Водан, Водяной, *русалки* (водяные девы) и др.

Этим и объясняется, почему в договорах Олега и Игоря с греками всегда сопоставлялось крестьянину или христианину (греку) имя Рус, Русин, т.е. сопоставлялось две религии.

Военное сословие Руссов всегда носило название *Гет*.

Глава VIII
Гунны и Хазары

Вопрос о происхождении народа Гуннов трактуется историками до сего времени на разные лады. Римский историк IV века по Р. Х. Аммиан Марцеллин, знавший Гуннов лишь понаслышке, говорит о них как о народе будто бы кочевом, жившем за Миотийским (Азовским) болотом, по телосложению и образу жизни сходным с нынешними монголами, калмыками или киргизами.

«Они, — повествует этот историк, — имеют зверские нравы и отвратительную наружность; в детстве надрезывают себе подбородок, лицо и щеки, чтобы не могли расти волосы. При величайшем безобразии лица, кости у них крепкие, плечи широкие, и притом они так нескладны и нестройны, что кажутся как бы двуногими скотами. Для изготовления пищи не имеют надобности ни в огне, ни в пряностях; питаются дикими кореньями и сырым мясом, которое кладут вместо седла на лошадь

и распаривают скорою ездою; земледелие им чуждо; постоянных жилищ они не знают, с детства скитаются по горам и лесам и привыкают переносить стужу и голод. Одежда их полотняная или сшитая из кож лесных мышей; они переменяют ее только тогда, когда она лоскутьями свалится с тела. Они неразлучны со своими малыми, но крепкими лошадьми, на которых едят, пьют, спят и отправляют все дела; даже на общественных совещаниях все сидят верхом. Грязных жен и детей своих возят за собою в телегах. Стыда и пристойности не знают и не имеют никакой религии; непомерная алчность к золоту побуждает их к набегам. Оружие их — копья и стрелы с заостренными на конце костями; они умеют искусно бросать арканы на неприятелей. В движениях своих чрезвычайно быстры, внезапно налетают на вражеский строй со всех сторон, задирают, рассеивают, убегают и потом опять неожиданно нападают... У них больше всего хвастаются убийством врагов, а вместо того, чтобы снимать оружие, они снимают с них головы, сдирают кожу и с волосами вешают на груди коней»[94].

В другом месте Аммиан говорит, что «Гуннам царская власть неизвестна; они шумно следуют за вождем, который их ведет в битву» и т.д.

Достоверно известно, что названный историк непосредственного знакомства с этим народом не имел, а заимствовал сообщенные им сведения от других лиц, а именно: в описании наружности и образа жизни Гуннов, их нравов и обычаев он слово в слово повторил Трога Помпея (I в. до Р. Х.), повествующего о жизни легендарных Киммерийцев или Кмеров, изгнанных будто бы в глубокой древности скифами из нынешней южной России за Кавказ, в Малую Азию (по Геродоту). Это описание, перенесенное на Гуннов, благодаря страху пред их губительным нашествием на Западную Римскую Империю, дало повод римским историкам увеличить эти страхи до фантастических размеров, а позднейшим причислить этот народ к монгольскому племени, вышедшему будто бы из неведомых глубин Азии[95].

Между тем Клавдий Клавдиан (конец IV и начало V в. по Р. Х.) ясно и определенно говорит, что Гунны жили по восточной стороне Танаиса, считавшегося тогда границей между Ев-

[94] К.Ф. Беккер. Древняя История, ч. III, кн. V. Аммиан Марцеллин. XXXI, 2, 21.

[95] Бер. Трактат о Микрокефалах, т. II, № 6. СПб., 1860.

ропой и Азией. Местность эта для западных жителей была крайним востоком, а для нас юго-восточная Россия, где протекал Дон и Волга.

Иорнанд, писавший спустя около ста лет после смерти Аттилы, последовавшей в 453 г., основываясь неизвестно на каких источниках, обрисовал наружность этого вождя так: «Малый рост, широкая грудь, волосы с проседью, курносый (Simo naso), смуглый — он являл черты своего племени» (Cap. XXXV). Одним словом, описывает его в самых непривлекательных красках, хотя выше он говорит о пытливом взоре Аттилы и гордой его осанке. Далее Иорнанд, повторяя слова Трога Помпея и Марцеллина о безобразии Гуннов, говорит, что те, кто мог бы противостоять им на войне, не выносили их ужасного вида и в страхе обращались в бегство.

Этими последними строками сказано все. Психическое явление — массовый страх перед грозным врагом, трусливость деморализованных войск уже разложившейся к тому времени Западной Римской Империи историки той эпохи старались объяснить не чем иным, как каким-то невиданным безобразием своих противников, вселявших будто бы в войска сверхъестественный страх[96].

Авангард войск Аттилы, по известиям современных греческих и римских историков, состоял из приазовских Алан, т.е. Азов — Саков или Казаков (см. гл. V). Эти-то лихие конники и копьеносцы своими отважными атаками и наводили ужас на всю Западную Европу. Кто знаком с западными хрониками эпохи наполеоновских войн и в особенности 1813 и 1814 гг., а также войны с Германией и Австрией в 1914—1915 гг., тот ясно увидит, что теми же или еще более сгущенными красками рисовались действия казаков в тех государствах, и лживые хроникеры характеризовали этих доблестных воинов, как какой-то дикий азиатский народ, чуть ли не хуже Гуннов и Киммерийцев. За примерами ходить недалеко. В австрийских народных листках и проповедях духовенства, а также в раздаваемых народу картинах, судя по газетным сообщениям (сентябрь 1914 г.), казаки изображались звероподобными существами, живущими в диких лесах. «Казаки, — говорится в проповедях, — едят сырое мясо и пьют кровь. Глаза их ужасны, волосы до пояса, бороды до колен. Пики же их — один ужас».

---

[96] Неужели же Гунны были страшней арабов, татар, калмыков и негров, которых никто из европейцев никогда не боялся?

Не то же самое ли рассказывал про конницу Аттилы 15 веков тому назад запуганный народ? Рассказы эти занесены наивными писателями на страницы истории и без проверки повторяются до сего времени.

Ни грязных жен, ни детей в телегах за Гуннами не следовало. Это — фантазия Аммиана Марцеллина, приведенная им в подражание Трогу Помпею. Он считал Гуннов за сказочных Киммерийцев, а потому и воспользовался готовым описанием их быта у Помпея. Кроме того, нашествия Гуннов на Западную Европу этот историк и не видел, так как событие это произошло много лет спустя после его смерти. Эту же ошибку повторили и последующие историки Иорнанд и др. Движение на запад Гуннов — не переселение народов, какового в сущности не было, так как все народы Приазовья и северных берегов Черного моря, описанные в I веке Страбоном, в большинстве остались на прежних местах, как то: Малые Аорсы или Малая (Задонская) Русь. Аланы, Роксоланы, Чиги, Готы и др.[97] Это был поход союзных славянских народов, устроенный стараниями греческих императоров для обуздания отложившихся от них западных провинций, в особенности Галлии и Италии. Следовательно, вопрос о «монгольстве» Гуннов отпадает сам собою. Гунны или Унны (греки писали Ounoi) — от латинского unus — один, единение, союз народов.

Варшавский профессор Д.Я. Самоквасов, занимавшийся долгое время исследованием о скифах, не нашел никаких монгольских народов в юго-восточной Европе, откуда Марцеллин, Клавдиан, Иорнанд и Прокопий (VI в.) выводят Гуннов, т.е. с восточных берегов Азовского моря, из Задонских степей и низовьев Волги. Птолемей (II в. по Р. Х.) говорит о Гуннах как соседях Роксолан и Бастарнов. Армянский историк V в. Моисей Хоренский, сообщая о вторжении Болгар с Северного Кавказа в Армению, прибавляет, что местность, где они поселились, получила название Вананд, т.е. земля Вендов, каковым именем историки называли славян с древнейших времен[98].

---

[97] См. сказание Константина Багрянородного, гл. V.

[98] Озеро и город Ван и Эриван в Армении и теперь сохранили древние свои названия. Венедами или Вендами назывались славяне, жившие в первых веках нашей эры по берегам Балтийского моря от Эльбы до Вислы и на юге до Богемии. К племени Вендов принадлежали: оботриты, бильцы или вильцы, укры, гевеллы, ретарии или ретры (в Ретии, северной горной Италии), лужичане, сербы (сорабы) и др. Теперь этим именем называются остатки славянского поселения в Ширевальде, на притоках Шире, в 50 мил. южнее Берлина.

Дионисий Периегет в «Истории Вселенной» о Гуннах (Унны или Фунны) говорит, что они принудили мидян заплатить им 40 000 золотых монет и вообще имели такое множество золота, что делали из него кровати, столы, кресла, скамейки и проч.

Из последующих византийских историков Прокопий (VI в.) по нравам и обычаям сближает Гуннов со славянами. Кедрин прямо говорит: «Гунны или Склавины». Из западных или латинских писателей Беда Достопочтенный Гуннами называет западных славян. Саксон Грамматик говорит о войне Датчан с Гуннским царем, бывшим в союзе с Руссами, причем под Гуннами разумеет некоторые племена балтийских славян. «Эдда древнейшая» или Семундова упоминает гуннских богатырей, в том числе Ярислейфа, т.е. Ярослава, и вообще под Гуннами разумеет славян. «Вилькинга-Сага» называет город славянского племени Велетов столицею Гуннов. Значительная часть древней России у Иорнанда названа страною Гуннов или Гунивар. Гольмольд говорит, что на языке саксов славяне назывались собаками, по сближению названия «гунн» с немецким словом Hund. Пользуясь этим созвучием, Саксы обратили наименование славян «гуннами» в бранное слово. Страна Гуннов, по Гельмольду, называлась Гунигард (гуннские города). Шафарик в своем историческом труде говорит, что в Валисском кантоне, в Швейцарии, потомков поселившихся там когда-то славян немцы и до сих пор называют Гуннами[99].

В древнейших исторических актах, начиная с Птолемея, о Гуннах говорится как-то неопределенно, сбивчиво и не как об отдельном народе, но как о группе, союзе нескольких народностей, обитавших где-то за Доном, служившим тогда границею между Азией и Европой.

Прокопий (VI в.) называет Гуннов обыкновенно Массагетами, т.е. Великими Саками-Гетами; Приск Ритор, знавший хорошо этот народ и лично ведший переговоры с их знаменитым вождем Аттилой, почти везде именует их скифами, т.е. именем собирательным; Константин же Багрянородный Аттилу называет королем аварским[100]. Да и в полном титуле Аттилы, переданном Иорнандом, ни слова не говорится о гуннском народе.

---

[99] «Славянские Древности». Т. I, кн. 2—94.

[100] Византийские историки говорят о двойственности гуннского народа, называя его то Вархуниты (Менандр), то Вар-Хунн (Симоката), из чего надо полагать, что господствующим сословием у славян-гуннов был народ Вар или кавказские Авары.

Вот его титул: «Аттила всей Скифии единственный (только один) в мире правитель (царь) — Attila totius Scythiae solus in mundo regnator». Подобный титул был во все времена принадлежностью русских великих князей: «Великий князь всея Руси» или «Всея Руссии Самодержец». Аттила действительно объединил все славянские племена Великой и Малой Скифии, т.е. Днепровской и Задонской Руси и, заключив тайный договор с греками через посредство посла, историка Приска, двинулся громить западные римские провинции, почти уже отложившиеся от Византии. Все это сделало золото, драгоценные дары греческих императоров и обещанная добыча в западных провинциях. Из гуннских царей, вернее вождей, с 376 по 465 г. известны: Донат, Харатон, Роа или Радо, которого Иорнанд называет Roas, а Приск — Руа басилеус, западные же историки воеводой скифов — Rhodas; потом Аттила и Вдила, сыновья Мундиуха или Мундюка; Дангичиг, Ирнар, Данчич (Danzic) и Ярень — сыновья Аттилы. Из второстепенных гуннских вождей известны следующие: Валамир, Блед, Горд, Синнио, Боярикс, Регнарь, Булгуду, Хорсоман, Сандил, Заверган и др.

Имена Донат и Харатон христианские. Аттила, Вдила, Данчич (Данович, т.е. сын Дона), Валамир, Горд и другие суть славянские.

У греческих историков VI и VII вв. р. Волга называлась Тилом или Черной рекой (Феофилакт), Аттилой (Менандр), Аталис (Феофан) и Атель (Конст. Багр.). По-татарски река эта называлась Эдил, у арабских писателей IX в. Итиль, у Осетин — Идил. Следовательно, грозный вождь Гуннов носил имя великой русской реки Волги. Он подчинил своей власти все волжские, приазовские, прикавказские и днепровские славянские народы, описанные в V главе настоящего исследования, т.е. Волгар или Болгар, Аорсов, Алан, Черкасов, Чигов, Массагетов, Роксолан и др., а также привлек в свой союз каспийско-кавказских Аваров, воинственный и сильный народ, известный и до сего времени, и с ними двинулся к Дунаю, чтобы продолжать начатую его предшественником Радо войну с греками[101]. Здесь

[101] Приск (V в.) говорит о движении Аваров. Менандр (VI в.) говорит о Вархонитах, а Ософилакт Симокатта (VII в.) о народе Вар-Хуни, двинувшемся в Паннонию. Варун Авесты, у индусов, по толкованию некоторых, — бог воды и бурных морей. Вардан по Птолемею — Кубань. Днепр у гуннов назывался Вар, собственно нижнее его течение, пороги. По Констан. Багрянород. та же река у печенегов наз. Варух или Варуч. Название это печенегами усво-

встретили его послы греческого императора. Из записок Приска известно, какими условиями, дарами и данью откупились греки от столь грозного завоевателя. Предпринимая поход на запад, Аттила в то же время вооружил Малую или Казарскую Русь и послал ее отбить у персов покоренные ими земли за Кавказом.

Какой страх массагетская конница навела на западных жителей, всем известно. Даже сложилась пословица: «Где гуннский конь ступнул, там и трава не растет».

Массагеты любили украшать конскую сбрую, свои головные уборы и одежду золотом и серебром, носили яркие красные или голубые кафтаны, брили бороду, оставляя усы, а на бритой голове длинный чуб; в битвах были неустрашимы и беспощадны для врагов. Греческий историк Прокопий (VI в.) о нравах их выразился так: «А Массагеты суть величайшие пьяницы из всех смертных». Западные же историки описывают их как самых свирепых и безобразных, по наружности, в мире людей. Убив врага, по словам этих историков, они припадали к ранам и сосали из них кровь. Не то же ли самое писали западные хроникеры о казаках в 1813 и 1914 гг.?! В 451 г. Аттила с несметною силою, простиравшеюся, по одним историкам, до 500, а по другим — до 700 тысяч человек, через реку Рейн вторгался в Галлию (нынешнюю Францию) и опустошил ее. На полях Каталаунских, где ныне Шалонь на Марне, его встретили римские легионы под начальством Аэция, бывшего в союзе с королем Готов Феодорихом, а также с Бургундами, Франками, Саксами и др. Произошла исполинская битва, в которой сразились народы, сошедшиеся от Волги до Атлантического океана. Феодорих пал в битве. Союзники были разбиты. На месте битвы, по римским историкам, осталось до 300 тыс. трупов. В следующем году Аттила через Альпы двинулся в Италию, взял приступом Милан и расположился станом на р. Минчио. Тут к нему явилось посольство от императора Валентиниана и с крестом в руках сам папа Леон. Грозный завоеватель умилился красноречием главы церкви и дал мир. Это обстоятельство в достаточной степени подтверждает предание, записанное в «Вилькинга Санге», в

ено у туземцев. Если Варун — бог кипящих морей, Вардан — буйная кипящая река, как и Днепр (Вар) у порогов, то из этого следует вывод, что народ Вар-Хунни то же, что буйные, непокойные гунны. На Дону и теперь в каждой станице буйные речки называются Варгунками. Дон в отличие от Вардана назывался Тихий Дон.

«Нибелунгах» и др. летописях, что Аттила был христианин, как и его предшественники Донат, Харатон и др.

В 453 г. Аттила умер на Дунае в день своей свадьбы с прекрасной Ильдикой, упившись, как говорит Иорнанд, до бесчувствия вином. Есть много данных, что он был отравлен.

Дворец Аттилы, стоявший в большом селении восточной Венгрии, был, по рассказу Приска, великолепнее других его дворцов. Он был построен из бревен и досок, искусно вытесанных, и обнесен деревянной оградой с башнями. Внутри ограды было много домов: одни выстроены из досок с *резною* работой, другие из тесаных и выровненных бревен. Между постройками была большая *баня,* сложенная из камня, привезенного издалека. Царский дом был больше других и стоял на возвышении. Внутри у стен стояли скамьи, около которых расставлены были столы на три, четыре и более лиц. Ложе Аттилы находилось посредине большой комнаты: к нему вели несколько ступеней. Оно было закрыто тонкими, пестрыми занавесками, подобными тем, которые были в употреблении у римлян и греков для новобрачных. На пирах Аттилы гостям подавали отличные яства на серебряных блюдах, самому же царю только мясо на деревянной тарелке, так как во всем он показывал примерную умеренность. Пирующим подносили чарки из золота и серебра, а его чаша была деревянная. Из напитков употреблялись: вино; *мед* и *камос* или *кама,* приготовляемый из ячменя, что-то вроде браги или пива.

Одежда царя была также простая, без всяких украшений, хотя отличалась опрятностью.

Оружие, конская сбруя и головной убор также не имели никаких украшений.

Посланник греческого императора Приск, присутствовавший на подобных пирах, передает обряды чествования гостей и развлечения, состоящие в следующем: пели былины, слушали смехотворные и вздорные речи юродивого (шута) скифа и ломание горбуна-грека, коверкавшего язык латинский с гуннским и готским и т.п.

Когда Аттила въезжал в свою столицу, его встречали девы, шедшие рядами, под тонкими белыми покрывалами, которые поддерживали с обеих сторон стоящие женщины; в ряду было до семи и более дев, а таких рядов было очень много. Эти девы, предшествуя Аттиле, пели *скифские* песни. Когда, говорит далее Приск, Аттила очутился около одного дома, мимо которого

шла дорога к дворцу, хозяйка вышла к нему с многими слугами: одни несли кушанья, другие вино — это у скифов знак особого уважения. Аттила, сидя на коне, ел кушанья из серебряного блюда, высоко поднятого слугами. Приск впущен был в покои супруги царя Креки. Пол там был устлан дорогими коврами. Царица лежала на постели. Вокруг нее было много рабов. Рабыни, сидя на полу против нее, наводили красками на полотне разные узоры. Из этого полотна шили покрывала, носимые поверх одежды для красы — гуни[102].

Походит ли Аттила и его двор на кочевников Азии, — предоставляю судить читателям. Описанная выше Иорнандом наружность Аттилы едва ли верна, так как этот историк, писавший спустя сто лет после его смерти, ни слова не говорит, откуда он почерпнул эти известия, а потому вопрос этот мы оставим открытым.

Иорнанд нам также говорит, что у Гуннов существовал еще обычай совершать погребальное пиршество на могильном холме, называемое *стравой,* нечто вроде славянской тризны.

Когда Аттила был на западе, Казарская Русь, отправленная им за Кавказ, громила Иверию и Армению, которые в это время были уже под властью персов. Казарией же и другими народами, населявшими земли при Черном и Азовском морях, управлял старший сын его Данчич. По смерти отца он вступил на престол и в 467 году потребовал от Царьграда возобновления договоров. Но император Лев, пользуясь продолжавшейся войной Руссов с персами, смело отказал ему в этом. Отказ вызвал войну. Младший и любимый сын Аттилы Ярень советовал брату не начинать войны с греками, когда не только пограничная Русь, Казары и Суроги, но и большая часть Великой Руси отвлечена войной с персами в Армении[103]. Но Данчич не принял советов брата и вместе с подвластными ему Гетами перешел Дунай, где и погиб в бою. Дела Казарской Руси расстроились. Война в Армении кончилась неудачно. Персы преследовали Казар за Кавказский хребет и овладели их гор. Белградом (Валаполис или Белополис), расположенным где-то на Северном Кавказе, а не на Дону, как думают многие, так как до Дона персы проникнуть не могли, ввиду большой населенности этих мест. В Ма-

---

[102] Гунями на Дону называют старые одежды, лохмотья; в горной Галиции и в Карпатах у гуцулов под гунями разумеют верхнюю нарядную одежду.

[103] Суроги — жители берегов Сурожского или Каспийского моря.

лой Скифии или в Малой (Задонской) Руси начинаются междоусобицы. Разные казарские народы враждуют между собою, а некоторые из них даже принимают сторону Армении, подкупленные золотом армянского воеводы Вартана[104]. Таким образом, обширная Гуннская монархия разделилась и пала. На ее месте по Дону, до Каспийского моря и Кавказского хребта, в VII в. восстает могущественная монархия Хазарская.

Глава IX
Христианство в Приазовье и древнерусская письменность

Христианство на восточные и северные берега Черного и Азовского морей проникло весьма рано. Св. Апостол Симон Канонит, известный под именем Зилота (ревнителя закона), по вознесению Христа, вместе с апостолами Андреем Первозванным и Матвеем, по сказанию древних церковных летописцев, пошел проповедывать Св. Евангелие в Кавказские страны. Симону выпало на долю проповедывать на западном побережье Кавказа, где он и пробыл до самой своей смерти. Дикие нравы жителей этой области, древней Севасты, привыкших к кровавым жертвам и родовой мести, совсем не подходили к кроткому учению Христа о прощении обид и братской любви к врагу. Симону пришлось терпеть множество жестоких обид и гонений и, наконец, принять мученический венец. Грузинский царь Адеркий, гонитель христианства, велел распять его на кресте. Немногие ученики похоронили его, по преданию, на том месте, где он обыкновенно молился и жил, в простой природной пещере на берегу р. Псырта, близ нынешнего Ново-Афонского монастыря.

По другим сказаниям, Андрей Первозванный из г. Едессы, после двух дальних путешествий, предпринял третье с несколькими спутниками в Кавказские страны, дошел до земли Иверской (Грузии), прошел Триалетскую область до р. Чороха, впадающего в Черное море близ нынешнего г. Батума, поднялся в горную Сванетию, где апостол Матвей остался устраивать молодую паству, перевалил через главный хребет в Осетию, а от-

[104] Казаки армянами назывались кушанк, кушачи или кушаки. «История Георгия Монаха», ч. 1-я.

туда спустился на морской берег в Чигию и Гетию, или Джигетию (проф. А.Н. Краснов).

В 26-м томе «Сборника материалов по описанию местностей и племен Кавказа» помещена выписка из гражданских Синоксарий VIII и IX вв., хранящихся в Сионском соборе г. Тифлиса: из этой выписки видно, что апостол Андрей проповедывал Евангелие в странах приморских: Вифинии, Понте, Фракии и Скифии, посетил великий город Севастополь (Себастополис — древний Диоскурий, где ныне Сухум), потом пошел к северу в страну Джи-Гетов (Чигов-Гетов), далее в Готию и Тавроскифию (Крым); был также в г. Боспоре, где ныне Керчь. Предание, записанное Нестором, говорит, что апостол Андрей посетил Днепр, был на Киевских горах и даже в Новгороде.

Апостольская проповедь на восточных берегах Черного моря не погибла, и христианство там мало-помалу укоренилось. В IV в. на месте погребения Симона Канонита был построен храм, развалины которого возобновлены в 1875 г. (Ново-Афонский монастырь).

При Юстиниане I (527—565 гг.) христианство на Кавказе делается повсеместно господствующим; западное побережье покрывается торговыми городами греков, храмами и монастырями под прикрытием сильных крепостей. Особые архиереи стали управлять епархиями и в резиденции митрополита Пицунде, в большом торговом городе, как и Севастополь, в 551 г. строится великолепный храм Софии, Премудрости Божией, наподобие Константинопольского. Туда стекались богомольцы из ближайших и приазовских стран. Пышный расцвет христианства на этом побережье наступил в XI и XII вв., когда имеретинские цари сделались владыками и Грузии и Абхазии. Своими победами Давид Возобновитель высоко поднял знамя христианства над мусульманскими соседями и объединил страну. Даже по современным остаткам развалин можно судить, какое множество городов и храмов было на том побережье. Начавшаяся с XV в. борьба христиан с мусульманами, завладевшими даже всей Византийской Империей, привела страну в упадок. (Статья проф. А.Н. Краснова «Русская Колхида»).

Помимо греков-колонистов, христианство рано распространилось и среди туземных жителей восточного побережья Черного и Азовского морей, по низовью Дона и в Крыму, а именно среди Чигов, Черкасов, Алан, Гетов и Казахов: причем богослужебные книги были переведены на местные языки, господству-

ющим среди которых был древний славяно-русский. О существовании этой письменности еще в языческий период мы уже говорили в VI главе; теперь же приведем лишь некоторые данные из истории церкви Приазовья. Иоанн Златоуст говорит, что Скифы, Сарматы и Индейцы (Синды Черноморские) имели уже в его время (IV в.) слово Божие на собственном их языке.

Блаженный Иероним, современник Златоуста, в послании к Летии, его духовной дочери, говорит, что «Гунны изучают псалтырь, хладная Скифия проникается пламенем истинной веры, рать (белокурых) Гетов носит с собою походные церкви».

Церковный историк Созомен Саламинский говорит о Скифах, как о народе самостоятельном, неподвластном Империи (Византийской), у которого множество не только городов, но и крепостей; что они имеют обширную и богатую столицу Томис. Он же называет Феотила, родом скифа, автокефальным архиепископом Томитанским (городов Томи и Таны) и всех прочих епархий Скифии (кн. 7, гл. 26).

Валафрид Страбон, известный толкователь Библии, живший в первой половине IX в. (был настоятелем в Рейхенау), около 844 г. пишет:

«Я слышал от верных братий, что у некоторых скифских племен, преимущественно у Томитан, и до сего времени богослужение отправляется на их собственном языке».

Герберштейн в начале XVI в. и ученый миссионер Крижанич, родом кроат, искрестивший во времена Алексея Михайловича всю Россию и даже побывавший около 15 лет в ссылке в Тобольске, положительно утверждают, в особенности последний, что Кубанские Черкасы — славяне и что богослужение у них совершается на славянском же языке. (См. главу III).

В начале IV в. диакон Феофил, посвященный Евсевием, был послан к Индам Черноморским для поддержания их в вере. Он же потом был и первым епископом всей Босфорании, подписавшим в числе других Символ веры Никейского Собора в 325 г.[105]

На актах Константинопольского Собора в 381 г., где участвовали только азиатские епископы, имеется подпись еписко-

[105] Список библ. Кольберта; Арты, изданные Лаббе в XVII в. Акты соборов. Т. I. Собор Никейский. На акт этого Собора исследователями мало обращено внимания, а между тем в нем говорится о Малой и Великой Скифиях, в которых водворилось уже христианство.

па провинции Скифии (Задонской) Геронтия, митрополия которого была в г. Томи, на Таманском полуострове. На Ефесском соборе, в 431 г., подпись Тимофея, епископа епархии Скифии. В латинском переводе подпись эта приведена так: «Тимофей, епископ Томитанский», т.е. городов: Томи и Таны (на Дону).

На акте Константинопольского Собора, 449 г., читанном на Халкидонском в 451 г., значится подпись: «Александр, епископ области (самостоятельной, независимой) Томеон, епархии Скифии (Акты Соборов, т. II).

Влияние Томитанской митрополии простиралось до половины VI в. на обе Скифии, т.е. на Великую и Малую, но со времени Юстиниана I в актах соборов подпись Томитанского митрополита Скифии прекращается, так как в это время г. Тана был уже разрушен Гуннами, которые к тому же вели войну и с тюркскими каганами, и с союзником их Юстинианом, так что в области митрополии оставалась только одна Босфорания, заключающая в себе полуострова Керченский и Таманский, отрезанные от твердой земли озерами и рукавами Кубани. Ввиду чего в актах Константинопольского Собора 553 г. вместо одной подписи являются две: Иоанн, епископ митрополии Босфора, и Домециан, епископ народа Чигов или Чигии (Δομετιανοῦ τοῦ Ζηχζῶν ἔθνος, или Ζηχζιασῶν[106]).

В приговоре Синода Константинопольского против ереси Аноимия подписали те же лица, т.е. Иоанн, епископ Босфора, и Домециан, епископ Чигии.

Христианство в Чигии и Черкасии соблюдалось, как об этом сказано выше, в чистоте еще долго. В XIII веке, судя по известиям греческого историка Георгия Кодина, архиепископ Чигии был возвышен в сан митрополита.

В уставе греческого императора Льва Философа (886—911 гг.) «О чине митрополичьих церквей, подлежащих патриарху Константинопольскому», на 60-м месте поименована церковь Русская (Ῥώσια), а рядом следующая за ней церковь Аланская. В числе архиепископий, подчиненных Константинопольскому патриарху, на 29-м месте Боспор (Керчь) и на 39-м месте Метраха (Тмутаракань), рядом с Готией, Судгией и Фулой (города в Крыму[107]).

Русская церковь, упоминаемая на 60-м месте, до Олега не могла быть Киевской, так как там княжили языческие князья

[106] По морской карте de Fréduce d'Ancone, Maura Zichia лежит на южной стороне Кубанского лимана (Mauro lago), за ней Alba Zichia.

[107] Codini de officiis. Парижское издание, т. I, стр. 379 и след.

с языческой же дружиной. В договоре Олега с греками также ни одним словом не упоминается о крещеной Руси; последняя, а равно и христианский храм в Киеве встречаются только в княжение Игоря. Кроме того, отдельные случаи обращения в христианство днепровских руссов не могли составить митрополичьей церкви. Следовательно, под Русской митрополией, управлявшей, по актам Никейского Собора, церквами в обеих Скифиях, первоначально нужно понимать церковь Азовско-Донскую, с городом Россией, отмеченном на древних картах в устьях Дона и упоминаемом в договоре греков с генуэзцами в 1170 году. Это хазарско-тмутараканская Русь, о которой многократно говорят многие арабские историки и географы и часть которой в XIII в. вошла в состав татарского царства под именем Руссов, Гетов и Чигов. Об этом ясно и определенно говорят также современники татарского владычества, греческие историки Никифор Григора и Георгий Пахимер.

В X в., с появлением на юге России кочевников, русская митрополия могла быть перенесена в Киев. На это указывают и слова договора Игоря с греками: «Мы же (христиане Руссы), елико нас крестилися есмо, кляхомся церковию Св. Ильи в соборной церкви, предлежащим честным крестом и харатьею сею, юже есть написано на ней...» «Хрестьянскую Русь водиша роте (обету, присяге) в церкви Св. Ильи, яже есть над ручаем, конец постничи беседы в Козарехе», т.е. в Казарском конце города, где и была построена церковь Св. Ильи переселившимися с Дона в Киев христианами хазарами из древнерусской Алано-Донской митрополии.

Где собственно было местоположение города России, отмеченного на картах Эдризи (XII в.) и Бенниказы (XV в.), трудно сказать, но только достоверно то, что город этот находился близ устьев Дона и вероятней всего по левой его стороне, на месте нынешнего Азова или близ него. Итальянцы еще и в XIV в. продолжали называть Азов Таной, о чем свидетельствует найденная там в 1889 г. намогильная плита венецианского консула Иакова Корнаро, графа Арбэ, хранящаяся в Донском музее. Граф Арбэ, как видно из латинской надписи на плите, умер в Тане в 1362 г.

В русских летописях того времени город этот носил уже наименование Азова, от народа «Азов» или «Ясов», как называла себя приазовская алано-хазарская Русь, а не от какого-то, как думают некоторые, половецкого хана XI в. Азупа, будто бы обитавшего в тех местах и построившего эту крепость.

Быть может это и есть часто упоминаемый историками аланский город-крепость Ас-Кала[108]. Следов бывшей сильной венецианской крепости в Азове уже нет, она смыта Доном, как смыта уже часть последних турецких укреплений.

Casa degli Rossi итальянских географов тоже означает г. Азов-Россов. Турки, захватив итальянскую Тану, дали этому городу прежде существовавшее название, встречаемое и у некоторых арабских историков: Адзака, Ассака, Казака, Казавы, Казовы и Азова, т.е. города народа Ас-Саков, т.е. Казаков. Что православное русское поселение на месте нынешнего Азова существовало раньше XI в. и даже раньше X и IX, можно указать на следующие данные. В Азове издревле существовал православный храм во имя Иоанна Предтечи, который, по старинному преданию казаков, считался покровителем этого города. После знаменитого «Азовского сиденья» казаки с большим торжеством в 1643 г. вывезли из названного храма всю церковную утварь, иконы и колокол, хранящиеся в настоящее время частью в Воскресенском соборе Старочеркасска, частью в Донецком Предтеченском монастыре, Воронежской губ., Богучарского уезда, в 12 в. от Казанской станицы Донецкого округа. Монастырь этот раньше был казачьим и находился в пределах земли Донских казаков. Туда и в другие монастыри престарелые и увечные воины донцы ходили на богомолье и часто удалялись на покой, принимая пострижение[109].

Из вывезенных икон, свидетельствующих о древности азовского храма, замечателен образ Иоанна Предтечи, писанный, судя по сделанной на нем греческой надписи, в 637 г. Образ этот хранится в Донецком монастыре, а копия с него — в старочеркасском соборе и в часовне на Монастырском урочище, в 7 вер. ниже Старочеркасска, где был раньше, в XVI и начале XVII в., главный казачий стан. Колокол, в виде широкого конуса, гораздо шире, чем льют теперь, находится также в Донецком монастыре. Колокол этот содержит в себе большой процент золота и серебра и славится нежностью и мелодичностью звука. Вывезенное из того же храма изящной венецианской работы медное, посеребренное паникадило находится в соборе Старочеркасска.

---

[108] Кала или кел — крепость, неприступное место по-персидски. От этого русское скала и скель в просторечье. Ас-Кала — крепость народа Ас, как себя на своем языке именовали аланы, хазары и азовские Саки или Казаки.

[109] Донские дела. Кн. 1-я, стр. 543 и 913.

Из приведенных выше данных видно, что богослужение у приазовских народов с IV в. совершалось на их собственном языке. Следовательно, у них была своя письменность и книги Священного писания. Алфавит был тот же, что и у Руссов-Троян, Гетов-Руссов Италии и славян берегов Балтийского моря, хотя уже с течением времени измененной. Алфавит этот очень древний, древнее греческого и латинского и во многом сходен со славянским, т.е. с Кирилловским.

В VI гл. настоящего исследования приведены некоторые образцы письменности южных Гетов-Руссов; теперь скажем несколько слов о древней письменности северных славян, употреблявших почти тот же алфавит, как и Геты-Руссы Италии.

В Берлинском королевском музее находится так называемая «Северно-славянская камея», вырезанная на магнитном камне. Древность этой камеи, по исследованию ученых, не менее 2000 лет. Она изображает моровую язву или чуму в виде нагого скелета с горящим черепом и бичом в правой руке. Скелет стоит на колеснице, в которую впряжена пара львов. В левой руке он держит вожжи. Под ногами львов лежит другой скелет, означающий смертоносный поезд чумы. Скаковой ход чумы останавливает северная богиня жизни Ифунна, называемая также Идуною. Надпись, сделанная под фигурами, гласит: «А ни дверри отверри; ей тени ехан неби. Нехай ме Хела мти». — «Отнюдь дверей не отворяй, ея тень съехала с неба. Пусть меня Гела отмстит». Надпись позади чумы, отвесно: «Бедами оводейен». — «Бедами, окруженна». Засим следует надпись подле возницы и колес: «Амфони теме ваявия». — «Открыто это объявляет». Надпись над лежащим скелетом и под ним: «Его миене иноме и все инне милой его». — «Его имение иному и все иное милое его». За богиней на краю камня: «Ето Ифунна». — «Это Ифунна». Надпись по другой стороне богини, на ее груди и ногах говорит о покоящихся в песках умерших от чумы: «Уни ураен песех немне тихо». — «Они орают песок немо, тихо».

В древности, как говорят летописные сказания, при появлении чумы держали все двери запертыми, чтобы избегнуть заражения, а когда лютость болезни прекращалась, то жители возвращались в свои оставленные жилища и входили в них через окно. Чума изображалась всегда с горящей головой. Гела была богиней северных славян Венедов и Сорбов, к которой они, как повелительнице подземного мира, обращались с мольбой о даровании блаженной кончины и просили об отмщении. Боги-

ню эту нельзя смешивать с скандинавским адским чудовищем Гелом. Берлинская академия наук не могла истолковать этой надписи и это сделал лишь славянин Воланский, применив только существующий славянский алфавит и говор древних северных славян.

Этот выдающийся исследователь древних славяно-русских памятников изучил все славянские наречия и таким образом пролил свет на жизнь и мировоззрения наших предков, доказав одно из выдающихся исторических явлений — глубокую древность славяно-русской письменности. В трудах его приведено множество надписей, подобных вышеуказанной, и все они ясно подтверждают высказанное им мнение.

Помимо этих археологических данных, на существование древней славяно-русской письменности указывают еще и следующие исторические сказания. Ксетий говорит, что царь скифов вызывал на бой Дария ругательным письмом в 513 г. до Р. Х.

a. ANI ΘOVEPPI ΘOVHPPI,
EI ΦENE EXAN NEΘI,
NEXEI, ME XEΛA MΘII.

b. BΘAMV ΘWΘΘEHN.

c. AMΦONV ΘME WAIAVIA.

d. EPΦ MIENE INOMΦ

Северная камея

В VI в. византийцы говорят о северных славянах как о народе образованном, имеющем свои собственные письмена, называвшиеся «буквицей». О том же говорят и скандинавские саги.

Дитмар, епископ Мерзебургский (род. 975 г.), описывая храм Ретры, на южном берегу Балтийского моря, в земле Ободричей, где ныне Мекленбург-Стрелиц, говорит, что внутри его стояли идолы и на каждом из них было написано его имя. Впоследствии снимки с этих надписей были многократно издаваемы печатно. Западные ученые того времени не могли истолковать эти надписи, так как не знали славянского алфавита, а позднейшим и в голову не приходило применить этот последний.

В чешской песне «Суд Любуши», дошедшей до нас в списке IX в., говорится, что у престола этой княжны во время народного собрания стояли две судные девы: у одной из них был «меч кривду караючи», а у другой «доски правдодатне», т.е. доски законов. Это значит, что законы у чехов, в то время еще язычников, были уже писанные.

Константин Порфирородный говорит, что Хорваты, тотчас по принятии христианства, следовательно, прежде чем могли научиться латинской грамоте, собственными подписями подтверждали свою клятву папе не воевать с другими христианскими народами.

Феофан упоминает о договоре болгар с греками при Константине Копрониме в 774 г., причем обе стороны обменялись письменными договорами и грамотами[110]. Если бы славянская грамота не существовала прежде у болгар, а была введена только при царе Борисе, то было бы трудно объяснить то процветание болгарской письменности, которое началось еще при том же царе и достигло такой высокой степени при его преемнике Симеоне.

В договоре Олега с греками сказано: «Ношаху сли печати златы, а гостие сребряны: ныне же уведел есть князь ваш посылати «грамоту» ко царству нашему: иже посылаеми сице, яко послах корабль селько»... «О работающих в Грецех Руси у христианского царя: аще кто умрет, не урядив своего имения, ци и своих не имать, да возвратит именье к малым ближним в Русь. Аще ли створить обряженье, таковый возмет уряженое его кому будеть писал наследити именье, да наследует». «Иже посылаемы бывают от них (от Руссов) послы и гостье, да приносят грамоту пишюче сице». Некоторые полагают, что славяне-язычн-

[110] Theoph. Ed. Bon. 691 и 775.

ники пользовались уже в IX и X вв. азбукою Кирилловскою, но этого не может быть, так как азбука эта употреблялась исключительно для книг Св. писания и распространялась среди славян христианскими учителями, язычники же про нее знать не могли. Впрочем, в самом житии Св. Кирилла и не говорится об изобретении им письмен, а употребляются неопределенные выражения: «И тогда сложи письмена и нача беседу писати евангельскую». В житии Мефодия сказано: «Да ту яви Бог философу словенскы книги, и абие устроив письмена и беседу ставль».

Об изобретении письмен в буквальном смысле ничего не сказано. Об этом говорит лишь монах Храбр (список XIV в.), но и тот добавляет, что на этот счет существуют и другие мнения.

Что философ Константин (Кирилл) не изобретал славянского алфавита, а нашел его уже готовым, можно судить по следующему месту Паннонской летописи о жизни этого славянского учителя, а именно: при путешествии братьев в Хазарию они посетили Крым и там в г. Корсуни «обрете евангели и псалтырь Русскы (по другим спискам — *роушьскыми*) письмены писаны». Следовательно, книги Св. писания на русском языке существовали в Приазовье раньше Кирилла и Мефодия. Многие арабские писатели IX и X вв. также определенно говорят о существовании у юго-восточных Руссов, живших по Дону и нижней Волге, письменных знаков, вырезываемых на деревянных дощечках и камнях для обозначения или имен умерших, или названий богов, а также для предсказаний будущих событий (Массуди, Ибн-Фадлан, Ибн-ин Надим и др.).

Ибн-Фадлан говорит, что в 921—922 гг. после смерти русского язычника на Волге Руссы сожгли его труп и на этом месте насыпали курган, в середину которого водрузили большое дерево (столб) и написали на нем имя умершего и имя русского царя.

Скифскими письменами пользовались также и тюркские народы, жившие в Средней Азии в V и VI вв. Так, в 568 г. тюркский царь Дизабул заключил союз с Восточной Римской Империей, и договор по этому поводу был написан скифскими письменами за неимением у тюрок своих. Образцы этой письменности, большею частью на камнях, были собраны и прочитаны Томсеном в 1893 г. Они дают наглядную картину тюркской культуры 733 г. по Р. Х. Прекрасное изображение их можно видеть в книге L. Cahuna[111].

[111] L. Cahun «Турки и Монголы». Париж. 1896, стр. 73.

Надписи на известном так называемом «Чингизовом камне» в Монголии буквами прямоугольной формы также указывают, что древнескифский алфавит был в употреблении у тюркских народов до начала XIII века.

П.К. Козлов, посетивший в 1908—1909 гг. центральную Монголию, в могильниках мертвого города Хара-Хото, древней столице Тангутского царства (XI—XIV вв.), нашел свыше тысячи томов книг, писанных на разных языках: китайском, тибетском, маньчжурском, монгольском, арабском и на «неизвестном». Не есть ли этот «неизвестный» алфавит древний скифский? Об этом нам скажут исследователи-ориенталисты.

Глава X
Хазары-беловежцы и переселение их на Днепр

О хазарах или казарах впервые упоминают историки V в. по Р. Х., армянский Моисей Хоренский и греческий Приск Ритор. Моисей Хоренский говорит о нашествии на армянские владения в конце II и начале III в. «хазиров» (аз-иров), народа, жившего по северной стороне Кавказских гор[112]. Государя хазиров Моисей Хоренский называет «хаканом», словом, которое у него означает владыку. Приск Ритор, современник Хоренского, говорит о храбром народе «акацирах» или «кацирах», «казирах», обитавших к востоку от Азовского моря и управлявшихся князьями. Сопоставляя эти известия с другими историческими данными, приведенными в предшествовавших главах, приходится прийти к заключению, что хазиры или хазары и казары, от *аз* и *иры* или *ары* не этнографическое название какого-либо отдельного народа, а просто оно означало «азовские люди» люди *Аз:* так, «ир, ар, ер» на всех древнеарийских языках, в том числе персидском и современном осетинском, означает «муж», «воин». Персы называют себя ирами, осетины — ирон. Древнеславянские названия бойар — боевой муж; волгары или болгары — волжские люди. Следовательно, хазары — аз-ары, т.е. мужи или воины народа «аз», как себя называли аланы и, как увидим ниже, сами хазары.

---

[112] Моисей Хоренский в переводе Эмина, стр. 134.

Название правителей хазаров «каган» или «коган» лингвисты объясняют различно. Все склонны к тому, что слово это восточного происхождения и занесено в Приазовье вместе с халдейским учением, распространенным в то время. Но это неверно. Правителей сильного смешанного арийско-тюркского государства V века по Р. Х. в Закаспийской области также именовали каганами, коханами, позднее — кхаханами, кханами и просто ханами, каковое название у этого народа означало выбранного народом главу, военноначальника, обязанного заботиться о военной славе своего народа, но не деспота. Следовательно, каган, кохан и другие видоизменения этого названия означали «коханый», излюбленный, *любый-батька,* гетман, избранный народом правитель.

Выше сказано «тюркского», потому что так в V и VI вв. жителей Закаспийской низменности именовали греки. Издревле же в тех местах господствовали Геты или, как иные их называли, «индоскифы», говорившие на языке санскритского корня. У них была и своя письменность и даже литература. В V в. по Р. Х. они делали переводы с китайского языка; позднее они переняли от несторианских миссионеров письмена сирийские, из которых потом образовались письмена монгольские, калмыцкие и маньчжурские. Несториане распространили в тех местах христианство, задавленное впоследствии исламом.

В VII в., по распадении монархии Аттилы, по р. Дону, от Азовского моря до Каспийского и по нижней Волге возникло новое государство — Хазарское, под управлением каганов.

Киевские поляне, по Нестору, платили дань хазарам. Это подчинение должно было оказать влияние на жизнь и язык днепровских славянских народов, а потому весьма вероятно, что киевские князья в те времена также назывались каганами. Иначе чем же объяснить приведенное в похвальном слове киевского митрополита Илариона, обращенном к Св. Владимиру, наименование этого князя «каган»: «Похвалим же и мы по силе нашей малыми похвалами великая и дивная створшаго нашего учителя и наставника великаго Когана (излюбленного правителя) нашея земля — Владимера»[113].

Какая народность первоначально стояла во главе вновь образованной Хазарской монархии — неизвестно, но, судя по тому, какую важную роль в Гуннском государстве играла Ма-

[113] Чтен. Общ. Истор. 1848, № 7.

лая (Задонская) Русь, Алане, Чиги, Геты и другие славянские народности, обитавшие в Приазовье, можно с достоверностью сказать, что славянский элемент в той монархии был господствующим, хотя в Прикаспийском крае мог преобладать элемент и тюркский.

Хазары имели правильное гражданское устройство и построили в пределах своих владений много укрепленных городов, следы от которых сохранились и до настоящего времени. Из них по летописным сказаниям известны: Осенев, Сугров, Шуркань, Руком, Балин, Чевшлюев и как столица царства — Итиль или Атель, при устьях Волги, а потом в первой половине IX в. стала известна крепость Саркел на р. Дону. Летописец Нестор еще упоминает о хазарском городе Беловеже, стоявшем где-то в виду Киева, для угрозы и удержания в покорности полян.

Некоторые историки полагают, что Саркел и Беловежа один и тот же город, другие, напротив, утверждают, что Беловежа стоял у верховьев р. Северного Донца, близ нынешнего Белгорода, на большой дороге, идущей с нижней Волги и среднего Дона на Киев. Это последнее предположение отчасти подтверждается и указаниями древних карт, изображающих Россию до нашествия татар. На этих картах г. Беловежа поставлен на том самом месте, где ныне Белгород, на правом берегу р. Сев. Донца. Шуркань — ниже левого притока Донца — Жеребца; еще ниже Чевшлюев, а Сугров при устьях р. Айдара, также левого притока Донца.

О построении г. Саркела император Константин Багрянородный говорит, что около 835 г. хазарский каган и хазарский бег (рес) прислали к императору Феофану послов с просьбой построить им на Дону крепость. Император исполнил их просьбу и отправил на своих хеландиях спафарокандидата Петрону с мастерами и рабочими. В Херсоне (Таврическом или Крымском) Петрона пересел на плоскодонные суда, которые могли ходить по Азовскому морю и р. Танаису. Он доплыл до назначенного места этой реки и там остановился. Так как в этом краю не оказалось камня, годного для зданий, то греки устроили печи, приготовили кирпич и затем воздвигли крепость, названную Саркел, что значит «Белая гостиница», по объяснению Константина Багрянородного, по другим — «Белый замок». Современник Константина Леонтий, сообщающий то же известие, хотя в более коротких словах, прибавляет, что в Саркеле находился хазарский гарнизон в 300 человек, который время

от времени сменялся. Из этих известий видно, что Саркел был не городом с его торговлей и шумом жителей, а небольшая, хотя и сильная крепость, построенная для защиты от неприятелей, а такие крепости строятся не внутри государства, а только по границам его.

Константин Багрянородный указывает на Саркел, как пограничную крепость с печенегами. Кедрин, писатель XI в., говорит уже прямо, что Саркел был построен для защиты от печенегов. Лемберг в своем исследовании «О положении Саркела» замечает, что в эпоху его построения печенеги кочевали в степях поволжских, т.е. к северу от Хазарского государства. Следовательно, местоположение Саркела надо искать в местности, где Волга сближается с Доном, т.е. близ Переволоки, где впоследствии были казачьи городки Рига и Паншинский, на острове близ нынешней Качалинской станицы. Паншинское городище занимает местность длиною около 350 саж. и шириною 120 саж. Оно состоит из множества бугров и курганов, нарытых без всякого порядка; земля перемешана с битым кирпичом и черепками глиняной посуды.

Что Саркел был именно в той местности, подтверждается следующими историческими данными. Константин Багрянородный говорит, что «Танаис идет от Саркела», иначе говоря: крепость эта стояла на том месте, откуда начинался судовой путь по Дону с Волги в Азовское море.

Из записок митрополита Пимена, плывшего Доном в Азов в 1389 г., видно, что суда его, миновав в воскресенье устье р. Медведицы, во вторник достигли до городища Серклии, которое Карамзин признает за Саркел. Пимен плыл весной. Фарватер реки путешественникам был мало знаком, а потому они могли подвигаться вперед только днем и то с осторожностью. Едва ли они могли лететь при попутном северо-восточном ветре на всех парусах. Опытные современные судоходцы говорят, что теперь они при попутном ветре на парусных судах могут делать в час по 10 верст и в три дня от устьев Медведицы могут дойти до станицы Нижне-Чирской или Верхне-Курмоярской, но не далее. По тому же времени, когда приходилось делать каждый шаг ощупью и с большою осторожностью, чтобы не налететь на мель при большом разливе Дона, суда на третий день могли дойти не далее станицы Качалинской и вообще Переволоки. Что у хазар были укрепления между Волгою и Доном, повествует и арабский географ Масуди, живший в половине X в. Он говорит о

походе Руссов в 913 г. на 500 судах в Каспийское море и поясняет, что на Переволоке стояла многочисленная хазарская стража, чтобы удерживать как приходящих Доном из Азовского моря, так и наступающих с севера сухим путем.

Цимлянское городище, близ хут. Попова, на левой стороне Дона, которое некоторые археологи признают за остатки Саркела, могло быть и другим торговым городом Хазарии. При раскопке этого городища членом Московского Археологического общества Вл. Ив. Сизовым в 1883 и 1884 гг. были найдены остатки христианского храма, мраморные колонны, бронзовые и медные кресты, монета «серебро Владимирово» и многие другие предметы, хранящиеся в Донском музее.

Известный славист Шафарик говорит, что в русском языке много слов персидских, занесенных будто бы в него сарматами, как то: бугор, курган, дей, богатырь, стряпчий, амбар, буза, чертог, сар или царь, бог, топор и др. Кала, а от него скала, кел и скель — слова также персидские, означающие крепость, неприступное место. Саркел — царская крепость. Аланский город — крепость в Приазовье Ас-Кала тоже означает Азовская крепость или крепость народа Азов[114].

По историческим изысканиям, как сказано выше, хазары не представляли какой-либо особой народности. Это было государство, составленное из разных племен, как то: тюрок, пришедших из-за Каспийского моря, кабардинцев (кабар), угров, алан, Казахов, Черкас, Чигов, Гетов-Руссов и др. Прочной и однородной национальности здесь не выработалось. Государство сошло со сцены, не оставив никакого определенного этнографического типа в истории. Существование различных племен, не слившихся в один народ, объясняет нам и то замечательное разнообразие религий, которое мы встречаем здесь в

---

[114] В русском языке есть слова не персидские, а общие всем древнеарийским языкам. Кроме того, в языке славян и литовцев есть слова халдейские, относящиеся к культу религии. Финикийский Ваал есть вавилонский Баал или Беел — белый. Балтос, балта по-литовски также означает белый. Набу или небо — божество у вавилонян. Балтасар — Бел-сар-уцур (по клинообразным письменам) — Белый царь Мардук, бог Вавилона — бог или дух смерти. Мар, мара (от корня мер) — смерть. Сарматы, по Страбону, бросаясь в бой, кричали: мара! мара! т.е. смерть! смерть! На Дону старухи часто бранятся: мара тебя возьми! В подобных словах буквы *а* и *е* заменяют одна другую. Все означенные слова занесены в Халдею древними культурными арийскими народами — аккадийцами и шумерами, а на Иранское плоскогорье и в Пидию Саками и Гетами-Руссами.

эпоху процветания Хазарского государства. Некоторые историки полагают, в том числе и Иловайский, что в городах этого царства рассеяно было значительное количество еврейского населения. Но это не совсем верно. Следующие документальные данные говорят о том определенно.

В VIII в. хазарский царь, при дворе которого евреи-проповедники играли весьма видную роль, добровольно принял еврейскую веру и обратил в нее часть своего народа.

Около половины X в. главный министр испанского калифа, еврей Хасдаи-Ибн-Шапрут, узнав, что на востоке будто бы находится самостоятельное еврейское царство, отправил к хазарскому царю приветственное письмо с просьбой сообщить ему, откуда он ведет свое происхождение. Хазарский царь Иосиф ответил длинным посланием. Опровергая разделяемое Хасдаи-Ибн-Шапрутом заблуждение — будто бы хазары — потомки выходцев из израильского царства, он подробно рассказывает об обращении хазар в еврейство. Из этого письма мы узнаем, что первый принял это вероучение царь Булан. Все следующие за ним хазарские цари носили еврейские имена: Обадия, Хиския, Манассия I, Ханука, Исаак, Завулон, Манассия II, Нисси, Менагем, Вениамин и Аарон. В пришествие Мессии он и его народ верят, но ничего определенного об этом не знают. Выражая удовольствие по поводу письма Хасдаи, Иосиф заканчивает свое послание следующими словами: «Мы обращаем наши взоры на Иерусалим и вавилонские академии. Да будет угодно Богу содействовать делу освобождения. Ты пишешь, что жаждешь видеть меня; я также жажду узнать тебя и твою мудрость. Если б это желание могло исполниться, и я имел бы возможность говорить с тобою лицом к лицу, то ты был бы мне отцом, а я тебе сыном; я вверил бы тебе управление моим государством». Следовательно, в Хазарии были только евреи-проповедники и, быть может, еще купцы.

Нет никакого сомнения, что византийское правительство неоднократно делало попытки обратить в христианство и народ хазарский, так как светом этого учения были уже озарены многие народы восточного побережья Черного моря еще с IV века, но, встречая с одной стороны препятствие от еврейства, а с другой — волнуемое внутри иконоборством (VIII в.), оно не могло сосредоточить свою энергию на распространении Св. Евангелия в данной местности.

Во второй половине IX в., по просьбе хазарского кагана, славянские апостолы Кирилл и Мефодий обратили в христиан-

ство многих его подданных. Перед этим братья-апостолы, прибыв в г. Корсунь, на Таврическом полуострове, нашли там Евангелие и Псалтырь, написанные русскими письменами, и, научившись читать и говорить на этом языке (Паннонская летопись), стали проповедывать христианство в Хазарии.

В исследовании Бодянского «О времени происхождения славянских письмен» говорится, что Кирилл упросил своего брата Мефодия сопутствовать ему в Хазарию, «зане умеяше язык словенск». Следовательно, братья хорошо знали, что в стране хазар они будут иметь дело с славянскими племенами, и вот, как необходимое пособие для их проповеднической деятельности, в Корсуне им попадаются книги Св. писания, переведенные уже на русский язык. Многие арабские историки IX и X вв. определенно говорят, что Руссы и славяне говорили на одном и том же языке. Следовательно, господствующий элемент в Хазарской монархии был славянский[115].

В 965 г. Святослав, великий князь Киевский, сокрушил могущество Хазарского царства и взял многие их города. Окончательное же распадение этой монархии совершилось в 1021 г. Многие беловежцы, как говорит летописец, теснимые с одной стороны половцами и тюркскими народами, пришли в 1117 г. в Киевскую Русь, где им Владимиром Мономахом были отведены земли для поселения.

Из договора Игоря с греками в 945 г. видно, что в то время в Киеве уже была целая окраина, населенная хазарами-христианами с церковью Св. Ильи.

Карамзин во II т., стр. 78, «Ист. Госуд. Рос.» говорит, что третий сын Владимира Мономаха Ярополк воевал в окрестностях Дона: взял три города в области Половецкой: Балин (белый), Чевшлюев и Сугров; пленил множество *«ясов»*, там обитавших, и в числе их прекрасную девицу, на которой он женился. Около того же времени Владимир выгнал из России берендеев, печенегов и торков, новых пришельцев: теснимые половцами и разбитые ими близ Дона, они искали убежища в окрестностях Переяславля, но, любя грабеж, не могли коче-

[115] Абул-Касум в «Книге путей и государств» (2-я половина IX в.) говорит: «Купцы русские — они же суть племени из славян — вывозят меха из дальних концов Славонии к Румскому (Черному) морю, и царь Рума (Византии) берет с них десятину. А если желают, то ходят на кораблях по р. Славонии (Волге), проходят по заливу хазарской столицы... Ходят по морю Джурджана (Каспийскому)... Провозят товары на верблюдах в Багдад».

вать там спокойно. Однако ж многие из них остались на Днепре, были известны под общим именем *черных клобуков*, или Черкасов и служили Россиянам. (Воскресенский список.) О том, что *черные клобуки*, т.е. черные шапки, барашковые, назывались Черкасами, говорит и Киевская летопись: «И скопя свою дружину пойде, пойма с собою Вячеславль полк весь и вся Чорные Клобуки, еже зовутся Черкасы». Летопись Владимирова времени упоминает еще о беловежцах, охотно принятых великим князем. Эти обитатели некогда знаменитой крепости казарской на берегах р. Дона, взятой мужественным князем Святославом, спасаясь от свирепости половцев, основали новый город в верховьях р. Остера и назвали его именем древнего или Белою-Вежей, коей известны развалины (в 120 вер. от Чернигова) свидетельствуют, что в ней находились каменные стены, башни, ворота и другие здания. Казары, наученные греками, строили лучше наших предков» (Карамзин).

Из приведенного следует, что поименованные выше города построены были *Ясами* или *Азами*, т.е. хазаро-аланами, которые на своем языке, как говорит летопись и путешественник XIV в. Иосафато Барбаро, сами себя называли «Ас», но не половцами, как многие думают. Летопись ясно говорит, что в тех городах обитали «ясы». Половцы, т.е. полевики или степняки, обитавшие раньше в Прикаспийских песчаных степях, отчего некоторые историки их называют команами или куманами (от кум — песчаная степь), были тюркского племени (племя кочевое), имели только становища, ханские ставки и городов не строили; по крайней мере, летописцы об этом ничего не говорят.

При распадении в XI в. разноплеменной хазарской монархии, славянский элемент с Дона двинулся ближе к Киевской Руси, отчего тюркские племена из Прикаспия усилились и завладели в нижнем течении Дона и Донца раньше построенными там городами и вскоре совсем их разорили, так что в последующих веках о тех городах никаких уже известий не имеется, кроме Азова и Ахаса, упоминаемого в начале XVI века Герберштейном.

Гор. Ахас, вернее — Ак-аз, т.е. Белый или свободный город народа Азов[116].

---

[116] Ак по-татарски — белый, а слово белый в то время означало свободный, никому не подвластный. Белополис гуннского периода, Белые-Вежи на Дону, Донце, Остере, в низовьях Днепра и при устьях Буга означали «свободные города». Все они были построены народом *«Аз»*, Черкасами или казаками, Аз-Саками.

В пределах нынешней области войска Донского хазарских городищ очень много, как и в соседней Воронежской губернии. Все они расположены или по большим водным путям, по рр. Дону, Донцу и судоходным в то время: Медведице, Илове, Хопру, Бузулуку, Воронежу и др., или по торговым караванным дорогам, идущим от устьев Волги, Дербентского прохода (Абаб-Баб — большой путь) и Крестового перевала через Кавказский хребет на север в землю Суздальскую и на северо-запад в Киев, через переправы на р. Дону: Цимлянскую, Бабскую, где ныне станица Константиновская, и Аксайскую. О городище при цимлянской переправе сказано уже выше. Городище при Бабской переправе (Великий перевоз — по Герберштейну), находящееся ныне в юрте Золотовской станицы, еще мало исследовано[117]; оно находится на большом, незатопляемом весенней водой острове между Старым и Новым Доном; на месте его хорошо заметны основания толстых стен и башен, кладенных на извести и цементе из тесаного белого песчаника и хорошо обожженного кирпича, с верхней и нижней сторонами квадратной формы. Одна из стен шла по самому берегу Дона, длиною около полуверсты, с башнями в расстоянии одна от другой на 5 сажен. Повсюду разбросаны небольшие курганы и ямы с мусором из битого кирпича и черепков.

Местоположение этого города было чрезвычайно красиво. Герберштейн в своих «Записках о Московских делах» говорит, что на четыре дня пути выше Азова и на один день выше устьев Донца на Дону был город Ахас, славившийся красотой своего местоположения и обилием богатств. Указанные расстояния как нельзя более соответствуют расположению названного городища, находящегося в 150 вер. от Азова и в 30—35 вер. от старого устья р. Северного Донца, бывшего близ нынешней станицы Раздорской. Надо полагать, что город этот в конце XIV в. был разрушен, как и Азов, Тамерланом и во времена Герберштейна (1517—1526 гг.) была лишь свежа память о нем.

Этнографического названия половцев мы не знаем. Татары называли их своими конюхами. Киргизы — лучшие конюхи во всей Средней Азии. Это, быть может, и были половцы. Может

---

[117] Название Бабская от «баб» — ворота, путь. Слово это очень древнее; оно встречается еще в языке халдейском, а потом арабском. Вавилон или Бабилон — широкие ворота.

Схематичный план местоположения Бабского или Золотовского городища мною представлен в Донской музей. — *Авт.*

быть это были и нынешние кумыки Терской области, занимавшие раньше земли по р. Куме и по берегам Каспийского моря. Владимир Мономах много раз их прогонял в Задонские степи, но они как племя кочевое всякий раз снова возвращались и нападали на русские пределы. Рубруквис их назвал команами, русские летописи половцами, т.е. степняками, полевиками, живущими в поле. Выше приведены данные, что хазары-христиане из Приазовья стали переселяться в Киевскую Русь и даже в самый город Киев еще раньше похода Святослава в Хазарию; поход этот, надо полагать, был предпринят собственно против хазар тюрок в Прикаспийские степи, о чем неоднократно упоминают арабские историки того времени, как, например, Масуди под 913 г. и др.

Во времена князя Игоря хазары-христиане населяли в Киеве уже две улицы.

Летописец Нестор (Соф. список) говорит:

«Кляся Игорь (при заключении с греками мирного договора) и вся мужие его, елико поганых Русь, Перуном, положив пред истуканом щиты свои и обнаженные мечи, а христианскую Русь водиша к роте (присяге) к церкви Св. пр. Илии, иже есть нарицаем конец Пасынец беседы и Казари: се бо бе соборная церковь».

Хазары-беловежцы также были христианами, так как летопись о их язычестве ничего не говорит.

С верховьев Остера, впадающего в Десну, а также из Киева хазары, которых польские летописцы X в. именовали черкасами и казаками, усилившись новыми переселенцами с Кубани и Дона, завладели всем нижним течением Днепра и построили близ устьев этой реки, немного выше впадения в нее Ингула, новый город под их старым любимым названием «Беловежа», т.е. свободный город. Около того же времени появляется Беловежа и при устьях Буга. Эти Черкасы-Беловежцы впоследствии стали именоваться казаками белгородскими, т.е. людьми свободными, не подвластными никому. Греческий импер. Константин Багрянородный под 948 г. говорит об упорной битве Казахов или казацкого народа с тюркскими племенами, в которой казаки остались победителями.

Укрываясь в недоступных дебрях Днепровских порогов, Черкасы-Казаки к концу X в. стали уже грозою для соседних

враждебных племен. Видя их силу и храбрость, польский король Болеслав Храбрый в борьбе с братьями за престол пригласил (в 992 г.) казачество к себе на службу и с их помощью поотнял у братьев уделы и распространил границы своего государства от Дуная и низовьев Днепра до Балтийского моря[118].

Оберегая границы Польского и Русского государств на юге от вторжения разных тюркских племен, Черкасское казачество в то же время вело упорные войны с теми же племенами в низовьях Дона и на Кубани, отдавшись под покровительство русских князей. Область эта, известная по летописным сказаниям под древним ее названием Тмутаракани, досталась в удел сыну Владимира Святого (от Рогнеды) Мстиславу. Этот храбрый и предприимчивый князь в союзе с греками уничтожил последний оплот каганов в Тавриде и отдал этот полуостров своим союзникам. Вскоре он подчинил своей власти и остальные казацкие общины, жившие за Кубанью, известные у Нестора под именем Касогов, по другим летописям — Касагов, а у греков — Казахов, решив этот вопрос, чтобы не губить дружину, единоборством с их предводителем, богатырем Редедей.

Что эта часть казачества отдалась добровольно под покровительство русских князей, видно уже из того, что предводитель их Редедя сам предложил Мстиславу единоборство, говоря: «На что губить дружину? Одолей меня и возьми все, что имею, жену, детей и страну мою». Мстислав, бросив оружие, схватился с великаном. Князь остался победителем, и вся страна покорилась добровольно.

По смерти отца Мстислав вознамерился завладеть великокняжеским престолом и с этой целью, собрав подвластных ему казар, Черкасов или казаков, из Приазовья двинулся на Днепр. Киевского великого князя Ярослава не было в столице. Киевляне затворились и не пустили Мстислава, но Чернигов сдался ему без сопротивления.

Ярослав, бывший в это время в земле Суздальской, поспешил в Новгород и обратился за помощью к преданному ему варяжскому полководцу, уже престарелому Якуну. Этот знаменитый в свое время витязь с 15 тыс. отборного войска немедленно двинулся вниз по Днепру. Ярослав с своею дружиною следовал за ним. На берегу р. Руды, близ Листвена, 1024 года

---

[118] История Польши. Летописное сказание о Малой России. Ригельман. 1785—86 г., 1847, стр. 10.

произошла кровавая битва двух братьев за великокняжеский трон. Мстислав, поставив преданных ему черниговцев и северян в центре своего войска, любимую же дружину, конников казаков-Черкасов, вооруженных саблями и копьями, по крылам. Битва была упорная. Варяги стояли мужественно. При свете молнии страшно блистало оружие, говорит летописец. Наконец стремительная атака казацких дружин решила битву. Якун и Ярослав с немногими остатками своих войск бежали в Новгород.

Скоро Мстислав изъявил редкое великодушие и добровольно уступил великокняжеский престол Ярославу, оставив за собою всю левую часть Днепра и Тмутараканское княжество, Ярославу же отдал правую.

Тмутараканское княжество было во владении русских великих князей до времен Владимира Мономаха, когда усилившиеся половцы окончательно отрезали все Приазовье от Днепра, и казацкие общины, занимавшие земли по восточным берегам Азовского моря, были предоставлены самим себе. О судьбе этого народа сказано в III главе настоящего исследования: «Черкесия и ее прошлое».

Из приведенных в предшествовавших главах данных видно, что казачество выступило на историческое поприще под своим собственным именем гораздо раньше Батыева нашествия и даже было известно в глубокой древности: народ Казос, по Дарету и Диту (XIII в. до Р. Х.); Азы и Саки или Азсаки, с гортанным придыханием — Казсаки или Казаки, по Страбону (I в. по Р. Х.); Кушаки, по армянским историкам V в. (Геор. Монах, греч. историк); Казахи, по Конст. Багрянородн. (X в.) и по Нестору — Ясы и Касоги.

Под именем Черкасов (Сер-Асов), по Светонию и Птолемею (II в. по Р. Х.) и по позднейшим историческим актам, даже до XVIII века.

Под именем Гетов в течение 35 веков, начиная с похода Гетов в Египет и переселения Гетов-Руссов в Италию. Крупная надпись Рамзеса II на камне храма Мединет-Абу в Фивах говорит, что он был окружен Гетами в битве при Кадеше и остался цел среди тысяч. Под именем мореходцев Чигов или Чигов-Гетов — начиная со Страбона до настоящего времени, т.е. в течение почти 20 веков.

Следовательно, название народа «Казаки», от *Ас* и *Саки*, есть собственное, о чем свидетельствуют историки в течение

многих веков, а потому домыслы некоторых наших лингвистов, что будто бы название это явилось с востока и «по всей вероятности» татарского происхождения, не имеют под собой никакой почвы, так как в татарском языке не было и нет корней, от которых можно бы произвести это название. Кроме того, татарский язык, каким он представляется в настоящее время, сравнительно новый и произошел от смешения многих языков, говоров и наречий и в который вошло очень много слов древнеперсидских, славянских, остатков древних арийцев Средней Азии, монгольских, арабских и других народов, с которыми эти полудикие орды в течение веков сталкивались и смешивались[119].

До XI в. у татар не было ни наук, ни искусств, ни литературы и даже письменности. Все это они заимствовали у других народов. Самое название «татары» не принадлежит этому народу, а дано им другими. Некоторые недавно указывали в печати, что в киргизском языке есть слово «казак» и что часть этого народа и теперь называет себя казаками, произнося это название как *кайсак* или *кхазак*. Что же из этого следует? У нас в армии есть названия: кирасиры, гусары, уланы, драгуны и др. Разве это рус-

---

[119] В татарский язык из славяно-русского перешли следующие слова: ата — отец, русское тата, тати, атя, адя, батя. Бабай — дед, скифское (по Геродоту) папай — бог, отец, сербское бабо — дед, русское баба, бабка. Казакый — поддевки, казакин. Эшляпа — шляпа. Тасьма — тесьма, платна — полотно. Жей — шов (шей), рубец. Сырга — серьга. Блязек — браслет, на Дону бязялики и базелики, от греческого базилеус — царь, царские украшения. Баламык — болтушка. Май — масло. Гарчится — горчица. Крянь — хрен. Бяльсян — бальзам. Арыш — рожь. Богдай — пшеница (Бог дай). Соло — овес (солод). Карбыз — арбуз. Бакча — баштан, огород. Кябестя — капуста. Мяк — мак. Кабак — тыква, на Дону также кабак. Кауын — дыня, кавун; по-малороссийски кавун — арбуз. Патиус — поднос. Чайнек — чайник. Чынаяк — чайная. Тярилькя — тарелка. Каравать — кровать. Скамея — скамейка. Эшкаф — шкаф. Учак — очаг. Пумала — помело. Ухуат — ухват. Чуйые — чугун, на Дону — чугин. Лакан — лохань. Таклы — мялка (от толкать, толочь). Клять — клеть. Кыйма — забор (кайма). Амбар — амбар. Землянкя — землянка. Тяже — тяж (тянуть). Дуга — дуга, от слова тугой. Эшлея — шлея. Невреб — погреб. Ат — лошадь, конь. Ат збруйы — сбруя. Авень — овин. Кзау — кузов. Салам — солома. Начилькя — носилки. Пудавка — пудовка. Алаша — мерин, лошадь. Кяжя — коза. Ана — мать. Ана каз — гусь, осетин. газ, этрусское гас. Ата каз — гусак. Ана куркя — индейка. Ата курка — индюк. Куке — кукушка. Ала карга — ворона, на Дону также карга. Кара карга — грач. Чал — седой. (На Дону чалый — лошадь серо-гнедая.) Сак — осторожный. Яуз — злой, язвительный. Пуль — пуля. Ядря — дробь. Алтын — золото. Золотая монета — алтын тянькя (золотая деньга). Кляша — клещи. Стан — станок. Струк — струг (стружить) и многие другие.

ские названия частей войск? Слово солдат ведь тоже нерусское. Киргизы-кайсаки есть остатки прежних ордынских казаков, раньше служивших в татарских войсках и составлявших нередко отряды ханских телохранителей. Они произошли от смешения древних коренных казаков с татарами и под влиянием магометанства настолько ассимилировались, что только сравнительная антропология может доказать, что в жилах их течет больше арийской крови, чем монгольской или тюркской.

Сенковский в статье «Казаки» еще в 1834 г. говорил: «Мы не думаем, чтобы можно было рассуждать о происхождении слова «казак» без пособия ориентализма и его исторической критики». Может ли подобным взглядом руководиться серьезный историк казачества в то время, когда перед его глазами проходит вся многовековая жизнь народов Приазовья с собственными и нарицательными именами: Казос, Ас или Аз, Аз-Саки, Казахи, Касоги, Касаги, Кушаки и др. и искать где-то в туманной истории востока объяснение имени, которым с гордостью называл и называет себя в течение многих веков своеобразный народ — казаки. Правда, на востоке можно искать лишь отклики названий этого древнего и свободолюбивого народа, занесенные туда вместе с походами древнего гетского казачества и его колонизацией.

О нашествии Скифов, Массагетов и Саков на Переднюю Азию говорят Геродот, Страбон и другие древние историки и даже еврейские пророки Иеремия и Иезекииль. Походы эти совершались через Кавказский хребет и из-за Каспийского моря. Геродот даже говорит о 28-летнем господстве Скифов над Азией (IV, I). Естественно, что этот предприимчивый народ после каждого нашествия оставлял в покоренных им землях своих представителей, частью в течение веков смешавшихся с местными жителями и вполне ассимилировавшихся, а частью в целости сохранивших до последнего времени свой первоначальный арийский тип. Древние Геты-Россы в Гедросии, где ныне Белуджистан (стан Белучей), достаточно удержали свой арийский облик, хотя язык их под страшным давлением магометанства потерпел довольно значительные изменения. В малодоступных ущельях Гиндукуша и по западному склону Памиров сохранился чрезвычайно красивый короткоголовый арийский тип с белокурыми волосами и голубыми глазами. Это племена гальчи и ягнауб. Магометане их называют кяфирами (неверными). Многовековая борьба этого малочисленного народа с тюркскими

племенами закалила их дух и воспитала гордость и стремление к свободе и независимости. Гальчи считают себя потомками благородной расы, той арийской расы, которая оставила нам великие письменные памятники — Авесту и Риг-Веду и предком своим того, «имя которого прославляется множеством уст». Язык их, арийского корня, мало исследован. По религии они язычники и сохранили многие обычаи предков, напр., поклонение домашнему очагу.

Население современного Афганистана по типу, языку и образу мыслей состоит из арийских элементов. У многих афганских племен, обращенных в ислам, даже сквозь новую обрядность просвечивают обычаи, аналогичные обычаям кяфиров и гальчей. Нет сомнения, что в древности обитатели этой местности были более чистой расы; теперь среди них много монголов, тюрок, семитов — евреев и арабов, потомков завоевателей и переселенцев, явившихся туда в течение последних веков. У тюркских племен всей Средней Азии, известных под разными названиями: туркмен или туркоманов, киргизов, каракалпаков, узбеков и др., также течет немало арийской благородной крови. Помимо этих остатков древних арийцев (Гетов-Руссов, известных под общим именем Индоскифов), в Азию насильственно было переселено татарами много десятков тысяч славян с юга нынешней России, в том числе и казаков из Приазовья, не пожелавших вместе с татарами принять ислам (в XIV в.). Так, например, в летописях сохранилось одно сказание, из тысячи таких случаев, что один золотоордынский хан, ревностный мусульманин, подарил своему азиатскому падишаху и калифу сразу около 30 тыс. русских воинов, набранных для службы в Золотой Орде. Их завели в глушь Малой Азии и на пути близ Багдада, окружив своими войсками, заставили принять мусульманство, совершить обрезание, переодеться в восточный военный костюм и в таком виде предстать на смотр пред грозные очи калифа. Таким же образом русских воинов посылали на службу и в глубь Средней Азии и даже в Пекин.

Гарнизоны в Пекине, Багдаде, Каире и городах Туркестана очень часто состояли из русских пленников и рекрут. Все войны в Азии монголы вели, расходуя на это русских воинов и пленников. Остатки этих-то невольных переселенцев и встретил в 60 годах XIX в. венгерский ученый путешественник Вамбери в северном Афганистане под именем хезире, хозаре, т.е. хазар, а также и Гуннов. От остатков этих-то насильственных пересе-

ленцев, а главным образом от древних Гетов-Руссов, владевших в древности Средней Азией и потом вновь проникших туда как завоеватели, и образовалось среди диких тюркских племен наречие, как более других обработанное и имевшее много общего с языками арийцев, — «джигатайское» или «джигетское», на котором в начале XVI в. написал свои знаменитые «Записки» андижанский хан Сехир Эддин Мохаммед Бабур, покоритель Индии, принявший после этого титул Великого Могола, а потом, в первой половине XVII в., составил генеалогию татарских ханов хивинский хан Абул-Гази. Вот почему как отголосок имени и славы древнегетского казачества, заброшенного в глубь Средней Азии, и как подражание их удали и ухватке явилось там, собственно в джигатайском наречии, наименование свободного, никому не подвластного воина «казаклык», «казакламак», часто употребляемое Бабуром, с тюркско-татарским глагольным окончанием «мак», а у мусульман наименование воинов «гази», в смысле победителя, и слово «газабат» — война за отечество, священная война[120]. И это все, что могли найти ориенталисты на востоке для объяснения слова казак.

Выше сказано, что Геты-Руссы в древности владели Средней Азией, — на это существуют положительные указания, добытые современными научными исследованиями[121].

В конце XVIII в. у арийцев Индии были найдены два замечательных памятника древней арийской литературы, занесенных туда, судя по многим приведенным в них указаниям, из стран более северных, чем Индия, — это книги Авеста (весть, известие, свидетельство), написанная на языке, близко стоящем к языку пельви (древнеиранскому, языку парси или пороси, а этот последний к древнерусскому), и Риг-Веда (склад, собрание знаний), написанная на языке санскритском, считающемся прародителем всех европейских языков.

В книгах этих собрано множество поучений, изречений, законов и гимнов в честь богов и разных явлений природы древней родины арийцев, покинутой ими в глубокой древности вследствие постигших страну наводнений, а потом засух (сушны) и других бедствий, превративших ее в пустыню.

---

[120] «Бат» или пат, а от этого наше батя и батюшка, персидское пида, индусское пати, греческое патрос, латинское патер — слова чисто арийские. Название *гази*, от *ази*, *аз* и *ас*, связывается с народом «аз», Азами-Саками берегов Азовского моря.

[121] Родина народов арийской расы, где она была и отчего покинута. А.П. Чайковский. М., 1914.

По указаниям Риг-Веды и Авесты, родина арийцев — страна «совершенного творения», «утренней зари», страна «в средине между вод» (рек), ограниченная с северо-востока, юга и северо-запада высокими горами, откуда брали свое начало семь рек, сливавшихся в одно общее русло, подобно ветвям дерева, сходившимся в один общий ствол, несшим свои воды в море.

Исследования показали, что страна эта — наше Семиречье, в Средней Азии, в нынешнем Туркестане, где текут реки: Чу (Чумури или Сарасвати по Риг-Веде), бывшая когда-то главной рекой этой системы, бравшая свое начало с высокой горной долины, где ныне озеро Иссык-Куль, а теперь полусухая, теряющаяся в песчаных степях: Сыр-Дарья (Сира по Риг-Веде), Аму-Дарья (Ямуна по Риг-Веде, Яна-Дарья, Ардви-сура-Анаити, сухие русла которых и теперь видны, и др. Все эти реки, сливаясь в одну, несли свои воды на запад, в Каспийское море: русло это и теперь заметно.

Реки и горы, из которых они вытекают, сохранили по настоящее время почти те же названия, что и 4 тыс. лет тому назад.

Название реки «Дарья» и именно Ямуны в Авесте встречается три раза — Ямуна-Дарья. В Риг-Веде названия «Дарьи» нет, но зато упоминается Сира и Ямуна (ч. IV, гл. III, гимн VI, § 17) — «берега Ямуны гремели моим богатством»... «чтобы счастливо Суна (Чуна, Чу) и Сира орошали нас своим молоком» (ч. III, гл. VIII, гимн VII, § 8).

Воспетая арийскими певцами местность, орошаемая «семью потоками, спускавшимися с поднебесья», и тысячами каналов, была в высшей степени плодородна, с благоприятным для развития культуры климатом.

Многолюдные города, рощи, луга и тучные нивы покрывали ее плодоносные равнины. Всюду царили мир и благоденственный покой. Народ, населявший эту местность, стоял на такой высоте умственного и нравственного развития, до которой еще не поднимался ни один народ древности.

Религия народа есть вернейшее мерило культурного его развития. Арийцы Семиречья веровали в Единого Бога, «сотворившего всю вселенную: первоначально воздушную влагу (хаос), а потом небо и землю. Этот Великий и Мудрый Бог возник сам собою с блеском, придавая всему свою красоту и силу» (Риг-Веда, ч. 8, гл. 3, гимн XI).

Ст. 3: «Тот, кто есть наш отец, кто породил и совмещает в себе все существа, знает каждый мир».

Ст. 5: «Влага (хаос) несла в своей груди Того, превыше неба и земли, богов и Асуров. Того, кто дает свет всем божеским существам».

Ст. 6: «На пупе Бога несотворенного покоился Экам, в котором находились все миры».

Ст. 7: «Вы знаете Того, кто создал все эти вещи, — это Тот самый, который есть внутри вас. Но в наших глазах все это покрыто как бы сеткой снега... Наши суждения темны...»

Вот в какой древности наши предки арийцы признали первопричиной вселенной «единое самозарождающееся начало», Единого Бога, стоящего «превыше неба и земли» и всех выдуманных людьми богов и обоготворенных народных героев Асуров, признали Того самого, который внутри нас, и образно толковали, что на пупе Бога несотворенного покоился какой-то объект — Экам, в котором находились все миры.

Не видна ли в этом гимне целая космогоническая система, показывающая, как далеко ушли наши предки в области мышления 4 тыс. лет тому назад.

В Риг-Веде три раза упоминается река Раса, наполнявшаяся «водой стремительной». Значение этой реки определяется в гимне священному напитку Сома, где автор просит «послать к ним *росу* покровительницу» и пусть она у них будет тем же, «чем есть река Раса для стран, кои она обтекает» (Веда, 7, 8, XXIX, § 6). Как в Риг-Веде, так и Авесте росы и дающие их зори, а в особенности вода воспеваются во множестве гимнов.

«Вы, о Зори, для ваших щедрых обожателей открыли это пастбище (небесное), где раздался взрыв (гром) и откуда сбегают семь потоков» (Веда, ч. 7, гл. 8, гимн 8, § 8).

В Авесте (Ясна, LXIV) молитва гению вод, собственно реке Ардви-сура-Анаите:

«Достойна жертвоприношений от телесного мира». «Чистая, развивающая деятельность, дающая процветание стадам».

«Дающая процветание земным существам, земным владениям, странам».

«Очищающая семя всех людей».

«Очищающая утробу женщин для деторождения; дающая всем женщинам молоко; воду громадную, слышную издалека, текущую с силой с высоты Хукайрья к морю Воурукаша (Каспийскому), где все устья рек соединяются; река принимает ка-

налы (1000) длиной 40 дней пути для человека, едущего на крепких лошадях».

Также: «Воды, будьте в радости; жрецы приносят жертвы святым водам».

«Воды, я прошу у вас дара большой ценности. Дайте его мне, воды святые, земли и растения. Дайте мне дар лучший, что есть еще чудеснее, что есть еще дороже, чем это...»

Поклоняясь единому Богу, творцу неба и земли, арийцы в то же время обоготворяли и кормилицы — реки, воду как единственный источник их благосостояния, посвящая ей многие гимны. Словом, в Ариане был распространен культ поклонения воде, росе.

Из приведенного выше гимна росе и реке Расе, обтекающей страны, т.е. дающей питание целой стране, как и роса для отдельной местности, ясно видно, что под словом «роса» понимается влага, вода атмосферная, а под «Раса» — вода, текущая в массе, река или целая система рек.

Ариану постигли разные бедствия: горная долина, откуда главная река всей системы Сарасвати брала свое начало, провалилась, и на том месте образовалось замкнутое со всех сторон большое горное озеро Иссык-Куль, не давшее истока. Сарасвати обмелела, а потом совсем пересохла. Главные притоки ее Сира и Ямуна-Дарья, ударившись в пустое русло исчезнувшей реки, наводнили центральную, самую культурную часть страны, образовав там болота и топи. (В Арал они прошли только в конце XVI в. Абул-Гази.) В других местах появились засухи от недостатка воды. Прежде цветущая страна, названная в Риг-Веде землей «совершенного творения», превратилась в пустыню. Жители стали выселяться в соседние азиатские и дальние страны, в Бактриану, Согдиану, Иран и Малую Азию, Индию и даже в Европу через Босфор, Дарданеллы, Кавказ и на Волгу по восточному берегу Каспийского моря.

Зороастр, вернее — Зердест, написавший Авесту по внушению «творца блага и добра» Аура-Мазды (*ма* — великий и *здо* — крыша по-славянски, небо, как и звезда — свет неба) на возвышенном берегу Дарьи, в области Ариана-Ваеджа, в гор. Раи, в священной роще, говорит о семнадцати выселках арийцев в разные страны.

Для нас же во всей этой повести имеют важное значение следующие данные: 1) арийцы Семиречья более чем за 2 тыс. лет до

Р. Х. стояли на высокой степени развития, владели науками и искусствами и имели свою обработанную письменность, о чем свидетельствуют оставленные ими книги; 2) язык этих книг близко стоял к языкам пельви (древнеиранскому) и парси или пораси (рось, раса), вернее — к древнеславянскому, т.к. по исследованию Петрашевского, проф. восточных языков в Берлине, язык Зенд-Авесты или Зендашты (жизнедателя) есть родовой и для санскритского, и для славянского, но самое большое сходство он имеет с польским, на который он и перевел Авесту в 50-х годах XVIII в.; 3) в Арии была река Раса и существовал культ поклонения воде, росе. О большой реке Расе или Араксе в Средней Азии, теряющейся в болотах и топях и только одним рукавом вливающейся в Каспийское море, говорит и Геродот (I, 202 и 215), а также и Страбон. На этой реке жили массагеты, храбрый и гордый скифский народ; 4) река Раса в Арии, р. Раса в Троаде, Ра, Раса, Арас и Русская река — Волга в древности, реки Рось и Руса во многих местах России, названия народа Руссы, Россы, Ресы — пелазги, Расы — Сербы в древности, Расы и Расены в Этрурии, наши русалки и русальные игрища у русских и славян, слово рай, встречающееся только у славян, а также Вендидад (первые 5 книг Авесты), названия славян *вендами,* древний гор. Винета или Венета на о. Волине (Готланде) — все это связывает древнюю Ариану со славянским миром. Славяне-скифы переселились в Европу в глубокой древности, 1500 лет до Р. Х., как говорили Геродоту сами скифы. Первый человек, поселившийся в скифии, был Таргитай; родителями его были Папай (отец, бог), а матерью дочь реки, речная нимфа, русалка (IV, 5—7).

О культе поклонения воде у славян-русальях говорит и Нестор (Лавр. спис., год 1068), а также в XI и XII вв. античный патриарх Федор Вальсамон и болгарский митрополит Дмитрий Хоматин в толкованиях к греческой кормчей книге. Позднее сказание о *русальных* играх мы находим в Житии преп. Нифонта, в Прологе (рукоп. 1432 г. № 6940 Им. пуб. б.).

В «Стоглаве» Москов. соб. 1551 г. (вопр. 14) сказано: «Русалии о Иоанне дне, в навечерии Рожд. Хр. и Крещения сходятся мужи и жены и девицы в нощное плешевание и на безчинный говор, и на плясание, и на скакание, и на богомерзкие дела...»

Русальи совершались на берегах рек и озер и оканчивались всенародным купаньем. Купанья эти совершаются и теперь в захолустных хуторах и станицах Дона, обыкновенно после мо-

лебствия по полям о ниспослании дождя. Купают всех, нередко и священников. В народе 7-я неделя после Пасхи наз. Семиком и *русальною*. Четверг на этой неделе в Малороссии называется *русали*. Песни, поющиеся на 7-й неделе, — *русальными*. Заговенье после Троицы — русальным заговеньем. Все это остатки древнего культа поклонения воде, *расе*, росе, занесенные из Арианы. От этого религиозного культа и произошло название народа Россы или Руссы, а от народных героев арийцев Асуров (Риг-Веда) — народ *Ас* или Инды Черноморские (Страб. XI, 2. 1).

Оставшиеся в Азии славяне-арийцы, известные под именем индоскифов, распространили свою культуру и язык между соседними народами. Вот отчего в азиатских языках, в том числе и в джигатайском наречии Бабура и Абул-Гази, встречается много слов с славянскими корнями. Эти же корни перешли и в татарский язык.

Глава XI
Татарское нашествие

Современная историческая наука нас учит, что в политической, как и в естественной истории, нет скачков. Катастрофы и неожиданности составляют лишь исключения; но эти неожиданности, если вдуматься внимательней в ход исторических событий, то нетрудно увидеть, как долго, упорно и последовательно, неумолимой логикой событий подготовляются они и потом вдруг разражаются над политической жизнью народа в виде катастроф и страшных переворотов, иногда совсем изменяющих географическую карту стран. Исторические события текут, как река, тянутся закономерно, одно за другим, как звенья одной гигантской цепи. На этом законе основана вся, ныне признаваемая за истину эволюционная теория. На ней теперь сошлись исследователи как естественной, так и политической истории, живой и мертвой природы и всего человечества.

Кроме последовательной связи, исторические события отличаются также своею периодичностью, наклонностью к повторению и закономерностью.

Волжанин Аттила, подчинив своей власти все народы Восточной Европы, с полумиллионной армией двинулся на запад и на Каталаунской равнине дал сражение народам, сошедшимся

с берегов Атлантического океана и Средиземного моря. Эта гигантская битва, однако, не решила спора народов востока и запада Европы. Западные союзники отступили, очистив путь для Аттилы к западной столице мира — Риму. Спустя много веков новый Аттила — Наполеон с такой же полумиллионной армией, составленной из двадцати народов запада, двинулся на восток и на полях Бородинских 26 августа 1812 г. дал сражение народам востока, сошедшимся с берегов Ледовитого океана, Каспийского, Черного и Азовского морей, Сибири, Урала, Кавказа, Дона и Терека. Бородинская битва осталась нерешительной: французы, по словам Наполеона, показали себя в этой битве достойными побеждать, а русские признаны непобедимыми. Но русские все-таки отступили, очистив путь Наполеону к восточной столице Европы — Москве.

Таких примеров в истории народов множество, и в каждом из них всегда следует искать причинную связь.

Народы и государства не падают с неба, а подготовляются к выступлению на историческое поприще целыми веками и даже тысячелетиями. Первые звенья гигантской цепи исторических событий, вызвавших завоевание Руси монголами, были скованы еще задолго до появления русского государства на сцене всемирной истории.

Русские и вообще славяне унаследовали от предыдущих событий, от нынешней родины и древнейшей прародины многое, что доныне влияет на современную и дальнейшую историю нашего отечества.

Древнейшую взаимную вражду Рима и Греции русские унаследовали от греков, а западные народы от римлян. Русь получила в древние времена семена цивилизации из Азии и христианство со всеми его обрядностями из Греции, между тем как Италия, Испания, Франция, Англия и Германия, образовавшиеся из римских провинций, благодаря долговременному и ближайшему соседству Рима, наибольшей густоте населения и отдаленности от Азии, унаследовали цивилизацию и вообще науки и искусства от римлян и скорее других создали крепкие государства, существующие до настоящего времени.

Древние договоры Руси с греками указывают, что главная цель этих договоров состояла во взаимной военной помощи. Русские обязаны были посылать в Грецию вспомогательные войска. В самой Византии почти всегда часть войск была из русских; они жили у крепостных ворот, называвшихся русскими —

Pyli Rhusii, Melandesia. На этих воротах, вероятно, и был русский герб — щит Олега. Русские мелкие князья, не имевшие уделов, и многие бояре служили военноначальниками — «темниками» в областях Византии, называвшихся «темами».

Под собственным именем русских или под именем наемников варягов русские составляли личную гвардию византийских императоров и участвовали почти во всех их походах. В походе на Крит в 902 г. участвовало 700 русских[122]; в ломбардском походе в 935 г. — около 415 чел.[123]; в 949 году в походе на Крит 584 чел. (9 кораблей)[124]. На основании этих договоров русский князь Святослав с 60 тыс. войском усмирил болгар, восставших против греков, но за то, что хотел присвоить себе Болгарию, был изгнан оттуда Цимнисхием в 971 году.

Греки вообще боялись русских князей и старались закрепить союз с ними мирными и оборонительными договорами, действуя где подкупом, где хитростью, где отравой. Так, в 1064—1065 гг. тмутараканский князь Ростислав, владея крепостью Темрюков, навел такой страх на греков, в особенности своею дружиною, состоящею большею частью из казахов или казаков — черкасов, что греки почли за лучшее отравить его ядом. Другого тмутараканского же князя Олега Святославича, внука Ярослава Мудрого, греки заманили в Царь-Град и держали некоторое время под арестом. В самом Царь-Граде, на Таврской площади, под статуей Беллерофона была сделана надпись, неизвестно кем составленная в X или XI в., гласящая, что, согласно древнему пророчеству, «россияне должны овладеть столицею империи Восточной».

Эти древнейшие военные связи греков с русскими играли первенствующую роль в созидании дорюриковского русского государства. Эти же связи указали римским папам и западу во время крестовых походов, что покорить навсегда Константинополь и православную Грецию можно только после покорения России как верной союзницы Греции. Но эта задача была не по силам для собственных войск папских и для западноевропейских государей. Папы обратились с этой целью к восточным соседям России — азиатским монголам.

Усиление папской власти на западе началось собственно с половины V в., когда папа Лев I (Великий) в 452 г. в полном

---

[122] Конст. Багрянородный. L. II. C. 44, p. 376, 377, 378.

[123] Царями Констант. и Романом под предводительством Патрикия Космы было отправлено в Италию семь русских кораблей — Ῥῶς καραβια.

[124] Ρουσικα καραβια. Конст. Багрянородный.

патриаршем облачении и с крестом в руках явился в стан Аттилы и Богом заклинал его возвратиться на запад и не идти на Рим. Этот грозный завоеватель, полухристианин-полудикарь, умилился боговдохновенной речью римского первосвященника, поцеловал крест и возвратился с своими полчищами на Дунай.

С этого времени западные государи и народы, пострадавшие от нашествия Гуннов, сами стали искать папского духовного одобрения, материальной помощи и ходатайства пред варварами. Такие папы, как Григорий Великий (ум. в 604 г.), действительно показали себя ловкими дипломатами и светскими государями. Они сумели руководить западными государями и заставить варварских предводителей уважать себя, как духовных и светских предводителей всего запада, как наследников цивилизации и бессмертной славы Великой Римской Империи. Этому возвеличению пап помогло и то, что номинальные римские императоры жили тогда не в Риме, а в Византии. Многие важные дела приходилось решать и делать, не дожидаясь, что скажет восточный император. Первоначально папы утверждались византийскими императорами и патриархами, но впоследствии обстоятельства заставили их действовать и без этого утверждения, а потом оно оказалось, при поддержке западноевропейских государей, фактически не нужным. С этою целью папы составили и распространили сказания о даре Константина и «Лжеисидоровские декреталии», на основании которых они утверждали, что будто бы еще Константин Великий и другие императоры дали им светскую власть в Римской области и духовное первенство. Усилению светской власти пап помог и французский король Пипин Короткий в 734 г. Он отнял у лонгобардов и подарил папе раввенский экзархат в северной Италии. Эту власть еще более усилил Карл Великий. Он усмирил мятежных папских вассалов, за что папа Лев III в 800 г. короновал его в Риме, в храме св. Петра, императорскою короною. Оба эти союзника начали уже открытую борьбу с византийскими императорами и против их верных союзников — дунайских славян. Война кончилась тем, что вся Европа фактически разделилась на два лагеря, на две части: Карл Великий был признан императором Италии, Галлии, Германии и почти всей половины Западной Европы; за византайскими же императорами остались земли Балканского полуострова и Малой Азии, а также греческие черноморские колонии.

Вскоре папы стали даже требовать своего главенства и над византийскими патриархами и вообще вмешиваться в духовные дела восточной империи. В церковных делах явились большие разногласия. На Константинопольском соборе в 867 г. патриарх Фотий предал анафеме Римского папу Николая I. В 1054 году папа Лев IX ответил тем же.

Так совершилось распадение вселенской паствы на два непримиримых лагеря, на две церкви — римско-католическую и греко-православную.

С этого времени все старание пап было направлено к подчинению во что бы то ни стало и какими бы то ни было мерами восточной церкви западной. В средствах папы не разбирались. Для них все средства были хороши — «цель оправдывает средства», говаривали они. С востока на Византийскую империю стали напирать турки и сарацины и отнимать одну область за другою. Папы относились к этому равнодушно и если и обещали помощь, то только при условии подчинения восточной церкви западной. Единственными помощниками грекам в этой борьбе были православные дунайские славяне и русские, охотно шедшие на службу к византийским императорам.

Крестовые походы, предпринятые западноевропейскими государями для освобождения Св. Земли от власти магометан, под руководством пап, служили только к усилению власти этих последних. Походы эти не достигли прямой своей цели, но зато папы осуществили заветную свою мечту: 12 апреля 1204 г. римско-католические крестоносцы взяли и разграбили Константинополь и на развалинах его образовали так называемую «Латинскую Империю». Граф Балдуин Фландрский был избран первым римско-католическим императором новой римской империи. Папы торжествовали.

Византийские императоры перенесли свою резиденцию в Малую Азию, в г. Никею. Началась ожесточенная борьба православия с католицизмом, в которой славяне и в особенности русские играли первенствующую роль Эти события слабо освещены западноевропейскими историками, но зато они рельефно отмечаются в историях Греции, Болгарии и других Балканских народов. Из русских князей, прославившихся в этой борьбе, известны: Ростислав (1262 г.), владевший греческою землею в Мачине, на Дунае; Святослав, его современник, владевший другою «темою»; Иречка, охранявший Шипкинский проход с 3 тыс. русских; Федор Ростиславич, царствовавший в Болга-

рии в 1295 —1322 г.; князь Иван (b*a* uhx *o P* wx), предводительствовавший болгарским войском и завладевший Филиппополем 1322—1324 г. (Кантакузин. Т. I, р. 107) и др.

Первый римско-католический император Византии Балдуин I вскоре был взят в плен болгарами и там умер в 1206 г.; король Фессалоники Бонифаций был убит болгарами же. Борьба принимала ожесточенный оборот. Константинопольский католический император, француз Балдуин, лично в течение нескольких лет объезжал дворы западноевропейских государей и просил их помочь ему против православных. Но те отзывались неохотно, так как ясно видели, что от этого выигрывают только папы в ущерб их власти. Германский император Фридрих II даже явно восстал против такой политики пап, за что неоднократно был предаваем проклятию и даже отлучению от церкви.

Видя такой оборот дела, папы обратились за помощью к новому могущественному повелителю почти всей Азии — Чингисхану[125]. Никто более не годился для разгрома как палестинских мусульман, так и православных восточных христиан, греков, русских и болгар, громивших латинскую Византию, как только этот страшный завоеватель, слава о котором гремела по всей Азии. Одновременно с этим, для верности и усиления удара, папы стали вооружать на русских шведского правителя престола Биргера, тевтонов, меченосцев и Литву. Папою и французским королем Людовиком Святым были отправлены к Чингисхану тысяча посланцев, дипломатических агентов, инструкторов и инженеров, а также лучшие из европейских полководцев, в особенности из тамплиеров (рыцарский орден).

Через армян, живших в захваченной крестоносцами Армении, папы вошли в непосредственное сношение с азиатскими христианами в завоеванном Чингисханом в Средней Азии Уйгурском царстве, в древней Бактрии и Согдиане. Эти азиатские христиане несторианской и кераитской сект, противных православию, в Уйгурском царстве занимали влиятельные административные должности как люди ученые, грамотные, отличавшиеся книжными познаниями и обладавшие денежными капиталами, приобретенными торговлей. Эти-то богачи-книжки и были авторами законов Чингисхана — «Ясу», в которых ко всем сектам христиан была выказана несвойственная Азии,

---

[125] Завоевание России монголами. Ф. Сурин (Масальский). 1904 г. Русский вестник № 12.

папам и тогдашней Европе большая благосклонность и терпимость. В этих законах, под влиянием пап, собственно иезуитов, было высказано дозволение, с разными льготами, переходить из православия в католичество, чем воспользовались в то время многие из армян, образовавшие впоследствии армяно-католическую церковь[126].

Для прикрытия папского участия в этом предприятии и в угоду азиатам, главные официальные роли и места даны были лучшим туземным полководцам и родственникам Чингисхана, а почти 3/4 второстепенных предводителей и чиновников состояли преимущественно из азиатских сектантов христиан и католиков. Начальниками штабов, секретарями, проводниками и переводчиками были большею частью армяне, которые, имея издавна во многих городах России и Польши торговые склады и связи, знали очень хорошо географию славянских земель, пути сообщения и их слабые стороны. Им также были известны бессилие и раздоры русских удельных князей, вечные смуты и неурядицы. Армянские купцы с доисторических времен жили в России. Особенно много армянских надписей уцелело в столице волжской Болгарии. Папа, боясь обличений своего врага Фридриха II, всячески старался замаскировать и скрыть от него истинное положение вещей и в открытых сношениях с западноевропейскими государями всю вину за бедствия восточных православных христиан слагал на жестокость страшного азиатского завоевателя Чингисхана, оставляя себя в стороне и в тени, пока Фридрих не изобличил его в этой жестокой и недостойной для главы церкви политике. Об этом будем говорить ниже.

Тимучин, провозглашенный впоследствии кидянскими князьями на народном сейме 1211 г. Чингисханом, был сын Есукая богатыря, одного из японских принцев из рода Киотов Борджигенов, изгнанного в половине XII в. братьями со своими приверженцами на материк[127].

---

[126] Из ханских чиновников-христиан, по русским летописям, известны *баскаки*, т.е. свободные баски, из Бактрианы, расположенной по северо-западным склонам Гиндукуша и Паропамиза, потомки древних арийцев. «Ак» по-татарски — белый, а в переносном смысле — свободный, каковые эпитеты в том же смысле часто употреблялись и у славян: белопашец, белый царь, белая земля, белбог, Белое море и др. Для обозначения рабства и закабаленности прибавлялся эпитет черный или кара — чернопашец, черносошец, кара-киргизы, Кара-Китай и др.

[127] История Японии. Япония, ее история, правительство и внутреннее устройство. В. Диксон, СПб, 1871, стр. 89 и 90. Генеалогия татарских ханов. Абул-Гази. «Библ. вост. историков», т. III, 1854 г.

По высадке на материк Есукай вел жизнь разбойника и вскоре подчинил своей власти некоторые разрозненные монгольские племена, кочевавшие в северной части нынешнего Китая, на юг от Иркутской губернии. Сын его Тимучин пошел дальше и покорил уже почти всю Азию, с Китайской империей, Тибетом, Бухарой, Хивой, Персией, Арменией и др. государствами и всю восточную часть Европы.

Наши историки Бестужев-Рюмин и В. Васильев допускают, что сам Чингис, именуемый в татарских хрониках «Бурогла-зым», не был монголом и не говорил по-монгольски. Имена: Тимучин, Чингис, Угедей, Мухори, Джани или Чани и др. не монгольского происхождения. Быть может, имена эти такие же псевдонимы, какие были в обычае у средневековых рыцарей, папских агентов и у наших казаков. Возможно, что Чингис и его полководец Бата или Батый, покоривший Россию, были такие же монголы, как и захваченный в плен Фридрихом II другой татарский полководец, оказавшийся, по поверке, англичанином и папским тамплиером, рыцарем храмовником.

За участие папы в этом деле говорит современник этих событий, французский историк Жуанвиль, а также историки Лависс и Рамбо[128].

Известный ученый синолог, проф. Васильев говорит, что под монголами и их нашествием надо понимать не особый какой-либо один народ, а целую эпоху, относящуюся к Тимучину, как и под нашествием в 1812 г. французов, составлявших в армии корсиканца (не француза) едва 1/4 часть.

Названия «татары» и «орда» также не монгольского и не тюркского происхождения, одним словом, не азиатского. Сам народ, называемый татарами, считает для себя эту кличку обидной, для них чуждой и непонятной. Названия эти ввели европейские инструктора, папские агенты. Татары — от латинского tutari (тутор) — наблюдатели, охранители. Так первоначально в войсках Тимучина называлось сословие людей, занимавших наблюдательные, полицейские, сторожевые посты, также сторожей при награбленном имуществе. Потом так стали называть целые наблюдательные корпуса и оставленные в покоренных городах гарнизоны. Эта стража составлялась преимущественно из народа тюркского племени. Поэтому и название «татары» пере-

[128] Живописная история древней и новой России. Рамбо. М., 1898, стр. 127. Всеобщая история. Лависс и Рамбо, т. II, изд. 1897, стр. 879.

шло к народу, теперь говорящему на языке, очень похожем на турецкий, но происходящем от смеси говоров многих племен, входивших в состав наблюдательных корпусов. В языке этом много слов древнеславянских, персидских, арабских и др. Некоторые ошибочно думают, что будто бы русские многие слова заимствовали у татар. Ничуть не бывало. Татарский, вернее — тюркский язык XI, XII и XIII вв. был чрезвычайно беден словами, как народа кочевого, не знавшего ни земледелия, ни торговли. Все это, а также и письменные знаки тюркские народы восточной Азии заимствовали от довольно культурного древнего народа Закаспийского края Уйгуров и Баков. Распространителями же этой культуры по всему востоку с V по XIII в. были сирийские несториане, монахи и купцы. Орда — от латинского ordo — строй, порядок. Не от азиатского же корня произошли французские, русские и немецкие слова: ordre, Ordnung, ордонанс-гауз, орден, ординатор, ординарец, орда и т.п.

Туземцы и русские переделали эти иностранные слова посвоему в «орду татар». Название коренных монголов Элюты, Олюты — тоже напоминает французское elite — отборный, отборное войско. Такого же происхождения турецко-татарское слово «алай», alae — так называлась часть римских войск[129].

В ту же эпоху к монголам и туркам перешли от крестоносцев и европейских инструкторов тысячи других европейских терминов, преимущественно военно-технических. Таким же путем и ныне входят разные иностранные термины в русский, китайский, японский и др. языки. Римские легионы, поселенные близ Дуная для охраны границ, превратили туземное, болгаро-русское население в народ, говорящий доныне на испорченном латинском языке. Точно так же монгольские легионы, поселенные в Золотой Орде, превратили туземцев, волжских болгар, русских, финнов и туранские племена — в особый народ, ныне называемый татарами, которые сами отрицают это название. Казанские татары — прямые потомки золотоордынцев, считают слово «татарин» не только иностранным, но прямо обидным, насмешливым для них прозвищем.

Многие из бывших подданных Чингисхана, потомки отдельных отрядов, доныне вместо родового или географического наименования зовут себя или цифрами, или по цвету знамен, например: найманы — восьмой, дурботы — от слова четыре, Тю-

[129] Завоевание России монголами. Ф. Сурин (Масальский).

мень — десять тысяч, ногайцы — черное знамя, кёк-тюрк — голубые турки и т.д.

Татарам была дана папистами военная организация, подобная древнеримской. Войска были разделены на легионы, имевшие каждый свой номер. Многие монголо-татарские народы до сих пор, как, например, киргизы, калмыки и др., сохранили родовые имена, происшедшие от цифры, данной тому легиону, в состав которого они входили во время Чингисхана.

По исследовании Ф. Масальского, татарские укрепления, следы которых сохранились у села Болгары, Казанской губ., близ г. Царева, Астраханской губ., и в других местах Поволожья, Урала и Зауралья, до берегов Уральского и Каспийского морей, имеют большое сходство с западноевропейскими бастионными, тенальными и другими системами. Найденные в изобилии на развалинах укреплений обломки вещей из белого и цветного хрусталя, перстней, крестиков, бус, сосудов и др. стеклянных, эмалевых, майоликовых, металлических и т.п. изделий поразительно напоминают работу итальянцев, собственно венецианцев и генуэзцев[130]. Нет никакого сомнения, что татарские укрепления строили западные инженеры, посланные папой. Они же сооружали осадные и стенобитные машины — тараны, которых до и после нашествия на Русь монголы делать не умели. Татары при осаде русских укрепленных городов стреляли живым огнем, т.е. имели огнестрельное оружие, метали громадные бревна, стрелы, большие каменные ядра и вообще имели такие большие и «хитрые» машины, которых русские не видали и не знали. Эти и многие другие знания и орудия войны были хорошо известны папским крестоносцам и другим западноевропейским инструкторам и артиллеристам. Кроме того, у татар во время покорения ими России в ходу были науки и искусства, календарь, географические карты, живопись: они были сведущи в астрономии и удачно предсказывали солнечные затмения. При дворе Батыя жило христианское духовенство и публично совершало свое богослужение. (Записки посла французского короля к Батыю Рубруквиса и папского посла Плано Карпини.) С принятием через сто лет после покорения Руси татарами магометанства и уходом католиков эта полудикая орда оста-

[130] а) Поволжье, Приуралье и лечебные степи.
б) Поездки по Казанской губ. и к болгарским развалинам.
в) Поездки к волжским столицам, близ г. Царева и Селитренного.
г) История Кипчатской или Золотой орды. Масальский.

лась прежними ничего не знающими варварами, дикарями. Западные их учителя ничего им не оставили и ничему не научили, да они и не старались чему-либо их обучить, так как им выгодней было держать этот народ во тьме и невежестве, пользуясь для своих целей лишь его силой и численностью.

Недостойно русской науки доныне существующее утверждение, что завоевание России монголами было явление необъяснимое, беспричинное. Неужели наших историков может удовлетворить такой наивный вывод, основанный на сказаниях наших мало сведущих летописцев, что это нашествие случилось лишь «за грехи наши». Пришли-де «окаянные татарове» неведомо откуда и провалились неведомо куда. Подобные взгляды на исторические события, навеянные нам нашими академиками-иностранцами, теперь нас удовлетворить не могут. Нет следствия без причины, и эту причину мы должны разыскать и объяснить. Данные для объяснения этого важного исторического события все налицо.

Монгольское нашествие на Россию случилось как раз в то время, когда греки и православные славяне боролись с латинами на Балканском полуострове, а мусульмане громили палестинских крестоносцев; в то же время шла борьба папы с германским императором Фридрихом II, во владениях которого было много православных славян. Примирившись с Фридрихом, папа Гонорий III в 1217 г. стал готовить пятый крестовый поход. План похода — одновременный удар на палестинских мусульман, которых всей душой ненавидели монголы, был сообщен Чингисхану. Тот послал сильный отряд в Грузию и Армению на помощь скрывшимся там от мусульман крестоносцам и армянскому королю, французу католику Гетуну. Но тут папа уведомил Чингисхана, что крестовый поход отложен до 1227 г., а потому один из отрядов монголов, под предводительством Субудая Баядура и Чепновиана, двинулся через Дербентский проход в южную Россию[131]. Осведомленные об этом движении половцы, уже к тому времени достаточно обжившиеся в южнорусских степях и породнившиеся с русскими князьями, пригласив в помощь себе ясов, встретили татар в Дагестане и заманили их в тесные ущелья. Гибель монгольского отряда была неизбежна, если бы подкупленные татарами половцы не изменили сво-

[131] Баядур, Багадур, Батырь — испорченные древнеславянские; богатырь — от бог (древнеперсидское баг) и тырь, стырь — славянский бог, иначе называемый Стрибог.

им союзникам. Татары послали им богатые дары и велели сказать, что они им единоплеменники, что они де, половцы, не должны восставать на своих братьев и дружиться с аланами, которые совсем иного рода. Половцы, обольщенные ласковым приветствием и дарами, оставили союзников, и монголы, пользуясь сим случаем, разбили алан-ясов. Скоро главный половецкий хан Юрий Кончакович раскаялся в своей оплошности и хотел бежать в степи, но татары убили его и с ним другого хана Данила Кобяковича. Татары гнались за половцами до самого Азовского моря и в короткое время подчинили своей власти все народы от Дона до Кавказа: Аланов-Ясов, Казахов-Черкасов, Чигов, Гетов, Абхазцев и др.

Греческий историк Никифор Григора (умер в 1359 г.) говорит, что приазовские народы: Чиги, Геты и жившие на северовосточной стороне Черного моря Абхазцы и др. были покорены в 1221 г. сыном Чингисхана Телепугой. Другой греческий же историк, современник нашествия монголов (ум. 1308 г.), Георгий Пахимер, говорит, что «татарский полководец Нога покорил все жившие на северной стороне Черного моря народы, основал в тех местах особое государство. С татарами перемешались Чиги, Геты, Россы и другие окрестные народы: приняли от них нравы, образ жизни, язык и одежду, служили в татарском войске и возвели могущество их на высочайшую степень славы»[132].

Из исторических данных не видно, чтобы приазовские народы оказывали упорное сопротивление татарам. Надо полагать, что они подчинились им добровольно, благодаря политике папских агентов и желая избавиться от назойливых и вероломных соседей своих половцев. Эти последние почти все были истреблены татарами[133]. Часть их с ханом Котяном, тестем князя Мстислава Галицкого, убежала в Киевскую область и убедила русских князей идти навстречу татарам. Чем кончилась битва русских князей на р. Калке в 1224 г., — всем известно. Русские были разбиты наголову, благодаря недружному действию князей и трусости и бегству половцев. Татары ушли обратно в Азию. В событиях на Калке нам нужно отметить одно очень важное обстоятельство — это участие в битве союзника татар, воеводы бродников Плоскини.

---

[132] Пахимер. Т. I, p. 235, 236, 160. *Ροῦσοι.*

[133] Погодин. Т. V, § III. Половцы.

О бродниках и их многочисленности в Донских степях неоднократно говорят как русские, так и иностранные летописцы. Рубруквис, посол Людовика Святого, французского короля, к Батыю, а также посол папы Плано Карпини, посетивший Батыя в 1246 г., говорят о многочисленных остатках славяно-русского и алано-ясского населения в придонских степях, живших свободно и исповедывавших христианскую веру. Духовенство их жило при дворе Батыя и свободно совершало богослужение в христианском войске[134]. Для христиан, живших в Золотой Орде, в 1261 году была учреждена особая епархия — Сарайская. Епископ этой епархии жил в столице Золотой Орды Сарае и именовался Сарским и Подонским и подчинялся московскому митрополиту. Епархия эта просуществовала до конца XV века.

От смешения алан-ясов с русскими, говорит Рубруквис, образовался «народ особенный»; народ этот известен по русским летописям под именем «бродников». Некоторые историки полагают, что бродники образовались в хазарский период из дружин, назначение которых было охранять броды или переправы и сопровождать купеческие караваны. Другие производят «бродник» от бронник, носителей брони. Но ни то, ни другое неверно. Бродники, по русским летописям, были известны раньше нашествия монголов; они нередко шли в наемные дружины к русским князьям в борьбе их за уделы, а иногда вместе с половцами нападали на русские украины. В то время, как родственные им казахо-черкасские общины, отстаивая свою независимость от половцев, сгруппировались на нижней Кубани и на Днепре, бродники свободно разгуливали в придонских степях и по найму служили то тем, то другим владельцам, в сущности никому не подчиняясь и управляясь избранными из своей среды головами или воеводами (боеводами). Следовательно, под словом «бродники» русские летописцы разумели «свободных, вольных людей», «бродивших» в придонских степях и имевших, по словам Рубруквиса, главный прибой на Дону у Переволоки, там, где Дон сближается с Волгой.

Эти закаленные в боях воины-космополиты, затерявшиеся среди чуждых им иноплеменников, все необходимое для себя добывали войной, охотой и рыбной ловлей. Неблагоприятные

---

[134] Рубруквис, стр. 74, 99, 105 и 119. Плано Карпини. Собрание путешествий к татарам. Языков. СПб., 1825.

условия жизни не позволяли им возводить дорогих построек и иметь большие многолюдные города: почти полукочевой образ жизни требовал от них возможно меньше уделять времени на подобные сооружения; они лишь строили для защиты от холода и непогоды землянки и кухни из плетней и камыша. Зато, по свидетельству очевидцев, Рубруквиса и др., они не отказывали своим женам и дочерям в изысканных нарядах: «жены их украшали голову, подобно француженкам, и опушивали низ своего платья белками, выдрами (поречной) и горностаями». Мужчины одевались скромнее; летом и зимой они носили высокие, черные бараньи шапки и кафтаны. Русские летописи бродников обобщают с «черными клобуками», т.е. с переселившимися на Днепр, в Киевскую область, в X—XII вв. казаками-черкасами или беловежцами. «И скопя свою дружину пойде, поима с собою Вячеславль полк весь и все черные клобуки, еже зовутся Черкасы», говорит Киевская летопись.

Вдумываясь глубже в смысл этих летописей времен половецкого владычества в придонских степях, приходится прийти к заключению, что бродники этого времени были остатками народов хазарской монархии, не захотевших подчиниться ни русским, ни половцам и оставшиеся на старых насиженных местах. Во времена Рубруквиса (1224—53 г.) бродники уже являются народом сильным и многочисленным, исповедующим христианскую веру. Эти-то вольные люди и шли на службу к русским князьям. Летопись этого времени говорит, что в дружинах княжеских были: «бродницы мнози» и «полци бяху».

Некоторые наши историки недоумевают, почему воевода бродников Плоскиня, стоявший, по словам нашей летописи, с 30 тыс. отрядом на р. Калке, не помог русским князьям в битве с татарами и даже явно держал сторону последних, уговорив к сдаче киевского князя Мстислава Романовича, а потом связал его вместе с двумя его зятьями и выдал татарам. Вопрос решается очень просто. Делом завоевания России руководили папские агенты, обещавшие местным жителям всякие льготы, а в особенности тем, которые им помогали. Кроме того, в полчищах татар было много христиан из Средней Азии, пользовавшихся многими привилегиями и свободой вероисповедания. Русские же князья того времени стояли далеко не на высоте своего призвания: вечные ссоры и войны за уделы, сопровождавшиеся разорением и избиением мирных и беззащитных жителей, коварство, зависть друг к другу и клятвопреступления,

влекшие за собой гибель целых областей, сел и городов, и другие преступления не внушали в свободолюбивых бродниках доверия, а потому они очень неохотно шли к этим князьям на службу и в данном случае не хотели помочь в постигшей их беде.

В варварстве и жестокостях русские князья удельного периода превосходили даже самих татар. В этом каждый может убедиться, изучив эту эпоху русской истории.

Через 13 лет после битвы на Калке монголы под предводительством хана Бату, или Батыя, родственника Чингисхана, из-за Урала двинулись на Россию. У Батыя было до 600 тыс. войска, состоявшего из многих, более чем из 20, народов Азии. В 1238 г. татары взяли столицу волжских болгар, потом Рязань, Суздаль, Ростов, Ярославль и многие другие города; разбили русских при р. Сити, взяли Москву, Тверь и пошли на Новгород, куда в то же время шли шведы и остзейские крестоносцы. Не доходя ста верст до Новгорода, у Игнача-креста, монголы повернули на юг.

Русские историки, как, например, Соловьев и Иловайский, не приводя никаких исторических данных, это событие объясняют тем, что на пути к Новгороду татары встретили болота и дебри (Иловайский) и что приближалась весна — в марте месяце, а с нею распутица и разлив рек. Но историки эти упустили из виду, что в то время к Новгороду шли большие торговые дороги с Волги и что для севера России март месяц не такая уж весна. А богатства Новгорода были для татар заманчивы. Эти закаленные в боях воины, имея опытных западных инженеров, преодолели и не такие еще природные препятствия, как реки Урал, Волга и др. Дело совсем не в том. Новгородские и псковские земли, по плану войны, должны быть заняты шведами и меченосцами, которые и вторглись в них. Вот в чем главная сила. Батый обошел Смоленск, так как к нему подходили папские союзники — литовцы. Батый пошел на Киев, разгромил его и взял все его богатства, а потом в 1241 г. перешел Карпаты и вторгся в пределы врага папы, германского императора Фридриха II и его союзников, дунайских славян.

Фридрих искренно взывал ко всем западным государям, приглашая их к вооружению. «Настало время, — писал он, — пробудиться от сна! Открыть глаза духовные и телесные! Уже секира лежит при дереве, и по всему свету разносится весть о враге, который грозит гибелью целому христианству. Уже давно мы слышали о нем, но считали опасность отдаленною, когда меж-

ду ним и нами находилось столько храбрых народов и князей. Но теперь, когда одни из этих князей погибли, а другие обращены в рабов, пришла очередь стать оплотом христианству против свирепого неприятеля».

Разделение народов Запада на два лагеря, папский и Фридриха II, помешало всеобщему вооружению. Одни лишь славяне, потеряв кров, свободу и отчасти православную веру, встретили монголов, защищая от них европейскую цивилизацию.

В 1241 г. у Лигница в бою с татарами пал герцог Генрих. Венгерский король, союзник Фридриха, разбитый при реке Соловой, убежал в Австрию. Приближение славянских войск под предводительством чешского короля Вячеслава заставило Батыя круто повернуть на юг. На этом пути, у г. Ольмюца, чехи разбили монголов. Батый обошел г. Вену, так как там жил папский прелат. Он дошел до Удино, до границ своих союзников — папы и венецианцев, разоряя славянские земли. Оттуда он пошел громить придунайских православных славян, чтобы отвлечь их от войны с католиками, захватившими Византию. Но тут получил он известие о смерти хана Октая и поспешил обратно в Золотую Орду. Замечательна во всей этой эпопее личность Фридриха II. Этот просвещенный император католик не признавал папу наместником Христа и всячески старался вредить ему и подрывать его светскую власть. Папа много раз проклинал его за это, отлучал от церкви, но тот не унывал и открыто обвинял его в призыве монголов. Взятый им в плен один из татарских полководцев, оказавшийся английским рыцарем храмовником, был отослан им папе при бранном письме, в котором Фридрих обзывал папу извергом рода человеческого. Фридриху очень хорошо были известны все планы папы о походе на Русь, так как еще в 1230 г. он вместе с ним и гроссмейстером тевтонского ордена Германом фон-Зальцем в Сан-Джермино и Ананьи обсуждали этот вопрос. Согласно этому плану, польский мазовецкий князь приютил в своих владениях папское войско, названное для отвода глаз «орденом тевтонских рыцарей черного креста». В 1237 г. по повелению папы тевтонский и ливонский ордена соединились под общим начальством. Фридрих также вооружился как бы для похода на Русь, но на самом деле двинулся в Италию, будто бы для усмирения мятежников. За это папа проклял его, говоря: «Предаю сатане его тело на погибель, дабы спасти, если удастся, его душу»... На это, не новое для него проклятие, Фридрих ответил: «Все это

басни лже-наместника Христова! Самого его (папу) ждут черти в аду!»

На соборе в Риме в 1241 г. папа объявил Фридриха низложенным и отрешенным от церкви и престола. Фридрих, разгромив войска папы и отразив монголов, заставил нового папу Иннокентия IV бежать в Лион. Борьба эта продолжалась до самой смерти Фридриха, последовавшей в 1250 г. Эти отношения папы и императора выясняют причины, по которым монгольские войска, покоривши Русь, дрались потом и с немцами, и с их союзниками, но доходили только до границ папских владений и обошли Вену, где жители даже не оказали никакого беспокойства.

Главная цель пап во всем этом предприятии отчасти была достигнута. Большая часть дунайских славян под этим давлением перешла в католичество. В 1252 г., через семь лет по окончании завоевания Руси монголами, литовский князь Миндовг перешел также в католичество и сделался врагом православия и России. Он постепенно завоевал, вместе с Польшею, подвластные монголам русские земли — Киев, Смоленск, всю Западную Русь от Балтийского моря до Черного. Эти земли монголы дозволяли им брать почти без боя, за что Литва оставалась союзницей Золотой Орды до ее последнего издыхания.

Новгород и другие русские города также покорились татарам, так как поддержки им ждать было не от кого. Жан Жуанвиль, один из правдивейших французских историков того времени (1224—1238 г.), принимавший участие в пятом крестовом походе Людовика IX, откровенно говорит, что сам Магну-хан в присутствии французского посланника говорил одному русскому князю: «Если Русь взбунтуется, то мы пошлем за французским королем, чтобы стереть вас с лица земли». Эта угроза побудила многих русских князей отдаться во власть татарам[135].

Рубруквис, посланник французского короля к Батыю, условившись с ним о дальнейших действиях, в 1253 г. через донские степи под охраною ханских войск проехал в Дербент, потом через Шемаху, Тифлис, Армению и затем Малую Азию на остров Кипр, где и соединился с крестоносцами, шедшими в Палестину под начальством Людовика IX Святого.

---

[135] Живописная История древней и новой России. А. Рамбо. Москва, 1898, стр. 127.

Окончивши завоевание России и оставивши наблюдательный корпус на Волге, монголы забрали в ряды своего войска более 250 тыс. русских, годных к военной службе, и под начальством четвертого сына Чингисхана (по другим историкам — внука) Гулагу двинулись на Иран, завоевали Персию и в 1258 г. разграбили Багдад, а позднее захватили и всю Сирию. Около того же времени союзник их Людовик IX Святой пытался отнять у мусульман Иерусалим. Но мусульмане разбили христиан, взяли в плен Людовика и отпустили его только за большой выкуп.

Преемники Гулагу продолжали оживленные сношения с папами, французами и другими европейскими союзниками, о чем свидетельствуют многие письма ханов Аргуна, Гассана и других, сохранившиеся в Ватиканском архиве. В этих письмах коварные ханы, нуждаясь для своих личных целей в помощи папы, давали лишь обещания принять католичество, но на самом деле только обманывали их.

Историк Куглер говорит:

«Папа Николай IV с глубоким горем принял известие о новом несчастии, постигшем Святую Землю. Последняя надежда возлагалась на многие посольства иранских монголов, которые в это время (1289 г.) призывали в Риме, во Франции и Англии христиан на общую войну против султана Килавуна (турка-мусульманина)»[136].

Дружба пап с монголами выразилась и в г. Пекине. Там с 1307 г. до падения монгольской династии существовала римско-католическая миссия во главе с архиепископом Иоанном. Этот миссионер, проживший в Китае около 20 лет, дал повод к легенде об «архиепископе Иоанне», будто бы имевшем большое значение при дворе хана и большое число прихожан.

Из приведенных исторических данных ясно видно, что в покорении Руси монголами папы и их западные союзники играли главную роль, каковое обстоятельство нашими историками совсем упущено из виду.

Теперь обратимся к событиям, сопровождавшим занятие монголами южно-русских и главное придонских степей.

В этот период времени близ устьев Дона процветал торговый и многолюдный город Тана или Азов. Значение Таны про-

[136] История Крестовых походов. Куглер. СПб., изд. 1895 г., стр. 429, 440.

стиралось далеко на восток в степи, где венецианцы имели особые фактории и укрепленные складочные для товаров места, как, например, при устьях р. Сала, близ нынешней Семикаракорской станицы. План этого укрепления, снятый мною в 1905 г. с натуры и ныне хранящийся в Донском музее, ясно говорит, что крепость эту строили итальянские инженеры в XII или XIII в.

Из исторических данных не видно, чтобы Батый, по возвращении из-за Карпат, громил Тану, как другие, встречавшиеся на его пути города. Это и понятно, так как Таной владели союзники папы венецианцы. Напротив того, другие города, не пожелавшие добровольно подчиняться татарам, были ими разгромлены и богатства их разграблены.

Посол папы Иннокентия IV к Батыю, образованный монах францисканского ордена Иоанн Плано-Карпини, бывший в Золотой Орде в 1246 г., картинно, но без всякого сожаления к местным жителям описывает взятие татарами гор. Орна, расположенного в низовьях Дона. Город этот, по словам Карпини, был богат и многолюден; он имел хорошую гавань для стоянки кораблей и вел обширную торговлю со многими народами. Население Орна состояло из алан-христиан, хазар, россиян и сарацин (мусульмане), имевших там торговые заведения и склады товаров. Город был обнесен крепкими стенами; через него протекала река, вероятно один из рукавов Дона. Татары не могли взять город приступом, так как жители его отчаянно защищались, тогда они запрудили ниже его реку и потопили весь народ.

О каком городе говорит Карпини, нетрудно догадаться — это старый казачий город Черкасск, через который действительно протекала река, рукав Дона — Протока. Запрудив эту реку при помощи итальянских инженеров, Батый действительно мог взять этот город подтопом.

Черкасск — древнее насиженное гнездо казачества и предков их алан-азов. В нем и теперь, несмотря на многие пожары XVII и XVIII вв., уцелело более десяти домов, построенных в XV и XVI вв. Дома эти своеобразной архитектуры в один и два этажа, с подвалами; построены из хорошо выжженного кирпича, со сводчатыми потолками. Двери как внутренние, из комнаты в комнату, так и наружные, а также и ставни сделаны из толстого кованого листового железа. У некоторых домов из чердака сделаны ходы в подвальное помещение. Стены толсты и крепки. Подобные дома можно разгромить только современной

артиллерией, но по тому времени они были неприступны.

У казака Старочеркасской станицы Петра Ефремовича Жученкова и теперь хранится акт, в виде купчей крепости на татарском и русском языках о покупке запорожцем Жученко в 1517 г. дома, ныне сохранившегося в прекрасном виде, у одного татарского князька. Дом и документы эти перешли Жученкову от предков.

Из этого следует, что если купля-продажа домов в городке, а в то время стане Черкасов, совершалась в 1517 г., то дома эти построены были гораздо раньше и, быть может, до нашествия Батыя. Во всяком случае их строили не татары, у которых приобрел один из них казак Жученко. Покупка казаком Жученко названного дома относится ко времени занятия этой местности казаками Черкасами. О чем будем говорить ниже. Теперь же укажем на другие придонские города, существовавшие в татарский период.

Герберштейн в своих «Записках о Московитских делах», составленных им в 1517—1526 гг., говорит (стр. 106) о торговом городе Ахасе, расположенном на берегу р. Дона в 4-х днях пути от Азова и на один день пути выше устья р. С. Донца. В указанной местности действительно есть обширное городище, расположенное на острове между старым и новым Доном, в юрте нынешней Золотовской станицы. Развалины каменной стены с башнями тянутся по берегу Дона более полуверсты. Вокруг разбросано много курганов с битым кирпичом квадратной формы и черепицей.

Ахас, вернее Акас, от ак — белый, по-татарски, и *ас* от народа *алан-азов*. Хазары беловежцы также, по Нестору, называли себя азами и ясами; следовательно, Ахас или Акас был белый или свободный аланский город, как и Орн и Азов. Город этот просуществовал до начала XVI в., иначе Герберштейн о нем бы и не упоминал. Он, по всей вероятности, был разрушен уже татарами магометами во время нашествия Тамерлана.

Золотовское городище еще не исследовано археологами. Раскопка курганов на этом месте дала бы ценный для истории Дона материал и пролила бы свет на жизнь наших предков, Донских казаков.

План местности, с показанием Золотовского городища, мною передан в 1905 г. в Донской музей.

Из всего вышесказанного нам теперь приходится сделать один очень важный в историческом отношении вывод и решить

раз навсегда вопрос: осталось ли на берегах Дона, нижнего Днепра, Кубани и Азовского моря христианское туземное население и в каком количестве при занятии южнорусских степей монголами в первой половине XIII в.?

Приведенные выше исторические данные ясно говорят, что население это осталось и в большом количестве; что оно, при веротерпимости идолопоклонников татар, руководимых западными христианами католиками, агентами папы, свободно исповедывало свою древнюю православную веру и священники их открыто совершали при полках христианское богослужение, даже в ханской ставке; что население это было славяно-русское, алано-азы, названные Рубруквисом «народом особенным»; что на Кубани и Днепре, на службе у русских великих князей народ этот назывался черными клобуками, т.е. черными шапками, или казахами (казаками)-Черкасами, а на Дону бродниками, т.е. вольными людьми; что, наконец, эти вольные люди, по русским летописям, ходили на службу к русским удельным князьям, а иные служили татарским ханам, составляя их охрану, сопровождали баскаков (ханских чиновников), а в войсках составляли передовую конницу[137].

Греческие историки, современники монгольского владычества, положительно утверждают, что вошедшие в состав татарской монархии Чиги, Геты, Россы и другие приазовские народы, т.е. Аланы-азы, Казахи или Казаки-Черкасы, приняв от татар нравы, обычаи, язык и одеяние, служили в их войске и возвели могущество их на высочайшую степень славы. Действительно, нравы, обычаи и образ жизни, а также и одеяние наших древних казаков мало чем отличались от татарских. Татарский язык также был в большом употреблении у наших казаков, даже еще в начале XVIII века, как о том говорит ученый инженер-гидротехник де-Романо, рывший каналы в Черкасске и в гирлах Дона в 1801—1802 гг. Но несмотря на это, казаки оставили во всей неприкосновенности свою древнюю православную греческую веру, а также свой тип, свои антропологические черты, в большинстве несходные ни с великоросскими, ни с татарскими, т.е. свои казачьи, «народа особеннаго», как говорит Рубруквис. Нельзя отрицать, чтобы и полудикое население монархии Чингисхана не заимствовало что-нибудь из быта черкасского и аланского казачества, а также из их языка. Присутствие множества

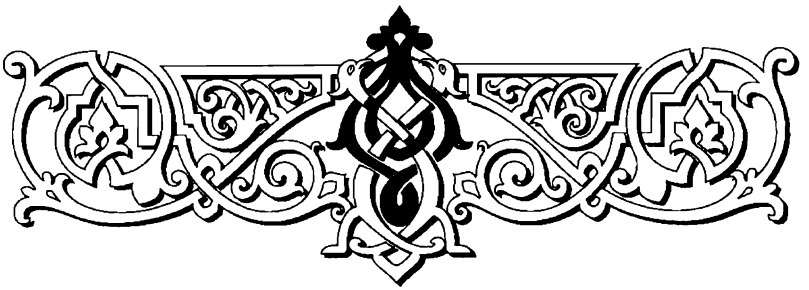
[137] Об этом, помимо греческих, говорят и русские историки XVIII в. Татищев и Болтин.

славяно-русских корней в языке татар ясно говорит об этом.

Одежда наших древних казаков и казачек также не вполне сходна с татарской. Это скорее одеяние самобытное, южнославянское, отчасти заимствованное у древних парфян; об этом говорил еще Тацит: «Сарматы и Парфяне носили широкие одежды».

По закону Чингисхана «Ясу», выработанному, как это было говорено выше, культурными среднеазиатскими христианами несторианской секты, а не дикими монголами, — волосы должны быть сбриты, а на макушке оставлена одна только косичка. Высокопоставленным личностям дозволялось носить бороду, а остальные должны сбривать ее, оставляя одни усы. Но ведь это обычай не татарский, а древних Гетов (см. гл. VI) и Массагетов, т.е. народа, известного еще в XIV в. до Р. Х. и наводившего страх на Египет, Сирию и Персию, а потом упоминаемого в VI в. по Р. Х. греческим историком Прокопием. Массагеты — Великие-Саки-Геты, составлявшие в полчищах волжанина Аттилы передовую конницу, также брили голову, оставляя сверху одну косичку, и бороды, оставляя усы. Роспись болгарских князей и Лиутпранд говорят о существовании этого обычая у дунайских болгар. По описанию греческого историка Льва Диакона, русский великий князь Святослав также брил бороду и голову, оставляя один чуб, т.е. подражал гетскому или черкасскому казачеству, составлявшему в его войске передовую конницу. Это были беловежцы *Ас-саки* или казаки.

Следовательно, обычай брить бороды и головы, оставляя усы и чуб, не татарский, так как существовал раньше у Гетов более чем за 2 тыс. лет до появления татар на историческом поприще.



Часть II
Розыскание о начале русского казачества

Глава I
Казаки запорожские, северские, рязанские и др.

В этой главе нам предстоит разрешить один весьма важный исторический вопрос, который наши историки почему-то замалчивали, избегали и даже нарочито обходили, как несуществующий, а вопрос этот, как это видно из приведенных в I части настоящего исследования данных, в особенности в XI главе, является в истории казачества краеугольным. Вопрос этот: куда девались из Золотой Орды *бродники* русских летописей, этот, по выражению Рубруквиса, народ *особенный*, многочисленный, живший по среднему течению Дона и имевший главным образом прибой у Переволоки, для которого в 1201 г. учреждена была особая епархия, именовавшаяся Сарской и Подонской, куда девался он с принятием татарами магометанства и возникшим вследствие этого гонением на христиан? А также куда делись Геты-Руссы и Чиги византийских историков, жившие в Приазовье и вошедшие также в состав нового татарского царства?[138]

Из записок диакона Игнатия, плывшего вместе с митрополитом Пименом рекою Доном весной 1389 г. в Царь-Град, через 9 лет после Куликовской битвы, мы видим, что на Дону в то

[138] Никифор Григора. Т. I, 20 и 21. Георг. Пахимер. Т. I, 235 и 236.

время «была пустыня зело, не бяше тамо ни града, ни села, только зверей велие множество». То же говорит и посол Ивана III Марк Руф, ехавший из Азова сухим путем до Рязани.

Куда девались *Асы* с берегов Дона и Азовского моря, этот сильный и гордый народ, потомки древних Асуров Риг-Веды и Синдов или Индов Геродота (IV, 28) и Страбона (XI, 2. 1)[139]? Из данных, приведенных в X главе, части I настоящего исследования, мы знаем, что часть народа *Ас* под именем Ас-аров или хазар, Черкасов и Касаков или Казаков из Приазовья переселилась в X—XII вв. на Днепр, в Киевскую Русь, но большинство осталось их на Дону, восточных берегах Азовского моря и в

---

[139] В гимнах Риг-Веды очень часто встречается термин «Асур, Асуры», связанный всегда с орошением страны арийцев — Арии. Этим именем называли каких-то полубогов, то благодетельных, которым поклонялись, то вредоносных, которых страшились, то каких-то титанов, с которыми нередко боролось высшее божество. Ни один из комментаторов Риг-Веды не определил ясно, какую роль играли Асуры в Арии. После постигших страну бедствий арийцы выселились в Индию и на запад, в Переднюю и Малую Азию под именем Асуров или народа *Ас* и Индов, т.е. поречан. Например: Индукуш или Индукох — дающий реки; 15-й выселок из Арианы по Авесте (фарг. I, § 75) занял Хепта-Хенду, а по Риг-Веде Сента-Синду, т.е. семь рек; Асур или Асы, пришедшие с востока, построили Ниневию (Кн. Бытия, гл. 10, ст. 11 и гл. XI, ст. 2). Арийцы, переселившиеся из Арианы в Европу, заняли восточные берега Черного моря, собственно дельту Гипаниса или Купаниса — Кубани, и стали известны у древних историков под именем Синдов или Индов, т.е. поречан, и Асов, Сер-асов или Черкасов, Ас-саков или Кас-саков — Казаков. О высокой цивилизации этого народа свидетельствуют Геродот, Страбон и другие древние историки и географы. Страбон в VII книге своей географии говорит нам об Аспургах (Ас и пургос — башня по-гречески, т.е. об Асах, имеющих укрепленные города), как о сильном и храбром народе, принадлежавшем к сарматскому роду, покорившем Босфорское царство, т.е. все Приазовье до самого Кавказа, около начала нашей эры, и таким образом положившем начало новой сарматской династии босфорских царей. Владычество этой династии длилось до 337 г. по Р. Х., т.е. до образования Гуннской монархии. Из царей этой династии известны, судя по найденным при раскопках монетам: несколько Савроматов и Рескупорисов (6 или 7) (Рес, Рас, Рос), Чиг и др. 10-й выселок из Арианы (Авеста, Вендидах, фаргард I) основал город Хара-Каити, по другим комментаторам — Герехет или Керекет (Сер-Гет), полный чистоты, похожий на стан, окруженный полями, но там злой дух ввел сожжение трупов. (Сжигать трупы в Ариане считалось великим грехом, между тем как обычай этот был принят у славян.) Страбон (XI, 2. 1) говорит о Керкетах (Сер-Гетах), живших на восточных берегах Понта в соседстве с Чигами. 13-й выселок основал город Чехру сильную или Чиг-Ару, но там люди также ввели сожжение трупов. Другие переводчики говорят об основании Шакры или Сакры и Сак-ары. Известный исследователь Авесты де-Гарле говорит, что Саки-ары раньше занимали Парфию и Хоросан, где ныне Шарук, а потом подвинулись дальше на запад, и, как мы видели выше, часть их осела в Приазовье под общим именем Сарматов, с подразделением на Асов, Чигов, Гетов и др.

низовьях Кубани (Тмутараканская Русь) под теми же именами, а также под именем бродников (свободных), Алан, Чигов, Гетов, Касогов или Касагов и др.

Вопрос этот решается очень просто.

С принятием татарами магометанства население Приазовья и Дона, оставшееся на своих старых местах, терпело большие унижения и притеснения от врагов своей веры и часть его под усиленным давлением магометанства окончательно смешалась с ними, положив основание особому военному сословию, известному впоследствии под именем казаков *ордынских*, а в настоящее время киргиз-кхасаков или кайсаков[140]. Потомки этих омусульманенных казаков известны также под именем *казахов*, Казахского уезда, Елизаветпольской губ., в Закавказье, которых соседние жители просто называют казаками. Все же остальное свободолюбивое и сильное духом казачество, оставшееся верным религии и заветам предков, переселилось на Днепр и в русские украинные города, под защиту литовских и московских великих князей, и объявило всему мусульманству непримиримую войну, войну страшную и многовековую, и в конце концов вышло из этой кровавой борьбы победителем. Об этой борьбе мы теперь и будем говорить; но прежде кинем беглый взгляд на состояние Золотой Орды в XIII и XIV вв.

Долго надеялись европейские союзники папы, что орда Чингисхана примет христианскую веру. Были даже пущены слухи, выражавшие эту надежду, что в Азии есть уже ханы и епископы

Авеста говорит (Вендидах, фаргард I, § 60—62), что центр Арии, Раю, населяли три племени Расов. Эти три племени вполне ясно указывают на выселение из Арианы трехплеменной группы русских славян: новгородской, киевской и азовской. О трехплеменной Руси говорят и арабские историки X в. Истархи и Хаукал: Куяве (Киев), Славии (Новгород) и Артании (Ар-Тана), т.е. Руси Азовской и Тмутараканской, жившей, по словам арабских же историков Ибн-Даста и Мукедеси, на лесистом и болотистом острове, под которым надо разуметь устье Кубани.

Связь славянского мира с Арией, для которой написана была Авеста, видна еще и в том, что в славянском быту крепко держатся и высоко ценятся такие моральные качества личных и общественных отношений людей между собою, которые уже давным-давно прямо узаконены в Авесте и по преемственной традиции соблюдаются в русском мире до сих пор, — это *обещание*, верность данному слову (по Авесте *ораль)* и еще более *рукобитье*, т.е. поданная в обеспечение обещания рука. Другие виды обещаний или сделок обеспечивались мелким и крупным скотом и землей. Личная совесть, скот и земля — вот факторы сделок. Условных ценностей не было. Во всем этом виден наш древнеславянский мир.

[140] См. сноску 4.

римско-католического исповедания. Но хитрые азиатские деспоты скоро поняли бессилие, ненадежность и вечную лицемерную лживость западноевропейской дипломатии. Поэтому каракарумские «великие ханы» предпочли принять веру Будды, занесенную из Индии. Ханы же Золотой Орды предпочли перейти на сторону мусульман, так как в то время, в первой половине XIV в., сильное арабское войско стояло уже на северном Кавказе, у Дербента, и в Туркестане, и слава мусульман гремела по всей Азии. Это торжество арабов-мусульман и буддистов сконфузило и охладило любовь папистов к своим турецко-монгольским союзникам. Посольство Генриха III Кастильского к Тамерлану во главе с Рюи Гонзалесом де-Клавихо в Самарканде в 1403—1406 гг. было, кажется, последней попыткой пап восстановить свое прежнее влияние в татарской монархии, но она, как это известно, потерпела полную неудачу. (И. Мушкетов. Туркестан) Волею или неволею паписты стали покидать места и должности при золотоордынском и каракарумском дворах. Монголы стали постепенно превращаться в свое прежнее полудикое, первобытное состояние азиатских кочевников и кавалеристов, годных только для грабежей и внезапных набегов на мирных жителей. Не оказалось у них ни высших технических и военных знаний, ни уменья управлять стомиллионным государством.

Вместе с мусульманством татары приняли и арабскую азбуку и вообще письменность; раньше усвоенные ими письмена уйгуров и баков, так называемые «джагатайские» (Джи-Гетов Средней Азии) или древнескифские, ими были скоро позабыты. Лишь множество надписей на камнях в окрестностях Каракарума свидетельствуют, что письмена эти были в большом употреблении у монголов. Буквы квадратной и прямолинейной формы. Джагатайское наречие существовало там и в последующие века, и на нем хивинский хан Абул-Гази в первой половине XVII в. написал генеалогию татарских ханов.

С уходом европейских помощников Чингизы пали. Однако до этого ухода азиаты успели, в течение 240 лет, переселить, отуречить и монголизовать до 50 млн. русских, финских и других народов Восточной Европы. Гарнизоны в Пекине, Багдаде, Каире и Туркестане очень часто состояли из русских воинов и пленников. Все войны в Азии и Европе монголы вели, расходуя на это русских рекрут, а потому и презирали эти войска за рабское их происхождение.

Во многих местах Азии и до сих пор уцелели сероглазые и белокурые люди, несомненные потомки русских, отличающиеся наружностью от коренных жителей Азии.

В летописях сохранилось несколько из тысячей таких случаев переселения и отуречивания русских. Так, например, один ревностный мусульманин, золотоордынский хан, подарил своему азиатскому падишаху и калифу сразу около 30 тыс. русских воинов. Их завели в глушь Малой Азии и на пути к Багдаду окружили своими войсками и силою заставили принять мусульманство, совершить обрезание, переодеться в азиатское военное платье и в таком виде предстать пред грозные очи калифа. Непокорных же мучили и избивали. И вот при таких-то условиях пришлось жить многочисленному русскому и аланоказацкому населению в Золотой Орде с принятием татарами мусульманства в XIV в. С этого времени и начинается массовое переселение этого народа в русские украинные городки и на Днепр, под защиту и на помощь русским и литовским великим князьям, для борьбы с их общим врагом.

На Днепре в то время уже жили Черкасы-касаки, переселившиеся туда в X и последующих веках и известные по русским летописям под именем «Черных клобуков». Главнейшее местопребывание этого народа было на правой стороне Днепра, по р. Роси. Земля эта в то время называлась Поросьем[141]. Черные клобуки или Черкасы, как они называются в летописи, любили жизнь подвижную, но семьи свои берегли в укрепленных станах или городках[142]. Все Черкасы служили в составе княжеских войск; их причисляли к «молодшей» дружине. Они участвовали во всех междоусобицах удельных князей и в битвах с половцами в продолжение более 150 лет, до самого нашествия татар[143]. Черкасы-касахи составляли в княжеских дружинах легких конных стрелков и передовых соглядатаев, грозных своим казацким вооружением, *копьями и саблями*[144]. Они могли выставлять до 30 тыс. человек. Вообще Черкасы в Киевский период являлись весьма важным сословием: они участвовали в народных советах и торжествах Киева, сочувствовали его бедствиям, отличались глубокою преданностью князьям, но в то же время твердо отстаивали свои права и вольности[145].

---

[141] Ипатьевская летопись под 1117 г.

[142] Там же, под 1146 г.

[143] Там же, под 1149, 1150 и 1160 гг.

[144] Лаврентьевская летопись под 1169 г.

[145] Ипатьевская летопись под 1162 г.

Во время нашествия татар часть Черкасов отстояла свою независимость, укрывшись на Днепровских островах; оттуда они стали нападать на татарские владения и предпринимать речные и морские походы на турок и татар. В конце XIV в. они приобрели себе громкую известность, как страшные морские пираты, грозные для всего мусульманского мира. Историк Костомаров в «Иване Свирговском» прекрасно изобразил эту многовековую идейную борьбу христианского казачества с ненавистным ему мусульманством.

Укрывшиеся на островах Черкасы первоначально назывались «Касаками островными», а потом казаками Запорожскими. К ним во второй половине XIV века прикошевали новые Черкасы, пришедшие с Кубани в числе нескольких тысяч семей. Они основали на правой стороне Днепра, ниже нынешнего Канева, стан, назвав его Черкасы[146].

В истории Рязанского княжества казаки впервые упоминаются в 1444 г. В то время в Переяславле Рязанском зимовал с своим войском татарский царевич Мустафа. Узнав об этом, московский великий князь Василий Темный послал на него пехоту, вооруженную ослопами, топорами и рогатинами. Туда же пришла мордва и прибежали на лыжах «Рязанские казаки» *с копьями и саблями.* Зима была холодная и снег глубокий. Мустафа укрепился на берегу р. Листани, верстах в десяти от города. Сеча была жестокая. Все татары были перебиты; пал и их царевич[147]. Рязанцы в этой битве не участвовали; они старались дружить с татарами как пограничными своими владельцами. Под 1492 и 1493 гг. летопись говорит нам о «казаках ордынских», нечаянно пришедших в Рязанскую землю и взявших три села. Эти «ордынские казаки» в летописи названы татарами. В последующих веках они наводили страх на купеческие и посольские караваны по Дону близ Переволоки и по Нижней Волге.

Рязанские казаки в истории России играли весьма видную роль, делая разъезды вниз по Дону и шаг за шагом отстаивая у татар каждую пядь родной им земли. При покорении Казани Иоанном IV их участвовало до 7 тыс.

---

[146] Татищев. Российская История. Ригельман. Летописное сказание о Малой России. Стр. 10. Маркевич. История Малороссии, т. I, стр. 7 и 8 Синопсис Российский.

[147] История Рязанского княжества, стр. 151. Д. Иловайский. Москва. 1884.

С 1468 г. стали упоминаться в наших летописных сказаниях казаки московские[148].

В пределах древнего княжества Северского, во всех главных и пограничных городах, как то: Чернигов, Новгороде-Северском, Стародубе, Путивле, Рыльске и других, появились свои казаки под наименованием украинских, северских или севрюков[149].

С 1491 г. упоминаются казаки мещерские или городецкие. С 1474 г. в Крымской орде[150], с 1491 г. в царстве Казанском, с 1502 г. — Астраханском, до 1471 г. — в Азове[151]. С 1515 г. появляются на сцену казаки Белгородские, стан которых располагался близ Аккермана, у Днестровского лимана, в нынешней Бессарабской губ.[152], потом в Очакове, у чуваш, черемис, мордвы, в Соловках при архимандрите Филиппе, впоследствии митрополите московском, и в других местах. В крымских генуэзских колониях, Каффе и др. и в их окрестностях также были казаки, выходившие на добычу в Поле и нападавшие на татарские улусы. Казаки эти, однако, не принадлежали к итальянским гарнизонам и вообще не входили в состав этих общин. Так, например, в Записках Одес. общ. истории и древностей (т. V стр. 613) приводится заметка, поставленная на полях древнегреческого синоксаря г. Судгеи (Судака) и относящаяся к 1307—8 году, об убийстве казаками молодого человека (был заколот) Альмальчи, сына Самака, вероятно магометанина.

В Уставе для генуэзских колоний на Черном море, изданном в Генуе в 1449 г., также говорится о казаках, нападавших на татар и угонявших у них скот[153].

Таким образом, с принятием татарами магометанства казачьи общины из Приазовья и придонских степей разбросались по всем украинам великой Русской земли, до Новгорода и Соловецких островов. Но главные силы их сосредоточились по пограничным с татарами местностям, в княжествах Рязанском, по верховьям Дона, Северском, по верховьям Донца, и по Днепру. Отсюда они стали вести наступательную войну с магометанами, отстаивая каждый шаг дорогой им родины.

---

[148] Царская летопись. Стр. 385.

[149] Русск. летопись по Никонов. списку, VIII. Дела Ногайск., связка № 3.

[150] Карамзин, т. VI, прим. 124.

[151] Дела Крымские, кн. 1-я.

[152] Дела Турецкие, кн. 1-я, лист 63.

[153] Зап. Одес. общества ист. и древ., т. V, стр. 629—837.

Это расселение и внедрение в Русь казачества дало повод нашему историку С.М. Соловьеву высказать свое положение, что казачество составляло слой русского общества, некогда распространенный по всей России; что еще в XVI в. казаками звали наемных рабочих, батрачивших по крестьянским дворам, людей без определенных занятий и постоянного местожительства. Историк Ключевский пошел дальше и высказал предположение, что пограничное казачество сложилось из класса людей, с оружием в руках уходивших в степь для рыбного и звериного промысла; что этим людям, при постоянных столкновениях с такими же добычниками татарами, усвоено было татарское название «казаков», вольных бездомных батраков; что первоначальной родиной русского казачества можно признать линию пограничных со степью русских городов, шедших от средней Волги на Рязань и Тулу, потом переламывавшуюся круто на юг и упиравшуюся в Днепр по черте Путивля и Переяслава; что вскоре казачество сделало еще шаг в своем наступлении на степь, — то было время ослабления татар, разделение Орды. Городовые казаки и прежде всего рязанские стали оседать военно-промысловыми артелями в открытой степи, в области верхнего Дона. Донских казаков, говорит далее Ключевский, едва ли не следует считать первообразом степного казачества. По крайней мере, во второй половине XVI в., когда казачество западное только еще начинало устрояться в военное общество, донское является уже устроенным. В состав его входили и крещеные татары[154].

Таким образом, по Ключевскому выходит, что грозное казачество возникло как-то так, само собою, из рыболовов и звероловов, сгруппировавшихся в военно-промысловые артели и ставших наступательно действовать на татар. Эти историки забывают, что народы и притом «особенные», как выразился еще Рубруквис в половине XIII в., не падают с неба и не создаются искусственно. Всякое проявление жизни народной имеет преемственную связь с минувшими историческими событиями. И шаг за шагом, звено за звеном, события эти тянутся закономерно, без скачков, одно за другим на протяжении всей истории народов. Чтобы объяснить какое-либо историческое явление, нужно найти его причину и первопричину, иначе говоря, изучить жизнь предшествовавших народов во всех ее проявлениях

[154] В.О. Ключевский. Курс лекций по Русской Истории. Часть III, стр. 131—134.

и найти между предыдущими и последующими событиями естественную, но не искусственную связь.

Отряд Рязанских казаков в 1444 г. по глубокому снегу прилетел на лыжах, вооруженный саблями и копьями, и напал вместе с московскими ратниками на зимовавших там татар. Откуда взялся этот отряд, кто его сформировал — история нам не объясняет. Но все знают, что копье и сабля — орудия не рыболовов и не звероловов, — это оружие войны, известное еще в древности у южных казацких народов, Гетов, алан и роксолан, а потом у казахов-Черкасов на Днепре.

Битва на берегу Листани, близ Переяславля Рязанского, была жаркая. Сопротивление, оказанное татарами, говорит историк Иловайский, достойно было лучших времен их славы. Они не сдавались в плен и были все перебиты. Наивные рассуждения об охотниках, рыболовах и звероловах тут неуместны. Казацкие общины могли пополняться подобными промышленниками и вообще людьми, жаждавшими свободы и славы, — это так. Казачество никому не запрещало вступать в его среду и идти в степь на борьбу с врагом христианства. Существование коренного самобытного казачества в придонских и приазовских степях для всех очевидно. К этому выводу пришел и известный русский историк И.Е. Забелин[155]. Эту же мысль провел ученый-археолог А.А. Спицын в своих «Историко-археологических изысканиях», относящихся к Донскому краю и проливающих свет на его прошлое. Принимая в соображение существование русской Тмутаракани в XI и XII вв. и наличность города России в низовьях Дона, а также указание Рубруквиса на многочисленность славяно-аланского населения по среднему и нижнему течению Дона в 1253 г., Спицын пришел к выводу, что эти-то именно русские элементы и послужили ядром для создания донского казачества. Городки с христианским населением в XIV в. были и по Верхнему Дону, по рр. Вороне и Хопру. Развалины этих городков видел митрополит Пимен, плывший р. Доном весною в 1389 г. в Азов. К этим-то христианам и были посланы московскими митрополитами Феогностом между 1334 и 1353 г. и Алексеем около 1360 г. грамоты для укрепления их в вере. Грамота Феогноста адресована «К баскаком, и к сотником, и к игуменом, и к попом, и ко всем христианом Червленаго Яру и ко всем городом, по Великую Ворону». Грамота Алексея начинается так:

---

[155] История русской жизни с древнейших времен. Часть 1-я. Москва. 1876., стр. 417 и 420.

«Благословение Алексея, Митрополита всея Руси, ко всем христианом, обретающимся в пределе Червленого Яру и по караулом возле Хопор по Дону, попом и диаконом, и к баскаком, и к сотником, и к бояром»[156].

В 1354 г. при митр. Алексее часть придонской области от Червленого Яру по рр. Хопру и Дону, т.е. вся левая сторона течения р. Дона, отошла в состав Рязанской епархии, а правая осталась в ведении епископа Сарского и Подонского, называвшегося впоследствии Крутицким. Епархия эта простиралась от Нижней Волги до Днепра. В Саратовской духовной консистории хранится несколько антиминсов из этих церквей, а также церквей, бывших в городках по р. Медведице[157].

Оставшимся на Дону казацким общинам пришлось терпеть от магометан разные обиды и утеснения.

Когда татары были еще полуязычники и полумагометане, церковные имущества христиан Золотой Орды не подвергались разграблению и даже освобождались от сборов в пользу ханов. Так, например, в 1342 г. митрополит Феогност выхлопотал у хана новый ярлык, в подтверждение прежних, об освобождении русской церкви на Дону от всякой дани. В числе церковных имуществ упоминаются и «виноградники», росшие, надо полагать, не севернее среднего течения Дона[158].

К концу XIV в., с воцарением хана Мамая, притеснения христиан усилились до того, что казакам, оставшимся в Золотой Орде, не оставалось иного исхода, как покинуть свою родину и переселиться к русским украинам. Услышав, что московский великий князь Дмитрий Иванович собирает войска на решительную борьбу с татарами, донские казаки из городков Сиротина и Гребни поспешили к нему на помощь и поднесли накануне Куликовской битвы, бывшей 8 сентября 1380 г., икону-хоругвь Донской Богородицы и образ Богородицы Гребневской[159].

---

[156] История русской церкви Митр. Платона.

[157] Под Червленым Яром разумелось все степное пространство между рр. Воронежем, Доном, Хопром и Великой Вороной. Баскаки или баски, пришедшие с татарами из древней Бактрианы, как видно из грамот митрополитов Феогноста и Алексея, исповедывали христианскую веру.

[158] Грамота хана Дженебека митрополиту Феогносту, выданная по ходатайству ханьши Тайдулы в 1312 г. Жития святых, чтимых правосл. церковью. Март, число 14. Преосв. Филарета (Гумилевского).

[159] Историческое описание Московского Ставропигиального Донского монастыря. И.Е. Забелин. Изд. 2-е, 1893 г. Летопись архимандрита Донского монастыря Антония, 1592 г., в предисловии к «Вкладной книге» монастыря.

Рязанский митрополит Стефан в сказании о Гребневской иконе Божией Матери под 1712 г. говорит, что икону эту поднесли великому кн. Дмитрию казаки «городка Гребни, иже на усть реки Чира глаголема». Икона эта находится в Москве, на Лубянке. Городок Сиротин мог быть близ того места, где ныне Сиротинская станица, на острове р. Дона. Еще в половине прошлого века там были заметны древние валы, ямы и вообще остатки укреплений. Сиротинская станица — старое насиженное место казаков. В окрестных оврагах и балках и теперь находят старое казацкое оружие, подземные в горах ходы, гроты с потайными выходами, в которых остатки казачества укрывались от преследования татар.

Станицы Кременская и Качалинская, расположенные в той же местности, близ Переволоки, относятся также к старым городкам казачества. В десяти верстах от станицы Трех-Островянской и в четырех верстах от развалин древнего городища, называемого Качалинским, возвышается большой бугор-гора под названием Иловлинский Маяк, с которого открывается обширный вид на степи верст на 100 и откуда казаки прежних веков наблюдали за движениями татарских полчищ. Не в далеком расстоянии от этого Маяка находятся такие же возвышенности: Суханова-Дуброва, Варламов-Мыс, Анохин-Мыс и др. Все эти возвышенности в народе зовутся «Венцы». У подошвы этих гор, на берегу старого русла Дона, имеются два старых городища, и на одном из них развалины когда-то существовавшего металлургического завода. В ближайших горах находят залежи железной руды, колчедана и камней с золотистым блеском. В этих же местах был прежде старый казачий городок Рига, а потом Паншинский. По запискам Рубруквиса, местность близ Переволоки, т.е. от нынешних Сиротинской и Пятиизбянской станиц до Волги, была густо населена бродниками, имевшими там свои укрепленные станы.

После мамаевского погрома казаки покинули свои старые жилища. О названных городках в сказаниях последующих веков не сохранилось никаких известий. Диакон Игнатий, спутник митрополита Пимена, ехавшего в 1389 г. рекою Доном от самого его верховья до Азова, в записках своих говорит, что на своем пути они видели только развалины городков и то большею частью в верховьях Дона; все же остальное пространство «была пустыня зело». И действительно, после многих набегов татар на Рязанское и Московское княжества, южные окраины

их представляли сплошную пустыню, покрытую могилами удалых ее рыцарей.

В 1365 г. в Рязанском княжестве произвел погром хан Тагай, налетевший с востока. В 1373 г. отряд, посланный ханом Мамаем, разгромил то же княжество и с большим полоном возвратился на юг[160]. В 1377 г. царевич Арапша вновь громил рязанские поселения. В следующем году татары вновь явились в рязанскую землю, но на р. Воже были разбиты Вел. Кн. Дмитрием Ивановичем. В отместку за это поражение татары в том же году вновь разорили русские украины, а в 1380 г., под предводительством самого Мамая, двинулись на Русь с целью окончательного ее разорения и порабощения. «Казним рабов строптивых! — говорил он в гневе: — да будут пеплом грады их, веси и церкви христианские! Обогатимся русским золотом!».

Войско его, более 150 тыс. чел., состояло из татар, остатков половцев, турок, армян, наемных кавказских горцев и генуэзцев из Кафы и других черноморских колоний. Все эти хищники, прельщенные обещаниями Мамая, с охотой шли в его полки, желая поживиться богатствами Москвы и других русских городов. Это были последние усилия политики пап и их союзников — татар. На помощь к ним спешил ревностный католик, литовско-польский король Ягайло, недавно обращенный в христианство и получивший благословение папы на столь славный подвиг. Мамай шел не спеша, поджидая Ягайла и уничтожая все на своем пути. «Яко лев ревый и яко медведь пыхая и аки демон гордяся»... говорит про это движение Мамая летопись. Он перешел Волгу и с большими силами остановился кочевать по р. Воронежу[161]. Все восточное Подонье им было разорено. После поражения Мамая на Куликовском поле вслед за ним явился новый грабитель Тахтамыш, а за ним гроза всего востока — страшный Железный Хромец — Тамерлан. Он прошел весь юг современной России и стер с лица земли все там живущее. Даже богатый и многолюдный Азов подвергся той же участи (1395 г.). Многочисленное посольство, состоявшее из купцов венецианских, генуэзских, каталонских, бискайских и египетских, встретило этого завоевателя на берегу р. Дона с богатыми дарами и ласками. Тамерлан успокоил их на словах, но

---

[160] История Рязанского княжества. Иловайский. Стр. 102.

[161] Полное собрание Русских лет., т. XI, 47. Карамзин — История Государства Российского, т. V, гл. II.

в то же время велел одному из эмиров занять город. Все дома и лавки были ограблены и жители перебиты. Спаслись лишь те, которые успели укрыться на судах и уйти в море. Таким образом, Азов и богатства его исчезли[162].

Посол Ивана III Марк Руф, он же Марко Толмач, ехавший р. Доном в Азов и обратно сухим путем до Рязани, писал, что «на Дону, кроме земли да неба, они ничего не видели». До такого состояния в конце XIV и начале XV в. была доведена татарами когда-то густо населенная и богатая естественными произведениями Донская страна, именуемая в наших летописях «Полем», полем кровавых битв, рыцарской отваги и молодечества.

С распадением и ослаблением Золотой Орды Поле делается ареной страшной идейной борьбы христианского казачества с народами басурманскими: турками, крымцами, казанцами и астраханцами. В начале XVI стол. казацкие товарищества уже сновали по всем направлениям, от Волги до Днепра, высматривая неприятеля и следя за его движениями. «От казака страх на Поле», писал Иоанн III крымскому хану Менгли-Гирею в 1505 г. И действительно, казачество мстило своим притеснителям, не считаясь в своих действиях с политикой Москвы. К концу XIV в. относится и переселение казаков с Дона на р. Яик или Урал. Предание, переданное в 1748 г. яицким атаманом Меркульевым о начале казачества, Рычков напечатал в журнале «Сочинения и переводы ежемесячные» в 1762 г. Пушкин предание это поместил в 1-м примечании к «Истории Пугачевского бунта». По этому преданию начало Яицкого казачества таково. Отец Меркульева, живший сто лет и умерший в 1741 г., слышал в молодости от своей столетней бабки, что она, будучи двадцати лет, знала одну очень старую татарку по имени «Гугниху», которая рассказала ей, что во время нашествия Тамерлана на Россию (1395 г.) донской казак Василий Гугня ушел с Дона с 30 казаками-товарищами и поселился на р. Яике, в то время необитаемом, и таким образом положил основание Яицкому войску. Гугниха была женой этого казака. Уральские казаки и до сих пор чтут память «бабушки Гугнихи» и на пирах пьют, по старой привычке, за ее здоровье[163].

К этому же времени начинает усиливаться движение новгородских «повольников» или «ушкуйников» в северные и во-

[162] Карамзин. История Госуд. Росс., т. V, гл. II.

[163] На Дону до последнего времени существовала станица Гугнинская, упоминаемая в актах еще в XVII в. В 80-х годах прошлого столетия эта станица переименована в Баклановскую.

сточные страны. Еще с XI в. они стали появляться на рр. Волге, Каме, Вятке и Северной Двине, в странах, дотоле мало известных и населенных полудикими финскими племенами; основывали по берегам этих рек новые городки и заводили торговые сношения с местными жителями. Под предводительством своих выборных старшин, или «ватманов», эти отважные купцы-воины в XIII и XIV вв. появляются в земле зырян, живущих по рр. Вычегде и Выми, в Югории (по р. Печоре) и в Пермии; в 1361 г. спускаются вниз по Волге в самое гнездо татар, в их столицу Сарайчик, а в 1364—65 гг. под предводительством молодого ватмана Александра Обакумовича пробираются за Уральский хребет и разгуливают по р. Оби до самого моря. Вскоре на 150 лодках они подошли к Нижнему и умертвили там множество татар, армян, хивинцев, бухарцев и взяли все их богатства, жен и детей; потом вошли в р. Каму и разорили многие болгаро-татарские селения[164]. В то же время из р. Вятки они вновь появились на Волге и разорили Казань и другие города и села, принадлежавшие татарам, а также захватили товары всех купцов, встретившихся им на Волге[165].

Хотя подобные набеги не нравились московскому великому князю, принужденному поддерживать дружбу с ханами, но новгородцы его мало слушались и действовали на свой риск и страх. Еще в 1181 г. эти отважные рыцари основали на р. Вятке свой укрепленный стан, городок Хлынов, переименованный в конце XVIII в. в г. Вятку; оттуда-то они и предпринимали свои путешествия вниз по Волге.

Вятская община управлялась, как и древний Новгород, вечем, во главе которого стояли избранные народом «атаманы»[166]. Община эта была сильнейшею на всем северо-востоке России; жители ее пахали землю и сеяли хлеб, торговали с другими новгородскими и великокняжескими областями, с казанскими татарами, камскими и волжскими болгарами (ныне казанские татары) и пермяками, действуя где мирным путем, а где огнем и мечом. К концу XV в. эти отважные купцы-воины сделались страшными по всему Поволожью не только для татар, но и для русских.

По свержении татарского ига Иван III обратил внимание на этот беспокойный и неподвластный ему народ, и в 1489 г. Вят-

[164] Карамзин. История Госуд. Российск. Т. V, гл. I.

[165] Там же, гл. II.

[166] Московский митрополит Геронтий в своем послании к жителям Хлынова в 1471 г. обращается «к атаман и всему людству».

ка была взята и присоединена к Москве. Разгром Вятки сопровождался большими жестокостями: главные народные вожаки Аникиев, Лазарев и Богодайщиков были в оковах приведены в Москву и там казнены; земские люди переселены в Боровск и в Кременец, а купцы в Дмитров; остальные обращены в холопов[167]. Но самый свободолюбивый и беспокойный элемент этого народа ни за что не хотел покориться Москве и рассеялся по северу и востоку России. Большая часть этих удальцов с своими женами и детьми на судах спустилась вниз по Вятке и Волге до Жигулей и укрылась в этом малодоступном и диком краю. В первой половине XVI столетия эта удалая вольница с Волги перешла волоком на Иловлю и Тишанку, впадающие в Дон, а потом, при появлении в низовьях Дона азовского, запорожского и северского казачества, расселилась по этой реке вплоть до Азова.

До покорения Казанского царства, т.е. до господства татар на Волге, волжское казачество не имело никаких сношений с Москвою, и потому русские летописцы того времени о нем совсем умалчивают. Лишь в 1519 г. посол Голохвостов в своих донесениях московскому вел. князю Василию III из Азова и Керчи сообщал, что ногаи, теснимые *казаками,* хотели перейти Волгу, но астраханский царь их не пустил[168].

О присутствии новгородского элемента в Донском казачестве скажем подробно ниже. Теперь кинем беглый взгляд на казачество Азовское и Черкасское, оставшееся на р. Кубани. Итальянский путешественник Иосаф Барбаро, проживший в Тане (Азове) около 16 лет и хорошо изучивший местных и окрестных жителей, в своих записках, составленных в 1436 г., говорит, что по всему восточному побережью Азовского моря, на 12 дней пути, вплоть до Мингрелии и Черкасии, живут Аланы, исповедывающие, как и Черкасы, греческую христианскую веру; что Аланы на своем языке себя называют «Ас». В соседстве с Аланами на крымском берегу живут Готы, исповедывающие ту же веру[169].

Подчинялись ли Аланы и Готы татарам, Барбаро в своих записках не говорит ни слова, а лишь вкратце сообщает, что татары за 100 лет до него приняли магометанскую веру и что их считается до 300 тысяч.

---

[167] Карамзин. Т. VI, гл. IV.

[168] Сборн. Импер. Русск. Ист. О-ва, т. 95, стр. 668 и 669.

[169] Библиотека иностр. писателей о России. В. Семенов. 1836, т. I.

Харьковский профессор Рейт в своих исследованиях (1810 г.) говорит, что Аланы, смешавшись с Готами, положили основание племени казаков, столицей которых в XV в. был город Азов, от народа «Ас», как себя называли Аланы.

В Азове с древнейших времен стоял чтимый казаками храм Св. Иоанна Предтечи и в нем икона того же святого, написанная в 637 г., о чем подробно уже говорено.

После упорной шестидесятилетней борьбы греки при помощи православных славянских народов и Руссов изгнали латинских крестоносцев, но Византийская империя до того была ослаблена, что окончательное ее падение давно уже было предрешено. Бедность и невежество населения, разврат высших слоев общества, маловерие и ханжество духовенства, сведшего религию в обряд, ускорили эту катастрофу. В 1453 году Константинополь был взят турками и разгромлен. Папы и тут показали свою вероломную политику. Вместо того чтобы дать существенную помощь погибающему христианскому государству, они лишь отделывались разными обещаниями и двусмысленно взывали к западным государям о новом крестовом походе, но те не двигались с места. Пока шла эта игра, папы настойчиво требовали от византийских императоров и патриарха уступки в догматах веры и торжественного соединения церквей, с каковою целью папа Николай V прислал в Константинополь еще в 1452 г. своего кардинала Исидора. Прения о вере, вызванные этим посольством, еще более усилили вражду между греками и латинянами[170]. Паписты умыли руки и не дали помощи. Константинополь пал. Покорив Византийскую империю, турки обратили внимание и на ее колонии, расположенные по берегам Азовского и Черного морей, но тут встретили они упорное сопротивление от казачества: ни днепровские, ни кубанские Черкасы, ни азовские казаки ни за что не хотели признать над собой власть султана. В 1471 г. турки с большими силами взяли древний оплот казачества — Азов; они застали в этом городе вольное товарищество, которое в русских актах слыло под именем «азовских казаков»[171]. Эти казаки представляли особое сословие города, отдельное от других военных людей. У них был свой выборный начальник, называемый «шубаш» и имевший власть и силу охранять права своего товарищества[172]. Исполнители его

[170] Всемирная История. Беккер. Часть VI, гл. 42.

[171] Карамзин. Т. VI. Прим. 495.

[172] Дела Крымские. Кн. 2. Наказ Ивана III послу Кутузову и список обидам, 1499 г.

распоряжений назывались «урядниками». Что эти казаки были не татары, видно из показания самих турок и крымцев, делавших явное различие между ними и другими военными людьми Азова, называя последних нашими казаками, или нашими людьми, а также отличали «старых Азовских казаков» от ордынских, называя их волжскими татарами[173]. Из шубашей азовских казаков известны: Караман — 1500 г. На него жаловался крымский хан Менгли-Гирей турецкому султану за нападение в Поле на русского посла Кубенского и на ехавшего с ним крымского посла, убитого в этом нападении[174]. Ауз-Черкас и Карабай[175].

Ввиду многих жалоб на своеволие казаков, как русских князей, так и крымцев, султан Баязет дал повеление Менгли-Гирею и сыну своему, кафинскому султану Магмету Шахсоде, всех лихих пашей, казаков азовских и других казаков, сколько их найдется в городе, схватить и привести в Царьград. Для охранения же послов и гостей поставить в Азов других военных людей из крымцев и кафинцев. Менгли-Гирей отправил в Азов сына своего Бурнаша с 2 тыс. крымцев, кафинцев и наемных черкесов, живших в Крыму.

По прибытии в Азов Бурнаш арестовал «больших» людей и несколько казаков и отослал их в Крым, велев рассадить по тюрьмам. Все же прочие азовские казаки разбежались.

«Ныне добро учинилось в Азове», писал крымский хан Ивану III, послы и гости будут провожаемы и Полем, и Доном в добром здоровьи[176]. Судя по тому, с какими силами крымцы приводили в исполнение повеление султана, можно заключить, что казаков в Азове было немало, во всяком случае не менее 2 тыс. Действия же турок дают нам основание заключить, что казаки эти были не магометане, иначе бы крымцы с ними так жестоко не поступили. Имена или, быть может, прозвища казацких шубашей — Караман, Карабай и др. также не могут служить основанием относить старых азовских казаков к магометанам, так как подобные прозвища носили многие атаманы донских и запорожских казаков; например, атаман Сусар Федоров,

---

[173] Дела Крымск. Кн. 2, стр. 740, 742 и 762. Донесение посла Кубенского 1500 г. и грам. послу Заболоцкому 1503 г.

[174] Там же, стр. 740—742. Донесение посла Кубенского 1500 г.

[175] Там же, стр. 361. Донесение посла Мамонтова 1502 г.

[176] Там же, стр. 1018, 1023, 1026 и 1027. Грам. Менгли-Гирея 1503 г. и другая грам. июля 9 дня. Донесение посла Заболоцкого того же года.

ходивший с донскими казаками под Казань в 1552 г. на помощь московскому царю Ивану IV; Барбоша, гулявший на Волге при том же царе; Андрей Шадра (по-татарски — рябой), разгромивший вместе с другими донскими атаманами астраханцев в 1554 г.; Семен Кара, основавший городок Семикаракоры и др. Казаки, сталкиваясь в течение веков с татарами, многое поневоле у них переняли, в особенности прозвища, но многое, как мы видели выше, им и навязали. При этом нужно также иметь в виду, что многие кажущиеся татарскими слова на поверку являются славянскими, имеющими древнеарийские корни, например: кара—кер—чер и черн—черный. Следовательно, Карабай — Чернобай, Каракалпаки — черные шапки, Караман — черный человек и т.п.

Для охраны Азова турки оставили до 600 военных людей, которых русские послы также стали именовать казаками, так как они выполняли те же поручения, как и старые азовские казаки, т.е. провожали и встречали послов, охраняли купеческие караваны и проч. Эти казаки в соединении с крымцами и ногайцами впоследствии не раз нападали на рязанские украйны и мордву[177]. Выгнанные турками из Азова казаки ушли на Днепр, на литовскую границу и в 1515 г. вместе с белгородскими поступили на службу к литовско-польскому королю Сигизмунду и получали от него сукна и деньги, что очень беспокоило московского вел. князя Василия III. Написав об этом послу Коробову, бывшему на пути в Азов, великий князь велел ему просить турецкого султана, чтобы он запретил казакам из Азова и Белгорода ходить на службу к его недругу, королю польскому и литовскому. Коробов донес, что по объяснению турецкого посла грека Камала, ехавшего вместе с ним в Царьград, казаки эти ходят в Литовскую землю без ведома султана[178].

Из этой переписки видно, что как казаки белгородские, жившие при устьях Днепра и у Днестровского лимана, так и азовские, не подчинялись ни туркам, ни татарам и служили по найму, «за гроши и сукна», кому пожелают. Беспокойство же великого князя Василия III, выказанное им при получении известия о службе казаков Литве, заставляет предполагать, что

[177] Переговоры московск. бояр с турецким послом Камалом. Донесение Заньки Зубова из Азова 1515 г. Сборн. Импер. Русск. Истор. О-ва, т. 95, стр. 101, 231.

[178] Сборн. Имп. Русск. Истор. О-ва, т. 95, стр. 128 и 129. Дела Турецкие, № 1, листы 28—66.

этих казаков было немало, иначе говоря, они представляли из себя грозную силу, с которой Москве приходилось считаться, так как Василий III в то время вел с Сигизмундом войну. Радея о пользах Московского государства и желая привлечь на свою сторону азовских казаков, Василий III обратился к своему тайному другу, брату крымского хана, князю Аппаку, и просил его переговорить с казаками и пригласить их «служить ему, великому князю». Аппак сообщил, что казаки азовские и белгородские раскаиваются в своем поступке и просят его, Аппака, «печаловаться о них у великого князя, чтобы он лиха некоторого им не учинил и чтобы им с своими женами прикошевав жити у Путивля и слугами быти, а его недруга короля (литовского) воевати»[179]. Потом в январе 1519 г. Аппак пишет, что уже год назад как он послал к азовским казакам человека, которому наказывал говорить так: «что он, Аппак, печалуется за них у великого князя, между тем как они, живя в Путивле, ходят, куда хотят; что этому казаки поверили и прислали к нему для переговоров мирзу Меретека». Далее Аппак пишет, что он с Меретеком послал к азовским казакам двух человек с предложением, «чтобы те казаки пришедши негде поближе стали» и приказывал посланным говорить казакам так:

«Аз о вас у великого князя печалую, чтобы вам дал место где летовати да где зимовати. И Меретек мирза в головах и все азовские казаки ныне о том тебе (великому князю) бьют челом: толко нас (говорят они) князь великий хочет себе слугами учинити и он бы нам астораканцов дву Ян-Чюру да Ян-Асана из тюрьмы выняв да нам дал: свершено бы — нашему холопьству примета то была».

Далее Аппак продолжает, что Меретек ныне с меньшим своим братом у них и едет провожать царскую казну, «а кош его в Путивле, а проводив назад казну — будет часа того, а приехав — тебе холопом будет и на твоем деле будет. А и белгородские казаки со мною говорили, что все хотят тут же у тех казаков быти: как им весть будет и они все будут же у них»[180].

Эта переписка как нельзя более характеризует положение азовских и белгородских казаков, относившихся с недоверием как к татарам, так и к литовско-польским королям-католикам

[179] Сборн. Импер. Русск. Ист. О-ва, т. 95, стр. 613.
[180] Там же, стр. 618.

и питавших тайную надежду на покровительство родственного им по духу православного московского великого князя. Если бы эти казаки были магометане, как думают некоторые наши историки, основываясь лишь на татарско-казацких прозвищах-псевдонимах, то им всего лучше было бы служить туркам и крымцам и с ними вместе громить литовско-русские и московские украины и приобретать почет и уважение среди своих единоверцев. Напротив того, турки их гонят, крымцам они не доверяют и «крепко с ними говорят», некоторое время служат, как и днепровские Черкасы, польским королям «за гроши и сукна», но скоро разочаровываются в этом, даже раскаиваются и просят московского великого князя принять их к себе на службу и дать земли для поселения с своими женами у Путивля. Ясно, что как азовские, так и белгородские казаки исповедывали греческую православную веру. Что же касается носимых ими татарских прозвищ, то это объясняется очень легко: азовские казаки в течение трех веков постоянно сталкивались с татарами, раньше входили в состав Золотой Орды и служили ханам, невольно заимствовали от татар нравы и обычаи, отчасти и язык. Татарские черты характера отразились и на последующем казачестве. В XVII и XVIII вв. донские казаки и их жены часто носили татарскую одежду и в домашнем быту нередко говорили на татарском языке. Это отметил в своих записках и инженер-гидротехник де-Романо в 1802 г., говоря о казаках г. Черкасска.

В начале же XVI в. татарское влияние на казаках, оторванных на многие века от московской и литовской Руси и предоставленных самим себе, чувствовалось сильнее, и лишь одна сохраненная ими в чистоте древняя греческая вера тянула их на соединение с московской православной Русью. Татарские псевдонимы-прозвища казаки употребляли часто в соединении с христианскими именами, как например: Андрей Шадра, Сусар Федоров и др. При этом нужно заметить, что татарские прозвища употребляли только казаки азовские, как более других казацких общин удержавшиеся на Дону. Также нельзя упускать из виду и того обстоятельства, что в татарский язык, имеющий в основании своем тюркские корни, вошла масса слов многих народов юго-востока России, Средней Азии, древней Арианы и Ирана, т.е. языков, когда-то близко стоявших к древнерусскому, языку Гетов-Руссов, о чем уже говорено выше. Быть может, названные прозвища были и не татарские, а древнерусские,

массагетские, аланские, народа «Ас», как называли себя на своем языке предки казаков.

Итак, из приведенной выше посольской переписки Василия III видно, что азовские и белгородские казаки, прежние «беловежцы», в первой половине XVI в. после многих скитаний поселились в Северской области, где впоследствии стали известны под именем путивльских и белгородских «станичников» и под общим названием северских казаков или «севрюков».

Вот где скоплялась до сороковых годов XVI в. та грозная и мстительная сила казачества, которая вскоре явилась на берега родного ей Дона и сделалась такою страшною для всего мусульманского мира. Открывшееся перед этим в литовско-польских областях гонение на православие окончательно оттолкнуло северское казачество от Литвы, и оно, усиленное днепровскими Черкасами, стало медленно, но грозно подвигаться вниз по Донцу, где в лесистых и малодоступных оврагах и балках, впадающих в эту реку, казаки всегда могли укрыться от внезапного нападения татарских полчищ. Дорога эта издавна была известна северскому украинному казачеству, по которой оно не раз «с дозором» спускалось до «Большого Дона» и в особо важных стратегических пунктах клало свои «доездные памяти»[181]. Из урочищ, расположенных на этом пути, в «Книге Большого Чертежа» отмечены следующие: Митякин колодезь, Вишневецкий колодезь, Дядин колодезь, Сизые горы, Хорошие горы, Лихой колодезь, Гребенные горы, по правой стороне Донца, против устьев р. Белой Калитвы, и Сокольи горы, с левой стороны до устья р. Быстрой. Между устьями Лихого колодезя (р. Лихая) и Гребенными горами через р. Донец был перевоз, называемый «татарским», который главным образом и сторожили казаки, залегая в скрытых местах. Одну из таких-то казацких партий и видел на Донце, близ устьев р. Калитвы, посол Василия III Коробов, ехавший в Азов в 1515 г., о чем доносил великому князю: «...а по выше, государь, Донца видели есмя перевоз, с Ногайския стороны на Крымскую сторону перевозилися как бы человек со сто, а того, государь, не ведаем, которые люди»[182]. Отряд этот на посольство, видимо, не обратил никакого внимания, так как видел в нем мирных русских людей, шедших из Москвы в Азов. Не то бы сделали крымцы или астраханцы, если бы они встретились в этих местах с посольством.

---

[181] Книга Большого Чертежа. Роспись реке Донцу и кладезям.

[182] Сбор. Имп. Рос. Ист. О-ва, т. 95, стр. 141.

Из казацких общин, отстоявших свою независимость, на юге России остались лишь одни кубанские Черкасы. Они плотней придвинулись к горам и из неприступных ущелий с геройской отвагой в течение веков отражали сильного неприятеля, а иногда на легких ладьях выносились в море и громили берега Крыма и Турции и подобно своим запорожским собратьям в начале XVI в. сделались страшными для всего мусульманского мира на Азовском и Черном морях. Все усилия турок не могли сломить это гордое племя. Для защиты от нападений Черкас они построили по Кубани укрепления и содержали сильные сторожевые посты. Но несмотря на это, Черкасы пробирались даже на Дон и нередко появлялись под Азовом. Как и другие казацкие общины, Черкасы удержали до XVII и даже до XVIII вв. свою древнюю греческую веру и свой природный славяно-русский язык[183]. Из этих казацких общин долее других продержались хегатцы и жанинцы. По преданию, записанному В.А. Потто, всю местность и все разливы близ устьев Кубани занимало некогда хегатское племя, ближайшее к владениям крымских татар; к юго-востоку от них обитали жанинцы — сильный и страшный для соседей народ, выставлявший до 10 тыс. превосходных всадников. Хегатцы и жанинцы славились своею отвагою, гордым и независимым духом. В течение пятивековой борьбы с сильным врагом они частью погибли, а частью переселились, как сказано выше, на Днепр. Остатки их в семидесятых годах XVIII в. были истреблены чумою. Их древние сородичи запорожцы на том месте нашли лишь несколько бедных хижин, разбросанных по Кара-Кубанскому острову.

В 1865 г. наш отряд, прорубавший в девственном лесу просеку между Туапсе и Шахэ, в урочище Хан-Кучий, раньше населенном истребленным черкасским племенем ханучей, исповедывавшим христианскую веру, нашел на одном из старых гигантских дубов вырезанную древнеславянскими буквами надпись следующего содержания: «Здесь потеряна православная вера. Сын мой, возвратись в Русь, ибо ты отродье русское».

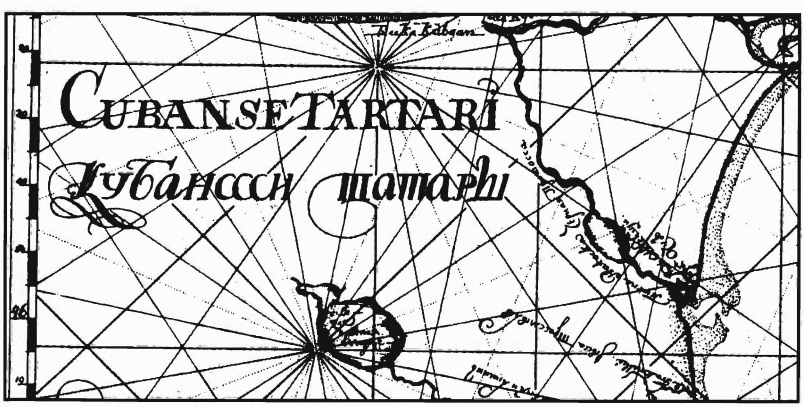
---

[183] Дела Крымские, кн. 2, 361. Донесение посла Мамонова 1502 г. Дела Турецкие, № 1, листы 123—135. Донесение посла Голохвостова 1521 г. Записки ученого Хорвата Крижанича, современника царя Алексея Михайловича. Крижанич мечтал об объединении всего славянства против немцев и с этою целью посетил в 1658 г. Россию, обошедши пред этим все населенные славянами земли, в том числе и Черкасию. За эту патриотическую мечту московский царь спровадил его в ссылку в Тобольск, в которой Крижанич пробыл 15 лет.

Это завещание отца сыну «возвратись в Русь» свидетельствует о том, что Русь Тмутараканская долго помнила свое родство с Русью Днепровской.

Кубанские Черкасы погибли; древнее их пепелище заняли Черкесы, народ смешанного типа, происшедший от метисации многих (более 30) разнородных племен, исповедывавших языческую, магометанскую и христианскую веру. Язык Черкесов также имеет много говоров и наречий, резко различающихся между собой. В состав этого народа в достаточной степени вошел и элемент славянский, собственно древнечеркасский, казацкий, что ясно сказывается как в антропологическом строении головы и всего тела жителей многих аулов, так и во внешнем облике их: в темно- и даже светло-русых волосах на голове и усах, серых глазах, в улыбке, звуках говора и проч. Но только язык и свою древнюю веру эти метисы в течение многих веков уже потеряли.

Историки последних трех столетий всегда смешивали названия Черкесы и Черкасы, по созвучии этих слов. Даже смешивают и теперь; но того не замечают, что название народа «черкасы», жившего по средней и нижней Кубани, очень древнее, известное еще в I и II вв. по Р. Х.; это коренное имя народа; кличка же «черкесы» — бранное, данное уже впоследствии это-



Земли кубанских казаков снабжены на русской военной карте 1699—1700 годов надписью: КУБАНСКИЕ ТАТАРЫ. Взято из атласа Ю.Н. Бирули «Русские морские карты 1701—1750 гг. Копии с подлинников», СПб., ЦКФ ВМФ, 1993.

му народу персами и турками — *серкеш* и означающее «головорезы». Этой клички даже современные черкесские племена не признают и считают ее для себя обидной. Черкесы на своих наречиях себя называют то адыгэ, то идыге, ыдыгэ и проч., т.е. островитянами. Осетины же, по старой своей привычке, Черкесию и до сих пор называют «казакией», и они не ошибаются, потому что казаки-Черкасы есть древнейшие поселенцы этой местности. Днепровские Черкасы-запорожцы не даром в течение последних трех веков стремились переселиться с Днепра на Кубань, на старую родину своих предков, где была их древняя столица «Черкаса», отмеченная еще во II в. по Р. Х. географом Птолемеем.

Один из малороссийских историков Н. Маркевич говорит, не ссылаясь ни на какие данные, что старое черкасское казачество за несколько лет до разорения Руси татарами исчезло (куда и почему?); что знатные фамилии с княжескими семьями с Днепра удалились в Литву и вступили в родство с тамошними владетельными князьями, простой же народ остался под игом завоевателей; что лишь горсть удальцов укрылась на днепровских островах, защищенных непроходимыми тростниками, и в неприступных дебрях Полесья; что скитальцы эти приняли имя казаков и Черкасов и положили основание запорожскому войску и т.д. («История Малороссии», стр. 7). Странные и наивные рассуждения. Одному древнему и испытанному в боях войску почему-то, без всякой причины, нужно было исчезнуть, а другому из бесприютных скитальцев возникнуть под тем же именем, т.е. казаков, черкасов и даже хазар, как запорожцы себя называли при Ригельмане, в половине XVIII в. Черкасам (они же хазары-беловежцы) некуда и не для чего было исчезать. Они лишь укрылись на днепровских островах, которыми владели и раньше, а также в Полесье, отчего и получила свое название Беловежская пуща, т.е. от стана хазар-беловежцев, как и «Белые берега» в низовьях Днепра и Буга.

Другой историк Малороссии, Д. Бантыш-Каменский, откровенно сознаваясь, что «начало казаков, обитавших за Днепровскими порогами, скрывается во мраке неизвестности», в конце концов приходит к заключению, что запорожцы, судя по их нравам и обычаям, способу ведения войны и гордому духу, а также по одежде и облику, имеют много общего с черкесами Кубани, исповедывавшими раньше также греческую веру, а потому корень этого казачества нужно искать не в Европе, а в

Азии и именно на Кавказе. (Ист. Малор. ч. I, стр. 108 и 109. М., 1830).

В 1637 г. 4—5 тыс. запорожцев, недовольных порядками в Польше, двинулись с Днепра на Кубань, намереваясь отдаться в подданство или туркам, или персам. Но донские казаки уговорили их «быть с ними за одно и идти воевать Азов». Запорожцы послушались и общими силами взяли Азов[184]. В конце XVIII в. все бывшие на Днепре запорожцы, разбежавшиеся было после разгрома Сечи по разным местам, даже были в Румынии и Турции, опять стянулись на Кубань и усиленные переселенцами, малороссийскими и донскими казаками, образовали славное Черноморское казачье войско, окончательно и навсегда занявшее древнюю свою прародину. Как встретили запорожцев, по переселении, на Кубани черкесы, мы уже говорили в III главе части I «Черкесия и ее прошлое».

Известный наш донской историк Алексей Попов говорит, что «в конце XV и начале XVI в. Донское войско, называвшееся Азовским и Ордынским, имело двух предводителей: Агуса или Акустия (Агустия) Черкаса, избравшего главным своим местопребыванием г. Черкаск, с того времени так называемый, где был гор. Орн, взятый Батыем около 1246 г.» (Записки Плано Карпини, папского посла к Батыю). «Другой предводитель Адиг или Атик, перешедший потом на Кубань, где между двумя рукавами этой реки построил замок (крепость) Ада, близ нынешнего Темрюка, просуществовавший до 1713 г.[185] Никаких пояснений к сказанному выше Попов не приводит, а также не указывает и источники, из которых он это известие взял.

Голова Азовских казаков Ауз или Агус-Черкас — лицо историческое; он был убит черкесами, подбегавшими под Азов для отгона скота в 1502 г.[186] Об Адиге же свидетельствуют лишь бывшая на острове, в дельте р. Кубани, крепость Ада и черкесский народ, называющий себя «Адигами или Адыгэ», и больше ничего. Что Черкасы-запорожцы проникали в первой половине XVI в. на Дон, — это факт. О том свидетельствует приведенный выше документ о покупке казаком Жученко у татарского князька дома в урочище «Черкасской» в 1517 г. Но как они там появлялись, независимыми ли общинами, или поодиночке, — это

[184] Тауберг. Азовские известия. Издание Академии наук. 1782 г.

[185] История о Донском войске, ч. I, стр. 115. Составлена в 1812 г., изд. 1814 г.

[186] Дела Крымские. Кн. 2. Донесение посла Мамонова.

вопрос, подлежащий разрешению. Из истории запорожского войска мы знаем, что переселившиеся на Днепр в X, XI, XII и XIV вв. Черкасы первоначально служили русским, а потом польским и литовским князьям, защищая южные границы их владений от набегов кочевников; что поле деятельности их было низовье Днепра, Буга и Днестра; что к концу XIV в. войско это сделалось страшным для турок и татар на всем Черноморском побережье; что за службу по охране границ польский король Сигизмунд I пожаловал им в 1505 г. для поселения земли в Киевском и Брацлавском воеводствах[187]. Грамота эта была выдана первому казацкому гетману Дашкевичу, соединившему в одно целое дотоле разрозненные казацкие общины. Права эти и вольности Черкасского казачества, касавшиеся главным образом «низового запорожского», были расширены в 1516 г. при втором гетмане Ланскоронском, а потом были подтверждены 20 августа 1576 г. грамотою короля Стефана Батория. За казаками «низовыми» были укреплены все земли, лежащие вниз по Днепру и Бугу, до лиманов: «як из виков бувало по Очаковские улуси; и в гору реки Богу (Бугу) по речку Синюху. От Самарских же земель (речка Самара, приток Днепра и Самарь — старинный запорожский городок на Днепре) через степь до самой реки Дону, где еще за гетмана казацкого Предслава Ланцкорунского казаки запорожские свои зимовники мевали (имели)[188].

Казацкий гетман Ланскоронский, победитель татар, происходил из польского дворянского рода; он был зять кн. Константина Ивановича Острожского и свойственник короля Александра. Деятельность его относится к 1512 и последующим годам. Он предводительствовал «низовым запорожским казачеством», а потому считается первым основателем Запорожья. При этом же гетмане Сигизмунд I дозволил казакам селиться и выше порогов, где ими были построены укрепленные городки[189].

Следовательно, запорожцы при гетмане Ланскоронском фактически уже владели как низовьем Днепра, так и Дона, где они имели свои зимовища, а потому нет ничего невероятного в том, что город Черкасск на Дону был ими основан в этот же период времени и, быть может, на месте древнего гор. Орна.

---

[187] Летоп. повест. о Малой России. Ригельман. Стр. 14.

[188] История Новой Сечи. А. Скальковский. 1841, стр. 12. Универсал гетмана Богдана Хмельницкого.

[189] Там же, стр. 13. Ригельман, стр. 16 и 17. История Малороссии. Г.Ф. Миллер, стр. 2 и 3.

На это заключение могут возразить, почему же о существовании этого казачьего городка не упоминается ни в одном из посольских донесений начала XVI в., а лишь только под 1593 г. Мы можем ответить, что донесения эти по содержанию своему в большей части представляют одно сплошное, пространное и нудное пустословие, акты эти писаны людьми крайне невежественными, имевшими узкие взгляды и понятия, какими отличалось тогда все московское боярство. В грамотах, отписках и донесениях титулы иногда занимают целые страницы, идут уменьшительные и уничижительные имена, вроде: «твой преданный холоп Олешко или Васюк», как именовали себя сановитые князья и бояре пред великим князем, «бьет тебе (идут титулы) челом» и проч., а о деле почти что ничего, одно пустословие, как сказано выше, и челобитья. Кто имел под руками подобную переписку, тот поймет, что от боярских донесений того времени многого требовать нельзя и обращаться с ними нужно крайне осторожно. Имена казацких предводителей бояре почти всегда записывали со слов турок или татар, через переводчиков. Как татары и турки называли их на своем языке, так послы или малограмотные дьяки и записывали, а лица эти, быть может, носили совсем другие имена или клички.

Чеченцы и лезгины генерала Бакланова называли и «шайтан», и Боклю и др. именами. Быть может, какой-нибудь из арабских дервишей того времени так и наименовал его в своих записках, а другой исправил, и добавились этой кличке новые эпитеты, как, например, Урус-шайтан или Урус-шайтан-Боклю... Узнавайте после этого под этими псевдонимами героя Кавказа Якова Петровича Бакланова. Так было и тогда. Шла страшная борьба, на жизнь и на смерть, христианского казачества с мусульманством. Каждый день, в течение веков, происходили стычки, сражения, поединки доблестных витязей Дона с страшным врагом за свою веру, свободу и древнюю родину. Подстерегали на перевозах, дорогах, оврагах и балках, внезапно нападали и беспощадно истребляли. Такое было время, такие были нравы, и не только у нас, на «Поле», но и по всей России и даже в западных государствах. Русские князья отнимали города и уделы один у другого и всех жителей с их скотом и имуществом осуждали огню и мечу. Мирные жители платились своею жизнью за корыстолюбие и тщеславие своих правителей. «Взял его волость и всех жителей посадил на меч», обыкновенные слова в истории борьбы удельных князей.

Там боролись за власть, за первенство, из тщеславия князья, а тут, на Дону, на ратном «Поле», боролось казацкое рыцарство за свою веру и свободу с мусульманским миром, и, благодаря беззаветной храбрости, крепости духа и отваге, рыцарство это в конце концов вышло победителем и вновь заняло свою древнюю прародину.

Имена этих отважных борцов мы почти не знаем, а если и промелькнет одна или две клички-псевдонима в течение одного или двух веков, то и то в перековерканном виде, записанные через переводчика со слов какого-нибудь татарского или турецкого посла. Что такое Ауз или Агуз-Черкас, если не Август-Черкас. Турецкое Карабай — наше Чернобай. Караман — Черный человек. Шубаш — голова, стоящий во главе. Ведь это так называли казацких предводителей турки, а как сами казаки называли их, — мы не знаем.

Посольские караваны в первой половине XVI в. направлялись большею частью из Рязанского княжества первоначально р. Доном, приблизительно до нынешней Казанской станицы, а оттуда сухим путем прямо на Азов, минуя восточный изгиб р. Дона в несколько сот верст, избегая столкновения с ордынскими казаками, господствовавшими на Переволоке. Этот путь считался наиболее безопасным и кратчайшим. Посол Василий Коробов в мае месяце 1515 г. видел на Северском Донце, близ устьев Калитвы, два отряда неизвестных людей, переправлявшихся с левой стороны на правую, и не попытался даже узнать, что это за люди и куда держат свой путь. Но это были не татары: последние заходили в эти места только для грабежа. Посольский же караван представлял для них богатую добычу. На Донце, за пять дней до Азова, рязанские казаки, сопровождавшие посольство, действительно встретили двух татар, а с ними «жонку татарку да детинку татарин же» и «полонили» их.

Виденные Коробовым отряды были не кто иные, как казаки запорожские или севрюки, двигавшиеся уже в то время на Дон. Но пока Москва была еще слаба, и всей Волгой, начиная от Казани, владели татары, движение казацких партий на Дон было незначительно, и казачество не могло еще представлять в «Поле» правильно организованной силы для борьбы с мусульманством. До половины XVI стол. Дон еще представлял арену для казацких турниров с астраханскими и крымскими наездниками, с переменным счастием для тех и других. Иван III под конец своего правления строго запрещал рязанским казакам

ходить на поиски в Поле и наниматься в провожатые иностранных посольских караванов. Так, например, когда в 1502 г. возвращался из Москвы донским путем посол кафинского султана Алакоза, то он дозволил ему нанять в провожатые только десять рязанских казаков, знающих дорогу; но при этом сделал распоряжение, чтобы рязанская княгиня Агриппина, пользовавшаяся тогда еще некоторою независимостью, запретила

«лучшим людям ходить в провожатые, потому что бояре и дети боярские и сельские люди служилые должны быть в его службе; а торговым людям, как лучшим, так и середним и черным отнюдь не дозволяла бы отправляться с посольством». Сверх того, всем подтвердила бы «накрепко», чтобы на Дон не ходили; ослушников возвращать и казнить; а если у ушедшего останутся «на подворье жена и дети, и их казнить. Если же она, Агриппина, этого делать не будет, то велела бы ему казнить и продавать»[190].

Цель этого запрещения, во-первых, была та, чтобы скопить по южным украинным городкам Рязанского княжества вооруженную силу, готовую всегда дать отпор неприятельским нападениям; во-вторых, не дозволить неспокойному пограничному казацкому элементу рязанской области «брататься» в Поле и на Волге с его врагами новгородцами, ушедшими из Вятки, после ее разгрома, и тем не усилить на южных окраинах протестующее против его самовластия «молодечество». Другого объяснения этой политике Ивана III дать нельзя. Московский самодержец ясно видел, что на Дону под руководством обиженных им новгородцев может образоваться противная ему казацкая община, подобная Хлыновской, которая, войдя в соглашение с ордынскими казаками, господствовавшими у Переволоки, могла бы положить предел его политическим стремлениям и оторгнуть от него населенную неспокойным казачеством Рязанскую область, на которую он имел виды и в которой распоряжался уже по своему усмотрению. На посольский караван Алакоза у Переволоки напали астраханские наездники, много людей, турок и русских побили, а других забрали в плен[191]. Путь по Дону для торговли и посольских караванов сделался совсем непроходимым. В 1521 г. послу Тредьяку Губину, отправленному в

[190] Дела Крымские. Кн. 2-я, стр. 918—921.
[191] Там же, стр. 1007.

Турцию, дан был наказ договориться: «как послам и гостям от обеих сторон по Дону бесстрашно ходить». Ему было поручено предложить «устроить России и Турции суда на Дону с военными людьми в нужном числе», с тем чтобы турецкие суда плавали от Азова, а русские от украин до назначенной заставы на Дону, где посольства должны пересаживаться для дальнейшего пути. Сплав делать весною, когда Дон бывает шире и представляет более безопасности для плывущих. Передаточную заставу устроить на средине всего пути от Азова до русских украин. А так как средина приходится у Переволоки, где бывает всегда прибой ордынцев, то заставу устроить выше по Дону, в устьях Медведицы или в устьях Хопра, потому что там место «крепко» для защиты. Если скажут, что одним водным путем обойтись нельзя, то согласиться устроить конных провожатых с обеих сторон[192].

Последствия этих переговоров неизвестны. Только мы знаем, что приехавший с Губиным в Москву турецкий посол Скиндер отпущен был уже в 1524 г. не Доном, а через Путивль, так как пронеслась молва, что он хочет осмотреть на Дону место для постройки города, а это, видимо, было крайне нежелательно для русских.

Таким образом, донской путь так и остался небезопасным для сообщения с Азовом. В Поле по-прежнему носились легкие казацкие отряды запорожцев, белгородских и азовских казаков, сталкивались на поречьях Дона с ногаями, астраханцами и крымцами, отбивали у них пленных и в свою очередь прельщались иногда товарами русских и магометанских купцов. Время было своевольное и безначальное. Это безначалие особенно усилилось в правление Боярской Думы, в малолетство царя Ивана IV, когда Россия, как говорит Карамзин, была доведена до полного разорения и сделалась «жертвою и посмешищем неверных». Старые враги ее крымцы, казанцы и литовцы громили ее со всех сторон и уводили в плен десятки тысяч жителей. Крымский хан Саип-Гирей в течение тринадцатилетнего правления Думы, до венчания Ивана IV на царство (в 1547 г.), подкупаемый Сигизмундом, пять раз врывался в Северскую и Рязанскую области и предавал все огню и мечу; трупы убитых, пламя сел и деревень были следами его набегов. Казанцы также неистовствовали в северо-восточных областях не хуже самого Батыя. Азовские, ногайские и астраханские наездники соединялись с

[192] Дела Турецкие. Кн. № 1.

крымцами и господствовали на всем протяжении донского Поля. Вот в каком положении находилась Донская земля до половины XVI в., т.е. до объявления себя самодержавным царем Иваном IV, прозванным впоследствии Грозным[193].

Казачьи общины, приютившиеся по своим украинным городкам, к которым причислялись: Пронск, Ряжск, Козлов, Лебедянь, Епифань, Ефремов, Сапожков, Михайлов, Воронеж, Елец, Ливны, Черновск, Данков, Чернь, Новосиль и др., напрягали все усилия, чтобы удержать за собою эти пункты. Но черкасское, северское, белгородское и старое азовское казачество в этот период времени хранило грозное молчание и соединилось в одну общую семью, чтобы одним дружным натиском дать отпор сильному и зазнавшемуся врагу. Эта грозная сила в конце первой половины XVI в. двинулась лавиной на берега родного ей Дона и своим внезапным появлением как бы обескуражила, смутила и навела страх на весь мусульманский мир.

Глава II
Движение казачества на Дон

Приняв в руки правление Московским государством, Иван IV стал деятельно готовиться к окончательному покорению царства Казанского со всеми подвластными ему землями, населенными неспокойными и мятежными народами: болгарами, черемисами, мордвою и др. Узнав о такой решимости московского царя, казачество лавиной двинулось со всех украин на Дон и в самое короткое время овладело его берегами от Азова до верховьев.

Еще в 1538 г. мирза приволжской ногайской орды Кель-Магмет жаловался на обиды, чинимые ему городецкими, мещерскими и другими казаками. Боярская Дума именем царя уклончиво отвечала ему: «на Поле ходят казаки многие — казанцы, азовцы, крымцы и иные баловни казаки, а и наших украин казаки, с ними смешавшись, ходят. И те люди, как нам, так и вам, тати и разбойники; а на лихо их никто не учит: сде-

[193] Карамзин. Истор. Госуд. Росс., т. VIII, гл. 1 и 2.

лав какое лихо, разъезжаются по своим землям»[194]. Бессильная в то время Москва иначе и не могла ответить, а потому всегда прибегала к такой двойственной политике, втайне радуясь успеху казацкого оружия. Это, так сказать, были первые, еще нерешительные наступательные действия необъединенного еще восточного казачества на врагов христианства. Самая же страшная гроза для мусульманства наступала с северо-запада. В 1546 г. путивльский воевода князь Троекуров донес царю, что казаков на Поле много, и «черкасцев, и киян и твоих государевых, — вышли на Поле из всех украин»[195].

Вскоре после этого ногайский князь Юсуф шлет в Москву одну жалобу за другой на чинимые ему казаками обиды. В первой Юсуф пишет: «В нынешнем (1549) году наши люди в Москву шли для торгу, а осенью, как шли они назад, ваши казаки *севрюки,* которые на Дону стоят, пришли на них... и куны их взяли»[196]. Во второй грамоте Юсуф объясняет, что торговый путь из улусов в Москву обещан быть свободным, а вышло напротив: «которые на Дону стоят *русь* наших гостей, в Москву едущих и возвращающихся оттоль, забирают. Если ты тех разбойников, что на Дону живут, к нам пришлешь или изведешь, то будет знаком дружбы; а нет, то не будешь союзник»[197]. Царь Иван политично отвечал Юсуфу: «Те разбойники, что гостей ваших забирают, *живут на Дону без нашего ведома,* от нас бегают. Мы не один раз посылали, чтобы их переловить, да наши люди добыть их не могут. Вы бы сами велели их переловить и к нам прислали, а мы приказали бы их показнить. Гостей ваших в своей земле мы бережем, а дорогою береглися бы они сами. Тебе известно, что на Поле всегда лихих людей много *разных государств,* и тех людей кому можно знать: нам гостей ваших беречь на Поле нельзя, а бережем и жалуем их в своем государстве»[198]. В следующем году, 1550, Юсуф уже пишет: «Холопи твои, нехто *Сарыазман* словет, на Дону в трех и в четырех местах городы поделали, да наших послов и людей наших, которые ходят к тебе и назад, стерегут да забирают, иных до смерти бьют»... Потом прибавил: «...этого же году люди наши, исторговав в Руси, назад шли, и на Воронеже твои люди — *Сарыазма-*

[194] Дела Ногайские, кн. 2-я, стр. 230.
[195] Дела Крымские, кн. 9. Донесение Троекурова 18 февраля 1546 г.
[196] Дела Ногайские, кн. № 3, лист 113.
[197] Там же, лист 114.
[198] Там же, листы 118 и 119.

ном зовут —разбойник твой пришел и взял их»[199]. Вслед за этим Юсуф новою грамотою упрекает царя: «Дружба ли то, что на Дону твои холопи, Сарыазманом зовут, наших послов и гостей разбивают и грабят».

Царь Иван отвечал: «Те холопи наши *Сарыазман* и в нашей земле многое лихо сделали и убежали в Поле. Мы посылаем их добывать, а вы б от себя велели их добывати ж, и которых добудете, к нам бы прислали».

Вся эта переписка относится к тому времени, когда Иван IV деятельно готовился к походу на Казань и склонял к тому союзника своего, сильного ногайского князя Юсуфа, а потому двусмысленные и уклончивые ответы этого тонкого московского политика на жалобы Юсуфа говорят сами за себя. Царь в своих ответах был прав только в том, что утвердившиеся на Дону казаки действительно ни ему и никому другому не подчинялись, да едва ли он знал и силу их; а сила эта была немалая, так как в следующем году (1551) сам турецкий султан Солиман спешно, через нарочитого гонца, писал ногайскому мурзе Измаилу так: «В наших магометанских книгах пишется, что пришли времена Русского царя Ивана: рука его над правоверными высока. Уж и мне от него обида велика: Поле все и реки у меня поотымал, да и Дон у меня отнял, даже и Азов город доспел, до пустоты поотымал всю волю в Азове. Казаки его с Азова оброк берут и не дают ему пить воды из Дона. Крымскому же хану казаки Ивановы делают обиду великую, и какую срамоту нанесли! пришли Перекоп воевали. Да его же казаки еще какую грубость сделали — Астрахань взяли; и у вас оба берега Волги отняли и ваши улусы воюют. И то вам не срамота ли? — как за себя стать не умеете? Казань ныне тоже воюют. Ведь это все наша вера магометанская. Станем же от Ивана обороняться заодин. Вы ведаете, что теперь в Крыму мой посажен хан, как ему велю, так и сделает. По просьбе Астрахани, тоже пошлю царя; да и казанцы ко мне присылали же просить царя; и я из Крыма непременно посылаю его. Ты-б, Исмаил мурза, большую мне дружбу свою показал: помог бы Казани людьми своими и пособил бы моему городу Азову от царя Ивана казаков. Станешь пособлять, — и я тебя в Азове царем поставлю, мне же помочь городу неудобно, находится далече»[200].

[199] Там же, лист 135 и на обор. 137 и 144. Сарыазман — слово персидское, бывшее в употреблении у нагайцев и означающее «удальцы».

[200] Дела Ногайские. Кн. № 4, листы 39—41.

По словам султана Солимана — «казаки с Азова оброк берут и не дают ему пить воды из Дона»... «Астрахань взяли... Перекоп воевали»... Так пишет турецкий султан в 1551 году. Следовательно, казачество на Дону в это время представляло уже силу, завладевшую Азовом и обложившую его данью. Даже покорило Астрахань и забрало в свои руки берега Волги. Это подтверждается и другими историческими актами. Но об этом будем говорить ниже. А теперь скажем об участии казаков в покорении Казани.

Прельщенные грамотой турецкого султана Солимана, ногайцы волновались. Лишь один Юсуф, не желая терять торговые сношения с Москвой, оставался верен давнишнему союзу с ней и не переставал жаловаться на обиды от казаков. Мелкие же мурзы вооружались и готовились на защиту Казани; но вольное казачество Волги и Дона, умевшее проникать в самые сокровенные замыслы неверных, держало их в покорности, а потому они и не могли оказать существенной помощи своим единоверцам. Казачество в то же время зорко следило и за движениями крымцев и астраханцев и старалось своевременно предупредить московского царя о готовящейся опасности.

В самый год (1552) решительных действий против Казани крымский хан Девлет-Гирей двинулся на Москву, но был разбит под Тулою и поспешно бежал из России, преследуемый казаками. Перед этим Иван IV послал на Волгу из украинных городков казаков для удержания от набегов враждебных ногайских мурз, что очень беспокоило Измаила Мурзу, сторонника турецкого султана[201]. Московский царь, готовясь в поход против Казани, говорил в Боярской Думе: «Бог видит мое сердце. Хочу не земной славы, а покоя христиан. Могу ли некогда без робости сказать Всевышнему: се я и люди, Тобою мне данные, если не спасу их от свирепости вечных врагов России, с коими не может быть ни мира, ни отдохновения?»[202].

Узнав о таком бесповоротном решении православного московского царя, все украинское казачество встрепенулось и двинулось под Казань на помощь русским в числе от 5 до 7 тыс. человек, вооруженных саблями, копьями и пищалями. Двинулось и Донское казачество под предводительством своего атамана Сусара Федорова, оставив часть своих вольных сподвижников на берегах Дона для защиты от нападения турок, крым-

[201] Дела Ногайские, кн. 4-я.
[202] Карамзин. Том VIII, гл. IV.

цев и астраханцев. Вот как описывает этот поход генерал Ригельман в своем «Повествовании о Донских казаках», написанном им в 1778 г., более чем за 30 лет до издания трудов по Русской Истории первого русского историографа Карамзина:[203]

«Проведали казаки о том, что московский царь Иван Васильевич ведет войну с татарами в течение семи лет и что заветным желанием его является взятие главного города татарского ханства — Казани.

Казань представляла по тому времени неприступную крепость, и русское войско тщетно стояло около нее в течение долгих месяцев.

Зная, что русские московского царства держатся такой же «греческой» веры, как и сами казаки, а татары — веры магометанской, донцы решили оказать помощь московскому царю.

Атаман отделил часть казаков и послал их к устью Дона с тем, чтобы они настреляли там, как можно больше, птиц-баб, которые тогда бесчисленными стаями обитали в гирлах реки, и, собрав с них перья, доставили их для украшения и убранства боевых костюмов казачьего войска.

Украсив с головы до ног птичьими перьями каждого казака, атаман повел донцов к Казани.

К городу казаки подошли ночью и, раскинув свой стан в виду русских войск, развели костры.

Как только запылали казачьи костры, в царском войске сейчас же обратили внимание на пришельцев.

Фантастичность одеяния казаков, резко подчеркиваемое среди ночной тьмы огнем костров, не на шутку испугала воинов русской рати. Доложили царю о приходе каких-то «чудовищ».

Царь послал одного из бояр разведать, что это за люди, откуда и зачем пришли и куда идут?

Боярин направился к стану казаков, но чем ближе подходил к ним, тем чуднее и страшнее казались они ему. Он не только не расспросил их, как велел царь, но даже не дошел до них, убежав со страху назад в свой стан.

Разгневанный трусостью боярина, царь приказал ему сейчас вернуться назад и исполнить приказание в точности.

---

[203] Ригельман. Повествование о донских казаках. Стр. 4 и 5. Московский главн. архив Министерства юстиции. Разрядный приказ. Белогородский стол, столбец № 39. 30 марта 1632 г. Отписка Великого войска Донского Московскому царю. История России Соловьева, стр. 88 и 89.

Снова пошел боярин.

Не доходя до казаков, он издали крикнул им: «Люди ли вы или привидения?».

В ответ ему раздалось:

«Люди! Русские вольные люди, пришедшие с Дону царю московскому помогать взять Казань и за дом Пресвятыя Богородицы свои головы положить».

Обрадованный боярин поспешил назад с радостною вестью к царю.

Рано утром царь послал к казакам своих послов с дарами.

Казаки отказались принять дары, а, наоборот, сами одарили посланных звериными шкурами и просили царя повелеть им взять Казань.

Царь дал согласие свое на просьбу казаков, которые, не теряя времени, на другой же день, подняв святые иконы и навесив на концы пик пышные крылья птиц-баб, двинулись к стенам Казани.

Их строй имел подобие леса, вершины деревьев которого были покрыты снегом.

Приблизившись к речке Казанке, казаки принялись рыть подкоп под стены города.

Затем было спущено в подкоп несколько бочек пороха.

Назначив время к поджогу пороха, казаки стали на молитву, прося Господа дать свое знамение им, «на что, — говорит историк, — воспоследовал из облак глас, глаголющ всем вслух: «победите и покойными будете».

После этого казаки подожгли порох, и, когда последовавший взрыв разрушил часть городской стены, ворвались в город, где и завязался у них горячий бой с татарами.

Вслед за казаками ввел свои войска в город и царь.

Очистив город от татар, царь расставил везде караулы и назначил для Казани своего наместника и воеводу».

Сравнивая это повествование Ригельмана с историей Карамзина, нельзя не заметить большой разницы в рассказах того и другого. Дело в том, что Карамзин писал Историю Государства Российского вообще и в данном случае историю царствования царя Ивана Грозного, пользуясь для сего московской летописью, а потому главным героем взятия Казани он выставляет са-

мого царя Ивана и много внимания уделяет его знатнейшим боярам: Воротынскому, Курбскому, Вронскому, Мстиславскому, Оболенскому, Горбатому-Шуйскому и другим; о казаках же говорит лишь вскользь, что они во время приступа засели под самою городскою стеной в каменной, так называемой Даировой бане; что казаки-пищальники стали на валу, стреляли до самой ночи и дали время князю Воротынскому утвердиться и насыпать землею туры в пятидесяти саженях от рва, между Арским полем и Булаком, что после этого князь велел им отступить к туркам и закопаться под ними и т.д. В другом месте Карамзин говорит, что «воеводы наши хотели открыть тайник, т.е. подземный ход, по которому казанцы ходили за водой, но не могли, и государь велел подкопать его от каменной Даировой бани, занятой нашими казаками» и пр. Одним словом, русский историограф геройские подвиги и отвагу казаков в этом историческом событии приносит в жертву главному строителю Московского государства и его сподвижникам, князьям и боярам, между тем как генерал Ригельман, писавший историю о Донских казаках, естественно, старался оттенить и выдвинуть на первый план ту великую роль, какую сыграли в этом достопамятном событии донские и другие казаки, как, например, рязанские, мещерские и другие. С этой точки зрения цель и направление как того, так и другого историков для нас будут понятны. Ригельман далее повествует, что по взятии Казани Иван Грозный велел одарить казаков казною и взятыми из покоренного города богатствами; «но Донцы ничего того не взяли, а просили, чтоб только пожалованы были рекою Доном до тех мест, как им надобно, что царь им и не отказал. Он им реку оную пожаловал и грамотою утвердить изволил, с крепким подтверждением и даже заклятием о ненарушимости ее «во веки веков».

С этой грамоты во все станицы войска Донского даны были, «для сведения казацкого», списки, которые читались, как говорит Ригельман, в его время, т.е. в половине XVIII в., при собрании казаков (в Кругу) в день Покрова Пресвятой Богородицы, после обедни».[204]

Генерал Ригельман, проживший долгое время на Дону, относится к числу серьезных исследователей донской старины, а потому сообщение его о существовании означенной грамоты Ивана Грозного и списков с нее, имевшихся в его время по станицам, достойно глубокого внимания.

---

[204] Ригельман. Стр. 5.

Есть предание, записанное еще в XVIII в. со слов старожилов и повторяемое до сего времени, что Петр I, в бытность свою в Черкасске в 1709 г., после окончания «Булавинского бунта», подлинную грамоту у войска отобрал под предлогом заменить ее новою; списки же с нее по станицам были уничтожены уже последующими администраторами в конце XVIII или начале XIX в., а многие зарыты в потайных местах. По крайней мере, в настоящее время из этих списков не сохранилось ни одного, как и многих других грамот царя Ивана на Дон, хотя о них определенно говорят донские предания.

Пожалование Грозным царем донскому казачеству Дона «со всеми его реками и потеклинками», как говорит предание, уже само указывает на то, что казаки эти в действительности оказали весьма важную услугу России при покорении Казани.

Встревоженный успехами русского оружия и подстрекаемый турецким султаном Солиманом, весь мусульманский мир насторожился. Ногайский князь Юсуф стал искать союза с крымским ханом Девлет-Гиреем. В этот союз они увлекли и астраханского царя Ямгурчея, ладившего кое-как до того времени с Москвой. Иван Грозный решил покончить и с этим царством; весною 1554 г. он послал туда р. Волгой и сухопутьем сильную рать под начальством князя Пронского-Шемякина и постельничьего Вешнякова.

Узнав об этом, Донские казаки поспешно двинулись к Переволоке под начальством своих походных атаманов Федора Павлова, Андрея Шадры и Ляпуна и, вступив в передовой отряд русской рати, руководимой князем Вяземским, устремились вперед и близ Черного острова нанесли такое поражение астраханцам, что они не попали даже в город и остановились в 5 верстах ниже его; но преследуемые казаками, бежали в степи. Атаман Павлов настиг в Базцыж-Мачаке жен и дочерей царских и забрал их в плен. Сам царь Ямгурчей, преследуемый казаками до самого Азова, едва успел вскочить в него с 20 всадниками. Князь Вяземский занял Астрахань без боя.[205] Русские поставили в Астрахани царем одного из претендентов на этот престол — Дербыша. К нему собралось до пяти сот князей и мурз татарских и до 10 тыс. простых людей; все они клялись, что будут повиноваться Москве и присылать ей дань по 40 тыс. алтын и

[205] Карамзин. Т. VIII, прим. 408. История Российская В.Н. Татищева. Москва. 1769, кн. 1-я, ч. 2. Историческое описание земли войска Донского. Новочеркасск. Изд. 2-е, 1902, стр. 13.

по 3 тыс. рыб ежегодно. Для наблюдения за порядком и удержания в повиновении жителей, русские оставили в Астрахани дворянина Тургенева с казаками.

Изгнанный Ямгурчей с помощью крымцев и ногайцев в 1555 г. хотел вновь завладеть Астраханью, но казаки прогнали его. Вслед за этим сам Дербыш задумал изменить России и завел сношения с крымцами и сыновьями Юсуфа. Проведав об этом, донской атаман Ляпун, прежде нежели пришли туда царские войска, с храбрыми казаками явился под стенами Астрахани. Изменники пришли в ужас, оставили город и рассеялись по улусам. Казаки преследовали их, громили улусы, били и брали в плен бегущих. Сам Дербыш в 1557 г. бежал в Азов. Пришедши в Астрахань с царским войском стрелецкий голова Черемысинов привел испуганный народ к присяге, и таким образом Астрахань навсегда была присоединена к России.

Придвинувшись своими владениями к Каспийскому морю и завладев всем течением Волги, Московское государство завело деятельные торговые сношения с юго-восточной Азией, Дербентом, Шемахой, Бухарой, Хивой, а через них и с Индией. Вверх и вниз по Волге стали беспрерывно ходить богатые торговые караваны, служившие большой приманкой для вольного казачества. Нередко казаки брали с них за пропуск выкуп товарами и деньгами, а иногда просто нападали и грабили, не разбирая, кому принадлежат торговые суда, христианам или магометанам. Такие деяния были в порядке вещей того времени, и Москва смотрела на это пока сквозь пальцы, так как присутствие казацких отрядов в тех местах было необходимо для удержания улусников в покорности.

Весть о поражении татар на Волге быстро распространилась по всему югу нынешней России. Черкасские князья Пятигорья и Кубани, помня свое древнее родство с Россией, а также свою прежнюю полузабытую греческую веру, охотно шли на службу к Ивану Грозному, а иные, принявшие уже магометанство, крестились. Все пылали жаждой мщения туркам и татарам и просили помощи у московского царя. Откликнулось и днепровское казачество на общий зов христианских рыцарей. Храбрый вождь его, князь Дмитрий Вишневецкий, по народным песням *казак Байда,* скучая бездействием, добровольно предложил свои услуги царю Ивану и с сильным отрядом запорожцев и киевских черкас двинулся на Дон, заняв земли по Среднему Донцу до Азова. Главный стан его располагался на Донце, на балке, но-

сящей и до сего времени название Вишневецкой, в юрте нынешней Каменской станицы (Татищев В.Н. «Ист. Российская», кн. 5). Отсюда в союзе с донскими казаками он зорко стал следить за движениями крымцев и турок, успевшими уже вновь завладеть Азовом, во время походов казаков под Казань и Астрахань.

Все казачество Волги, Дона и Днепра в этот период времени сливается в один общий союз для борьбы с неверными. Дон становится центром казацкого рыцарства. В то время, как Донские казаки были под Астраханью, крымский хан не раз порывался напасть на русские украинские города, но всякий раз Иван Грозный, заранее предупреждаемый казаками, давал ему отпор. Несмотря на неудачи, Давлет-Гирей в 1556 г. снова ополчился на Москву. Русские войска ждали его на Оке. Едва он выступил в поход, как черниговский воевода Ржевский, стоявший с донскими казаками между Доном и Днепром, двинулся с своими отважными сподвижниками по Днепру в Тавриду, напал на Ислам-Кермень и Очаков, разогнал жителей и забрал их табуны. Татары и турки преследовали его, но хитрые казаки завлекли их под свою засаду и разбили наголову. В этих битвах принимали участие и днепровские черкасы с атаманами Млынским и Есновичем.

Ханский Калга вооружил весь Крым и спешил на помощь к Ислам-Кирменю, но, встретив там Ржевского, бился с ним шесть дней и, наконец отчаявшись победить, умолял хана спасти Тавриду. Девлет-Гирей, узнав о скоплении московских войск на Оке, повернул назад и готовился напасть на черкас, стоявших между Донцом и Миусом, но по призыву Калги поспешил в Крым.

В то же время князь Вишневецкий с своими казаками занял остров Хортицу, в нижней части Днепра, против Конских вод, и укрепился на нем и таким образом запер хана в Тавриде. Потом он двинулся вниз по Днепру, сжег Ислам-Кирмень, забрал из него все пушки и привез их в свое укрепление на о. Хортицу. Тщетно хан приступал к этому укреплению. Вишневецкий отразил все его нападения.

Зимою 1558 г. Девлет-Гирей снова поднял оружие на Россию, но едва он выступил из Тавриды во главе 100 тыс. войска, состоявшего из крымцев и ногайцев, частью перешедших на его сторону, как донские казаки, следившие за малейшими движениями татар, ворвались в Тавриду, напали близ Перекопа на улусы ногаев, разгромили их и угнали до 15 тыс. лошадей. Крымский хан, узнав от лазутчиков, что впереди его ждет рус-

ское войско, а сзади разоряют улусы казаки, бежал назад в великом страхе, бросая на пути и воинов и обозы. Но и в Крыму он не нашел покоя: с одной стороны с 8 тыс. войском вниз по Днепру двинулся Адашев, взял на море два неприятельских корабля, пристал к западным берегам Крыма и более двух недель громил ханские улусы, а потом с богатою добычей поплыл обратно; с другой — храбрый витязь Вишневецкий с донскими казаками и черкасами, разбив крымцев на р. Айдаре, впадающей в Донец, стал угрожать Крыму со стороны Азовского моря. В то же время черкесские, вернее, черкасские князья, от имени России, овладели двумя укрепленными городами Темрюком и Таманью со всею прилегающею местностью, входившею когда-то в состав русского Тмутараканского княжества.

Получая удары со всех сторон и ожидая еще большего, крымский хан в отчаянии писал турецкому султану, что все погибло, если он не спасет Крыма. К тому же жестокая зима 1557 г., истребившая много людей и скота у ногайцев, голод и мор, свирепствовавшие в Тавриде, поставили татар в самое отчаянное положение. «Никогда, — замечает современный историк, — не было для России удобнейшего случая истребить окончательно остатки монголов», но Иван Грозный, занятый войной с Ливонией, не решился на это; к тому же часть донских казаков, всего около 3 тыс., во главе с походным атаманом Михаилом Черкашениным, была на западной границе и сражалась с ливонскими немцами, показывая чудеса храбрости.[206]

Таким образом, донские казаки в течение десятилетнего своего существования (1550—1560) показали всему мусульманскому миру, сколь опасно для крымцев и турок их водворение на Дону. Их храбрость и неустрашимость, а главное уменье в совершенстве владеть огнестрельным оружием всегда им давали перевес над неприятелем как на суше, так и на море. Путь в Тавриду и к берегам Малой Азии им был знаком издревле, и вся деятельность их в последующие века главным образом на этом и была сосредоточена, как и их собратьев-запорожцев.

Слава о подвигах донцов разнеслась по всей России. На берега Дона стало стекаться казачество с Днепра и украинных городков Северской и Рязанской областей. Как по Дону, так и

[206] Карамзин. Т. VIII, гл. V. Московский главн. архив Министерства юстиции. Разрядный приказ. Белогородский стол, столбец № 39. Отписки казаков царю 30 марта 1632 г. История о Донском войске А. Попова, стр. 119.

по Волге стали строиться новые городки, и таким образом донское казачество, год от года увеличиваясь, скоро стало представлять грозную силу и завладело всем югом и юго-востоком России, перекинувшись своими станами на Терек, Урал и даже в далекую Сибирь.

Из первых казачьих городков на Дону во второй половине XVI в. стали известны: 1) Раздоры Верхние или Донецкие, против устья р. Северного Донца, на острове, близ нынешней Раздорской станицы[207]; 2) Нижние Раздоры, где-то ниже первых; некоторые полагают, что этот городок стоял под Кобяковым городищем, близ нынешней Аксайской станицы; 3) на Манычи, на правой стороне Дона, на острове против устья р. Манычи и 4) в Черкасской, где был стан запорожских Черкасов[208]. Набеги на Россию крымских татар, как сказано выше, большею частью были неудачны, так как казаки, постоянно следя за их движением, своевременно давали знать о том Ивану Грозному. За эти и прежние заслуги, а также за удачный набег весною 1560 г., в союзе с нагайскими мурзами, оставшимися верными Москве, на Перекоп, Очаков и Белгород, московский царь щедро одарил казацких послов и послал их сподвижникам на Дон жалованье. Кроме того, дозволил казакам свободно торговать во всех российских городах[209]. Видя неудачи своих единоверцев и желая показать себя деятельнее своих предшественников, новый турецкий султан Селим задумал грандиозный план о соединении Дона с Волгой и восстановлении на берегах Ахтубы прежнего магометанского царства. Некоторые ногайские князья, бухарцы и хивинцы говорили ему, что московский царь истребляет веру мусульманскую и прерывает им сообщение с Меккой; что Астрахань, как главная каспийская пристань для всех азиатских народов, дает ему до 1000 золотых монет и проч. Послы литовские, враги России, твердили ему то же. Лишь один крымский хан Девлет-Гирей, осведомленный больше других о могуществе России и неустрашимости ее казаков, доказывал неисполнимость задуманного плана. Селим стоял на своем. Весной 1569 г. он послал сухим путем под начальством кафинского паши Касима до 25 тыс. крымских всадников и 30 000 янычар с пашой Палеги и на 300 галерах 15 тыс. снарядов, множе-

[207] Дела Турецкие, кн. 2-я, листы 37 и 134 — 1570 г.; книга 3-я, листы 80 и 98 — 1592 г.

[208] Дела Турецкие, кн. 3-я, лист 239 — 1503 г.

[209] Карамзин. Т. VIII, прим. 564.

ство тяжелых пушек, землечерпательных машин и проч., под охраной 5 тыс. янычар и многих татар, с 3000 землекопов и гребцов; причем приказал соединить Дон с Волгой, на обеих реках поставить крепости и восстановить царство Астраханское. Войска должны были соединиться у Переволоки, где ныне Качалинская станица.

При движении этой силы по Дону пронесся слух, что турки и крымцы идут для конечного истребления казаков. Донцы, устрашенные этой вестью, оставив свои городки, скрылись в степи.

Шедшие вверх по Дону суда, при глубокой осадке, часто садились на мель, так что их приходилось перегружать: это страшно замедляло движение. Охрана судов была недостаточна. Гребцы и землекопы были большею частью из христианских пленников, жаждавших скорейшего освобождения. Турки час от часу ждали нападения казаков, но последние не показывались. «Нужно было только показаться русским, — говорит очевидец этого похода, царский сановник Мальцев, бывший в плену у турок, — чтобы завладеть всеми снарядами и казною, но никто не являлся. Хотя бы их было не более 2000, то и тогда бы они могли разобрать нас руками».

Так рассуждал пленный Мальцев, ожидавший скорейшего освобождения. Некоторые историки, со слов этого сановника, упрекают казаков в трусости, а другие выводят заключение, что их на Дону в то время было не более 2 тыс. Но ни то, ни другое неверно. Казаков никто и никогда не может упрекнуть в трусости. Сколько их тогда было на Дону, неизвестно. Но если принять во внимание, что часть их в то время служила в царских войсках, другая сторожила на Донце и Миусе крымцев и на Волге ногайцев, волновавшихся при приближении турок, а остальные наблюдали за движением неприятельской армии и ожидали удобного случая к нападению, то поведение их в таких случаях не представляет ничего особенного[210].

Случай для нападения на врагов скоро представился. Неприятельские войска стянулись к Переволоке. Начались работы по прорытию канала — работа жалкая и смешная. Рабочие и войска, видя невозможность выполнить повеление султана, стали

[210] Крымцы действительно в этом году напали и разгромили на Донце городки атамана Ивана Мотяки, где ныне Митякинская станица, и таким образом отвлекли часть казаков на западную границу их владений. Дела Турецкие, кн. 2, лист 103 — 1569 г.

роптать, говоря, что паша безумствует, что для такого дела мало ста лет для всех работников Оттоманской империи и проч. Паша велел тащить суда из Дона до Волги волоком. Но тут явились послы из Астрахани и сказали: «На что вам суда? мы дадим их вам сколько хотите: идите только избавить нас от власти россиян». Паша усмирил войско и 2 сентября отпустил тяжелые пушки назад в Азов, а с 12 легкими орудиями двинулся к Астрахани и 16 сентября стал на городище, где была древняя казарская столица Атель, на правой стороне Волги. Русские, усмирив жителей, не сдавались. На помощь к Астрахани спешил воевода, князь Серебряный. К нему присоединились донские и запорожские казаки, в числе 5 тыс. человек, которых вел по следам турок гетман Михайло Вишневецкий. Истребив турок на Переволоке, казаки и русские войска двинулись на судах и степью к Астрахани и стремительно напали на неприятеля. Турки и крымцы с большим уроном отступили и засели в возведенных ими укреплениях. Но скоро они стали чувствовать недостаток в съестных припасах. Вышедший на добычу отряд татар был истреблен донскими казаками. Приближалась зима. Турки оставили свой лагерь и пустились в бегство по направлению к Азову. Казаки их преследовали и истребляли. Больше же всего они гибли от холода и голода. По дороге их также подстерегали и истребляли черкесы. Из всей армии едва возвратилось в Азов до 3 тыс. Шедший обратно флот был забран донскими казаками, взорвавшими также все пороховые погреба и стены Азова. Большая часть домов и пристань с судами были превращены в пепел и развалины, так что остаткам бывшей сильной турецкой армии негде было и приютиться. Донские и запорожские казаки возвратились с богатой добычей. Большая часть запорожцев навсегда осталась на Дону, раскинув свои станы в «Юртах Черкаских», где был гор. Черкаск и городок Донской, на Монастырском Яру, в 5 вер. ниже Черкаска. Все эти казацкие общины перемешались «и, сделав город сей (Черкасск) главным всему войску Донскому, от них и от приходящих одноземцев к ним знатно умножившемуся»[211].

После всего сказанного нам предстоит решить вопрос: кто же были донские казаки, явившиеся на арену истории в половине XVI века?

---

[211] История Руссов, составленная по древним летописям. Георгий Канисский, архиепископ Белорусский. 1846, стр. 22. История о Донском войске Ал. Попова. История Госуд. Росс. Карамзина, т. IX, гл. II. Дела Крымские, статистич. списки № 13, листы 287—300; также книга № 13, лист 258.

Из донесения путивльского воеводы Троекурова в 1546 г. мы видим, что на Поле казаков было много: «и черкасцев, и киян, и вышедших со всех украин». Под черкасами Троекуров подразумевал низовые казачьи общины Днепра, этих грозных пиратов, наводивших страх на турок и татар еще во второй половине XIV в., потом в XV и XVI вв. Под киянами — черкасов Киевского воеводства, имевших главные станы в Трехтемирове и Черкасах. Вышедшие со всех украин — это казачество Северской области, казаки белгородские и старые азовские, переселившиеся туда, как мы видели выше, в 1515 г. Ногайский князь Юсуф наименовал их «севрюками» и русью «Сарыаз-ман», т.е. удальцами, или, по старой персидской поговорке, которая, по всей вероятности, была знакома ногайцам, «господа-головы — азовцы», или азовские люди. Отчего впоследствии волжских удальцов, а Петр I и донских казаков, называли «сарынью».

Во второй половине XVI в. донская казачья община усиливалась тем же элементом, т.е. переселенцами с Днепра и Северской области; с севера надвигалось и постепенно заселяло земли по Хопру, Бузулуку и Медведице казачество рязанское. В этих местах оно и раньше имело свои сторожевые посты, крайним из которых считался Урюпин.

В писцовых книгах 1615—1626 гг. казацких городков и станов южной части бывшего Рязанского княжества — Воронежа, Валуйков и других мы находим много характерных фамилий-прозвищ, и доселе встречающихся на Дону, как например: Степанко, Губарь, Ермачко, Ушаков, Овчинников, Черенков, Князев, Филатов, Ларин, Гончаров, Дураков, Уразов, Рындин, Кокорев, Малахов, Собырев, Суровцов, Кобозев, Панфилов, Гудков, Ветров, Мишутин, Ероха, Терехов, Некрасов, Блохин, Ногайцев, Грибеников, Копылов, Попов, Крюков, Беляев, Щербак, Белоусов, Трубченинов, Милованов, Сухарев, Татаринов, Мещеряк, Мигулин, Титов, Кондратьев, Струков, Короткий, Резанцов, Соплин, Пронин, Савин, Мешков, Зубков, Кривой, Болдырь, Косой, Усан и Усарь, Кленка, Слепой, Нагибин, Носов, Чеботарев и др. Что особенно поражает в этих списках, так это уменьшительные и уничижительные собственные имена казаков, которые трудно произвести от какого-либо христианского имени: Тива Гарзин, Дароня Гребеньков, Поздняк Конюхов, Кленка Черенков, Куча Мамин, Ушалко Пронин, Ратка Тепцов, Воинко Иванов, Суланка Каменев, Русинко Ненашов, Перша Сысоев, Замятня Омельянов, Мастюга Сте-

панов, Томилко и Тамило Солыковской, Ермачко Моклоков, Худячко Добросоцкой, Гуляй Стюрин, Милованко Лукьянов, Курбатко Дорофеев, Томило Храпун, Путило Кирилов, Дружина Дьяков, Ганка Киреев, Панка Шубин, Милован Петров, Янко Шубин, Сазонко Гундин, Ломашко Филипьев, Дубровка Долгой, Третьяк Струков, Насонко Кузнецов, Покидка Горожавка, Ортюшко Карпов, Первой Ондреев, Нечай Даншин, Юшка Родионов, Горяинко Караманов, Несвойко Климов, Беляй Проскурнин, Долмат Семенов, Парша Лысков, Ганка Волкучин, Суханка Иванов, Севрюк Лютов, Замятня Омельянов, Жданка Ромаков, Суданка Каменев, Фатка Лоскутов, Безсонко Некрылов, Щербак Пердунов, Ортюха Кобелев, Докучка Шваров, Несмеян Донской, Познячко Лунин, Ариско Тарасов, Подидка Лосков, Первушка Мертелов, Муратко Офанасьев, Третьяк Струков, Гарх Гребенков, Мелех Кобыляков, Гуляй Башкирцев, Незнайко Студеникин, Нехорошко Дьяков, Кленка Смагин и др.[212]

Все приведенные имена или прозвища бывших рязанских казаков, занимавших своими сторожевыми постами земли нынешней Воронежской губернии, входившими раньше в состав Рязанской области, ничего общего с великорусскими не имеют; они звучат чем-то древним, напоминающим гето-гуннский и алано-хазарский периоды истории. Имена Ратко, Томило, Караман, Курбат и Курбатко, Дубровка, Тива, Подинка, Долмат, Гарх, Мастюга, Горячка, Кленка, Хватка и др., как и Сусар, Смага (донские атаманы) — однозвучащи гуннским: Аттила, Вдила, готским: Аспар, Тотило и др. Они выражают характер этих лиц и их деятельность. Имена эти встречаются на всем протяжении истории донских казаков и как прозвища даже и в настоящее время[213]. Рязанское и мещерское казачество, долго сталкиваясь с великорусским населением, отчасти заимствовало от него и свой выговор, но в то же время оно имеет и свой, не свойственный говору жителей ни одной из губерний; это характерное «аканье» и «яканье» и произношение звука ш вместо щ, как например чаво, яво, ишшо (еще) и др. едва ли можно встретить где-либо вне казачьих областей.

---

[212] Материалы для истории Воронежской и соседних губ. Изд. Воронеж. Губ. Стат. Ком., т. II, 1891 г. Из Воронежской старины. Памятная кн. Вор. губ. 1891 г.

[213] Отношу читателя к моему труду «Типы донских казаков и особенности их говора» 1908 г.

К какой же народности принадлежали казаки сторожевых постов Воронежского края?[214] На это нам дают обстоятельный ответ грамоты царя Михаила Федоровича: «А они, воронежские Черкасы, люди добрые: как пришли от Поляков, от их разоренья и смертного убойства и посечения, свое крестное целованье помнят»[215].

Служба казаков «на меренках, в саблях с пищальми» в украинных городках Московского государства была чрезвычайно тяжелая, так как каждый шаг их был подчинен контролю избираемых ими, а чаще всего назначаемых воеводами казацких голов, атаманов и есаулов, утверждаемых московским правительством, с одобрения воевод[216]. За каждую провинность и упущение, даже во 2-й половине XVI в., взыскивали строго, а потому побеги казаков на Дон, в вольное, никому не подчинявшееся казачество были довольно часты, если не сказать ежедневны.

«Воронежские акты», изданные Губ. Ст. Ком. в 1885—1886 г., касающиеся старины украинных городков Воронежского края, сплошь покрыты указаниями на побеги казаков в низовья Дона, несмотря на принесенную ими присягу и «поручную запись» сотоварищей за пропавшее оружие или казенные деньги.

В Воронежской крепости, со времени ее основания (1586 г.), помимо воеводы, жил казацкий голова, власть которого, по указу московского правительства, должна простираться и на всех донских казаков, хотя последние этой власти не только не признавали, но даже и не подозревали, что она существует. Донские казаки служили Москве из чести, добровольно, «с травы, с воды», и все дела решали в своем «Кругу», нисколько не сообразуясь с политикой Москвы, а потому ставили ее иногда в очень затруднительное положение при сношении с Турцией и Крымом. Вот почему московские цари в своих грамотах и наказах послам на жалобы о набегах казаков на ногайцев, крымцев и турецкие владения всегда оправдывались, говоря, что «те холопи наши, в нашей земле многое лихо сделали и убежали в Поле»... или «что на Дону и близко Азова живут казаки, все беглые люди»... и

---

[214] Гор. Воронеж построен в 1586 г. В том же году построен и г. Ливны на соединении дорог Калмиусской, Муравской и Изюмской, по которым главн. обр. и происходили набеги на Русь ордынских хищников.

[215] Воронежские акты, кн. 1, стр. 102. Изд. Ворон. Губ. Ст. Ком. 1885—1886 гг.

[216] Там же, т. 3, № 116.

нередко обещались туркам и крымцам свести их с Дона. Ханскому послу, бывшему в Москве в 1578 г., бояре отвечали, что ни днепровские, ни донские казаки не зависят от великого князя: первые состоят во власти Батория, а последние суть беглецы из Литвы и России, и что государь российский не признает их за своих подданных, но велит казнить, если они явятся в его пределах. В то же время цари на Дон слали секретные грамоты о поисках казаков под Азовом и о том, чтобы казаки «промышляли» с Москвой заодно: «когда же нам послужите, и мы вас пожалуем своим жалованьем»[217].

Этим только и можно объяснить легенду, ничего общего с действительностью не имеющую, о происхождении донских и запорожских казаков из беглых Московского и Литовского государств.

Во время войны с Литвой отряд каневских казаков, служивших Литве, напал на русские украинные города и в 1590 г. разорил Чернигов, Рыльск, Путивль и даже Воронеж. По донесению путивльского воеводы, отряд этот по пути громил наши казацкие станичные и сторожевые пункты[218]. Но несмотря на это, большая часть казачества Литовско-Польского государства и русских украинных городков искало пристанища и твердой опоры в своих вольных собратьях в Запорожье и на Дону, откуда оно и стало систематически вести борьбу и с Литвой, и с мусульманством. От желающего вступить в казачью общину требовалось только, чтобы он веровал в Бога и служил казацкому делу — бился с басурманами; никто никогда не считал казацкой силы и даже не знал, сколько ее на Дону и в Запорожье. «У нас де людей, что лоза, то казак, а где крак или байрак, то по сту и по двести казаков тамо и все те на войне храбры. Казаки богатства вельми мают, хитрость и храбрость довольно знают», писали запорожцы турецкому султану.

Служа из чести московским царям, донские казаки, как и запорожские, ни за что не хотели принимать присяги на верность службы, считая крестоцелование страшным и святым актом, несовместимым с их скверным и беззаконным военным житьем. Так, например, на требование царя Михаила Федоровича о принесении присяги на верность службы казаки в 1632 г.

---

[217] Дела Донские, кн. 1-я — грамота царя Ивана Васильевича Грозного 1571 г. 17 августа.

[218] Воронежский край. Исследование Л.Б. Вейнберга. Вып. 1, 1885, стр. 69.

отвечали: «Крестного целования на Дону, как и зачался Дон казачьи головами, не повелось; при бывших государех старые казаки им, государям, неизменно служивали не за крестным целованием; в которое время царь Иван стоял под Казанью и по его государеву указу атаманы-казаки выходили с Дону, и с Волги, и с Яика, и с Терека и атаман Сусар Федоров и многие атаманы-казаки ему государю под Казанью служили — не за крестным целованием... При Михаиле Черкашенине во Пскове сидели в осаде... не за крестным целованием. Донской Атаман Ермак Тимофеевич покорил Сибирское царство... не за крестным целованием» и т.д.[219]

Подобный взгляд на крестное целование свидетельствует о народе, искренне и глубоко верующем и не дерзающем применять этот «страшный и святой акт» к обыкновенному их житейскому делу — войне с неверными. Такого взгляда на этот «акт» мы не встречаем во всей истории Киевской и Московской Руси, где великие и удельные князья целуют крест с клятвой жить в мире и согласии и тотчас же нарушают ее. То же делали и горожане. В смутное время бояре и народ присягали и Годунову, и Шуйскому, и всем Дмитриям, и Лжедимитриям, и польскому королевичу Владиславу, и австрийскому принцу Эрнесту, и всем изменили. Присяга для них была игра слов. Присягали тому, от кого можно было получить больше выгоды. Не так смотрели на этот «страшный акт» казаки, воспитанные в другой среде, в других понятиях и мировоззрениях на религию.

Связь донских казаков с русскими украинными городами подтверждается еще и следующими словами царя Михаила Федоровича в грамоте его 1615 г.: «И мы вас, атаманов и казаков, за ваши многие к нам службы, пожаловали, велели вам в Наши украинные городы со всякими вашими товарами и без товаров к *родимцом* вашим ездити и с ними видетися повольно...»

Казаки прежних веков не считали себя русскими, т.е. великороссами; в свою очередь и жители московских областей да и само правительство смотрели на них, как на особую народность, хотя и родственную с ними по вере и языку. Вот почему сношения верховного правительства с казаками в XVI и XVII веках происходили через посольский приказ, т.е. по-современному — через министерство иностранных дел, через которое вообще сносятся с другими государствами. Казацких послов или, как их

[219] Отписка казаков царю 30 марта 1632 г. Московск. Глав. Архив Мин. юстиции. Разрядный приказ. Белогородский стол, столбец № 39.

тогда называли, «зимовые станицы» в Москве принимали с такою же пышностью и торжественностью, как и иностранные посольства; об этом нам подробно говорит русский публицист XVII в., современник царя Алексея Михайловича — Григорий Котошихин.

О службе донских казаков этот писатель говорит так:

«...и тех донских казаков на Дону емлют для промысла воинского, посылают в подъезды, подсматривать и неприятельские сторожи скрадывать; и дается им жалованье, что и другим казакам. А буде их, казаков, на Дону с 20 000 человек, ученены для оберегания понизовых городов от приходу турских, и татарских, и ногайских людей и калмыков. И дана им на Дону жить воля, начальных людей меж себя, атаманов и иных, избирают и судятся во всяких делах по своей воле, а не по царскому указу, а если б им воли своей не было и они бы на Дону служить и послушны быть не учали и только б не они, донские казаки, — не укрепились бы и не были б в подданстве давно за московским царем Казанское и Астраханское царства, с городами и с землями, во владетельстве»[220].

Глава III
Донские казаки служат грозному царю

Казаки Терские и Гребенские. Атаман Ермак

По летописным сказаниям второй половины XVI в. казаки принимали весьма деятельное участие во всех войнах, которые вела Москва с своими соседями: казанцами, астраханцами, крымцами, Польшей и Ливонией. Цитируя эти летописи, многие русские историки нарочито замалчивают, а другие просто, по неведению, не говорят, какие именно казаки участвовали в той или другой войне. Карамзин отмечает, что при взятии Казани «Государь велел сделать подкоп от каменной Даировой бани, занятой нашими казаками». Далее: «Иоанн распорядился сделать при-

[220] Котошихин, СПб., 1840, гл. IX, стр. 107.

ступ: велел быть впереди атаманам с казаками»...[221] То же говорит и Соловьев: «Стрельцы и казаки, закопавшись во рвах перед турами, не давали казанцам входить на стены, снимая их оттуда меткими выстрелами»[222]. О каких казаках тут идет речь, эти историки умалчивают. То же делают и другие. Из отписки казаков царю 1632 г. и грамоты Иоанна Грозного донским казакам 1552 г. за их великую службу мы знаем, что при покорении Казани были и донские казаки, ходившие туда с атаманом Сусаром Федоровым и многими другими[223]. Приказ о приступе был дан 1 октября; на рассвете 2-го октября были взорваны стены, и Казань пала. Грамота о пожаловании казакам реки Дона, т.е. о закреплении за ними на вечные времена фактически уже занятой ими реки, всегда читалась в казачьем кругу 1 октября, в день Покрова Пресвятыя Богородицы, как и последующие жалованные царями грамоты. Следовательно, день Покрова был долго памятен на Дону, как день великого подвига, совершенного казаками для России при взятии Казани.

Из приведенной отписки мы видим, что под Казань ходили казаки и с Дона, и с Волги, и с Терека и с Яика (Урала). Следовательно, и Урал, и Терек к половине XVI в. были уже заняты казаками. Первые поселения казаков на Урале относятся к концу XIV и началу XV вв., занятие же устьев Терека следует отнести к концу первой половины XVI в., т.е. ко времени, предшествовавшему покорению Казани, а окончательное утверждение после покорения Астрахани, т.е. во второй половине XVI в.

К 80-м годам того же столетия следует отнести переселение некоторой части донских казаков за средний Терек. Поселенцы эти стали именоваться казаками *Гребенскими*. Многие наши историки и этнографы говорят, что название *гребенские* произошло будто бы от гребней, т.е. предгорий Кавказских гор. Но разве мало на Руси разных холмов, гор и предгорий, чтобы случайные пришельцы, поселившиеся среди них, стали именовать себя от такого ничтожного обстоятельства? В языке кавказских горцев, кабардинцев, кумык, лезгин и чеченцев, в соседстве которых поселились казаки, нет слова *гребни*, сами же Гребенцы, первое

---

[221] Тома VIII и IV.

[222] Истор. России, т. VI, стр. 88, 89 и 90.

[223] О пожаловании Грозным царем донским казакам грамоты на владение р. Доном говорит и В.Д. Сухоруков в 1821—1827 гг., добавляя, что грамота эта была отобрана Петром I в 1695 г. Рукопись Сухорукова хранится в библиотеке Донского музея.

поселение которых некоторые историки относят к ущелью р. Акташе, в соседстве с Чечней, а другие (Ригельман) к самой Кабарде, не могли назвать себя этим случайным именем. Слово *гребень* есть чисто казацкое, означающее высшую линию водораздела двух речек или балок. На Дону очень много таких водоразделов, и все они называются гребнями. На Кавказе же еще больше, и многие из них, собственно в Терской области, носят такие же названия. От какого же гребня выселенцы с Дона стали именовать себя *Гребенцами?* Вывод невероятный. Поищем другое объяснение. Мы говорили, что на Дону в XVI ст. был городок Гребни и что казаки этого городка и Сиротина, во время нашествия на Россию Мамая, оказали помощь Дмитрию Донскому и накануне Куликовской битвы, бывшей 8 сентября 1380 г., поднесли ему икону-хоругвь Донской Богородицы и образ Богородицы Гребневской. Следовательно, в то еще время на Дону жили казаки Гребенские, в городке Гребни. Где этот городок был — вопрос спорный. Рязанский митрополит Стефан в 1712 г. в сказании о Гребневской иконе Божией Матери говорит, что городок этот был на устье р. Чира. Наши археологи утверждают, что в том месте никаких следов древних городищ нет. Правда ли это? Ведь все древние казачьи городки селились на островах Дона, и следы многих из них снесены водой или занесены песком и илом. Другие доказывают, что городок Гребни был на Донце, под древними Гребенными горами, против устьев р. Калитвы. И это вероятно. Третьи указывают, что древний гор. Раздоры, при впадении Донца в Дон, на острове, раньше назывался Гребни или городок за Гребнями. Могло быть и так. Ведь Раздорами он мог быть назван уже после того, как в нем произошли раздоры разных казачьих партий, несогласия между собою и борьба кошевых атаманов. Каких же именно? Донские сторожилы, хранители казацких преданий, положительно утверждают, что *Дон начался при устьях Донца,* т.е. в том месте, где был древний городок Раздоры. Слово *начался* надо понимать в смысле «закрепился», т.е. казаки там прочно осели станом. Далее: *атаман Ермак заселял Дон... он шел вверх по Дону... кто ему покорялся, того он миловал, а кто супротивничал, того казнил.* Предание это, упорно повторяемое на всем протяжении Дона от Раздор до Переволоки, ясно указывает на тогдашнее положение дел на Дону. Кого мог преследовать Ермак, идя вверх по Дону? Очевидно, другого атамана. Болтин, а потом Дебу и Татищев утверждают, что во второй половине XVI в. атаман Андрей (по Татищеву — Андрей

Шадра) с 300 казаков ушел с Дона в Кумыцкие владения, за Терек, и при устьях р. Акташе основал городок, носивший название Андреев[224].

Поселенцы эти называли себя Гребенскими казаками, каковое название они принесли с собою с прежнего своего местожительства. К древним станам гребенцов относятся также станицы Щедринская, от атамана Андрея Шадры, Червленая и др.[225]

Что же заставило донского атамана Андрея Шадру, участника покорения Астрахани, с 300 казаками покинуть родной Дон и уйти в предгорья Кавказа, в далекий неприветливый край, в соседство враждебных, полудиких горских племен? Нелады, раздоры с другими атаманами. Ермак появился на Волге именно в то время, когда Шадра ушел за Терек. У Ермака вышли раздоры с Андреем. Партия его была сильней, и он гнал Андрея вверх по Дону до нынешней Ногавской станицы, где Дон делает поворот с северо-восточного направления на запад. Путь Андрея лежал по глухой степи через Сал, Маныч, Куму и Терек. На след такого направления указывают и существующие до сих пор в ногайской степи так называемые Андреевы курганы, по-ногайски Андрей-Тюбе[226]. Почему курганы эти названы по имени атамана Андрея? Разве мало он на своем пути встречал разных холмов и курганов? Расположение самих курганов показывает, что там была битва, а путь, на котором они находятся, идет от нынешней Ногавской станицы на Куму. Следовательно, Андрей, проиграв в степи последнее сражение, ушел за Терек. Много данных говорит за то, что победитель Андрея был другой донской атаман — Ермак. Усиленный новыми партиями казаков, он пошел на Волгу. Это было в то время делом

---

[224] Описание Кавказской линии. Дебу, стр. 90.

История Российская. Н. Татищев. М., 1769, кн. I, ч. 2, стр. 363. Акты Археогр. Ком., т. IV, стр. 330.

При раскопках на месте старого запустелого Андреевского города в 30 годах прошлого столетия найдено много серебряных крестиков, ясно показывающих, что там когда-то жили христиане.

[225] И. Попко в своей книге «Терское войско с стародавних времен. — Гребенское войско». (СПб., 1880, стр. 18) без всякого основания, с сомнительной подтасовкой исторических документов говорит, что будто бы Гребенцы переселились за Терек с Червленого яра, Рязанского княжества. Его, видимо, на такой вывод натолкнуло название древней гребенской станицы именем Червленой. Но автор этого исторического очерка не знал, что на Дону чуть ли не в каждой станице имеются урочища с этим названием и много хуторов. Название червленый или по местному выговору — черленый издревле знакомо донским казакам.

[226] Гребенцы. Историческое исследование И.В. Бентковского. 2-е изд. М., 1889 .

обыкновенным. Донские и волжские казаки составляли одно войско и часто переходили с одной реки на другую. О несогласиях Ермака с другими донскими атаманами говорит и А. Попов в своей истории о войске Донском, изданной в 1814—1818 гг., добавляя, что Ермак по поручению войска охранял границу со стороны Астрахани и нередко ходил на Каспийское море, разбивал персидские торговые и посольские суда, шедшие вверх по Волге, на что Грозный царь сильно гневался, так как очень дорожил торговыми сношениями с Персией и Бухарой.

Сказание это подтверждается многими историческими актами и сохранившимися на Дону древними казацкими былинами-песнями, собранными А. Пивоваровым и издан. в Новочеркасске в 1885 г. Донские казаки ходили под Казань на помощь Грозному царю и покорили Астрахань *и если б только не они,* говорит Котошихин, *то не были б давно в подданстве за московским царем Казанское и Астраханское царства с городами и землями* (см. сноску 220). Из отписки 1632 г. видно, что казаки ходили под Казань с атаманом Сусаром Федоровым и многими другими. Старинные казачьи былины-песни говорят, что в числе этих атаманов был и Ермак, сын Тимофея. Песни эти заслуживают тем большего доверия, что все передаваемые в них события не противоречат в подробностях историческим свидетельствам. Песни эти следующие:

Ермак на турецкой границе в устьях Дона

(Цифры в скобках показывают № песен в сборнике А. Пивоварова)

(12)

Как у нас было на Тихом Дону Ивановиче,
Живут, слывут люди вольные, казаки Донские;
Как поставили казаки крепосцу,
Как и крепосцу они новую;
По углам ее стоят башенки,
Как на тех было башенках,
Да и сверх на маковках
Караулы поставлены, часовые расставлены.
Не задолгим помешкавшись; пищать — турка вдарила;
Через два часа помешкавши, еще одна прогрянула;

Через три часа помешкавши, с караула казак бежит,
Он бежит — спотыкается, говорит — захлебается:
Ой ты, батюшка, ты донской атаманушка,
Ермак сын Тимофеевич!
Как у нас было на море
Не черным зачернелося, не белым забелелося,
Зачернелись на море карабли турецкие...

(10)

На усть Дона Тихаго,
По край моря синяго
Построилась башенка,
Башенка высокая;
На этой на башенке,
На самой на маковке
Стоял часовой казак:
Он стоял да умаялся.
Не долго не мешкавши
Бежит — спотыкается
Говорит — захлебается;
«Кормилец наш, батюшка,
Ермак Тимофеевич!
Как у нас то на море
Несчастье случилося —
Мечеть зачернелася».
«Это зачернелися
Карабли турецкие.
Садитесь, ребятушки,
На легкия лодочки,
Берите, ребятушки,
Бабайки сосновые,
Поедем, ребятушки,
В море поотведаем:
Что там за диковинка?»

По другому варианту:

(11)

«Вы садитесь в легки лодочки,
На носу ставьте по пушечке,
По пушечке медненькой,
Разбивайте карабли басурманские,

Мы достанем много золота
И турецкаго оружия».

По третьему варианту Ермак говорит:

(12)

«Догоняйте вы карабли турецкие,
Вы снимайте с турок головы забритые,
Забирайте вы невольничков,
Провожайте их на святую Русь».

Ермак на астраханской и ногайской границах, на Волге, Каспийском море и под Казанью

(13)

Пойдемте мы, братцы, на Куму-реку,
На Куме-реке зимовать будем,
Мы поделаем балаганы камышовые,
Разъезды будем иметь дальние
До того-то местечка до урочнаго,
До того-то кургана до высокого...
Не буря шумит и не гром гремит, —
От царя к Ермаку посол бежит,
Подает он указы государевы.
Принимал Ермак указы
Сам вычитывал,
Прочитавши указы, речь возговорил:
«Я тебя, посланничка, не слушаю,
А я сам к царю на ответ пойду...»
Тут стал государь его спрашивать:
«Не ты ли Ермак сын Тимофеевич?
Не ты ли воровской донской атаманушка?[227]

---

[227] В то время, т.е. в XVI и XVII вв. слова *воровать* и *воровской* означали *ослушный*. В грамоте от 16 ноября 1582 г. Строгоновым Иван Грозный писал: от тебя из острогов Ермак с товарищи пошли воевать Вогулич, а Перми ничем не пособили, и то все сталося вашим *воровством* (ослушанием) и изменою... В п. 69, 21 гл. Уложения царя Алексея Михайловича говорится: «А буде убойца учнет говорити с пытки, что убил не умышлением в драке пьяным делом, и того убойцу, бив кнутом, дати на чистую поруку с записью, что ему впредь так не *воровать*», т.е. не преступать или не ослушиваться закона. За воровских казаков на Дону и на Волге слыли те, которые не подчинялись ни Главному Войску, ни Москве.

Другое значение имело в то время, чем теперь, и слово *холопи* — служилый, военный народ. Холопство — служба.

Не ты ли гулял там по синю мо́рю?
Не ты ли разбивал мои караблики?
Тут ответ держал добрый молод:
То-то я то Ермак сын Тимофеевич,
То-то я то казачий атаманушка,
То-то я то гулял по синю морю,
То-то я то разбивал караблики,
Но кораблики были не орленые (без царского герба),
Не орленые были, не тавреные,
Не платили государю дани — пошлины...
Царь, прощая ослушание Ермаку, говорит:
Сослужи ты, Ермак, мне службу верную, —
Возьми ты, Ермак, мне Казань город».

По другим вариантам:

(15)

Тут ответ держал добрый молодец:
«Ты — надежда наш, православный царь!
Ах не воры мы, не разбойнички,
Мы морские лишь все охотнички,
Разбивали мы там бусы-караблики...
Отслужу я тебе службу верную:
Ты позволь мне, царь, Казань город взять...»
Государь взговорит, как в трубу вструбит:
«Хорошо ты, Ермак, на суду стоял,
Хорошо пред царем ты ответ держал,
Но ой ты, удалой добрый молодец,
Ты Ермак сын Тимофеевич!
Ты скажи, как мне Казань город взять?»
«Ты — надежда наш, православный царь!
Прикажи мне итти с донскими казаками охотничками...
Если рыть подкопы под Казань город,
Закатить боченки зелья лютаго...
Поставлю тебе две свечи воску яраго
И поставлю часового своего надежнаго,
Донского казака, есаулушку любимаго, —
Ты узнаешь, как в Казань город войтить,
Как догорят две свечи воску яраго».
Скликает Ермак Тимофеевич донских казаков:
«Ой вы, донские казаки-охотнички,
Вы донские, гребенские сы яицкими!..

Гряньте, погряньте вверх по Волге реке
В тот славный Казань город...»
На белой заре на утренней
Воску яраго свечи догорают,
Глубокие подкопы разрываются,
Стены каменные разваливаются...

Казань взята. Государь призывает Ермака и говорит:

«Ой ты удалой мой добрый молодец,
Ермак сын Тимофеевич!
Чем ты хочешь, тем буду жаловать,
Селами или подселками,
Или великими городами — поместьями?»[228]

Ермак отвечает:

«Батюшка надежда, свет великий Государь!
Не жалуй ты меня городами, подселками
И большими поместьями, —
Пожалуй ты нам батюшку Тихий Дон
Со вершины до низу, со всеми реками-потоками,
Со всеми лугами зелеными
И с теми лесами темными[229].

(14)

«Как проходит, братцы, лето теплое,
Настает, братцы, зима холодная
И где-то мы, братцы, зимовать будем?
На Яик нам пойтить — переход велик,
А на Волгу пойтить — нам ворами слыть,
Нам ворами слыть, быть половленным,
По разным по тюрьмам поразсоженным,
А мне, Ермаку, быть повешену.
Как вы думайте, братцы, да подумайте
И меня, Ермака, вы послушайте!»

---

[228] Историк Соловьев говорит (т. VI, стр. 97), что по взятии Казани Иван Грозный щедро наградил своих сподвижников; что кроме вотчин, поместий и кормлений, роздано было 48 000 руб.

[229] Собиратель донских песен А.Н. Пивоваров говорит, что былина эта о взятии Ермаком Казани и о пожаловании казакам Грозным царем Дона доставлена ему известным донским поэтом А.А. Леоновым, умершим в 70-х годах прошлого столетия. Это была очень старинная рукопись с пометкой, что песня эта записана со слов казаков Багаевской станицы Цыганкова и Фарапонова.

Ермак говорит, как в трубу трубит:
«Пойдемте мы, братцы, под Казань город!
Под тем ли под городом сам Царь стоит,
Грозный Царь Иван Васильевич.
Он стоит, братцы, ровно три года
И не может он, братцы, Казань город взять.
Мы пойдемте, братцы, ему поклонимся
И под власть его ему покоримся!»
Как пришел Ермак к Царю, на колена стал,
Как возговорит Царь Ермаку казаку:
«Не ты ли, Ермак, воровской атаманушка?
Не ты ли разбивал бусы карабли мои военные?»
«Я разбивал, Государь, бусы карабли,
Бусы карабли не орленые, не клейменые!
Отслужу я тебе, Государь, службу важную:
Ты позволь мне, Царь, Казань город взять.
А возьму я Казань ровно в три часа.
Да и чем меня будешь жаловать?»
Как надел Ермак сумку старческую,
Платье ветхое, все истасканное
И пошел Ермак в Казань за милостынью
Побираться, христарадничать,
Заприметил там Ермак пороховую казну
И с тем вернулся он к товарищам.
«Ой вы, братцы мои, атаманы молодцы!
Да копайте вы ров под пороховую казну!»
Скоро вырыли глубокий ров Донские казаки.
Как поставил там Ермак свечу воску яраго
Во боченок ли поставил полный с порохом,
А другую он поставил, где с Царем сидел.
И сказал Ермак Царю Грозному:
«Догорит свеча — я Казань возьму!»
Догорела свеча — в Казани поднялося облако!
Как крикнет Ермак Донским казакам,
Донским казакам, Гребенским и Яиковским:
«Ой вы, братцы мои, атаманы молодцы!
Вы бегите в город Казань скорехонько,
Вы гоните из города вон всех басурман,
Не берите вы в полон ни одной души:
Плен Донским казакам ведь не надобен!»

Итак, по старинным казачьим былинам, Ермак участвовал, в числе других атаманов, в покорении Казани. Былины эти нисколько не противоречат как летописным сказаниям, приведенным историками Карамзиным и Соловьевым, так и бытовым условиям казачьей жизни на Дону, а потому эти былинные сказания мы можем принять вполне за достоверные. Постоянно сталкиваясь с турками, а раньше того с греками, генуэзцами и венецианцами, казаки рано научились владеть огнестрельным оружием, строить укрепления, осаждать и взрывать последние. В Ливонской и Польской войнах, которые вел Иван IV, казаки упоминаются при взятии каждой крепости; приступ, подкоп, взрыв — дело казаков. Летопись называет подкоп под стены Казани «немецким размыслом», т.е. иностранным способом брать город. И казаки в совершенстве владели этим способом. Хотя московские летописи в событиях о покорении Казани ни слова не говорят об Ермаке, но ведь мы выше видели, что они ни словом не обмолвились и об именах других атаманов, даже не упоминают и о донских казаках, а просто говорят: «были казаки, делали подкопы, стреляли» и только. Самое событие взятия Казани было очень важно для Москвы, а что там окраины приходили на помощь, то это была вещь обыкновенная, в порядке вещей. Главный герой этого события был Грозный царь, а за ним его князья и бояре, а не какие-то там донские атаманы-охотники, не подчинявшиеся его приказу и жившие где-то за рубежом государства, «выбирая меж себя начальных людей, атаманов и иных, и чиня управу во всяких делах по своей воле, а не по царскому указу». Для московских летописцев атаманы-охотники было явление второстепенное, не стоящее упоминания; притом Ермак в то время был атаман самый обыкновенный, каких в то время было много на Дону, в каждом стане или коше. Некоторые историки сомневаются в том, что Ермак едва ли мог участвовать в покорении Казани, т. к. в 1552 г. он, по их мнению, был очень молод. Что ж из этого? Пусть ему в то время было 25—30 лет, а при покорении Сибири в 1582 г. 55—60. Удивительного тут ничего нет. В атаманы казаки выбирали не по летам, а по природной храбрости и уму, т.е. по выдающимся качествам.

Теперь нам остается решить вопрос: кто был Ермак? Природный ли донской казак или беглый из Московского государства, как думают многие.

Сибирская летопись говорит, что дед Ермака был города Суздаля посадский человек и жил в великой скудости; его звали Афанасий, Григорьев сын, по прозванию Оленин.

По другим сказаниям, Ермак происходил из города Юрьева-Повольского и имя его было Василий и проч. Но все это фабрикация позднейших веков, ничего общего с историческими актами не имеющая.

Известный исследователь Западной Руси, проф. русской истории Петерб. Духов. Академии, Мих. Осип. Коялович (ум. в 1891 г.) опубликовал в 1867 г. «Дневник Стефана Батория», литовско-польского короля, в котором привел полным текстом письмо пана Стравинского из Могилева на имя короля, бывшего в то время в войне с Москвой[230]. Стравинский писал:

«Доводим до сведения В. Кор. Велич... что московские люди, враги В. Кор. Вел., вторгнувшись в государство В. Кор. Вел. и все, начиная от Дубровны, предавая огню и опустошению, пришли под город В. К. В. Могилев во вторник 27 июня (1681 г.), в третий час дня, сожгли предместье, за дубровной Лучкова также сожгли 6 домов; в посаде над Днепром, который называют слободой, тоже сожгли до 100 домов. Начальствовали над этими людьми воеводы: (перечисляет) Кайтеров (Котырев), Хворостинин, Батурлин... четырнадцатый Василий Янов, воевода донских казаков, 15-й Ермак Тимофеевич, отоман казацкий... с ними было людей: татар, т.е. темниковских, кадомских, касимовских, свияжских и чебоксарских, также москвитян 45 000 стрельцов, с Дону и московских (казаков) 1000 на конях, которые целый день во вторник, нападая со всей силой, старались прорваться к городскому укреплению, желая зажечь острог, от чего мы их с Божией помощью удерживали огнем из замка и из острога (укрепления) и не допускали до этого... и в тот же день, во вторник, при заходе солнца поспешно удалились от города к деревне В. К. В. Баторке в полутора милях от города, лежащей на берегу Днепра, а там наскоро пришедши к Днепру, тотчас же, сделав для главных воевод несколько плотов, сами все пошли вплавь и в ту же ночь, со вторника на среду, все переправились чрез Днепр и в час уже дня распустили людей в окрестности и начали жечь деревни, направляясь к Радомлю и Мстиславлю, замкам В. Кор. Вел...»

Это письмо, а также и другие донесения, опубликованные в «Дневнике», рельефно рисуют нам план войны Москвы с

[230] Дневник последнего похода Стефана Батория на Россию и дипломатическая переписка того времени, относящаяся главным образом к заключению Запольского мира (1581—1582 гг.), стр. 252—254, № 51 и стр. 766.

Польшей. Московские стратеги, чтобы отвлечь польские войска от главных русских сил, послали в налет легкую казачью конницу вместе с татарами на литовские города и села за Днепром. Предводителями этих отрядов были донские атаманы Янов и Ермак Тимофеевич. Эта легкая конница ураганом пронеслась за Днепром, сожгла и разорила до 2000 сел и деревень и захватила в плен много «свободной шляхты» и трех рыцарей: Гульского, Збиковского и Куроеда. Иван IV в то время находился в Стариде и зорко следил за операциями казаков[231].

Сведения, приведенные в означенных письмах и вообще в «Дневнике», тождественны с разрядными книгами, за исключением нескольких неточно указанных в письме Стравинского фамилий московских военноначальников, как то: Кайтеров вместо Котырев, Батуркин вместо Батурлин, Волковский вместо Волконский и др. Но эти фонетические неточности нисколько не изменяют сути дела. Нам важно то, что донские казаки с своим атаманом Ермаком Тимофеевичем в июне месяце 1581 г. ходили помогать русскому царю в борьбе его с Стефаном Баторием, как и раньше того те же казаки ходили с атаманами Сусаром и другими под Казань «царю московскому послужить и за Дом Пресвятыя Богородицы постоять». Недаром на казачьем стяге красовалась надпись: «Белый Царь и православная вера». Побуждения были как в том, так и другом походе одни и те же.

Хотя в статейные списки московских военноначальников атаманы казацких полков Яков и Ермак не внесены, но это показывает лишь то, что в то время на Руси казаков и их предводителей считали не за московских людей, а за случайных союзников, пришедших помогать своим единоверцам.

Казацкие атаманы, ходившие под Казань с Дону, Яика и Терека, тоже не названы в московских летописях, но из отписки казаков 1632 г., копия с которой хранится в библиотеке Донского музея, мы знаем, что главное предводительство над всеми казацкими полками было вручено донскому атаману Сусару Федорову. В числе атаманов этих дружин, особенно отличавшихся умом и хитростью, старинные донские былины называют Ермака Тимофеевича. И если бы не пожар 1744 г., во время которого сгорел весь г. Черкасск, старое гнездо донского казачества, а также и весь войсковой архив, где хранились ценные казацкие летописи, то мы бы теперь могли назвать имена и всех остальных

[231] Там же. Письмо Головчинского 30 июня 1581 г. № 50, стр. 251—252. Письмо Петровского, стр. 38. Карамзин, т. IX, прим. 553.

атаманов казачества той эпохи и более подробно описать их геройские подвиги, способствовавшие к расширению и объединению великой России и закреплению ее окраин.

Итак, Ермак Тимофеевич летом 1581 г. служил Грозному царю на литовской границе. Он предводительствовал донскими и московскими казаками (Письмо Стравинского). Следовательно, был хорошо известен Ивану IV[232]. Иначе кто же бы мог вверить ему часть донской и московской иррегулярной кавалерии. Все это делалось с ведома царя, зорко следившего за ходом событий.

После этого похода казаки с Ермаком, как это обыкновенно делалось всегда, вернулись на Дон. К этому-то времени, а именно к 1582 г., нужно отнести и столкновение его с другим донским атаманом Андреем Шадрой, последствием чего было выселение с Дона, о чем мы говорили выше, 300 казаков из городка Гребни за Терек. На Волге перед этим господствовали казацкие атаманы Иван Кольцо, Богдан Барбоша, Никита Пан и др. Первые два навлекли на себя царскую опалу за нападение и ограбление на волжском перевозе близ Соснового острова ногайских послов и боярского сына Василия Перепелицына. Царь приказал переловить их и казнить, о чем послал грамоты в Казань, Астрахань и во все украинные города[233].

Казаки ушли с Волги на Каспийское море и Яик, напали на столицу своих старых врагов ногайцев Сарайчик, разрушили ее до основания и всех людей пересекли; даже разрывали могилы и уничтожали гробы мусульман[234]. Но судьба готовила им другой жребий. На Волгу явился с донскими казаками Ермак и увлек их на более благородный подвиг, чем мелкие ссоры и нападения на ногайские улусы, уже к тому времени жившие спокойно и признававшие протекторат Москвы.

В 1882 г. Ермак явился на р. Чусовой у богатых владельцев Приуральского края, купцов Строгоновых. С ним были и названные выше волжские атаманы: Кольцо, Барбоша, Пан, Матвей Мещеряк, Яков Михайлов и др. Строгоновская летопись, составленная, как известно, около 1600 г., поход Ермака в Сибирь приписывает инициативе купцов Строгоновых. Это так естественно. Пораженные колоссальными успехами Ермака и желая угодить Грозному царю, наложившему на них за этот

[232] Н.В. Шляков. Ермак Тимофеевич летом 1581 г., стр. 9, прим. 2 стр. 10.

[233] Дела Ногайские, кн. 10, л. 258—261 — наказ Петру Федорову.

[234] Там же, лист 140. Распросные речи татарина Байкеша.

поход, как увидим ниже, опалу, по наветам пермского воеводы Пелепелицына, а также желая получить от него еще больших льгот, Строгоновы приписали всю государственную заслугу Ермака только себе, своему уму, своей дальновидности и административной деятельности по устройству восточного края России. Они не обманулись. Представив в таком виде поход Ермака царю Ивану, Строгоновы за их службу и радение были пожалованы: Семен двумя местечками Большою и Малою Солью, а Максим и Никита правом торговать во всех своих городках беспошлинно.

Другие летописи, в том числе и Саввы Есипова, сподвижника Ермака, а также и комментаторы этих летописей Фишер и Миллер положительно отвергают инициативу Строгоновых в покорении Сибири[235].

По Строгоновской и Сибирской летописям поход Ермака в Сибирь был предпринят в 1581 г. Это неверно. Мы имеем под руками неопровержимый исторический документ — это грамота Ивана Грозного Строгоновым, Максиму Яковлеву и Миките Григорьеву, на Чусовую, от 16 ноября 1582 г.[236]

В грамоте этой Грозный говорит:

«Писал к нам из Перми Пелепелицын, что послали вы из острогов своих волских атаманов и казаков, Ермака с товарищи, воевати Вотяки, и Вогуличи, и Пелынския и Сибирския места, сентября в 1-й день; а в тот же день, собрався, Пелынской князь, с сибирскими людьми и с Вогуличи, приходил войною на наши пермския места, и к городу к Чердыни, к острогу приступал, и наших людей побили и многие убытки нашим людям починили. И то сделалось вашею изменою... волских атаманов к себе призвав, воров, наняли в свои остроги без нашего указу, а те атаманы и казаки преж того ссорили нас с нагайскою ордою, послов нагайских на Волге на перевозах побивали и ордобазарцев грабили и побивали... и им было вины свои покрыти тем, что было нашу Пермьскую землю оберегать, а они сделали с вами вместе потому-ж, как на Волге чинили и ворова-

[235] Летопись Саввы Есипова состоит из 37 глав и доведена до 1621 г., она окончена в 1636 г., когда автору было уже 80 л. Эта летопись признана всеми, даже и Карамзиным, за самую древнюю и более достоверную, хотя сам Карамзин держался более летописи Строгоновской, как более его умозрению соответствующей.

[236] Акты, относящиеся к истории Войска Донского, собранные г. м. А.А. Лишиным, т. I, стр. 2 и 3. Изд. Об. Пр. в. Дон. Новочер., 1891.

ли; а Перми ничем не пособили, и то все сталося вашим воровством (ослушанием) и изменою... не вышлите из острогов своих в Пермь волжских казаков, атамана Ермака Тимофеева с товарищи, а учнете их держати у себя... и нам в том на вас опала своя положена большая...»

Следовательно, в то время, как Ермак двинулся из Строгоновских острогов за Урал, пелымский князь напал на Пермский и Чердынский край. Строгоновы не дали помощи пермскому воеводе Пелепелицину: тот немедленно донес о том царю. Царь послал ослушникам опальную грамоту, в которой, между прочим, и грозил, и просил Строгоновых помочь Перми от набега хищников, так как считался с их силой и могуществом в Приуральском крае. Все это совершилось в два-три месяца, не более, а не в течение года и трех месяцев, как думал Карамзин и другие наши историки. Донесения Грозному царю о набегах на окраины посылались немедленно и указы его приводились в исполнение скоро.

Следовательно, Ермак предпринял поход в Сибирь осенью 1582 г., а перед этим, в 1581 г., он был с донскими казаками на Днепре у Могилева, на службе у Грозного царя, в войне его с Стефаном Баторием.

Грозный царь в грамоте упрекает Строгоновых за то, что они не послали Ермака с казаками и волжских атаманов-ослушников, ссоривших его с ногайцами (Кольцо, Пана, Барбошу и др.) на помощь Пелепелицину в Пермь, чтобы защитить тот край от внезапного набега пелымцев. Видимо, Иван IV не вполне был осведомлен о положении дел у Строгоновых; притом его ввел в некоторое заблуждение и кляузник Пелепелицын, недолюбливавший казаков за нападение на него на Волге, у Соснового острова. Он не знал, что не Строгоновы распоряжались Ермаком, а Ермак ими. Ермак забрал в поход с собою не только всех своих и волжских казаков, но даже и всех людей Строгоновых, все пушки и порох, проводников и съестные припасы. Строгоновы для Ермака были лишь средством для выполнения задуманного им похода, а потому все красноречивые и поэтические измышления Строгоновской летописи о встречах Ермака, молебствиях и проводах с колокольным звоном — сплошной вымысел дьяка-летописца. Ермак, чтобы дать исход широкой казацкой натуре, гулявшей по Дону и по Волге, задумал дальний поход — покорить неведомое басурманское царство за Ура-

лом. Средства для этого ему дали Строгоновы. Волей или неволей — для нас это все равно. Покорение Сибири было делом Ермака.

Савва Есипов, сподвижник Ермака, в своей летописи говорит так: «Избра Бог не от славных муж, *не от царскаго веления воевод*, а вооружи славою и ратоборством атамана Ермака, Тимофеева сына, и с ним 540 человек».

540 человек — это казаков с Дона и Волги. Всего же у Ермака было войска с строгоновскими людьми от 6 до 7 тысяч. Кто же был Ермак и его сподвижники? Строгоновская летопись, а за нею и Карамзин, называют Ермака и его сподвижников то волжскими атаманами, то донскими казаками, что в сущности одно и то же, т. к. донские казаки всегда переходили с Дона на Волгу и обратно[237]. То же говорит и Есиповская летопись. Кажется, ясней чего не может быть: донские атаманы, донские казаки. Что еще нужно? Мало. Карамзин, со слов летописи, добавляет еще: «Испытав (Строгоновы) бодрость, мужество и верность казаков; узнав разум, великую отвагу, решительность их главнаго вождя Ермака Тимофеевича, *родом неизвестнаго*, душою знаменитаго...» Как можно говорить *родом неизвестнаго* после всего того, что нами сказано о происхождении донских казаков, их жизни на Дону и службе русским царям?

Неужели для выяснения родословия героев казачества XVI в. необходимо указывать стан или кош, где кто родился, именовать его отца и мать, церковь или часовню, в которой этот герой крестился, и проч. Это невозможно. Казаки на Дону родились, крестились, вырастали, учились воинским упражнениям, становились в ряды борцов за свободу родины и веры, умирали геройской смертью в битвах со врагом или погибали в тяжкой неволе у басурман. Метрических книг в XVI—XVII вв. не вели и даже не имели писцовых книг своих станов и городков. Все были равны, все были герои. И если кто из них выделялся из среды товарищей своим умом и недюжинными воинскими способностями, то его выбирали атаманом кошевым, походным и вообще предводителем во время набегов и морских экспедиций. О нем лишь говорили, что он казак, донской атаман и все мы — атаманы-молодцы. И только. Все принадлежали одному войску и служили одной идее. К таким атаманам принадлежал и Ермак, и Сусар Федоров, и Михаил или Мишка Черкашенин, которому

[237] Карамзин, т. IX, гл. VI.

была послана 1570 г. царская грамота для оказания содействия посланному «для своего дела» в Азов послу Ивану Новосильцеву[328]; Микита Мамин и Молчан Яковлев, которым послана на Дон грамота 17 августа 1571 г.; Смага Чершенский (грамота 1614 г.) и др.

Подробностей о родословии этих атаманов мы не знаем, т. к. никаких родословных книг на Дону никто не вел, как не знаем мы и родословия атамана Ермака. Все они были природные донские казаки. Для нас это довольно. На Дону, Урале, Тереке и в Сибири никто никогда в течение прошедших веков не сомневался в донском происхождении покорителя царства Кучума.

В грамоте Михаила Федоровича от 24-го февраля 1623 г. тюменским воеводам о назначении сподвижника Ермака Гаврилы Иванова тюменским атаманом говорится: «служил де он (Иванов)... в Сибири сорок два года, а прежде того он служил нам на Поле (на Дону) 20 лет у Ермака в станице (отряде) и с иными атаманами»[239].

В челобитной другой сподвижник Ермака Гаврила Ильин писал царю Михаилу Феодоровичу, что *до похода в Сибирь он двадцать лет служил с Ермаком в Поле и 50 лет в Сибири*[240].

Эти важные исторические документы ясно свидетельствуют, что атаман Ермак и его сподвижники были донские казаки и до похода в Сибирь служили на Поле, каковым именем в то время называлась вся степная полоса по Дону от Волги до Днепра.

Опросы первого архиепископа г. Тобольска Киприана 1621—22 гг. (спустя 37—38 лет после смерти Ермака) оставшихся в живых казаков об убитых воинах Ермака, для занесения в синодик на вечное поминовение в неделю православия, также установили, что Ермак и его сподвижники были донские казаки. Имя «Ермак» так и занесено в синодик, а не как-либо иначе. Право-

---

[238] Акты Лишина, т. I, стр. 1 и 2, № 1 и 2. Стан атамана Мишки Черкашенина был расположен в Черкасских горах, где теперь Мишкин хутор Новочеркасской станицы, сохранивший до сего времени это название.

Михаил Черкашенин 1581 г. с 26 авг. отсиживался с казаками во Пскове около 20 недель и взорвал Свинузскую башню, занятую поляками. Отписка 1632 г.

[239] Акты и грамоты, собранные в Сибирской Истории Миллером Г.Ф., вып. IV, § 94. Сказания и догадки о христианском имени Ермака Е.В. Кузнецова, Тобольск, 1891, стр. 30.

[240] Акты Мин. юст., Сибирский приказ, столб. № 611268. Заселение Сибири и быт первых ее насельников. И.Н. Буцинский. Харьков, 1889, стр. 2, 108 и 109.

славный архиепископ занес в синодик для вечного поминовения донского казацкого атамана именем *Ермак*. Это означает, что другого имени у него не было, т.е. греческого, из святцев. На Дону крестили свои выборные, из казачьей среды, священники, о чем будем говорить ниже, и давали крещаемым свои казацкие имена, нисколько не справляясь со святцами, да у них их и не было. Эти имена древнеказацкие. Таковы: Сусар, Ермак и Ермачко, Молчан, Смага, Дружина, Замятня, Путила, Безсон, Дороня и многие другие.

Некоторые наши историки, в том числе Карамзин и Иловайский, полагают, что имя Ермак есть испорченное Герман, древнечешское — Гериман. Другие же, придающие большое значение позднейшим, но малодостоверным летописным сказаниям, высказывают мнение, что имя Ермак не собственное, а нарицательное, т.е. прозвище, происшедшее будто бы от названия тагана, на котором артель варит кашу. Собственное же его имя, по их мнению, было Василий... Оставим эти грубые заблуждения на ответственности их авторов. Ни в одном из волжских и донских говоров, а также в языке казанских и астраханских татар таган не назывался *ермаком*. На турецком языке именем Ирмак называется стремительно бьющий источник, ключ, как, напр., р. Кизил-Ирмак, в Малой Азии — Красный ключ, а в татарском языке глагол ярмак означает рассекать, разрубать, раскалывать. Но корни этих слов — *ирмак* и *ярмак* — не тюркские, а древнеарийские, от *ир* и *ер* — муж, воин. Этот же корень перенесен и в язык монгольский, в котором слово *ермэк*, произносимое на народном говоре как *ермак*, означает холостяка, чуждающегося семейной жизни, каковой образ жизни вели древние Асы, Асуры Арианы, потом геты и казаки[241].

Донское казачество в XVI в. еще не составляло из себя целого войска, каким стало оно впоследствии: оно разделялось на множество отдельных общин, каждое с своим атаманом во главе. Первые царские грамоты всегда писались *Донским атаманом и казаком*, иногда с подразделением: *старым и новым* или — *которые ныне на Дону и которые зимуют близ Азова*... Высшая власть в каждой общине принадлежала *кругу*, в котором каждый казак имел равные права с другими. В мирное время атаманы не пользовались какими-либо особыми правами, в военное же являлись предводителями с неограниченной властью. Исполнители решений *круга* или приказаний атамана во

[241] Иркутские Епархиальные Ведомости 1883 г.

время походов назывались *есаулами*, у запорожцев — *асаулами*, в южных рязанских казачьих городских *ясаулами*[242].

Из предыдущей главы мы знаем, что на *Поле* в половине XVI в. двинулись казаки запорожские, азовские, киевские черкасы, севрюки и со всех украин, и таким образом на Дону как бы получился разнородный элемент казачества, прошедший в течение предыдущих веков каждый свою историческую судьбу, но имеющий один общий корень от предков — народа *Ас*. Ввиду этого типы казаков на первый взгляд кажутся довольно разнообразны, но при тщательном наблюдении, несмотря на это разнообразие, исследователь найдет в них нечто и общее, выделяющее их из среды других народностей. Но это уже работа последующих веков — общинная жизнь, совместные походы, служение одной идее и проч. В XVI же веке разнообразие это сказывалось резче. И вот поэтому-то нам теперь предстоит решить один довольно интересный вопрос: из какого же элемента казачества вышел Ермак?

Летописцы нам говорят, что Ермак был роста среднего, широк в плечах, сложения крепкого, волосы на голове имел черные, кудреватые, бороду черную, глаза весьма быстрые, лицо широкое и пригожее, нос, судя по древнему портрету, хранящемуся в соборе г. Тобольска, с горбинкой; хорошо сносил стужу и жар, голод и жажду, бессонные ночи, тяжелую работу и проч. Он имел бодрый и затейливый (изобретательный) дух, который не давал ему долго сидеть праздно; хитер на вымыслы и быстро приводил их в исполнение; храбр до дерзости и милосерд к побежденным. Считая себя борцом за православную веру, как и все казаки того времени, был всегда набожен, строг в соблюдении постов и обрядов веры. Строго наблюдая за нравственностью казаков и требуя от них целомудрия, Ермак перед каждой битвой или после победы всегда приказывал бывшим в его войске трем священникам и одному иеромонаху служить обедни и петь благодарственные молебны. Перед битвами его любимые слова были: *«Когда Бог нам поможет, то одолеем врага»*.

Все перечисленные выше нравственные и физические качества, образ деятельности и религиозные воззрения довольно ясно характеризуют личность Ермака, этого, по выражению Карамзи-

---

[242] Есаул, асаул и ясаул, что правильно во всех трех случаях, от Ясу — закон Чингисхана. Следовательно, ясаул — исполнитель Ясу. Ясу составили не дикие татары, а арийцы Бактрианы, бывшие чиновниками у татар. Ясу — от Ас, военное сословие в древней Ариане, в переносном смысле означающее: повелевать, приказывать.

на, *российского Пизарро, грозного для диких народов,* но *менее ужасного для человечества.* По этой характеристике Ермака нельзя причислить ни к запорожцам, ни к новгородцам — вятчанам, т. к. те и другие не особенно-то строго держались уставов и обрядностей православной церкви; причем последние, как в древнем Новгороде, так и Вятке и даже на Дону (о чем будем говорить в следующей главе), всегда старались обособиться в церковном отношении от московской митрополии, не признавали строгих греческих церковных уставов и таинства брака, смешивали языческие обряды с христианскими, венчались и разводились в казачьем кругу, меняли по добровольному соглашению жен и проч. Не мог быть Ермак и казаком рязанским или мещерским, ибо те и другие, как приписанные к пограничным московским городкам и служившие долгое время московским царям, в нравах и обычаях во многом походили на великороссов; кроме того, родословие выдающихся личностей из этого казачества могло быть легко восстановлено, между тем как об Ермаке все древние летописи, признанные за достоверные, а также и Карамзин говорят, что он был *рода неизвестного,* донской казак, как и его сподвижники. По всем перечисленным нравственным качествам Ермак был казак *азовский.* Для русских летописцев народ этот, живший долгое время под влиянием греков, а потом под властью турок, считался загадкой. Кто же мог вести родословие героев, вышедших из этого народа? Для летописцев азовский казак Ермак был рода неизвестного. Только эта исключительная среда могла выдвинуть такую высоконравственную и религиозную личность; среда, строго соблюдавшая церковный византийский устав и преклонявшаяся пред его требованиями, даже и в походной жизни.

Рассматривая приведенные выше физические качества Ермака, нельзя не прийти к тому же заключению. Азовские казаки, как потерпевшие в силу своих исторических судеб метисацию с южными народами, были большею частью брюнеты, с вьющимися волосами, среднего роста, крепкого сложения, подвижны, храбры и предприимчивы. Тип этот и теперь резко выражается в среде казачества низовых и средних станиц. Выше по Дону он почти отсутствует. Характерные признаки этого типа: средний рост, высокие ноги при коротком туловище; волосы на голове и бороде черные, волнистые, иногда курчавые; довольно часто при черных волосах на голове, усы и борода с красниной, нос тонкий, с горбинкой. Лицо продолговатое, с правильным овалом; иногда при узком подобранном подбородке у скул широкое. Глаза чер-

ные, переходящие в карие и желтые; взор строгий, пронзительный, голова средняя, круглая, с широким, иногда выпуклым тюркским лбом. Казаки этого типа составляют лихую кавалерию, известную своею подвижностью всему миру.

Сподвижник Ермака по литовско-польской войне в 1581 году донской атаман Василий Янов был известен в Москве еще в смутное время, при Дмитрии I и Василии Шуйском. В 1611 г. в октябре месяце он был послан боярами вместе с Михаилом Салтыковым к Сигизмунду III просить на московское царство польского королевича Владислава, которому как он, так и все боярство присягнули и принудили к тому большую часть народа.

Верный своему слову и присяге и видя колебание и двоедушие бояр. Янов остался в Польше на службе у Владислава[243].

Из других донских атаманов смутного времени, кроме Заруцкого, известны: Филат Межаков, Афанасий Коломна, Дружина Романов, Марко Козлов и др.

Во время битвы нижегородского ополчения с поляками под Москвой атаман Козлов упрекал воеводу Трубецкого, стоявшего в бездействии: «Для чего не помогаешь погибающим (ополчению)? Из вашей (воеводской) вражды только пагуба творится и государству, и ратным!» Казаки добровольно бросились в битву и помогли ополчению одолеть Ходкевича.

Атаман Филат Межаков, участвуя с другими атаманами на «Соборе всей Русской Земли», в котором главную силу составляли дворяне и казаки, первый подал голос за избрание на царство Михаила Феодоровича, «и все на совете стали согласны и единодушны», говорит хронограф кн. Оболенского, хранящийся в биб. Моск. Арх. Мин. Ин. Дел, № 101—128, несмотря на то, что кандидатов в цари было много. Такую решающую силу имели казаки в смутное время.

Глава IV
Новгородские повольники на Дону

Готский историк Иорнанд (VI в.) говорит, что в IV веке по Р. Х. Геты или Готы в правление своего знаменитого гетмана Эрмана, прожившего более ста лет, владели почти всей нынешней Европейской Россией, от Черного моря до Балтийского.

---

[243] Соловьев, т. II, стр. 1005 и 1153., Карамзин, т. XII, прим. 529.

В IX в. Готе или Гьте, по словам Нестора, вновь покоряют Новгородскую землю, но новгородцы в союзе с соседями прогоняют их. Готы рассеиваются по берегам Балтийского моря, но часть их остается в новгородских областях и впоследствии становится известной под названием конных «гофейских казаков» в Бежецкой пятине, ямских казаков, дерптских и других[244]. Открытые недавно древние фрески в древнем соборе и раскопки новгородских могил XI и XII вв., произведенные в 1872 и 1873 гг., по поручению Импер. Археол. общ. г-м Ивановским, ясно показали пребывание южан Гетов в Новгородской земле в названный период времени. По монетам и ценным вещам, найденным в могильниках, археологи пришли к заключению, что народ этот принадлежал к военной касте и имел торговые сношения с волжскими болгарами и с юго-востоком России[245].

С призванием князей и в особенности в жестокое правление Ярослава I, новгородская гетская вольница, теснимая с запада германцами, двинулась на северо-восток и завела свои колонии по Северной Двине, Волге, Каме и Вятке.

Еще в конце XII в. отважные новгородские «повольники» или «ушкуйники» основали на р. Вятке гор. Хлынов, переименованный впоследствии в Вятку, и оттуда предпринимали свои торговые путешествия или военные набеги вниз по Волге. В 1361 г. они проникли в столицу Золотой Орды Сарайчик, а в 1364—65 гг. — за Уральский хребет на берега р. Оби.

Предводители этих «ватаг» именовались «ватманами», а впоследствии атаманами. Основанные повольниками общины, по примеру Новгорода и Пскова, управлялись «вечем», т.е. народным «кругом», где каждый гражданин имел равный голос со всеми. После разгрома Хлынова Иваном III, 1489 г., большая часть его граждан, жаждавших свободы и независимости, ушла на Северную Двину, Каму и вниз по Волге; другая часть была расселена по московским областям.

---

[244] Писцовые книги Новгородских погостов. Договор Новгорода со Швецией 17 июля 1612 г., пун. 10. Карамзин, т. XII, гл. V. Гефейские казаки — казаки-геты или гетские, переселившиеся в Бежецкую пятину из Прибалтийских мест. Ямские казаки жили в области Ям или Ем, в южной части Поонежья. В договоре со шведами новгородцы настояли, чтобы «казакам дерптским, ямским и другим из шведских владений открыт был путь в Россию и назад, как было установлено до Борисова царствования». Следовательно, в XVI в. казацких общин в новгородских и соседних шведских областях было немало.

[245] См. ч. I. «Предки казачества», глава VI «Геты—Руссы».

Хлынов был большой торговый город, управлявшийся вечем и имевший свой вечевой колокол.

Духовенство Хлынова, избираемое вечем, было совершенно независимо как от новгородской, так и московской митрополий. Московский митрополит Геронтий, современник Ивана III, в 1471 г. писал про вятчан, что «он не знает даже, кто там духовенство». Ушедшие вверх по Каме новгородцы основали г. Елабугу среди покоренных ими вотяков; двинувшиеся же вниз по Волге могли только поселиться в таком месте, где бы они могли добывать средства к существованию, т.е. иметь торговые сношения, запасы хлеба и огнестрельные снаряды. От устья Камы до нынешнего Симбирска весь горный берег в то время был занят воинственными мордовскими племенами и черемисами; места же от Самары до Оренбурга заняты были кочующими башкирами; горный берег нынешней Саратовской губернии до Балашова занимала та же мордва, а ниже г. Саратова до Камышина, изрезанный крутыми оврагами и поросший лесами, неудобный для кочевья берег был свободен от поселений. Ниже Камышина до Астрахани кочевала Золотая Орда.

Из этого краткого обзора видно, что пространство, занимаемое ныне г. Камышином, было самое удобное и безопасное для поселения новгородцев, ушедших из Хлынова. Действительно, местность эта представляет высокое плато, ограниченное огромными оврагами в 40 саж. глубины, а потому имеет вид как бы природного городка, в котором можно было защищаться и откуда производить нападения. На запад плато это понижается, переходит в волнистую возвышенность, поросшую кустами, а прежде дремучим лесом, и вступает в Донскую область, где течет р. Иловля и где в XV в. были уже поселения и церкви, подчиненные епископу Сарайскому. Пространство между р. Иловлей и Урюпином, крайним пограничным пунктом рязанских укреплений, было раньше занято, судя по сохранившимся в архиве Саратовской Духовной Консистории антиминсам, также христианским населением. Верховье р. Иловли почти соприкасается с верховьями р. Арчеды, впадающей в Медведицу, а между Медведицей и Бузулуком есть небольшая речка Перевозинка, как бы соединяющая эти две реки. По Бузулуку, мимо нынешней Алексеевской станицы, можно попасть в р. Хопер, а оттуда Хопром вверх до Урюпина или же до р. Тишанки, скрывающейся в лесистых горных местах. Название речки Тишанки встречается еще ниже впадения реки Иловли в р. Дон; вер-

шина этой второй речки переходит в Саратовскую губернию и принимает в себя речку Лазную, узенькую, но удобную весной для перевала лодок через овраг, граничащий с р. Волгой.

Вот в этих-то местах, согласно памяти народной, выраженной в песне волжско-донской вольницы — «Как пониже-то, братцы, было города Саратова, а повыше-то было города Камышина, протекала Камышинка река»... и нужно искать первые становища хлыновцев, бежавших от порабощения московских князей. Торговые караваны давали случай этой вольнице приобретать «зипуны», а пограничные городки враждебных Москве рязанцев служили местом сбыта добычи, в обмен на которую новгородцы могли получать хлеб и порох.

Иван III, зная предприимчивый характер этой удалой вольницы, поселившейся за пределами его владений, вблизи окраин враждебного ему княжества Рязанского, зорко следил за движениями этой горсти людей, не пожелавших ему подчиниться. Чтобы предупредить сношения рязанцев с этой вольницей, Иван III напоминал своей сестре, вдовствующей рязанской княгине Агриппине, не пускать ратных людей дальше Рясской переволоки, «а ослушается кто и пойдет самодурью на Дон в *молодечество*, их бы ты, Агриппина, велела казнити».

Иван III не ошибся, придавая в своих политических соображениях большое значение новому, поселившемуся на границах Рязанской области враждебному ему элементу, так как со смертью Агриппины Рязанское княжество, по замыслам великого князя, должно быть присоединено к Москве. Присоединение это и состоялось при Василии III в 1517 г.

При движении на Дон с Днепра черкасов, белогородских и старых азовских казаков новгородцы спустились вниз по этой реке до самого Азова, смешались с другими казацкими общинами и таким образом положили основание «Всевеликому Войску Донскому», с его древним вечевым управлением.

Казаки-новгородцы на Дону — самый предприимчивый, стойкий в своих убеждениях, даже до упрямства, храбрый и домовитый народ. Казаки этого типа высоки на ногах, рослы, с широкой могучей грудью, белым лицом, большим, прямым хрящеватым носом, с круглым и малым подбородком, с круглой головой и высоким лбом. Волосы на голове от темно-русых до черных; на усах и бороде светлее, волнистые. Казаки этого типа идут в гвардию и артиллерию[246].

---

[246] См.: Типы донских казаков и особенности их говора, 1908. — *Авт.*

Говор современных новгородцев, в особенности коренных древних поселений, во многом сходен с донским, жителей 1-го и 2-го Донских округов[247]. Как те, так и другие звук щ не выговаривают, а заменяют его двойным ш, например: ишшо, ишшобы, пешшаный, пешшинка, што (что), пишша и пишта (пища) и проч. Вместо жд всегда почти употребляют: Рожество, одежа, надежа (надежда), дож и проч. Вместо к всегда х, в словах: хрешшенье, дохтур и др. Также: скусно, свиток и твиток (цветок), сумлеваться, сусед, укунуться, анагдась, глыбоко, быдто, кружовник, ослобонить, некрут, антиллерия, дака (дайка), ухи, польга (польза), слухать, верьх и верьхи (верхом), молонья (молния), женьшина, болесть, ужасть, жисть, скупердяй, панафида (панихида), трухмал, лясы точить, ну те к ляду, сиверка, сивер, исть (есть) и др. Новгородцы лучше, чем москвичи, знали древние сказания о начале Руси и ее славных витязях-богатырях. Язык их деловых бумаг, как и старых донских казаков, чище московского и отличается от последнего как чистотой, так и образностью выражений.

Новгородцы также занесли на Дон названия: атаман, стан, ватага, ильмень (общее название большого чистого озера) и др. Кроме того, многие донские станицы и хутора носят чисто новгородские названия: Ярыженская (от ярыжки и ярыга — наемные люди и бездельники); Багаевская (одноименные села по пути движения древних новгородцев в губерниях: Казанской, Вятской и др.); Ведерниковская, ныне переименованная вместе с Бабской в Константиновскую (в губерниях: Вятской, Пермской, Нижегородской, Смоленской и др.); Михалевская, ныне Николаевская станица (в Псковской губ. 21 селение и 3 деревни); Каргальская — Каргалы на Каме; Гундоровская — села в Архангельской, Вятской и Самарской губ. Хутора и фамилия Черевков — село Черевково, Сольвычегодского уезда, на Северной Двине, древнее поселение новгородцев — ушкуйников; жители отличаются предприимчивым и энергичным характером, не знавшие никогда крепостного права. Древний новгородский погост Ягриш Архангельской губер., близ погоста Верхотоимского, отличается самыми жгучими брюнетками севера. Погост этот упоминается еще в завещании Ивана III. Станица Раздорская, древняя столица донского казачества, также звучит чем-то новгородским; слово «раздоры» — излюбленное выражение

[247] Особенности говора Новгородского уезда Новгор. губ. В.Ф. Соловьев. СПб., 1904.

во всех новгородских актах, постоянные жалобы на «раздоры», т.е. несогласия.

Присутствие новгородского элемента в Донском казачестве сказывается также в архитектуре построек древних церквей, часовень, народной орнаментации, нравах, обычаях, суевериях, свадебных обрядах, вечевом правлении, говоре и проч. Приведем особенности религиозно-бытового характера из жизни новгородцев:[248]

1) Христианство в новгородских областях прививалось очень медленно и в XI и XII веках новгородцы еще упорно сохраняли остатки своего языческого культа.

2) В 1028 году в силу этой упорности кн. Ярославом обнародован сборник славянских юридических обычаев под именем «Русской Правды», в противоположность жестокому не славянскому судному праву греков, принятому Св. Владимиром при составлении церковных правил.

3) Сохраняя последовательно черты народного характера, новгородцы в 1156 году вынудили князя согласиться выбирать архиереев и священников из местных жителей на вече.

4) В 1360 году сам архиепископ новгородский Евфимий II не подчиняется московскому митрополиту и разрывает на 20 лет связь с митрополией.

5) В 1384 году, продолжая выражать черты народного духа, новгородцы постановили на вече не подчиняться московскому митрополиту и дела по духовной части решать гражданским вечевым судом.

6) В 1471 году митрополит Геронтий пишет в Вятку о своем незнании — из кого состоит вятское духовенство и где оно рукополагается.

7) При обряде церковной свадьбы священник должен ехать впереди с крестом в облачении, а жених сзади с волхвом (колдуном). Этот обычай был запрещен духовным собором в 1667 г.

8) Женщина-новгородка, помимо отца и матери, должна была говорить публично на вече, «жених ей люб или не люб».

9) Венчались в церкви и около ракиты, как о том поется в былине о Дунае Ивановиче: «круг ракитова куста венчалися».

10) Женились 3, 4, 5 и 6 раз и свободно разводились с женами, передавая публично их другим.

---

[248] Исследование академика Е. Ознобишина о Донских казаках в 1874—1875 гг. «К вопросу о происхождении Донских казаков».

11) По сказанию Леннуа, продавали и меняли своих жен публично на вещи.

12) Лиц, осужденных церковно-народным судом, сажали на цепь.

13) Известие о смерти согражданина передавалось трезвоном.

14) Освящали вино и водку в день Св. Николая и Козьмы вместо воды.

15) Вдовые священники, несмотря на запрещение московских соборов, во всех новгородских областях свободно совершали богослужение по найму, переходя с места на место и проч.

В параллель к этому приведем факты из отношений донской церкви к московской, а также некоторые церковные обряды, записанные знатоком донской старины, протоиереем Левицким и академиком Е. Ознобишиным в половине XIX в.

1) В 1687 году, после усмирения бунта Разина, прислана была на Дон грамота с повелением поминать на большом выходе имя московского патриарха. Следовательно, на Дону в черкасском соборе с 1687 года в первый раз стали молиться за главного российского духовного владыку[249].

2) В 1762 году, после присоединения Дона к воронежской епархии, епископ Иоаким доносил Св. Синоду, что «казаки, под страхом наказания, запрещают своим священникам слушаться распоряжений архиерея и судят их по своему обычаю в кругу (вече); а атаман Иловайский прямо писал, чтобы архиерей не смел вмешиваться в духовные дела казачьих приходов, так как причты их определяются по утверждению «казачьяго круга и старшин».

3) В 1765 году воронежский епископ Тихон I доносил вновь Св. Синоду, что в трех черкасских благочиниях 58 лиц самовольно определены кругом без его, архиерейского, благословения и что беспорядки казачьих церквей (не подходящих под порядки московские) исправить нет никакой возможности.

4) В том же году и тот же епископ вновь доносил Св. Синоду, что казачьи церкви не ведут венечных записей и метрик и что атаман Иловайский набил колодки на протопопа черкасского сбора за то, что тот осмелился власть своего архиерея поставить выше веча, т.е. войскового круга.

Надо заметить, что Иловайский, генерал времен Екатерины II, один из орлов ее века, не был старообрядцем, не был и

---

[249] Старочеркасск и его достопримечательности. Протоиер. Гр. Левицкий. Изд. 70 г., Новочеркасск.

крамольником, чтобы иметь какое-либо право вступить в явную вражду с уважаемыми святителями московской церкви, и если он действовал в означенных случаях так враждебно против архиерея, то это только объясняется нравственным давлением войскового круга, состоявшего в то время еще из прямых потомков новгородцев 1384 года и вятчан 1471 года.

5) Известно, что брак на Дону в средних и низовых станицах с незапамятных времен, по народным преданиям, всегда состоял в церемонии, происходившей на майдане — народной площади, где собирался круг. Церемония эта происходила следующим образом: желающие вступать в брак являлись в сопровождении своих родственников на майдан, где жених, обращаясь к невесте, спрашивал ее: «люб ли он ей?» После утвердительного ответа невеста также спрашивала жениха: «люба ли она ему?» и, получив утвердительный ответ, кланялась жениху в ноги, в знак подчинения. После сего атаман и старшины вставали с своих мест и поздравляли молодых словами «в добрый час». Такая форма брака была так важна в понятиях казаков-вечников, что и после венчания в церкви должна была обязательно исполняться на майдане.

6) Развод производился с такою же легкостью: надоела мужу жена — он ведет ее на майдан и, став перед атаманом и старшинами, говорит, что эта жена была ему люба, была хорошая хозяйка, но теперь не нужна, и слегка отталкивал ее от себя. В это время желающий взять разведенную подходил к ней, покрывал ее полою своего казакина, и брак этим знаком прикрытия был совершен. Форма прикрытия полою, говорит известный донской историк Сухоруков, считалась самою важною и как бы снимала бесчестие развода. Таким образом, женщина могла передаваться от одного к другому и так далее. О такой форме брака говорит и Евлампий Кательников в своей «Исторической Записке о Верхне-Курмоярской станице», составленной им в начале прошлого столетия. Брак этот в средних станицах Дона, в том числе и в Верхне-Курмоярской, по сообщению Кательникова, просуществовал до 1750 г.; церемония его состояла в следующем: жених с невестою являлись на станичный сбор, молились и кланялись на все четыре стороны, причем жених, обращаясь к невесте, громко говорил: «Ты — скить, Настя, будь мне жена!» Невеста кланялась ему в ноги и отвечала: «А ты — скить, Гаврила, будь мне муж!» И тут целовались при общем поздравлении. Так жили и рождали детей. Венчание в церкви

или часовне, если они были, считалось необязательным. Развод был также очень прост. Муж выводил жену на сбор и говорил: «Вот-скить, честная станица, она мне не жена, а я ей не муж!» Разведенную жену тут же мог взять другой, накрывши полой и объявив сбору с такими же примолвиями[250].

Священник Пивоваров, служивший в станицах Ведерниковской (ныне хутор ст. Константиновской) и Нижне-Каргальской (ныне хутор ст. Мариинской) в 20—40-х годах прошлого столетия, в своих записках отмечает, что приведенный обряд брака на майдане в некоторых станицах Дона существовал еще и в его время. Хотя такие браки нередко скреплялись венчанием какого-нибудь беглого попа или монаха, часто около стола или телеги, если дело происходило на ярмарке, но это нисколько не удерживало казаков вновь разводиться и искать себе новых жен. Так женились четыре, пять и более раз.

Хотя на Дон и послана была царская грамота 20 сентября 1745 г. о воспрещении жениться от живых жен и четвертыми браками, но это нисколько не останавливало казаков исполнять свой древний обычай жениться и разводиться с сведения и согласия станичного круга.

7) Известно, что Разин, отвергавший форму церковного брака, велел венчать молодых вокруг ракиты или вербы. Неудивительно, Разин как человек грамотный читал и хорошо знал древние новгородские языческие предания. Это подтверждается и тем, что Разин часто выражался языком былин, подражая Ваське Буслаеву, новгородскому удальцу.

8) Обряд церковного брака, по словам историка Сухорукова, происходил следующим образом: когда собирались ехать в церковь, то впереди поезда шел, а с хутора мог и ехать, священник с крестом в руках, за ним жених в алой черкеске, с высокой шапкою в руках, рядом с колдуном; вокруг священника и жениха гарцевали, стреляли, кричали и пели веселые песни сверстники жениха, отдававшие ему последний молодеческий долг.

9) После смерти гражданина, по словам протоиерея Левицкого, в XVIII столетии всегда трезвонили, но, вследствие частых и опустошительных пожаров, бывших в том веке в гор.

---

[250] В 1745 г. 20 сентября на Дон была прислана царская грамота о воспрещении Войску Донскому вмешиваться в духовные дела и касаться чина церковного и о недопущении жениться от живых жен и четвертыми браками. Акты собр. А.А. Лишиным, т. II, ч. I, № 385. Историческое сведение о Верхне-Курмоярской станице, Е. Кательников, изд. 1886 г., Новочеркасск.

Черкасске, трезвонить было запрещено указом войскового начальства.

10) В церквах станиц Усть-Хоперской и Усть-Быстрянской Е.Ознобишиным найдены железные шейные цепи, на которые, по словам старых граждан этих станиц, сажали в прежнее время уличенных в прелюбодеянии. Желая проверить столь интересный археологический факт, Знобишин обратился к покойному протоиерею Г.А. Левицкому, прося его разъяснить справедливость этого обычая. О. Григорий письмом уведомил его, что обычай сажать на цепь был очень древен на Дону и что, в силу этого обычая, Разин, после поимки, был посажен на цепь, до сих пор хранящуюся в Старочеркасском соборе; что, кроме шейных цепей для прелюбодеев, были еще ручные цепи, на которые сажали воров; одну из таких цепей отец Григорий видел в 1836 году в ст. Александровской, в Архангельской церкви, куда она попала из прежней деревянной церкви, перенесенной в эту станицу с другого места.

11) Вдовые священники на Дону служили с незапамятных времен, и на все расспросы Знобишина старцы-казаки разных местностей Дона единогласно отвечали, что вдовые священники служили, а монахов-священников никогда не помнят, тогда как у днепровских казаков всегда священники в сечи и ее паланках были из монахов; и в Черкасске с запорожцами были тоже священники-монахи.

12) На Николин день освящали водку, вместо воды, и разносили молящимся в храме.

Подобных церковных обрядов и обычаев, как это всем известно, не было на всем остальном пространстве России, а также в епархии Судгейско-Азовской, ведению которой принадлежали древние алано-готы, населявшие Крым, казаки азовские, черкасы Кубани, абхазцы и другие народы берегов Азовского в Черного морей. Крымская или Босфорская епархия с VI в. была епископией с кафедрою в Судгее (в Крыму). В 886 г. император Лев Философ дал епископу судгейскому сан архиепископа, а в 1296 г. император Андроник пожаловал его в сан митрополита, каковой сан продолжал сохраняться в той епархии, переименованной впоследствии в готфо-кефайскую, до времен присоединения Крыма к России, когда готы, к тому времени уже полугреки и полутатары, с своим митрополитом переведены были в Мариуполь в 1771 г. Такова наружная сторона этой церкви; внутренняя же, выражающая связь пасомых с пастыря-

ми, видна из фирмана султана Мустафы, данного митрополиту Гедеону в 1759 г. Фирман этот следующий: «Того ради, сего 1173 года, месяца джемадзиул акира 19-го дня, оному митрополиту Гедеону сею высочайшею грамотою повелеваем, дабы он, митрополит, над живущими в Кафе, Манкубе, Балаклаве и Азове христианами, по прежним примерам и древнему обыкновению и по их закону, был самовластным митрополитом».

Далее идут параграфы, содержание которых можно передать в следующих сокращенных словах:

1) Духовенство должно беспрекословно подчиняться архиерею.

2) Архиерей судит без всякой апелляции и отчета.

3) В дела церкви никто из мирян вмешиваться не имеет права.

4) Никакая жалоба от клира или прихожан на митрополита принимаема быть не может.

5) Венчать более трех раз воспрещается.

6) Развод зависит от архиерея.

7) Неисполняющий этих правил «да лишается христианского погребения» и т.д.

Сопоставляя приведенные религиозно-бытовые обычаи церкви новгородско-донской с церквами азовской и московской, куда греческие церковные обряды перешли целиком, каждый может убедиться, кто были первые насельники по среднему Дону с половины XVI века, навязавшие остальным элементам казачества свой древний своеобразный взгляд как на религию, так и на внутреннее управление общины.

Следовательно, греческий церковный устав и греческие церковные обряды среди казачества в том его составе, в каком мы его встречаем на Дону в XVI в., имели очень незначительное влияние, но зато там стали господствовать, как мы видели выше, церковно-народные обычаи новгородцев, занесенные туда из Хлынова и других областей великой новгородской земли, как более всего отвечающие народно-вечевому правлению.

Черкасы запорожские и киевские, казаки белгородские и севрюки, а в особенности казаки старые азовские, как проводившие целые века в битвах с неверными, не отличались культурностью и домовитостью, между тем как новгородцы считались, как мы увидим ниже, лучшими плотниками на всем пространстве тогдашней России; они-то первые и стали строить укрепленные городки на всем протяжении среднего и нижнего Дона — Раздоры

верхние и нижние, при устьях Маныча и в других местах. К ним скоро прикошевали другие казацкие общины с Днепра, верховьев С. Донца, рязанских украин, а потом казаки азовские, самые бедные и бездомовные, образовав на окраинах казачьих городков приселки — хазовки[251].

Новгородцы считались и лучшими мастерами при возведении церковных деревянных построек как в северных областях, так и по Дону. План и фасад этих построек был свой, особенный, древнеславянский, ничего общего с византийским стилем не имеющий, — это архитектура древнеславянских языческих капищ, близко напоминающая древнеперсидскую.

Христианство в новгородских областях прививалось очень туго, даже насильственно: свободолюбивая и торгово-промышленная новгородская вольница упорно отстаивала свои древние языческие верования и обычаи не столько из невежества, сколько из нежелания подчиниться чужеземному влиянию. Приняв христианство, они не приняли греческих священников, греческий церковно-судный устав и византийскую архитектуру церквей, а оставили свои народно-вечевые порядки как в общественном управлении, так и церковных делах, чтобы не зависеть в этих отношениях от Киева, а потом и от Москвы.

Е. Ознобишин, искрестивший в течение многих лет северные и восточные губернии России, изучая древние новгородские поселения в археологическом и этнографическом отношениях, а также древнерусское церковное зодчество, в 70-х годах прошлого столетия по поручению Императорской Академии художеств посетил и Донскую область и в течение 5 лет собрал массу рисунков с древних деревянных донских церквей с планами и фасадами, а также с резьбы иконостасов и наружной обшивки стен.

Сравнивая эти рисунки с прежде добытыми им в северных и восточных новгородских областях, он пришел к положительному выводу, что строителями этих церквей на Дону были новгородцы. Потом, изучая Донской край, по поручению директора этнографического музея в Москве В.А. Дашкова, по одобренной последним художественно-этнографической программе, он дал нам богатейший материал по исследованию Дона как в историческо-археологическом, так и в этнографическо-бытовом и церковно-народном отношениях.

[251] Азов по-турецки назывался Адзак, Казак, Хазава и Хазова. Хазовками на Дону как в старое время, так и теперь называются бедные окраины казачьих станиц.

Об управлении церквей донской и новгородской, а также их своеобразных обрядах мы уже говорили выше, теперь коснемся этнографии и археологии этих областей, а в особенности их церковного зодчества.

План и вообще характер построек древних деревянных церквей новгородских областей, как мы сказали выше, совершенно отличается от плана церквей греческих, перенесенного без изменений из Византии в Киев, Москву, Суздаль, Липецк, Рязань и Нижний, а также в Азов и во все церкви древней христианской Абхазии. План этот в первоначальном своем виде представляет простой квадрат, как это видно из развалин церквей в Крыму, Абхазии, Предтеченского храма в Азове и других местах.

В Киеве самые древние церкви, например Преображения Господня на Берестове, основанная Владимиром Святым, и деревянная Иоанна Златоуста, неизвестно в каком веке построенная, но перенесенная на настоящее ее место лет 250 тому назад, представляют фигуру плана неправильного четырехсторонника с срезанными углами алтарного придела.

В Москве собор Спаса на Бору, одновременный основанию этого города, имеет форму, подобную вышеописанной.

В Нижнем Новгороде собор Архангела Михаила, основанный в XII веке, имеет форму киевских церквей, но только вместо двух срезанных углов одну сторону, срезанную в форме трех полуовалов.

В Липецке, в старом упраздненном монастыре XIII в., план церкви представляет четырехсторонник, имеющий с одной стороны полуовальное округление.

В Козлове, Ельце, старой Рязани, Курске, Ростове Ярославском, Галиче, Вологде, Ярославле и других древних городах планы церквей имеют сходство с церковью в Липецке или Нижнем Новгороде.

План церкви Иоанна Предтечи в Азове имел квадратную форму.

Планы церквей, построенных после церковного раскола, имеют форму креста.

Таким образом, планы древних церквей разных местностей России имеют одно общее всем квадратное основание, измененное только с одной стороны.

Не те основные черты встречаем мы в планах древних деревянных церквей Новгорода, представляющих всегда форму осьмигранника.

Новгородский церковный план так резко отличается от греческого, что стоит только раз взглянуть, чтобы навсегда запомнить тот и другой, несмотря на наружные фасадные изменения. Насколько план новгородских церквей отличался от греческого, настолько же и наружный фасад был различен. Греческая церковь в первоначальном ее виде представляла совершенный куб, с четырехскатною невысокою крышей, имеющей в средине ярус круглой формы, оканчивающийся куполом в виде луковицы. Глав на храме могло быть — одна, три, пять и тринадцать. Наружные стены украшались орнаментами, представлявшими соединение в различных изгибах линий дугообразных, полуовальных, прямых, винтообразных и круглых.

Наружный же фасад новгородских деревянных церквей всегда имел осьмигранную фигуру в три, четыре и пять ярусов, тоже осьмигранников, постепенно уменьшающихся кверху и ограниченных плоскими, шатрообразными крышами; верхняя крыша обыкновенно была несколько выше и имела форму шатра с круглым яблоком наверху и высоким осьмиконечным крестом. Наружные украшения стен представляли обшивку из узких гладких пластин (гонтин) в три и четыре ряда, один выше другого. Гонтины эти налагались одна на другую, оставляя ряд промежутков в виде желобков; внизу каждая гонтина оканчивалась выемкою круглой или какой другой геометрической формы. Фронтон этих церквей украшался резьбою, состоящею из разных выемок, расположенных в прямых и полукруглых линиях и угольниках — остром и тупом.

Стены подобных церквей окрашивались умброю, а фронтоны и карнизы полукруглых с выемкою окон белою краскою; издали все здание представляло красивый вид темно-красного осьмигранника, переплетенного белым кружевом. Крыши церквей и церковные главы тоже делались из дерева, напиленного в форме полукружков, наложенных один на другой, и представляли издали вид рыбьей чешуи.

Новгородские церкви строились необыкновенно прочно самими же новгородцами, известными за самых искусных плотников; с древнейших времен слово «плотник» было как бы ругательным для новгородцев в устах ленивых киевлян.

«Эй вы, плотники», — кричали кияне и их союзники, завидя новгородцев в войсках Боголюбского, осаждавшего Киев в 1169 году.

Все иностранцы, посещавшие Новгородскую область во время ее самостоятельности, удивлялись необыкновенной проч-

ности деревянных новгородских построек и искусству новгородских мастеров — плотников и резчиков, в противоположность москвичам, постройки которых, по словам летописей, скоро разваливались. Надо полагать, что «авось» да «небось и как-нибудь» именно сложились в Московщине, в виду лености и неуменья ее природных жителей.

До сих пор можно видеть при проезде по Новгородской, Московской и Тульской губерниям разницу в постройках деревень новгородцев и москвичей, хотя и живущих при одних и тех же экономических условиях[252].

Чтобы объяснить, откуда новгородцы заимствовали план своих древних церквей и почему они не приняли общего византийского плана, обратимся опять вкратце к истории Новгорода и вообще древнего ильменского славянства и к проявлениям его народного духа.

Во время призвания варягов, т.е. в IX в. по Р. Х., Старая Русса уже существовала: следовательно, согласно Лаврентьевской летописи Нестора, в призвании князей участвовали и Руссы, как стоящие во главе народонаселения Новгородской области.

Переселенцы из Старой Руссы, желая приблизиться к морю, где в то время были уже знаменитые торговые города: Винета, Юмна, Аркона, Ретра, Любечки (Любек) и другие, основали в устьях Немана, на правом рукаве его — Русе, близ взморья, Новую Руссу. О торговом значении этого города говорит еще Пифей, участвовавший в плавании с греками по Балтийскому морю в 320 г. до Р. Х. Из этого следует, что Старая Русса древней Новой.

Часть славянского племени Венетов, по Птолемею, не поладив с Готами, двинулась в 216 г. до Р. Х. с берегов Балтийского моря на северо-восток, на берега о. Ильменя и р. Ловати и основала там гг. Новгород и Псков. Старое поселение Венетов (где ныне Ольденбург) долгое время называлось Старгардией, т.е. старыми городами[253].

Прибалтийские славяне в глубокой древности считались уже цивилизованным народом. Тацит в 60 г. по Р. Х. говорит, что

---

[252] Иоанн III и Иоанн IV Грозный насильно переселили значительную часть неспокойных новгородцев в московские области, а на место них перегнали москвичей. Опытный этнограф и теперь не затруднится отличить коренных новгородцев от московских переселенцев.

[253] Другая часть прибалтийских Венетов, по Страбону, переселилась в Северную Италию, основав там г. Венецию и др.

германцы не знают еще городов, славяне же строят прочные деревянные дома и укрепленные города. В славянских землях, говорит известный немецкий историк Кледен, торговля и ремесла процветали до такой степени, что миссионеры не могли иначе выразить своего удивления, как сравнением Поморья с обетованной землей. У Венетов процветало скотоводство и земледелие, так что в открытых полях находились всяких родов овощи. Оттуда вывозились соленые и копченые сельди, мед, воск, лен, полотна, пенька, хмель, бревна, доски, смола, поташ, шерсть, сукна, меха, кожи, сало и копченое свиное мясо.

Историк XI века Адам Бременский свидетельствует, что Руссы-славяне владели северными и западными берегами Балтийского моря; что в г. Упсале стоял золотой славянский кумир бога Радигаста или Радигостя, покровителя торговых людей, т.е. гостей; храм этому идолу был сделан, по уверению этого историка, из золота. Другой храм этому богу был в Ретре, на южном берегу.

На острове Рюгене, населенном славянским племенем Ранов, славившихся богатством и торговлей, в г. Ореконде, на полуострове Витов, находился храм высокочтимого славянским миром бога Святовита, в г. Святограде или Свентограде. Храм этот в 1168 г. был разрушен датским королем Вальдемаром I. Многие драгоценности этого храма и до сих пор находятся в Копенгагенском музее северных древностей. Развалины кремля Святограда и теперь видны близ г. Арконы.

На том же острове, в г. Стопень-камень (ныне Штубен-каммер) также было три чтимых храма: Сварогу, Перуну и Волосу. В храме Волоса хранилась золотая сошка, упавшая с неба Микуле Селяниновичу. Другая хранилась в Микуль-боре, нынешнем немецком Мекленбурге.

Тацит говорит о поклонении славян на о. Рюгене богине земли — Матказеме (Герте). Драгоценную статую этой богини с серпом в правой руке и со снопом из золотых прутьев с янтарными колосьями в левой возили на колеснице по селам с весны до Купалы. Остатки этого храма у немцев теперь называются Гертабургом.

Следовательно, прибалтийские славяне еще в глубокой древности считались одним из цивилизованнейших народов севера, знавших архитектуру, ваяние, литье статуй и другие искусства и торговавших по всему балтийскому побережью с народами запада, а по Волге и другим рекам с народами востока. От них-

то новгородцы унаследовали и долгое время удерживали свою архитектуру храмов и своеобразное внутреннее их устройство.

Иконостасы новгородских церквей во многом отличались от греческих, принятых Киевом и Москвой. Последние были высоки до самого верха, с образами в 4 и 5 ярусов, с резьбою глухих орнаментов, окрашенных в один золотой цвет; иконостасы же церквей новгородских были не высоки, в виде нынешних католических, с резьбой сквозной и цветной, при сочетании любимых новгородцами цветов: *красного с синим или зеленого с серебряными разводами.* Подобная сквозная резьба встречалась еще в последней половине прошлого столетия у дунайских славян и в Угорщине.

Итак, храмы, построенные древними новгородцами, можно безошибочно отличить по трем признакам: плану, фасаду и резьбе иконостаса.

Подобного типа старые церкви XVI и XVII вв. исследователем древнего зодчества Е. Ознобишиным были найдены в 1865—75 гг. по пути следования новгородцев: по р. Сухоне, в окрестностях Устюга, в некоторых местах по Волге и Суре, близ Царицына и Дубовки и в Донской области в округах: Хоперском, Усть-Медведицком, Первом и Втором Донских, в станицах, хуторах и селах: 1) в слободе Гуляевке, на р. Арчад, перенесенная туда с р. Иловли в 1836 г. План этой церкви (в 1872 г.) осьмигранный, с зарезами на углах, чисто новгородскими; наружная обшивка стен гонтовая; иконостас сквозной резьбы, окрашенный в цвета красный и синий с серебряными и золотыми орнаментами самого первого новгородского рисунка, сходного с персидским; 2) в ст. Урюпинской (Вознесенская), перенесенная туда с р. Кардаила. План ее много изменен пристроями; 3) в ст. Петровской на Хопре, перенесенная туда, по сказанию старожилов, с другого места, но с какого, никто достоверно не знает; 4) в ст. Голубинской, хорошо сохранившаяся, как по плану, так и резьбе иконостаса; 5) в ст. Сиротинской, несколько измененная переделками; 6) в ст. Еланской; 7) в Усть-Белокалитвенской; 8) в хут. Ямайском; 9) в ст. Клетской (Троицкая); 10) Пятиизбянской, разобранная, по сказанию старожилов, в 1853 г. атаманом Гусевым на собственные надобности; 11) Цимлянской; 12) Качалинской; 13) Усть-Хоперской; 14) Перекопской; 15) Раздорской на Дону; 16) Раздорской на Медведице; 17) Правоторовской; 18) Арженовской; 19) Ярыженской; 20) Богоявленской и др.

Окна в этих церквах до начала XIX в. были круглые и маленькие, так что впечатление внутренности подобного храма было мрачно и напоминало скорее грозного языческого Сваргу прибалтийских славян, чем кроткого Иисуса.

Во многих других церквах Дона Е. Ознобишиным найдены, обыкновенно в колокольнях, обломки старых, когда-то существовавших иконостасов с чисто новгородской резьбой и окраской.

По поводу приведенных данных относительно новгородской архитектуры донских церквей многие могут возразить, что церкви эти строили не казаки, а случайные подрядчики по своему вкусу и уменью. На это мы ответим, что в XVI и XVII вв. на Дону церкви строились местными мастерами, а не пришлыми: постройка церкви была делом народным, а не капитала. Лучшими же мастерами-плотниками на пространстве всей тогдашней Руси были новгородцы. Царь Иван IV в 1551 г. повелел новгородским мастерам в Устюге срубить деревянную церковь и перевезти ее в только что построенный г. Свияжск. Повеление было исполнено. Церковь эта, чисто новгородского стиля, находится в тамошнем женском монастыре.

История происхождения этого храма может служить самым лучшим доказательством предположения, что москвичи и рязанцы не были в то время искусны в возведении больших деревянных построек, ввиду чего московский царь, не имея в Свияжске под рукою кирпича, вынужден был заказать постройку храма в отдаленном Устюге, тогда как под боком находился Нижний, Муром, Владимир и Кострома с самым удобным сплавным путем по рекам Оке и Волге. Следовательно, если московский царь не нашел в своем государстве искусных плотников и резчиков лучше новгородских, то где бы их могли взять донские казаки того времени для постройки своих изящных церквей, если бы среди них не было новгородцев. Также могут возразить, что донским казакам, как занятым постоянно войной, некогда было самим заниматься постройкой церквей. Так ли? В г. Новомосковске, основанном, как известно, на месте старого Запорожья, до сих пор сохранилась деревянная церковь, собственноручно построенная одним запорожским казаком в XVII в. Уж если дикий запорожец нашел время и сумел построить церковь, то среди домовитых донских казаков всегда могли найтись люди для доброго дела, а ведь домовитостью-то на Дону и предприимчивостью отличались только одни новго-

родцы, т. к. запорожцы и азовские казаки составляли в донских городках лишь приселки — хазовки, т.е. азовки.

Новгород разделялся на городские концы, имевшие каждый своего святого патрона, и на братовщины, праздновавшие дни своих святых великим пьянством и бесnованием. Члены братовщины *никольщины* были самые буйные, самые свободолюбивые и шумливые вечевики и ярые враги боярства. Храмовые престольные праздники этой братчины сопровождались таким пьянством и буйством, что отцы новгородской церкви приходили, как и московские святители, в ужас от этих *бесnований*. Новгородский консерватизм, скорее — упрямство и нежелание подчиниться чужеземному влиянию, сумел соединить в себе и новые христианские, и древние языческие обряды, смешав те и другие в одну кучу. Считаясь усердными христианами и строя богатые храмы, они в то же время, судя по новгородским летописям, ни за что не хотели следовать требованиям церковного византийского устава, не слушались своего, ими же самими избранного на вече духовенства, женились по 4, 5 и 6 раз и так же легко разводились на том же вече; этот обычай они занесли и в Хлынов (Вятку), как это видно из грамоты митрополита Геронтия 1471 г., что «хлыновцы не соблюдают родства, вступают в кровосмешение и женятся 4, 5 и 6 раз». Новгородское духовенство, не подчиняясь Москве, исполняло это требование народа. Брак тоже носил отпечаток язычества: священник ехал верхом впереди всех в ризе и с крестом в руках; за ним ехал также верхом жених в красном камзоле с серебряными позументами и высокой с красным верхом шапке, сопровождаемый волхвом — колдуном, знахарем, как и у нас в старину на Дону; вокруг священника плясали и бесновались свахи, закутанные в разные ткани; за поездом жениха и невесты ехали верхом на лошадях поезжане с гиком, криком, гарцеваньем, стрельбою, песнями и музыкой. (Пусть вспомнят старожилы — это было и у нас на Дону.) Подобный новгородский свадебный обряд на Руси запрещен собором епископов 1667 г.

«Из *никольщины* выходили, по народным преданиям, и те удалые ушкуйники-повольники, которые, недовольные порядками на родине, основывали по северу, востоку и юго-востоку нынешней России новые колонии и наводили страх не только на соседние народы, но даже и на московские окраины. Николай *угодник* был любимым святым этих удалых добрых молодцев и во всех путях жизни был могучим их патроном и покровителем. Самое имя Николай считалось у братчины в Новгороде и Пскове,

как у Гетов-Руссов бог Марс, признаком смелости, бесстрашия и безнаказанности. Юродивый Николай Качанов всенародно порицал новгородскую разладицу, тогда как другие безнаказанно этого сделать не могли. В Пскове юродивый Салоса, прикрывшись именем Николая, совал неистовавшему там Грозному царю кусок кровавого мяса, смело называя его убийцей и кровопийцем, и остался безнаказанным, т. к. магическое имя Николай ограждало его от всяких бед. Ушкуйники из братовщины никольщины популярность имени этого святого перенесли и на Дон и первые свои часовни и церкви посвящали ему.

Старая церковь (XVI в.) Пятиизбянской станицы, где, по преданию, крестился Степан Разин, была во имя св. Николая.

Церковь в ст. Еланской до 1828 г. была во имя св. Николая.

Церковь ст. Голубинской (1735 г.), Сиротинской (1740 г.), Верхне-Чирской (1700 г.), Цимлянской (1715 г.), Кременской (1744 г.), Усть-Медведицкой (с 1595 г.), Глазуновской (до 1759 г.), Арчадинской, Усть-Хоперской (1724 г.), Мигулинской, Мелеховской, Кочетовской (1720 г.), Усть-Быстрянской, Усть-Белокалитвенской, Луганской (1732 г.), Верхне-Михалевской (ныне Николаевской), Быстрянской (ныне Мариинской) — часовня (1735 г.), Нижне-Каргальской (1672 г.) — часовня, Скородумовской (в г. Черкасске), Арженовской, Правоторовской, Ярыженской, Етеревской, Петровской, Урюпинской — все были во имя св. Николая[254].

Кроме всего сказанного, исследователь древнего церковного зодчества на Дону и в новгородских областях Е. Ознобишин видел в 1872 г. в церкви ст. Раздорской на Дону ветхую обшивку священнических облачений по бархату золотом с надписью славянскими буквами: «*В память болярина князя Георгия* (слово утрачено) *Сицкаго* (утрачено) *в Раздорскую церковь на Дону от княгини*»... Далее все истлело и высыпалось. Об этой обшивке пишущий эти строки сам слышал в 80-х годах прошлого столетия от покойного протоиерея ст. Раздорской Бондаревского.

[254] Истор. описание станиц в Дон. И.М. Сулина, Новочерк. В Саратовской консистории, по уверению академика Е. Ознобишина и описанию Леопольдова, 30 лет занимавшегося этнографическими исследованиями Саратовской губ., хранятся ветхие антиминсы из древних церквей поселений по рр. Хопру и Медведице. Антиминсы эти, освященные еще епископами Сарскими и Подонскими в XIII, XIV и XV вв., состоят из небольших кусков самого грубого посконного холста. Следовательно, и в татарский период по названным рекам жили христиане, к которым в конце XV в. прикошевали и обновили разоренную там татарами оседлость домовитые новгородцы.

Невольно является вопрос: какое отношение имели князья Сицкие к казакам ст. Раздорской? Георгий Сицкий был сын князя и большого воеводы Василия Сицкого, убитого при Иване Грозном в войне с Стефаном Баторием. Еще при жизни отца Георгий Сицкий возбудил спор о старшинсте мест с Борисом Годуновым, и спор был решен не в его пользу. Вскоре Георгий умер насильственной смертью. С ним прекратился прямой род Сицких.

Князья Сицкие были выходцы из Литовской Руси, и дед князя Георгия был вместе с Шуйским кормленным князем новгородским. т.е. жившим на жалованье (кормлении) Великого Новгорода за обязанность, в случае внешней войны, предводительствовать новгородскими дружинами; в мирное же время князья эти никакой роли не играли и не имели права вмешиваться во внутреннее управление края, так как это право исключительно принадлежало вече. Кормленных князей в Новгороде было много, и все они с падением вечевого правления перешли на службу в Москву. Для нас важен не вопрос о местничестве Сицкого с Годуновым, а то, что внука кормленного князя новгородского, помня старую хлеб-соль, трудится над вышиванием золотом священнической ризы и посылает ее в Раздорскую на Дону казацкую церковь с просьбой помолиться о душе замученного Грозным царем ее мужа.

Из кого же состояла Раздорская на Дону казачья община, если не из домовитых и высоконравственных новгородцев. Только они-то, независимые от Москвы и знавшие князей Сицких, могли, по убеждению княгини, помянуть ее мужа и помолиться за упокой его души. Ведь к беглым преступникам, какими представляют казаков некоторые наивные историки, религиозная московская аристократка не обратилась бы, так как подобный элемент плохой молельщик за души князей-аристократов.

Бутков в своих материалах для новой истории Кавказа (т. I) говорит, что в Астрахани в 1591 г. был воеводою князь Сицкий. Имени этого воеводы Бутков не называет. В каком родстве этот последний состоял с Георгием Сицким, неизвестно. Для нас важно только то, что князья Сицкие выходцы из Новгорода и что одна из княгинь этого рода считала Раздорскую донскую казачью общину за людей благонадежных и религиозных, родственных ей по духу и убеждениям и послала этой общине свой драгоценный дар.

Выше было сказано, что план новгородских церквей и орнаментика иконостасов сходны с древнеперсидскими; это многих удивит. Вопрос же решается очень легко. Цивилизация в Персию или Иран занесена из древней Арианы.

Эта же цивилизация другой ветвью арийцев, после катастрофы в Ариане, занесена на Волгу и в Приазовье, а оттуда распространилась по водным путям на берега Балтийского моря и особенно удержалась там, где славянские племена не поддались чуждому влиянию, как например, в Новгороде и его областях[255].

Представленные на археологический съезд в Киеве 1874 г. гг. Стасовым, Сологубом, Волковым и др. собранные ими в большом количестве народные рисунки — узоры, вышивки в цветах, народная орнаментика до XVII в. губерний Киевской, Черниговской, Волынской, Смоленской и Полтавской, а также найденные г. Ивановским в новгородских могилах XI и XII вв. разного рода предметы, относящиеся к украшениям и вооружению, ясно показали, что наши предки многое заимствовали (цвета, узоры и орнаментику) с востока, вернее сохранили в первобытной форме культ своей древней родины — Арианы и соседнего с ней — Ирана. Известно, что восток особенно любил цвета красный, синий, зеленый, черный и желтый и всецело передал эти цвета в наследие славянам.

Новгородцы всегда любили сочетание цветов красного с синим в одежде с дополнением черного и зеленого с серебряными разводами в орнаментации построек своих капищ, а потом и церквей и эту любовь к цветам целиком перенесли на Дон вместе с упорством в сохранении своих старых прадедовских обычаев, вечевым правлением, с своеобразным отношением к церкви и проч.

Помимо всего изложенного, связь новгородских областей с Доном сказывается еще, кроме народного говора, о чем мы уже говорили, в памятниках народного эпоса и оставшейся пись-

---

[255] Все догадки и исследования гг. Иловайского, Корсакова, Снегирева, Бульмина, Бестужева-Рюмина и археолога гр. Уварова и др. о когда-то существовавшем на Волге арском племени объясняются очень просто: часть арийцев из Арианы по восточным берегам Каспийского моря перешла на Волгу и привила свою цивилизацию мордовско-черемисским племенам, оставив им в наследство имя богов *азар* или *язар* и названия Арское поле (близ Казани), Ардатов, Арзамас, кон-аз — князь, каковым именем назывались правители мордвы и др., а также наименование р. Волги — Ра, Раса и Арас, стоячей воды или болот *рясы*, древнерусского города Рязань, от идолопоклонников Арианы — *расов*.

менности[256]. Известно, что все былины о князе Владимире и древнерусских богатырях его эпохи, как то: Илье Муромце — матером казаке, Добрыне Никитиче, Алеше Поповиче и бое его со змеем Горынычем, Дюке Степановиче и др. найдены в новгородских областях и Западной Сибири, куда новгородская колонизация проникла рано, как и казацкая в XVI в.[257]

Эти же былины, хотя и не в целости, а некоторые с другими вариантами, но тождественные по языку и способу выражений мысли и чувства, а также и стихосложению, найдены и на Дону в станицах Клетской (Илье Муромце), Усть-Быстрянской (Бой Алеши Поповича со змеем, Дончак — Добрыня Никитич, спор сокола с конем, спор Ивана Гардиновича с князем Владимиром), Богаевской (Дюк Степанович), Пятиизбянской (про Кузюшку), Нижнекурмоярской (про Александра Македонского и дочь кн. Владимира, молодого наездника и Аннушку, дочь княжескую), Арженовской (Индей землю и Индик-зверя), Усть-Белокалитвенской (Индрик-зверя), Мариинской (спор сокола с конем — другой вариант) и в др.[258]

В сборниках донских песен С. Робуша, Сальникова, А. Савельева, А.Н. Пивоварова и др. также имеются древние казачьи былинные песни, записанные со слов старожилов. По идее, способу изложения и по выражению чувства и мысли эти былины-песни поразительно схожи с древними былинами, найденными в новгородских областях, т.е. в губ. Новгородской, Олонецкой, Архангельской и др., даже в некоторых местах тождественны.

---

[256] Говор казаков обнизовых станиц, так называемый *черкасский*, отличающийся сюсюканьем и смешиванием шипящих звуков с свистящими есть собственно говор казаков *азовских*, сложившийся в течение веков под влиянием эллинизма. Говор этот казаки перенесли на Терек, в старые гребенские станицы, и в низовье Урала. Образцы этого говора: *Миса* — Миша, *Саса* — Саша, *Маса* — Маша, *Дуса* — Душа (Авдотья), *Бозицка* — Божечка, *игрусицка* — игрушечка, *весць* — вещь, *ми* поставили *угодницку свецицку*, невозможно зить (жить), шорок — сорок, шкажу — скажу, пятница — пятница, крыша — крыса, отчего можно услышать такую фразу: у нас под *крисай крыши* завелись.

[257] Сборник Кирши Данилова, составленный в начале XVIII в. для Демидова со слов «сибирских людей».

[258] Песни донских казаков, собранные А.М. Листопадовым и С.Я. Арефиным в 1902—1903 гг., выпуск I, изд. в Дон., 1911 г. Былины эти с разными вариантами пелись и теперь еще поются стариками по всему Дону, хотя многие из них до сего времени еще не записаны.

Былина про Кузюшку — вариант былины об Илье Муромце.

Днепровская Русь (малороссийская) и московская (владимиро-суздальская) былин этих не знает, первая потому, что с уходом, после Владимира и удельных князей, новгородско-варяжских дружин на север, иначе сказать — с отделением Новгорода от Киева и Владимира в прежнюю, самостоятельную жизнь, на Днепре стал преобладать элемент местный, Червонно-днепровской Руси во главе с черкасско-запорожским казачеством, с его вековой борьбой с татарами и турками, а потом с Польшей, с другими интересами и идеями, с другими героями и новыми героическими песнями. Старых эпических богатырей забыли, т. к. на смену им явились новые. Московская же Русь древних богатырей совсем не знала. Один Новгород помнил о них, так как они стояли ближе к нему по духу и вышли большею частью из среды его дружин. Песни о них они перенесли и на Дон. Кроме того, как говор новгородских областей, так и язык новгородских летописей и былин отличаются замечательной чистотой и легкостью, которые приближают их к современному литературно-народному. Владимиро-суздальская Русь, а потом московская этим языком не говорили, по крайней мере, письменных памятников о том по себе не оставили, а то, что имеется под руками (более 100 томов дипломатической переписки Москвы с соседями), представляет какую-то неудачную смесь древнеславянского языка с местным московско-суздальским говором[259]. Так называемый современный московский говор, чистый и легкий, есть уже работа позднейших веков, сложившийся, как в столице, из лучших русских элементов под влиянием новгородских областей, как более культурных, и Литовской Руси, развившейся раньше Москвы. При этом надо иметь в виду, что этот говор распространен только в окрестностях Москвы, по радиусу не более 100 верст. Соседние губернии имеют каждая свой особенный говор.

Старые донские письменные памятники, помимо песен и былин, отличаются, как и новгородские, такой же чистотой и легкостью. Летописные сказания о Ермаке и его подвигах, писанные его сподвижниками-новгородцами, среди которых грамотность была развита, имеют те же достоинства.

Отписки казаков Москве XVI и XVII вв. по поводу случившихся на Дону событий отличаются замечательной чистотой языка. Кто же писал эти документы, если не новгородцы? Ведь

[259] Сборн. Имп. Рос. Ист. О-ва, т. 1—124. Донские дела, кн. I и II. Акты Г.М. Лишина, т. I—III и др.

нельзя же допустить, что отписки эти составляли неоднократно переселявшиеся на Дон партиями запорожцы, которые, в силу исторических судеб, сталкиваясь и пополняясь малороссами, говорили языком галицко-днепровской Руси; и не казаки азовские, как оторванные многие века от России под влиянием греков имели совсем особенный говор, также не казаки рязанские, северские и белгородские, имевшие свой говор. Эти документы писали новгородцы, поселившиеся на Дону. Приведем образцы этих отписок.

В 1630 г. по поводу казни боярина Карамышева в Черкасске казаки писали царю: «Мы, Государь, неотступники, неизменники и нелакомцы: служим тебе, Государю, верно... Государь! если мы тебе и всей земле русской ненадобны, — не воспротивимся: Дон реку от низу и до верху и реки запольные, от самых украинных городков, крымцам и ногайцам очистим и с Дону, если укажешь, сойдем»[260].

В 1632 г. по поводу требования принести присягу Москве на верность службы казаки писали: «Крестного целования на Дону, как и зачался Дон казачьи головами, не повелось; при бывших государях старые казаки им, государям, неизменно служивали не за крестным целованием; в которое время царь Иван стоял под Казанью и по его государеву указу атаманы-казаки выходили с Дону и с Волги и с Яика и с Терека и атаман Сусар Федоров и многие атаманы — казаки ему, государю, под Казанью служили — не за крестным целованием».

Отписка казаков 1637 г. по поводу взятия Азова, полная чувства искренности и поэтических красот:

«Пошли мы под град Азов с великия скорби, помня свое крещение и святыя Божия церкви и свою истинную крестьянскую (христианскую) веру... и пошли, государь, мы под тот град Азов, все утвердишеся сердцами своими единомышленно и поболев душами своими о нашей крестьянской вере, и его осадили, апреля в 21 день... и тот град мы взяли июня в 18 день и тех бусурманов, азовских людей, под меч подклонили и всех за их

[260] В 1630 г. Михаил Феодорович за разорение казаками турецких владений прислал на Дон 28 августа опальную грамоту и клятву патриаршую об отлучении их от церкви; царь требовал от них помириться с султаном, соединиться с турками и татарами и идти вместе с ними воевать земли польского короля. Грамоту эту привез на Дон Иван Карамышев. Казаки окончательно воспротивились царскому повелению, говоря, что они никогда не служили с врагами христианства заодно. За гордое обращение и угрозы казаки убили Карамышева и бросили в Дон, а царю послали отписку, приведенную выше.

неистовство побили... И Божиею, государь, милостию и Пречистыя Богородицы помощию и святого славнаго пророка и предтечи крестителя Господня Иоанна умолением посольских людей на колодах пронесло мимо града на низ в наши таборы с их изменничьи грамоты и мы, государь, не утерпе сию измену и за то волшество их, что стоя под Азовом терпим голод великой и всякия нужныя скорби, того турскаго посла Фому Кантакузина со всеми его людьми побили до смерти»...[261]

Песня, сложенная, по преданию, самим Степаном Разиным в 1671 году.

Схороните меня, братцы,
Между трех дорог.
Меж Московской, Астраханской,
Славной Киевской;
В головах моих поставьте
Животворный крест,
А в ногах моих положьте
Саблю вострую.
Кто пройдет или проедет —
Остановится,
Животворному кресту он
Тут помолится,
Моей сабли, моей вострой
Испугается:
Что лежит, мол, вор удалый,
Добрый молодец,
Стенька Разин, Тимофеевич
По прозванию.[262]

---

[261] В то время, как казаки готовились ко взятию Азова, на Дон по пути в Москву прибыл турецкий посол грек Фома Кантакузин. Казаки задержали его и продолжали свое дело. Скоро они узнали, что посол тайно сносится с крымцами и азовцами, предупреждая их о скором штурме Азова. Посланный в Азов Кантакузиным грек был пойман казаками и во всем сознался. Кантакузин был казнен. Взорвав чрез подкоп часть стены, казаки в 4 часа утра 18 июня 1637 г., очистившись перед этим постом и молитвою и исповедавшись, пошли на приступ, говоря со слезами друг другу: «Поддержим, братия, честь нашего оружия, постоим за православную веру и за святой храм; умрем, если так суждено, но не посрамим себя».

[262] Слово *вор* в то время, т.е. в XVI и XVII вв. означало *ослушник, бунтовщик*, не признававший ничьей власти.

Воззвание атамана Кондратия Булавина к казакам в 1707 г.: «Всем старшинам и казакам за дом Пресвятыя Богородицы, за истинную христианскую веру и за все великое войско Донское, также сыну за отца, брату за брата и другу за друга стать и умереть за одно! Зло на нас умышляют, жгут и казнят напрасно, вводят в эллинскую веру и от истинной отвращают. А вы ведаете, как наши деды и отцы на всем Поле жили и как оное тогда крепко держалось; ныне же наши супостаты старое наше Поле все перевели и нивочто вменили и так, чтобы нам его вовсе не потерять, должно защищать единодушно и в том бы все мне дали твердое слово и клятву»[263].

Таких образцов письменности в материалах для истории Дона очень много. Язык этих документов, как сами могут убедиться читатели, с письменными памятниками Москвы XVI и XVII вв. имеет мало общего. Это язык древних новгородцев.

В верховых станицах преобладает говор на *я* и на *ша:* чаво, яво, ишшо и ишто, штобы, няльзи, табя, сабя, мяня, братишша, дружишша, переходящий ниже, во 2-й и 1-й Донские округа, в более смягченный: чиво, иво, тибе, сибе, мине, он говоря, пиша, читая (читает), ходя, едя, бегить и др. Далее, в низовьях Дона и по Донцу в говор казаков начинают уже примешиваться слова малороссийские, занесенные туда запорожцами и малороссийскими черкасами, часто с мягким выговором на *ми* и *ви*

[263] Тайные проповедники старообрядчества впервые появились на Дону в 1676 г., когда казаки случайно узнали, что поселившиеся на Крымской стороне чернецы не молят Бога за царя и патриарха. Один из этих старцев был схвачен и сожжен в Черкасске. Но скоро старые донские политиканы, недовольные московскими порядками, Самойла Лаврентьев, Павел Чекунов, Кирей Чурносов и др., поняли, что, покровительствуя расколу, они легко могут отделаться от влияния Москвы, а потому, не входя в детали религиозного учения старообрядчества, всячески старались залучить к себе побольше приверженцев и с их помощью отстоять старые казачьи права, наполовину уже отнятые Москвой, в особенности после подавления бунта Степана Разина. Хотя войсковой Круг, во главе с атаманом Фролом Минаевым, верным приверженцем Москвы, и выдал главарей раскола (в Москве они были казнены), но скоро многие дальновидные донские деятели увидели, что они, выдав своих сограждан, сделали большую ошибку. Этим настроением воспользовался атаман Кондратий Булавин, подняв Дон против самовластия Петра Великого и его вельмож. Приверженцы Булавина среди простых казаков проповедывали, что «Рим, поляки и Киев с товарищи, и Греки, и Москва отпали от истинной веры и исповедывают латинскую и новоэллинскую». Вот почему в письме Булавина, приведенном выше, и употреблено выражение: «вводят в эллинскую веру и от истинной отвращают». Раскол на Дону. В.Г. Дружинин. СПб., 1889.

(мы и вы). Также появляются и малороссийские фамилии казаков, с позднейшим прибавлением окончания на *ов*, а также на *ий* и *ич:* Трофименков, Абраменков, Филенков, Ханжонков, Сидоренков, Гайдамаченков, Тимощенков, Савченков, Панченков, Лехницкий, Крупницкий, Луковский, Вансецкий, Венцович, Балашевич, Облакевич и др.

Вообще на Дону чуть ли не в каждой станице или в каждом районе в простонародье имеется свой особенный говор, отличный от великороссийского. Но несмотря на все это, по всему Дону, от верху и донизу, красной нитью проходит по станицам и хуторам говор новгородский, чистый и звучный, как и бросающийся в глаза самый тип этого элемента казачества, его домовитость и закоренелый консерватизм, удерживающий с поразительной стойкостью древние обряды и обычаи, а также и религиозные мировоззрения в виде старообрядчества и разного рода сектантства.

Глава V
Арийцы из Арианы. Ас-Саки — Казаки

Народы древней Арианы, жившие по Семиречью в Средней Азии и известные в науке под общим названием *арийцев*, за несколько тысячелетий до нашей эры стояли уже на высокой степени развития; об этом свидетельствуют оставленные ими письменные памятники, собранные в двух книгах — «Авесте» и «Риг-Веде».

В гимнах Риг-Веды очень часто встречается термин «Асур» и «Асуры», связываемый всегда с орошением страны, от чего собственно и была богата Ариана. Этим именем называли каких-то полубогов, то благодетельных, которым поклонялись, то вредоносных, которых страшились, то каких-то титанов, с которыми нередко боролось высшее божество. Ни один из комментаторов арийских книг не определил ясно, какую собственно роль играли Асуры в Ариане; мы же, проследив внимательно гимны Риг-Веды, в которых говорится об Асурах, скажем положительно, в чем читатели убедятся ниже, что этим именем арийцы называли свое военное сословие и своих национальных героев, охранителей очень сложных и ценных оросительных со-

оружений. В мирное время они ими тяготились, а в военное, при столкновении с окружавшими их полудикими народами, восхваляли и превозносили до небес. Мы так судим об этом не по мировоззрениям массы, которые нам неизвестны, а лишь по поэтическим произведениям отдельных певцов, оставивших нам свои гимны.

После геологической катастрофы, постигшей Ариану более чем за две тысячи лет до Р. Х., арийцы стали искать новых мест для поселения.

Часть из них, более культурная, судя по сохранившимся письменным памятникам, переселилась на юг в Пенджаб, в Пятиречье и далее в Индию под именем Индов (Поречан) и Саков или Сакиев; другая осталась в соседней Бактриане под этим последним названием, т.е. Саков, и Гетов или Массагетов; третья проникла на Иран под именем Иров или Аров (арийцев) и далее в Месопотамию, положив основание халдейской и ассирийской цивилизации. Главное божество Ассирии, вернее — первые обоготворенные завоеватели, — наз. Асур, Ассур или Ашур[264]. Четвертая под именем Гетов (Хетов) образовала сильную монархию по восточным уступам Киликийских ворот, долине Евфрата и Сирии, распространившуюся потом от берегов Черного моря до Средиземного и Палестины, потом, спустя несколько веков, распавшуюся. О столкновениях Гетов во главе других народов с фараоном Рамзесом II мы уже говорили в VI главе.

Авраам по переселении из Халдеи в землю Ханаанскую, около 2000 года до Р. Х., застал там Гетов или Хетов, живших оседло в благоустроенных городах и отнесшихся к нему с покровительством, как сильный народ к слабому и мирному пастуху[265].

Этим и объясняется, почему в языках персидском (манифест Дария Гистаспа), халдейском, ассирийском, финикийском и в особенности еврейском много слов с русско-славянскими корнями, занесенными туда при переселении арийцами, как народом более культурным, чем туземные племена.

Переселение арийцев из древней их прародины Арианы вызвано, как сказано выше, геологической катастрофой. Переселение это шло иногда мирным путем, а больше завоеватель-

[264] Древняя история народов Востока. Масперо. М., 1903. Гл. IV — Халдея, стр. 130—132; гл. VII, стр. 290—293.

[265] Книга Бытия, гл. 23, ст. 3—17.

ным. Впереди шли Асуры, т.е. военное сословие, или Геты (от геть — идти вперед), за ними уже мирные жители.

Вся Малая Азия, вплоть до Мраморного моря и Архипелага, усеяна памятниками древних Гетов, в виде выбитых на скалах надписей, барельефов с двуглавыми орлами, статуй, развалин храмов и др.[266]

Культура древней Трои и недавно открытая археологом М. Эвансом доисторическая цивилизация на о. Крит, а также Этрусские памятники в Италии говорят нам о великом народе Гетах-Руссах, стоявших за 20 веков до нашей эры на высочайшей степени развития, имевших свою письменность и пользовавшихся ею в повседневной жизни.

Вместе с именем Гетов тесно связано имя рос, рось, расы, рса, рша, расены, рсены, занесенное из древней Арианы, а также термин «Ас», означавший первоначально народных героев, потом богов.

Книга Бытия говорит (гл. 10, ст. 10 и 11), что Ассур вышел из земли Сеннаар и построил Ниневию. После этого Ассур стал богом и покровителем Ассирии. Имена большей части первых царей этой монархии начинались со слога «Ас»[267].

О. Кипр был известен египтянам под именем Аси[268].

Царь Гетов-Руссов Эней, умирая в чужой стране, взывал к древнему арийскому богу Асменю. (Надгробная плита Энея.) В Индии, Персии, Халдее и в государствах Малой Азии слово «аз» означало бога или господина, а также воина. Сарбаз — солдат пехотинец в Персии — царский аз, воин.

Азы — боги древних скандинавов, переселившиеся туда с юга, из страны Свитиод — света, Перкун-аз — главное божество у литовцев, то же, что у славян Перун, а у индусов Парана, бог грома и молнии, от глагола бить, переть, попирать. Азар (Аз-ар) или Язар — языческий бог у мордвы. Витязь (вит-аз), князь (кон-аз), сербско-черногорское «кньаз», литовское «кунигас», т.е. конный аз, означало владыку или господина. Это господство военного сословия над туземными жителями занесено из Арианы при перенесении арийцев-расов в восточную

---

[266] Масперо. Древняя ист. народов востока. Гл. VI, стр. 247. Геты Малой Азии ходили на помощь Трое. Одиссея, XI, 519—521.

[267] Масперо. Гл. VII, стр. 290 и 291.

[268] Там же. Гл. VI, стр. 237.

Масперо — известный археолог, востоковед и египтолог; в 80-х гг. прошлого столетия он был директором музея в Булаке, под Каиром.

Европу, на Волгу, Дон, Кубань, Днепр и берега Балтийского моря в тот же период времени, т.е. после катастрофы в Ариане.

Геты-Азы или Геты-Расы, т.е. Руссы, оставили нам и древнее название рек «дан», по греческому выговору «тан», по осетинскому и русскому «дон».

Илиада говорит (XX, 215 и след.), что Дарданос (дар дана) под покровительством Юпитера Идейского (горы Иды близ Трои) основал город Дарданию и сделался родоначальником дарданов, т.е. троянцев.

Таким образом, арийцы под именем Саков, Гетов-Руссов, Азов и Индов (по греческим историкам — Скифов) прошли всю западную и южную Азию до Египта и вторглись в восточную и южную Европу под теми же названиями. Страбон (I в.) записал древние азиатские предания, утверждающие, что один скифский царь (вернее — несколько царей и не в один век), именуемый Индотирсесом (Инд-ти-рса — рос), победоносно прошел всю Азию и проник даже в Египет[269].

О переселении Тирсенов и Сарданов из Малой Азии в Италию, острова Средиземного моря, Африку и другие страны говорит и Геродот, в кн. I, гл. XCIV[270].

Саки или Скифы (часть из них называлась Сколоты) из Азии переселились в восточную Европу и заняли почти всю нынешнюю Европейскую Россию в XV в. до Р. Х.[271] Переселение это шло не сразу, а в течение нескольких веков. Скифы вытеснили из названных мест тамошних туземных жителей Киммерийцев, ушедших в Азию чрез Кавказ и Фракию, и заняли реки: Волгу, Днепр, Днестр, Дон и Кубань, а потом и Дунай[272]. Скифы вынесли из Арианы культ поклонения воде, росе, отчего они стали именоваться расами, россами, ресами, рсою и т.д.

Для нас теперь является весьма важным вопрос о происхождении народов, населявших берега Азовского и Черного морей от устьев Днепра до Кавказа. Геродот говорит, что в его время (IV в. до Р. Х.) на Таманском полуострове жили Синды или Инды[273]. О Синдах, живших в том же месте, упоминает и Страбон, а также о их соседях Аспургах, Чигах и Керкетах (Чер-

[269] Страбон, кн. XV, гл. I, 5—6.

[270] Древняя ист. народов востока. Масперо. Гл. VI, стр. 253—254.

[271] Геродот, IV, 5—7. Сколоты — щитоносцы, имевшие на щитах орла, символ царской власти, сокола, отчего эта птица и получила свое название: сколот — соколот, сокол.

[272] Там же, IV, 11, 12 и 13.

[273] Геродот. IV, 28.

Гетах)[274]. Инды имели много городов и высокую культуру. Гавань их на Таманском полуострове славилась торговлей. Инды были рыболовы и земледельцы. Николай Дамасский (в V в. по Р. Х) говорит, что Инды клали в могилы умерших столько штук рыбы, сколько они убили врагов (фрагм. 121). Подобные обряды погребения встречаются при раскопках могил в южнорусских степях и по берегам Аму-Дарьи.

Синды или Инды — Поречане, пришедшие из страны Семи Индов или Семиречья, с подножий Индукуша или Индукоха (кохающего инды — реки). Главное божество арийцев, по Риг-Веде, заведывавшее царством облаков и орошением, было Индра (Инд-ра), которому посвящены многие гимны (Риг-Веда, ч. 8, гл. 5, гимн X, § 8 и 9).

Аспурги — Асы и пургос — башня по-гречески, т.е. Асы, живущие в укрепленных городах с башнями; так называли их греки.

В первых годах нашей эры Аспурги овладели всем Босфорским царством, т.е. всем побережьем Азовского моря, основали там свою сарматскую династию царей, владычествовавшую до 337 г., до образования Гуннской монархии.

В тех же местах, т.е. по берегам Азовского моря и далее на запад в первых веках нашей эры жили Роксоланы или Рос-Аланы (Страбон). Аланы, народ благородного происхождения, называвший себя на своем языке — Ас, Черкасы или Сер-Асы, Джигеты (Чиги-Геты) и просто Геты, наводившие страх на греков и римлян своими морскими набегами.

Народы Приазовья исповедывали христианскую веру с первых веков нашей эры, имели своих епископов и архиепископов, свою русскую письменность и храмы (глава IX).

Об Аланах, Чигах, Казаках, Ясах или Асах, Касогах и Касагах, Хазарах или Казахах (Ас-арах, т.е. арийцах) Приазовья говорят и Константин Багрянородный и наши летописи X и XI вв.[275]

Хазары, переселившиеся с Дона на Днепр в X—XII и XIV вв., называли себя Асами или Ясами, Казахами или Казаками, т.е.

---

[274] Страбон. XI, 2.1.

[275] Мнение некоторых историков о тюркском или еврейском происхождении хазар не имеет под собой научной почвы и опровергается данными, приведенными в X гл., и письмом хазарского царя Иосифа министру испанского калифа около 960 г., опубликованным проф. Гаркави на V археологическом съезде в г. Тифлизе в 1879 г. Проф. Гаркави известный знаток и переводчик арабских летописей.

Асами-Саками, и Черкасами. Оставшиеся на Дону и Кубани Асы или Казаки-Черкасы с появлением татар, отличавшихся в первое время большой веротерпимостью, вошли в состав Золотой Орды под именем Чигов, Гетов и Россов; о чем свидетельствуют современники татарского владычества, греческие историки Никифор Григора и Георгий Пахимер, а также посланники к Батыю — французского короля Людовика Святого Рубруквис и папы — Плано Карпини, называя этот народ славянами, аланами—ясами и «народом особенным». Русские летописи их называют «бродниками», т.е. свободными, также «черными клобуками» и Черкасами. Бродники ходили на службу к русским великим и удельным князьям, в Орде же пользовались разными льготами, составляя в ханских полчищах передовую конницу. Для них в 1261 г. была учреждена особая епархия, именовавшаяся Сарской и Подонской.

С принятием татарами в половине XIV в. магометанства казачеству Золотой Орды пришлось терпеть разные притеснения и унижения, ввиду чего большая часть из них стала усиленно переселяться на Днепр и в русские украинные городки и даже в новгородские области.

Донское «Поле» к концу XIV в. опустело. Лишь Черкасы низовьев Кубани и предгорий Кавказа геройски отстаивали свою веру и независимость, но и они после вековой борьбы частью погибли, а частью ушли на Днепр; немногие из них остались на месте, смешались с некоторыми татарскими племенами, приняли магометанство и стали известны у южных народов, персов и турок, за их дерзкую храбрость и отвагу, под кличкой «черкесов», т.е. головорезов, по созвучию и осмыслению прежнего их имени «черкасов»[276].

Часть казаков осталась и в Азове, в своей древней столице, подпав в 1471 г. под власть турок. Но и оттуда они скоро были изгнаны на Днепр, а потом переселились под Путивль (стр. 202—204).

[276] По исследованию проф. В.И. Васильева, известного ученого — синолога и историка Средней Азии, под именем монголов, покоривших Россию, надо понимать не один какой-либо особый народ, а множество народов Азии, вошедших в состав полчищ Чингисхана. Это те народы, которых описал еще в X в. арабский этнограф Абу-Долеф, а именно: харки, тахтаты, наджа, баградж, тюбетцы, кимаки, тагазгузы, хиргизы, харлухи, баги, буртасы, болгары и др., всего более 24 народов. С ними-то смешались остатки черкасов, образовав разноплеменный и разноязычный народ черкесов.

Оставшиеся в Золотой Орде казаки, принявшие магометанство и смешавшиеся с татарами, стали известны с 1500 г. под именем казаков «ордынских», наводивших в XVI в. страх на купеческие и посольские караваны на Волге и у Переволоки. Потомки этих казаков теперь известны под именем Киргиз-Кайсаков, вернее, как сами они произносят — кхасаков, т.е. киргизских казаков.

Об обратном движении казачества на Дон с Днепра и разных украинных городков Русского государства, а также и новгородских областей подробно изложено ранее.

* * *

Итак, арийцы, выселившиеся из Арианы, распространились по всей западной и южной Азии, восточной и южной, а потом и остальной части Европы.

Военное сословие у них называлось «Ас», Ассиры или Ассуры. (Ас — сир, сер, сар, царь — господин, никому неподвластный).

Передовые отряды Асов носили название Геты, Хеты, Четы, Гайдамаки и т.п., от геть — идти вперед, в поход.

По первобытному религиозному культу древней Арианы назывались: расами, рашанами, ресами, рсою, ршою, росью, россами и руссами, т.е. поклонниками воды, росы.

По вооружению — Саками, от сак, сек, сечь, сечники, т. к. главное и самое страшное их оружие, помимо копья, а потом меча, было сагар или сакар — секира[277]. Асы-скотоводы назывались аланами.

Предводители отрядов Гетов именовались *гетманами,* от древнего mant, мидийского mat, индусского ману, персидского ман — начальник, глава, отец (батько) Гетов.

Герб начальников Гетов был двуглавый орел[278].

На всем указанном пространстве в течение многих веков звучала речь Азов-Гетов, близкая к говору древнерусскому, оставив в языках туземных народов множество славяно-русских корней, названий городов, местностей, рек и др.

Куда проникли Азы-Геты или Ас-Саки, мирным ли путем или с мечом в руках, от Индии до Италии и Испании и от дельты Нила до Скандинавии, там они, как носители древней арий-

[277] Страбон. XI. 8. 4.

[278] Элизе Реклю. Древняя Истор., гл. IV. Финикия. Племя Хетов.

ской цивилизации, становились во главе правления, составляя из себя высшее благородное сословие — «конных азов» или князей и «Азов-Саков» или *Казаков*[279].

Из этого сословия арийцев вышли богоподобные герои великие проповедники истины, пророки, законодатели и мудрецы, как то: Ману и Сакия Муни (сакский мудрец) — в Индии, Асур, Нин, Семирамида, Гамураби (великий законодатель) и др. в Ассирии и Вавилоне, троянские герои и наши былинные богатыри.

Всюду Азы-Саки несли свои культурные взгляды на свободу личности, развивали торговлю и промышленность и основывали новые казачьи общины во главе с своими князьями — «конными азами». Везде господствовал их гето-русский язык. Это военное сословие гордо именовало себя Ас-саками или *казаками.* С этим именем всегда связывалось понятие свободный, никому не подвластный, собственник.

Ас-саки в древности владели всей западной Азией, представляя в существовавших там государствах высшее военное сословие. Ввиду чего в древнееврейском, халдейском и арабском языках сохранился термин *«хазака»*, право на владение собственностью. *Хазака* — это юридический правовой институт, право собственности на основании давностного владения. Хазаки — владельцы этого права, собственники, никому не обязанные, никому не подвластные. От этого еврейское хазакин или хозакин — собственник, наше — хозяин. Наши евреи читают это слово *хозак,* караимы, халдеи, арабы и все азиатские и африканские евреи — хазак[280]. В русских летописях, донских и запорожских древних актах также писали то козак, то казак.

Азовское море, а иногда и Каспийское у арабских историков называлось Хазак-денгис — Казацкое море. У этих же историков и географов, а также и у турок гор. Азов именовался Хазак, Азак, Адзак, Хазава и Хазова, т.е. Казачьим городом.

---

[279] Азы или, по греческому выговору, Аспурги, а по северным готским преданиям — Asgard, страна городов Азов в Приазовье. Из этой страны около I—II вв. нашей эры перешел на север, на берега Балтийского моря, в Приморскую Русь с частью Готов или Гетов-Асов Оден или Водан. Эти Азы смешались с туземными народами, и язык их стал общим в прибалтийских странах. Edda Island., cap. III. Hervarar Saga, cap. I. Ист. Швец. Далина.

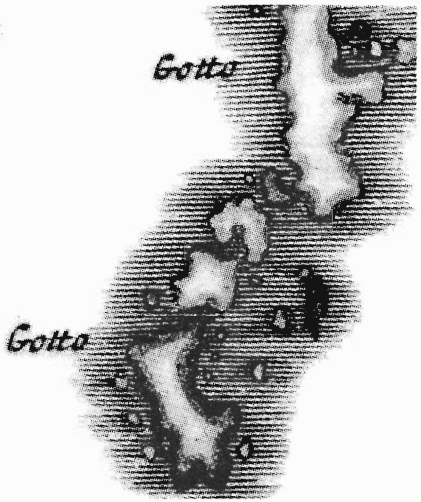
[280] Письменное сообщение ученого еврея Литмана Эпштейна 1916 г., февраль, Ростов-Дон. Авт.

Константин Багрянородный одну часть жителей Приазовья называет Казахами, а русские летописи Касогами и Касагами или просто Асами и Ясами.

У армянских историков Казары и Касоги назывались Кушанк или Кушаки[281].

Все эти названия, разбросанные на пространстве многих веков, одного и того же народа, вернее — сословия, военной касты славян-руссов, на разных языках означают одно и то же собственное имя, каким и до сего времени это военное сословие с гордостью себя называет — Ас-Саки, Кас-Саки, т.е. Казаки.

Остров под названием COSYQUE на старой карте Японии. Вероятно, это название указывало на КАЗАКОВ. Взято из атласа Блау (Blaeu Joan. «Novus Atlas Sinensis», 1655; переиздание: Verlag Müller und Schindler, 1973).



Острова под названием GOTTO на старой карте Японии. Вероятно, это название означало тогда ГОТЫ, то есть казаки. Взято из атласа Блау (Blaeu Joan. «Novus Atlas Sinensis», 1655; переиздание: Verlag Müller und Schindler, 1973).

[281] Георгий Монах. История, часть I. Во время похода Аттилы на запад на Гуннскую монархию напали персы. Это случилось в то время, когда Касоги или Казахи Приазовья ходили по просьбе воеводы Вартана на помощь Армении.

Глава VII*
Отношение Дона к Москве при царе Михаиле Феодоровиче

С избранием в цари Михаила Феодоровича казаки возвратились на Дон. Только небольшая часть из них, около 200 человек, вместе с уральскими и терскими присоединилась к Заруцкому, ушедшему с Мариной Мнишек в Астрахань и не признавшему нового царя. Подстрекаемые королем Сигизмундом, обещавшим ему в удел то Новгород, то Псков или Смоленск, когда сам получит московскую корону, Заруцкий рассылал своих агентов по Хопру, Бузулуку и Медведице, прельщая легковерных перейти на его сторону. Агитация его имела слабый успех[282]. Благоразумные казаки хорошо понимали, что спасение России в единении и единомыслии всех ее областей.

Дух верности к законно избранному царю постепенно креп, в особенности в городках, расположенных ниже Пятиизб[283]. К настроению казаков Москва чутко прислушивалась. Когда донской атаман Стародуб по старому обычаю явился в Москву с легкой станицей приветствовать царя от лица всего войска, его встретили там с большим восторгом и приняли с великой честью, всех казаков одарили и послали на Дон жалованье и грамоту, с выражением за их мужество и стойкость благодарности и похвалы. Митрополит и весь духовный собор с своей стороны послал им свое пастырское благословение. Никогда еще казаки не видали себя в подобном почете и милости у российского двора. «И за те ваши службы, — писали духовные отцы, — буди на всех на вас Божия милость и наш и вселенскаго собора мир и благословение и умножи Господь лета ваши и подай вам Госпо-

---

[282] Русские историки, в особенности Иловайский, любят подчеркивать, что будто бы донские казаки присягали и Лжедимитрию 1-му и 2-му, и Тушинскому вору, и Владиславу... Это неверно. Казаки ни одному из них и даже московским царям, включая и Михаила Федоровича, клятвы на верность службы не давали. Вопрос о присяге московским царям впервые был возбужден в 1632 г., но казаки и тогда принести присягу отказались. Отписка казаков царю 1632 г. Об этой отписке подробно будет сказано ниже.

[283] Городок Пятиизбы, расположенный на границе с Астраханью, имел пять станичных куреней, изб, по-современному — пять станичных правлений.

* Глава VI в первоисточнике не опубликована (исключена автором?). — *Примеч. ред.*

ди вся благая по прошению вашему и устрой вам вся полезная, якоже весть святая Его воля, а мы за вас за всех соборне Бога молим *и челом бьем*». Царского посла Протасьева, ехавшего в 1613 г. в Царь-град с извещением о вступлении на престол царя Михаила, казаки на Дону, в нижних юртах, встретили 26 октября в войсковом кругу с большими почестями, стреляли из пушек и пищалей, читали в кругу грамоты царя и духовенства и от умиления плакали. Тут же постановили послать в верховые городки, на Волгу и Астрахань гонцов для убеждения бунтовщиков, приставших к Заруцкому, грозя, в противном случае, идти на усмирение их всем войском; заключили мир с азовцами, дабы не делать помехи послу свободно исполнить царское поручение в Царь-граде. Словом, казаки как бы переродились, все их действия вполне соответствовали видам московского правительства.

Увещания и угрозы войскового круга подействовали на волжских мятежников, и они скоро разошлись по своим местам, оставив Заруцкого с Мариной и ее сыном на произвол судьбы. Заруцкий бежал на Яик, но был скоро схвачен царскими войсками и казнен вместе с сыном Марины в 1614 г. Сама Марина умерла в тюрьме. На Дону и Волге все успокоилось.

В ноябре 1613 г. казаки отправили в Москву новую станицу с атаманом Бедрищевым, благодарили царя за милостивое к ним отношение, уверяли в готовности жертвовать за него жизнью и просили о присылке им жалованья: хлеба, пороха, свинцу, селитры и проч. Царь вручил атаману подхвальную грамоту к войску Донскому и за его боевые заслуги знамя (первое). «И вам бы, — писал царь, — с тем знаменем против наших недругов стоять и на них ходить»...[284]

Царское жалованье и знамя были привезены атаманом Бедрищевым и дворянином Опухтиным в юрт (стан, земельное владение) войскового атамана Смаги Степанова Чершенского. Казаки собрались в круг. Опухтин спросил всевеликое войско Донское *о здоровьи*. Атаманы и казаки отвечали: «Дай Бог, чтобы государь царь и великий князь Михайла Федорович всея России здоров был и счастен и многолетен на своих великих государ-

[284] Донские дела. Кн. 1-я, стр. 69. Грамота 18 марта 1614 г.: «От царя и великаго князя Михаила Феодоровича всеа Русии на Дон, в нижние и верхние юрты, атаманом и казаком, Смаге Степанову (Чершенскому), Епихе Родилову и всем атаманом и казаком Донским, низовым и верховым».

ствах». В кругу была прочтена грамота. В часовнях пели молебны о царском здравии, стреляли из *большого наряду* и мелкого ружья. Затем вынесли в круг царское знамя и положили под ним осужденного на смерть человека. Из круга вышли несколько казаков и предложили Опухтину, чтобы он, ради царского имени, отпросил у них осужденного. Тот так и сделал. Казаки прокричали: «Дай Бог, чтобы государь царь Михайла Федорович здоров был на многия лета!» Таков был старый казачий обычай.

В царской грамоте от 8 октября 1614 г., адресованной «на Дон, в нижние и верхние юрты, атаманом и казаком, Смаге Степанову и Епихе Родилову и всем атаманом и казаком», впервые добавлены слова: *«и всему великому войску»*.

(В грамоте 1617 г. 29 июля — «и всему великому войску Донскому»).

Выражение «самодержец» во всех царских грамотах на Дон отсутствовало до самого 1657 г., когда оно употреблено было впервые.

В 1615 г. донские казаки получили от царя право на свободную и беспошлинную торговлю всякого рода товарами по всем украинным городам[285].

При сношениях с ногайскими князьями в царских грамотах вначале ставились слова *«Божию милостию,* от великаго государя, царя и великаго князя Михаила Феодоровича всеа Руссии *самодержца* и многих государств государя и обладателя, наше царское *повеленье* и *милостивое слово»*... Донския дела, кн. 1-я, стр. 82. Грамота 1614 г., марта 18, ногайскому князю Иштерику. В грамотах на Дон таких выражений цари употреблять избегали, считая казаков народом неподвластным, а союзным.

* * *

Все последующие года казаки постоянно то ссорились с азовцами, то мирились, брали за мир с них и золотом, и котлами, сетьми и солью. Эти постоянные ссоры и стычки очень беспокоили царя, желавшего жить с Турцией в мире, для водворения в России после смутного времени порядка. Но казаки, как и прежде, с политикой и интересами Москвы иногда вовсе не считались. Русским послам за такое поведение казаков чинили в Турции большие неприятности и грозили войной, хотя в нарушении мира

[285] Сбор. грамот. И. Прянишников. Стр. 19, грамота 1514 г. 8 октября и стр. 23, грам. 1615 г. сентября.

с азовцами, этим поистине гнездом турецких разбойников, казаки не были виноваты. Так, например, когда русский посол Мансуров ехал в 1615 г. в Царь-град для переговоров с Турцией о совместных действиях против Польши и был уже в Азове, азовцы, несмотря на переговоры с казаками о перемирии, захватили на Мертвом Донце (правый рукав дельты Дона) в плен нескольких казаков, истязали их и некоторых распродали, а одного, вырезав из спины его ремни, повесили на мачте корабля, на котором должен был ехать в Турцию Мансуров. Тот принял это за бесчестье. Пять недель шли переговоры, и наконец мир был заключен. Посол уехал. Турки не сдержали слова, вскоре напали на казачьи юрты, часть их разорили и захватили пленных. Казаки отомстили им страшным набегом на берега Черного моря, разгромили Синоп и Трапезунд и многие села. В Турции встревожились. Великий визирь обратился с укорами к Мансурову: «Если вы казаков себе на души не возьмете, то наш государь пошлет на Дон большую рать, чтобы всех казаков перебить и юрты их разорить». Посол отвечал: «Если казаки нарушили крестное целование, то хоть до одного человека всех их перебейте, за то наш государь не постоит»... Русского посла султан задержал. Об этом дошла весть до Москвы. Царь написал в 1617 г. султану, что «донские казаки нашего указа не слушают... Они воры, беглые люди и казаки вольные, которые бегают из наших государств, и сложась вместе с запорожскими черкасами, на наши украины войной ходят по повеленью нашего недруга, польского короля... Мы пошлем на них рать свою и велим их с Дону сбить». В грамоте же донским казакам писал: «Дошло до нас известие, что пришли к вам с Запорог 2 тыс. человек, ходили на море, взяли многие турецкие города и много добычи, теперь же они стоят у вас в войске и хотят вместе с вами идти под Азов. Мы удивляемся, каким образом вы все это делаете *без нашего указу*». В конце грамоты была выражена просьба, чтобы казаки встретили и проводили посла Мансурова с честью, когда он будет возвращаться из Турции, «за что мы будем вас жаловать выше прежняго. Если же будут у вас какия вести про турецких, крымских и ногайских людей, про польского короля и черкас, то вы обо всем нам отпишите»[286].

[286] Дела Тур., 1615 г. № 4 и 14. Стат. спис. посольства Мансурова и Самсонова. Там же. 1616 г. № 1, и царская грамота турец. султану, посланная в июле 1617 г. Сборн. грамот. Прянишникова, стр. 25, грамота на Дон 29 июля 1617 г.

Несмотря на указы и просьбу царя, казаки вновь ходили на море, взяли семь турецких каторг и пленили пашу, за которого потребовали 3 тыс. золотых. Чтобы навсегда положить конец этим набегам и запереть вход в море, турки засыпали руках Дона — Мертвый Донец, а по Каланче (другой рукав) поставили башни и перекинули чрез Дон железные цепи. Но казаки этим не смутились, скоро перекопали из Дона, выше Каланчи, прямой ерик-канал в другой рукав и стали так же грозно громить с моря крымские и турецкие берега, как и прежде. Никакая сила — ни царские просьбы, ни повеленья не могли остановить этой вечной и идейной борьбы казачества с мусульманством. Этому, видимо, втайне радовалось и московское правительство, но желало, по своим политическим соображениям, чтобы все это делалось с его ведома и когда ему это выгодно, а потому во всей переписке с Доном старалось подчеркнуть: «вы сделали это не гораздо, мимо нашего царского повеленья» или «не наводите на себя нашего царского гнева и не теряйте к себе нашей царской милости»... Казаки на такую угрозу только могли отвечать: «мы задора и обиды азовским людям не могли стерпеть».

Словом, Москва, крайне нуждаясь в казаках как единственных защитниках ее южных границ, всячески, но с большою осторожностью, старалась прибрать казаков к своим рукам и шло к этой цели по строго намеченному плану. Посылая на Дон 1623 г. князя Белосельского с грамотой, после страшного опустошения, произведенного казаками на турецких и крымских берегах, царь дал ему строгий наказ, чтобы он, когда будет в нижних юртах, призывал бы к себе в стан лучших атаманов, Исая Мартемьянова и Епифана Родилова и всех тех атаманов, есаулов и казаков старых и лучших, которых войско слушает, и всякими мерами старался бы их убедить, чтобы они государева повеленья не ослушались. «Государскую милость, — говорит наказ, — вычитывать им *с радостью, чтобы их не ожесточить. Выговаривая, покрывать гладостью.* А многих речей с казаками не заводить, чтобы их не раздрожать». Послу также поручено было разузнать тайком, сколько в кругу будет атаманов и казаков из верхних и нижних городков, сколько у них добрых, средних и худых, сколько у них живет и где запорожцев, давно ли пришли и т.д. Кроме того, не сносятся ли казаки с польским королем и как они к нему относятся.

Хотя все эти поручения послам составляли государственную тайну, но все-таки от казаков, привыкших жить своей самостоятельной жизнью и проникать во все сокровенные замыслы

не только своих врагов турок, но и друзей, какими выставляли себя московские бояре и князья, не могли укрыться и лицемерие московских политиков и их тайная цель — наложить руку и подчинить казачество своему влиянию[287]. Самый тон царских грамот с постоянными упреками и вмешательством во внутренние дела Дона стал не на шутку раздражать многих из казаков. Исконная ненависть к боярству росла. Это недовольство к правящему московскому классу стало усиливаться с появлением на Дону в первой половине XVII века беглых крепостных крестьян, которых казаки, постоянно нуждавшиеся в людях, принимали в свои ряды с охотой[288].

Хотя казаки и обещались послу Белосельскому не задевать азовцев, но обстоятельства сложились так, что они скоро (1624 г.) вновь подняли оружие на своих врагов: громили Трапезунд и другие города, бросились на Азов и взяли приступом угловую башню, взошли на стены, но в это время башня обрушилась и атаман Родилов быль ранен; турки приступ отбили. Казаки бросились на Каланчинскую башню, взяли ее приступом и разрушили до основания, камень побросали в воду, а медь из 9 пушек (117 п.) послали по бедным монастырям на колокола: на реку Воронеж, в Шацк, Лебедян и в Св. Горы. Об этом сообщено было в Москву с атаманом легкой станицы Старовым, 9 октября 1625 г.

Разгневанный царь приказал заточить Старова с товарищами на Бело-озеро и послал на Дон грозную грамоту 22 окт. 1625 г., в которой упрекал казаков в ослушании.

«И нам великое подивленье, — писал царь, — что вы нашего государскаго повеленья не слушаетесь. Вспомните, какая вам неволя была при прежних государях, особенно при царе Борисе; не только не могли в Москву приехать, но и в украинные города нельзя было вам показаться, везде вас ловили, в тюрьмы сажали... мы же вам вольность учинили, атаманов ваших и казаков, которые приезжают с Дону, мы жалуем, велим ви-

[287] Вся переписка с Доном до этого времени была сосредоточена в Разрядах, с 1614 же года царь приказал ведать донскими делами Посольскому приказу, который заведывал сношениями с иностранными народами.

[288] Указ Бориса Годунова, изданный между 1592 и 1597 гг. о прикреплении крестьян, свободных землепашцев, к земле, был применен правительством в полной мере при Михаиле Федоровиче. С этого времени помещики стали смотреть на крестьян, поселенных на их землях, как на свою собственность, с применением к ним всякого рода насилий и даже истязаний.

деть наши царские очи, бывать у нас у стола. А вы все наше жалованье и повеленье поставили ни во что.

В войне против польского короля вы не подали нам никакой помощи. Многие из вас ходят на Волгу, на Яик и на море, суды и бусы громят и многую шкоду делают, а вы их от того не унимаете... а нам вам за такие ваши грубости, жалованье давать не за что, и в городы в ни которые вас пускать и запасы ни с какими из городов к вам ездить не велим»...[289]

Получив такую грамоту, казаки прервали всякую связь с Москвой и по-прежнему продолжали делать свое казачье дело — ходили вместе с запорожцами на море, громили Азов и отбивали у турок пленных христиан. Некоторые из них иногда появлялись на Волге и Каспийском море и забирали там персидские и русские торговые суда, хотя в этих последних делах принимали участие казаки большею частью верховых городков, воровские, ослушные, часто не подчинявшиеся приказам главного войска. В 1627 г. атаман Епифан Родилов приказал этих ослушников переловить и доставить на суд войска, на Монастырский Яр, а также всех торговых людей, которые покупали у воровских казаков ясырь (пленных) и им продавали порох и свинец. Круг присудил таких воров бить ослопьем и грабить. После такой расправы казаки накрепко заказали, чтобы никто не ходил с Дона на Волгу для воровства, а если кто ослушается, того казнить смертью[290].

Глава VIII
Разрыв Дона с Москвой. Убийство казаками посла Карамышева. Требование от казаков присяги

С 1622 по 1627 г. донские казаки в союзе с запорожскими навели такой страх на турок и крымцев своими внезапными морскими налетами на крымские и анатолийские берега, нередко

---

[289] Сборник грамот. И. Прянишников. Стр. 39—45. Донские дела. Книга 1-я. Стр. 238—258.

[290] Дела Ногайск. 1627 г. № 1-й, отписка астрах. воевод Буйносова-Ростовского и Волынского.

появляясь даже под стенами Царь-града, что гордому султану не оставалось иного исхода, как просить содействия московского царя об унятии этого грозного для мусульман народа. С этой целью в 1627 г. он послал в Москву грека Фому Кантакузина. Казаки встретили его на Дону доброжелательно и проводили до украинных городков. В Москве посла приняли с честью и, отпуская назад, уверили, что казаки исстари люди вольные, повелений царя не слушают и живут своей самостоятельной казачьей жизнью; однако же дали согласие послать на Дон грамоту с просьбой жить с азовцами мирно и не громить городов турецких. Грамоту эту привезли на Дон отправленные к султану вместе с турецким послы Яковлев и Евдокимов. Послы эти привезли казакам также денежное и хлебное жалованье, сукно, селитру, порох и свинец. Их казаки встретили с радостью, славили щедрость монарха и его родителя, патриарха Филарета, и, наконец, проводили до Азова без задержания. Царь поведением казаков остался очень доволен и послал казакам новую похвальную грамоту 2 сен. 1628 г.[291]

Казалось, что сношения с Москвой стали налаживаться, и донское войско как бы вновь становилось на путь проведения в жизнь целей и политических видов московского правительства; но Москва ошиблась: ни царь вместе с своим главным советником, патриархом Филаретом, ни Боярская Дума не знали донских казаков, не понимали идеи казачества, его стремлений и не учитывали силы его духа. Еще Иван IV, а за ним Дмитрий (Лжедимитрий 1-й) и Сигизмунд, когда бы он воссел на русский престол, мечтали об изгнании турок из Европы в союзе с Австрией и Польшей. Но они только мечтали, а донское и запорожское казачество уже приводило в исполнение эту мечту, по крайней мере — подготовляло и намечало прямой путь к ее выполнению. Это была цель жизни, это была сама жизнь казачества. Но московское правительство этого-то и не понимало и своей лицемерной политикой только раздражало казачество. В сношениях Дона с Москвой с той и другой стороны никогда не было искренности. Дон никогда не доверял Москве, а льстивая Москва не доверяла Дону. Эта многовековая трагедия и составляет историю сношений Дона с Москвой, а потом с Петроградом. Дон, отстаивая свою самостоятельность, имел основания не доверять Москве.

---

[291] Дела Донские. Кн. 1-я, стр. 283—286. Сбор. грам. И. Прянишникова, стр. 146.

Одновременно с турецким султаном обратился в Москву с жалобой на донских казаков и крымский хан и в двух грамотах своих того же 1627 г. писал царю: «если хощешь быть другом мне, то постарайся унять донских казаков, чтобы они на море не ходили и азовцам и моим людям не делали обид и разорений»... Далее: «и сколько учинили нам донские казаки убытков и мы таких убытков и от днепровских казаков не видали»...

В следующем году казаки вновь разгромили берега Крыма, сожгли город Карасу-Базар, Балаклаву и друг. и с большой добычей и пленниками возвратились в войско[292]. Такой же морской набег повторили они, в числе около 2 тыс. человек и в 1629 г. заняли Бакчи-Сарай, Мангуп и другие города, потом бросились к берегам Румелии, где, поддержанные прибывшими запорожцами, дали морской бой турецкому флоту и обратили его в бегство.

В 1630 г. они на 28 стругах, по 50 человек в каждом, повторили то же самое, громили Керчь, Трапезунд и появились вблизи Царь-града.

На этот раз султан и крымский хан обратились в Москву уже с решительным требованием о принятии энергичных мер к прекращению грозных набегов донцов на их владения, угрожая, в противном случае, полным разрывом с Россией и не ручаясь за безопасность царских посланников, бывших в Крыму и Царь-граде.

Разгневанный царь, питая тайную надежду на совместные действия с турками и крымцами против Польши, велел бывшего в Москве атамана Зимовой станицы Наума Васильева с 70 казаками арестовать и рассадить по тюрьмам, а на Дон послал грозную опальную грамоту с знатным боярином Иваном Карамышевым, которому вменено было также в обязанность проводить до Азова турецкого посла Фому Кантакузина и своих Андрея Савина и дьяка Олфимова, посланных к султану. Главное же поручение Карамышеву состояло в объявлении казакам царской опальной грамоты и патриаршего отлучения их от православной церкви, т.е. анафемы, патриаршего проклятия, и, кроме того, тайное — постараться вразумить атаманов и казаков покориться велениям царя и Боярской Думы.

Казаки в войсковом кругу 27 августа 1630 г. приняли от Карамышева опальную грамоту и спокойно выслушали патриаршее проклятие, велели петь благодарственный молебен за

---

[292] Дела Крым. 1627 г. № 4 и 8, 1628 г. № 10.

здравие царя и патриарха, потом выслушали царское повеление о скорейшем заключении мира с турками и вместе с турецкими пашами Муртозою и Абазою напасть на польско-литовские владения. Казаки на это предложение дали самый решительный отказ, говоря, «что не было в боевой жизни их еще примера, чтобы они, природные христиане, родившиеся и возросшие в преданиях святых апостолов, когда-либо служили с врагами христианства за одно и воевали христианския же земли; что слава и честь за их службу отнесется не к ним, а к турецкому Мурат-салтану и турецким людям». Зазнавшийся царский сановник, видя, что простыми увещаниями нельзя склонить казаков к покорности, стал прибегать к угрозам, задевая при этом честь и славу казачества, и дошел до того, что казаки схватили его, избили, по́том отрубили голову и тело бросили в воду; имущество же его, царскую казну, свинец, порох и проч. сдали по описи послам Савину и Игнатьеву. Сделав это, казаки решили послать к царю легкую станицу с отпиской, в которой говорили так: «мы, государь, от Божьей милости неотступники, твоему царскому величеству неизменники и нелакомцы: служим тебе, государю, *с травы да воды... что и службами своими не выслужили у тебя Божьей милости,* твоего государского жалованья; а которые наши донские атаманы и казаки Наум Васильев, с ним 70 человек, посланы от нас, от войска, к тебе, послов провожать к Москве, и те все по городам разсожены и показнены, а иные прекованы, помирают голодною смертью, *того ли мы у тебя, государя, дослужились... Если мы тебе, и всей земле русской ненадобны, — не воспротивимся: Дон реку от низу и до верху и реки запольныя от самых украинных городов, крымцам и ногайцам очистим и с Дону, если укажешь, сойдем».*

Никто не хотел ехать в Москву с этой отпиской. Наконец, круг решил послать на великую силу неволею от себя с Дону, от войска, двух молодцов, донских казаков, Дениса Парфенова и Кирея Степанова[293]. После еще были посланы атаманы Богдан Канинсков и Тимофей Яковлев.

В ожидании ответа из Москвы, казаки на время прекратили набеги на азовцев и крымцев. Прошел год, другой, а из Москвы известий не было. Старые и благоразумные казаки приуныли, но беспокойная молодежь не могла усидеть дома и весной 1631 г.

---

[293] Дела Турец. 1630 г. № 5, отписка донских казаков 6 октября 1630 г.

вместе с пришедшими на Дон запорожцами бросилась, в количестве около 1000 человек, на Волгу и там, соединясь с яицкими, стали разорять учуги и рыбные ловли, потом вышли в Каспийское море и напали на персидские купеческие суда. Посланные против них астраханскими воеводами стрелецкие войска не могли остановить этих буйных ватаг и возвратились назад без всякого успеха[294].

Другая партия донцов в том же году ушла к запорожцам и вместе с ними бросилась на Черное море и стала громить крымские и турецкие берега. Такой же набег они повторили и в 1632 г., разорили Синоп и другие города. В то же время, узнав от пленных татар о намерениях крымцев и азовцев идти на Россию, предупредили о том Москву чрез царицынского воеводу князя Мещерского.

Наконец, весной 1632 г. из Москвы на Дон прибыли атаман Тимофей Яковлев и казак Денис Парфенов с царской грамотой, в которой было «жалованное к казакам слово и патриаршее благословение», а также и просьба быть всем казакам в съезде и встретить посла, князя Ивана Дашкова и подьячего Леонтия Полуектова, «с честью».

Князь прибыл на Дон 8 мая и был встречен казачьим кругом с пушечной пальбой и колокольным звоном в часовнях. Посол сказал кругу приветственное слово и отдал царскую грамоту.

Царь и патриарх Филарет требовали от донского казачьего войска целования креста на верность как им, так и царевичу Алексею Михайловичу «по записи», а также повелевали «взять в смету, сколько их, казаков, на Дону будет», а потом указывали «итить на недруга, на польского и литовского короля, и на литовских людей».

Круг, после такой радостной встречи царского посольства, не бывшего на Дону около 2-х лет, пришел в недоумение. Требование крестного целования, впервые предложенного казакам, для них явилось неожиданностью; оно оскорбляло их религиозное чувство. Службу свою Москве казаки всегда считали добровольной; служба эта — борьба с их общими врагами, собственно, с магометанством. Война для казака — вещь самая обыкновенная, его привычное занятие, его призвание. И вдруг за это выполнение его привычных занятий от него требуют клятвы, с целованием креста. Казаков это возмутило. Присяга для мос-

[294] Дела Ногайск. Отписка в Посольский приказ астраханских воевод Куракина, Коробьина и др. 1631 г.

ковских бояр и князей, как это показало смутное время, — простой религиозный обряд. Князья и бояре всем присягали и всем изменяли, для казаков же, воспитавшихся в другой религиозной среде, крестное целование было «великим и страшным знамением». Казаки на это требование дали самый решительный и мотивированный отказ, достойный великого и сознательного народа, и отписали царю:

«И крестнаго, государи, целованья на Дону, как и зачался Дон казачьи головами, не повелось. При бывших государях старые атаманы казаки им, государям, неизменно служивали не за крестным целованьем; в которое время царь Иван стоял под Казанью и по его государеву указу атаманы казаки выходили с Дону, и с Волги, и с Яика, и с Терка и атаман Сусар Федоров и многие атаманы казаки ему, государю, под Казанью служили не за крестным целованьем; после того при царе Иване Михайла Черкашенин и атаманы казаки во Пскове сидели в осаде не за крестным целованьем; при царе Иване выходили атаманы казаки Ермак Тимофеев Сибирь взял и прислал к Москве государю с языки и царь Иван и тех атаманов казаков, которые к Москве присланы, не велел ко кресту приводити, а Ермаку и вперед указал быти на своей государевой службе атаманом, казаком в Сибири не за крестным целованьем; при царе Иване ходили... атаманы Григорий Картавой, Иван Лукьянов, многие атаманы казаки государеву службу служили в осаде в Орешке не за крестным целованьем; блаженныя памяти при царе Федоре ходил царь Федор под Ругодяв и под Ивангород... выходили атаманы казаки с Дону, с Волги, и с Яика и с Терка, со многих запольных рек атаман Посник Лунев, многие атаманы казаки царю Федору Ивановичу... служили не за крестным целованьем; на другой год... ходили под Выборг и царь Федор призывал атаманов казаков с Дону... служили не за крестным целованьем; а после, государи, того Борис Федорович стоял на береговой в Серпухове... и атаманы казаки в ту пору ему береговую службу не за крестным же целованьем служили; да не токмо, государи, донских, но и волоцких, и яицких, и терских, выхаживали при бывших царях на украинные городы на Белгород, на Царев город, на Оскол, на Валуйку донецкие казаки и тех бывшие государи ко кресту приводить нигде не указали; а с нами того крестнаго целованья на Дону не обновитца, чего искони век не было... многия твои государевы службы полевыя против вся-

каго вашего государскаго недруга за вас, государей, служим без крестнаго целованья неизменно: ни к турецкому, ни к крымскому, ни к литовскому, ни к иному которому государю служить не ходим, окроме вас, всегда везде за вас... и не за крестным целованьем. За ваше государское имя стоим и умираем... а креста, государи, целовати мы челобитчиком своим (посланным с отпиской об убийстве Карамышева 1630 г.) не писали и не приказывали, то наши челобитчики Богдан и Тимофей учинили, не помня старины, своими молодыми разумы, без нашего войскового совету и без приказу... Своим скверным беззаконным житьем мы не достойны к такой страсти Христовой приступить, креста целовать, а твою царскую службу... рады служить против всякаго недруга... и за вас... умирать не за крестным целованьем»...

Относительно росписи взятия в смету, сколько их в действительности живет на Дону, казаки хитро ответили, что, «живучи на Дону и на степи по запольным рекам, в розни сами себя сметить не умеем, сколько нас есть, т. к. служим не с поместей и не с вотчин, а с травы да воды... наги, босы и голодны... за хлебом и за рыбою и за зверем и за травою на *ряку* и на степь день и ночь ездим беспрестанно... как нас в разъезде много, то войско невелико, а какой час в разъезде мало, то нас что водных источниц, в иную пору мало, в иную много, а потому нам росписи сметной писать нельзя»...

На требование же идти против польского короля и литовских людей хитрые донцы, не желая проливать христианскую кровь и в то же время боясь раздражить царя, туманно, но с затаенной иронией отписали, что «которые сызмогаюца коньми, на вашу царскую службу коньми поднимаюца и на шею заимываючи, а которые не смогут с лошади, и те, по своей силе, в судовых на вашу государскую службу *крутятца*, а много у нас голутвенных людей таких, что без вашего государскаго жалованья и бударами поднятца не ссилять»...[295]

* * *

Нуждаясь в помощи казачества, царь и патриарх скоро предали опалу и анафему, наложенные на казаков, забвению и в милостивой грамоте 15 апреля 1633 г. писали на Дон, что быв-

[295] Отписка казаков царю 26 мая 1632 г. М. Гл. Арх. Мин. Юст. Разрядный приказ, Белгород. Ст., столбец № 39. Сбор. об. в Дон. Ст. Комитета, вып. XIII, 1915, стр. 160—166.

шие в заточении и задержанные в Москве атаманы и казаки освобождены, видели «наши государския очи», получили патриаршее благословение, «пожалованы государевым жалованьем» и посланы на службу под Смоленск. Царь благодарил казаков за действия против крымцев и ногайцев и призывал к походу вместе с московскими войсками против татар Казыева уласа на р. Куму.

В отписке о своих делах 1632—1635 г. казаки писали царю:[296]

«Ходили мы, государь, на Крымскую степь и под шляхами лежали, сошлись с ногайскими людьми на р. Кундрючьи, в вершинах, и был у нас с ними бой. Божию милостию и твоим счастьем, тех татар побили и русский полон отгромили; потом дошла до нас весть, что азовские и ногайские люди пошли на Русь, и мы, переговоря меж собою, пошли за ними и на реке Быстрой одних побили, других живых побрали. Чрез несколько дней пришли из разных улусов Большого Ногая черные люди и хотели Дон перелезть под Азовом, на большом перевозе, на Крымскую сторону, а мы пошли за ними судами и в ночь тех татар порубили тысячи полуторы и больше, жен же и детей в полон забрали, всего полону 1300 человек. Спустя мало времени, ходили мы в Ногайскую степь войском и пожгли ногайских улусов, на Чубуре, дворов тысячи две и больше, взяли полону жен и детей 800 чел., приведши их в юрты свои и тех порубили. Потом известно нам стало, что ногайцы пришли на взморье на Очаковскую косу (на восточном берегу Азовского моря) и хотели перелезть в Крым, мы пошли против них, тех татар порубили и полону взяли тысячу человек. Когда же с тем полоном подходили к Кагальнику, то тут вышли азовские люди всем городом и с пушками; мы дрались с ними целый день, но они нам ничего не могли сделать... Затем дошел до нас слух, что турецкий царь приказал всем своим ратным людям вместе с крымцами, азовцами и ногайцами идти войною, морем и сухим путем, на Дон, чтобы наши казачьи городки разорить. Мы, переговоря меж собою, пошли стругами в море остерегать, чтобы турецкия каторги не прошли. Не входя в Чер-

[296] Донские дела, кн. 1-я. Отписка 10 марта 1633 г. Распросные речи казаков, приехавших с отпискою, 28 марта. Царская грамота 15 апреля 1633 г. Стр. 349—365. Дела Ногайские, столб. № 2. Отписка 4 мая 1635 года.

ное море, мы в Гирле (горле, проливе — Керченском) стояли шесть недель и затем воротились на Дон».

Таковы дела донских казаков в 1632—34 гг. В этот период времени царь прислал, как и прежде, казакам жалованье: 2 тыс. руб. денег, 10 поставов сукон лучших, 13 поставов средних, 200 четвертей сухарей, 30 четвертей круп, 30 четвертей толокна, 100 ведер вина (водки), 60 пуд. пороху и 30 пуд. свинцу[297].

В 1635 г. царь, отправляя своих послов к султану, прислал донским казакам за их службы знамя (второе); причем послам дал следующий наказ. Если турки спросят их о казаках, то они должны отвечать: «Ведомо вам самим, что воры, донские казаки, от Московскаго государства поудалели и живут кочевным обычаем, переезжая по рекам, а не городовым житьем». Если же турки спросят о знамени, то послы должны отвечать: «знамени государь к ним никогда не посылал; это кто-то сказал, чтобы нас поссорить». Перед этим царь писал крымскому хану: «Хотя бы вы их (казаков) и всех побили, нам стоять за них не за что»[298].

Так унижала грозное казачество и так порочила честное имя казака пред соседними государствами изворотливая и лживая Москва из своих политических соображений и выгод и в то же время запугивала Дон то опалой, то анафемой, а потом разыгрывала роль всепрощающей матери, роль старшей руководительницы, льстила ему, посылала жалованье, просила «вы бы нам послужили» и т.д. Но казачество на всю эту политику мало обращало внимания и продолжало делать свое вековое казачье дело.[299]

Глава IX
Взятие казаками Азова и «Азовское сиденье»

Страшен и грозен стал Дон для турок и татар, в особенности для крепости Азова. Со страхом смотрели неверные на успехи казачьего оружия над Большим и Малым Ногаями, кочевавшими от Астрахани до р. Кумы и Азовского моря, а потом час-

[297] Там же.

[298] Дела Донские. Кн. 1-я. Грамота 28 февраля 1634 г.

[299] Дела Крымские. 1634 г. № 4 и 1635 № 9. Наказ кн. Волконскому и др.

тью ушедшими под давлением казаков в Крым (Большой Ногай); трепетали пред казачьей силой берега Азовского и Черного морей вплоть до Стамбула; жестоко мстило казачество басурманам за угнетение христианских народов, оставшихся в покоренной ими греческой империи; так мстило, что при одном появлении на море казачьих стругов, вмещавших каждый от 30 до 50 человек, закаленных и искусных в морских битвах воинов, турецкие каторги (галеры) и многопушечные корабли старались поскорей скрыться за горизонтом, а жители прибрежных аулов убегали в горы.

Все переговоры турок с Москвой, начиная с Ивана Грозного, об удалении казаков с Дона, не привели ни к чему. Ни турки, ни Москва, видимо, не понимали, о чем шла тут около ста лет речь, не понимали идеи казачества и не взвешивали его сил; а силы эти год от году становились все грознее и грознее. Турки видели и чувствовали это и прилагали все усилия укрепить Азов; для этого ими были приглашены лучшие мастера и инженеры католического запада. Стены города были обновлены, проведены валы, рвы, воздвигнуты башни, укреплен замок, устроены на берегу Дона бастионы, поставлено «200 больших, средних и малых орудий», заготовлено много тысяч снарядов, «пороховой казны», провианту и проч. Укрепив так Азов и поставив в нем 4-тысячный гарнизон из лучших войск с иностранными артиллеристами и инженерами, турки стали держать себя вызывающе и усилили набеги как на казачьи городки, так и на русские украины. Положение русских пленников в Турции, особенно казаков, стало невыносимым: их продавали в рабство, изнуряли тяжкими работами, приковывали на каторгах к веслам и под ударами бичей заставляли грести и проч.[300] Древние православные церкви в Азове были обращены в мечети, а иные разрушены. Уцелело только два храма, особенно чтимые казаками, построенные в первые века христианства (в V или VI вв.), это соборная церковь св. Иоанна Предтечи и святителя Николая, в которых, несмотря на их запустение, пленные христиане сходились иногда на молитву о своем спасении. Богослужение в них совершал греческий иеромонах.

Видя все это, казаки скорбели душами своими и негодовали на бесчеловечие и дерзость зазнавшегося врага и наконец реши-

[300] Из донских атаманов, томившихся много лет на турецкой каторге, известен Иван Дмитриев, получивший прозвание Каторжного. Ему 15 апреля 1633 г. и всему войску Донскому прислана была царская грамота.

ли вырвать во что бы то ни стало древнюю свою столицу из рук мусульман. С этою целью старые казаки, посоветовавшись между собою, кликнули весной 1637 г. вместе с своим войсковым атаманом клич по всему Дону, прося атаманов-казаков собраться для решения этого *войскового дела* на Монастырский Яр. Съехавшиеся в войсковой круг казаки, «помня свое крещение и святыя Божии церкви и свою истинную православную крестьянскую (христианскую) веру, разорение святым Божиим церквам, крестьянския невинные крови пролияние и в полон их отцов, и матерей, и братию, и сестр имание», единодушно решили: «идти *посечь* бусурман, взять город и утвердить в нем православную веру»[301].

У казаков не было ни тяжелой артиллерии, чем бы они могли разрушить азовские стены, ни больших запасов пороха, свинца и провианта. Все это они ожидали из Москвы, но там с присылкой медлили.

На помощь к ним пришли запорожцы. Эти отважные в боях рыцари, как и их собратья — казаки малороссийские, ведя постоянную борьбу за православие с поляками, помышляли уже или отдаться под покровительство Москвы, или Тавриды, а другие из них решили искать счастье в других краях. И вот, в то самое время, когда донцы готовились к нападению на Азов, на берега Дона явились запорожцы, около 4—5 тыс., шедшие в Персию, чтобы предложить там свою силу в борьбе персов с Турцией. Донцы встретили их дружественно и предложили остаться у них, говоря: «вот Азов, — возьмем и откроем свободный путь в моря Азовское и Черное, — богатая добыча будет нашею наградою. Хотите ли быть верны друзьям и братьям своим?»

Запорожцы поклялись стать заодно с донцами против неверных. На площади у часовни Монастырского городка казаки отслушали напутственный молебен, торжественно поклялись во взаимной верности твердо стоять друг за друга — «все за одного и один за всех», выбрали походных атаманов и двинулись к Азову «судовой и конной ратью», послав вперед отряд для поимки «языков». В этом походе принимали участие все донские казаки; в городках остались лишь старики и женщины, готовые каждый час с оружием в руках защитить свои очаги на

[301] «Посечь» — древнее характерное выражение казаков как донских, так и запорожских; вот почему в древности их называли *саками*, от сак, сек, сечь — *сечниками, сечевиками*, так как самое страшное их орудие было секира, меч обоюдоострый, потом сабля, по Страбону (XI, 8. 4), *сакар*.

случай внезапного нападения степных хищников. Войсковой атаман Михайла Татаринов руководил всем делом осады Азова. Личное мужество и ум этого вождя были порукой за успех. Осада началась в апреле месяце. Казаки разделили свои войска на четыре отряда и обложили крепость со всех сторон. Часть флота заняла устье Дона, с целью не пустить турецкие суда на выручку осажденных.

Первым делом казаки окопались вокруг города земляными валами и рвом, наделали много плетневых тур, насыпали их землей и, подкатывая к стенам, стреляли из-за них. Смотря на это, турки, численность которых пред этим была значительно усилена, смеялись над ними, били из крепостных тяжелых пушек, но очень мало вредили искусным в осадном деле донцам. В этой бесполезной перестрелке прошло около трех недель. Для решительного приступа казаки поджидали из Москвы атамана Ивана Каторжного, а с ним порох, свинец и другие боевые припасы.

Зимой 1637 г., пред приготовлением казаков в поход, на Дон прибыл с своими людьми турецкий посол Фома Кантакузин, направляясь в Москву. Для извещения об этом царя казаки послали туда легкую станицу с атаманом Ив. Каторжным, поручив также ему испросить там для усиления своих боевых средств порох, свинец, провиант и проч. Эта станица с дворянином Чириковым, посланным для встречи посла, была уже на обратном пути.

Не зная намерений казаков, царь послал им обычное жалованье и боевые припасы, а также и грамоту с просьбой жить с азовцами мирно и «никаких задоров им не чинить». Еще Чириков и Каторжный не достигли донских городков, как турецкий посол был казаками уличен в тайных сношениях с крымцами и турками. Он сообщал им о приготовлениях казаков и просил прислать немедленную помощь Азову, хотя бы из ближайших мест, Темрюка и Тамани. Посланный им в Азов грек был случайно пойман казаками, и Кантакузину грозило жестокое наказание. Казаки усилили свои разъезды со стороны Крыма и Кубани, ожидая оттуда нападений. И действительно, когда началась уже осада Азова, полчища турок, татар и черкесов появились со стороны Кубани. Казаки отрядили лучших людей, встретили неприятеля на р. Кагальнике и разбили его наголову, не допустив до Азова. В этот период времени на Дон прибыли Чириков и Каторжный, с которыми было более ста

человек казаков. Чириков выдал казакам царское жалованье: 2000 р., 300 четверт. сухарей, 50 четверт. толокна, 50 четверт. круп, 16 бочек вина, 40 поставов сукна, 4000 пушечных ядер, порох, селитру и серу и стал требовать выдачи посла, содержавшегося под стражей, но казаки в этом отказали и по решению круга Кантакузина казнили как изменника, а с ним всех его людей. После этого они приступили уже к решительной осаде Азова. Взять приступом город было нельзя, за неимением тяжелой артиллерии. Казаки прибегли к своему излюбленному, старому казачьему способу — «немецкому размыслу», при помощи которого они когда-то взяли Казань: стали рыть под город подкопы. Над этим они потрудились около месяца. Турки, развлекаемые безрезультатной их стрельбой, смеялись над ними, громили их валы и туры ядрами, нисколько не подозревая скорой своей гибели.

18 июня был роковой день для гордых магометан. Накануне этого дня казаки очистились постом и молитвой, исповедались у своих отцов духовных, попрощались друг с другом, говоря: *«Поддержим, братцы, честь нашего оружия, постоим за православную веру и за святой храм; умрем, если так суждено, но не посрамим себя и батюшки нашего, Тихаго Дона Ивановича»*. Глубокая тишина царила в их стане. Видя это, а также и ночное движение казаков, турки предрекали их бегство и радовались. В 4 часа ночи грянул гром подкопов, затряслись азовские твердыни, часть стен вместе с людьми, землей, остатками строений взлетела на воздух. Атаман Михайла Татаринов с отборным отрядом устремился в пролом; другие казаки бросились на стены со всех сторон, подставляя лестницы и неся друг друга на плечах под тучами пуль и каменьев. Городские стены и улицы сделались полем сражения. Гарнизон и жители защищались с яростью; но что могло устоять против казаков того времени, этих поистине сказочных богатырей, несокрушимых в сечах, как гранитные скалы, и твердых своей казачьей идеей, как сталь. Битва кипела весь остаток ночи и весь следующий день; замолкли пушки и пищали: резались саблями, кинжалами, ножами. Богатыри шли грудь на грудь. Наконец турки дрогнули, не устояли пред грозной казачьей силой: одни из них заперлись в замке, а остальные устремились чрез стены в степь, ища спасение в бегстве. Окружив замок, казаки послали отряды для преследования бегущих. Более 10 верст враги отступали с отчаянным упорством, пока не были окончательно рассеяны и истреблены. Такая же участь постигла и засевших в замке: пос-

ле 3-дневной отчаянной обороны они все были перебиты. Казаки сделались обладателями Азова и утвердились в нем *всем войском*, т.е. перенесли туда свой главный стан.

Под стенами города и на улицах его многие из донцов сложили свои головы. Об этом событии казаки писали в Москву так: «А как мы стояли под тем градом Азовом и те азовские люди нашу братию казаков из пушек и из турок (ружей) побивали и мы велели отвозить убиенных на Монастырский Яр каюками и погребати у часовни по правилам святых отец священнослужителям».

Утвердившись в Азове, казаки поделили между собою, по станицам, все дома и имущество турок. Только одним грекам они разрешили жить там по-прежнему. Азов сделался христианским вольным городом. Прежде всего казаки восстановили в нем древние православные храмы особенно чтимых ими св. Иоанна Предтечи, считавшегося покровителем города, и святителя Николая.

С весны 1638 г. в Азов стали приходить торговые караваны из русских и азиатских городов: Астрахани, Терка, Тамани, Темрюка, Керчи, Кафы, и др., даже из Персии. Персидский шах стал искать дружбы казаков и прислал к ним своего посла для заключения союза против Турции, обещая дать, в случае надобности, помощь военной силой в 10 и 20 тыс. человек. Словом, Донское войско, придвинувшись к морю, стало в глазах соседних народов сильной демократической республикой. За победу над турками, считавшимися до того времени во всей Европе и Азии непобедимыми, донские казаки снискали себе почет и уважение во всех соседних и дальних государствах.

Царь ничего не знал о действиях казаков. Для извещения его казаки послали в Москву атамана Потапа Петрова с четырьмя казаками и в отписке своей говорили: «Отпусти нам, государь, вины наши, что мы без твоего повеления взяли Азов и убили изменника, турецкого посла... могли ли мы без сокрушения смотреть, как в глазах наших лилась кровь христианская, как влеклись на позор и рабство старцы, жены с младенцами и девы? Не имея сил долее терпеть азовцам, мы начали войну правую, с Божьей помощью овладели городом, побили неверных за их неправды и православных освободили из плена»...[302]

[302] Отписка казаков царю 15 июля и 3 декабря 1637 г. Распросные речи атамана Потапа Петрова, 20 июля 1637 г. Донесение посла Чирикова, 3 сент. 1637 г. Дела Донские. Акты Лишина, т. I, № 10, стр. 15—20.

Казаки обещали вслед за этим прислать большую станицу с подробным донесением.

Царь с неудовольствием принял известие об убийстве посла и приказал задержать атамана Петрова с казаками до присылки обещанной большой станицы. Но вскоре он сменил гнев на милость, наградил казачьих послов и отпустил их на Дон. Дело в том, что вскоре после взятия Азова крымцы с Большим Ногаем, желая отомстить за поражение турок, двинулись на русские украинные города, но казаки раньше предугадали их намерение, быстрым передвижением пресекли им дорогу и обратно загнали их в Крым. Об этом казаки немедленно сообщили в Москву, что и заставило царя переменить о них мнение. В грамоте, посланной на Дон 20-го сентября 1637 г. с атаманом Петровым, царь слегка упрекал казаков за убийство посла Кантакузина, называя их поступок «предосудительным», а также пенял, что они взяли Азов без его повеления, но в то же время и благодарил за действия против крымцев.

Со взятием Азова казаки сделались господами на Азовском и Черном морях. Встревоженный султан, воюя с Персией, не знал, что делать.

Посылаемые на выручку Азова мелкие отряды легко уничтожались казаками как на суше, так и на море. В следующем 1638 г. он послал туда значительную флотилию под начальством Пиали паши. Казаки, около 1700 человек, на своих легких, но страшных для врагов стругах встретили турок на Черном море, у Керченского пролива, дали им жестокий казачий морской бой, множество погибли, а остальных рассеяли. В этой битве казаков пало до 700 человек. С этого времени ни крымцы, ни ногайцы, жившие в крымских владениях, уже не осмеливались нападать на русские южные окраины, а ногайцы, кочевавшие за Доном и около Астрахани, боясь казаков, оставались верными данниками Москвы.

Около 5 лет казаки владели Азовом, устьями Дона и Азовским морем. Но гордые турки, пред которыми дрожала вся Европа, не могли помириться с этим положением и готовились жестоко отомстить казакам.

Султан Мурад IV, надменный тиран востока, задумал колоссальный план для наказания казаков, но вскоре умер. Преемник его Ибрагим поручил это дело сильному и крепкому духом верховному визирю Магмету паше. Более года приготовлялся он к этому предприятию; заключил мир с Персией,

утвердил дружественные отношения со всеми иностранными державами: Австрией, Польшей, Венецией, Россией и др. Спешно строил и снаряжал сильный, но легкий флот, который бы мог свободно пройти по Азовскому морю. Тысячи наемных иностранных мастеров, инженеров и артиллеристов помогали ему в этом.

Турки, крымцы, ногайцы, горские черкесы, волохи, сербы, арнауты, арабы и другие народы собрались под знамена гордого повелителя востока, чтобы торжествовать победу на костях донских удалых витязей, дерзнувших посмеяться над священным именем падишаха. Сам верховный визирь хотел взять начальство над этой грозной силой, но передумал и поручил главное предводительство опытному и славолюбивому полководцу Гуссейну паше, презиравшему и ненавидевшему казаков. Командование флотом было вверено капитан-паше Пиали-аге, человеку, одаренному лучшими боевыми качествами: прозорливостью и храбростью. Флот его состоял из 80 больших беломорских каторг и 90 мелких морских судов. 20 кораблей были нагружены огнестрельными снарядами: пушками, ядрами, порохом и др. Одних огромных стенобитных орудий было около ста; ядра весили в полтора и два пуда. Многие суда везли провиант. Экипажи и команды судов были сформированы из страшных для европейцев того времени янычар. Все это ополчение простиралось до 150 тысяч человек, хорошо вооруженных, скованных железной дисциплиной и воодушевленных идеей торжества ислама над христианством. Инженерными работами и артиллерией руководили опытные европейские техники: итальянцы, французы и немцы. Казалось, что Великая Порта собиралась воевать с сильным и могущественным государством, а не с горстью удалых добрых витязей, не признававших над собой ничьей власти, а действовавших на свой риск и страх, ради торжества Креста над Магометом.

Но казаки не унывали, а также спешно и деятельно готовились дать отпор дерзкому и зазнавшемуся врагу, лечь костьми, но не уступить, надеясь на Бога да на свои крепкие казачьи головы и вострые сабли. Они говорили: «Приход турских и крымских людей нам не страшен; Азова мы не отдадим и не покинем, потому что взяли его кровью и своими головами».

Они без помощи иностранных инженеров хорошо укрепили стены и замок города, поставили отбитые раньше у турок пушки, запаслись снарядами и провиантом и стали ждать врагов,

делая усиленные разъезды по степи и по морю и следя за движениями неприятельских отрядов и судов.

Весной 1541 г. казаки уже знали о движении неприятельского флота и сухопутной армии.

Войсковой атаман Осип Петров, богатырь телом и духом, с атаманами и казаками главного войска, бывшего в Азове, кликнули клич вверх по Дону, с призывом спешить на защиту родины.

Эта войсковая грамота была такого содержания:

«От донских атаманов и молодцов и от всего великого войска Донского, во все верхние городки атаманам и молодцам челобитье! Пошли было атаманы молодцы на святое море и прикинули в гирле для языков, поймали крымских людей. В распросе те языки сказали, что турский и крымский царь с крымскими людьми, с Большим и Малым Ногаем, с горскими черкесами идут под Азов для осады. Не веря тем языкам, мы сами ходили на море и подлинно узнали, что идут корабли и каторги под Азов. Чтобы вам, атаманам-молодцам, помнить престол Иоанна Предтечи, государеву к себе милость и свою атаманскую и молодецкую славу не потерять, езжайте в Азов к войску днем и ночью, не малыми людьми, на помощь; в городках не многих людей оставляйте, съезжайтесь городков 5, 6 в одно место с семьями, чтобы, съехавшись, станицы жили с великим береженьем. А кто к войску в Азов на помощь не поедет, тому в войске и суда не будет[303]*. Езжайте же всякие люди, пенные и непенные: пеня им будет отдана. Знаете вы сами, как приходили со всех рек Азов брать и как Бог поручил город великому войску Донскому. Как бы теперь над нами бусурманы не посмеялись. Все земли нашему казачьему житью завидывали, а ныне за так и потеряем свою казачью славу? Если будут идти Доном русские люди с бударами, и вы посылали бы их к войску в Азов, с запасами. Послать грамоту войсковую городок от городка на скоро, днем и ночью, для поспешенья, покуда казачьяго присуда».*

---

[303] Споры между городками разбирались в главном войске войсковым кругом. Споры между отдельными лицами — станичным кругом. Недовольная сторона могла обжаловать решение станичного круга в главное войско. За измену войску — смертная казнь, *в куль да в воду*. За ослушание — войсковая пеня: век бить и грабить, т.е. ослушник лишался прав свободного казака, прав гражданства. За маловажные проступки: плети, розги, штрафы, лишение в дележе части добычи и пр.

В то время, когда начиналось это великое, беспримерное в истории народов дело, русский царь с греком Мануилом Петровым, раньше прибывшим в Москву с послом Кантакузиным, двоедушно, с соболезнованием и негодованием на казаков писал султану, извещая его о происшедших на Дону событиях и уверяя «своего друга и брата», что Азов взят без его ведома, что донские казаки издавна воры, царского повеления не слушают, что ратей на них послать нельзя, так как они живут *кочевым обычаем* и даже его посла Ивана Карамышева убили до смерти... «О взятии Азова у нас и мысли не было, — писал далее царь, — и прискорбно будет, если за одно своевольство казаков станешь иметь на нас досаду; хотя всех их вели *побить в один час, я не постою за то.* Мы с вами, братом нашим, хотим быть в крепкой дружбе и любви на веки неподвижно свыше всех великих государей и желаем вам на царствах ваших счастливаго пребывания, *над врагами победы,* государств ваших приращения и всякаго добра вам хотим без хитрости, нося всегда в сердце нашем вашу любовь»...

Так двоедушничал царь, поддерживаемый боярской думой, между тем как донские казаки, никогда и ни пред кем не лгавшие и не унижавшие своего казачьего достоинства, готовились открыто стать своей богатырской грудью на защиту поруганной и осквернённой родины. На клич войскового атамана и главного войска они из верхних городков конные, пешие и на судах спешили к Азову, оставив на защиту своих жилищ лишь женщин и стариков.

В начале июня 1641 г. огромная турецкая рать, состоящая, по показанию казаков, из 240 тыс. человек, облегла с суши и с моря г. Азов, в котором засело до 6 тыс. донских богатырей с славным войсковым атаманом Осипом Петровым, решившихся умереть, но не сдать врагам старую столицу казачества. «Вот храм Божий, — говорил атаман своим сподвижникам, — защитим его или умрем близ алтаря Господня, — смертию за веру покупают небо». Этого было довольно. Искренне верующие казаки очистили себя постом и молитвою и поклялись друг другу биться до последнего издыхания, а попавшись в плен ни слова не говорить врагам о состоянии города. Эти две главные заповеди казаки выполнили свято, как выполняли они и все другие клятвы и обещания во все время своей боевой жизни. Такова была душа и натура казачья старого времени.

7 июня началась действительная осада. Опытные в военном деле казаки прежде всего, подбегая мелкими партиями с раз-

ных сторон к стану врагов, добыли *языков* и от них узнали о численности и положении неприятельской армии. Скоро турки сделали попытку к штурму. Казаки отстреливались, стараясь не подпустить их близко к стенам. Главные их усилия были обращены на то, чтобы нанести вред врагам внезапными вылазками и подкопными работами, в которых казаки были искуснее не только турок, но даже всех западноевропейских инженеров и техников-специалистов. С этой целью атаман Петров разделил своих сподвижников на два отряда: один предназначен был собственно для вылазок, другой для подземных работ. Тот и другой действовали с такой успешностью, что скоро привели в недоумение и робость турок. Не привыкшие к постоянной осторожности, турки от внезапных вылазок казаков несли очень большие потери, а подведенные с разных сторон подкопы и взрывы губили их тысячами и производили такие опустошения в артиллерии, что не на шутку заставляли командующего армией Гуссейна-дели задумываться над дальнейшей своей судьбой. Следующие четыре приступа, в которых принимали участие все силы врагов, были безуспешны. Турки гибли массами. Убит был кафинский паша и много других военноначальников. Казаки, верные своей клятве «друг за друга стоять, лечь костьми, но город не сдавать», отражали врагов с удивительной храбростью и уменьем и после каждого отбитого штурма делали губительные для турок вылазки. Подкопы под неприятельские батареи делали свое дело. Турки приуныли. Таких стойких и храбрых противников гордые паши еще не встречали на всем востоке. У них явился недостаток в провианте, артиллерийских снарядах и людях. Гуссейн-дели спешно послал в Царь-град требование о присылке подкреплений. «Воевать Азов нечем, — писал он, — а прочь идти безчестно; подобного срама османское оружие еще не видело; мы воевали целые царства и торжествовали победы, а теперь несем стыд от горсти незначущих воинов».

Известие это было получено в Царь-граде 9 августа и произвело страшный переполох в высших правящих сферах. Верховный визирь всеми мерами старался скрыть от народа истинное положение вещей под Азовом, так как все опасались, что казаки, уничтожив там турецкую армию, двинутся на Стамбул и предадут, как они уже делали не раз, все огню и мечу. Но скрыть бедственное положение турецкой армии не удалось, и страх быстро распространился по всем прилегающим к морю местностям. 15 августа визирь спешно послал к Азову подкрепление и

предписал беломорскому Бекир-паше готовить туда еще 16 каторг с ратными людьми.

Получив подкрепление, Гуссейн-дели решил испытать последнее средство, чтоб завладеть Азовом, — засыпать всех защитников его землей. Начались спешные земляные работы, в которых главными руководителями были итальянские и немецкие инженеры; в несколько дней у самых городских стен явился вал вышиной в 7 саж. Установив на нем многочисленную тяжелую артиллерию, турки начали бить по городу *из всего снаряду* день и ночь. Стрельба эта продолжалась 16 суток. Казаки защищались с отчаянной храбростью; подвели под вал два подкопа и взорвали их, истребив тысячи неверных; проникли 28 подкопами под самые таборы неприятелей и произвели в них страшные опустошения. Немецкие инженеры с своей стороны вели под Азов 17 подкопов, но казаки проведали о том и своими встречными подкопами разрушили их. От беспрерывной стрельбы из осадных орудий город, три крепостных стены, башни и замок были снесены до основания. Разрушен был и храм св. Иоанна Предтечи.

Казаки зарывались в землю, делали оттуда вылазки и вели подкопы, умудряясь наносить вред врагам. В этой титанической борьбе с ними вместе, как природные дочери Дона, бились их жены, число которых, по словам самих казаков, было около 800.

Осада затянулась. Шел уже сентябрь месяц. Казаки, окопавшись в четвертом земляном городке, держались твердо. Время от времени к ним прорывались из Черкасска р. Доном подкрепления; подвозили снаряды и провиант. Остальные отряды казаков расположились по низовым городкам и следили за движениями врагов, стараясь не пустить их вверх по Дону. От смрада гниющих трупов у турок появились заразные болезни. Стал ощущаться недостаток в снарядах и провианте.

Посылаемые крымским ханом под украинные города за добычей отряды уничтожались казаками. В турецкой армии стали появляться недовольство и ропот. Гуссейн-дели не знал, что делать, и просил султана отложить покорение Азова до следующей весны, но получил ответ: «Паша! возьми Азов или отдай свою голову». Пришлось напрячь все усилия, чтобы сломить твердость казаков. Начались отчаянные приступы озверевших турок, продолжавшиеся беспрерывно последние две недели. Казаки не уступали, делали отчаянные вылазки, уничтожали врагов, захватывали у них порох и снаряды, подводили новые подкопы и взрывали турецкие укрепления. В инженерном искусстве они понимали лучше европейских специалистов. Около половины их уже пало смертью ге-

роев. Остальные были почти все переранены; от бессонных ночей они окончательно обессилили, губы их запеклись, лица и глаза от порохового огня и дыма опалились, гортань не давала звуков голоса, руки отказывались держать оружие. Но не таковы были донцы: они поклялись друг другу лучше умереть, но не сдаваться. Турки метали им на стрелах письма с обещанием выдать каждому из них по тысяче талеров, если они добровольно оставят Азов, который в сущности уже не существовал, но казаки на эти «бусурманския прелести не покусились» и ответили им новой, губительной для них вылазкой. В ночь под 26 сентября, ночь страшную и вместе трогательную, казаки очистили себя постом и молитвой, попрощались друг с другом, по-братски обнялись, перецеловались и решили на утро сделать последнюю отчаянную вылазку — победить, или умереть всем, до одного человека.

В три часа ночи страшные, опаленные, с сверкающими сверхчеловеческим огнем глазами они двинулись на врагов, но к удивлению своему не нашли их на прежних местах. Рассвет показал лишь одни следы бегущего неприятеля. Донцы воспрянули духом, наскоро сформировали отряды из более свежих сил и пустились в погоню, били без пощады, загоняли в воду, топили суда. Турки не ожидали этой дерзости и, объятые ужасом, гибли тысячами. Поражение было полное. Донские богатыри сдержали свою клятву: или умереть, или победить. Они показали всему миру, какова нравственная сила и доблесть казачья. Доселе непобедимые и гордые османлисы, наводившие страх и ужас на весь Ближний Восток и Европу, были посрамлены и уничтожены горстью доблестных донцов, ставших своею богатырскою грудью за свою, веками прославленную казачью честь, свободу дорогой родины и православную веру.

Турки в паническом страхе бежали, оставив под Азовом от 50 до 70 тысяч трупов. Раненый крымский хан Бегадир-Гирей умер на дороге. Кафинский паша Юсуф был убит. Сам главнокомандующий, силистрийский паша Гуссейн-дели от стыда и сраму скончался в пути. Немногие из уцелевших военноначальников были преданы «турецкому» военному суду. Так окончилось это беспримерное в летописях народов дело, названное в истории *«Азовским сиденьем»*[304].

---

[304] Отписка войскового атамана Осипа Петрова и всего войска царю 9 октября 1641 г. с атаманом Наумом Васильевым, есаулом Федором Порошиным и с 24 особенно отличившимися казаками.

Известный критик Сенковский, нисколько не умаляя мужества казаков в «Азовском сиденье», основываясь на трудах турецкого историографа Наима-

Воздав благодарение Богу за одоление многочисленных врагов, казаки отправили в Москву легкую станицу с атаманом Наумом Васильевым с подробным известием об успехе своего оружия и просили царя принять Азов себе в вотчину, так как все они крайне изнурены, переранены, наги и босы и держать город дальше не в силах. Атаман лично объяснил царю и боярам, что если Азов не будет принят от них, *то они все до единого умрут в нем, но не уступят врагам земли, облитой кровью их товарищей.*

Царь похвалил казаков за их мужество и послал на Дон милостивую грамоту и 5 тыс. руб. денег. Вслед за этим 2 декабря им послан был на Дон дворянин Желябужский с поручением осмотреть азовские укрепления, сделать чертежи и сметы на исправление стен, зданий и проч.

Между тем посрамленный султан неистовствовал и готовился отомстить казачеству. Получались известия об его приготовлениях для взятия Азова и походе на Россию. Он грозил даже уничтожить всех христиан в его империи. Устрашенный этими угрозами простодушный царь не решился дать какой-либо ответ казакам и в январе месяце 1642 г. созвал земский собор из представителей всех сословий государства, на котором был поставлен вопрос: принять от казаков Азов или отказаться от этого дара. Суждения затянулись до апреля. В марте возвратился Желябужский и донес, что Азов весь разрушен и что все укрепления нужно возводить вновь. Земский собор, не находя поддержки в правящих классах, привыкших двоедушничать пред султаном и боявшихся открыто стать на сторону казаков, постановил предоставить дело это усмотрению царя и бояр. Слабость и равнодушие к пользам отечества правящих классов сказались тут во всей силе. Утвердившись в Азове, Россия при помощи казаков могла бы держать в покорности и крымцев, и ногайцев и открыто вести политические переговоры с Турцией, не прибегая к традиционной лжи относительно казачества, лжи низкой, недостойной великого государства.

Россия смалодушничала и, отделавшись посылкой на Дон нескольких тысяч рублей, двухсот поставов сукна, съестных припасов, свинцу и пороху, предоставила донских казаков са-

---

эфенди, полагает, что турки под Азов могли послать не более 25 тыс. человек да крымский хан от 20 до 30 тыс. всадников, итого около 50 тыс.; что подвиг казаков и без преувеличения сил турок навсегда пребудет в истории одним из блистательных чудес неустрашимости и самоотвержения.

мих себе; она не только не дала им помощи военной силой, но даже во имя спасения христиан во всей Турции убеждала их покинуть Азов и уйти в свои юрты. «Сего требует польза отечества и послушание ваше будет новым доводом вашей верной службы ко мне», писал царь казакам. Лучших выражений не могла придумать косная Москва[305]. От принятия Азова она отказалась.

Не находя поддержки у единоверной им Москвы и веря угрозам об истреблении всех христиан в турецких владениях, казаки с сокрушением в мае месяце 1642 г. оставили Азов и вышли всем войском на Махан остров (близ нынешней Ольгинской станицы).

Казаки забрали из Азова всю артиллерию, колокола, церковную утварь, крепостные железные ворота и даже, по обету братскому, кости своих павших товарищей, сравняв все азовские укрепления с землей. Кости казаки перевезли на Монастырский Яр, артиллерию и церковное имущество в Черкасский городок, дав обет построить в нем, в память славного *сиденья* в Азове, храм во имя Воскресения Господня, что впоследствии и исполнили.

Вывезенная казаками из азовского Предтеченского храма икона Иоанна Крестителя, чудной работы, писанная, судя по сделанной на ней греческой надписи, в 637 г., в настоящее время находится в Донецком монастыре, Богучару. Воронеж. губ. (в 12 вер. от Казанской станицы), а копии с этой иконы в Старочеркасском соборе и в часовне на Монастырском урочище, в 7 в. ниже Старочеркасска. В Донецком монастыре, который был раньше казачьим, хранится и колокол из азовского храма. Изящной венецианской работы большое посеребренное паникадило из того же храма уже больше двух веков висит в главном куполе собора Старочеркасска. Крепостные железные азовские ворота и громадная стрела от весов лежат в ограде того же собора, на память потомству о великих подвигах предков.

В Донской музей г. Новочеркасска доставлено несколько пушечных ядер, каменных и чугунных, весом более двух пудов каждая, найденные в старых крепостных валах Азова; ядра эти свидетельствуют, какой величины были осадные орудия при штурме турками Азова в 1641 г.

После оставления казаками Азова турки жестоко мстили им за прежние обиды и, пользуясь их малочисленностью, вне-

---

[305] Грамоты на Дон 30 апреля и 27 июля 1642 г. Сборник грамот. Прянишников. Стр. 76—83.

запно двинулись вверх по Дону, сожгли в 1644 г. городки Монастырский, Черкаск, Маныч и др., жителей частью побили, частью увели в плен. В этом набеге врагов погибла большая часть раненых и увечных казаков, посвятивших себя молитве при часовне Монастырского городка.

Войско перенесло свой главный стан в Верхние Раздоры (ныне Раздорская на Дону станица) и там уже отбивалось от приступов дерзкого врага. Но скоро казаки оправились, оттеснили неприятеля за Черкаск и с упорством защищали это укрепление от многочисленных татарских полчищ, крымцев и ногайцев, окруживших его со всех сторон. Об этой осаде казаки писали царю: «мы целую зиму (1645 г.), будучи оставлены всеми, сидели в Черкасском городке, окруженные ногайцами, темрюцкими черкесами и крымскими татарами; нам нельзя было выйти ни за рыбою, ни за дровами; в сей крайности натерпелись мы и холоду, и голоду и, не желая себя посрамить, многие из нас померли голодною смертию. А теперь, с наступлением весны, азовский Мустафа Бей с воинскими людьми опять хотят идти под Черкасской — конные берегом, а судовые р. Доном. Этого их приходу мы ожидаем вскоре, а помощи и заступления, кроме всемилостивого Спаса и Пресвятой Богородицы, да тебя, великаго государя, ни от кого не имеем».

Делая свое казацкое дело, казаки в то же время делали и великое государственное, постепенно сокрушая своею твердостию и подвигами могущество Оттоманской империи, а между тем они были предоставлены мщению раздраженного врага, надеясь только на свои собственные силы.

В то время, как донское казачество, напрягая последние усилия, отбивалось уже на своей территории от многочисленных врагов, отстаивая своею кровью каждый шаг родной земли, московские политики из трусости и недальновидности унижались пред Турцией и крымским ханом, стараясь их уверить, что российский государь в судьбе казаков никакого участия не принимает, вспомоществования им не дает, и если они о том его будут просить, то наверное просьба их уважена не будет... Так политиковали москвичи без всякой нужды и для себя пользы, т. к. хан ни одному слову их не верил, а продолжал громить русские украины и казачьи городки, расположенные в низовьях Дона. На Дон же царь писал: «чтоб вы нам, великому государю, послужили и прямили безо всякия хитрости в правду, и с азовскими, и турскими, и с ярымскими людьми никаких задо-

ров не вчиняли: и мы пожалуем вас нашим царским жалованьем»...[306] Казаки хорошо понимали эту двойственную политику Москвы, и горечь накипала на их простые и открытые сердца, но не имея надежды получить откуда-либо помощи, кроме как от России, до поры до времени терпели.

* * *

С восшествием в 1646 г. на престол Алексея Михайловича отношение к казачеству московского правительства несколько изменилось к лучшему.

Получив сведения, что крымский хан собирает большие силы для похода на Дон, с целью окончательного его разорения, казаки спешно послали в Москву легкую станицу с настоятельной просьбой дать им помощь людьми, деньгами, хлебом и военными припасами.

Новый царь внял их просьбе и, желая отомстить крымцам за разорение его украинных городов, приказал дворянину Ждану Кондыреву набрать в Воронеже и других украинных городах 3 тыс. *охочих* вольных людей и идти с ними в Черкаск; из Астрахани же и Терка велел послать туда стрельцов, татар, гребенских и терских казаков и пятигорских черкасов под начальством князя Семена Пожарского и кн. Муцала Черкасского. Кроме того, весной 1646 г. из Воронежа Доном послано казакам усиленное жалованье: сто поставов сукна настрафилю, 5 тыс. руб., хлебных запасов 3 тыс. чети, 300 вед. вина, 200 пуд. зелья (пороха) ручного, 100 пуд. зелья пушечного, 200 пуд. свинцу, на паруса 10 тыс. арш. холста, 500 пуд. железа, 500 пуд. смолы, 200 пуд. конопати и проч.

В грамоте на Дон «атаманом и казаком, Ивану Каторжному и всему Донскому Войску», 15 марта 1646 г., царь писал, чтобы по общему уговору казаки с ратью Пожарского и Кондырева сделали нападение на Крым с суши и с моря, но отнюдь не касались турецких владений, т. к. в Турции в то время были русские послы. План нападения был намечен такой: Пожарский с астраханским войском и частью донских казаков сухим путем пойдет на Перекоп, а Кондырев с другою частью казаков сделает нападение с моря. Это распоряжение царя поставило казаков в недоумение.

[306] Грамоты на Дон, в нижние и верхние юрты, атаманом и казаком, Ивану Каторжному и всему Донскому войску 30 августа 1643 г., января, 20 июня, 27 августа 1644 г. и др. Акты А.А. Лишина. т. I, №№ 16, 17, 18 и 19.

Вмешательство в их боевую жизнь и подчинение московским военноначальникам их обескуражило, и они политично отписали царю: «Дворянину твоему Ждану Кондыреву не возможно идти с нами в море, потому что он жил при твоей государевой светлости, человек он нежный и наших нужд, морских походов и пешей службы ему не вынесть. На море нам бывают нужды на *хуртины* великия, струги наши разносит по морю, так что друг друга не взведаем; многие наши струги на берег выметывает и разбивает, и мы без запасу и воды многие дни бываем... Когда мы прежде на крымския села хаживали, то, бывало, бежит *на-спех* от пристани к пристани день и ночь, а Ждан такую службу не перенесет». Пока шла эта переписка, казаки заставили войскового атамана Осипа Петрова, героя «Азовского сиденья», идти с ними на стругах под Азов, несмотря на протесты Кондырева и Пожарского; с ними пошли и вольные московские люди. Другая часть казаков с астраханскими татарами, черкасами, стрельцами, терцами и гребенцами двинулась туда же левым берегом Дона под начальством князя Муцала Черкасского. Приступ под Азов был неудачен, но зато на море казаки овладели пятью турецкими кораблями, из которых три потопили, а остальные привели в Черкаск с 30 пушками, 5-ю знаменами и большим количеством разных припасов и товаров. Сухопутные войска напали на окопавшихся близ Азова татар и почти всех уничтожили, завладев их скотом и лошадьми. Вслед за этим казаки вместе с сухопутной ратью кн. Пожарского разгромили татарский улус Шатемира-мурзы Исупова на р. Ее, в числе 2 тыс. телег, много татар побили и около 7 тыс. взяли в плен, а также до 6 тыс. голов рогатого скота и до 2 тыс. овец. После этого похода казаки возвратились в Черкаск, а князь Муцал Черкасский с своим войском, терскими стрельцами и гребенскими казаками расположился на левой стороне Дона. Не подозревая какой-либо опасности, войска князя спокойно спали. Но по следам их тайно шел крымский царевич нурадын с 7 тыс. отрядом крымцев и ногайцев и на рассвете всеми силами обрушился на Муцала. Произошла жаркая сеча, которая могла бы окончиться для кн. Черкасского очень печально, если бы гребенские казаки и терские стрельцы не потеряли присутствие духа и не остановили стремительный натиск крымцев. К ним на помощь поспешили казаки из Черкаска. Началась вновь жестокая сеча, продолжавшаяся целый день. Крымцы не выдержали и обратились в бегство. Многие ногайс-

кие мурзы, потеряв большое число людей, оставили царевича и ушли в степи. Узнав о таком положении крымцев, расположившихся станом на р. Кагальнике, впадающей в Азовское море, донские казаки вместе с кн. Пожарским, двор. Кондыревым, кн. Черкасским и всеми ратными людьми осторожно двинулись в степь и 7 августа 1646 г. на рассвете внезапно напали на крымцев. Поражение их было полное. Весь татарский стан достался в добычу победителям. Хотя предначертания царя о нападении казаков на Крым с суши и с моря вместе с Кондыревым и Пожарским не состоялись, но он был рад и этой победе над крымцами на р. Кагальнике и в благодарность прислал на Дон похвальную грамоту и дорогое знамя с изображением орла[307].

Вольные «охочие» люди, приведенные на помощь донцам, не вынеся трудных казачьих походов, скоро стали разбегаться по своим местам; первоначально они делали это тайно, но потом, собравшись в большом числе, более 1000 человек, и завладев казачьими стругами, двинулись вверх по Дону и Донцу, направляясь к украинным городам. Казаки хотели остановить их силою оружия, но раздумали, желая, «чтобы молва о такой измене русских людей не достигла в иныя государства и орды». Вслед за этим отозваны были войска Пожарского и Муцала Черкасского, и казаки вновь были предоставлены самим себе, одним своим силам.

Так кончилась эта первая затея московского правительства, хотя предпринятая и по просьбе казаков, помочь Дону военной силой. «Охочие» русские люди, нанятые этим правительством, не пригодились для казацкой службы и скоро ушли восвояси, просто разбежались, не принеся делу никакой пользы, кроме вреда[308].

Турки и татары на время притихли. Казаки понемногу стали оправляться и скоро были уже готовы вновь начать борьбу с

---

[307] Грамота 25 сент. 1646 г. Сбор. грам., стр. 64-68.

[308] Уместны ли тут будут мнения некоторых русских историков о происхождении казачества из беглых крестьян, старавшихся освободиться от крепостной зависимости, каковой в XVI в. на Руси в действительности не было, или из охотников, сгруппировавшихся в промысловые артели, а потом, в силу обстоятельств, взявшихся за оружие и по «мановению ока» ставших грозными для всего мусульманского мира, считавшегося в то время непобедимым. Эти наивные мнения и сделанные из них выводы для истории казачества не применимы. Опыт показал, что русские «охочие» люди для казацкаго дела не пригодны. Для «казацкаго» дела пригодны только казаки, как старая военная организация.

своими врагами. В июне 1647 г. они даже отважились предпринять морской поиск к берегам Тавриды и Тамани, но поиск этот для них окончился неудачей. Между Темрюком и Таманью струги их разметала буря; погибло много снарядов и оружия. В битве с сильнейшим врагом они потеряли 16 стругов из 33-х и много своих товарищей. На обратном пути их поджидали азовцы, устроив засаду на Мертвом Донце, правом рукаве Дона, предварительно засыпав его камнями. После жаркой сечи, стоившей с обеих сторон много жертв, казаки наконец прорвались в Черкаск в числе 12 стругов. Этот неудачный морской поход ободрил врагов, и они вновь стали готовиться к набегу на Дон, с целью окончательно истребить своих противников. Скоро из Азова двинулся к Черкаску большой речной флот, состоявший из 280 судов, и сильная сухопутная рать из турок, крымцев, ногайцев и черкесов. Казаки не смутились, отразили артиллерией все приступы врагов, сделали вылазку и разбили их наголову; потом бросились на свои суда, стоявшие внутри города (город был изрезан протоками Дона), настигли врагов, множество их побили, а остальных захватили вместе с судами. Но турки и татары, получая приказания из Стамбула, были упорны. Битвы возобновлялись почти каждый день. Казаки решили просить у царя немедленной помощи. Они писали ему: «мы ныне от безпрерывных сражений с азовцами пришли в совершенное изнеможение. Пока мы были многолюдны, защищали себя от неприятелей собственными силами... если тебе, государь, река Дон нужна, пришли нам помощь людьми»... С этою отпискою отправлен был в октябре 1647 г. заслуженный старшина Андрей Васильев с есаулом Василием Никитиным. Пока эти посланные вели, по приказанию царя, с «крючковатыми» думными дьяками в Посольском приказе бесконечные переговоры, в Москву спешно прибыла в январе 1648 г. новая станица с атаманом Иваном Молодовым и заявила, что если в скорости не будет сделана им помощь ратными людьми, то все они оставят Дон...[309] Зная, с какою твердостью казаки приводят свои решения в исполнение, и боясь, что они своим уходом на Волгу, Яик или Терек откроют туркам и татарам свободный путь к русским украйнам, московский двор, после долгих сборов ре-

[309] Донские дела. Доклад царю в марте 1648 г.

По сообщению современника, подьячего Посольского приказа Григория Котошихина, казаков в то время на Дону было около 20 тыс. «О России в царствование Алексея Михайловича». СПб., 1859.

шил отправить на Дон полк солдат, около 1000 человек, с дворянином Андреем Лазаревым, с одним майором, 4 капитанами и 5-ю поручиками. Полк этот прибыл в Черкаск р. Доном в октябре месяце, ровно через год после первой просьбы казаков. В грамоте на Дон царь писал, чтобы казаки были в дружбе с командным составом полка и ничего не предпринимали без общего согласия, а также подтверждалось всегдашнее требование не делать нападений на турецкие села и города.

Посылая эту вынужденную, для спасения государства, ничтожную помощь, царь, на требование султана, «ради дружбы и братства», об истреблении общими его и крымского хана силами казаков чрез послов своих, по заведенному шаблону, отвечал, что он считает даже не приличным содержать в милости каких-то беглецов, укрывающихся на Дону от смертной казни; что если хан Ислам-Гирей велит своим войскам истребить всех казаков, то он будет тем очень доволен; послать же на казаков свои войска ему невозможно, за отдаленностью, да к тому ж они живут по займищам, малым речкам и проточинам, кочевым обычаем; что «с ними вместе живут различных стран люди: литовцы, немцы, горские и запорожские черкасы, крымцы, ногайцы и азовцы, а все сии люди моего веления не слушают»[310].

Нисколько не подозревая, как их порочит пред турецким султаном русский царь, которого они считали единственным своим союзником и покровителем, донские казаки, лишь только получив известие о готовящейся им помощи и пользуясь тем, что крымцы в союзе с гетманом Богданом Хмельницким громят польские владения, бросились на 8 стругах, по 300 человек в каждом, в море, напали на крымские владения, отбили много польского «полону» и возвратились на Дон. Такие же походы они беспрестанно совершали и в следующих годах и перевезли на Дон тысячи польских пленников, объявили их свободными и отпустили с доброжелательством на родину.

Обеспокоенный этими грозными набегами, хан требовал от своего союзника Хмельницкого унять донцов, а если они его не послушают, то «я и ты понесем к ним войну и смерть». Вынужденный для войны с Польшей поддержать с ханом мир, гетман прислал на Дон с своими уполномоченными письменное послание, в котором просил донцов прекратить поиски в Тавриде и Турции, «тогда союз наш и дружба пребудут крепки, иначе за

[310] Дела Крымские, 1647 г. Дела Турецкие, № 2.

нелюбовь отдадим вам нелюбовью»[311]. Посланцы именем гетмана на словах передали, что уже сделаны ими и крымским ханом все приготовления для похода на Дон.

На это послание гордые донцы ответили: «*неприлично христианину возставать на единоверцев своих в защиту бусурман;* не мешай нам истреблять старинных врагов наших. Мы всегда были с вами в братстве; *но знай, что мы так же умеем обходиться с неприятелями нашими, как и с друзьями*».

Отправив гонцов своих с такою отпиской, казаки стали готовиться к новой войне. Первым делом они послали по всему Дону войсковые грамоты с приказанием, чтобы казаки «крепили» свои городки и были осторожны; чтобы две части оставались на месте для защиты городков, а остальные немедленно шли в Черкаск, для борьбы с грозящим врагом; город Черкаск обнесли земляным валом и поставили деревянные башни (раскаты), обвели около вала ров, шириной в три сажени и глубиной в $2^1/_2$, напустив в него из р. Дона воды; заключили оборонительный союз с калмыцкими тайшами, прикочевавшими тогда с улусами своими из-за Волги к Дону. Сделав все это, они спокойно стали поджидать своих врагов.

Скоро на р. Миусе показался отряд запорожцев в 5 тыс. человек, с сыном гетмана, Тимофеем Хмельницким. Пришла весть, что запорожцы поджидают крымского хана. Донцы послали еще раз напомнить им о их прежней дружбе и братстве и борьбе с их общим врагом — татарами и в заключение сказали: «так не годится вам дружиться с бусурманами противу ваших братий и единоверцев». Крымский хан, видимо, боясь донцов и не доверяя запорожцам, уведомил сына гетмана, что по причине выгоревших степей он выступить не может. Запорожцы, простояв на Миусе две недели, возвратились на Днепр.

Все остальное время, до самого воцарения Петра I, донские казаки вели беспрестанные войны с крымцами и турками, делая ежегодно поиски на крымские и анатолийские берега, и в открытых морских боях всегда брали над ними верх, не страшась их грозных многопушечных кораблей. В 1652 г. они появились даже под стенами Царь-града с славным атаманом Раздорского городка Иваном Богатым, разгромили и выжгли его предместья, захватили богатую добычу и пленных, потом дали морской бой в

[311] Отписка Богдана Хмельницкого 30 марта 1650 г. Под этой отпиской внизу и писано: «Всему войску Донскому желательные приятели и братья Богдан Хмельницкий, гетман войск запорожских рукою властною».

Черном море, одержали верх над испуганными врагами и преспокойно возвратились на Дон, без малейшей потери в людях[312].

В 1657 г. казаки на 33 стругах, вмещавших до 2 тыс. человек, с молодым атаманом Корнилом Яковлевым, крестным отцом грозного Степана Разина, нанесли страшное опустошение по всему южному побережью Крыма и освободили много русских пленников.

После смерти Богдана Хмельницкого малороссийские казаки избрали гетманом Ивана Выговского. Этот честолюбец изменил России и отдался вновь под покровительство Польши, обещавшей казакам всякие льготы. Для борьбы с Россией и с непризнавшими его казаками он вступил в союз с крымским ханом. Тут только русский царь и бояре сбросили с себя личину политической двойственности и открыто сознались, какую великую роль играло донское казачество в борьбе с Крымом и Турцией, сокрушая их могущество одними своими силами. Вместо прежних упреков и не смелых, для поддержания своего престижа, попыток на приказания «не чинить задоров» азовцам и крымцам, царь уже убедительно просит казаков «чинить над Крымом промысл, сколько вам милосердный Бог помочи подаст...»[313]

Но казаки политические дела знали лучше, чем Москва; еще до получении об этом грамоты, узнав о выступлении крымцев в Малороссию для соединения с гетманом Выговским, бросились на 30 стругах, около 2 тыс. человек, в море и понесли смерть и ужас по всему крымскому побережью от Керчи до Балаклавы, уничтожая селы и поголовно истребляя все магометанское население. От берегов Крыма они бросились на Таманский полуостров и уничтожили там все улусы до Темрюка, потом появились на берегах Малой Азии и даже близ Царь-града, неся всюду смерть и ужас. Руководителем этого славного похода был тот же Корнила Яковлев[314].

---

[312] Донские дела, 1652 г. Распросныя речи Мины Прибыткова, посланного на Дон с царским жалованьем и возвратившагося в Москву 30 окт. 1652 г.

[313] Грамота на Дон 28 июля 1659 г. Акты А. Лишина, т. I, № 35.

С присоединением Малороссии к Москве, в 1654 г., царь стал величать себя «всея Великия и Малыя и Белыя России самодержцем». В грамотах на Дон титул «самодержец» впервые приведен в 1657 г., в грамоте 17 мая.

[314] Донские дела. Распросныя речи станичного атамана Петрова, 17 сент.

Название атаманов Васильев, Петров, Яковлев и др. — это не фамилии, так как фамилий на Дону не было, а их отчества, чьи они сыновья. К отчествам иногда прибавлялись прозвища: Черкашенин, Татаринов, Каторжный и др. Впоследствии из этих отчеств образовались фамилии.

Так действовали донские богатыри старого времени. Берега Крыма, Анатолии, Тамани и Румелии усеяны их костьми. Такое было время. Турки и татары были беспощадны с христианами. Магомет, умирая, изрек: «сражайтесь с неверными, пока всякое противление исчезнет».

Последователи его буквально выполнили эту страшную заповедь своего пророка, как могут выполнять только нафанатизированные дикари. Восточный мир покорился мечу Магомета. Европа пред ним дрожала. История в течение веков выдвинула против этих страшных и бесчеловечных завоевателей казаков, несокрушимых, как гранитные скалы, стойких и твердых своей казацкой идеей, верных друг другу, никогда не изменявших ни братскому слову, ни клятве, безумно храбрых, неподражаемо опытных в военном деле и обладавших тонким умом и беспримерной военной хитростью и в то же время, в обыденной жизни, самых простых и сердечных малых, чутких, как дети, к нуждам обиженных и милосердных к побежденным. История на пространстве тысячелетий не давала еще примера, не выдвигала еще ни одной нации, подобной казачеству, этих прямых потомков древних Гетов, нации, оставшейся верной себе в течение многих и многих веков.

Глава X
Казаки помогают России в войне с Крымом и Польшей

Беспрерывные упорные битвы с турками и крымцами с 1637 по 1660 г. в низовьях Дона и отважные морские походы хотя значительно и обессилили казаков, но в то же время внушили им полную уверенность в возможности скорого и окончательного сокрушения могущества магометан на берегах Азовского и Черного морей. Делая свое казачье дело, казаки надеялись только на свои собственные силы. Та незначительная и временная помощь людьми, которая была прислана в Черкаск Москвой в 1646 г., до 3 тыс. человек из охотников, и в 1648 г. в количестве одного солдатского полка в 1000 человек, нисколько не могла поддержать донское казачество в его грандиозных предприятиях, т. к. те и другие ратные люди, не привыкшие к

условиям суровой казачьей жизни, скоро разбежались по русским украинным городам. Но донцы не унывали и продолжали бороться с сильным врагом с прежней энергией. С 1646 г. на Дон впервые стали появляться русские крепостные крестьяне, приставая к возвращающимся из Москвы казачьим станицам, но этот люд, не имевший никакого понятия о военном деле, помогал лишь казакам укреплять городки и стеречь их конские табуны и стада рогатого скота и овец, отбиваемые у ногайцев[315].

В 1660 г. турки и крымцы вновь предприняли грандиозный поход на Дон, как и в 1641 г., с целью сильней укрепить Азов и построить в низовьях Дона три новых крепости. Весной в Азов прибыло сухим путем из Кафы, чрез Керченский пролив, 3 тыс. янычар, в устье Дона 35 кораблей с строительными материалами, под охраной 40 тыс. татар, 10 тыс. венгров, волохов и других подвластных туркам народов. Предугадывая эту опасность, донцы послали пред этим в Москву двух знатных старших Федора Будана и Фрола Минаева просить помощи войском и военными припасами, а в море 30 стругов для наблюдения за неприятелем и нападения на Крым. Выйдя в море, казаки встретили турецкий флот, а на берегах многочисленную армию; они повернули назад, но везде встретили засевших врагов с артиллерией и ружьями. Пришлось пробиваться силой. Искусные в боях донцы, сражаясь на каждом шагу, смело шли вперед и с помощью высланного из Черкаска подкрепления сумели пробиться, не потеряв ни одного струга и ни одного человека.

В Москве с присылкой помощи, по обыкновению, медлили. Казаки послали туда одну за другой еще три станицы. Наконец царское войско, в числе 7 тыс., с воеводой Хитрово прибыло только в октябре и стало лагерем близ Черкаска. В летний промежуток времени крымцы и турки уже успели закончить все крепостные работы и, оставив во вновь сооруженных укрепле-

---

[315] Донские дела. Кн. II, стр. 815, 824—25, 884—5, 891, 1087—8, 1090, 1097, 1106—8. В 1646 г. по приказанию царя дворянин Ждан Кондырев набирал по русским украинным городам охочих вольных людей для отправки их на Дон в помощь казакам; многие крестьяне и холопы Тульского, Соловского и Веневского уездов, прослышав об этом, стали записываться в охотники, а другие, пристав к казачьим станицам, возвращавшимся с атаманами Павлом Чесночихиным и Иваном Каторжным, пошли прямо на Дон. На требование воронежского воеводы Батурлина выдать этих беглых Иван Каторжный пригрозил отсечь ему уши, а посланного царем Данила Мясного с царским наказом ударил «в душу, вырвал из рук наказ и заткнул себе за голенище».

ниях достаточные гарнизоны с тяжелой и легкой артиллерией, ушли в Крым. Крепости были построены из тесаного камня, две при начале протоки Каланчи, по обоим берегам Дона, каждая в окружности по 200 и высотой в 15 саж., с гарнизоном по 300 человек, третья, более обширней, на гарнизон в 500 челов., на Мертвом Донце, против Азова. Места для этих крепостей избраны были чрезвычайно умело: ни одно судно не могло пройти с верху в море, не будучи раздроблено крепостной артиллерией. Но чтобы и в ночное время казаки не могли проскользнуть на стругах в море, турки перекинули чрез Дон от одной крепости к другой тяжелые цепи. Казалось, что доступ водой к Азову и к морю сделался для казаков совсем недоступным, но какие преграды могли удержать этих отважных и испытанных в морских боях витязей, умудренных многовековым опытом в военном деле и способных на всякие выдумки и хитрости, переданные их боевыми предками. Осень и зиму казаки, сидя в Черкаске, провели в подготовительных работах, ожидая из Москвы припасов и снарядов и посылая к устью Дона отряды для разведок. В ноябре полчища татар внезапно появились под Черкаском, но были обращены казаками в бегство. Присылкой провианта из Москвы медлили. Войско Хитрово начало роптать. Зимой ропот от условий тяжелой жизни усилился и перешел в открытый бунт. Часть войск, подняв знамена, двинулась обратно в Россию, но силой оружия была возвращена. Весной 1661 г. царь наконец прислал казакам обещанное жалованье: 7 тыс. руб. денег, 5 тыс. четвертей хлеба, сукно, порох, свинец и проч. Получили провиант и московские войска; волнение среди них улеглось, хотя многие из них ушли восвояси. В марте казаки вместе с войсками Хитрово двинулись вниз по Дону и осадили крепость на Донце. Получилась весть о приближении крымского хана; казаки осадой спешили. Ощущался недостаток в тяжелой артиллерии и в снарядах; по низменности грунта стены нельзя было взорвать подкопом; казаки решили взять крепость приступом. Сначала дело шло успешно; преодолев все препятствия, казаки, подкрепленные москвичами, уже подошли к крепости, спустились в ров, по лестницам взобрались на стены и начали ломать крыши башен, как вдруг воевода Хитрово отдал своим войскам приказ отступить. Трусость, злоба или зависть руководили хитрым москвичем, — неизвестно. Этим вероломным поступком казаки были страшно возмущены и, потеряв до 50 человек убитыми, возвратились в Черкаск. Время осады кре-

постей было упущено, т. к. начался большой разлив весенней воды, препятствовавший близко подойти сухим путем к укреплениям. Получилась весть о подходе турецких и крымских войск к Азову, с целью поставить в устьях Дона еще две новых крепости. Послав царю жалобу на воеводу Хитрово, казаки просили прислать им стенобитные орудия и подкрепление людьми, т. к. от отряда Хитрово осталось меньше половины, прочие разбежались. Но царь, занятый войной с Польшей, которой помогал крымский хан, не мог дать ни того, ни другого и лишь прислал на Дон более усиленное жалованье деньгами, хлебом, порохом и проч. Казаки были довольны и тем и на большее не претендовали, т. к. помощь людьми, как показал опыт, служила им лишь помехой. В августе они пытались взять приступом Каланчинские башни, но потерпели неудачу, не было тяжелой артиллерии; подкопы вести нельзя — низменное место, заливала вода. Громя из легких пушек эти укрепления и пуская вниз по Дону срубленные вековые дубы, которые рвали перетянутые чрез реку цепи, казаки тем временем прокопали Казачий ерик и пустились в море громить крымские берега. Турки засыпали ерик камнями и землей, но казаки возобновили его вновь и по-прежнему держали крымцев в постоянной тревоге, не давая им оказывать существенной помощи их союзникам полякам, воевавшим с Россией.

Предоставленные своим силам, казаки нашли себе союзников в калмыцком народе, незадолго перед тем прикочевавшем к границам их владений. Калмыки постоянно терпели притеснения от татарских орд и искали себе убежище в пределах России. На казаков, как на своих покровителей, они смотрели еще со времен Ермака, принявшего в Сибири их сторону в борьбе тайши Аблая с киргизами, а также защитившего их улусы от разорения татарских разбойников. В феврале 1661 года главный владелец калмыцкого народа тайша Дайчин и сын его Мончик прислали к казакам своего посла Баатыршу Янгильдеева для переговоров о том, чтобы всему калмыцкому народу по-прежнему (со времен Ермака) находиться в вечном подданстве российского государя, чтобы казаки и калмыки друг на друга никаких нападений не делали и обоюдно помогали вооруженной силой в борьбе с их общими врагами. Эти договорные условия были утверждены со стороны калмыцкого посла присягой; в залог верности соблюдения этих условий в Черкаске были оставлены два аманата (заложника). С своей стороны, для утверждения дружественных отношений казаки послали к калмыкам двух знат-

ных старшин Степана Разина и Федора Будана. Результатом этих переговоров старшины, оставив у союзников своих аманатов, привели с собой 500 челов. вооруженных калмыков под начальством мурзы Чакула[316]. Казаки приняли их очень ласково, одарили их начальников и вскоре вместе с ними двинулись под Азов, разгромили кочевавшие там ногайские улусы, многих татар и турок побили, захватили 500 чел. в плен и освободили до 100 челов. русских пленников. Для поощрения своих союзников казаки отдали им всех пленников и освобожденных русских, с условием, чтобы они сих последних от себя отправили к государю.

В том же году калмыцкий народ, в присутствии Казбулата-мурзы Черкасского и дьяка Горохова, принес торжественную присягу на подданство российскому государю[317]. Борьба с Крымом и азовцами продолжалась. Калмыки в этой борьбе принимали деятельное участие; они громили татарские улусы под Перекопом, угоняли у них лошадей и скот и были очень довольны этой добычей. В этих набегах им помогали остатки ратников воеводы Хитрово и нередко сами казаки. Предпочитая сухопутной войне морские набеги, казаки постоянно врывались в Азовское и Черное моря чрез Казачий ерик и по р. Миусу и не давали ни минуты покоя крымцам. В июне месяце 1662 г. на помощь донцам пришел Касбулат князь Черкасский. Война России с Польшей и Крымом продолжалась, а потому морскими поисками казаков царь был очень доволен и при переговорах с Крымом в 1662—63 гг. чрез своих послов о мире впервые решился открыто признать, без всяких политических уверток, действия казаков правильными, доказывая, что казаки живут на Дону издревле, что крымцы и азовцы всегда первые нарушают мирные договоры, нападают на казачьи городки и разоряют русскую Украйну, вследствие чего казаки вынуждены защищать свои пределы и давать насильникам отпор. Царь даже осмелился упрекать хана за постройку в устьях Дона новых крепостей, которых раньше в тех местах, принадлежащих казакам, никогда не было. Наконец в 1667 г. Россия и Польша заключили на $13^1/_2$ лет перемирие, а в 1670 г. подписан мирный договор между Россией, Польшей и Крымом. В этом договоре, между прочим, постановлено было, чтобы со стороны рос-

[316] Акты Лишина, т. I. Царская грамота 3 мая 1661 г. атаману Корнилу Яковлеву и всему Войску Донскому.

[317] Донские дела. Грамота на Дон 1661 г. в июле месяце.

сийского государя запрещено было донским и запорожским казакам производить морские поиски по Черному и Азовскому морям и не делать никаких нападений на подвластные крымскому хану улусы[318]. Утомленные долголетней войной, Россия и Крым старались выполнять договорные условия в интересах обеих сторон. Возобновились посольские сношения с Царь-градом и Бахчисараем. Войсковой атаман Корнила Яковлев, верный союзник российского царя и блюститель его и всего казачества интересов, всячески старался предотвратить неспокойных донцов от каких бы то ни было враждебных проявлений против турок и крымцев и имел в этом успех. Его поддерживали в этом старые домовитые казаки и благомыслящие старшины войска.

Глава XI
Степан Разин и его эпоха

Семейная жизнь на Дону существовала с древнейших времен. Азовские казаки, испрашивая у вел. кн. Василия III в 1519 г. дозволение «прикошенать под Путивль», имели жен и детей. В войсковой грамоте, посланной весной 1641 г. во все казачьи городки, повелевалось «съезжаться городков 5, 6 в одно место с семьями». Во время знаменитого «Азовского сиденья» 800 казачьих жен сражались с турками вместе с своими мужьями. Семьями обзаводились только те из казаков, которые жили в городках, удаленных от границ их владений; в пограничных же, при постоянной тревожной жизни, они по необходимости предпочитали жизнь холостую; иные, служа на кордонах, укрывали семьи свои в безопасных местах. Так делали и запорожские казаки. Время было тревожное, военное. По первому зову Главного Войска, в случае угрожаемой опасности, казаки обязаны были являться в назначенное место и в Войсковом Кругу, народном вече, решали дела о походах или защите отечества, также судили изменников и ослушников, встречали царских послов и снаряжали в Москву зимовые (зимой) станицы. Войсковой Круг был верховным управлением всего Войска. Войсковой атаман избирался Кругом на один год, как и войсковой есаул. В мирное время атаман и есаул были простыми исполните-

[318] Дела Крымские. 1667 г., кн. № 9, 45 и 1670 г. кн. № 12. Дела Турецкие. 1667 г. кн. № 8.

лями постановлений Круга, во время же походов власть атамана была неограниченна. Для морских поисков и частичных набегов на неприятельские владения избирались походные атаманы, а также и есаулы, исполнители атаманских приказаний. В каждом городе были свои атаманы и есаулы, избиравшиеся местным кругом на один год.

Сколько казаков было на Дону в XVI и XVII вв. — трудно сказать, т. к. все казачьи войска, расположенные по Волге, Яику и Тереку, составляли один общий союз и по первому зову донцов стекались со всех рек в гор. Черкаск для какого-либо важного казачьего дела, а потом, по миновании опасности, расходились по своим местам. Подьячий Посольского приказа Григ. Котошихин, современник царя Алексея Михайловича, в своих записках говорит, что казаков на Дону в его время было около 20 тыс.; это коренных, с союзными же войсками их было гораздо больше. Состав донских казаков постоянно усиливали их сородичи запорожцы, казаки малороссийские и из украинных городов Московского государства. Незначительный процент в XVII в. составляли новокрещенные татары, вольная польская шляхта, московские опальные бояре и князья, как например, кн. Друцкой, слывший на Дону под именем атамана Ивана Васильева, в 1623 по 1628 г., ратные люди из польских и русских владений и др. Все эти лица, вступая в состав казачества, становились равноправными членами его, а имевшие какие-либо титулы или звания скрывали или отбрасывали их, как не нужные.

С половины XVII в. жизнь на Дону стала принимать более оседлый характер; стало развиваться коневодство, скотоводство, овцеводство и даже земледелие, хотя этот промысел, как отвлекающий казачество от военных обязанностей, Главное Войско не одабривало; рыбный промысел и звероловство существовали на Дону искони.

Гор. Черкасск, сделавшийся столицей донского казачества после «Азовского сиденья» и в котором уже с 1651 г. красовался пятипрестольный деревянный соборный храм во имя Воскресения Христова, построенный по обету казаков, данному во время «сиденья», стал многолюден; он разделялся на пять станиц: Черкасскую со Средней, Павловскую, Дурновскую, Прибылянскую и Скородумовскую. В нем появилась торговля и промышленность, удовлетворявшая пока военным целям. Русские купцы, армяне, греки, турки, персы, татары, калмыки, черкесы, итальянцы и другие торговые люди стекались сюда каждый с своими

товарами[319]. С внешней стороны Черкаск представлял собой тип восточного города, подобно Багдаду или Морокко: дома в нем лепились друг к другу без всякого порядка, так, что улиц, в современном значении этого слова, в нем совсем не было, а были лишь одни тесные, извилистые проходы. Дома-курени были большей частью деревянные, в два этажа, на высоких каменных фундаментах или на сваях, с галлереями и балконами, в мавританском стиле. Дон и его протоки, протекавшие чрез город, были всегда заставлены торговыми судами и военными стругами. Черкаск носил оттенок интернациональности. Запорожцы, украинцы и казачество всех рек стекались сюда попировать и сговориться о предстоящих морских поисках на турок и крымцев. Здесь же делили (дуванили) и военную добычу, пленников (ясырь) и проч.

В морских поисках казаки, стараясь освободить своих и русских невольников, забирали в плен большей частью людей знатных, пашей, мурз и др., чтобы получить за них хороший выкуп, доходивший иногда до 30 тыс. золотых и более. Особенно же они охотно брали в плен прекрасных *ясырок*, жен и дочерей турецких пашей и крымских мурз, на которых многие из них женились или брали в дома в качестве собеседниц своих жен.

В конце первой половины XVII в. на Дону и в особенности в Черкаске стал появляться разряд казаков, имевший впоследствии большое влияние на ход исторических событий войска, — это класс домовитых граждан, разбогатевших или войной, или торговлей и сумевших захватить в свои руки, хотя все угодья считались достоянием всего войска, или лучшие пастбища для своих табунов, или выгодные рыбные тони и проч. Явление это самое естественное и присуще народам всех стран. На Дону при исповедуемых в то время казачеством символах «равенстве и братстве» оно никому никакого ущерба не делало и зависти ни в ком пока не возбуждало. Каждый член военной общины имел право добытые тем или иным способом богатства скоплять и передавать детям или, как большинство это и делало, по возвращении из похода пропивать все «до нитки». Это право было каждого казака. Вместе с этими домовитыми гражданами из среды заурядного казачества стали выделяться и лица недюженных способностей в боевом деле, которых Войсковой Круг выбирал в атаманы, есаулы и другие должности по войску. За боевые отличия и выдающиеся качества по внутреннему распорядку в войске Круг возводил их в почетное звание старшин,

[319] История торговли на Дону. Стр. 26—28. 1904. Е. Савельев.

без права передачи этого звания потомству. Это были личные заслуги данного лица пред всем войском. Как на тот, так и на другой класс этих выдвинувшихся из общей массы казачества лиц обратили внимание хитрые и в этом деле дальновидные московские политики и всеми мерами, ласками и подкупами, старались привлечь их на свою сторону. В этом они имели успех. «Нет той стены, чрез которую не перешагнул бы верблюд, нагруженный золотом», говорит древняя пословица. Эту стену перешагнули и московские политики. Донских послов (зимовые станицы) в Москве принимали с особенными почестями и обрядами: в палате для приема иностранных послов царь восседал на троне, окруженный боярами и князьями. Дьяк или боярин, держа скрыто в руке листок церемониала, выступал вперед и громогласно докладывал царю, указывая на донских послов: «*Вам, Великому Государю, Вашему Царскому Величеству, донские казаки, станичный атаман Корнила Яковлев (или другой) в товарищи челом ударили*». Потом, обращаясь к станице, продолжал: «*Великий Государь, Его Царское Величество, жалует тебя, атамана, с товарищи к своей государской руке*». По совершении этого обряда царь приказывал дьяку или боярину приветствовать от себя *войско;* представляющий возглашал: «*Великий Государь, Его Царское Величество, жалует атаманов и казаков* (имя войскового атамана) *и все великое войско Донское, велел спросить о здоровье и службу вашу милостиво похваляет*». После такого торжественного представления вся станица приглашалась к царскому столу, *где была угощаема с удовольствием и подчивана романей* (шампанским)[320]. Тут же подносили атаману, есаулу и каждому казаку отдельно подарки: деньги, камку (цветное, тонкое шелковое матерье), тафту, сукно, соболей и серебряный ковш атаману. Потом, тайно от других, шли уже подкупы видных и влиятельных атаманов и казаков, давались секретные поручения — кого и чем задарить на Дону, с целью привлечь их на свою сторону, т.е. быть в нужных случаях сторонниками Москвы. Ежедневно станице выдавались на стол хлеб, мясо, дичь, деньги, вино, мед, пиво и проч.; иногда все это выписывалось в таком размере, что этой прови-

[320] В старое время станицами назывались партии казаков, посылаемые на разведку или с известиями в Москву. Во главе станицы стоял станичный атаман, а за ним есаул. Первые же поселения казаков назыв. городками, а местность, окружавшая городок, — юртами. С 1687 г. название городок стало заменяться названием *станица*. Старые поселения — пепелища до сего времени в некоторых местах Дона называются «старыми городками».

зии могло бы хватить не на сто человек, в каковом составе обыкновенно посылались станицы, а на целый полк. Станицы посылалась в Москву по мере надобности, но не менее 5 раз в год; обязательная же, по старому заведенному обычаю, зимой, почему и называлась *зимовой*. Таким образом, каждая станица, обласканная, щедро одаренная и удостоенная чести *узреть светлые царские очи,* радостно возвращалась домой и всякий раз привозила всему войску царское жалованное слово и похвалу. Так принимали в Москве донские посольства в XVII в. Прием, правда, заслуженный, но для простых и честных воинов, не привыкших к подобной пышности, был необыкновенный и многим из них кружил головы.

Благодаря такой московской политике, на Дону во 2-й половине XVII стол. образовалась довольно сильная партия сторонников Москвы, — это был класс домовитых казаков и старшин войска во главе с войсковым атаманом Корнилом Яковлевым.

По заключении с Крымом перемирия в 1667 г., а потом в 1670 г. и мира, масса простых казаков-воинов, живших военной добычей, осталась без дела. Образовался разряд казаков-голытьбы, голутвенных, мечтавших о морских поисках над турками и крымцами или о набегах на Каспийское море под персидские купеческие «бусы-кораблики», чтобы добыть себе там новые зипуны, каменьев самоцветных и чеканного с бирюзой оружия. Но атаман Корнила Яковлев, опираясь на преданных ему старшин и домовитых казаков, не желая в угоду Москве нарушать с турками и крымцами мир, удерживал их на месте. На неожиданный клич Степана Разина о предстоящем морском поиске с радостью откликнулся засидевшийся голутвенный люд. На зов Разина отозвались и воровские казаки, жившие по верховым городкам и неоднократно ходившие промышлять на Волгу и Каспийское море, вопреки строгим приказаниям Главного Войска[321].

Степан Тимофеевич Разин родился, по преданию, в городке Пяти-избах. Крестным отцом его был известный впоследствии войсковой атаман Корнила Яковлев. Молодость свою Разин провел, как и все казаки, в походах и битвах с неприятелем.

---

[321] Воровские — ослушные, не подчинявшиеся Главному Войску, местопребывание которого было в гор. Черкасске. В 1650 г. воровскими казаками на р. Дону, между городками Паншинским и Иловлинским, был построен для склада награбленных товаров гор. Рига. В 1660 г. по приказанию Войска городок этот был взят казаками штурмом и разрушен до основания, а атаман воровских казаков Василий Прокофьев с главными сообщниками повешен в Черкаске. Дела Донские. Грамота на Дон 29 мая 1660 г.

В 1646 г. он участвовал в морском поиске казаков на берега Тавриды, а в следующем году при защите Черкаска от нападения азовцев; в одной из вылазок раненый попал в плен и два года томился в азовской земляной тюрьме, откуда успел бежать. За выдающийся ум и отвагу Войсковой Круг наградил Разина почетным званием старшины. В 1661 г. вместе с другим старшиной Федором Буданом ему было поручено заключить от имени войска оборонительный союз с калмыцким народом. Поручение это Разин выполнил с успехом; калмыки в том же году приняли участие в походе донских казаков против ногайцев. Казалось, что судьба за ум и способности Разина готовила ему другой жребий, деятельность на другом поприще. Но случилось совсем обратное, и виновато тут было во всем царское правительство, преступная политика Москвы и самомнение зазнавшихся бояр. Дело в следующем. В 1665 г. донские казаки, помимо непосредственной борьбы с Крымом, послали несколько своих полков на польскую границу в помощь русским войскам, под начальством походного атамана Ивана Разина, старшего брата Степана. Этот отряд казаков вошел в состав армии князя Юрия Долгорукого. Наступила осень; казаки, по обыкновению, стали помышлять о возвращении на Дон, т. к. службу свою царю считали, как и в старое время, добровольной. На смену им, по распоряжению Войскового Круга, могли придти части другие. Это зависело от Главного Войска. Князь Долгорукий казаков на Дон не пустил, тогда они ушли самовольно. Долгорукий успел часть их вернуть силой, а атамана приказал повесить. Этот возмутительный поступок, это насилие над свободными сынами грозного Дона, столько проливших крови для спасения России от набегов турок и татар, поставил все войско Донское в недоумение, в душе же близких людей казненного атамана поднял бурю негодования; в особенности привел в бешенство гордого и свободолюбивого казака Степана Разина, видевшего позорную смерть своего брата. Кичливые и гордые в своем самомнении московские вельможи, привыкшие раболепствовать пред царем и получать от него легкие подачки, видимо, мало еще знали донских казаков, а потому и не могли соразмерить своих поступков в отношении этого свободолюбивого народа, не знавшего рабства и не пред кем не унижавшегося, не боявшегося ни крымского хана, ни грозного и непобедимого по тому времени турецкого султана и принимавшего в течение веков на свои богатырские груди все удары этих злых и сильных

врагов. В буйной голове Степана Разина стал созревать план мщения. Положение голутвенных казаков на Дону ему было хорошо известно; нужно было изучить жизнь русского народа и быт крепостных крестьян, закабаленных в неволю землевладельцам. С этою целью он исколесил Россию вдоль и поперек, советовался с гонимым царем патриархом Никоном в Воскресенском монастыре, а потом заглянул в его местозаточение — Белозерский Ферапонтов монастырь, убеждая лишенного сана узника бежать с ним на Дон; был даже в Соловках, Запорожье и многих других местах обширной России, ко всему присматриваясь, все изучая и взвешивая. Зимой 1667 г. он вновь появился на Дону.

Внутреннее положение рабовладельческой России при царе Алексее Михайловиче было чрезвычайно тяжелое. Слабохарактерный царь мало вникал в дела управления, а предоставил все это ведать льстивым князьям, боярам и воеводам.

Еще в 1642 г. на Великом Земском Соборе, созванном в Москве по поводу предложения казаков принять отнятый ими у турок г. Азов, представители от разных классов народа смело говорили царю: «разорены мы пуще турских и крымских бусурманов московскою волокитою и от несправедливых судей... вели разсмотреть поборы и даточных людей с монастырских имений. Зачем лежачая казна у патриарха, митрополитов, епископов и в монастырях?.. Пожары да подати, подводы да кормежные деньги разорили нас... Разсуди нас, государь, с нашими воеводами, да с дьяками: они съедают все, что мы даем тебе»[322].

Уложением царя Алексея Михайловича 1619 г. крестьяне окончательно были прикреплены к земле, т.е. сделались собственностью господ, их холопами, даже хуже, их бесправными и безгласными рабами, сведенными на степень скота, с куплей и продажей, меной на предметы роскоши, собак и проч. Крестьянин принадлежал своему господину не только телом, но и душой; впрочем, души-то в нем и не признавалось, а была у него, по мнению бояр, какая-то другая душа, холопская. Защиты крестьянам ждать было неоткуда: все давило его, все гнело, духовенство же проповедывало: «раб, повинуйся своему господину!» Хотя и был учрежден холопский приказ, куда каждый крестьянин мог принести жалобу на обиды от своего господина, но это была одна насмешка над личностью человека: в приказе

[322] Описание Собора. Собрание государ. грамот. Т. III, стр. 378 и след.

сидели те же господа-рабовладельцы, и по закону (Уложению) достаточно было одного отрицательного ответа господина, чтобы жалоба холопа была опровергнута. Судьи открыто продавали свои приговоры. За провинности господ били его крестьян, сажали в тюрьмы, истязали. За убитого крестьянина отдавали живого, точно так же, как за убитую скотину отдают другую, нисколько не считаясь с семейным его положением: мужа продавали или отдавали от жены или детей, детей от отца. Тяжелое и бесправное было время в тогдашней самодержавной России. Все это видел и изучил Разин и пришел к выводу, что лучшим союзником и помощником ему в задуманной мести рабовладельцам-боярам за смерть свободного казака, его брата, будет весь закабаленный русский народ. Эта мысль твердо засела в его голову, и он решил немедленно приступить к ее выполнению. Он задумал перевернуть рабовладельческую Россию вверх дном. За ним пошла вся казачья голытьба, а потом и весь крестьянский люд. Явившись в Черкаск, он ближе сошелся с голутвенным казачеством, пируя с ним по кабакам и ведя беседы о возможных морских походах, о новых зипунах и богатой добыче. Все это было нужно для выполнения задуманного плана; Разину были нужны слава и богатства, без которых он был для своего дела бессилен.

По сказанию современников-иностранцев, видевших его лично, Разину было в 1670 г. около 40 лет; он был высокого роста, дородный, чрезвычайно крепкого сложения, предприимчивой натуры, гигантской воли и порывистой деятельности[323]. Молчаливый и задумчивый и строгий с подчиненными, он умел привязать к себе всех и заставить безропотно ему повиноваться. Волосы на голове имел темные, курчавые, бороды не носил; длинные, с красивыми изгибами усы спускались в стороны. Взгляд его приводил в трепет даже его сподвижников, людей, как известно, не с очень нежными нервами. В черных глазах его горел высокий ум, была видна жестокая, непреклонная воля, было что-то страшное и обаятельное. Каждое движение его нахмуренных бровей на немного попорченном оспой, но красивом лице заставляло дрожать самых храбрых. Всякий видел в нем присутствие какой-то стихийной, демонической силы. Он весь был живое воплощение беззаветной удали и ничем несокруши-

[323] Ян-Янсен Стрейс и Штраус, оставившие свои о Разине записки, были голландцы, служившие на корабле Орле, построенном царем и стоявшем во время бунта Разина в Астрахани.

мой энергии. Движения его были резки и быстры, голос громок и внятен. Порой своенравный и упорный в предпринятом раз намерении, то мрачный и суровый, то разгульный до бешенства, то преданный пьянству и кутежу, то готовый с нечеловеческим терпением переносить всякие лишения, Разин сгруппировал вокруг себя все недовольное Москвой и войсковым атаманом Корнилом Яковлевым голутвенное казачество и стал постепенно приводить задуманный план в исполнение. Все, что стояло выше его, все, что властвовало и распоряжалось народом, воеводы, князья, бояре и дьяки, а также и высшее духовенство было ему ненавистно, все же обездоленное, униженное и забитое находило в нем защитника и покровителя. «Я иду бить воевод, бояр и приказный люд, с своим же братом мужиком поделюсь последней крохой хлеба», — писал он в своих воззваниях к народу. Народ верил в него и шел за ним. Закон, общество, церковь, все, что веками сложилось в московском государстве под влиянием византийского культа, им отвергалось и попиралось. Все попирала его неустрашимая воля. Вольное казачество он любил до самозабвения и в речах своих называл казаков не иначе, как *братцы, товарищи и други.* Встречаясь с ним, народ кланялся ему до земли и величал *батюшкой.*

* * *

Так характеризуют Разина русские историки, в том числе Костомаров (Бунт Стеньки Разина) и др., придавая в то же время ему эпитеты жестокого и кровожадного, не имевшего сердца ни для других, ни даже для самого себя, чужие страдания забавляли его, свои же собственные он презирал. Отвергал церковный брак, как таинство, и заставлял желавших жениться становиться парами и кружиться вокруг вербы. «Вот вам и венчание!» — говорил он.

Оттеняя эти незаурядные, на современный взгляд, проявления в характере Разина, ни один из этих историков не потрудился, однако, в достаточной мере над их выяснением и не указал этим явлениям исторических причин, а ведь для каждого исторического явления есть своя особая причина, быть может сокрытая глубиной веков.

Разин обладал недюжинным умом и выдающимися способностями. Он стоял выше своих современников и по уму, и по развитию. Он знал историю Дона и хорошо понимал задачи казачества. Он был знаком с древнерусскими былинами и укладом сво-

еобразной жизни новгородской Руси. А ведь новгородская-то Русь, вернее новгородское гетское казачество имело большую связь с Доном. В древних писцовых книгах новгородских погостов мы находим гофейских казаков, откуда-то пришедших и поселившихся в Бежецкой пятине. Эти гофейские казаки — прибалтийские Готы или Геты, переселившиеся туда в I—IV вв. по Р. Х. с берегов Азовского моря (Саги о Фритьофе Смелом и Едда Снорре), из страны Свитиод, Сводура — света, юга, под именем Азов-Гетов. Часть из них переселилась из Хлынова на Дон, другая — осталась в новгородских областях и стала известна в XVI и начале XVII вв. под именем казаков ямских, дерптских, копорских и др. (Договор Новгорода со шведами в 1611 г. и договор России с Швецией в Столбове 1617 г.).

Связь новгородских областей с Доном сказывается, помимо исторических данных, еще в следующем: в говоре, тождественных названиях старых поселений, озер, речек, урочищ, архитектуре построек древних церквей, резьб иконостасов, народной орнаментике, нравах, обычаях, суевериях, свадебных обрядах, вечевом правлении, обособленном церковном управлении, антропологии жителей — воинов древнего Новгорода и Дона и проч. В церковном управлении новгородцы до XVI в. обособлялись от московских митрополитов, а потом патриархов; высшее и низшее духовенство избирали на вече, без согласия Москвы. Новгородцы также не приняли греческих строгих церковных уставов, а продолжали сохранять свой народно-вечевой суд над духовенством по своему древнему народному праву. Считая себя по культурности выше других народностей, в том числе и греков, они принимали христианство с большой осторожностью и упорством, а приняв, оставили много обычаев и обрядов из своего древнего языческого культа. Так, например, при обряде церковной свадьбы священник должен ехать впереди с крестом в облачении, а жених сзади с волхвом (знахарем, колдуном). Этот обычай был запрещен духовным собором в 1667 году.

Женщина-новгородка, помимо отца и матери, должна была говорить публично на вече «люб ей жених или не люб».

Венчались в церкви, хотя это считалось не обязательным, и около ракиты, как о том поется в былине о Дунае Ивановиче: «там они обручалися, круг ракитова куста венчалися».

Женились 4, 5 и 6 раз и также свободно разводились, передавая на вече публично жен другим.

Все эти и многие другие религиозные обряды и обычаи новгородцы целиком перенесли на Дон. Обособленность Дона в церковном отношении от Москвы всем известна. По словам протоиерея Гр. Левицкого, в 1687 г., после усмирения бунта Разина, на Дон впервые была прислана грамота с повелением поминать на большом выходе имя московского патриарха: до этого же донское духовенство, избираемое казачьим кругом, как и в древнем Новгороде, никакого отношения к московским владыкам не имело.

В 1762 году, после присоединения Дона к воронежской епархии, епископ Иоаким доносил Синоду, что «казаки под страхом наказания запрещают своим священникам слушаться распоряжений архиерея и судят их по своим обычаям в кругу; что войсковой атаман Иловайский прямо писал, чтобы архиерей не смел вмешиваться в духовные дела казачьих приходов, так как причты их определяются с утверждения «казачьяго круга и старшин».

В 1765 г. воронежский епископ Тихон доносил вновь Синоду, что в 3-х черкасских благочиниях 58 духовных лиц самовольно определены кругом, без его благословения и что эти беспорядки исправить нет никакой возможности. В том же году и тот же епископ вновь доносил, что казачьи церкви не ведут венечных записей и что атаман Иловайский набил колодки на протопопа черкасского собора за то, что тот осмелился власть своего владыки поставить выше веча, т.е. войскового круга.

Браки на Дону, по словам Евл. Котельникова, В.Д. Сухорукова и свящ. Пивоварова (1818—1840 гг.), исстари состояли в церемонии, происходившей на майдане, где собирался казачий круг. Жених и невеста в сопровождении родственников являлись на майдан (площадь), где жених публично спрашивал невесту: «люб ли он ей?» Дав утвердительный ответ, невеста в свою очередь спрашивала жениха: «люба ли она ему?» После утвердительного ответа кланялась ему в ноги, в знак подчинения. После этой церемонии атаман и старики вставали с своих мест и поздравляли молодого князя и княгиню словами «в добрый час». Такая форма брака в понятиях казаков-вечников была так важна, что и после венчания в церкви должна была обязательно исполняться на майдане.

Развод производился с такою же легкостью и также на майдане, при публичном объявлении, что жена ему «не люба».

Такие браки и разводы просуществовали на Дону до половины XVIII в. Венчаться в церкви считалось не обязательным.

Церемония церковного брака тождественна с новгородской: впереди ехал верхом священник с крестом, за ним жених с знахарем-дружком, потом невеста с свахой и сверстники жениха с песнями и стрельбой. Жених и невеста, по древнему новгородскому обычаю, величались молодыми князем и княгиней.

Женились 4, 5 и более раз и также легко разводились. Хотя на Дон и послана была в 1745 г. 20 сентября грамота о воспрещении жениться от живых жен и четвертыми браками, но это нисколько не останавливало казаков следовать своему древнему обычаю жениться и разводиться с ведения и согласия круга[324].

На основании этих-то старых казачьих обычаев и Степан Разин, желая оградить казачество от влияния московского высшего духовенства, дабы оно своими анафемами не помешало выполнить задуманный им план, стал публично отвергать и церковный брак, и другие обряды веры, строго выполнявшиеся в московской Руси, по требованию древних византийских церковных уставов. Следовательно, в этой проповеди Разина из ряда выходящего ничего нет. Так смотрело на многие обряды веры большинство казаков до и после Разина. Казаки старого времени были глубоко верующие, искренне, без ханжества и за веру полагали свою жизнь. В этом вся история казачества. Искренно веровал и Разин, но у него, как у человека с большим размахом, с прямой и непосредственной натурой и при том озлобленного на всех московских бояр и высшее духовенство, которых он называл «рабовладельцами и палачами», все эти проявления характера выливались резче, как говорится — с плеча. Такова была его натура. Отвергая, по понятиям московских ханжей, церковь и ее установления, вернее — веками наслоившиеся обряды, Разин, однако, ходил на поклонение святым угодникам в Соловки, а в 1670 г. пред выступлением на Волгу, чтобы поднять знамя открытого бунта против социального строя России, *заезжал в Усть-Медведицкий монастырь*

---

[324] В 1872—1873 гг., по поручению Археол. о-ва, г. Ивановским в областях древнего Новгорода исследовано 819 могильников XI и XII вв., при чем установлено, что погребенные в них темно-волосые воины были южане, высоки в голенях, вооружались копьями и саблями, с правильным и красивым строением головы, а женщины носили украшения, металлические пояса, браслеты (базилики) и др., во всем сходные с донскими прошлых веков.

На древней стене Софийского собора, построенного в XI в., недавно открылась под обвалившейся позднейшей штукатуркой фреска, изображающая воинов, по вооружению и одежде во всем напоминающих казаков XVI—XVIII вв.

поклониться иконе Казанской Божией Матери, почитаемой чудотворной, и *подарил два фунта жемчуга на ея убрус,* что видно из монастырской записи. (Сообщение академика Е. Ознобишина. Дон. Обл. Вед. 1875 г. № 7).

Чтобы судить о жестокости и бесчеловечности Разина, а бесчеловечен он был только с воеводами и приказными дьяками, нужно наперед знать, насколько милосердней для народа были московские князья и бояре и высшее духовенство и даже сам «тишайший» царь, в особенности, если дело касалось внутренних политических вопросов. За «государево слово и дело», сказанное кем-либо из мести, корыстных целей или с испуга, мучили, пытали, резали языки, вздергивали на дыбы и четвертовали и большею частью людей невинных. Тогдашний строй московского правительства приводил в ужас всех иностранцев, посещавших Россию. «Удивительно, — говорит англичанин Флетчер, бывший в России в конце XVI в., — как люди могут выносить такой порядок и как правительство, будучи христианским, может быть им довольно».

От московских порядков, лицемерия и ханжества отворачивались и донские казаки и принимали все меры оградить себя от их пагубного влияния[325].

Пришел в ужас и свободолюбивый Разин при виде бесправия и гнета русского крестьянства, низведенного московским абсолютизмом на степень скота, и решил перевернуть весь социальный строй России вверх дном и учредить «по градам и весям» казачий строй, казачий круг.

* * *

Весной 1667 г. Разин кликнул всему голутвенному люду клич: «Братцы мои, голь кабацкая, пойдемте со мною на сине

[325] В Раздорской на Дону церкви до 80 годов прошлого столетия исстари хранилась ветхая бархатная обшивка священнических облачений, на которой золотом была вышита надпись славянскими буквами: «В память боляри-на князя Георгия (слово утрачено) Сицкаго (утрачено) в Раздорскую церковь на Дону от княгини...» Далее все истлело и высыпалось. Георгий Сицкий был сын большого воеводы Василия Сицкого, убитого в войне с Стефаном Баторием при Иване IV. Георгий Сицкий умер насильственной смертью при Грозном царе за ссору о старшинстве с Борисом Годуновым. С ним прекратился прямой род Сицких, бывших раньше кормлеными князьями Великого Новгорода, перешедшие туда из Литвы. Зная набожность казаков и ненависть их к Годунову, княгиня Сицкая, вдова Георгия, прислала в их церковь, в г. Раздоры, основанный новгородскими казаками в XVI в., вышитую ею самой ризу, вполне надеясь, что эти рыцари-воины, помня старую хлеб-соль, помолятся о душе ее погибшего мужа. Она хорошо знала, кому посылала, и не ошиблась.

море зипуны добывать!» Встрепенулись засидевшиеся в Черкаске боевые орлы и стали расправлять свои крылья быстрые, спешно чистили оружие и снастили струги. Клич прошел по всем черкасским кабакам и откликнулся в соседних городках. Разин в союзе с запорожцами хотел сделать морской поиск по берегам Крыма и Турции, чтобы добыть себе славы и богатств. Узнав об этом, войсковой атаман, а с ним старшины и все домовитые казаки, встревожились; в Турции были царские послы, а с Крымом только что заключено перемирие; царь строго запретил задирать тех и других. Атаман решил применить вооруженную силу, но не пустить казаков в море. Видя это и не желая проливать братскую кровь, Разин завладел всеми стругами, бывшими в Черкаске, и двинулся вверх по Дону. Гонцы его известили об этом верховые городки. Партии ослушных казаков, всегда недовольных Главным Войском, стали стекаться к городкам Паншинскому и Качалинскому, расположенным недалеко один от другого. Здесь на высоких буграх, омываемых весенней водой, между рр. Иловлей и Тишанкой, Разин заложил свой стан. В первых числах мая казаки из р. Иловли перетащились волоком в р. Камышенку и появились на Волге. Весть об этом долетела до Москвы. Еще в марте царь прислал на Дон грамоту с приказанием разогнать скопище казаков в Паншине и Качалине и поступить с ослушниками по войсковому праву, но Корнила Яковлев, видя сочувствие большинства казачества к этому движению, не мог принять против Разина решительных мер[326].

Разин выступил из Черкаска с партией казаков до 1500 челов. На Волге отряд его усилился до несколько тысяч. В числе их было около 400 запорожцев с атаманом Бабою.

На Волге разинцы завладели несколькими караванами купеческих и царских судов, в том числе богато нагруженным судном святейшего патриарха Иосифа, разделили добычу между собой и двинулись вниз по реке мимо Царицына к Черному Яру. Там встретились они с отрядом воеводы Беклемишева, разбили его и самого воеводу повесили на мачте. Встречавшиеся суда с стрельцами и ссыльными передавались на сторону Разина. От Черного Яра Разин Волгою и ее рукавом Бузаном, мимо острова Бузана и Красного Яра, вступил в Каспийское море, а потом повернул влево, вошел в устье Урала и овладел Яицким город-

[326] Дела Донские. Грамота на Дон 22 марта 1667 г.

ком. Посланные в погоню за ним из Астрахани два стрелецких полка им были истреблены, а взятые в плен присоединились к нему. Завладев их оружием и забрав в Яицком городке всю артиллерию, Разин весной 1668 г. пустился в море. Отряд его имел правильное казацкое устройство: разделен был на сотни и десятки. Над сотней начальствовал сотник, над десятком — десятник. Разин был над всеми атаманом. Любимым есаулом у него был Ивашка или Иван Черноярец. Из других есаулов известны: Ларка Хренов, Лазарка Тимофеев, Михайла Ярославов, Сережка Кривой, Алешка Каторжный и др.

Около двух лет Разин громил кавказские и персидские берега, дал морской бой Менеды-хану, разбил его наголову, пленил его сына и красавицу дочь и в первых числах августа 1669 г. явился с несметными богатствами под Астраханью. Видя его мирные намерения и желание пройти на Дон, воевода Прозоровский и князь Львов приняли его в Астрахани ласково, хвалили за подвиги и победы над басурманами и в заключение выдали ему милостивую царскую грамоту, в которой прощались казакам все их вины и разрешалось возвратиться на Дон. Цель этого милостивого внимания была такова: слава о подвигах Разина разнеслась по всему Дону и Волге и достигла до Днепра, везде встретив сочувствие, а потому Москва боялась суровыми мерами раздражить казаков; астраханские же воеводы не могли положиться на свои силы, а стрельцам и черному люду не доверяли; воеводы надеялись, что часть добычи перейдет им на поминки. Они заранее выхлопотали у царя для казаков милостивую грамоту. Что же касается разгрома персидских городов, то это дело политики, — ведь и персы порой не щадили русских подданных; притом ведь громили не они, русские, а казаки, народ независимый, своевольный.

4 сентября 1669 года Разин двинулся из Астрахани вверх по Волге, а потом перетащился на Дон. Между старыми городками Кагальницким и Ведерниковским, в юрте нынешней Богоявленской станицы, на Кагальницком острове, он заложил себе главный стан, обнес земляным валом и поставил пушки. Отсюда он стал держать г. Черкаск под угрозой, т. к. перевес был на его стороне. Атаман и старшины притихли. Обеспокоенная этим, Москва в 1670 г. послала на Дон жильца Евдокимова с тайным поручением разузнать все о Разине, вручив послу для виду царскую грамоту с обещанием прислать казакам за их службу обычные запасы. Евдокимов прибыл в Черкаск на фо-

миной неделе в воскресенье. Корнила Яковлев по этому поводу собрал круг. Пригласили посла. Тот вошел в круг, поклонился атаману и казакам на все четыре стороны; отдал грамоту атаману и сказал:

— Великий государь, царь и великий князь Алексей Михайлович всея Великия и Малыя и Белыя России самодержец и многих государств и земель восточных и северных отчин и дедич и наследник и государь и обладатель, велел всех вас, атаманов и казаков, спросить о здоровьи.

Атаман приподнял грамоту вверх и громко *вычитал* кругу. Казаки были очень довольны царским вниманием, благодарили за обещание прислать запасы, которые обычно сплавлялись на бударах р. Доном из Воронежа, и отпустили Евдокимова. Через два дня атаман вновь собрал круг и предложил ему снарядить в Москву вместе с послом станицу. В круг внезапно с своими приверженцами является Разин, открывает свой круг, требует на объяснение Евдокимова, называет его лазутчиком и шпионом, приехавшим подсматривать за ним, бьет его по лицу, бьют его и казаки, а потом избитого бросают в Дон[327]. Бывшие с послом люди посажены под стражу. Корнила хотел вступиться за Евдокимова, но едва сам не был избит, убежал с майдана и заперся с некоторыми старшинами в соборе. Разин объявил казакам, что настало время идти против ненавистных им всем бояр и звал молодцов с собой на Волгу. Почти весь круг откликнулся на его зов.

Вскоре после этого Разин двинулся вверх по Дону к Паншину. Отряд его усилился до 10 тыс. В нем так же, как и прежде, немало было запорожцев. В Паншин явился к нему Васька Ус, поднявший в украинных городах крестьян против помещиков. Разгромив калмыков, кочевавших между Доном и Волгой, и отняв у них скот, Разин подступил к Царицыну. Царицынцы отворили ему ворота и встретили его с почетом во главе с своим духовенством. Воеводу Тургенева казаки и народ отвели на веревке к Волге и бросили в воду. Вслед за этим таким же способом был взят и Камышин. Воеводу и приказных утопили. Разин двинулся к Астрахани. Стрельцы и народ, встречавшиеся на Волге, передавались ему. Астрахань считалась очень сильною крепостью — в ней на стенах в два ряда было до 460 пушек

[327] Майдан, где собирался круг, занимал место на юго-западе от собора и лежал на берегу Дона.

и значительный гарнизон. Но что могло устоять против народного вождя, объявившего всем полную свободу и казачьи права. Крепость сдалась почти без боя. Стрельцы и народ отворили ворота и даже помогали казакам взбираться на стены. Все кругом разразилось изменой. Ненавистны были народу и ратным людям порядки царского правительства. Все называли Разина батюшкой, Степаном Тимофеевичем, избавителем от злых лиходеев. Купцы, дворяне, дети боярские и весь приказный люд погибли. Раненого от руки местного холопа воеводу Прозоровского сам Разин столкнул с колокольни. Имущество убитых пошло в дуван. Все приказные дела были сожжены.

— Вот так я сожгу все дела у государя, — говорил Разин народу.

Оставив в Астрахани атаманом Ваську Уса, а старшинами Федора Шелудяка и Ивана Терского с гарнизоном из стрельцов и астраханских жителей, записавшихся в казаки, а также по два человека от десятка донских казаков, Разин на 200 судах двинулся вверх по Волге; по берегу шла конница, в числе 2 тысяч человек. Из Царицына он отправил отряд в 2 тыс. человек на Дон с казною, с атаманами Фролом Минаевым и Яковом Гавриловым.

Саратов сдался без сопротивления. Народ встретил Разина с великой радостью. Воевода Лутохин, дворяне и приказный люд были казнены. В городе было введено казацкое устройство, с казацким кругом. Атаманом поставлен Григорий Савельев. С приближением казаков к Самаре там поднялось междоусобие; казацкая партия победила. Разин занял город без боя. Воевода Алфимов был утоплен, дворяне и приказные казнены. В первых числах сентября Разин подступил к Симбирску. Словом, народ нес Разина на своих руках. Агенты Разина с «прелестными» письмами наводнили все прилегающие к Волге местности, проникли в Москву и земли новгородские, даже до Белого моря и Смоленска. Всюду они встречали радостный прием, всюду народ поднимал оружие за свои попранные права. В письмах к народу Разин говорил, что он идет истребить бояр, дворян и весь приказный люд и установить по всей Руси казацкое устройство. «Я не хочу быть царем, писал он, а хочу жить с вами, как брат». Зная, с каким уважением темный народ относится к царской особе и к патриарху и желая подорвать их авторитет, Разин велел покрыть два судна — одно красным бархатом, а другое черным. В первом посадил пленного черкесского князь-

ка и назвал его царевичем Алексеем, недавно умершим, а во втором какого-то монаха, назвав его гонимым царем, низверженным патриархом Никоном. Агенты Разина говорили, что сын царя не умер, а убежал от суровости отца к ним и теперь идет добывать себе престол и искоренять бояр, думных людей, воевод и помещиков, потому что они народные мучители, а как только воцарится, то будет всем воля и равенство. Народ верил и шел. На зов Разина поднялись и черемисы, чуваши, мордва и казанские татары. Он даже пытался завязать сношения с крымским ханом и персидским шахом, но успеха не имел.

5-го сентября казаки осадили хорошо укрепленный Симбирск. Народ передался на их сторону; боярин Милославский с гарнизоном из четырех стрелецких приказов дворянами и детьми боярскими, сбежавшимися из всех окрестностей от народной мести, заперся в кремле.

Осада длилась около месяца. Гарнизон защищался храбро, хорошо зная, что пощады не будет. Положение осажденных было отчаянное. На помощь ему двинулся отряд из Казани, сформированный с большими усилиями воеводою, князем Урусовым под начальством князя Юрия Борятинского. В жаркой битве, происшедшей 1-го октября под самым Симбирском и длившейся целый день, Разин был ранен саблей в голову, пулей в ногу и ошеломлен в голову силачем Семеном Степановым, из г. Алатаря, в рукопашной схватке, бросившимся на него с топором и повалившим его на землю. Казаки атамана выручили, но битва была проиграна. Борятинский вошел в город. В ночь 3-го октября казаки пошли на приступ, но услышав, что в тылу их появился новый отряд солдат, тайно бросили поле битвы и полчища сражавшихся крестьян, сели на струги и пустились вниз по Волге, увлекши с собой и раненого атамана. На утро, узнав о бегстве Разина, оставшиеся казаки и крестьяне сняли осаду и бросились на струги. Смекнули, в чем дело, и воеводы и кинулись их преследовать. Поражение казаков и крестьян было полное. С мятежным народом расправа была жестока. Симбирский край был скоро усмирен, но в других областях крестьянское движение под руководством казаков продолжалось еще около года.

Таким образом, один удар хорошо обученных, на европейский лад, войск под начальством князя Борятинского разрушил все планы Степана Разина. Легкие победы на Волге и сдача народом без боя укрепленных городов вскружили голову донско-

му атаману и не заставили его серьезней отнестись к своему положению. Бесполезная проволочка времени под Симбирском, давшая возможность московскому правительству сорганизовать достаточные силы в Казани, неуменье руководить битвой с хорошо обученным и дисциплинированным противником под Симбирском и в довершение всего — легкомысленное оставление в ночь под 4 октября 1670 г. на произвол судьбы своих сподвижников, — все это характеризует Разина, несмотря на его личное мужество и отвагу, как небрежного стратега, привыкшего побеждать своих сподвижников, нестройные полчища неверных или отряды колеблющихся стрельцов. Видимо, старый казачий строй, выработанный веками, с его сложными и подчас неожиданными приемами, хитростью и уменьем запугать и спутать противника в решительную минуту, у Разина был в пренебрежении. Битва была проиграна, а с ней рухнул и весь его план перестроить Россию на казачий лад.

Успехи Разина на Волге склонили на его сторону все Донское казачество. Сам атаман Корнила Яковлев должен был подчиниться общему настроению. Но когда, после поражения, Разин зимой возвратился с небольшим числом приверженцев на Дон, противная ему сторона стала действовать решительней. На зов Разина восстать всем войском против насилий Москвы казаки колебались. Но Разин не унывал; сообщников у него было много на Волге и в верховых городках. Он два раза с своей партией ездил в Черкаск: в первый раз Корнила встретил его ласково, льстил ему и принимал подарки, во второй же раз не пустил в город, угрожая из пушек открыть огонь. Разин ушел обратно в Кагальник. Корнила послал в Москву станицу просить помощи. Царь, патриарх Иосиф и другие святители собрались на совет. Святители изрекли на Разина проклятие и отлучение от церкви. Царь приказал отправить из Белгорода на Дон тысячу рейтар и драгун. Но Корнила, видя бездействие Разина, сам готовился сокрушить его силы и в апреле двинулся с значительным отрядом р. Доном и сухим путем к Кагальнику. Разин был беспечен и не принял никаких мер. 14 апреля, после жаркой битвы, Разин, видя свое бессилие и прельщенный обещаниями старика атамана, его крестного отца, сохранить ему и его брату Фролу жизнь, добровольно сдался. Корнила сначала оставил его на свободе, но потом заковал в цепи[328].

По словам современника-очевидца, Разин не ожидал такого вероломного поступка от лица, ему столь близкого и при том

старого донского казака[329]. В конце апреля сам Корнила Яковлев с знатным казаком Михайлом Самарениным и значительным конвоем повез Разина и брата его в Москву, где, после «московских» пыток, этот борец за свободу казачества и права русского народа 6 июня 1671 г. был на Красной площади четвертован. Длинный обвинительный приговор он выслушал спокойно, с гордым видом. Потом перекрестился на церковь Покрова Богородицы (Василия Блаженного), поклонился русскому народу, тысячами собравшемуся смотреть на его казнь, и громко сказал ему «прости». Палач отрубил ему правую руку по локоть, потом левую ногу по колено. Разин не издал ни одного стона, даже не показал знака, что чувствует боль. Он хотел показать своим мучителям, что мстит гордым молчанием за свои муки, за которые не в силах уже отомстить оружием.

Брат его, смотря на это ужасное зрелище, не выдержал и закричал: «Я знаю слово государево!»

— Молчи, собака! — строго сказал ему Разин. Это были его последние слова. Палач отрубил ему голову. Туловище его рассекли на части и воткнули, как и голову, на колья, а внутренности бросили собакам. Казнь Фрола отсрочили, его возили на Дон, пытали, требовали указать, где Степан зарыл свои драгоценности; но из этого ничего не вышло. Его осудили на вечное тюремное заключение. Сподвижники Разина частью погибли при взятии Кагальника, частью казнены, а частью рассеялись по разным странам.

Со смертью Разина войско Донское вступило в новую сферу своей боевой деятельности, обусловленной уже указаниями из Москвы.

---

[328] Цепь и тяжелые железные наручники, в которые был закован Разин, и теперь хранятся в старочеркасском соборе вделанные в стену притвора.

[329] Костомаров. Бунт Стеньки Разина. Т. II, стр. 339.

Часть III
Дон служит русским царям

Глава I
Присяга казаков на верность службы царю

Систематическое и многолетнее стремление московского правительства наложить на донское казачество свою властную руку вызвало бунт Разина. Среда, эпохи родят героев. Разин только выразитель своей эпохи. К этому давно готовилось, этого давно ожидало все боевое казачество, любившее свою казацкую свободу, свои вольности, но только не знало, с какой стороны начать. Разин показал путь. Боевая масса пошла за ним, как за своим вождем. Клич Разина на Волге о правах русского крестьянства, о попранных правах человека упал на благодатную почву, — это было давнишнее чаяние русского трудящегося люда. Разин принес себя в жертву этой идее. Уже закованный в тяжелые «освященныя» цепи, Разин говорил: «Пусть видит весь народ крещеный, что за него я голову сложил[330]. Пусть там меня (в Москве) казнят, пусть колесуют, пусть тризну справят надо мной, упьются кровью пусть казацкой под стон

[330] После ареста Разин был прикован освященной цепью в соборном притворе, чтобы туда не проникла «нечистая сила» и не освободила его, т. к. народ считал его колдуном. Разин часто говорил былинным языком, подражая Ваське Буслаеву, новгородскому удальцу.

народный, но уж погибнуть не должно в народе сделанное мною. Не мог я дело совершить, пусть сделает другой, не тот, так третий... А на Дону... и вспомнят все тогда меня, Степана Разина, донского казака, и клич его казацкий боевой, когда их подлый дьяк, как стадо, перепишет и целованием креста на верность приведет»...

И действительно, пророчества Разина скоро сбылись. Усмирение бунта его стоило более ста тысяч человеческих жертв. Торжествующее московское самодержавие не жалело народной крови. Правящая Москва праздновала тризну над остатками трупа свободолюбивого донца. И виновники этого торжества — войсковой атаман Корнила Яковлев, старшина Родион Осипов, Михайла Самаренин и др. были «потчиваемы» романеей за царским столом «с большим удовольством» и получали от бояр инструкции для приведения всех атаманов, есаулов и казаков на верность службы к присяге. Им и полковнику Григорию Косагову с дьяком Андреем Богдановым, кроме того, поручалось объявить царскую милость всему войску Донскому за доставление в Москву Разина и за истребление его сообщников, также уверить войско о всеобщем прощении и настаивать о скорейшей посылке казаков в Астрахань, где свирепствовал Васька Ус. Косагов и дьяк с казачьей станицей прибыли в Черкаск 24 августа 1671 г. Собрался унылый казачий круг. Косагов «по наказу» объявил царскую милость. Многие облегченно вздохнули; но лишь только он заговорил о присяге, круг пришел в смущение. «Мы рады служить государю без крестного целования, — говорили многие из казаков, — и нам присягать не для чего». Волнение продолжалось четыре дня. На круге присутствовали, большею частью, казаки черкасских станиц и низовых городков; верховые отсутствовали. Наконец, после долгих споров и пререканий с послом, позволявшим грозить царским гневом, домовитые казаки и старшины взяли верх и постановили присягнуть на верность службы государю; «если же кто не учинит присяги, того казнить смертию, а имущество грабить»[331].

Присяга произведена была на майдане, близ собора, в присутствии Косагова, а дьяк Богданов вписывал присягнувших в присланную из Посольского приказа книгу; другая книга была оставлена послом в войске для внесения в нее имен тех казаков,

[331] Донские дела. Распросные речи стольника Косагова и дьяка Богданова 8 ноября 1671 г.

которые впредь придут служить в войско (из ослушных) и всех тех, кои родятся на Дону и достигнут совершеннолетия[332].

Главные статьи присяги заключались в следующем: «чтобы старшинам и казакам все могущие возникнуть возмущения и тайные заговоры противу государя и отечества в тож время укрощать, главных заговорщиков присылать в Москву, а их сторонников по войсковому праву казнить смертью; если же кто из них в нарушение этой присяги, изменяя государству и отечеству, начнет ссылаться с неприятелями своего отечества или с поляками, немцами или татарами, с таковыми предателями, не щадя жизни своей, сражаться, самим к таковым злоумышленникам не приставать и даже *не помышлять* о том; с калмыками дальнейших сношений не иметь, кроме увещаний служить с казаками вместе; скопом и заговором ни на кого не приходить; никого не грабить и не убивать и во всех делах ни на кого ложно не показывать. На здравие государя и всей его царской фамилии не посягать и кроме его величества государя, царя и великого князя Алексея Михайловича и всея России самодержца, другого государя, польского, литовского, немецкого и из других земель царей и королей или принцов иноземных и российских на царство всероссийское никого не призывать и не желать, а ежели услышат или узнают на государя и всю его царскую фамилию скоп или заговор или другой какой умысел, возникший у россиян или у иноземцев, и с такими злоумышленниками, не щадя жизни своей, биться[333].

Дав такое, хотя и вынужденное клятвенное обещание, с целованием креста, этой, по выражению самих казаков, «страсти Христовой», Донское войско подпало под влияние московского правительства и, как народ прямой, непосредственный и че-

---

[332] При внесении в книгу прозвища казаков, данные им лично за какие-либо качества или внешние признаки, обращались в фамилии и стали отвечать уже не на вопрос — какой он? а на вопрос — чей? с прибавлением на московский лад окончания *ов* и *ев*. Вот почему получались такие несуразные от прозвищ фамилии: Рябой — Рябов, Косой — Косов, Кривой — Кривов, Мягкий — Мягков, Неживой — Неживов, Большой — Большов, Белый — Белов и т.п. Не имеющие личных прозвищ вносились по отчеству, — чей он сын: Фрол Минаев (сын Миная), Ефрем Петров, Корнилий Яковлев (сын Якова), Григорий Савельев (сын Савелия) и т.п. Отчества эти также превратились в фамилии.

[333] Дела Донские. Наказ полковнику Косагову и дьяку Богданову в июне 1671 г. Запись, по которой атаманы и казаки были приведены к присяге в Москве и на Дону.

стный и при том искренне религиозный, старалось по мере сил выполнять принятые на себя обязательства. Всякое малейшее нарушение данной клятвы, даже в отдельных случаях, считало великим преступлением, позором для всего войска. Эту черту характера казачества Москва своевременно усчитала и использовала в своих интересах. До внутреннего управления войска и его своеобразного уклада жизни она пока еще не касалась.

Глава II
Последние вспышки разинцев на Волге

Сподвижники Разина Васька Ус и Федор Шелудяк, узнав об аресте на Дону своего атамана и о выдаче его Москве, решили освободить его. С ними в Астрахани, Царицыне и других волжских городах было еще достаточное количество вооруженных сил из казаков, стрельцов и жаждавшего свободы народа. Клич их об истреблении бояр, думных людей, солдат и купцов, как врагов царя и народа, нашел отголосок в массе населения. Все грамоты, полученные от царя чрез митрополита Иосифа в Астрахани, с просьбой о принесении бунтовщиками повинной и об аресте стрельцами донских казаков, за что им обещали прощение всех их вин, казачьи атаманы объявили подложными, составленными боярами и митрополитом, без ведома царя[334].

Весь волжский край восстал на защиту своих народных прав, как и при Разине. Федор Шелудяк выступил из Астрахани вверх по Волге на 170 стругах. Из Царицына, Саратова и Самары к нему присоединились бывшие там вооруженные гарнизоны из казаков и стрельцов, а также многочисленные толпы народа. Полчища эти усилились и вновь прибывшими с Урала и Дона казаками, из верховых городков, не давших присяги царю. В Самаре все эти войска были разделены на три отряда: конница и часть пехоты с атаманом Иваном Константиновым отправлены под Симбирск сухим путем, 3 тыс. человек на

[334] За ненужное вмешательство в политические дела и ревностное тяготение к старому московскому строю митрополит Иосиф был 21 мая 1671 г. казаками сброшен с колокольни. В то же время был убит князь Львов и многие дворяне.

70 стругах пошли вперед рекою Волгой, а главные силы с предводителем Шелудяком на 370 стругах двинулись им вслед. 29 мая все эти силы обложили Симбирск со всех сторон, где заперся боярин Петр Шереметьев с небольшим, но храбрым гарнизоном из дворян и детей боярских. 9 июня в 1-м часу ночи начался общий приступ. Сражение было жаркое и упорное. Осаждающие гибли под ударами осажденных тысячами, но не отступали. Наконец, на рассвете, видя безуспешность дела, казаки сняли осаду. Воспользовавшись этим, Шереметьев сделал внезапную вылазку, бросился на отступающих и отнял у них почти всю артиллерию. Шелудяк с главными силами ушел вниз по Волге; народ разбрелся по своим местам[335].

Так окончилась эта последняя попытка разинцев ниспровергнуть утвердившийся в Московском государстве самодержавный строй.

Шелудяк с казаками и стрельцами возвратился в Астрахань; часть казаков бежала на Яик, а другая на Дон, где они были переловлены и казнены, а некоторые из главарей выданы Москве.

В числе этих последних был есаул Разина Лазарь Тимофеев. Другой сподвижник Разина Ларка Хренов успел бежать в Азов, а потом в Турцию[336]. О выдаче его Москва еще долго после этого вела дипломатическую переписку то с азовским пашей Сулейманом, то с Портой, даже снаряжало нарочитое для того к султану посольство, но все было безуспешно. Хренов из Турции убежал в Италию, а оттуда в Алжир. Так преследовала мстительная Москва сподвижников Разина за пределами своих владений, а уже с попавшими в ее руки расправлялась умеючи, по давно заведенному порядку, гасила искры проявления народной воли в самом корне, боясь их вспышки.

Вслед за казаками к Астрахани двинулся Волгой сильный отряд царских войск под начальством князя Ивана Милославского. Все волжские города, бывшие во владении разинцев, приносили ему повинные. Спокойствие в них восстановлялось принятым в московском правительстве способом — кнутом и виселицей. Предписано было и войску Донскому вооружиться для окончательного истребления астраханских мятежников, но

[335] Грамоты на Дон 21 июня, июля (без числа) и другая 20 июля 1671 года. Акты А. Лишина, т. I, № 48, Сбор. грамот Прянишникова, стр. 93—95 и Историч. описание земли войска Донского, стр. 277 и 278, изд. 1903 г.

[336] Грамота на Дон 7 августа 1671 г. Акты А. Лишина, т. I, № 49.

враждебные действия крымского хана и гетмана Дорошенка остановили это движение. На помощь царским войскам явился князь Каспулат Муцалович Черкасский.

Опрокинув высланный на встречу ему на судах отряд, Милославский 1-го сентября 1671 года остановился в 3-х верстах от Астрахани, близ устья Болтинской протоки, и окопался. 12 сентября в одну ночь им было возведено на другой стороне Волги, против города, земляное укрепление, в котором засел сильный гарнизон. Вылазка из города под начальством казака Алексея Карташнова гарнизоном укрепления была отбита. Город не сдавался. В это время атаман Васька Ус внезапно скончался. Во главе стал Федор Шелудяк, но и тот скоро попал в плен к Милославскому, выданный князем Черкасским, заманившим его к себе в стан как бы для переговоров. Осажденные пришли в смятение, разбились на партии и томимые голодом, после долгих споров, решили сдаться. 27 ноября Милославский вступил в Астрахань. «Принеся Господу Богу в соборной церкви благодарность, царский воевода приступил к водворению в городе порядка: главных возмутителей, как из донских казаков, так и астраханских жителей, велел повесить, другим отрубить головы, прочих же, согласно государеву указу, разослать по тюрьмам в отдаленные города. Остальные, принимавшие участие в мятеже, были наказаны или кнутом, или помилованы. Со взятием Астрахани вся Волга признала власть царя.

После поражения Разина под Симбирском один из его сообщников, казак Миусский, с довольно сильной партией основался на р. Донце и преградил всякое сношение Дона с Москвой, но скоро шайка его была рассеяна, и Миусский скрылся. В 1673 г. он появился с семью товарищами в Запорожской Сечи с каким-то молодым человеком, выдававшим себя за сына царя, Симеона Алексеевича, будто бы убежавшего из Москвы от преследования матери и бояр. Атаман запорожских казаков Иван Серко, кошевой и все куренные атаманы и казаки, после долгих испытаний, признали в нем истинного царевича и решили защищать его вооруженной силой. Но скоро под давлением гетмана Самойловича, приверженца Москвы, и явившихся царских чиновников, самозванец этот был отослан в Москву, где под пыткой сознался, что он родом поляк из г. Лохвицы и звать его Матвеем, потом Андреем Воробьевым, подданным князя Вишневецкого и т.д.

После допросов самозванец этот был четвертован. Руководивший им казак Миусский с товарищами скрылся, и никакие ухищрения московских сыщиков не могли открыть их местопребывание.

Так мстили царю и боярам тароватые на выдумки донские казаки.

Глава III
Общественный и военный строй, быт и нравы казаков в конце XVII в.

Войско Донское с древнейших времен управлялось Войсковым Кругом, в котором принимали участие все казаки-воины, а таковыми они были от юношеских лет до глубокой старости, пока могли держать в руках оружие. Права участия в Круге не имели лишь казаки *пенные*, навлекшие на себя чем-либо немилость всего войска; но и эти последние иногда, в трудные минуты, также призывались в Круг и своим примерным поведением и военными подвигами могли заслужить себе прощение. Казаки были народ прямолинейный и рыцарски гордый, лишних слов не любили и дела в Кругу решали скоро и справедливо[337]. По отношению своих провинившихся братьев оценка их была строга и верна. Челобитчики (просители) выходили из Круга всегда удовлетворенными. Нужно заметить, что никто не осмеливался беспокоить это высшее народное учреждение пустыми просьбами или корыстными тяжбами. В Кругу искали только правды и находили ее. Дела решались, на основании старого казачьего народного права, по большинству голосов. В основание своих решений Круг всегда полагал одну из евангельских заповедей, этой, по верованиям и убеждениям казаков, безусловной истине, вполне применимой к их своеобразному военному быту. Так, например, в войсковой грамоте 1687 года говорится:

---

[337] Сохранилась древняя казачья поговорка: «кто развязал язык, тот вложил саблю в ножны»; или «от лишних слов слабеют руки».

«...и били челом великому государю и нам, всему Великому Войску Донскому, в Кругу вы, атаманы молодцы... а в челобитье своем сказали, чтоб нам, Войску Донскому, правд ваших (свидетелей) допросить... И мы, атаманы-молодцы, правд в Кругу допрашивали по евангельской заповеди Господней... И мы, атаманы-молодцы, приговорили всем Войском...»[338]

Челобитья по большей части были словесные. Не редки были примеры, что какой-либо из городков по своим местным вопросам не подчинялся решению Круга, а действовал на свой риск и страх, например, захватывал владения другого городка, предпринимал походы против неприятеля, принимал в свою среду беглых и проч., тогда Войско в тот городок слало грамоту с упреком в ослушании (воровстве) и грозило наказанием. Ослушные городки в таких случаях, большею частью, приносили повинные и дело кончалось миром. При упорстве на ослушный городок или на отдельных лиц (воров) налагалась войсковая пеня, состоявшая в том, что они лишались расправы в Войске; или: «и на том ослушнике ваша войсковая пеня: век бить и грабить и суда ему в Войске не будет», т.е. он не мог уже иметь защиты в Войсковом Кругу и ему поневоле приходилось бежать с Дону или приносить повинную.

В Войсковом Кругу решались дела, только касающиеся всего Войска, как то: выборы войскового атамана, есаулов, войскового писаря или дьяка, духовенства войскового собора, прием в казаки иноверцев и беглых крестьян, объявлялись походы, делили добычу, принимали царских послов и царское жалованье, рассматривали дела по преступлениям против всего войска, против веры и др. Высшим наказанием, например, за измену, предательство и проч., была смертная казнь — «в куль да в воду». За другие преступления сажали в воду, били, забивали в колодки и т.п.

Войсковой Круг называл себя *Всевеликим войском Донским,* каковое название он сохранил и до конца первой половины XVIII в.

Каждый городок управлялся своим кругом или сбором, во главе которого стояли избираемые на один год, как и войско-

---

[338] С принятием казаками присяги войско Донское в некоторых своих грамотах стало употреблять выражение «били челом великому государю», т.е. московскому царю, а потом уже «и нам, всему Великому Войску Донскому».

вые, атаман и есаул[339]. Тот и другой не играли никакой роли в управлении данной общины, а были лишь простыми исполнителями решений Круга. В станичных кругах решались все тяжебные дела между казаками, как то: личные оскорбления, обиды, захват чужой собственности, ослушание, несоблюдение постов и др. Недовольные решением станичного Круга могли перенести дело на суд Войска, хотя подобные случаи были редки. Дела по обидам в станицах большею частью решались миром. Старики заставляли обидчика идти к обиженному и просить у него прощения. Если же тот упрямился, то нередко сам атаман с стариками шли к нему, кланялись в ноги и склоняли на мир, прося не срамиться и не ездить в г. Черкаск на суд Войскового Круга, т.к. беспокоить это высокое учреждение местными кляузами и спорами считалось ниже казачьей чести и вызывало справедливые насмешки и нарекания соседних станиц. Кляузники не пользовались уважением среди казачества. Суд Войскового Круга в XVII веке считался последней инстанцией и ему обязаны были подчиняться все. Случаи неподчинения были очень редки и проявлялись не среди природных казаков, а случайного элемента, попавшего на Дон и принятого в казаки, как то: выкрестов из татар, турок и черкесов, беглых крестьян и друг. Такие нечистокровные казаки на Дону назывались «тумой»[340].

Войсковой Круг всегда собирался на открытой площади — майдане; все участники его, образовав из себя Круг, стояли на ногах, сняв шапки, в знак почтения к месту и важности дела. Войсковой атаман под бунчуками, сопутствуемый есаулами, держа в руке «насеку» (трость) с серебряным «набалдашником», а в важных военных случаях «пернач», выходил на средину Круга, снимал свою «трухменку» и кланялся на все стороны[341]. В это

---

[339] С 1687 г. название «городок» заменяется словом станица, хотя кой-где еще сохраняется прежнее название. С 1704 г. название казачьих поселений станицами делается общим.

[340] Тума есть слово черкесское, означающее *приблудный*, случайно или по рождению попавший в чужую среду. Тумой на Дону называли выкрестов из татар и турок или рожденных от них.

[341] Насека — прямая палка, на которой были сделаны насечки, когда она еще росла на корню, по числу лет, атаманских служений, с самого возникновения войска.

Пернач — булава, медная или серебряная, с острыми шишками на утолщенном, шаровидном, конце. Пернач от слова переть, попирать, бить. Это орудие нападения, употреблявшееся еще былинными богатырями. Донские атаманы пернач употребляли иногда в битвах, а иногда с ним выступали и в военных кругах.

Трухменка — серая папаха из туркменского курпяка с красным шлыком.

время есаул «зычно», подняв свою трость, обыкновенно кричал: «Па-ай-помолчи, атаманы молодцы, атаман (или «наш войсковой») трухменку гнет!» Все стихало. Атаман делал доклад Кругу. Если вопрос касался избрания нового атамана, за окончанием годичного срока, то атаман клал на землю «трухменку» и на нее насеку, кланялся Кругу и благодарил за доверие. Вновь избранный атаман принимал насеку и благодарил за избрание. Каждый казак в Кругу имел свободный голос, равный со всеми. Войсковые Круги иногда были шумны и буйны; нередко дело доходило до сабель. Отходивший срок атаман становился в ряды казаков и никакими преимуществами не пользовался.

Войсковой писарь или дьяк избирался из среды самых грамотных и умнейших казаков, а потому эта должность считалась почетной; кроме него никто не имел права писать и посылать бумаг от Войска. Власти он никакой не имел.

Войсковой атаман, являясь простым исполнителем воли народа и блюстителем порядка, по собственному произволу ничего предпринять не мог, иначе он рисковал с позором лишиться своего достоинства, а иногда и с опасностью для жизни.

Войсковые есаулы (два) были помощниками и исполнителями приказаний атамана и Круга.

Собираясь в поход, казаки избирали из своей среды походного атамана. Отряд разделялся на сотни и полусотни. Походный атаман был главный военноначальник отряда с неограниченной властью. Сотни вверялись избранным сотникам и пятидесятникам. Есаулы исполняли приказания атамана. По окончании похода все эти избранные лица слагали с себя звания и становились в ряды простых казаков.

Оружие казаков состояло из малых пушек, рушниц или пищалей, пистолей, копий и сабель. Все это приобреталось покупкой или добычей у неприятеля. Порох они отчасти выделывали сами, а впоследствии, при наладившихся сношениях с русскими царями, за военную помощь последним, получали его, как и свинец и ядра, из Москвы. Успех казакам в битвах с неприятелем давали главным образом быстрота и внезапность нападения, сопровождаемые всегда особой, неподражаемой казачьей хитростью, приводившей врага в недоумение. Стойкость и верность друг другу были безупречны. Быстроте сухопутных походов способствовали дивные казачьи степные лошади, не знавшие устали и легко переплывавшие самые широкие реки. Опытные и сметливые следопыты по степям и по татарским *сак-*

мам, казаки старались делать нападения на неприятеля ночью и заставать его врасплох[342]. Но если вынужденный бой принимали в открытом месте и с малыми силами, то спешивались, ложились в каре и отстреливались, прикрывшись своими лошадьми. К этому способу они прибегали только в самых крайних обстоятельствах, когда не было другого спасения; в противном случае они рассыпались врозь и исчезали в степи. Овраги и горы, реки и болота ими ставились ни во что, воины и кони всем умели пользоваться. Рассыпавшись врозь, они в условленном месте, более защищенном, вновь соединялись в партии и внезапными новыми наскоками беспощадно мстили врагу. Переправы чрез реки — понтон из пуков камыша, на который клали седла и оружие, а сами с коньми пускались вплавь. Это называлось у казаков переправляться *на салах*.

Морские походы или *поиски* казаков поражают своей смелостью и уменьем пользоваться всякими обстоятельствами. Бури и грозы, мрак и морские туманы для них были обычными явлениями и не останавливали их в достижении задуманной цели. В легких стругах, вмещавших человек от 30 до 80, с обшитыми камышом бортами, без компаса, они пускались в Азовское, Черное и Каспийское моря, громили приморские города вплоть до Фарабада и Стамбула, освобождали своих пленных братьев, смело и дерзко вступали в бой с хорошо вооруженными турецкими кораблями, сцепливаясь с ними на абордаж, и почти всегда выходили победителями. Разметанные и носимые бурею по волнам открытого моря, они никогда не теряли своего пути и при наступлении затишья вновь соединялись в грозную летучую флотилию и неслись к берегам Колхиды или Румелии, приводя в трепет грозных и непобедимых по тому времени турецких султанов в их собственной столице — Стамбуле.

Соль и оружие, серебро и золото, товары и драгоценные каменья, а также и прекрасные черноокие пленницы ясырки — все было их добычей. В схватках и битвах казаки были беспощадны и жестоки: они мстили туркам и крымцам за бесчеловечное обращение и угнетение христиан, за страдание своих пленных братьев-казаков, за вероломство и за несоблюдение мирных договоров. «Казак поклянется душою христианскою и стоит на своем,

[342] Сакмы — древнее казачье название следов, тропинок по траве, как и саквы — переметные сумы — это наследие Азов-Саков. В татарский язык перешли слова: сак — осторожный, сакал — борода, корсак — брюхо, сакаул и др.

а турок поклянется душою магометанскою и солжет», — говорили казаки. Стоя твердо друг за друга, *«все за одного и один за всех»*, за свое древнее *казачье братство,* казаки были неподкупны; предательств среди них, среди природных казаков, не было. Попавшие в плен тайн своего братства не выдавали и умирали под пытками смертью мучеников-героев.

В первый день осады Азова 24 июня 1641 г. турки предложили казакам сдать крепость без боя, указывая на то, что им помощи от русского царя ожидать нельзя и устоять против их превосходных сил невозможно, обещая выдать за сдачу тотчас 12 000 червонных и по выступлении еще 30 000. На это донцы гордо отвечали: «Сами волею своею взяли мы Азов, сами и отстаивать его будем; помощи, кроме Бога, ни от кого не ожидаем; прельщений ваших не слушаем и хотя не орем и не сеем, но так же, как птицы небесные, сыты бываем. Жен же красных и серебро и злато емлем мы у вас за морем, что и вам ведомо. Будем и впредь также промышлять; и не словами, а саблями готовы принять вас, незваных гостей».

В этой страшной титанической битве, длившейся до 26 сентября, когда казаков пало около половины (до 3000), а турок до 50 тыс., когда храбрые защитники родного города, отчаявшись на победу, измученные и изнуренные решили умереть все, до одного человека, но не сдаваться, покушений на предательство или измену среди них не было, да и не могло быть. Казаки в два века (XVI и XVII) своей боевой жизни в борьбе с турками и татарами предателей не знали. Перебежчикам и выкрестам они не доверяли и держали их на учете. Таковы были казаки старого времени.

Добыв *зипуны* за морем, казаки в обыденной жизни были просты и наивны, как дети, набожны, суеверны, в своем общежитии привязаны друг к другу, как братья, гнушались воровством и делились между собой последней крохой хлеба, последним достоянием. Трусость презирали и первейшими добродетелями считали *целомудрие и храбрость*[343].

К туркам и особенно к азовцам казаки относились с презрением; они считали даже бесчестным просить у них мира и уста-

---

[343] Снаряжаясь в поход, казаки говорили: *идем зипуны добывать*, отчего назывались *зипунниками. Зипун* — видоизмененное *жупан*, польский цветной кафтан. Слово это древнее, встречающееся во многих южнославянских наречиях и в языке сайван (саков) — индусов: гопан, пан, бан, чепан, жупан — воевода. Гопания (сайванское) — воеводство, вернее — староство. Зипун или жупан — панская верхняя одежда.

новили правило никогда не начинать первыми переговоров о перемирии, говоря: «мы даем мир, а просить его нам не пригоже». Вероломство считали не достойным чести казака и всегда, вынужденные начать против азовцев военные действия, посылали им *размирную* такого содержания: «От донского атамана и всего войска азовскому паше (имя его) проздравление. Для дел великаго нашего государя мы были с вами в миру; ныне же все войско приговорили с вами мир нарушить; вы бойтесь нас, а мы вас станем остерегаться. А се письмо и печать войсковыя»[344].

---

[344] Древняя войсковая печать была с изображением бегущего оленя, пораженного стрелой, с надписью: «Печать войсковая, олень поражен стрелою». (Ригельман. Стр. 142). Изображение этой печати можно видеть в Донском музее на старых актах. Древняя печать Запорожского войска — бегущий олень, которого догоняет пущенная стрела. Печать Буго-Гардовской паланки — стоящий олень, за которым в наклоненном виде копье, острием вверх. На диадеме скифской царицы, найденной в 1864 г. в кургане Хохлаче, где ныне главный бассейн г. Новочеркасска, изображены олени. Печать есть эмблема, характеризующая историческую жизнь и деятельность народа. Неужели жизнь и деятельность казачества состояла только в охоте на оленей? Нет. Происхождение этой эмблемы нужно искать гораздо глубже, древней. Диана была в глубокой древности богиней Приазовья. Культ поклонения ей Геты-Руссы (Этруски) из Приазовья занесли в Италию за 12 в. до Р. Х. (Ист. Казач., стр. 70—112). Диана была богиня целомудрия, охранительница лесов и зверей берегов Азовского и Черного морей. Некто Актеон, сын Аристея, охотник иностранец, случайно увидел наготу богини во время купанья, за что разгневанная девственница обратила его в оленя и пустила в него свою смертоносную стрелу. Древнее казачество представляло из себя военный орден, высшими добродетелями которого были храбрость и целомудрие. Нарушение целомудрия каралось смертью. Казачество знало, из преданий, о своем древнем доисторическом происхождении и сохранило в памяти народной миф о своей целомудренной богине Диане и о наказанном нарушителе этой добродетели Актеоне. Следовательно, эмблема, изображенная на казачьей войсковой печати, гласит: *«Казак, блюди целомудрие, иначе будешь наказан, как Актеон»*. Что целомудрие на Дону считалось великой добродетелью в древние времена, можно судить еще по следующему рассказу Псевдо-Плутарха, историка I века (Танаис. Гл. XIV, 1—2). «У одного героя богатыря Беросса (Бе-росс) от амазонки Лисиппы родился сын, которого назвали Танаисом (Тан, Дан, Дон). Танаис, возмужав, стал проявлять великие военные способности и, поклоняясь одному богу Марсу, дал обет целомудрия. (Марс, Ма-росс, великий Росс, бог Приазовья, культ поклонении которому Геты-Руссы занесли в Италию. («Ист. казачества», стр. 70—112). Но завистливая Венера возбудила в нем любовь к собственной матери. Танаис долго боролся с своею страстью, но наконец больше не мог владеть собой и, желая остаться невинным, бросился в р. Амазоний, отчего последняя и получила название Танаиса, т.е. Дона». Эта легенда ясно характеризует древнее казачество как девственников и поклонников бога Марса или Арея, т.е. бога войны.

С войсковой печатью посылались грамоты по Войску, иногда без всякой скрепы, т.е. подписи, что принималось за «повеление Войска».

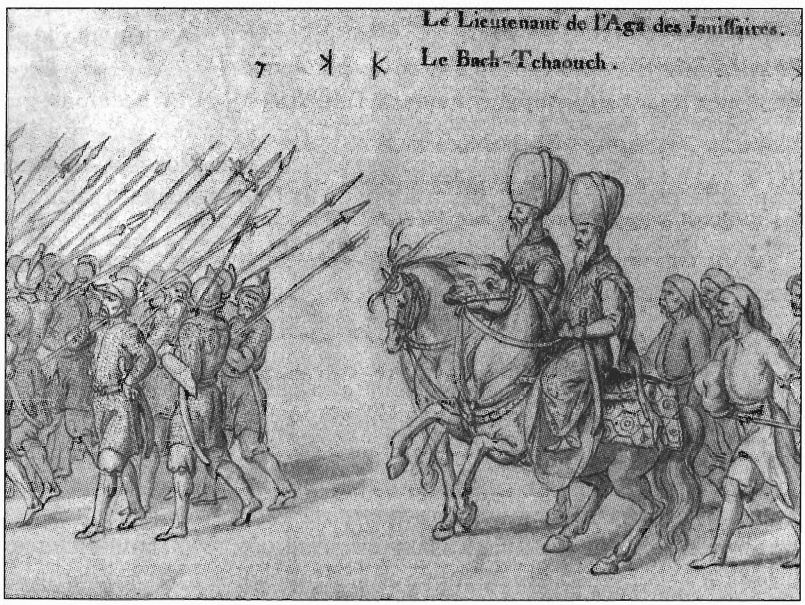
При заключении непрочного мира казаки, по издавна заведенному обычаю, утвержденному даже указом турецкого султана, брали каждый раз с азовцев известное число котлов, соли, сетей и по тысяче золотых.

В мирные условия обыкновенно включали, чтобы казакам *чрез замирные места* не ходить на море, а азовцам на русскую Украйну, и казачьи городки. Иногда азовцы выговаривали, чтобы казаки всегда извещали их о том, что будет писано в грамотах русского царя на Дон, обязываясь в свою очередь уведомлять войско о намерениях султана и крымского хана. Но казаки никогда не выдавали недругам своих тайн, хотя подробно знали о всех азовских и крымских делах, отчего и сложилась на Дону пословица: «*разсказывай донскому казаку азовския вести*».

Вести эти казаки знали чрез *прикормленных людей* из среды самих азовцев. Всякое сообщение, каким бы путем оно не было добыто, тщательно проверялось, показания прикормленников сличались с показаниями пленных и добытых *языков* и в итоге всегда выходило так, что казаки почти никогда не ошибались в истинных намерениях своих врагов, принимали своевременно к тому меры и извещали о том Москву *вестовыми станицами*. Словом, Дон представлял тогда живую газету всех новостей, хотя и секретных, о южных соседях России, и сюда присылали за всеми вестями из русских украинных городов, Запорожья, Астрахани, Царицына и друг. мест.

Многие историки, не понимая духа казачества, этих идейных борцов за веру и свободу личности, рыцарей в полном значении этого слова, ничего общего с западными рыцарскими орденами, этими угнетателями мирного земледельческого люда, не имевшими, упрекают их в корысти, жадности к наживе, грабежам. Это неверно. Однажды турецкий султан, доведенный до крайности страшными набегами казаков, задумал купить дружбу войска выдачей ежегодного жалованья, вернее — ежегодной дани. Султанский посол Кантакузин в 1627—37 гг. употреблял к тому все усилия, но казаки остались непреклонными и только смеялись над этой затеей, даже сочли подобное предложение за оскорбление казачьей чести и отплатили новыми набегами на турецкие владения. После этого, дабы склонить казаков к миролюбию, султан прислал с тем же послом в подарок войску четыре золотых кафтана, но казаки с негодованием отвергли этот дар, говоря, что *султанские подарки им ненадобны*.

Походная одежда казаков состояла из грубого суконного зипуна кавказского покроя, подпоясанного ременным поясом, и широких шаровар, убранных в голенища. На голове барашковая шапка. Любимыми цветами были синий и красный. В свободное же время, в дни войсковых кругов, праздников и дружеских бесед или приема приезжих гостей, старые донцы любили блеснуть своими дорогими нарядами. Один являлся в лазоревом атласном кафтане с частыми серебряными нашивками и в жемчужном ожерелье; другой — в камчатном или бархатном полукафтане без рукавов и в темно-гвоздичном зипуне, опушенном голубою камкою с шелковою гвоздичного цвета нашивкою; третий — в камчатном кафтане с золотыми турецкими пуговками, с серебряными позлащенными застежками и лазоревом *настрафильном* зипуне. У всех шелковые турецкие кушаки, с висящими булатными ножами с костяными черенками рыбьего зуба, в черных ножнах, оправленных серебром, в красных или желтых



Турецкие янычары на военном параде. Они выглядят и одеты как русские казаки. Старинный рисунок. Взято из книги: *Bernard Lewis* «The Middle East. A brief History of the Last 2000 Years». New York, A Touchstone Book, Published by Simon & Schuster, 1997.

сафьяных сапогах, в куньих шапках с бархатным красным, со шлыком, верхом. Пировали на разостланном узорчатом ковре, лежа на шелковых подушках, шитых золотом и серебром по червчатому атласу. Посредине становили серебряные чаши с вином, из которых черпали серебряными чарками и ковшами. В кругу близких друзей часто снимали верхние наряды, оставаясь в однех тафтяных рубашках. При посторонних же, в особенности в присутствии московских бояр и дворян, желая показать пренебрежение к своим богатым нарядам, сановитые воины садились в кружок посреди грязной улицы, как на мягком ковре, и продолжали свою *беседу*. Накормить и напоить и главным образом вином приезжего считалось священной обязанностью каждого казака[345].

Все свободное время старики проводили в станичной избе или на майдане, играя в шахматы и зерны, плели сети, вели рассказы о своих походах и пели былины-песни о подвигах предков, а молодые на площади близ майдана играли в бабки или кости (ладышки). Игра эта считалась самою любимою у казаков с древнейших времен. При этой игре развивалась такая меткость в бросании плоских, округленных или квадратных камешков в поставленные в ряд ладышки, что казаки могли ими убивать и птиц и зайцев на значительное расстояние.

В походах, пограничных городках и на кордонах казаки вели жизнь холостую и строго соблюдали между собой целомудрие. Казацкое товарищество для продовольствия разделялось по *сумам*, в которых хранились казацкие *харчи*, как в Запорожье казаки разделялись по *казанам*, а в 1-й половине XIX в. в казачьих полках по кашам (артелям). Вот почему близких друзей и сослуживцев и теперь еще называют *односумами*, а жены их друг дружку односумками.

В удаленных от границы городках казаки жили семейной жизнью.

Об обрядах брака казаков на майдане, заимствованных у новгородцев, уже было говорено; теперь коснемся обыденной семейной жизни донского казачества г. Черкаска и других населенных мест, удаленных от границы.

В XVI и в первой половине XVII в. власть мужа над женой была неограниченна. Это влияние востока. Брак, заключенный

---

[345] Общежитие Донских казаков в XVII и XVIII стол. В.Д. Сухоруков. Изд. А. Корниловича, 1824.

на майдане, даже скрепленный венчанием в церкви, был непрочен, и муж всегда имел право вывести свою жену вновь на майдан и сказать: «атаманы молоды! она была мне услужливая и верная супруга; теперь она мне не жена, а я ей не муж». Тем дело развода и оканчивалось. Отказанную жену тут же мог взять другой, прикрыв ее полой платья, и публично заявить: «ты будь мне жена», а она должна ответить: «ты будь мне муж» и поклониться избравшему ее в ноги в знак подчинения. Но несмотря на все это, в военное время при нападении врагов на казачьи городки жены казаков брались за оружие и становились в ряды защитников своей родины, делаясь таким образом вполне полноправными членами казачьей военной общины. Казаки ценили семейную жизнь и к женатым относились с большим уважением, и только постоянные военные походы заставляли их быть холостыми. Развратников, как давшие обет целомудрия, холостые казаки в своей среде не терпели. Развратники наказывались смертью. Ермак требовал от своих сподвижников полного целомудрия. Степан Разин на Волге велел бросить в воду казака и бабу за нарушение целомудрия, а когда ему самому напомнили о том же, то он бросил в Волгу пленную персидскую княжну. Рожденного младенца холостые станичники нянчили все, и когда у него показывался первый зубок, все наперерыв приходили смотреть его, и восторгам этих закаленных в боях воинов не было конца. Таковы были казаки старого времени: страшные и беспощадные в боях с врагами их веры и гонителями христианства и простые и чуткие, как дети, в обыденной жизни. При крещении младенца все молились и пировали, пировали и молились о даровании рожденному казаку здоровья и казацкой удали и крепости.

В конце XVII в. хозяйки и особенно пожилые стали уже приобретать большее влияние в домашнем быту и частенько одушевляли *беседы* старых рыцарей своим присутствием и когда те увлекутся — своим влиянием. Жены домовитых казаков и старшин нередко одне собирались на свои «бабьи» беседы с сладким медом и пенистым донским вином, которое разносили всем *собеседницам* пленные турчанки-ясырки.

Старочеркасские *матроны* — тип красавиц, веками сложившийся, как естественный отбор, из пленных черкешенок и турчанок, поражал своей миловидностью и привлекательностью. И вот такая-то матрона, воспитавшая своей грудью не одного казака рыцаря, на своих *беседах*, держа в одной руке стакан с

пенистым вином или медом, а другой взявшись под *крутой бок* и пристукивая каблуками желтых туфель, в шелковом с цветами кубелеке, подпоясанном жемчужным поясом, в цветных шелковых шароварах, ходила по комнате, припевая: «*Туфли к милому глядят, полюбить его хотят*».

Таковы были матери и воспитательницы грозных донских рыцарей старого времени. Люди-богатыри, как матери, так и отцы.

Девушки казачки в станицах пользовались полной свободой и росли вместе с своими будущими мужьями. Чистота нравов, за которой следила вся казачья община, была достойна лучших времен Рима, где для этого избирались из самых благонадежных граждан особые цензоры. В столице же донского казачества, в так называемом домовитом и старшинском кругу, за благонравием девушек был, под влиянием *московщины*, заведен особый надзор. С 13 лет они брались под опеку мамушек и нянюшек и воля их ограничивалась самым строгим приличием. Только на одних свадебных празднествах они могли быть вместе с мужчинами, остальное же время проводили в одиночестве в кругу своих подруг чеберок[346]. Шили кубелеки (нарядное женское платье), вышивали кафтаны, выстегивали одеяла, ожерелки, по праздникам играли в кремушки, жмурки, пели и плясали под песни, варган и гребешок, *водили* под присмотром бабушек танки (хороводы) и т.п. Грамотность ограничивалась чтением акафистов, канонов и пр. К концу XVII в. эта затворническая жизнь городской женщины постепенно ослабла, и она стала появляться на улицах и принимать участие в общественной жизни. К чести донских женщин-хозяек надо отнести их заботливость о чистоте своих жилищ и опрятности в одежде. Эта отличительная черта в характере донской женщины сохраняется и до сего времени.

Татарский язык был в большой моде как в мужских, так и в женских *беседах*.

Почтение к старшим и в особенности испытанным в боях воинам была обязанностью для молодого поколения. Молодежь не имела права садиться в присутствии стариков.

---

[346] Чеберка, себерка, себры, шабры — слово древненовгородско-псковское, встречаемое в древних актах, а на Дону даже до последнего времени, в особенности в 1-м Донском округе. Корень этого слова происходит от *себе*, каждый сам по себе, сидящий на своей части, заимке. В древнем Пскове *сябры* — сидящие или владеющие своей частью общественного имущества. Себро — моя часть, шабры — соседи, чеберка — товарка, подруга.

Военные игры за городом и стрельба в цель были любимыми занятиями молодежи в свободное время. Эти упражнения развивали такую меткость в стрельбе, что многие из казаков могли на значительном расстоянии выбивать пулею из рук монету, зажатую между пальцев, не задев руки. Казак рождался воином; с появлением на свет младенца начиналась его военная школа: новорожденному все родные и *односумы* отца приносили в дар *на зубок* ружье, патрон пороха и пулю, лук и стрелу; дареные вещи развешивались на стене, где лежала родильница с младенцем. По истечении сорока дней, после того, как мать, взяв очистительную молитву, возвращалась домой, отец надевал на ребенка саблю, подстригал ему волосы в кружок и сажал на лошадь, а потом возвращая сына матери, поздравлял ее с *казаком*. Когда же прорезывались у нового казака зубы, отец и мать сажали его вновь на лошадь и везли в церковь служить молебен Ивану-воину. Первыми словами малютки были *чу* и *пу* (понукать лошадь и стрелять). Трехлетние дети уже свободно ездили на лошадях по двору, а в 5 лет скакали по степи[347]. Рр. Дон и Донец для детей казаков были родной стихией: в них они купались и плавали, как утки, с младенческих лет, катались в каюках и баркасах (лодках *Асов*), приучаясь быть отважными и храбрыми моряками.

Долины Дона и Донца, а также их притоков в старое время представляли из себя полную чашу всяких природных богатств, были полны изобилием; в лесах, покрывавших долины, росли дикие яблони, груши, черешни, орехи, терны; в земле всякие сладкие коренья, в садах виноградники, дававшие сладкие шипучие вина. Широкие степи и густые леса были естественным убежищем и хранилищем диких зверей и птиц. Дон, о котором казаки говорили, что у него золотое дно, а также и другие реки кишмя кишели рыбой, с которой не могли сравниться по вкусу рыбы Волги и Днепра. Осетр, белуга, севрюга, стерлядь, сазан, сула (судак), сельдь и в особенности тарань водились в таком изобилии, что их во время хода можно было брать руками или засекать саблями и закалывать копьями.

Казаки, как народ военный, всегда готовый поголовно выступить на защиту родины, чуждались земледелия и говаривали: «Кормит нас, молодцов, Бог, как птиц небесных. Мы не сеем и не собираем в житницы, а всегда сыты бываем». Люби-

[347] Общежитие Донских казаков в XVII и XVIII ст. В.Д. Сухоруков.

мым их промыслом в свободное от войны время была охота или *гульба. Гулебщики* отрядами человек по сту рыскали по задонским степям, пробирались даже на Куму и Кубань. Там они иногда сталкивались с ногайскими и черкесскими наездниками и привозили вместе с убитыми зверями пленных ясырок или черкесских узденей, а также пригоняли их табуны лошадей и стада рогатого скота.

Привольная и братская жизнь сильно привязывала казаков к родине. Они любили свой Дон и называли его *батюшкой и кормильцем родимым.*

В плену или на чужбине, умирая сраженный вражеской пулей, казак всегда мысленно взывал к своему кормильцу: «Прости, мой батюшка Тихий Дон Иванович! мне по тебе теперь не ездити, дикаго зверя не стреливати, вкусной рыбки не лавливати». Эта же страстная любовь к своему кормильцу Дону сквозит во всех старинных песнях и даже в войсковых грамотах по Дону и отписках в Москву. Даже в соседних странах, где лежат кости павших геройскою смертью донцов, защищавших честь России, как то: в Финляндии, Швеции, островах Балтийского моря, Ливонии и др., и теперь существуют древние легенды о том, что во время ночных осенних бурь, когда вся северная природа стонет от непогоды, донские витязи встают из своих забытых их потомством могил, садятся на своих боевых коней и с воем и стоном несутся в облаках на родимый им Дон. Тяжело им лежать в сырых могилах на чужой стороне вдали от своего кормильца Тихого Дона Ивановича. Скорбные и пылающие старым казацким огнем их души спешат слиться во своим *братством-товариществом* и просят перенести их кости на дорогую родину. Многие из северных жителей не раз во время бурь видели это явление, как казаки, припав к луке, с длинными пиками и сверкающими саблями неслись на своих боевых конях среди волнующихся грозовых туч на теплый юг, и от суеверного страха прятались в свои убогие хижины.

Такова была любовь к Дону старых донских казаков.

Казаки от природы были народ религиозный, без ханжества и лицемерия; клятвы соблюдали свято и данному слову верны. Все исторические акты об этом свидетельствуют положительно. Чтили праздники Господни и строго соблюдали посты.

Во время *«Азовского сиденья»* в 1641 г. казаки дали клятву друг другу лечь костьми, но не сдавать древний свой город сильному врагу, и свято исполнили свою клятву. Во время этих

титанических битв, усталые и обессиленные от бессонных ночей, с обожженными лицами от порохового огня и дыма, они, лобызая носимую по их рядам древнюю икону Иоанна Предтечи, плакали, как дети, и просили святого угодника Божия защитить их древнюю родину от агарянских полчищ. Тогда же они дали обет построить в гор. Черкаске деревянную церковь во имя Воскресения Христова и исполнили это обещание в 1653 г. В 1670 г., ввиду скученности построек, большею частью деревянных, церковь эта вместе с многими домами сгорела. Чрез два года выстроена была новая, но и эта сгорела в 1687 году. Тогда казаки решили построить в г. Черкаске две новых церкви, но уже каменных, одну во имя св. апостолов Петра и Павла, оконченную в 1692 г., другую соборную во имя Воскресения Христова, оконченную в 1719 г.; эти церкви существуют и до ныне.

В 1656 г. донские казаки, находясь в царских войсках в Польше, взяли под гор. Вильною на р. Вилии древний православный образ Богородицы Одигитрии, животворящий крест, евангелие и книги и все это с великим торжеством привезли в г. Черкаск, где в честь этой иконы была по обету казаков построена церковь. Вскоре многим казакам было видение: Богородица просила отвезти ее икону обратно в г. Вильну, где она стояла уже много веков. Казаки сначала этому не верили, но когда в 1661 г. они, возвращаясь с моря, были на р. Тузлове окружены крымским царевичем и безнадежно отбивались в течение нескольких дней в окопах, явления повторились: Божия Матерь вновь просила поставить ее икону на старом месте, а если они этого не исполнят, то им не будет Божией помощи. Казаки дали обет и вмиг одолели врагов. Вскоре икона явилась в последний раз казаку Ивану Стародубцу, обещая свое заступничество, если казаки исполнят свой обет.

Собрался Войсковой Круг и на нем решили: украсив икону Богородицы, с великою честью отпустить в Москву; вместе с нею послать от войска станицу с священником и диаконом, которые бы ежедневно служили пред этой иконой Божественную службу[348].

По заключении мира с Польшей икона эта, по желанию казаков, была из Москвы перевезена в г. Вильну. Так искренно

[348] Дела Донские. Отписка казаков, привезенная в Москву 16 дек. 1662 г.

верили донские казаки в помощь Божию, и по вере их давалось просимое.

Казаки имели и свои монастыри, куда престарелые и увечные воины уходили доживать остаток дней своих; из них известны: Никольский, ниже Воронежа, в Борщове, Рождественский Чернеев в Шацке и др. В монастыри и церкви они жертвовали все свои драгоценности и старались украшать иконы золотом, серебром и дорогими камнями. Во многих донских городках были церкви и часовни в честь любимых ими святых; там, где осели новгородские повольники из самой свободолюбивой братовщины *никольщины*, по Среднему Дону, — во имя св. Николая Чудотворца, которого они считали своим покровителем, наделяя его качествами смелости и бесстрашия, подобно тому, как предки их Геты-Руссы почитали бога Марса; во имя Иоанна Предтечи, в нижних городках, в память бывшего Предтеченского храма в Азове; во имя Покрова Богородицы, в память взятия казаками г. Казани 1—2 октября 1552 г.[349] Церкви и часовни были не большие, т. к. казаки тщательно скрывали свои городки от неприятельского глаза и вообще географию своей страны. Даже при проезде Доном крымских и турецких послов они требовали от них сидеть под палубой судов или забивали палубы досками и полотном, чтобы *они не знали дороги по Дону и не высматривали, как стоят их городки*, говаривали казаки. Городки были расположены большей частью на островах Дона, недоступных для нападений, и состояли из многих куреней, сплетенных из хвороста или камыша и обмазанных глиной. Городок обносился тыном или земляным валом с пушками по углам. Курени стояли плотно друг к другу без всякого порядка. За городком, иногда за протокой или рукавом Дона, устраивались *базы* для загона на зиму скота. Остатки месторасположений этих базов теперь называют *базками*. Казаки гордились своей бедностью и однажды подобно древним скифам, ответили крымскому хану на угрозу придти опустошить их жилища: «Донские казаки угроз твоих не боятся: хотя их городки некорыстны, оплетены плетнями и обвешены терном, но доставать их нужно твердыми головами; стад же и табунов у вас мало, — напрасно забьешься ты в какую даль».

[349] История казачества, ч. II, гл. IV. — Новгородские повольники на Дону, стр. 282—283.

В 1672 г. только на одном Дону считалось до 48 казачьих городков[350]. А донские де городы состоят от Коротояка:

1) Мигулин
2) Тишанской
3) Вешки
4) Усть-Хопра
5) Усть-Медведица
6) Распоцин
7) Клецкой
8) Перекопской
9) Кременской
10) Григорьевской
11) Сиротин-Новой
12) Сиротин-Старой
13) Иловля
14) Качалин
15) Паншин
16) Голубые
17) Пятиизбы
18) Чир Верхней
19) Чир Нижней
20) Кабылкин
21) Ясаулов
22) Зимовейко
23) Нагайкин
24) Курман-Яр
25) Курман-Яр Нижний
26) Терновые
27) Цымла
28) Кумшак
29) Романовской
30) Каргалы-Верхней
31) Камышкин-Иванов
32) Быстрянской (ст. Мариинская)
33) Нижней аргалы
34) Михалев
35) Троилин
36) Кагальник, ныне ст. Богоявлен
37) Ведерников
38) Бабей
39) Кочетов, (ст. Константиновская)
40) Семикаракорск
41) Раздоры
42) Мелехов
43) Бесергенев
44) Багай
45) Маныч
46) Черкаской.

К концу XVII в. городки были по р. Северскому Донцу и его притокам: Бахмутке, Красной, Жеребцу, Айдару, Лугани, Деркулу и др. Из них известны: Бахмутский, Старо и Ново Айдарские, Шульгин, Беленский, Осиновый, Закотный, Кабаний, Сухарев, Ревенек, Мотякин или Митякин, Гундары и др. По р. Хопру было 8 город., по Медведице — 17. По картам Крюйса, к 1699 г. казачьих городков по Дону считалось 84, а всего по р. Дону и его притокам более 125.

---

[350] Дела Донские. Показание атамана Фрола Минаева в Посольском приказе 7 декабря 1672 г. В этом показании пропущен город Золотой, ныне Золотовская станица, и Казанский. Список населенных мест. Изд. Центр. Ст. Комитетом. XII. Земля войска Донского. СПб., 1864, стр. XXII. См. I—О донских казачьих городках.

Глава IV
Беглые крестьяне и старообрядцы на Дону

Крестьянство в Древней Руси, под каким бы названием оно ни встречалось и на каких бы землях оно ни сидело — казенных, волостных, княжьих, монастырских и других владельцев, пользовалось полной свободой переходить с одной земли на другую в известный срок в году, осенью, по окончании полевых работ, в Юрьев день, и подчинялось общему суду наравне с другими сословиями, было обязано платить казенные подати и отправлять другие государственные повинности и в то же время платить оброки и исполнять работы на землевладельца.

В XVI в. крестьянские общины получили полное свое развитие, как состоявшие из людей свободных и полноправных. Крестьяне (христиане) составляли из себя особый самостоятельный класс. Закон признавал за ними все их права, выработанные жизнью в течение веков. Личность крестьянина, как полноправного члена общества, приобрела сильную опору в равенстве суда для всех классов. Кроме того, крестьянские общины, на какой бы земле они ни сидели, на владельческой или казенной, получили такую самостоятельность и такие права собственного суда, какими редко пользовались самые богатые и сильные землевладельцы, и почти совершенно сравнялись с городскими обществами — горожанами, гражданами[351]. Самое владение землей получило больше прочности и самостоятельности. Но скоро московские государи, начиная с Ивана III, так много сделавшие для крестьянской самостоятельности, стали мало-помалу забирать земли в руки правительства и раздавать их своим служилым людям, лично к земледелию никакого отношения не имевшим. Общинные земли стали незаметно ускользать из рук крестьян. В прежнее время удельные князья получали земли из рук народа, к концу XVI в. народ уже стал смотреть из рук царей и, как милость, получать от них утверждение неприкосновенности своих прав. После покорения и присоединения к Москве Новгорода, Пскова, Смоленска, Рязани, Твери

[351] Все члены общины пользовались равными правами, и никто не был исключен из права поземельной собственности, только бы имел силы и средства приобрести и возделать ее. Поземельная собственность

и Казани большая часть земель была отдана или на казенный оброк, или роздана служилым людям в поместья, вотчинные дачи и другие виды владения, т. к. требовались громадные средства на ведение войн с Ливонией, Польшей и Швецией. Почти все земли обширного Московского государства введены были в тягло. Положение крестьян сделалось тяжелым, а в некоторых местах даже невыносимым, в особенности там, где происходили военные действия, сопровождавшиеся, по обычаю того времени, страшным грабежом и опустошениями. Но терпелив и трудолюбив русский крестьянин. Он любил возделанную им землю и лелеял ее. Правом перехода с одной земли на другую он пользовался только в исключительных случаях. Переселения для него были отяготительны и разорительны. Борис Годунов, желая привлечь на свою сторону бояр и дворянство, в угоду им между 1592 и 1597 г. издал указ о прикреплении свободных крестьян к земле; окончательное прикрепление совершилось уже в первой половине XVII в. Нарушившие этот закон стали считаться беглыми. Указ о прикреплении крестьян к земле разделил это сословие на два разряда: на крестьян дворцовых и черных земель (казенных) и на крестьян владельческих или частных земель. Владельцы стали смотреть на крестьян, поселенных на их землях, как на свою собственность: одни отыскивали беглых судом и водворяли их в свою вотчину силой, другие, владельцы земель малолюдных, старались переманить к себе и укрыть беглых; в свою очередь крестьяне смотрели на чинимые над ними насилия как на нарушение своих исконных народных прав. Обидам, притеснениям и тяжбам не было конца. В таких неурядицах прошел весь XVII в.

Взгляд помещиков на крестьян, как на свою неотъемлемую собственность, стал окрепать, в особенности после самозванщины, когда русские бояре ближе познакомились с крепостным правом в Польше, и свободный русский крестьянин-общинник в конце концов превратился в бесправного и безгласного раба; свобода личности и прежнее равенство крестьян пред судом отошли в область преданий. Крестьян стали продавать и оптом и в розницу как домашний скот. Даже сам Петр I, изучивший после работ первой ревизии 1719 г. истинное положение вещей, пришел в недоумение и в указе от 15 апреля 1721 г. писал: «продают людей, как скотов, в рознь... оную продажу пресечь»... Но видя, что такой порядок укоренился очень глубоко, оговаривается: «а ежели не возможно будет того вовсе

пресечь, то хотя бы по нужде продавали целыми фамилиями или семьями, а не врознь».

Эти-то московские порядки и заставили многих из крестьян, более свободных и сильных духом, покидать свое отечество и искать мест для новых поселений, где личность человека была свободна от насилий. Одни из них бежали в пограничные леса, на Украйну, Волгу, другие на далекий Дон, где они впервые появляются вскоре после *«Азовского сиденья»*. Крестьяне шли на Дон партиями, приставая к возвращавшимся из Москвы казачьим зимовым станицам. Нередко сами атаманы этих станиц подговаривали московских людей идти с ними, т. к. на Дону в рабочих руках по укреплению городков ощущался большой недостаток. На требование воронежских воевод не принимать и не уводить беглых казаки всегда отвечали отказом. Например, в 1646 г. 26 июня дворянин Данила Мясной и воевода Андрей Батурлин писали царю из Воронежа:

«И отоман Иван Каторжной (зимовой станицы) и казаки твоего государева указу (о возврате беглых, приставших к ним) не послушали и нам, холопям твоим, отказали, что им беглых боярских людей, которые у них есть, не выдавать. А твои государевы грамоты и наказы они лживили, а мне, холопу твоему, Данилку, говорили, что я посланец с Москвы не от тебя, государя... а кто-де для беглых людей пойдет к Ивану (атаману) в слободу (в стан) вынимать и им-де тех людей (воеводских слуг) побивать до смерти из пищалей»... Далее Мясной пишет, что когда атаман был вызван в съезжую избу для выслушания царского указа, то явился туда со всей станицей и в присутствии голов, дворян и торговых людей, ударив его, Мясного, «в душу», вырвал из рук его царский указ и засунул за голенище, пригрозив, что «придет к нему на двор и убьет его»[352].

Вот как казаки, изнуренные беспрерывными войнами с турками и татарами, вербовали для себя рабочий люд внутри Московского государства.

К концу XVII в. приток беглых на Дон, в верхние городки, расположенные по рр. Хопру и Медведице, усилился до того, что это стало беспокоить и Главное Войско, т. к. с притоком

[352] Там же, стр. 16 и др. Донские дела. Кн. II, стр. 1106—1107.

беглых крестьян в тех местах стало развиваться нежелательное в военном быту земледелие, ввиду чего туда была послана в 1690 г. от Войскового Круга строгая грамота: «а если станут пахать и того бить до смерти и грабить»[353]. Эта мера до некоторой степени сократила прилив земледельческого элемента на Дон, и многие из беглых поспешили возвратиться на свои прежние места. Помимо крестьян московских областей, на Дон в конце XVII и начале XVIII в. стали усиленно переселяться малороссийские черкасы, недовольные порядками на Украине, где во время «гетманщины» стал быстро выделяться класс старшин, класс крупных землевладельцев, и прежде свободное малороссийское реестровое казачество стало обезземеливаться, порабощаться и обращаться в крепостных холопов.

На требование московского правительства не подговаривать и не принимать в свою среду беглых крестьян Донское войско, твердо держась своих старых традиций «с реки не выдавать», отвечало или отказом или уклончиво, что «таковых де на Дону не разыскано»[354].

* * *

Вместе с крестьянским элементом на Дону во 2-й половине XVII в. стали появляться и беглые старообрядцы и сектанты. Те и другие на первых порах вели себя чрезвычайно осторожно и с открытой проповедью выступать не решались, т. к. хорошо знали, что казачеству при постоянных походах и битвах входить в церковные тонкости нет охоты и времени; казачество исповедывало православие в широком значении этого слова и за еретические учения карало смертью. Первыми появились на Дону старообрядческие чернецы и старцы, спасаясь от преследований московского правительства. Скиты их, человека по 3—4, были рассеяны по всему Дону, большею частью в глухих местах, вдали от казачьих городков, по р. Чиру, Хопру, Медведице и др. малонаселенным рекам. Старцы имели между собой постоянное сношение и таким образом как бы составляли из себя одну большую религиозную общину с немногочисленными приверженцами из казачьих городков. Главное Войско о существовании приютившихся на его земле старообрядческих скитах узнало совсем случайно, когда чернецы одного из скитов на р.

[353] Дела Донские. Грамота на Дон 9 марта 1690 г.

[354] Акты А. Лишина, т. I, № 71 и 83. Соловьев. Истор. России, т. XIV, стр. 289. Полное соб. зак., т. III, № 1644.

Чиру, рассорившись между собой, донесли, что один из их товарищей не молит Бога за царя и патриарха. Войско приказало схватить дерзкого старца, и его, по решению Войскового Круга, сожгли, как еретика, в г. Черкаске в 1676 г.[355] Это событие не прошло для Дона бесследно. В сожжении старца принимала участие партия казаков, приверженная Москве, но противная, стоявшая за самобытность Дона, усмотрела в этом старообрядческом движении против царя и патриарха некоторую для себя надежду освободиться при помощи старообрядцев от пагубного московского влияния и хотя и не разделяла казуистических взглядов приверженцев старины на православие, однако, стала открыто сочувствовать им и оказывать сначала тайное, а потом и явное покровительство. На Дону вновь стало пахнуть «разиновщиной»[356]. Во главе этого движения стали старшины Фома Севастьянов, Павел Чекунов, Самойло Лаврентьев, Кирей Чурнесов и др. Сторонники их день ото дня умножались и в Войсковом Кругу имели уже значительный перевес. Покровительствуемые ими беглые старообрядческие попы Досифей, Евтихий, Феодосий и Самойла открыто разъезжали по казачьим городкам и проповедывали о чистоте старого православия и об ереси царя и патриарха. Старый войсковой атаман Фрол Минаев, пользовавшийся в войске большим влиянием, рьяный приверженец Москвы, и домовитые старшины и казаки приходили в отчаянье. В Войсковом Кругу в августе месяце 1683 г., по прочтении подложной грамоты, присланной на Дон будто бы царем Иваном Алексеевичем к каким-то слепым старцам о том, что бояре его не слушают «и не воздают достойной чести», многие из казаков требовали побить атаманов и старшин и идти на Москву для освобождения царя. Круг шумел: многие верили в подлинность грамоты; царь призывал казаков к Москве. Атаман Фрол Минаев много раз клал насеку, заявляя, что он готов скорее умереть, чем изменить своей присяге. Обо всем этом скоро узнали в Москве и потребовали выдачи мятежного старца с его «воровскими письмами», напомнив, между прочим, казакам о казни Степана Разина. Новый Круг, собравшийся 6—7 сентября, пришел в ожесточение. Казаки старца и его сообщников выдавать не хотели, заявляя, что «и без них на

[355] Соловьев. История России, т. XIII, М., 1879 г., стр. 286. Показание атамана зимовой станицы Потапа Панкратьева, бывшего в то время в Москве.

[356] Там же, стр. 360.

Москве много мяса!» Однако по настоянию войскового атамана и многих старшин явились охотники, Иуда Золотарев, Василий Голый и др., пожелавшие вместе с царским посланцем Тарасом Ивановым ехать розыскивать мятежников для отсылки в Москву. Атаман Фрол Минаев, провожая посла, тайно сообщил ему о всех сочувствующих мятежу старшинах, в том числе и о Самойле Лаврентьеве, а также о том, что его, атамана, за верность Москве казаки обвиняют в утайке царского жалованья, а между тем недостача в деньгах будто бы произошла от большого количества участников в дележе. Кроме того, боясь мести со стороны противной ему партии, во главе которой стояли старшины Лаврентьев, Чекунов, Севастьянов и др., Фрол слагал всю вину на беглых старообрядцев и просил посла ходатайствовать пред правительством о воспрещении ссылки мятежников в пограничные с Доном города.

Таким образом, религиозное движение в Москве стрельцов-старообрядцев в 1682 г. отозвалось и на Дону, где оно приняло уже чисто политический характер — освободиться от влияния Москвы, восстановить свое древнее казачье право «с реки не выдавать» и чтобы никто не вмешивался во внутренние дела Войска. Течение это настолько было сильно, что многие царские грамоты о выдаче беглых старообрядцев и о разорении их пустынь оставались без исполнения. Но в Москве этого движения не поняли и, узнав, что за виновными в распространении подложной царской грамоты, за беглым стрельцом Косткой и некием Куземкой Косым, укрывшимися на устье р. Медведицы, посланы сыщики, обратили все внимание на самый факт принесения на Дон грамоты, считая его простым отголоском московского стрелецкого мятежа, а потому с спокойным сердцем послали на Дон 10 сентября 1683 г. «за верность службы» похвальную грамоту, с наставлением и увещанием «помнить свою присягу» и не слушать скитающихся по городам «прелестников», воров-раскольников, не желающих «принести святой соборной и апостольской церкви повиновения». При этом вновь сочли нужным напомнить казакам о высылке с Дона воров Стеньки Разина и его брата Фролки.

А между тем на Дону противная Москве партия деятельно готовилась поднять знамя открытого бунта. Проповедь старообрядчестве и сектантства росла, принимая резко политический характер. Главари выжидали лишь благоприятного случая для начала.

Случай этот скоро представился. В 1686 г. Войско стало снаряжать зимовую станицу в Москву за жалованьем. Желая избавиться от влияния на умы домовитых казаков атамана Фрола Минаева, Круг атаманом этой станицы избрал его, а на его место поставил противника Москвы, старшину Самойлу Лаврентьева, несмотря на то, что Минаева в подобных случаях всегда заменял сторонник его, старшина Иван Семенов. Избрание это было не случайным, а строго обдуманным. Фрол Минаев с станицей уехал в Москву. Лаврентьев стал осторожно приводить свой план в исполнение. В Черкаске появился беглый поп Самойла, вызванный из Манычского городка; ему разрешено было служить в соборном приделе во имя св. Иоанна Предтечи. Самойла обратился к старшинам с вопросом о том, по каким книгам служить — по старым или новым; старшины, по наущению атамана, приказали служить по старым. В старом служебнике поминания царя и патриарха на большом выходе не было, а потому поп Самойла их и не поминал. Московскую партию это сильно раздражало. Желая иметь на своей стороне больше приверженцев, атаман Лаврентьев настоял пред Войском, чтобы для предстоящего крымского похода был заключен договор с калмыцким тайшей Чаганом и чтобы для этого дела был послан тайный сторонник его, старшина Кирей Матвеев.

По дороге Кирей весной 1687 г. объехал многие донские городки, переговорил с приверженцами старины, посвятив их в свои планы, потом заключил мирный договор с Чаганом, подружился и даже побратался с ним, взяв с него слово стоять один за другого, хотя бы против царя. Сплотив, таким образом, свою партию из приверженцев старины, атаман с своими сторонниками созвал из них Войсковой Круг и на нем политично решили: «великим государям служить по-прежнему и чтобы впредь по всему Дону было смирно, а раскольщиков раскольщиками не называть и сверх старых книг ничего не прибавливать и не убавливать и новых книг не держать, а если станет кто тому приговору быти противен или учнет говорить непристойныя слова и тех побивать до смерти». Следовательно, Круг постановил царя и патриарха на большом выходе не поминать. Противники этого решения подверглись гонению и избиению. Поп Самойла и другие приверженцы старины, почувствовав себя сильными, потребовали от соборного протопопа Василия и попа Германа, посвященных, первый патр. Никоном, а второй белгородским митрополитом, служения по старым книгам, а ослу-

шавшегося их диакона «отодрали за волосы». Старообрядцы торжествовали.

При таких обстоятельствах возвратился из Москвы Фрол Минаев с царской грамотой, призывавшей казаков в крымский поход в помощь князю Голицыну. Собравшийся Войсковой Круг, в котором большинство было противников Москвы, поспешили избрать походным атаманом того же Минаева, а полковниками Ивана Семенова (бывший заместитель Минаева и его сторонник) и Кирея Матвеева; последнего для наблюдений за действиями Фрола и на случай противодействия ему, хорошо зная, что в случае столкновения с Москвой крымский хан всегда готов принять их сторону. Отправляясь в поход, Кирей открыто говорил: «надобно тут первое очистить; лучше де ныне крымской (хан), нежели наши цари на Москве. Для чего и куды ходить? у нас свой горше Крыма».

Атаманы и казаки ушли. Хозяевами Дона вновь остались Самойла Лаврентьев и его сторонники. Поп Самойла царей и патриарха публично в своих проповедях называл кровопийцами и антихристами, хлопотал об избрании «помощью 7—8 попов» епископа, от которого бы пошло преемственное священство, и в то же время утверждал о прибытии на Дон известного епископа Павла Коломенского, будто бы бежавшего из заточения.

Торжествовали старообрядцы и на Хопре и Медведице, где Кузька Косой проповедывал скорый конец царской власти и даже кончину мира.

Таким образом, религиозная рознь с Москвой была достигнута. Противники Москвы и проповедники внушали казакам, что существование на Дону древнего благочестия несовместимо с подданством Москве. Неудачный поход на Крым князя Голицына в 1687 г. вселил в казаках еще больше уверенности в том, что при помощи могущих возникнуть в Москве от неудачного похода волнений они могут добиться полной независимости. На Хопре и Медведице под влиянием учения Кузьмы Косого казаки вышли из повиновения Войска. Кузьма их уверял, что у него в горах на Медведице находится царь Михаил, «имеющий вместе с верными очистить вселенную от неверных». В разных местах там стали появляться сборища религиозно-политического характера. Атаман Лаврентьев велел привести Кузьму в Черкаск. Тот не замедлил явиться. Пошли тайные переговоры между атаманом, Кузьмой и попом Самойлой. Открытая про-

поведь Кузьмы о царе Михаиле и об избиении всех неверных при тайной поддержке атамана и его сторонников возымела свое действие. Пошли драки и убийства. В это время внезапно вернулся из похода Фрол Минаев; увидев серьезность положения, он принял энергичные меры: экстренно был собран Круг; произошла борьба партий. Фрол остался победителем; Кузьму заковали в цепи и отвезли в Москву с атаманом Иваном Семеновым; кузьминцы разбежались; атаману Самойле Лаврентьеву пришлось, «покидая атаманство, укрыться». Поп Самойла ушел на Маныч. Фрол Минаев не ограничился этим: он настоял на приводе всех казаков, бывших в Круге, к присяге на верность царям. Во все казачьи городки были посланы грамоты с подтверждением, что все казаки «целовали крест и служили царям всею правдою за одно». В церквах восстановлено было служение по новым книгам, с поминанием царя и патриарха.

Казалось, полная победа была на стороне войскового атамана и московской партии: виновник мятежа был арестован и выдан головой Москве, а не казнен, как это делалось прежде, в Войсковом Кругу, по старому войсковому праву. Присяга царям и служение по новым книгам с поминанием царя и патриарха тоже, казалось, были залогом той же победы. Но на деле оказалось, что противная Москве партия была довольно сильна и только прикрывалась старообрядчеством, а в действительности носила чисто политический характер. Доказательством тому может служить то обстоятельство, что кроме безумного изувера Кузьмы Косого, которому казаки в сущности не верили, и беглого попа Самойлы, никто из пришлых московских старообрядцев в казачьем противомосковском движении никакого участия не принимал. Кузьма Косой при пытках назвал своих сообщников — атамана Лаврентьева и попа Самойлу. Москва потребовала их выдачи, но казаки, под давлением верховых городков, отказали. Город Черкаск в 1687 г. горел два раза; в первый раз пожар начался с Татарской станицы и перекинулся на Прибылую и Дурновскую, во второй — выгорел дотла[357]. По случаю пожара и для улаживания дела о выдаче названных лиц Круг снарядил в Москву станицу; атаманом станицы из политических расчетов, чтоб высмотреть истинное

[357] К 1687 г. город Черкаск состоял уже из 11 станиц: Черкасской, Средней, Павловской, Прибылянской, Дурновской, Скородумовской, Тютеревской, Верхне-Рыковской, Старо-Рыковской, Нижне-Рыковской и Татарской. Эта последняя была населена татарами, принятыми в казаки.

положение вещей, выбрали старшину Кирея Матвеева, непримиримого противника Москвы, открыто называвшего царей и патриарха «иродами», а войско их «силой голиадскою». Царское жалованье он ставил ни во что: «то де с миру взято, — в жалованье почитать не для чего; и есть ли де вперед не пришлют, то я знаю, где хлеб молотят, были б де зубы, я де знаю и сам, где то брать». Он подстрекал голутвенных казаков к походу на Волгу, по следам Разина. Но в Москве об этом ничего не знали, а противники его доносить о том не решались, боясь мести, т.к. верховые городки явно держали сторону Кирея.

Несмотря на явное ослушание царских указов, донская станица была встречена в Москве с великим почетом и одарена обычным жалованьем. Атаман Кирей «в распросных речах» в Посольском приказе 25 декабря 1687 г. держал себя с большим достоинством и настоял на том, чтобы на Дон с новой царской грамотой о выдаче мятежников посланы были казаки из его же станицы[358]. Это ободрило его сторонников, как бывших с ним в Москве, так и на Дону. Они поняли, что с ними и их главарем Москва считается.

Царская грамота от 2 января 1688 г. была полна укоров и даже угроз за ослушание. В ней повторены были требования о высылке мятежных казаков и попов и прибавлялось, что в случае ослушания, не будет прислано жалованье на 1688 г. и что станица будет задержана в Москве до исполнения указов. О положении дел в Москве и о ласковом приеме станицы посланцы Кирея, по его наущению, разнесли по всему Дону, от верху и до низу; причем предупредили бывшего атамана Самойлу Лаврентьева, чтобы он в Москву не ехал.

По настоянию атамана Фрола Минаева Круг вынужден был выслать в Москву с легкой станицей лишь одного попа Самойлу; Самойлу же Лаврентьева оставил, будто бы «ради его болезни и пожарнаго разорения»[359].

Московское правительство, вновь обманутое казаками, вынуждено было настаивать на выполнении предъявленных к ним требований. Положение дел на Дону было крайне тягостно для

---

[358] Распросныя речи в Москве 25 дек. 1687 г. Донские дела. Связка XVI, 1687 г., № 13, л. 3—27.

Все предыдущие сведения взяты из исследования В.Г. Дружинина «Раскол на Дону». СПб., 1889. Стр. 67—213.

[359] Донские дела. Связка XVII, № 2, л. 5—17. Распросныя речи атамана легкой станицы Филиппова.

сторонников Москвы. С одной стороны, угрозы Москвы, а с другой — боязнь своих противников, продолжавших усиленно вести свою пропаганду. На Дон тем временем воротился станичный атаман Иван Семенов, пожалованный за доставку Кузьмы Косого большими милостями и тайно получивший обещание на еще большие награды, если добьется присылки атамана Лаврентьева и сообщников Кузьмы. При таких обстоятельствах получена была на Дону новая царская грамота, от 7 февраля 1688 г., в которой цари Иоанн и Петр, жалуя и милостиво похваляя Войско за высылку попа Самойлы, требовали высылки «без всякаго мотчания» атамана Самойлы и других мятежников. По поводу этой грамоты было большое волнение в Войске; Войсковой Круг собирался пять раз и наотрез отказался выдать требуемых лиц. Атаман Фрол Минаев, опасаясь за свою жизнь, клал насеку и уходил домой, но его ворочали и вновь водворяли в Круг.

Таким образом, эта новая попытка московского правительства о выдаче донских казаков, желавших возвратить Дону его прежнюю свободу, осталась безуспешной. А между тем противники Москвы с нетерпением ждали скорейшего возвращения атамана зимовой станицы Кирея Матвеева и готовились весной двинуться на Волгу добывать себе «цветные зипуны»[360]. Но обстоятельства скоро и круто изменились. Из усердия к Москве и, главным образом, рассчитывая «на посуленныя награды», Иван Семенов и Фрол Минаев тайно, с особым гонцом, переодетым монахом, донесли князю Голицыну об истинном положении дел на Дону и выдали головой всех руководителей мятежа, в том числе и атамана станицы Кирея Матвеева, бывшего в Москве, Самойлу Лаврентьева, Павла Чекунова и многих друг.[361] Кирея и многих казаков его станицы арестовали и подвергли пыткам. На Дон была послана с толмачем Никитиным строгая царская грамота о немедленной выдаче мятежников. Поспешно собрался Круг из ближайших станиц. Противники Москвы подверглись избиению. Во главе избивающих были сам атаман Фрол Минаев и старшина Иван Семенов. Руководители мятежа были арестованы и отосланы в Москву. Остальные казаки были при-

[360] Дон. дела. Распросныя речи атамана Якима Филиппова и войсковая отписка, полученная в Москве с тем же атаманом 5 марта 1688 г.

[361] Письма Фрола Минаева, Ивана Семенова от 12 апреля и Яна Гречанина от 5 апреля кн. В.В. Голицыну. Допол. к А.И. т. XII, № 17, стр. 147—154, 197—201.

ведены к целованию креста. 18 апреля из войска была послана станица в 1000 человек для приведения к присяге всех казаков, живших выше по Дону. Нежелающих принять крестное целование повелено казнить. Узнав об этом, приверженцы старой веры двинулись на р. Медведицу и засели на Заполянском острове. Оттуда часть их во главе с Левкой Маноцким в конце апреля двинулась на Куму. Остальные, после многих стычек с карательной станицей, пошли тою же дорогой[362]. В Заполянском городке остались немногие, кому не хотелось расставаться с дорогой родиной; но скоро они там, после штурма городка при помощи царских войск и калмыков, были все уничтожены. Непринявшие крестного целования в остальных городках были избиты; в этом проявил рвение, в числе других, старшина Иван Семенов, впоследствии откровенно сознавшийся, что он действовал так, рассчитывая на посуленные подачки из Москвы[363].

С казаками на Куму ушли и старцы Чирской пустыни Досифей, Феодосий, Пафнутий и др.

Судьба этих беглецов была печальна. Черкасский князь Шевкал первоначально принял их под свое покровительство, рассчитывая при помощи их расширить свои владения, и поселил на р. Аграхани. Потом с ними вошел в переговоры терский атаман Иван Кукля и предложил им переселиться на Терек, т. к. видел в них поборников старой казацкой воли и носителей исконного казацкого войскового права. Он всячески поносил сторонников Москвы, называя их станичными боярами и воеводами, предателями своих братьев, сынов родного Дона. Но московское правительство зорко следило за своими врагами и помешало Кукле объединить беглецов на Тереке. Часть их ушла в урочище Мажары, близ Большой Кабарды, а оттуда на Кубань. Большая часть их, по проискам Москвы, действовавшей где подкупом, где угрозами, погибла в стычках с черкесами и другими горскими народами.

---

[362] Это движение донских старообрядцев, противников Москвы, сильно тревожило Саратовского и Царицынского воевод, боявшихся за свои города. Вот почему они тщательно следили за их движением и немедленно доносили о всем в Москву. Доп. к А.И., т. XII, № 17, стр. 220—223 и 262—263, Отписки цариц. воеводы Дмитриева-Мамонова, полученная на Москве 25 июля, 1 и 29 августа 1688 г., и саратовскаго — Кологривова 27 августа. Дон. дела, св. XVII, 1688 г., л. 13—14.

[363] Иван Семенов в письме к кн. Голицыну. Доп. к А.И., т. XII, № 17, стр. 198.

На Дону партия Москвы торжествовала. По Медведице старообрядческие городки были разорены, заводчики переловлены, частью в цепях перевезены в Черкаск, частью казнены на месте. Такой же участи подверглись старообрядцы и в других городках земли Донской.

Выданные Москве погибли там ужасной смертью: атаманы Кирей Матвеев и Самойла Лаврентьев, старшина Павел Чекунов, поп Самойла и другие были четвертованы; других казаков, по московскому обычаю, били кнутом, «с урезанием языка», а потом разослали по дальним тюрьмам и Сибири[364].

Такую политику по отношению Дона вело московское правительство, растлевая до того времени стойкую и сплоченную казачью общину, действуя где угрозой, где подкупом и посулами, а где просто насилием, вливая яд ехидны в честные казачьи сердца. Дон раскололся надвое.

Старое казачье право войскового суда и «с реки не выдавать» отлетели в область преданий. Прежние царские грамоты с просьбой «а вы бы нам, атаманы-молодцы, послужили» стали заменяться указами из Посольского приказа.

За предательство своих братьев-казаков, а также за разорение казачьих городков по Медведице донские «атаманы и казаки» получили похвальные царские грамоты с усиленным жалованьем «за службу и раденье», между тем как тысячи их собратьев, спасаясь от руки палачей, скитались по Кумским и Кубанским степям и предгорьям Кавказа, ища покровительства у чуждых и враждебных им народов и погибая, по проискам Москвы, от их же руки и голода[365]. Дон, как и казачьи умы, бурлил и волновался. Разлив его в 1689 г. был страшный, небывалый. Многие казачьи городки, сидевшие на островах, как и г. Черкаск, сгоревший дотла в 1688 г., были окончательно опустошены и смыты водой.

В грамоте 1-го июля 1689 г. «от великих государей, царей и великих князей Иоанна Алексеевича, Петра Алексеевича и великие государыни благоверные царевны и великие княжны Софии Алексеевны, всеа Великия и Малыя и Белыя России самодержцев, на Дон, в нижние и верхние юрты, атаманом и казаком, войсковому атаману Фролу Минаеву и всему Войску

---

[364] Раскол на Дону. В.Г. Дружинин. Стр. 170—213.

[365] Похвальные грамоты на Дон: 8 мая, 26 июня, 23 сентября, 28 декабря 1688 г., 22 мая и 1 июля 1689 г. Акты А. Лишина, №№ 95—104, т. I.

Донскому» даровано было их, царского величества, милостивое слово и изъявлялась похвала за посылку казаков во 2-й крымский поход князя Голицына (неудачный, как и в 1687 г.), сухим путем 500 чел. под начальством походного атамана Ивана Семенова и морским 700 чел. на 45 стругах, а также указывались меры к возвращению казаков с Кумы и о предоставлении им свободно жить в прежних своих местах, если «они им, великим государям, вины свои принесут и обратятся на истинный путь и к воровству приставать не будут, а которые придут и повиновения своего приносить не станут или и за повиновением объявится кто в каком воровстве и расколе, и вы б таким чинили у себя в войске войсковое наказание и казнь, а пущих воров и заводчиков отсылали в Козлов и отдавали стольнику нашему и воеводе Федору Давыдову»...

Этими царскими милостями немногие рискнули воспользоваться и возвратиться в родные места. На ходатайство станичного атамана Петра Мурзенка, бывшего с станицей в Москве в сентябре мес. 1689 г., о даровании беглецам амнистии и свободного отправления старых обрядов положена резолюция, «что им, вором, креститься по старому», великие государи, «писать не велели»[366].

В таком положении был Дон при вступлении на престол единого самодержца Петра I.

Глава V
Участие казаков в азовских походах Петра I

В конце 1689 г. войско Донское вынуждено было заключить с азовцами невыгодный для него мир, с условием не нападать на казачьи городки и южные пределы России. Азовцы были рады этому и втихомолку готовились к новым стычкам. Мир этот продолжался до 1691 г. Главные причины заключения такого продолжительного мира были: внутренние неурядицы в Войске, постоянные ссоры с калмыками, ногайцами и черкесами,

[366] Дон. дела, св. XVIII, 1689 г., № 13, л. 86—88. Резолюция на челобитной атамана Петра Мурзенка 14 сент. 1689 г.

которых подстрекали к тому бежавшие с Дону противники Москвы во главе с Левкой Маноцким и Петром Мурзенком. Этот последний, не добившись в Москве амнистии для старообрядцев, передался в числе многих других на Куму. Скоро они нашли могущественного для себя покровителя в лице крымского хана. Великий Дон, не знавший раньше среди своих сынов предателей, теперь, под тлетворным влиянием Москвы, вынужден был терпеть разные невзгоды от тех, кого он вспоил, вскормил и взлелеял, кому он влил в течение минувших веков гордый казачий дух, жажду к равенству, братству и свободе. Маноцкий и Мурзенок при помощи исконных врагов казачества хотели вернуть Дону его старую казачью волю, его древнюю независимость. В Азове готовилась гроза для Дона. Калмыки, ногаи и владелец кабарды Шамхал вместе с крымцами готовились смести казачьи городки и подчинить Донскую землю турецкому султану. Но они не усчитали, что в Черкаске сидел атаманом, хотя и преданный рабски Москве, но старый, испытанный в боях воин, могущий постоять за целость Дона и честь казачью, — это Фрол Минаев. Он поздно и случайно узнал о готовящейся для Дона опасности и принял все меры предосторожности. В Москву была послана легкая станица просить помощи, а азовцам *размирная.*

Весной 1691 г. струги казачьи полетели в море громить крымские и ногайские улусы, а конница сухопутьем под Перекоп[367].

Набег был для донцов удачен. План врагов расстроился. В следующем году 1200 казаков на 76 стругах неожиданно явились под Темрюком и Казылташей, разгромили татарские улусы и освободили многих своих пленных; на возвратном пути приняли бой в Азовском море с сильным турецким флотом, шедшим в Азов, потом разорили предместья Азова и возвратились с добычей и пленными восвояси.

В то время, как казачья флотилия громила татарские улусы, азовцы промышляли в окрестностях Черкаска и успели угнать часть донских табунов, но захваченные врасплох, в числе 500 человек, на р. Аксае, против нынешней Аксайской стани-

---

[367] Дела Дон., св. XVIII, 1690 г., № 10, л. 1—17. Грамота на Дон 22 сентября 1690 г. Там же. Грамота на Дон 23 генваря 1691 г.

Грамота на Дон 28 апреля 1691 г. Акты А. Лишина, т. I, № 107.

Грамотой этой повелевалось «над азовцы и крымцы чинить воинские промыслы» по государеву указу.

цы, казаками Черкасской станицы и Манычской, были почти все уничтожены; остальные 60 челов. попали в плен. 1693 и 94 гг. прошли в успешных схватках с теми же азовцами, калмыками и ногайцами, а также в морских поисках под Темрюк и крымские берега.

В 1694 г., возвращаясь на 60 стругах из морского похода, казаки дали в устьях Дона бой сильному турецкому флоту, состоявшему из 30 кораблей и многих мелких судов, отбили один корабль и одно судно, потеряв при этом 20 человек убитыми, и, не имея сил прорваться сквозь эту стену, возвратились в Черкаск чрез Миус, затопив свои струга в лимане этой реки.

Дав повеление Дону «чинить промыслы над азовцами и крымцами» Петр I, объявивший себя в 1689 г. единодержавным государем, деятельно готовился к войне с этими врагами России[368]. Не дожидаясь окончания постройки нового флота, начатого в Воронеже, он двинул стотысячную армию под командой боярина Шереметьева р. Днепром на Крым, а 31 тыс. под Азов. Войско это собралось в Тамбове, откуда по первому весеннему пути двинулось на р. Хопер, а потом правою стороной Дона к Черкаску. Войску Донскому предписано было, чтобы все казаки как верховых городков, так и ниже лежащих, по мере приближения русского передового отряда присоединялись к нему и поступали в распоряжение его начальника, генерала Гордона. Атаману Фролу Минаеву секретным приказом повелено было поход этот хранить в тайне и никому, кроме лучших старшин, не объявлять[369]. К этому походу призваны были также казаки малороссийские, терские и гребенские. Но как ни скрытно происходили эти приготовления, азовцы чрез враждебного Москве калмыцкого Аюку-тайшу проведали о намерениях царя и приготовились к защите.

Казаки встретили русские войска на своей земле с недоумением и тревогой. Недавнее брожение среди них еще не улеглось. Подчинение московскому военноначальнику, да еще иностранцу, вызвало среди них брожение. Историки Петра I говорят,

---

[368] Дела Дон. Грамота на Дон 1692 г. февраля.

Отписка в. Дон., привезенная в Москву атам. Лук. Максимовым 1692 г. в декабре.

Распросныя речи атамана Вас. Горбунова 5 авг. 1694 г.

Распросныя речи атамана Тим. Федорова 2 окт. 1694 г.

Отписка в. Дон., привезенная в Москву в декабре 1695 г.

[369] Грамота на Дон 16 марта 1695 г.

что казаки подумывали даже об измене[370]. В первых числах июня 1695 г. (по другим данным — июля) русские войска достигли г. Черкаска, а 8 числа прибыл и сам царь и приказал двинуть все силы под Азов.

Нужно заметить, что эта русская армия состояла большей частью из войск новых, устроенных по иностранному образцу, с командирами иностранцами, а также из прежних потешных Преображенского и Семеновского полков. Царь был среди этих последних в звании «бомбардира» Преображенского полка, под именем Петра Алексеева. Весь отряд, по оригинальнейшему распоряжению, находился под командой «консилии» трех лиц: Головина, Лефорта и Гордона; их приказания утверждал сам царь. Соперничество и разногласие между этими начальниками, слабая дисциплина и ропот отдельных частей на командиров иностранцев, неопытность царя в военных вопросах, к тому же не обладавшего никаким военным талантом, а также недостаток в лошадях и съестных припасах не могли сулить благоприятный исход этой компании. Опытней других был Гордон, но на царя больше имел влияния профан в военном деле Лефорт. Инженерными работами руководил Франц Тиммерман; его помощниками были: Адам Вейде, Яков Брюс и швейцарец Морло, люди неспособные и не знавшие своего дела. Ошибки их при взрыве подкопов вредили больше русским, чем туркам. Осада безуспешно тянулась до конца сентября. Царь скоро убедился, что без флота город, имевший свободное сообщение с морем, взять невозможно. Другие причины безуспешности этой осады были следующие: устранение от активных действий донских казаков, знавших лучше иностранцев осадное дело и военные приемы турок, неприязненное отношение казаков к походу, предпринятому без их ведома и согласия, а также пренебрежение царя к их легкому, но страшному для врагов, летучему флоту, тому флоту, при помощи которого они громили в течение веков крымские и турецкие берега и топили большие, построенные иностранцами многопушечные военные турецкие корабли в Черном и Азовском морях, и, наконец, измена гвардии капитана Якова Янсена, бывшего простого голландского матроса, пользовавшегося особым доверием царя, в самый критический момент осады неожиданно передавшегося туркам и сообщившего им самые сокровеннейшие сведения о положении русской

[370] История Петра Великого. Проф. А.Г. Брикнер. Т. I, стр. 148. СПб., изд. 1902 г.

армии. Неустанные работы царя, собственноручно начинявшего бомбы и гранаты, мало помогли делу. Когда отдельные части не доверяют своим начальникам, а между высшим командным составом существует рознь, — война проиграна. Гордон про одно военное совещание в присутствии царя писал, что «по обычаю ничего дельного не решено. Все идет так медленно и неудачно, точно нам оно совершенно не важно». В конце сентября один полк из отряда Гордона был почти уничтожен татарами, а полковник взят в плен; много людей потонуло при внезапном разливе моря, от западного ветра; хлеба недоставало, даже не было соли; иностранцы командиры боялись показаться пред войсками; турки стали делать смелые и удачные вылазки. Все это заставило русских снять осаду. Вся тяжелая артиллерия и порох оставлены были в Черкаске, а войска двинуты обратно в Россию. Флот отведен в Паншинский город. На возвратном пути русская армия почти вся погибла от голода и болезней. На пространстве 800 верст, говорит австрийский агент Плейер, валялись трупы людей и лошадей, растерзанные волками. Смертность была так велика, что все деревни, лежавшие на пути, были переполнены больными, заражавшими местных жителей[371]. Под Азовом пало около 2 тысяч человек. Однако русские в этом походе имели некоторый успех. Донские казаки, которым была обещана денежная награда, взяли при помощи своего казацкого «розмысла» (подкопов) две каланчи (укрепления, башни, хорошо оборудованные артиллерией), построенные турками по обоим берегам Дона выше Азова. В этих каланчах и в новопостроенной крепости Сергиевской, против Азова, царь оставил 3 тыс. гарнизон под командой воеводы Акима Ржевского. На казаков же была возложена обязанность оказывать этому гарнизону помощь в случае нападений неприятеля. Словом, вся тяжесть от мщения сильного и раздраженного врага легла на казаков. Осень и зима прошли в постоянных стычках донцов с азовцами, которых Порта старалась усилить[372].

Петр с торжеством въехал в Москву. Взятию каланчей, получивших название «Новогеоргиевска», и постройке нового укрепления против Азова старались придать признак победы. Однако народ скоро почувствовал всю свалившуюся на него тяжесть и губительность похода, и ненависть его к иностранцам,

---

[371] Там же, стр. 150—152. Устрялов. Т. II, стр. 582.
Дополнение к деяниям Петра Великого, т. IV, стр. 132 и след.

[372] Акты Лишина, № 114, т. I. Грамота на Дон 4 февр. 1696 г.

всему чуждому и иноземному пала в достаточной мере и на царя. Тут все вспоминали предсказания умершего патриарха, что участие в подобном походе «еретиков» исключает возможность успеха. Но не таков был Петр. Вслед за ударом он проявлял неутомимую деятельность и, несмотря на позор и поражение, ревностно настаивал на выполнении первоначального плана. Неудачи его окрыляли. Он решил удвоить проигранную ставку в высокой игре, в еще большей степени воспользоваться помощью иностранцев и поддержать действие сухопутных войск военным флотом. Он стал готовиться ко второму походу под Азов и с этой целью просил польского короля выступить против турок, а австрийского императора Леопольда и бранденбургского курфюрста Фридриха прислать ему опытных инженеров и минеров. Даже с Венецианской республикой завел сношение о присылке к нему на службу корабельщиков.

Из Архангельска в Воронеж были переведены все бывшие там голландские и английские корабельные мастера и согнаны плотники из соседних губерний. Всю зиму работало до 26 тыс. человек. Все интересы были отодвинуты на второй план. Жажда победы над турками обуяла царя. Его непреклонная воля усиливала деятельность мастеров. К весне 1696 г. флот был готов. Адмиралом нового флота был назначен Лефорт, а командование сухопутной армией вручено боярину Шеину.

По общему плану Шереметьев вместе с гетманом Мазепой должны были действовать в устьях Днепра, а главные силы идти под Азов. Как Лефорт к должности адмирала, так и Шеин — главнокомандующего были очень мало подготовлены, а потому их роль в этой кампании была незначительна.

Дон выставил под Азов 5120 челов. Остальные полки были выдвинуты против враждебных калмыков, ногаев, черкесов и Крыма. Пока русская армия и флот были на пути к Черкаску, донские казаки в числе 250 челов. с атаманом Леонтием Поздеевым сделали поиск в Азовское море, схватились с двумя большими турецкими военными кораблями и потопили их вместе с людьми и грузом, не потеряв в этой геройской схватке ни одного человека[373].

---

[373] Доп. к деян. Петра Великого, т. IV, стр. 157.

Казаки в этой схватке действовали по своей инициативе. Несмотря на страшную пушечную пальбу с кораблей, казаки ухитрились сцепиться с ними, прорубить им бока и потопить, без потерь в людях. Сравнить: русские военные люди в первом походе под Азов тонули на берегу моря, а казаки в битве в открытом море остались без потерь.

Гордон с передовым отрядом пришел к месту назначения первым. 9 мая прибыл в Черкаск и сам царь. Петра встретил войсковой атаман Фрол Минаев с старшинами и казаками. Потом стали подходить другие части войск с Лефортом и другими. Атаман Поздеев донес царю, что по его разведкам в Азовском море показался турецкий флот, состоящий из 15 хорошо вооруженных кораблей, 13 больших галер и 13 полугалер с вспомогательными для Азова войсками и разными снарядами. Петр приказал не допустить эти суда к Азову и с этой целью двинул к Каланчам два своих военных корабля, 23 галеры, 2 галиота и 4 брандера. Оттуда царь хотел проплыть с 16 галерами Кутерминским гирлом в море, но по случаю убыли воды от северовосточного ветра пройти не мог. Гордон говорит, что Петр возвратился из этой рекогносцировки грустным и удрученным; что он видел сильный турецкий флот, но не счел благоразумным напасть на него и повернул обратно. И действительно, как мог схватиться на море русский наскоро сколоченный из сырого дерева флот, при неопытном экипаже, с военными турецкими кораблями, построенными лучшими венецианскими мастерами и вооруженными хорошей артиллерией западных образцов, с испытанным в боях экипажем, состоявшим из страшных янычар. Есть от чего быть грустным и удрученным. Но на что не годился русский неуклюжий флот, говорит историк деяний Петра I, на то решились «пираты» этой местности — донские казаки. Они на 100 летучих своих стругах притаились в камышах за островом Канаярским и подстерегли приблизившегося врага, имевшего направление к Азову. Битва была страшная и ужасная. Казаки, как степные орлы, налетели на турецкий флот со всех сторон, потопили и сожгли много судов, схватываясь с ними на абордаж, остальные рассеяли и обратили в бегство. Эта битва стоила туркам очень дорого: кроме сгоревших и утонувших, они потеряли до 2 тыс. убитыми. Казаки взяли в плен 270 человек и одного агу. Из судов в бою взято 10 полугалер, а 10 больших судов, загнанные на мель, сдались. На захваченных судах найдено 50 тыс. червонцев, сукна на 4 тыс. человек, множество военного снаряжения, 70 медных пушек, 3000 бомб, 4 тыс. гранат, 80 бочек пороха, большое количество свинцу, сабель и другого оружия. Эта первая победа, победа не русского флота, а донских казаков, была торжественно отпразднована. Деньги, сукно и разную мелкую добычу царь пожало-

вал храбрым своим сподвижникам — казакам, а снаряды и оружие велел обратить в казну[374].

19 мая главная русская армия подошла к Черкаску. Боярина Шеина встретил наказный атаман Илья Зерщиков, т. к. сам войсковой атаман Минаев с донскими казаками был уже под Азовом. Русские войска двинулись туда же. На помощь им пришли запорожские и малороссийские казаки с наказным гетманом Яковом Лизогубом и часть калмыков, признававших власть Москвы.

28 мая авангард русских войск с генерал-майором Регимоном и донские казаки с походным атаманом Савиным расположились лагерем близ Азова. Вылазки азовцев были казаками отбиты. Шедшие на помощь Азову кубанские и крымские татары были ими же рассеяны. Русские суда с адмиралом Лефортом стали позади Азова и загородили путь турецкому флоту, состоявшему из 40 фрегатов и множества галер. Донская флотилия заняла устье Дона. Флот прикрывали расставленные по берегам реки войска. Чрез Дон была перетянута железная цепь. Таким образом, Азов подвергся полной блокаде. Бомбардировка началась 16 июня и продолжалась беспрерывно до 25. Сам царь редко присутствовал при этой работе, а больше находился на своей галере «Приципиум». 25 июня из Вены прибыли иностранные инженеры. Работы пошли решительней. 17 июля регулярные войска с 3-х сторон сделали демонстративное нападение на Азов, между тем как с четвертой донские казаки с войсковым атаманом и малороссийские с Лизогубом пошли на решительный приступ и овладели двумя бастионами и четырьмя пушками. Отчаянные нападения турок не могли их оттуда вытеснить. Казаки держались твердо. Русские войска не могли дать им помощи, т. к. 18 числа на их лагерь сделали нападение татары. 19 числа царь велел готовиться к решительному штурму, но азовский гарнизон, состоявший из 3700 челов. и 5900 жителей обоего пола, отчаявшись получить откуда-либо помощь, решил сдаться, на условии, чтобы ему и всем жителям дан был свободный выход из крепости. Условия были приняты. Гарнизон и жители на 18 стру-

---

[374] Там же. Стр. 157—159. Желябужский. Записки 66. Азовская История, стр. 16 и след.

Устрялов категорически заявляет (I, 384), что сам Петр I не принимал участия в этом нападении, как полагают некоторые историки, желая возвеличить этим царя. Все это сделали одни донские казаки, без помощи тамбовских и пензенских моряков из экипажа русского флота.

гах были отведены до р. Кагальника. 20 июля на тех же условиях сдалась небольшая турецкая крепость Лютик, стоявшая на Мертвом Донце, против Азова, с гарнизоном в 200 челов. Казаки поснимали с турок их платье, одели в серые свитки и отпустили, дав им в сумки столько хлеба, «чтобы степь перейти». В Азове русские взяли 96 медных пушек, 4 мортиры и большое количество военных снарядов.

Таким образом, со взятием Азова доступ к морю на юге России сделался открытым. Эта была старая мечта донских казаков, неоднократно владевших этим городом и потом отдававших его обратно туркам по повелению московских царей, не желавших войны с этим сильным врагом.

Петр сделал рекогносцировку морского берега и положил основание порта и крепости Троицкой на Таганроге. После этого, оставив в Азове сильный гарнизон с кн. Львовым, он с торжеством возвратился в Москву. Вся тяжесть по защите этой крепости вновь легла на казаков. Все следующие годы прошли в жарких битвах донцов с турками и татарами как на море, так и на суше[375].

Из приведенных исторических данных видно, какую огромную услугу оказали донские казаки русской армии при взятии Азова. Без их помощи и этот последний поход царя едва ли б увенчался успехом. Но несмотря на это, Петр ненавидел казачество и отрицательно относился к его самобытности, к его заслугам пред Россией в течение минувших веков. Стремление к самовластию царя не могло мириться с республиканским духом казачества. Казаки за свои подвиги не получили от Москвы ничего, кроме строгих требований «чинить промыслы под ногайские улусы, под Темрюк и оказывать всеми силами помощь Азову, Сергиеву, Каланчам и Лютику»[376]. А между тем бездарные иностранцы, бывшие конюхи и матросы, которых царь величал своими друзьями и сподвижниками, пользовались его полным доверием, получили за взятие Азова высшие награды и сделались первыми участниками его триумфального въезда в Москву 30 сентября 1696 г. В длинном поезде выступали иностранцы-военноначальники, про которых под Азовом мало было слышно, на богато украшенных, в древнегреческо-римском вкусе, лошадях или экипажах. Адмирал Лефорт ехал в царских

[375] Поход боярина Шеина к Азову. Стр. 88. Брикнер. Т. I, стр. 156—159. Допол. к деян. Петра Великого. Т. IV, стр. 178.

[376] Грамота на Дон 10 янв. 1697 г. Акты Лишина, т. I, № 115.

санях, запряженных шестериком, и т.д. Мало того, в бытность в Черкаске в 1695 г., царь отобрал у донских казаков грамоту Грозного царя о признании Дона самостоятельным государством, пожалованную донцам за подвиги при взятии Казани в 1552 г. Царь ласкал и награждал одного Фрола Минаева и близких ему старшин за рабскую преданность к нему. Словом, атаманы Корнила Яковлев и Фрол Минаев продали Дон Москве, продали все старые казачьи вольности. Донским войском стала управлять кучка преданных Москве старшин во главе с войсковым атаманом. Их поддерживали 11 черкасских станиц и низовые городки, а также постоянно пребывавший в Черкаске гарнизон от 2 до 5 тыс. человек. Стала проявляться централизация власти, пребывавшей в Черкаске и называвшей себя «Главным Войском». Выдача царского жалованья стала производиться по заслугам казаков, отчего иные получали больше, другие меньше. Понятно, ближе стоявшие к этой власти и проявившие больше усердия, в смысле преданности, оценивались выше других, удаленных, живших в городках, выше по Дону лежащих. Поэтому верховцы всегда считались неблагонадежными, «смутьянами», *ворами*. Они жили своей самостоятельной жизнью и на централизацию власти в Черкаске, часто сообщавшейся с Москвой, смотрели подозрительно. На походы Петра, а в особенности на приказы его подчиняться командирам иностранцам они отвечали скрытым ропотом, казачьим ропотом, после которого казак берется за саблю. Ропот этот еще усиливало сознание, что тысячи их братьев «по милости» Москвы скитались по Куме и Кубани, старые донские казаки, преданные казачьей идее, ставшие за вольные казачьи права и за свою старую казачью веру, в которой они родились, крестились и возросли. Пусть они во взглядах на веру были не правы, пусть по неопытности заблуждались, но ведь вводить новые порядки в грозную, сложившуюся в течение веков и при том консервативную казачью общину, как говорится «с плеча», навязывать откуда-то со стороны, из Москвы, новое верование, приказывать молиться за неведомого им патриарха и московского царя, явление на Дону до того времени небывалое, приемы недальновидные, неумелые, чисто «московские». Казаки, всегда не любившие московские порядки, ханжество и лицемерие бояр, из казачьей гордости не схотели подчиниться приказам Москвы, и одни из них с болью в сердце ушли на Куму, а другие заняли выжидательное положение.

Глава VI
Булавинский бунт

Гордые османлисы страшно были обескуражены взятием русскими Азова. Уже в следующем 1697 г. в феврале месяце большая армия их вместе с крымцами, ногайцами и горскими народами стала формироваться на Таманском полуострове для нападения на Дон. Казаки дали знать о том в Москву. Атаман Фрол Минаев, ехавший с станицей «за царскими подарками», должен был из Воронежа возвратиться назад. В мае значительный турецкий флот показался в Азовском море, но был в морском бою частью потоплен, частью разметан казаками. В июле турецкая армия подошла к Азову, но благодаря подоспевшему русскому отряду с боярином Шеиным, казаками, после 11-часовой битвы была поражена и рассеяна по степи. Азов и другие крепости были спасены[377]. С этого времени казаки разъездами под Крым и на Кубань постоянно тревожили неприятелей и преграждали им все пути к набегам на русские границы. Не раз они делали морские поиски под Темрюк, Казылташ и крымские берега. Так продолжалось до 1700 г., когда 3 июня Россией был заключен с Турцией 30-летний мир. Начиналась великая северная война России с Швецией. Казакам было предписано на всякие обиды от набегов татар не отвечать набегами, а приносить жалобу азовскому коменданту, который обязан был ходатайствовать у ачуевского паши о возвращении награбленного. Этот приказ поставил казаков в недоумение. Не иметь права мстить за частые набеги и грабежи татар на южные их границы от Цимлянской и Камышинской станиц до Пятиизбянской и Паншинского городка, где стоял русский флот, бывший под Азовом, — это было сверх сил гордых донцов[378]. Кроме того, грамотой от 22 июля 1700 г., адресованной «на Дон, в нижние и верхние юрты атаманом и казаком, войсковому атаману Илье Григорьеву и всему Войску Донскому», царь приказывал свести тем же летом верховых казаков, живших по Хопру, Медведице

[377] Доп. к деян. Петра Великого. Т. IV, стр. 359 и 360.

[378] Удивительно, почему Петр I не оставил свой флот в распоряжение казаков для защиты Азова, а повелел отвести его в Паншинский городок под защиту царицынского гарнизона. Потому ли, что этот флот для казаков был не пригоден или он им не доверял. Но лес, железо и снасти казакам бы пригодились.

и по другим рекам, «и поселить их по двум азовским дорогам, одних до Валуйки, а других от Рыбного к Азову, по урочищам и речкам: Кундрючке, Лихой, Северному Донцу, Каменке, Белой и Черной Калитвам, Березовой, Тихой и Грязной»[379]. Этот приказ поставил Главное Войско в тупик. Разоренные в 1688 г., по приказанию царей, казачьи городки по Медведице вновь были густо заселены выходцами из низовых станиц, противниками сближения с Москвой[380]. Также много возникло городков по Хопру, Бузулуку и другим соседним речкам. Насильственное переселение части казачества, хотя бы по приказанию царя, могло вызвать в свободолюбивых верховцах открытое возмущение. Царь в грамоте от 22 июля даже угрожал Войску:

«А буде вы, атаманы и казаки, нынешнего лета с Хопра и с Медведицы казаков на вышеописанные две дороги в назначенные урочища не сведете и не поселите, то по нашему, великого государя, указу те хоперские и медведицкие казаки поселены будут в иных местах».

Войску пришлось подчиниться, и часть верховых казаков была сведена на указанные царем речки. Но царь не удовольствовался этим и в 1703 г. послал на Дон стольников Кологривова и Пушкина с целью приведения в гласность всех казачьих городков, поселенных по рр. Хопру, Бузулуку, Медведице, Донцу с его притоками и Дону, до Паншинского, и для высылки из тех городков в прежние места всех людей, с женами и детьми, которые зашли туда после 1695 г., с наказанием каждого из них, «до одного человека», батогами и отосланием десятого из этих «новоприходов» в Азов на каторгу; сюда же были включены и те, которые зашли на Дон хотя и до 1695 г., но не участвовали в походах под Азов. Из тех же казачьих городков, которые заселены по азовским дорогам с 1701 г., выслать всех новопришлых, зашедших туда после этого года. Стольникам приказано отбирать от атаманов и казаков подписки впредь не принимать беглых людей под страхом смерти[381].

Дон глухо волновался. Это бесцеремонное обращение с донским казачеством, недальновидность и самонадеянность царя

---

[379] Акты Лишина, т. I, № 123.

[380] Грамота царей Ивана и Петра на Дон 14 авг. 1688 г. о разорении казачьих старообрядческих городков по Медведице. Грамоты И. Прянишникова, стр. 123—127.

[381] Грамота на Дон 11 июня 1703 г. Акты Лишина, т. I, № 140.

заставили задуматься и преданных ему старшин. Стольники переусердствовали и стали переписывать и высылать в Россию не только старожилов, но даже родившихся на Дону. Спешно снаряжена была в Москву станица с атаманом Абросимом Савельевым, которому поручено было объяснить боярам, что многие русские люди живут на Дону издавна, что они казакам в их домашнем быту необходимы и если они не участвовали в Азовских походах, то только потому, что оставались в городках для их защиты. Также поручено было разузнать, на что царь гневается на казаков.

Петр I сам скоро увидел, что зашел слишком далеко, что обострять отношения с донским казачеством не время, т. к. казаки ему в затянувшейся войне с Швецией очень нужны, а потому, обласкав станицу и ее атамана Савельева, дал на Дон грамоту с уверением, что никакого гнева его на казаков нет, что верховые городки должны остаться на прежних местах и что перепись людей и городков повелено было произвести только для сведения, сколько их находится на Дону, давно ли они там поселены и нет ли в них пришлых людей[382].

Эта царская грамота не удовлетворила донцов, т. к. одновременно с вышеприведенными, явились многие другие обстоятельства, оттолкнувшие большинство казачества от Москвы. Обстоятельства эти следующие. В 1698 г. по царскому повелению были командированы два полка казаков в распоряжение кн. Долгорукова для охраны крепостей, отнятых у турок со стороны Днепра. Вся тяжесть последовавших битв с турками и крымцами легла на казаков. Привыкшие подчиняться своим выборным походным атаманам «и думать заодно с ними свою казачью думу», полки эти были страшно недовольны бесцеремонным с ними обращением спесивого московского боярина и роптали. Такие же невзгоды казаки терпели и в шведскую войну и разделяли весь позор первых поражений русской армии, благодаря иноземному командованию (под Нарвой и др.).

Кроме того, в своем житейском обиходе казаки стали терпеть разные притеснения от азовского гарнизона, забравшего в свои руки все рыбные ловли в низовьях Дона, в море и по запольным речкам. Появлявшихся там казаков забирали и связанными препровождали в Азов вместе с рыболовной «посудой»

---

[382] Грамота на Дон 1704 г. марта 15. Там же, № 149.

[383] Грамотой от 22 июля 1700 г. казакам было повелено все свои отписки присылать в Посольский приказ и подавать боярину Головину «с товарищи».

для «допроса и розыска». Также на «верхнем изголовьи» Мертвого Донца азовцами была поставлена застава, через которую казакам воспрещено было провозить в крепость Люток хлебные и другие запасы находившимся там их одностаничникам. Мало того, рыбные тони в гирлах Дона захватили самовольно переселившиеся туда из разных монастырей чернецы. Жалобам казаков в Посольский приказ на эти стеснения не было конца[383]. Споры эти разрешены были царской грамотой, данной 26 февраля 1708 г. Казакам «дозволялось» ловить рыбу в р. Дону и по запольным речкам «про свой обиход» по-прежнему, «оприч тех вод, которыя отведены на прокормление азовским жителям и зимовым солдатам, а именно: что вверх по Дону до устья Мертваго Донца на 10 верст, да вниз от г. Азова до взморья на 4 вер. и на 150 саж., и в те воды и в рыбныя ловли вам, атаманом и казаком, отнюдь не велеть вступаца и рыбы в них не ловить»... Словом, лучшие и богатые рыбные тони были отобраны у казаков. Казаки призадумались. «Того ли мы заслужили у московского царя?» -- говорили они и спешно снарядили в Москву легкую станицу. 2 мая 1703 г. последовала новая царская грамота: «и мы, великий государь, наше царское величество, вас, атаманов и казаков, и все Войско Донское, *пожаловали*, велели вам в реке Дону и по иным рекам рыбу ловить вопче по прежнему... сопча с азовскими жителями, нераздельно, безпорубежно». Возникли новые споры и недоразумения, продолжавшиеся весь XVIII век[384]. Пожаловав войско Донское такой великой милостью, как свободной ловлей рыбы в р. Дону, царь в то же время приказал казакам всю сушеную рыбу, какая найдется на Дону, отписать на него и никому не продавать под страхом смертной казни[385]. Царь также *пожаловал* Войско Донское новою милостью, дозволив ему «для городовых и обрубных и мостовых в Черкаском и в иных городах починок и для хоромнаго строения и про домашний обиход, не на продажу», рубить всякий лес и возить по р. Дону от Донецкого городка (ныне Бугучарского уезда) без всякого запрещения[386].

Вмешиваясь в донские дела и отнимая у казаков их исконное право по самоуправлению, царь слишком много доверял своим приближенным, а потому спешно издавал одну грамоту за другой, указ за указом, часто противоречащие один другому,

[384] Акты Лишина, т. I, №№ 129, 130, 132, 135 и 136.
[385] Там же, № 145. Грамота 23 окт. 1703 г.
[386] Там же, № 149. Грамота 13 марта 1704 г.

иногда вопреки желаниям Войска. Так, например: после азовских походов, видя покорность Аюки-тайши, много раз до того изменявшего России, царь разрешил с подвластным ему калмыцким народом кочевать по войсковым землям по рр. Хопру, Медведице до Манычи. Это страшно стесняло казаков и вызывало постоянные столкновения с этим полудиким народом, промышлявшим воровством и грабежами. Далее: грамотой 26 февраля 1703 г. царь разрешил казакам, построившим городки по р. Бугучару, оставаться там на жительстве и «на иныя места не сходить». Но чрез год Бугучарский казачий город, без ведома Войска, майором Шанкеевым, присланным из Адмиралтейского приказа для сыску беглых, был уничтожен и все жители его высланы в Россию. Мало того, царь пошел дальше: в 1705 году он издал приказ уничтожить все казачьи городки, построенные казаками по правой (крымской) стороне Донца без его указов и после 1695 г., и жителей всех перевесть на левую сторону, а новопришлых выслать на прежние места[387].

Казаки медлили выполнением этого приказа. Для понуждения их к этому в июле 1706 года на Дон был командирован стольник Шеншин, которому, между прочим, в наказе было повелено обходиться с войсковым атаманом, старшинами и казаками вежливо, *не вымогать* от них *взяток* и не требовать излишнего корму и подвод[388].

Издавая такие оскорбительные для Войска распоряжения, правда, исходившие из Посольского и Адмиралтейского приказов, где заседали, как и прежде, те же кичливые и недальновидные бояре, царь (вернее — бояре) в то же время просил казаков служить ему «с великим радением», следить за движением и намерениями турок и татар, оберегать построенные в устьях Дона крепости, ладить с калмыками, посылал им усиленное жалованье деньгами, сукнами, хлебом, порохом и свинцом, в 1704 г. пожаловал новую серебряную печать, новую деревянную насеку, «у которой по обеим концам как сверху, так и с исподу, оправлено серебром», с надписью «насека Войска Донского 1704 г.»[389]. Наконец, весной 1706 года за деятельное участие в прекращении в 1705 г. астраханского стрелецкого бунта, отголоска московского, обошедшегося почти без крово-

[387] Там же, № 159. Грамота на Дон 14 мая 1705 г.

[388] Грамота на Дон 7 июля 1706 г.

[389] Грамота на Дон 21 сентября 1704 г. Грамоты И. Прянишникова, стр. 128.

пролития, где с знанием дела и умелым увещанием действовали донской походный атаман Максим Фролов и старшины Вас. Поздеев и Степ. Савельев, Войску Донскому повелено было выдать сверх обыкновенного годового жалованья единовременно 20 тыс. руб., а оставшимся в Царицыне старшинам и казакам деньгами и соболями на 1865 р. В вечную же и «не смертельную» память и назидание позднейшему потомству царь прислал Войску жалованную грамоту и клейноды: войсковым атаманам, в виде «воинского начальства» серебряный пернач, вызолоченный и украшенный дорогими камнями, «бунчук с яблоком и с доскою и с трубкою серебряною, золочен» и большое войсковое знамя, писанное золотом на камке; кроме того, щесть станичных знамен, писанных золотом и серебром. Также присланы на Дон с атаманом зимовой станицы Ефремом Петровым (предок рода Ефремовых) колокола и церковные книги[390].

Эта жалованная царская грамота и по форме и по содержанию отличается от всех предшествовавших. Она начинается: «Божиею поспешествующею милостию Мы, Пресветлейший, Державнейший Великий Государь Царь и Великий Князь Петр Алексеевич всеа Великия и Малыя и Белыя России Самодержец, Московский, Киевский (перечисляются все удельные княжества и завоеванные царства), пожаловали донских атаманов и казаков, войскового атамана Лукьяна Максимова и все войско Донское, велели: за многия их и верныя службы, а особливо, которую учинили в прошлом 1705 г. в возмущение астраханское, и на вечную им и детям их и сродникам их славу, дать сию Нашу Вел. Госуд., Нашего Царскаго Вел-ва, милостивую жалованную грамоту за Нашею Царскаго Величества собственною рукою и за государственною печатью»[391].

---

[390] Грамота на пергаменте на Дон 21 февраля 1706 г. Грамоты Прянишникова, стр. 133—140. Акты Лишина, т. I, № 162.

Новая печать, пожалованная «за верную вашу к нам, Велик. Госуд., показанную службу», была с изображением казака, сидящего верхом на бочке (с порохом), в правой руке держащего ружье, а в левой кальян. Впоследствии казаки стали толковать, что казак, сидящий на бочке, голый, сидит на бочке с вином и в левой руке держит не кальян, а чарку. Казаки это неожиданное пожалование приняли за насмешку и прикладывали эту печать только в отписках в «приказы», на войсковых же грамотах весь XVIII в. прикладывали свою старую печать с оленем, пронзенным стрелой.

[391] Все прежние царские грамоты есть не что иное, как указы из Посольского приказа за подписью дьяка.

С 1700 г. царь приказал все отписки казаков подавать в том же приказе боярину Головину с товарищами.

Перечисляя подвиги казаков и службы ему и прежним царям, Петр I не преминул указать заслуги Войска в подавлении старообрядческого мятежа, за выдачу зачинщиков Москве, за приведение к крестному целованию заблудившихся и за смертные казни упорствующих, не подозревая, что старообрядческий мятеж имел не религиозную, а политическую подкладку и что большая часть верхового казачества выжидало только удобного случая тряхнуть Москвой. Случай этот скоро представился.

Царская грамота и жалованные клейноды были приняты центральным войсковым правительством (атаманом и старшинами) с великим торжеством. Верховцы же хранили подозрительное молчание. На Донце было неспокойно. Казаки медлили выполнением приказа о снесении правобережных городков и настаивали на оставлении Нового Айдара, Беленского, Закотного, Кабанья и др. На Бахнуте с 1701 г. шли стычки донских казаков с Изюмским слободским полком за соляные варницы, издавна принадлежавшие донцам. Дело не раз доходило до кровавых столкновений. Полковник Изюмского полка Шидловский в 1704 году самовольно разорил один казачий город и все соляные варницы, разломал часовню и забрал всю церковную утварь, а потом наложил на бахмутских казаков за соль пошлины. Возникли обоюдные жалобы. Атаман Бахмутского городка Кондратий Афанасьевич Булавин, человек твердого характера, поборник старого казачьего права, несмотря на предписание из Посольского приказа об отобрании всех варниц в казну, в октябре 1705 г. с партией казаков разорил все строения и заводы и разогнал всех жителей, занимавшихся выварской соли близ р. Бахмута, забрав всю казенную и частных лиц соль. Наказный полковник Изюмского полка Шуст вооружил всех подчиненных ему слободских казаков и обложил Бахмутский городок, но, узнав, что за Булавина стали все соседние городки, поспешил уйти. Но Булавин не оставил этот поступок без отмщения; он перешел р. Бахмут и уничтожил все бывшие там варницы, забрал соль и продал ее на месте. Завладев, таким образом, всеми соляными источниками, Булавин стал с своими казаками выварить соль, не допуская к тому никого. По жалобе Шуста из Адмиралтейского приказа для обуздания донских казаков был послан дьяк Горчаков с отрядом солдат, но за казачье право на выварку соли вступился Войсковой Круг, и Горчаков должен был возвратиться в Воронеж без выполнения

возложенных на него поручений[392]. Изюмцы во главе с Шидловским не унимались и в феврале 1706 г. забрали в свои руки селитреные заводы, бывшие во владении Ахтырского полка и находившиеся частью на донских войсковых землях. Донцы не уступали. Для обуздания их и для приведения в исполнение приказа о снесении городков, построенных по левой стороне Донца, и сыску беглых по царскому повелению на Дон в 1707 г. был послан с драгунским полком князь Юрий Долгорукий.

Царь, занятый войной, имел превратные сведения о положении дел на Дону. В его армию донские казаки выставили 26 полков (около 15 тыс.), частью на север, на шведскую границу, частью с походным атаманом Максимом Кумшацким в Польшу и на юг России. Долгорукому, этому зазнавшемуся царскому вельможе, предоставлялся полный простор действовать по своему усмотрению, усмотрение царских воевод в истории России и Дона известно. Князь в короткое время разорил и сжег многие казачьи городки, пытал, бил казаков кнутом, резал им носы и губы, надругался над их женами и дочерьми, заковал в цепи, только в 8 казачьих юртах, до 3 тыс. беглых, скрывавшихся на Дону от тяжких казенных работ и в особенности малороссийских черкасов, бывших раньше свободными, в том числе многих старожилов, принятых в казаки и ходивших с ними во многие походы, и отправил их в Россию. При сыске беглых деятельное участие принимал старшина Ефрем Петров, посланный в помощь Долгорукому войсковым атаманом и старшинами, преданными Москве[393].

Весть о таких действиях князя быстро облетела весь Дон и отозвалась в донских полках, бывших в русской армии. Вздрогнул Дон. Чаша терпения в свободолюбивом казачестве переполнилась. «То ли мы заслужили у царя-батюшки», грустно кивали седыми головами закаленные в боях старики. Молодые точили дедовские шашки и лили пули. Хопер и Медведица от гнева дрожали. Булавин бросился туда; там он встретился с атаманом Есауловской станицы Игнатием Некрасовым. На общем

---

[392] Грамоты на Дон 28 февр. и 11 авг. 1706 г. и отписка дон. казаков в Посольский приказ в сентябре того же года.

[393] Дополн. к деяниям Петра I. Том VII, стр. 427.

Отписка Булавина и войска Донского к войску Запорожскому 17 мая 1708 г.

Грамота Булавина кубанским казакам 27 мая 1708 г. Истор. Петра Велик. Проф. А.Г. Брикнер. Т. I, гл. XV, стр. 345 и 346.

совещании с верховцами они порешили восстать всем за свободу и честь казачью и убить Долгорукова. Решение быстро приведено было в исполнение 9 окт. 1707 г. Долгорукий с полком, около тысячи челов., погиб на р. Айдаре, притоке С. Донца, в Шульгинском городке. Булавин сделал следующее по Дону воззвание: «Всем старшинам и казакам за дом Пресвятыя Богородицы, за истинную христианскую веру и за все великое войско Донское, также сыну за отца, брату за брата и другу за друга стать и умереть за одно. Зло на нас умышляют, жгут и казнят напрасно, вводят в еллинскую (новую) веру и от истинной отвращают. А вы ведаете, как наши деды и отцы на сем Поле жили и как оное тогда крепко держалось; ныне же наши супостаты старое наше Поле все перевели и ни во что вменили, и так, чтобы нам его вовсе не потерять, должно защищать единодушно и в том бы вы все мне дали твердое слово и клятву». Далее Булавин в своем воззвании уверяет казаков, что запорожцы и белгородская татарская орда идут к ним на помощь и в заключение приказывает, во имя спасения Дона, что там, где это письмо будет прочтено, одной половине людей оставаться в куренях, а другой быть готовой выступить конно вооруженною в поход, куда укажет; вольница же должна вся без изъятия двинуться. Если же кто явится ослушником и противником, тот предан будет смертной казни[394].

Это воззвание подняло все верховое и донецкое казачество. Войсковой атаман Лукьян Максимов тщетно в своих грамотах старался уверить восставших в пагубности затеянного Булавиным дела, но ничто не помогло. У Булавина было уже до 20 тыс. преданных ему людей. Он намеревался уже идти на Москву. Брожение быстро пронеслось по всем городам тогдашней Южной России. Все знали, что боярам, приказным и сборщикам податей пощады не будет. В Тамбовском и Козловском уездах и близ Тулы мятежные шайки жгли деревни и принуждали жителей к восстанию.

Низовые казаки, прикормленники центральной власти на Дону, стали на сторону войскового атамана и, как хорошо вооруженные и лучше дисциплинированные, в нескольких схватках в октябре 1707 г. одержали верх над булавинцами, взяли в плен несколько человек и с старш. Ефремом Петровым отосла-

---

[394] Деяния Петра Вел. Т. II, стр. 436 и 437.
Истор. Петра Вел. Проф. А.Г. Брикнер. Т. I, гл. XV, стр. 343—346.

ли в Москву, где они и были казнены. Царь считал этот мятеж уже поконченным и зорко стал следить за движением шведской армии, быстро перешедшей в конце этого года Вислу и двинувшейся на Гродно. Петр едва успел убежать в Вильну. Но не таков был Булавин: оставив своих приверженцев формировать настоящую армию, он бросился в Запорожье. «Товарищество», выслушав его доводы, дало позволение всем желающим идти с ним.

На требование царя поймать Булавина и выдать его ему, гетман Мазепа, будучи и сам не уверен, на чьей стороне будет перевес, на стороне ли царя или Карла, под благовидным предлогом уклонился от этого и пропустил Булавина с 3 тыс. запорожских и многими малороссийскими казаками обратно на Дон. Это было весной 1708 г.[395]

Сподвижники Булавина — Некрасов, Семен Драный, атаман Старо-Айдарской станицы, Лука Хохлач и др. в его отсутствие сорганизовали значительную армию, в которой было немало и русских беглецов, и с этими силами двинулись с верховьев Дона и Медведицы к Черкаску. Главным предводителем был избран Булавин. На речках Голубой и Лисковатке, у Красной Дубровы, близ Голубинской станицы, 9 апреля произошел бой между верховыми и низовыми казаками, сторонниками Москвы и войскового атамана. Низовыми командовал сам Лукьян Максимов, имея в своем распоряжении всего около 5 тыс., в том числе азовский конный полк и несколько сот калмыков. Азовский губернатор Толстой снабдил его хорошей артиллерией. По неравенству сил, атаман был разбит наголову, оставив в добычу Булавина свой лагерь и все пушки. Булавин свободно двинулся к Черкаску. Ниже лежащие станицы присоединились к нему, исключая Донецкой (на Бугучаре), Казанской, Усть-Медведицкой, Правоторовской и Бурацкой. Станицы от Нижне-Курмоярской до Черкаска, колебались; потом многие из них под влиянием убеждений стать за старую свободу казачества, а также под насилием и угрозами должны были присоединиться к общему движению.

Словом, за Булавина встал почти весь Дон, до 99 станиц. Одна часть войск шла большим шляхом, по правой стороне

---

[395] Грамота Петра I гетм. Скоропадскому 26 мая 1709 г. Полн. собр. закон., т. IV, № 2233.

Отписка запорожцев царю 6 авг. 1708 г.

Акты Лишина, т. I, № 163. Грамота на Дон 26 дек. 1707 г.

Дона, другая плыла по реке на судах[396]. В конце апреля войска эти обложили Черкаск. Два дня продолжалась осада. Хорошо укрепленный и оборудованный артиллерией город взять приступом было рискованно. Булавин пошел на хитрость: жители станиц Рыковских, расположенных за чертой города и перешедших на сторону осаждающих, ночью подошли, по общему уговору, к воротам крепости и стали умолять спасти их будто бы от жестокостей Булавина. Им отворили ворота, а вместе с ними в город вошли и булавинцы. Гарнизон не защищался, т. к. станицы Тютеревская и Скородумовская немедленно собрали круг и на нем решили войскового атамана и старшин «побить до смерти». В круг приехал Булавин; начались допросы. 6 мая атаману Лукьяну Максимову отрубили голову, а старшину Ефрема Петрова повесили. Многие из старшин и домовитых казаков, в том числе сын бывшего любимца Петра I — Фрола Минаева, Василий Фролов, укрылись в Азове. В Черкаске собрался Войсковой Круг, многолюдный, еще небывалый на Дону, из представителей 110 станиц, считая 11 Черкасских, на котором Кондратий Булавин был провозглашен войсковым атаманом. Также избраны и другие старшины. О своем всенародном избрании Булавин от имени войска Донского послал 17 мая грамоту кошевому атаману Гордиенку и всему войску Запорожскому, с просьбой «жить вкупе и друг за друга постоять». 27 мая была отправлена грамота на Кубань жившим там казакам старообрядцам и на Терек с извещением о положении дел. Также была спешно послана отписка царю с оправданием происшедших событий и уверение в Азов, что со стороны войска ничего противного интересам России предпринято не будет.

Кубанцам, между прочим, Булавин писал, что если «на нас (русский) царь с гневом поступит *и не захочет соблюдать казачьих прав,* то он войском от него отложится и будет просить милости у турецкаго царя, чтобы турецкий царь от себя не откинул, т.к. царь в Московском царстве веру перевел»... Далее Булавин просил кубанцев снять с этой грамоты копию, а подлинную послать турецкому султану со особою припискою: «по сем писании войсковой атаман Кондратий Афанасьев и все войско Донское у тебя, турскаго салтана, милости прося, челом бьют. А нашему

---

[396] Акты Лишина, т. I, №№ 164 и 165. Отписка Толстого из Азова в апреле 1708 г. и грамота на Дон 28 апреля того же года.

Дорога, по которой Булавин шел к Черкаску, и теперь во многих станицах носит название «Булавинского шляха».

государю в мирном состоянии отнюдь не верь, потому, что он многия земли разорил за мирным состоянием и ныне разоряет, а также и на твое величество и на царство готовит корабли и каторги»...[397]

Вот до какого состояния был доведен Дон и его лучшие сыны самовластием Петра и политикой Москвы. Царь не только не хотел признать казачьих прав, но даже запретил говорить о них, а потому, не желая изучить и понять истинное положение дел, он 12 апреля написал князю Василию Долгорукому, брату убитого, о немедленном выступлении против бунтовщиков, чтобы «сей огонь за раз затушить», приказав: *«все казачьи городки по Донцу, Медведице, Хопру, Бузулуки и Иловле сжечь и разорить до основания, людей рубить и заводчиков сажать на кол и колесовать»*, напомнив при этом князю, что и против Разина сражался тот же Долгорукий и с успехом. Письмо царя заканчивалось словами, что *«сия сарынь, кроме жестокости, не может быть унята»*[398]. Боясь за крепости Азов и Троицкую, царь сам порывался стать во главе войск против Булавина, чтобы «истребить сей огонь и себя от таких оглядок вольными в сей (шведской) войне учинить», но присутствие его в армии становилось день ото дня необходимей, т. к. Карл приближался к Березине[399]. К счастью Петра события на Дону развернулись скорей, чем он ожидал. Один Дон не мог устоять против всей России. Союзники его, запорожцы, сами дрожавшие пред возрастающим могуществом царя, не могли дать существенной помощи. Границы Донской земли, как и теперь, были открыты и защищать их одними своими силами казаки не могли. Из действующей армии на Донец были двинуты: корпус Бахметева, бригада ген.-м. Шидловского, старого врага Булавина, слободской Острогожский казачий полк с полков. Тевяшовым, два баталиона Ахтырского и Сумского полков, два малороссийских полка Полтавский и Компанейский и др. С севера от Воронежа драгунский и новый пехотный с полк. Рихманом, также все московс-

---

[397] Брикнер. Т. 1, стр. 345. Русская Старина, 1870.

[398] Дополн. к Деяниям Петра Великого. Т. VIII, стр. 45—59. Грамоты на Дон апреля 20, 27, 28 и 3 мая 1708 г. Акты Лишина, т. I, № 165 и 168. Брикнер, т. I, стр. 346.

Такой приказ достоин страшного и кровожадного персидского безумца деспота Аги-Мухамет-хана (во 2-й пол. XVIII в.), но не христианского монарха, стремившегося быть европейцем.

[399] Брикнер, стр. 346. Письма Петра к Меншикову 10 и 11 мая 1708 г.

кие дворяне и царедворцы (стольники, стряпчие и др.), воронежские, рязанские и тамбовские помещики и вотчинники, словом, все, кому дороги были крепостное право и рабство. С востока предписано было выступить саратовскому и царицынскому гарнизонам и кочевавшим там по донским границам калмыкам с кн. Хованским. Из Киева в Азов и Таганрог спешно командированы были два драгунских полка и полк Смоленский; всего более 20 тыс. регулярных войск и ополченских дружин. Главное начальство над всеми этими силами было поручено, как сказано выше, кн. Вас. Долгорукому. Этот отдаленный потомок Рюриковичей, от всей своей «крепостнической» души ненавидевший свободолюбивый дух казачества, мстя за смерть убитого брата, в точности выполнил страшный царский наказ.

Для защиты донских границ Булавин, оставаясь в Черкаске в ожидании помощи от союзников, отрядил часть своих войск к стороне Волги с Некрасовым, к стороне Воронежа и верховьев Донца с Никитой Голым и Семеном Драным, а остальные под Азов с Казанкиным, Гунькиным и Хохлачем. В этом раздроблении сил была его ошибка. На протяжении более тысячи верст Дон не мог защитить свои пределы от вторжения царских войск, двинувшихся на него со всех сторон. В Москве и армии царя все были того мнения, что если бы Булавин со всеми своими войсками перешел на Волгу, где еще с 1705 г. среди астраханских стрельцов царил неспокойный дух, где к нему могли пристать башкиры и другие недовольные порядками Москвы народы, то он сделался бы действительно опасным для царского самовластия. Карл XII в это время вступил в русские пределы. Исход войны со шведами должен был иметь сильное отражение по всему государству, и в подобное время эта страшная революционная власть, какова была власть Булавина на востоке, оказала бы большое влияние на ход событий.

Во второй половине мая царь получил отписку атамана Булавина и всего Войска Донского, пересланную ему из Воронежа майором Долгоруким, при донесении от 16 мая 1608 г. В отписке Войска правдиво описывало истинное положение дел на Дону и открыто объясняло, что войсковой атаман Лукьян Максимов и окружающие его старшины злоупотребляли властью, не исполняли царских указов, присылаемое денежное жалованье и хлебные запасы в общий «дуван не давали», а присвоивали себе, за что они по старому казачьему праву были смещены и казнены (всего 6 челов.); что несмотря на царские указы о высылке бег-

лых, они, атаман и старшины, без ведома Войска, за взятки выдавали записи на захват войсковых земель и на них поселяли пришлых людей; что высылая с Дону по царскому указу с 1703 г. новопришлых людей, «откуда кто пришел», эти «неправые старшины, Лукьян Максимов с товарищи, ради своих взяток», высылали и старожитных казаков, сажали их в воду и вешали за ноги по деревьям «женска полу и девичья, такоже и младенцев меж колод давили и всякое ругательство над нашими женами и детьми чинили и городки многие огнем выжгли, а пожитки наши на себя отбирали»; что полковника Юрия Долгорукого убил не один Кондратий Булавин, а «с общаго ведома нашего, со всех рек войскового совету, потому что он, князь, поступал и чинил у розыску против великаго государя указу» и что вместо казненных атамана и старшин всем Войском Донским избраны Кондратий Афанасьев и другие старшины, «кто нам войску годны и любы, и по договору, для крепкаго вперед постоянства и твердости, в книге написали».

Такие же письма Войско послало всем царским полководцам и в Посольский приказ. Письма эти заканчивались обещанием, с целованием креста и св. Евангелия, «служить великому государю по прежнему, как они служили его деду и отцу, и жить меж себя в любви и в совете за братство»... «А буде вы, полководцы, насильно поступите и какое разорение учините и в том воля его, великаго государя, мы Войском Донским реку Дон и со всеми запольными реками уступим и на иную реку пойдем».

Во всех казацких мятежах всегда были изменники. Степан Разин, Самойла Лаврентьев, Кирей Матвеев и др. в самом тесном кругу были окружены московскими шпионами. В восстании Булавина многие принимали участие по принуждению, и некоторые из них тайно сносились с Азовом и Долгоруким. Но были и такие, более дальновидные, которых предстоящий кровавый пожар и гибель родины заставили проникнуть к самому царю и подать ему челобитные, под предлогом жалоб на жестокое будто бы обращение с ними нового атамана. Одна из таких челобитных попала к Петру вместе с получением отписки Булавина. Челобитчики находили возможность сговориться с правительственной властью и уладить дело без кровопролития, а потому просили царя отозвать обратно посланные против мятежников войска. Если же царь этого не сделает, то казаки весь Дон ему уступят, а сами пойдут на другую реку, именно Кубань, и тогда борьба с этим вольным народом будет гораздо сложней.

Удивительно, что по получении этих посланий царь действительно приказал Долгорукому остановиться и не идти далее. Эта готовность идти на компромисс с далеко не вполне повинившимся врагом показывает, каково трудно было общее положение. Долгорукий был в большом недоумении: с одной стороны Азов звал его на помощь, с другой — с Днепра шли к Булавину запорожские казаки, в правительственных войсках участились случаи бегства и неповиновения, а тут пришло царское распоряжение, связавшее его свободу действий. На доводы этого кичливого и злобного вельможи, что колебание и мягкость будут бесполезны и что на обещание этого «лживого и грубаго народа» нельзя полагаться, царь в конце концов предоставил Долгорукому полную свободу действий; т. к. за дальностью расстояний нельзя было давать подробных указаний[400].

Начались битвы с переменным счастьем для обеих сторон. Наконец царские войска всюду стали одолевать. По Донцу и верховым речкам казачьи городки уничтожались и жители истреблялись. Под Азовом, где укрылись казаки черкасских станиц с Василием Фроловым, булавинцы тоже потерпели неудачу и прогнаны были за Каланчи. Пленные всюду вешались и сажались на кол.

В виду такого положения дел, казаки трех Рыковских станиц, сговорившись с черкасскими, 7 июля 1708 г., на другой день после поражения булавинцев под Азовом, провозгласили войсковым атаманом Илью Зерщикова и под его руководством окружили курень, в котором находился Булавин с немногими своими сподвижниками. Булавин защищался отчаянно и некоторым саблей снес головы. Зерщиков поставил пушки и стал громить курень. Потеряв надежду на свою защиту, Булавин из пистолета пустил себе пулю в висок. Последние слова его были: «Погибла наша воля!»[401] Труп Булавина был отправлен в Азов, где обезглавленный был повешен за ноги у протоки Каланчи.

Смерть Булавина — это «последняя страница из истории свободного Дона».

---

[400] Брикнер. Т. I, стр. 347 и 348. Акты Лишина, т. I, № 167. Отписка Булавина.

[401] Есть предание, записанное в неизданной старой рукописи, что вместе с Булавиным была переодетая в казацкое платье его дочь Галя. Она вместе рубилась с отцом и раненая, падая, вскричала: «Отец, спасенья нет!» Потом, видя, что отец взвел курок, вскочила, обнажила кинжал и проколола себе грудь, воскликнув, обращаясь к изменникам: «Рабы, рабы, презренные и жалкие рабы! Смотрите, как умирает свободная казачка!» и упала мертвой на труп отца.

Донесение о смерти своего врага царь услышал 23 июля с великою радостью и приказал служить всенародный благодарственный молебен.

Сподвижники Булавина еще несколько месяцев геройски защищали северные пределы Дона от вторжения царских войск, но когда в их тылу появились войска из Азова и казаки из Черкаска, они мало-помалу стали ослабевать и наконец были переловлены и отведены в Москву «на мясо», как говорили сами казаки[402]. Это были: Никита Голый, Семен Драный, Максим Маноцкий, Тимофей Соколов, Иван Стерлядев, Николай Колычев и др. Вскоре погиб и вновь избранный атаман Илья Зерщиков, оговоренный Голым за сдачу Булавину без боя Черкаска.

Игнатий Некрасов, действовавший от Качалина до Волги против полчищ Хованского и калмыков, твердо держался на занятых позициях. 23 августа 1708 г. он дал решительную битву царским войскам при Паншинском. Казаки и перешедшие на их сторону драгуны бились с мужеством отчаяния, но не могли удержаться и отступили к Есауловской станице.

Долгорукий с регулярным корпусом шел вниз по Дону, истреблял поголовно повстанцев и «водворял порядок согласно высочайшему повелению», следствием чего выше Пятиизб ни одного городка не осталось. Это было поголовное избиение казачьего населения. Вешали, сажали на кол, а женщин и детей забивали в колоды. Священников, молившихся о даровании победы казачеству, четвертовали. Про стариков Апраксин писал царю, что «те и сами исчезнут»[403]. О кровавой расправе Долгорукого с казаками калмыцкий тайша писал царицынскому воеводе так: «Я, чемеш, там здоров, и ты воевода царицынский Василий Иванович здравствуй. Я Перекопский город взял, да прежде три города разбили вместе с Хованским: Паншин, Качалин и Иловлин, и казаков всех побили, а ниже Пятиизб с казаками управляется боярин Долгорукий, а вверху по Дону казаков никого не осталось»[404].

В Есауловскую станицу стеклось до 3 тыс. семейств из 16 выше лежащих станиц. Казачество спешило в дорогу, на Кубань, в подданство более милосердного турецкого царя. Узнав об этом, Долгорукий с конницей поспешил туда и осадил станицу. Видя невозможность защищаться, казаки сдались;

[402] Деяния Петра Великого, ч. II, стр. 449. Отписка казаков 1709 г. генваря.
[403] Соловьев. Т. XV, стр. 258. Брикнер, т. I, стр. 348 и 349.
[404] Очерки по истории Донских казаков. А. Савельев, стр. 59.

зачинщики были четвертованы, десятого вешали вокруг станицы. Также ставили виселицы на плотах и пускали повешенных вниз по Дону. Видя свое дело окончательно проигранным, Некрасов успел убежать на Кубань только с 600 семейств, большею частью старообрядцев, и отдался под покровительство крымского хана. Им отведено было для поселения место на Таманском полуострове, в 30 верстах от моря.

Попытка Булавина возвратить старые права казачества стоила Дону очень дорого: 32 городка по Хопру, Бузулуку, Медведице, Донцу и верхней половине Дона были сметены с лица земли; опустевшие земли по верхнему Хопру и Дону (ныне Бугучарский уезд) подчинены Воронежской губ., по Донцу причислены к Бахмутской провинции, а по Айдару пожалованы Острогожскому полку. Казаков казнено и побито более 7000 челов. Это, так сказать, по официальным данным, по статистике того времени, которой в действительности не было. На самом же деле казаков погибло с женами и детьми в несколько раз больше. Дон, обессиленный и залитый кровью своих сынов, стонал. В конце 1708 г. казаки послали в Москву старшину Вас. Поздеева с повинною. Царь простил их и обещал содержать в прежней милости, если они истребят всех оставшихся возмутителей и будут жить спокойно.

Царская грамота об этой милости была встречена в Черкаске с великой радостью, с ружейной и пушечной пальбой. В соборной церкви было отслужено всенародное благодарственное молебствие.

В свою очередь из Черкаска были посланы по всем станицам войсковые грамоты с просьбой жить «по прежнему в добром состоянии благодарно и худого дела отнюдь не помышлять... крестное целование соблюдать строго... если же у вас в станице или буераках какие воры явятся, то таких брать и всех сажать в воду. Приехавших с Кубани с прелестными письмами от Некрасова присылать к нам, войску»...[405]

По просьбе верных ему казаков царь прислал на Дон даже положенное на 1708 г. жалованье и награды отдельным лицам: старшине Василию Фролову и его команде 1400 руб., атаманам Извалову и Федосееву по 100 руб., с их товарищами, за их усердную службу по усмирению мятежа.

---

[405] Войсковая грамота по станицам, сохранившаяся во многих станичных архивах.

Глава VII
Реформы Петра I в управлении войском Донским

Русский народ, в силу своих исторических судеб, исстари привык к самоуправлению. В старину, до Уложения Алексея Михайловича 1649 г., не рассылались вдруг по всей России общие, строго обязательные указы и уставы, а отдавались только местные царские указы и грамоты, по местным вопросам и нуждам, и при том эти указы и грамоты не навязывались насильно народу, городским и крестьянским общинам, жившим своей самостоятельной исторической жизнью. Несмотря на произвол царских воевод, на издевательство помещиков над насильно закрепощенным ими крестьянством, русский народ, народ «богоносец», шел своим эволюционным путем вперед и, помня свою прежнюю свободу, чаял в будущем быть вновь полноправным гражданином своей великой родины, матери России. Великий творческий дух и самодеятельность никогда не умирали в русском народе. Уже в конце царствования Алексея Михайловича в Московское государство стало проникать европейское образование, а правительница Софья и просвещенный ее фаворит, кн. В.В. Голицын, мечтали о многих преобразованиях в России на европейский лад, не касаясь самобытного уклада русской жизни. Путь был правильный, естественный. Но Петр I, вступив на престол, вдруг вздумал одною своей волей разрушить старый исторический русский строй, повернуть жизнь русского народа на новый, искусственный лад, вдруг обратить невежественного и косного русского боярина и темного мужика в европейца, разрушить все его вековые устои как в семейном, так и общественном быту. Путь не естественный в жизни народа, путь шаткий и пагубный. Итоги этих приемов уже достаточно отразились во всех проявлениях русской жизни как при преемниках Петра, так и в позднейшее время. В науке, искусствах, управлении — везде и всюду пахло иностранцами, немецкой поверхностной культурой, все же самобытное и даже хорошее русское давилось, изгонялось и подвергалось осмеянию. Разрушая старый строй, Петр думал одними регламентами, инструкциями, указами обновить Россию. Им в период с 1700 по 1725 г. издано до 28 регламентов, уставов и инструкций, более 2 тыс. указов. Он думал, что все эти регламенты и указы радикально изменят рус-

скую жизнь и поведут ее по совершенно новому, хотя и искусственно чуждому пути; отрицая все естественно историческое, вольно-народное земское строенье, весь вековой уклад народной жизни, он воображал в своем самомненьи, что выводит Россию на путь просвещения, но на самом же деле гнал русский народ в ярмо иностранцам, т. к. ни торговля и промышленность, ни науки и искусства, будучи стеснены регламентами, не могли процветать без свободы в действиях; свобода есть единственное, достоверное и надежное средство к успехам народной деятельности. Примером тому может служить история Новгорода и Пскова, а также и войска Донского.

«Уставы и указы Петра I часто содержали много противоречий и недоразумений, требовавших многих толкований и пояснений, а потому они множеством своим и обширностью часто служили не к сокращению и упрощению в делах управления и судопроизводства, а к умножению поводов к злоупотреблениям»[406]. Самовластие царских сановников уже сказалось в усмирении бунта Булавина. Дон был унижен, убит, задавлен. Даже царские «прикормленники», выросшие на боярских подачках, боялись поднять головы и взглянуть на свет Божий «глазами казака». Еще в сентябре 1705 г. станичный атаман Савва Кочетов, будучи в Москве, говорил униженно боярам:

«Мы взысканы паче всех подданных, до нас не коснулся государев указ о платье и о бородах; мы живем по древнему обычаю, всякий одевается как ему угодно: один черкесом, другой по-калмыцки, иной в русское платье старого покроя, и мы не насмехаемся друг над другом. Немецкаго же платья у нас никто не носит и охоты к нему вовсе не имеем; если же угодно будет государю заставить нас носить немецкое платье, то мы противиться тому не будем[407]».

Что же могли сказать царю донские казаки после разгрома Дона? Все приумолкли и приуныли. Весной 1709 г. 19 апреля

---

[406] О причинах разстройства финансов в России. Н.С. Мордвинов, известный госуд. деятель первой половины XIX в.

Про эпоху Петра I и его преемников тюменский странник говорил: «во всех присутственных местах судят и распоряжают по своей похоти, по злату и серебру, по мешкам и по штрафам». Москвин, писатель 20-х год. XIX ст. Разглагольствования тюменскаго странника.

[407] Дон. дела. Распросныя речи Кочетова в сент. 1705 г.

царь из Воронежа на судах прибыл в Черкаск. С ним были: кн. Юрий Шаховской, кн. Петр Голицын, Никита Зотов и Прокофий Ушаков. На Дону с трепетом ждали царского гнева. И действительно, Петр приказал «чинить новый розыск о сообщниках Булавина», отсекает головы войсковому атаману Илье Зерщикову, предавшему Булавина, и старшине Соколову, велит привести тело Булавина, «пятерить» его и на поставленных столбах с колесами возить по городу, а головы казненных воткнуть на колья и поставить на площади. Роль палача исполнял князь Голицын.

После казней царь собрал к себе всех старшин и знатных казаков, объявил им свое «милостивое слово» и *«пожаловал* им из них же в войсковые атаманы Петра Емельянова, сына Рамазанова, *по смерть его»*. 22 апреля на судах царь прибыль в Азов, где также учинил розыск и многих казнил, а 26 числа посетил Троицкую крепость, расположенную на Таганроге, казнил там протопопа за сношения его будто бы с гетм. Мазепой, а потом, приказав войску Донскому и азовскому гарнизону быть всегда готовыми на случай нападения татар или турок, 15 мая отбыл чрез Бахмут под Полтаву, куда приближался Карл с своей армией[408].

Трудное время переживал Дон, сжатый железными тисками самовластием царя. Лучшие его силы, до 15 тыс., были в действующей армии, разбросанные от Финляндии и Лифляндии до Крыма. При поражении генер. Левенгаупта под Лесным (27 сент. 1708 г.) казаки вместе с калмыками преследовали бежавшего неприятеля и у Пропойска отняли у него 2 тыс. подвод с провиантом. О событиях на Дону они были не осведомлены, а потому и не знали, как царь расправляется с их станицами. В битве под Полтавой об участии донских казаков в реляциях ничего не говорится, по всей вероятности, царь им или не доверял, или дал другое назначение.

Со времени бегства Некрасова на Кубань нападения кубанских татар на донские казачьи городки участились, жители сотнями уводились в неволю. Проводниками для татар на Дон были, надо полагать, некрасовцы, а на русскую Украину запорожцы Гордиенка, союзники Булавина, изгнанные из Старой Сечи, разоренной царем в 1709 г., и ушедшие за Днепр под покровительство крымского хана.

---

[408] Ригельман. Стр. 97 и 98. Старочеркасск и его достопримечательности. Гр. Левицкий.

Положение Дона еще более ухудшилось, когда, после позорного Прутского договора, в 1711 г. туркам были отданы царем Азов и Таганрог с устьями Дона и Азовским морем. По повелению Петра на Монастырском Яру, ниже Черкаска, был устроен *транжемент*, снабженный артиллерией, вывезенной из Азова, и охраняемый достаточным гарнизоном. Цель устройства этого укрепления — следить за действиями турок, а главным образом иметь наблюдения за ходом дел на Дону и предупреждать все «шатости». Без разрешения коменданта «транжемента», в распоряжение которого поступило все войско Донское, казаки не могли предпринять ни походов, ни поисков над неприятелем для освобождения своих братьев, томившихся в неволе. Рыбные тони также для них были отрезаны. Мало того, коменданты стали вмешиваться даже в их внутреннюю жизнь, давать разного рода инструкции, разбирать ссоры их с калмыками и татарами, производить сыск беглых и водворять их в прежние места. Кроме постоянного гарнизона, при крепости всегда находился конный казачий полк, названный Азовским, на обязанность которого были возложены самые разнообразные службы: почтовая, таможенная, следить по воровским шляхам за движением неприятеля и др. Сношения Дона с русским правительством стали проходить чрез коменданта транжемента. Вместо прежних царских грамот и отписов в Посольский приказ или прямо царю стали получаться отношения промемории, ордеры, реляции и др., в которых так или иначе фигурировали эти коменданты, часто заходившие далеко за пределы предоставленных им царем полномочий[409].

В 1715 г. умер войсковой атаман Емельянов[410]; собрался, по старой памяти, войсковой круг и избрал атаманом Максима Кумшацкого. Комендант по этому случаю донес царю, что большинство голосов получил Василий Фролов, а Кумшацкий меньшинство, «однакож решено было у них быть войсковым атаманом Кумшацкому и насеку ему вручили, впредь до указу». В следующем году атаманом избран Максим Фролов,

---

[409] По требованию турок, согласно Прутского договора, «не строить укреплений между Азовом и Черкаском транжемент», с Монастырского был перенесен выше Черкаска, на Васильевские бугры, а в 1730 г. на правый берег Дона, между нынешними Ростовом и Нахичеванью, и назван крепостью св. Анны, а с 1761 г. «Дмитрия Ростовского».

[410] По истории Ригельмана (стр. 101), Емельянов не умер, а был Кругом смещен.

а в 1717 г. Василий Фролов, сын Фрола Минаева. 26 февраля 1718 г. Петр I повелел ему, как доказавшему свои военные способности в битвах с татарами, быть войсковым атаманом *по выбору всего войска,* без перемены, впредь до указу. В 1720 г. он получил царскую похвальную грамоту и царский портрет, украшенный алмазами за военные подвиги в Финляндии, Польше и в 1717 г. в битвах с кубанским Бохты-Гиреем во время его набегов на русские украины[411].

В 1723 г. Василий Фролов умер и войсковой круг, собравшись в последний раз, избрал атаманом известного героя шведской войны и персидского похода Петра I (в 1722—23 гг.) Ивана Матвеева, по прозванью Краснощекова, но царь его, как находившегося под судом «за взятие у украинских жителей вещей и денег», не утвердил, а повелел быть атаманом впредь до указу старшине Андрею Лопатину.

Следовательно, 1723 г. нужно считать *последним роковым годом,* когда у войска Донского было отнято его исконное право избирать в своем кругу войсковых атаманов. С этого года атаманы стали назначаться царской властью.

В 1735 г., по смерти Лопатина, по царскому указу был назначен войсковым наказным атаманом Иван Фролов, а в 1738 г. «настоящим войсковым атаманом пожалован старшина Данила (Ефремович) Ефремов»[412].

В царских грамотах на имя Ивана Фролова последний впервые именуется «наказным», т.е. действующий по царскому наказу. В грамотах на имя Данилы Ефремова и сына его Степана название это отсутствует.

Отняв у донского казачества его старое народное, освященное веками, право избирать в кругу своем излюбленных лиц в атаманы, Петр I тем самым подорвал и значение самого Войскового Круга, как верховного управления всего Войска. Еще в конце XVII в., после усмирения бунта Разина, старшины и домовитые казаки г. Черкаска и низовых станиц, во главе с атаманом Корнилой Яковлевым, избиравшимся 7 лет сряду, стали брать в управлении войском засилье и, опираясь на царское правительство, решать дела без ведома и согласия верховых городков, противников Москвы. Засилье это еще более усилилось при атамане Фроле Минаеве, избиравшемся беспрерывно

---

[411] Грамота на Дон 23 мая 1720 г. Сборник грамот Прянишникова, стр. 141.

[412] Там же. Грамоты на Дон, стр. 147—182. Грамота на Дон о пожаловании атаманом Ефремова 17 марта 1738 г., стр. 191.

20 лет. Этот любимец Петра, опираясь на его указы и силу, с своими сторонниками образовал в Черкаске нечто вроде центрального войскового правительства, именовавшего себя также «Всевеликим Войском Донским». Булавин разметал все это «московское навождение» и восстановил старый всенародный Круг.

Петр I в бытность свою в Черкаске в мае 1709 г., собрав наличных старшин и «добрых» казаков, поставил своею властью, *безсменно,* в атаманы Петра Емельянова, человека ограниченного и мало известного. Этим он показал, что не считается с народным мнением.

Атаманы последующих годов хотя и ставились «по выбору всего войска, впредь до указу», как значилось в донесениях, но их избрание производилось не всенародным войсковым кругом, а старшинами и казаками ближайших станиц, единомышленниками старшин. В 1723 г. царь не посчитался и с мнением этих старшин, избравших Ивана Краснощекова, страшного для шведов в Финляндии, для горских народов в персидском походе и татар, живших на Кубани, в котором жил дух старого донского казака, чего так боялся и не любил царь, а повелел «быть в атаманах впредь до его указу из старшин Андрею Лопатину». С этого времени атаман и старшины присвоили себе право распоряжаться, с утверждения Военной коллегии, в ведение которой с 1721 г. перешло войско Донское, всеми делами Дона: назначать очередных казаков в полки и отправлять их по царским указам в русскую армию, раздавать награды, в том числе почетное звание старшины, казачьи чины-должности квартирмистра, хорунжего, сотника и есаула, решать тяжебные дела и споры между станицами и др. В этот Круг иногда, в особо важных делах, приглашались атаманы станиц и выборные старики, по два от каждой. Рассмотрение войсковых дел в кругу старшин продолжалось до 1740 г., а с этого времени упоминается уже Войсковая Канцелярия. Так, в грамоте 1740 г. говорится:

«...того ради определили мы войском Донским»... В грамоте же 1748 г.: «слушано при сборе в Канцелярии войсковых дел старшин... того ради приговорили мы войском Донским при сборе в Канцелярии войсковых дел старшин»...

Спорные дела между станицами поручалось расследовать и разбирать одному из старшин на месте. Если дело касалось юртовых меж, то старшина склонял тяжущиеся стороны к при-

мирению или согласиться на общую *правду*, т.е. на решение всеми уважаемого старожила, который, поклявшись на св. Евангелии поступить по совести, должен был со св. иконою пройти по тем местам, где при его памяти пролегала юртовая межа.

Звание старшины было пожизненным, без права передачи его потомству. Войсковой Круг, возводя в это звание за личные заслуги, имел право и лишать его за дурное поведение и преступления против войска. Так, например: в 1751 г. старшина Лащилин «за некоторую, оказанную войску противность и непослушание» был лишен «старшинской чести и записан на 3 месяца в рядовые казаки»; в 1754 г. старшина Перфилов «за продерзости и за взятки и за освобождение при поимке великороссийских беглецов» был лишен «старшинского чина и записан вечно в рядовые казаки»[413].

Однако были случаи, что старшинское звание было даваемо некоторым лицам и по протекции, без всяких заслуг пред Войском. Так, сын атамана Фрола Минаева Василий получил звание старшины по просьбе отца в то время, когда его личные заслуги были еще мало известны. Звание это ему поднесли сторонники старого Фрола. Такой порядок при старом всенародном Круге был нетерпим. В XVII в. почетное звание старшины давалось кругом только за личные заслуги пред всем Войском. Иван Иванов «сын Фролов» награжден старшинским званием «за заслуги отца и деда» в 1732 г. уже не кругом, а грамотой имп. Анны Ивановны; такое же звание получил из рук императрицы в 1734 г. и сын старшины, впоследствии «жалованного» войскового атамана, Данилы Ефремова — Степан Данилович Ефремов, также за заслуги отца[414]. Сам Данила Ефремов за 15-летнее атаманство пожалован в 1753 г. чином армейского генерал-майора[415]. Такое вмешательство верховной русской власти в дела казачьей военной общины, как растлевающее начало, дало самые пагубные для Дона последствия, выразившиеся в том, что некоторые из донских казаков по происками отцов и дедов или знатных родственников, за взятки и посулы царским вельможам, стали награждаться российскими чинами еще «качаясь в люльке».

---

[413] А. Савельев. Стр. 71—73, 1870 г. Е. Савельев. Войсковой Круг на Дону, как народоправление. Стр. 6—8. 1917 г.

[414] Грамоты на Дон 25 февраля 1782 г. и 12 января 1735 г. Акты Лишина, т. II, ч. 1-я, № 52 и 103.

[415] Грамота на Дон 21 авг. 1753 г. Прянишников, стр. 249.

Единственный из всех донских старшин первой половины XVIII в. Иван Краснощеков в 1738 г. за свои великие военные подвиги был пожалован императрицей Анной Ивановной чином армейского бригадира, с награждением его золотой медалью с изображением коронации, украшенной алмазами, и жалованьем по рангу. В грамоте Анна Ивановна Войску писала, чтобы «онаго Краснощекова за действительнаго армейскаго бригадира имели и почитали, и понеже он и без того, яко старший над всеми протчими старшинами, первенство имеет и яко действительный армейский бригадир, под командою войскового атамана быть не может». Далее императрица повелевала, что если будет по ее указу назначен донским полкам поход, «то быть ему в тех походах главным командиром»[416].

После разгрома Дона в 1708 г. донские казаки терпели большой недостаток в съестных припасах. Жилища их были разорены и сожжены, скот угнан калмыками и татарами, а все остальное съели царские войска. Присланное царское жалованье «добрым казакам», хлеб и другие припасы были лишь каплей в море и пошли в «дуван» только среди низовых, «верных» казаков. Но богата природа Донского края; нужда заставила донцов взяться за земледелие и садоводство. Плодовые сады и виноградники покрыли берега Дона от Мелехова до Цымлы. Скот добыли из постоянных стычек с кубанскими татарами. Разоренные места по Медведице, Хопру, Бузулуку и Донцу скоро были заселены выходцами из других, уцелевших станиц. Царь, занятый войной с Швецией, слал на Дон грозные указы не принимать беглых из России, но что значат эти требования «свыше», когда жизнь народа требует другое, — казаки не исполняли этих повелений и продолжали передерживать и хоронить в глухих хуторах пришлый люд. Во главе этого стояли сами донские старшины и домовитые казаки. В 1728 г. для сыску беглых на Дон прибыл ген.-майор Тараканов, но по настоянию Войска «из уважения к его заслугам», высочайшим указом 9 сентября 1728 г. было повелено сделать высылку только из тех, которые пришли на Дон после 1710 г.[417] Но и это и последующие царские повеления донцы ухитрялись не выполнять и ограничивались одними отписками, что на Дону, при всем желании, «беглых не розыскано».

---

[416] Грамоты на Дон 16, 23 и 30 марта 1738 г. Акты Лишина, т. II, ч. 1-я, №№ 202, 204 и 205.

[417] Àêòû Ëèøèíà, ò. II, ÷. 1-ÿ, ¹ 26.

К концу царствования Петра I население Дона простиралось до 60 тыс. казаков, способных носить оружие. Из них в 1711 г., по повелению царя, при объявлении войны Турции, 14.266 казаков, бывших в действующей армии (очередные), стали получать содержание из казны[418]. С тех пор Донское войско, как бы возродившись из пепла, исполняя царские повеления, стало принимать обязательное участие во всех войнах России, выдвигая на европейскую сцену, как и в минувшие века, своих легендарных чудо-богатырей, пред которыми восторгался сам знаменитый Суворов и доблести которых завидовал гениальный Наполеон[419].

Под конец своего царствования Петр I, убедившись в великой стойкости казаков в военном деле, примером чему служили геройские схватки их с горскими народами во время персидского похода, и способности их приспособляться везде и всюду к колонизаторской жизни, в 1724 г. повелел перевести с Дона, из донецких, хоперских, бузулуцких и медведицких городков, с помощью казны, до тысячи семейств и поселить их в предгорьях Кавказа, 500 семейств на р. Аграхани и 500 на Гребнях, для охраны от набегов горцев[420]. В следующем году, по повелению Екатерины I, в помощь им туда же были командированы, в Гилянь и к крепости Св. Креста, 3000 конных казаков и 500 калмыков[421].

Преемники Петра, следуя его политике, в 1731—32 гг. потребовали от Войска переселить на Волгу, на Царицынскую линию (от г. Царицына до р. Камышенки) до 1200 семейств охотников из ближайших станиц, для защиты этих мест от вторжений кочевых народов с Кубани и Кавказа[422]. Из этих переселенцев там образованы городки: Дубовка, как главный войсковой центр, с войсковым управлением — атаманом и старшинами, в котором было три станицы — Дубовская, Средняя и Волжская, потом Балыклеевская, Караваевская и Антиповская, просуществовавшие до 1770 г., когда их повелено было перевести на вновь учрежденную линию от Моздока к Азову.

---

[418] Жур. Петра I.

[419] Подвиги донских героев, прославивших свою великую родину, будут изданы особой серией «Донские богатыри». *Автор.*

[420] Грамота на Дон 20 февр. 1724 г. Акты Лишина, т. I, № 198.

[421] Грамота на Дон 9 февр. 1725 г. Там же, т. II, ч. 1, № 1.

[422] Там же, № 46, 48 и 59. Грамоты на Дон 3 авг., 15 ноября 1731 г. и 31 августа 1732 г.

Таким образом, московские цари, по почину Петра I, окончательно подчинив своей власти донское казачество и разрушив его старый военный уклад, стали распоряжаться им, исполняя капризы своих советников-бояр, по своему усмотрению, очень часто вопреки здравому смыслу и в неуважение и нарушение интересов народной жизни. Царские вельможи, как это говорит многовековая история Дона и Запорожья, не любили казачество, как они не жаловали его и до последнего времени; в свою очередь этот свободолюбивый и сильный духом народ, от всей казацкой гордой души, не выносил этого уродливого и печального явления русской жизни — боярства, порождения самодержавия и самовластия, большею частью лиц невежественных и нередко кровожадных, всегда дрожавших за прерогативы своей «священной» особы. Часто каприз этих, случайно выплывших «на высоту» лиц, недоумение и упрямство служили законом для многомиллионного народа, выдвинутого веками и тысячелетиями на историческое поприще, много пережившего и много перестрадавшего в борьбе за свою независимость и за свою самостоятельность, за право жить на земле по непреложным законам своего национального умозрения и темперамента, национального характера.

Но, презирая бояр и по справедливости считая их виновниками всех народных бедствий, в донском казачестве на протяжении веков проскальзывает одна загадочная черта, несмотря на полный его, в самом широком смысле, демократический дух, — это благоговение пред царской властью, как олицетворением высшей правды на земле. Многие историки явление это объясняют влиянием Византии и проповедью высшего духовенства, другие тем, что в темной народной массе всегда пребывает рабский дух, но те и другие, по отношению к казачеству, как многовековому и испытанному в кровавой борьбе за свое существование народу, глубоко не правы. Казачество, благоговея пред единоверными им царями, жившими там, где-то, за пределами их владений, никогда не терпело вмешательства в их внутреннюю жизнь, свято оберегало свою свободу и вольности от чуждого их духу влияния, даже в религиозно-духовной жизни. Об этом свидетельствуют все ниже приведенные исторические факты. Казачество чтило московских велик. князей, а потом царей, как прежде оно чтило татарских ханов, покровителей христианства, начиная с Чингисхана, не за то, что они в силу судеб владыки на земле, а за то, что они всегда признавали за

ними их древнее священное казачье право *«хазака»*, свободу личности, быть независимыми, никому не подвластными в пределах их владений. Это право за ними торжественно признал Грозный царь в 1552 г., по взятии Казани, и дал им на это грамоту. Последующих царей они считали оберегателями этого права и за это их чтили и давали им помощь в борьбе с их общими врагами[423].

Царь Алексей Михайлович, под конец своей жизни, уступая Боярской Думе, в 1671 г., а потом Петр I в своем непомерном самовластии, нарушили это священное казачье право и низвели казачество, главным образом последний, а потом и его преемники, на степень служилого народа, с правами и обязанностями иррегулярных войск.

Разрушив эту, веками спаянную военную общину, с своим историческим укладом жизни, по развитию стоявшую далеко выше рабской московской Руси, царь взамен ей ничего не дал, кроме массы инструкций, регламентов и указов, совершенно не применимых к военной жизни казаков. Все жалованные им Войску бунчуки и знамена сгорели в г. Черкаске во время страшного пожара, когда погиб и ценный войсковой архив с древними историческими актами, царскими грамотами и петровскими указами.

Царь коснулся также и церковного управления казаков и, желая изъять из ведения Войскового Круга все духовные дела, именным указом 2 июня 1718 г. повелел Иностранной коллегии, в ведении которой в то время состояло войско Донское (с 1721 г. оно перешло в ведение Военной коллегии), чтобы все донские монастыри и церкви, а также монахи, священники и церковные служители были подчинены Воронежской епархии.

Получив о том грамоту из коллегии, Войско пришло в смущение. До того времени, по старому войсковому праву, всеми церковными делами на Дону ведал Войсковой Круг и никаких епископов, как начальствующих лиц, не признавал. Однако, уступая царскому повелению, Круг согласился по церковным делам быть в непосредственном ведении Правительствующего

---

[423] «Хазака» и «казака» — от древнеарийских корней *аз* и *ак* — белый, т.е. свободный *Ас*. Многие думают, что слово *ак* есть татарское, означающее «белый». Это не верно. Корень *ак* встречается во многих древнеарийских языках и всегда означает *белый, чистый и свободный*, иногда выходящий из ряда общепринятых правил. Возьмем для примера: аква — чистая вода, аквилон — свободный ветер и мног. др.

Синода, о чем возбудил соответствующее ходатайство. Царь эту просьбу отклонил[424]. Он думал, что достаточно одного его повеления, чтобы разрушить вековой уклад духовной жизни целого народа, правда, уклад своеобразный, отличительный от византийско-московского, но освященный веками. Он ошибся. Донские казаки, как и в старое время, продолжали в кругу своем, по станицам и в самом г. Черкаске, избирать из среды своей достойных лиц и поставлять их в духовное звание, предварительно посылая их для рукоположения в другие, но не Воронежскую, епархии. Так продолжалось это почти до самого конца XVIII в. Не только войско, но даже станицы, иногда недовольные присланными им священниками, лишали их места. Преосвященный Тихон, епископ воронежский, в 1765 г. доносил синоду, что «войско Донское и ныне, самовольно властвуя, в духовныя дела вступает, в церквах в дьячки и пономари определяет и грамоты дает. Посвященных в стихари собою отрешает, в казаки записывает и священников (из других епархий) к себе собирает». Около того времени священник Терновской архангельской церкви за донос о старообрядцах был станичным атаманом и казаками забит в большую колоду и отослан в Войсковую Канцелярию. Войско настаивало, чтобы воронежский епископ до детей донского духовенства не касался, «потому что духовные причетники, как говорится в представлении, производятся из казачьих детей». Для обучения их, а также детей священников, дьяконов «и прочих церковных детей» на Дону имелись уже школы с самого начала XVIII в. В 1746 году грамотой Елизаветы I разрешено открыть в г. Черкаске духовную семинарию[425]. Неизвестно, в том ли году было открыто это учебное заведение или в следующем, но только в 1757 году при атамане Степане Ефремове оно уже существовало.

Петр I, идя навстречу казаков в удовлетворении их религиозных нужд, в бытность свою в Черкаске, в мае 1709 г., хвалил их за начатую уже постройку нового кирпичного собора, заложенного еще в 1706 г., сам положил на стены его несколько кирпичей и залил их известью[426]. В том же году он прислал в этот собор большое Евангелие в тяжелых серебряных, вызолоченных досках, украшенных разноцветными камнями, с надписью своего дара и года.

[424] Грамота на Дон 28 января 1724 г. Акты Лишина, т. I, № 196.
[425] Грамота на Дон 4 окт. 1746 г. Акты Лишина, т. II, ч. 2, № 413.
[426] Прот. Гр. Левицкий. Стр. 49.

Собор этот, существующий до настоящего времени, окончен постройкой в 1718 г. и освящен 1 февраля 1719 г. В 1730 году построена своеобразной, красивой архитектуры соборная колокольня, сохранившаяся в целости до настоящего времени.

Донские казаки отличались искренней, сознательной религиозностью, но эта религиозность, простая, прямая, не укладывалась в рамки тогдашних духовных воззрений московской Руси, слепо следовавшей букве позднейших византийских церковных уставов; иначе говоря, — Москва не понимала казачьих религиозных воззрений и относилась к ним отрицательно.

Как особый самобытный народ, принявший христианство еще в IV в. и посылавший своих епископов на 1-й и 2-й Вселенские соборы, Донское казачество в течение веков усвоило и древние взгляды на церковные обрядности и таинства, не оставив своих самобытных. Вот почему оно всегда так и чуждалось всего московского и позднейших наслоений в греческой церкви, называемой казаками «еллинской», а не истинной, апостольской.

Просветитель Гетов Приазовья (Босфорании) был Ульфиил; он же был и первым ее епископом. В 359 г. Ульфиил вступил в общение с Акакием и отторг все племя Гетов от кафолической церкви. Словом, этот отдаленный уголок, где едва блеснул свет христианства, был уже предоставлен разным новым, хотя построенным на старых основах, учениям, несогласным с духом греческой церкви. Подобные явления наблюдались не в одном Приазовье, но и в более культурных центрах и даже самой Византии, где в течение веков постановления вселенских соборов колебали многие лжеучения, находившие себе опору в своеобразном понимании апостольской проповеди и жизни первых христианских общин. Те же явления повторились и в стране приазовских Гетов и их потомков — Донском казачестве. Усвоив себе главные догмы Христова учения, как они были установлены первыми вселенскими соборами, казачество, будучи оторванным от всего христианского мира и при том считавшее себя выше и сильней других наций (это явление наблюдается во всех военных орденах), во всей остальной духовной жизни осталось верным своим старым заветам. Это характерно сказалось во взглядах казачества на некоторые церковные обрядности и особенно на таинство брака. Брак на Дону в XVI и XVII вв. в даже в первой половине XVIII в. не считался таинством, а

гражданским союзом супругов, одобренным местной казачьей общиной, станичным сбором. Венчание в церкви или часовне было не обязательным, хотя многие из этих союзов, после одобрения общины, скреплялись церковным благословением. Развод производился так же просто, как и заключение брака: муж выводил жену на майдан и публично заявлял сбору, что «жена ему не люба» и только[427]. Женились 4, 5 и более раз и даже от живых жен. Несмотря на указы Петра I и его преемников, а также настоятельства воронежского епископа о воспрещении этого «противнаго» явления, Донское казачество продолжало следовать в отношении брака своим старым древнегетским обычаям, как это раньше делали их сородичи, гетское казачество новгородских областей. Даже строгая грамота императрицы Елизаветы, данная 30 сентября 1745 г. на имя войскового атамана Ефремова и всего Войска Донского не вмешиваться в церковные дела и не допускать среди казачества этого «противнаго святым правилам» явления, как жениться от живых жен и четвертыми браками, не помогла делу, и казачество продолжало твердо держаться за свои старые устои[428]. Такое мировоззрение на первый взгляд покажется еретическим, как продукт язычества и глубокого религиозного невежества, но не нужно забывать, что христианство возвысило этот гражданский союз на степень таинства не сразу, а в течение веков, и идея этого таинства получила неодинаковое развитие на востоке и на западе; в протестантстве же брак вовсе сведен на степень гражданского акта. Гражданский брак допущен законами Англии, Франции, Австрии, С.-Америки и др. стран. Освящение этого гражданского акта церковным благословением предоставлено совести верующих и юридического значения в области гражданского права не имеет, как не имело оно и на Дону. Брак, одобренный станичным сбором, считался законным. Церковное благословение заключенного с согласия общины брачного союза есть явление не новое, а чрезвычайно древнее, встречающееся еще в первых веках христианства. В силу этих-то причин казачество, как оторванное на многие века от просветительных центров христианства, и удерживало свои древние обычаи, правда, не все, но в значительной своей массе, до конца XVIII в.

---

[427] Общежит. Донск. казак. Сухоруков. Записки о Верхне-Курмоярской ст. Е. Котельников. Записки свящ. Пивоварова. «Каз. Вест.», 1884. № 2, 5 и др.

[428] Грамота на Дон 30 сент. 1745 г. Акты Лишина, т. II, ч. 1, № 385.

Глава VIII
Атаманы Данила и Степан Ефремовы

Атаман Данила Ефремович Ефремов, сын старшины Ефрема Петрова, казненного Булавиным в 1708 г., был пожалован «настоящим войсковым атаманом» грамотой Анны Ивановны 17-го марта 1738 г., вместо бывшего с 1735 г. «наказного» атамана Ивана Иванова Фролова, внука Фрола Минаева[429]. Императрица в грамоте писала: «Пожаловали мы в. Д. старшину Данилу Ефремова, за долговременныя и ревностныя его нам и предкам нашим службы, ко оному войску Донскому *настоящим* Войсковым Атаманом». Далее: «...и во всем, что к службе нашей касатися имеет, быть ему в послушании». И действительно, этот даровитый казак, воспитанный в походах и битвах, в правление свое Войском показал недюжинные военные и административные способности и в военном деле был ревностным исполнителем царских велений. Еще в звании старшины Ефремов обратил на себя внимание русского правительства за выполнение возложенных на него поручений, особенно в переговорах с калмыцким владельцем Дундуком-Омбо. Чрез него этот владелец получил ханское достоинство, присягнул на верность России и принял участие вместе с казаками в походах против кубанцев и турок в армиях Миниха и Ласси. Словом, Ефремов в этих политических делах был незаменим. В 1738 г. кубанцы большими силами напали на Дон, разорили и сожгли Быстрянскую станицу (ныне Мариинскую) и обложили Каргальскую, но Ефремов, будучи уже атаманом, быстро собрал оставшиеся от походов войска, разбил и прогнал татар обратно к Кубани. В следующем году набег повторился, но также был отбит.

В предотвращение подобных внезапных набегов, по настоянию атамана на Дон было прислано 67 пушек, которые он и расставил по всем пограничным с татарами станицам. Кроме того, он назначил на случай внезапных тревог сборные места, куда старшины с казаками по первому сигналу должны являться. А чтобы узнать, к какому из сборных пунктов казаки должны спешить, для этого им установлена в степи на сторожевых курганах особая сигнализация, состоявшая в зажигании каза-

[429] Иван Фролов был не войсковым, а как бы временным, «наказным» атаманом, т.е. приводившим на Дону в исполнение царские наказы.

чьими пикетами известного числа маяков. Но несмотря на все эти стремления к благоустройству Войска и выполнению царских требований, Данила Ефремов в правление свое перенес от царских вельмож две большие неприятности. Желая оградить г. Черкаск от внезапного набега врагов, а также защитить от разлива весенней воды, он решил обнести город каменною стеною, вместо пришедшего в ветхость деревянного «полисадника»[430]. Постройка была начата. Комендант крепости св. Дмитрия Ростовского усмотрел в этой постройке нечто «регулярное», противное правительству и донес в Петербург. Елизавета тремя грамотами 1743 г. потребовала от атамана немедленного донесения о целях постройки крепости, с угрозой, что если «ответа в самой скорости прислано не будет, то вы, атаман, истязаны будете жестоко»[431]. Ефремова отрешили от атаманства и с старшинами вызвали в столицу. Несмотря на все доводы о необходимости постройки стен, его там задержали и нарядили следствие. От войскового наказного атамана Романа Емельянова, оставшегося вместо Ефремова, потребовали «имеющуюся в войсковой канцелярии о строении в 1741 г. черкасской каменной крепости записку, какова есть, хотя б она и в переплете была, *отняв*, прислать в Военную коллегию немедленно»[432]. Но тревога оказалась ложной. Ефремова, после многих допросов и мытарств, отпустили обратно на Дон с прежними правами и дело о самовольно начатой постройке крепости прекратили, разрешив достроить каменную стену деревом, но лишь только с турецкой стороны, «со стороны же российской каменнаго строения крепости — повелели строить накрепко запретить»[433]. Вот как Москва, а потом С.-Петербург ценили истинных слуг своих.

Вторую неприятность Данила Ефремов потерпел от страшного пожара, происшедшего в Черкаске 12 августа 1744 г. В полдень загорелся дом одной казачки, и чрез два часа весь город был объят пламенем. Войсковой кирпичный собор, где

---

[430] «Полисадник» этот построен был еще в 1644 г. и вооружен по раскатам азовскими пушками.

После большого разлива Дона в 1687 г., когда смыт был почти весь город Черкаск, подобный разлив повторился в 1740 г., в бытность на Дону ген. Тараканова, названный «Таракановским», о чем сделана отметка на соборной стене — вбит большой бударный гвоздь.

[431] Грамота на Дон 17 февр., 1 марта и 16 апр. 1748 г. Акты Лишина, т. II, ч. 1-я, № 314 и 319.

[432] Там же, № 341.

[433] Указ Сенату. Там же, № 365.

хранились все войсковые ценности, где помещался войсковой архив и царские грамоты и клейноды, выгорел внутри весь. Пострадал даже иконостас и сребро-позлащенный престол. Богатая ризница и войсковая казна погибли. Медные пушки от огня растопились. Взорвался пороховой погреб, непредусмотрительно помещавшийся под собором, и едва не уничтожил это капитальное и красивое здание. Погибло более 300 человек и почти все имущество жителей. Следствие обнаружило, что все эти бедствия произошли «от слабаго смотрения наказного атамана Романа Емельянова», в виду чего он был предан суду Войска.

По ходатайству Данилы Ефремова Елизавета Петровна приказала возобновить по прежним образцам все прежде жалованные войску клейноды и знамена[434].

В 1753 г. Данила Ефремов был пожалован чином генерал-майора и уволен, по его просьбе, от занимаемой должности, а сын его Степан Ефремов назначен войсковым атаманом. Курьеру Бунакову царскую грамоту о том велено вручить самому атаману Ефремову, публично в Войсковом Кругу распечатать и прочесть, а потом публиковать по всем станицам[435].

Чрез два года началось восстание в Башкирии, а потом *семилетняя война*. На оренбургскую границу послано было с Дона до 3 тыс., а в Пруссию до 16 тыс. казаков. Главное начальствование над казаками в этой кампании было вверено Даниле Ефремову, как старшему по чину в войске. За подвиги донских казаков в Пруссии и Померании Ефремов в 1759 г. был пожалован тайным советником[436]. Ему обязаны были подчиняться и войсковой атаман и все старшины[437]. «Для отправления секретных дел, кои на него возложены, повелено дать ему писаря и адъютанта, тако же сто человек казаков из донских, кого он сам к тому способных выберет».

С назначением царской властью атаманов начинается расхищение войсковых земель как самими атаманами, так и старшинами. На самовольно захваченных, а также с разрешения Войсковой Канцелярии землях они стали поселять бежавших

---

[434] Грамота на Дон 27 июля 1747 г. Там же, ч. 2-я, № 438.

[435] Грамота на Дон 21 авг. 1753 г. Грамоты Прянишникова, стр. 249.

[436] Грамота на Дон 11 июня 1759 г. Акты Лишина, т. II, ч. 2-я, № 633.

[437] Замечательно, что на могильной плите Дан. Ефремова, в ограде Ратинской церкви в Старочеркасске, ни о каких чинах его не упоминается, а лишь: «Здесь погребен достопочтенный господин войска Донского» и т.д. Плита эта заготовлена при жизни самим Ефремовым.

на Дон из всех Украйн малороссийских черкасов, особенно из Слободской. К этому классу «доморощенных» донских помещиков скоро стали примыкать их дети и родственники, именитые казаки и выборные войсковые чиновники: есаулы, сотники и др.

Расхищение войсковых земель началось с самого начала XVIII в., но особенно большие размеры оно приняло при Даниле и Степане Ефремовых, показавших в этом отношении пример другим. Царские указы и грамоты о воспрещении принимать и селить на казачьих землях малороссиян не исполнялись, т. к. никакие меры не могли удержать живой человеческий поток, стремившийся на свободные и плодородные земли, где переселенцы находили ласковый приют, получали разные льготы и чувствовали себя вполне свободными[438]. Наконец, правительство, видя невозможность привести в исполнение раньше изданные свои распоряжения о высылке с Дона беглых и не желая обострять отношений с казачеством, столь ему необходимым в военном деле, вынуждено было в 1763 г. прибегнуть к одной мере — привести в известность всех новопришлых на Дону, т.е. произвести им перепись; кстати, такая же перепись в то время была начата и по всей России (3-я ревизия). Этой переписью выяснено, что на Дону за старшинами и станицами малороссийских черкасов числилось 20 422 души в 232 поселениях (слободах и хуторах). Кроме малороссийских черкасов, на Дону оказались великорусские крестьяне, купленные старшинами у помещиков в русских губерниях.

По повелению Екатерины II все эти «новоприходы» были оставлены на Дону навсегда и обложены в пользу казны семигривенным окладом (по 20 коп. на ассигнации). Наблюдение за исправным поступлением этих денег возложено на владельцев и станичных атаманов, а высшее на Войсковую Канцелярию и обер-коменданта крепости св. Дмитрия, которому и сдавались эти суммы[439].

Помимо самовольного захвата старшими войсковых земель или по «записям» Войсковой Канцелярии, казачьи земли ста-

---

[438] Крестьянский вопрос на Дону. Историч. очерк. Е. Савельев. 1917.

Бригадир Краснощеков давал каждому переселенцу по 5 р. и льготы на 5 лет.

В 1747 г. атаман Дан. Ефремов захватил весь Черногаевский юрт и заселил слоб. Даниловку. Степан Ефремов — Ефремову-Степановку и мн. др.

[439] Грамоты на Дон 2 марта 1763 г. и 22 апреля 1766 г. Акты Лишина, т. III, № 2 и 45.

ли жаловаться и высочайшей властью угодным им лицам; так, например, в 1761 г. Петр III неизвестно за какие заслуги пожаловал полковнику Михаилу Себрякуву весь Кобылянский юрт, будто бы «пустопорожний», но на самом деле оказавшийся заселенный казачьей станицей. Жалоба казаков и ходатайство Войска о возвращении этого юрта Екатериной II были отклонены, как «дерзновенные». Екатерина в грамоте 1764 г. на имя атамана Степана Ефремова и всего Войска Донского писала: «яко вы, не исполняя не токмо велений главной над вами команды, но и в противность уже имяннаго указа (Петра III), ложно представить отважились, подлежите не малому наказанию»... С лиц, подписавших войсковое определение по сему делу, повелено взыскать штраф в 10 тыс. руб.[440]

Так русские венценосцы дорожили престижем царской власти своих предшественников, хотя бы с позором и свергнутых ими.

Производя перепись черкасам, комиссия натолкнулась на многие злоупотребления правящих сфер. Ввиду чего на Дон скоро был командирован генерал Романус для исследования, на каком праве и на основании каких указов атаманы и старшины завладели казачьими землями, какой они с них получают доход и куда расходуют деньги. Вместе с тем Романусу поручено было отобрать от Степана Ефремова Черногаевский юрт, которым отец его завладел будто бы с разрешения Войска, но на самом деле не имел на это никакого указа и повеления, а также от других старшин и казаков, самовольно захвативших земли. Пока производились об этом исследования, Степан Ефремов, в бытность свою в Петербурге, представил в 1765 г. в Военную коллегию проект о коренном преобразовании внутреннего управления войска. Все статьи этого проекта клонились к усилению власти войскового атамана, в подрыв прав выборных старшин. Проект этот состоял в следующем: 1) в Войсковой Канцелярии, по назначению атамана и под его председательством, должны присутствовать 8 сведущих в законах старшин, для заведывания гражданскими и военными делами; 2) все в. Дон. разделяется на 20 постоянных полков, по 600 чел., готовых выступить во всякое время; названия этим полкам дать по главным казачьим городкам; платье они должны иметь казачье одноцветное. Остальные казаки, во время выхода 20 полков,

[440] Грамота на Дон 15 марта 1764 г. Там же, № 10.

должны нести службу на Дону и оберегать границы от набегов татар. Назначение полковников, старшин и других чинов в полки предоставлялось власти атамана. Суд и расправа в полках должны производиться по Войсковой Канцелярии. Для содержания выходивших на службу полков Ефремов указывал на следующие источники: 1) назначаемое в подарки зимовой и легким станицам, присылаемым в Петербург, передать в распоряжение Канцелярии; 2) семигривенный с малороссиян оклад, около 14—15 тыс. руб. в год и половину станичных доходов, из 20 тыс., причислять к войсковой казне. Словом, Степан Ефремов, стремясь к неограниченной власти на Дону, желал ведать как гражданскими и военными делами, так и всеми войсковыми доходами, которые с развитием, благодаря трудолюбивым черкасам, земледелия на Дону, садоводства, скотоводства и коневодства, а также богатству края, могли быть в то время очень значительны.

Едва ген. Романус ознакомился с положением дел в войске, как в Петербург стали доходить сведения о многих, вновь открытых злоупотреблениях атамана. И вот в то время, когда Ефремов еще находился в столице и когда ему туда выслали будто бы «по приговору войска» на расходы по утверждению проекта 7 тыс. руб. из войсковых сумм, наказный атаман Сидор Кирсанов и старшина Юдин донесли в Военную коллегию, что атаман расхищает войсковую казну и провиант, берет взятки с казаков деньгами и лошадьми и ведет подозрительную переписку с кумыкским князем Темиром. Ефремов, ничего не подозревая, возвратился на Дон и вступил в отправление своих обязанностей. Между тем донос возымел свое действие, и атамана потребовали в столицу на объяснение. Получался указ за указом, повеление за повелением, но Ефремов, зная хорошо настроение вельмож и фаворитов императрицы и сознавая за собой вину, отъездом медлил. В таком положении прошло около 6—7 лет. Атаман преспокойно жил в своем «Зеленом» или «Красном» дворе, где ныне хутор Краснодворский, Старочеркасской станицы, окруженный преданными ему старшинами и казаками. Наконец в начале 1772 г. на Дон был командирован генерал Черепов под предлогом принятия мер к прекращению появившейся эпидемии и к скорейшей высылке 10 тыс. казаков в разные места для государственной службы, а на самом деле для изучения настроения казачества и замыслов войсково-

го атамана[441]. Дон насторожился. Кляузы и доносы старшин массе казачества были неизвестны. Постоянные походы в дальние места по дорогам того времени для казаков были тягостны и разорительны. На них возлагались, как на пасынков России, «подданных и верных рабов», как именовала их Екатерина II в грамотах своих, самые трудные и несуразные поручения. Среди регулярных войск они были всегда в пренебрежении. Их и их выборных полковников и есаулов всегда обвиняли в мародерстве и грабежах, а между тем для продовольствия донских полков русское высшее командование почти ничего не давало. Словом, произволом царских вельмож Дон был в высшей степени недоволен. Кроме того, незадолго до прибытия Черепова с Дона было без согласия Войска переведено около 1000 семейств в Азовскую и Таганрогскую крепости для образования там двух конных полков[442]. Стали ходить слухи об обращении казаков в солдаты — «регулярство». Дон волновался. Ввиду такого настроения масс, Черепов стал настаивать на скорейшем отъезде атамана в столицу. Ефремов наконец объявил о своем отъезде, но на самом деле поехал по станицам и совещался с атаманами и казаками об отнятых московскими царями казачьих правах и старых вольностях, о намерениях правительства обратить их в солдаты и проч. Чрез насколько недель он возвратился обратно в Черкаск и поселился в своем «Красном» дворе.

В сентябре месяце пришло царское повеление, чтобы «за отзывом атамана Ефремова в Петербург, никаких от него ордеров не принимать и его приказаниям исполнения не чинить». Но было уже поздно. Многие из станиц стали замышлять нечто недоброе и готовиться дать засилью столичных вельмож отпор. В Черкаске получались одно за другим ходатайства об избавлении «регулярства», возвращении казаков из Азова и Таганрога, где они находились в полном подчинении и произволе комендантов крепостей, и, наконец, в сентябре на имя атамана и старшин поступил рапорт от казака Бесергеневской ст. Якова Янченкова с просьбой «за реку стойте крепко, генералу Черепову подписок не давайте, а то узнаете, что вам и генералу с вами

---

[441] После войны с Турцией, по Белградскому договору в 1739 г. Россия завладела большими пространствами в Черноморской степи, но не получила права владеть морскими берегами и держать на Черном море флот. Азов условлено срыть и оставить в нейтральной полосе.

[442] Грамоты на Дон 1772 г. 7 и 30 марта, 24 апреля и др. Акты Лишина, т. III, № 91, 92 и 93. А. Савельев, стр. 82 и 83.

будет. Это ведь не Яицкое, а Донское войско»[443]. Предчувствуя грозу, Черепов велел расставить вокруг Черкаска караулы, чтоб не пропустить в город атамана.

Наступило традиционное для войска Донского 1 октября, когда по древнему казачьему обычаю, в память взятия Казани, собирался всенародный Войсковой Круг. Так и на этот раз казаки вспомнили свое древнее право и собрались на всенародный круг, в котором приняли участие, помимо отставных и служилых казаков, выростков и малолетков, даже приписанные к станицам города малороссийские черкасы. Наказный дьяк прочитал присланные из Военной коллегии грамоты и указы об отозвании атамана в столицу и о неисполнении его приказаний. «Страшно шумел казачий круг. Все, как один, стали за своего атамана». Проснулся живучий казачий дух, дух старых казаков-вечников, который не могли угасить ни строгие царские указы и грамоты, ни даже массовые расстрелы и виселицы. Гордый и свободолюбивый дух казачества, воспитанный на преданиях отцов и дедов, не может быть угашен какими-либо искусственными мерами.

В круг вошел походный есаул Перфилов и сказал: «эти грамоты подписаны генералами, а руки государыни на них нет, а атаман же Ефремов пожалован по именному высочайшему указу». Страсти разгорались. Казаки бросились к квартире Черепова и подвергли ее разгрому. Сам генерал выскочил чрез заднее крыльцо и хотел пройти к Дону, чтобы отплыть в крепость св. Дмитрия, но казаки поймали его, привели в круг и потребовали снять расставленные вокруг города караулы, а потом удалиться из города. Черепов на все согласился. Провожая его, толпа кричала: «ты хочешь нас писать в солдаты, мы все помрем, но до этого себя не допустим!» Били его пинками, бросали землей и так проводили до самого загородного атаманского двора.

Узнав об этом, комендант крепости немедленно донес о том в Петербург, откуда вскоре было прислано повеление арестовать Ефремова и заключить в крепость св. Дмитрия.

---

[443] Отняв у Донского казачества его старые права и вольности, русское правительство стало налагать руку и на другие казачьи войска, в том числе и на Яицкое. Протесты и ропот, перешедшие скоро в открытое восстание, на Яике были подавлены самым жестоким образом и Яицкое войско подчинено русским военным властям. Казачество было этим в высшей степени обескуражено и недовольно. Это создало благотворную почву для «Пугачевского бунта».

В ночь под 9 ноября 1772 г. атаман был внезапно арестован в своем Зеленом дворе командой, высланной из крепости с капитан-поручиком Ржевским. Весть о том моментально облетела все черкасские станицы. На соборной колокольне в ту же ночь ударили в набат, звонили «сполох». Раздались выстрелы вестовых пушек.

Казаки взялись за оружие. Наказный атаман Машлыкин и старшины собрались в Канцелярию и там только узнали, в чем дело. Казаки, окружив их, кричали: «вы выдали войскового атамана! всех вас перебить и в воду посадить!» Потом бросились к крепости. К ним присоединились соседние станицы. Все требовали освобождения атамана, в противном случае грозили разорить крепость до основания и гарнизон уничтожить. Есть предание, что комендант крепости Потапов приказал Ефремову под взведенными курками взвода солдат выйти на вал и объяснить казакам, что он едет в Петербург добровольно, по требованию государыни. Услышав это, казаки успокоились и разъехались по своим станицам.

На другой день доносчик Сидор Кирсенов, скрывавшийся в крепости св. Дмитрия, прислал в Черкаск уведомление о причине ареста атамана, т.е. он повторил все те обвинения, какие представил в Военную коллегию. Но казаки этому не хотели верить и решили послать опровержение; об этом запросили все станицы.

Вскоре комендант крепости сообщил для сведения Войска, что Ефремов «взят в силу высочайшего указа за ослушание 3-х присланных к нему из государственной коллегии повелений». Такое извещение положило конец всяким недоразумениям.

В декабре месяце на Дону была получена грамота Екатерины II, объяснявшая причину ареста Ефремова и призывавшая все войско Донское к спокойствию.

«Буде же паче чаяния, — писала Екатерина, — и к возбуждению праведнаго гнева нашего, нашлись бы в Донском войске нашем такие преступники, кои бы и после обнародования сего повеления нашего дерзнули еще продолжать неспокойство и волнение, то да ведают, что тогда не избегнут злодеи и возмутители достойной себе казни; впрочем, все пребывающие в повиновении верные рабы Донское войско наше навсегда пользоваться будут монаршим благоволением нашим, к коим и пребываем императорскою милостию нашею благосклонны»[444].

[444] Грамота Екатерины 6 декабря 1772 года. Грамоты. И. Прянишников. Стр. 280—281.

На ходатайство войска о прощении всех, принимавших участие в так называемом «Череповском бунте» и в деле Ефремова, Екатерина II, зная, по донесениям Румянцева, как геройски ведут себя донские полки, около 20 тыс., в бывшей тогда войне с турками (первая турецкая война 1768—74 гг.), послала на Дон свой рескрипт, в котором высказала свое монаршее благоволение и всем виновным прощение, добавив, что последние могут загладить вину свою в войне с турками, куда они должны быть отправлены без очереди[445].

Ефремов был отвезен в Петербург, где над ним был наряжен военный суд, признавший его виновным в следующих преступлениях: «1) в неисполнении многих распоряжений главнокомандующих армиями; 2) в 1769 г., собрав до 10 тыс. казаков, продержал их долгое время без всякой пользы; 3) после разорения станицы Романовской (1771 г.) не велел преследовать татар дальше р. Еи; 4) ослушался шести указов военной коллегии о немедленном выезде в Петербург; 5) этим неповиновением он дал повод к возмущению казаков против ген. Черепова и 6) публично, пред старшинами, с дерзостью и угрозами, забыв подданническую к ея императорскаго величества должность, выговаривал непристойныя слова». Кроме того, «найден и в других противных законах и чести поступках». Суд приговорил его к лишению живота — *повесить*, но по повелению Екатерины смертная казнь заменена была вечною ссылкою в Пернов.

Для исследования же дела по обвинению Ефремова в расхищении войсковых сумм и других незаконных действиях по войску наряжена была в 1773 г. в крепости св. Дмитрия следственная комиссия из 7 лиц под председательством обер-коменданта. Комиссия эта открыла, что Ефремов, видя себя виновным в большой растрате войсковым сумм, сжег приходо-расходные книги за 1754, 60 и 62 гг., по которым числилось войсковой казны 45 471 р. После ареста его и опечатания погреба, где хранилась эта казна, прошло около полугода. Печать и ключи хранились у атаманши Мелании Карповны. По вскрытии комиссией погреба в нем оказалось только 12 тыс. руб. В 1769 г. атаман собрал на р. Несвитае 10 тыс. казаков под предлогом командирования их на службу в разные места России, но многих из них за взнос ему по 1, 70, 80 и по 100 руб. отпускал обратно домой. Там же им собрано до 58 лошадей с сбруей и упря-

[445] Грамота на Дон 25 янв. 1773 г. Там же, стр. 282—283.

жью. За производство в чин старшины брал «в знак благодарности» по 200 и 300 руб. Имение Ефремова было описано и взято в секвестр на случай могущих оказаться взысканий в пополнение войсковых сумм. Имения этого оказалось, наличных денег, вещей и построек более чем на 302 тыс. руб., крестьян около 300 душ и калмыков 267, большие табуны лошадей, рогатого скота, овец и верблюдов.

По делу «Череповского бунта» привлечено было комиссией в качестве обвиняемых до 30 человек. Следствие и допросы тянулись более года. Члены комиссии взялись за дело усердно и пустили на казачьи спины «для утверждения сущей справедливости» батоги и розги. Наконец, новой грамотой Екатерина II повелела «все вследствия по делу о взятии Ефремова оставить и уничтожить, казаков, содержащихся по сим делам под стражею, выпустить и простить». «И все сие милостивое наше соизволение, — говорилось в грамоте, — учинилось в разсуждении верной и усердной службы войска Донского, нам оказанной в сей (турецкой) войне»[446].

Все вышеописанные события, разыгравшиеся в правлении атаманов Данилы и Степана Ефремовых, как то: захват войсковых земель и самовольное поселение на них пришлого люда, ничего общего с казачеством не имеющего; стремление этих правителей к самовластию и расхищению войсковой казны, взятки за освобождение от военной службы и подарки «в знак благодарности» за производство в старшины, «Череповский бунт», кончившийся арестом и ссылкой Степана Ефремова, ясно показывают, что русское правительство, отняв у Донского казачества его исконные народные права по самоуправлению, не могло дать взамен ничего, кроме как массы указов и регламентов, к своеобразному быту казачества совсем не применимых. Произвол сановников и фаворитов Екатерины в управлении делами России сказался и на Дону. Осудив Ефремова, императрица не исправила этим дела, а больше ухудшила. Ефремовых, несмотря на их недостатки, казаки уважали и любили за их простоту и казачью ухватку, стремление к самобытной казачьей жизни. Обвинительные пункты, вынесенные военным судом Ефремову, слишком общи и не могли служить основанием к лишению его жизни чрез повешение. Дело было совсем в другом. Ефремова подозревали в сепаратизме, булавинщине, в стремлении к

[446] Грамота на Дон 21 июня 1774 г. Грамоты, Прянишников, стр. 287.

автономии войска Донского. Вот почему следственная комиссия для «утверждения сущей справедливости» так усердно прибегала на Дону к батогам и розгам, но, видимо, не добилась ничего. Казаки, любившие своего атамана, были тверды и не открыли его тайных замыслов. А что они были, это показывает весь ход событий. На Тереке, Урале и Оренбурге было неспокойно. Всюду пахло «пугачевщиной». Везде причины были одни — засилье и произвол царских вельмож. Казачеством, как боевой силой, дорожили и награждали его бунчуками и знаменами[447], но всячески старались урезать его вольности, его права по самоуправлению, забывая, вернее не понимая, что все то, что создавалось целыми веками, что составляло духовную основу, нравственный принцип, так сказать, нравственный культ целого народа, не может быть уничтожено кабинетными мудрствованиями случайных правителей, по игре злой судьбы выплывших на поверхность русской жизни из омута житейских треволнений. «Забыв верноподданническую к ея императорскаго величества должность, выговаривал непристойныя слова», говорится в приговоре суда. Это было самое сильное, хотя ни на чем не основанное обвинение. Могло быть, что Ефремову, как истому казаку, противно было выслушивать и похвалу, и упреки от случайно заброшенной в Россию бедной немецкой принцессы, свергнувшей бездарного и развратного немца мужа и завладевшей русским престолом, с правами самодержавной императрицы. Так оно и было. Дух казачества живуч. И Ефремов за это поплатился, пробыв около 12 лет в заточении, и умер в Петербурге, не увидев родного Дона.

Глава IX
Пугачевский бунт

После ареста Степана Ефремова наказным атаманом в. Д. был назначен полковник Семен Никитич Сулин, служивший

---

[447] За подвиги в первой турецкой войне по повелению Екатерины на Дон было прислано в 1775 г. большое белое знамя с надписью: «Нашему верноподданному войску Донскому, за храбрые и мужественные подвиги во время минувшей войны с турками».

Похвальная грамота на Дон 28 июня 1775 г. Прянишников, стр. 292.

при Ефремове почти бессменно походным есаулом около 13 лет, командуя его атаманскою сотнею[448].

Время после ареста Ефремова было самым тяжелым для Дона: 22 тыс. донцов бились с турками за Дунаем, несколько полков были на Кубани, удерживая движение кубанских и крымских татар, другие потребованы в армию, действовавшую против Пугачева; в станицах остались одни старики, раненые и малолетки. 1773 год был неурожайный. На Дону был голод. Расположенные по станицам, «для их спокойствия», русские войска под начальством Багратиона и Бринка съедали последний хлеб. «Мы пришли в крайнее разорение и бедность», писали станицы наказному атаману, но тот ничем не мог им помочь, т. к. крымцы и кубанцы, усиленные ордами вновь переселившихся к ним из Бессарабии ногайцев, были неспокойны. Борьба с ними была перенесена на Кубань. Хотя станица Романовская и сильно пострадала в 1771 и 73 гг. от летучих набегов кубанцев, но это уже были последние вспышки этих хищников. Кубанцев и ногайцев подстрекал к набегам союзник турок, крымский хан Девлет-Гирей, двинувший и сам часть своих войск на Дон. Но донцы жестоко отомстили за эту попытку, нанеся жестокое поражение в верховьях р. Еи брату хана Шаббас-Гирею, а потом в 1774 г. на речке Калалы, впадающей в Егорлык. Эта последняя битва была выиграна благодаря твердости и мужеству молодого, двадцатилетнего полковника Матвея Платова.

Турецкая война продолжалась. Бунт Пугачева разгорался. Вся Волга была объята пламенем восстания. Шайки бунтовщиков уже приближались к границам Дона. Трон Екатерины шатался. Пугачев назвал себя императором Петром III и его именем поднял Урал и весь восток, обещая крестьянству прежнюю свободу и волю. Повторилась та же «разиновщина». Обессиленный борьбой с внешними врагами и голодающий Дон, помня «булавинщину», должен был напрячь последние усилия к отражению новых врагов и объявил поголовное ополчение, хотя не было ни оружия, ни снаряжения. Начальствование над этим ополчением было вверено полковнику Луковкину. В короткое время он собрал в пяти станицах около 550 чел., большею частью малолетков, и в трех схватках с шайками грабителей, состоявшими из

[448] Сотенная команда была учреждена еще при Даниле Ефремове. Из нее впоследствии образовался пятисотенный атаманский полк, шефом которого был войсковой атаман, а командиром вице-полковник.

всякого сброда, разорявшими помещичьи усадьбы и казачьи станицы, принуждая всех присягать мнимому Петру III, нанес им жестокое поражение при ст. Етеревской, Медведицкой и на р. Болоде. Кроме того, 14 донских полков, взятых из действующей армии, сражались с Пугачевым вне пределов войска и способствовали окончательному усмирению этого мятежа.

Еще в самом начале этого движения Екатерина II с тревогой прислала на Дон грамоту, полагаясь на «несомненную и известную ей верность и усердие Донского войска» к пресечению и отвращению «злодейских замыслов этого бездельника». Также, объявляя войску «свое монаршее благоволение за должную ревность к службе и усердие к отечеству», предписывала, чтоб находящихся в Зимовейской станице «злодея Пугачева, жену и детей (3-х малолетних), и буде есть, родных братьев, без оказания им наималейшаго огорчения, яко не имеющих участия в злодейских делах его, отправить за пристойным присмотром в крепость св. Дмитрия, к обер коменданту г. м. Потапову», для выдачи их посланному для этого генералу Бибикову. Кроме того, Екатерина повелевала собрать при присланном от обер коменданта крепости офицере «священный той станицы (Зимовейской) чин, старейшин и жителей, при всех при них сжечь (курень Пугачева) и на том месте, чрез палача или профоса, пепел разсеять, потом то место огородить надолбами или окопать рвом, оставя на вечные времена без поселения, яко осквернennаго жительством злодея, котораго гнусное имя останется мерзостию навеки, а особливо для донского общества, яко оскорбленнаго ношением тем злодеем казацкаго на себе имени, хотя отнюдь одним таким богомерзким чудовищем ни слава войска Донского, ни усердие онаго, ни ревность к нам и отечеству помрачиться и ни малейшаго потерпеть не могут нарекания»[449].

---

[449] Грамоты на Дон 2 декабря 1773 г. и 10 января 1774 г. Прянишников, стр. 284—286.

Замечательно, что ни сама Екатерина II, ни ее вельможи, ни даже войско Донское не знали, что Емельян Иванов Пугачев, прежде чем стать во главе восстания уральцев, не был уже донским казаком, а терским семейным. П.Л. Юдин добыл в Ставропольском и Кизлярском архивах следующие по этому вопросу данные. При устройстве Моздокской линии в 1770 г. туда было переселено с Волги 517 семейств казаков, а «для стреляния из пушек» туда же переведено 250 «сказочных» казаков с Дона, которых и поселили по 50 семейств в каждую из пяти новых станиц, населенных волжскими казаками. Желающих переселиться с Дона оказалось больше на 21 чел. Все они просили войскового атамана терского семейного войска Та-

Глава X
Атаман Алексей Иванович Иловайский. 1775—1796 гг.

Самым неутомимым преследователем разбитых шаек Пугачева по заволжским степям был донской полковник Алексей Иловайский, который, имея в своем распоряжении всего 400 чел. конных казаков, переправился чрез Волгу и пустился по следам убегавшего на Яик самозванца. В безлюдных и пустынных степях казаки применили свою обычную тактику, выработанную вековой борьбой с татарами — следили за Пугачевым по *сакмам*. Отряд по дороге наполовину растерялся. Однако Иловайский с остальной частью достиг Яицкого городка и арестовал Пугачева, выданного ему его же приверженцами.

За этот подвиг Иловайский грамотой Екатерины II, по докладе Потемкина, назначен, вместо Сулина, наказным атаманом войска Донского и награжден чином армейского полковника, а чрез год пожалован войсковым атаманом, с тем, чтобы «считать

таринцева зачислить их в службу этого войска. Просьбу эту атаман 12 января 1772 г. представил на утверждение коменданта. Первым в представленном списке значился «неимеющий письменнаго вида» Емельян Иванов, прибывший с Дона; из распросной сказки его видно, что он «Донского войска Емельян Иванов, сын Пугачев, от роду 30 лет, уроженец Зимовейской станицы, из казачьих детей; отец его казак Иван Михайлович, сын Пугачев, по возвращении русской армии из Пруссии (после семилетней войны), назад тому лет семь (1765 г.) умер, а он, Емельян, в 1771 г. по указу военной коллегии перешел жительством в Моздокский край и ныне в казаки определенным быть желает». В списке терской военной канцелярии на 1 января 1773 г. в числе рядовых казаков этого войска значится Емельян Иванов с своей женой Прасковьей Фоминишной. Детей не показано. Дальнейшая судьба Пугачева за время пребывания его в Терском семейном войске такова. Казаки, недовольные атаманом Татаринцевым, хотели выбрать на эту должность Пугачева, с тем, чтобы он ехал в Петербург и ходатайствовал об утраченных войском привилегиях.

Пугачев поехал, но на дороге приверженцами Татаринцева был схвачен и представлен моздокскому коменданту. Его обвинили в смуте и посадили в тюрьму, из которой он, вместе с часовым солдатом Венедиктом Лаптевым, бежал и пробрался на Яик.

Итак, благодаря трудам П.Л. Юдина, нам теперь стало известно, что Е. Пугачев не был уже донским казаком, когда затеял произвести смуту в России, присвоив себе имя императора Петра III.

Журнал «Русский Архив», 1911, № 9.

его в сей степени против 4-го класса чином армии». В то же время войску пожалованы были бунчук, булава и насека.

В присланной в том же году на Дон похвальной грамоте за турецкую войну и усмирение пугачевского бунта Екатерина II, кроме многих восторженных выражений и похвал, относящихся к войску Донскому, добавила, «что врожденное онаго войска военное искусство и неутомимость во всегдашней передовой страже, не токмо не позволили неприятелям нигде во вред войск наших скрыть своего движения, но превозмогали и совершенно уничтожали всякое онаго покушение, чем и споспешествовали славным оружия нашего успехам»[450].

Кроме этих похвал, войско получило вспомоществование деньгами и хлебом до 64 тыс. четвертей, а также повелено было возвратить из Азовской и Таганрогской крепостей переселенных туда казаков «в прежния их жилища».

Назначение Иловайского атаманом тесно было связано с коренным преобразованием внутреннего управления войска. Вместо прежней Войсковой Канцелярии, где атаман и старшины распоряжались по своему произволу, по мысли Потемкина, для заведывания всеми внутренними гражданскими делами, учреждено было в 1775 г. «Войсковое Гражданское Правительство», состоявшее из атамана, 2 старшин по назначению и 4 по выбору на один год от войска, с положенным всем им из войсковых доходов жалованья. Этому Правительству подлежали дела: хозяйственные, по приходу и расходу денежных сумм, по промыслам и торговле, а также и по гражданскому судопроизводству, «согласно генеральнаго во всем государстве установлению», с соблюдением данных войску привилегий. Дела военные подлежали неограниченной власти атамана, который считался главным начальником войск. Во главе управления всем войском Донским стоял князь Потемкин.

Этот проект был утвержден Екатериной II 15 февраля и при предложении Потемкина от 18 февраля 1775 г. послан для немедленного приведения в действие войсковому атаману[451].

---

[450] Грамоты на Дон 16 февр. и 28 июня 1775 г. Прянишников, стр. 290—294.

[451] Предложение Потемкина 18 февр. 1775 г. Акты Лишина, т. III, № 115 и 116.

Атаману положено жалованье в год 1000 р., ему же на стол 3000 р. — 4000 р.
Старшинам по назначению по 600 р., на стол по 400 р. — по 1000 р.
Старшинам по выбору по 600 р., на стол по 200 р. — по 800 р.
Войсковому дьяку — 300 р.
На содержание канцелярии (дрова, свечи, сургуч и проч.) — 500 р.
Атаманскому писарю — 100 р. и т.д.

Замечательно, что все эти бюрократические нововведения в войске Донском, кажущиеся на первый взгляд рациональными, клонящиеся, по выражению самого Потемкина, «к возстановлению в пределах войска Донского желаемаго, по премудрому ея (Екатерины) намерению, благоденствия», не привились на Дону; по крайней мере, во многих позднейших донских актах по-прежнему упоминается бывшая упраздненная Канцелярия. Видимо, Иловайский, будучи в душе истым казаком, не хотел воспользоваться данными ему неограниченными правами и, считая Потемкина случайным временщиком, каковым он был на самом деле, старался поддерживать старые казачьи устои и оградить самобытность войска от каких-либо нововведений и поползновений фаворитов царицы на старый уклад казачьей жизни.

Подтверждением этому в делах Синода имеются такие донесения воронежского епископа, что атаман Иловайский запрещает ему вмешиваться в духовные дела казачьих приходов, так как причты их определяются с утверждения «казачьяго круга и старшин», и даже набил колодки на протопопа черкасского собора за то, что тот осмелился власть своего архиерея поставить выше «веча», т.е. круга старшин. Этими донесениями сказалось все. Атаман Иловайский не был ни изувером, ни крамольником, напротив, считался человеком просвещенным для своего времени и заботился о насаждении образования на Дону и поднятии его экономического развития. Вскоре после своего вступления в должность он возбудил ходатайство пред Потемкиным о разрешении детям казаков поступать в вновь открытый московский университет. Потемкин принял это ходатайство благосклонно и отвечал: «Попечение о воспитании донских детей приемлю я с признанием и не оставлю с моей стороны прилагать о таковых учащихся к чести и славе войска Донского всегдашнее рачение». (А. Савельев, стр. 95). В 1775 г. 4 донских воспитанника уже поступили в Московский университет. В его управление войском в г. Черкаске в 1790 г. было открыто народное училище (малое), а 2 октября 1793 г. торжественно отпраздновано открытие, в присутствии Иннокентия, епископа воронежского и черкасского, «Главного Народного Училища», типа средних учебных заведений, преобразованное при атамане Платове в гимназию.

Одновременно с учреждением на Дону «гражданского правительства», повелено войсковых старшин и полковников, ко-

мандовавших в походах полками наравне с установленными по табели военными чинами, производить в штаб-офицерские чины. Тех же старшин, которые впредь будут командовать полками и носить звание полковников, в уважение их службы, считать за уряд младшими пред армейскими секунд маиорами, но выше капитана. Есаулов и сотников «признавать и принимать прилично офицерскому чину».

* * *

Некоторые переселенные из Бессарабии ногайские орды жили мирно. Кочуя с места на место, они заняли степи по Манычи и Кагальнику. Имея слабую организацию и всегда голодая, эти орды, подстрекаемые кубанскими, постоянно беспокоили донские станицы. Иловайский решил очистить от них эти степи. По станицам были разосланы грамоты быть всем готовыми к поголовному ополчению с двухмесячным провиантом.

Узнав об этом, татары двинулись к Кубани, но там встретили отпор от черкесов. Теснимые с двух сторон, они решили завладеть манычскими и сальскими степями силой. В 1781 г. они стали явно нападать на казачьи сторожевые посты. Ожидая нападения, Иловайский вооружил все низовые станицы, до Раздорской. В Крыму произошло возмущение против хана Шагин-Гирея. Потемкин решил присоединить Крым и Тамань к России. Началась вторая турецкая война. Дон выставил в действующую армию 36 полков, т.е. почти все свои военные силы, начиная с 15 лет, с 3-х месячным провиантом. 8 апреля 1783 г. манифест Екатерины II возвестил об окончательном присоединении Крыма, Тамани и Кубани к России. Оставалось привести в подданство неспокойные ногайские орды, подстрекаемые к неповиновению укрывшимся у них крымским ханом. Для усмирения их был командирован Суворов. Близ устья Лабы Иловайский с 10-ю донскими полками присоединился к его войскам. После отважной переправы чрез Кубань во главе с донскими казаками, близ урочища Керменчик, русские войска 1 окт. 1783 г. одержали решительную победу над татарами и завладели богатой добычей. О подвигах в этом походе Суворов доносил Потемкину: «храбрость, стремительный удар и неустрашимость Донского войска не могу довольно похвалить пред вашею светлостью и высочайшим троном». Эта похвала величайшего из полководцев, скупого на слова и похвалы, заслуживает глу-

бокого внимания и должна быть запечатлена потомками старого боевого казачества.

Ногайцы признали подданство России и в знак покорности прислали Суворову свои белые знамена.

За свои подвиги в этом деле Иловайский был награжден чином генерал-поручика и орденом св. Владимира 2-й степени, а полковые командиры бригадирами[452].

Распоряжаясь самовластно войском Донским, Потемкин представил на утверждение Екатерины II и проект о переселении на Дон из Крыма и Турции армян, в числе 15 тыс. душ, для поднятия будто бы экономического значения края и развития торговли. Проект этот был одобрен в 1779 г. Переселенцам даны были такие льготы, какими до того времени не пользовались не только сами казаки, но даже и коренные жители соседних губерний. На берегу Дона, близ крепости св. Дмитрия, был основан армянский город Нахичевань. Для поселения армян земледельцев из войска Донского было отторгнуто до 68 тыс. дес. удобной земли. Переселенцы были перевезены со всею движимостью на казенный счет, освобождены на 10 лет от всех повинностей, постоев, рекрутчины и проч.; каждому домохозяину отведено по 30 дес., выданы безвозмездно семена, лес на постройки, скот, инвентарь и проч., с возвращением стоимости их чрез 10 лет[453]. Словом, часть устьев Дона и берега Азовского моря были изъяты из владений войска. Это изъятие было закреплено грамотой Екатерины 27 мая 1793 г., по проекту того же Потемкина, уже в то время умершего, об утверждении границ земель, «от предков наших войску Донскому пожалованных, и коим владением казаки Донские издревле спокойно пользовались»... При грамоте была приложена и карта этих земель, подписанная императрицей: «Мы по всегдашнему о благе наших подданных попечению, желая в Дон доставить бесспорное на вечныя времена владение принадлежащими оному землями и чрез то изъявить монаршую нашу признательность к ревностной его службе, утвердили подписанием поднесенную нам и при сем препровождаемую карту, по которой и указали сделать исполнение»[454].

---

[452] Донцы. М. Сенюткин. Стр. 150, 178 и 204. Копия с донесения Суворова кн. Потемкину 6 окт. 1783 г. Там же, стр. 258—261.

[453] Полн. собр. закон. 1779 г. № 14.942.

[454] Грамоты. Прянишников, стр. 298—300.

Удивительна в этом отношении политика к казачеству русских правящих сфер, вводивших всегда в заблуждение царей и цариц. Посылая на Дон многочисленные похвальные грамоты, с велеречивыми и напыщенными выражениями, превозносящими войско Донское за его подвиги до небес, русские венценосцы в то же время старались низвести казачество на степень «своих верноподданных, послушных рабов», урезывали шаг за шагом их исконные казачьи права, отторгали лучшие приморские земли, политые в течение веков казачьей кровью, и отдавали их чуждому элементу, случайно заброшенному на Дон.

Мало того, восхваляя войско Донское за его великие заслуги и «отличную храбрость, оказанные в войне, достойныя нашего монаршаго отменного благоволения и милости, ко всенародному сведению на память будущих времян», Екатерина в то же время, по представлению своих сановников, никак не хотела считаться с самыми насущными потребностями казачества, его правами, как военного, пусть даже «верноподданнаго сословия», и грамотой 9 мая 1792 года повелела «для спокойствия и безопасности Кубанских пределов от набегов необузданных горских народов произвесть вновь на линии построение нужных крепостей и редутов, а для вящшаго усовершения той линии завести на оной вновь казачьи станицы (12-ть), в которыя по исчислению до 3 тыс. семей потребно. К такому поселению назначили мы употребить шесть донских полков, под начальством генерала Гудовича находящихся, которые и должны быть в полном пятисотенном комплекте»...[455]

Такое бесцеремонное обращение с казачеством вывело его из терпения. Казаки трех полков, бывших на линии, сменив своих полковников, явились в Черкаск в числе 1000 челов. и приступили к войсковому атаману с требованием и угрозами отменить это распоряжение. Иловайский велел прочитать им грамоту императрицы. Казаки пришли в ярость. «Наконец, штурмою вечером 31 мая принесли знамена генералу (атаману) и отдали; и тем кончили. И поехали в домы с грамотами отпускными». 3 июня атаман выехал в Петербург ходатайствовать об отмене переселения, а бригадир Платов спешно отправился на Кубань для успокоения оставшихся там полков[456].

Насильственное переселение, по усиленной просьбе Иловайского, было отменено, а вместо него предоставлено было стани-

[455] Там же, стр. 295—297.

[456] Дневник свящ. В. Рубашкина. «Казачий Вестник», 1883, № 13.

цам, по древнему их обычаю, самим назначать семейства, желающие переселиться, но все-таки не менее 3 тыс. В войсковой грамоте станицам было сказано, что «государыня, снисходя только к *древнему донскому обряду*, простила ослушников ея воле, исключая начинщиков зла». Войсковым чиновникам, посланным с этими грамотами, приказано было не вмешиваться в станичные распорядки, а только отобрать списки назначенных на переселение. Войсковое правительство, издавая это распоряжение, само было в большом затруднении. На Кубань требовались исправные и здоровые казаки в полном вооружении и о дву-конь. Всех служилых казаков в то время было около 30 тыс. Следовательно, для переселения нужно было выслать с Дона одну десятую часть всех строевых казаков. Требование несуразное и невыполнимое. Предположили в число переселенцев включить 800 семейств малороссиян, с зачислением их в казаки. Войсковое правительство поневоле должно было хитрить и действовать осторожно, чтобы не вывести из терпения все войско. Станицы Есауловская, Кобылянская, две Чирских и Пятиизбянская решительно отказались подчиниться распоряжению о переселении и не приняли войсковых грамот. Отрешив от должностей станичных атаманов и подписных стариков и выбрав вместо них других, казаки этих станиц дали клятву друг друга не выдавать, говоря, что они свои земли заслужили кровью и кровью их защищать будут, укрепили станицы, поставили пушки и стражу; даже получено было известие, что с весной они намеривались идти в Черкаск, забрать все регалии и выбрать другого атамана. Иловайский вынужден был обратиться к помощи регулярных войск. Жалованным старшинам, полковникам и генералам не хотелось расставаться с своими правами и преимуществами, дарованными русским правительством.

На усмирение бунтовщиков, собравшихся в Есауловской стан., в феврале мес. 1794 г. двинулся отряд казаков в 1000 челов. во главе с наказным атаманом, генералом Мартыновым и «прочими господами». К ним подоспел князь Щербатов с 5-ю полками и 4-мя баталионами пехоты, 2-мя эскадронами драгун, 4-мя полевыми орудиями, а также три Чугуевских полка под начальством генерала Платова. Станицы заняты были почти без боя. 6-го июля началась обычная расправа, какую Москва всегда применяла к казачеству: 48 старшин и 298 казаков были закованы в цепи, 1645 человек наказаны плетьми. Назначено, по приказанию Военной коллегии, следствие. Председателем следственной комиссии был Щербатов. Оказалось,

что все бузулуцкие, хоперские и медведицкие станицы также не приняли войсковых грамот и отказались от переселения. Князь Щербатов признал и их виновными и около пяти тысяч челов. подверг наказанию кнутом, из-под которого немногие вышли целыми. Десятая часть попали в Сибирь. Есаул Рубцов, которого считали главным виновником бунта, получил 251 удар кнутом и в тот же день скончался[457]. И все это происходило в то время, когда большая часть донских полков находилась в войне с Речью Посполитой (1791—95 гг.), потом с Швецией и Персией. Везде и всюду донские богатыри показывали чудеса храбрости и уменье вести войну и выигрывать победы не только в стычках с полудикими горскими народами Кавказа, но даже с хорошо организованными силами европейцев. Между тем у себя дома, на Дону, они подвергались насилию и экзекуции. Некоторые полки, стоявшие в Крыму, узнав, что их станицы разоряют регулярные войска, пришли в волнение. Казаки стали большими партиями уходить на Дон. Стало пахнуть общим бунтом. Старая императрица, занятая своими фаворитами, не могла уже заниматься внутренними делами государства, а предоставила все это своим сановникам, во главе которых стоял известный бездарный Платон Зубов. Чувствовался застой и развал во всех внутренних делах управления. Вместо 3 тыс. семейств на Кубань с Дона удалось переселить только одну тысячу. Екатерина была и этим очень довольна.

После 2-летней стоянки войска Щербатова были выведены из пределов Дона.

Глава XI
Атаман Василий Петрович Орлов
1796—1801 гг.
Оренбургский поход казаков

В 1796 г. Иловайский умер. Вновь вступивший на русский престол Павел I хотел назначить атаманом заслуженного боевого генерал-лейтенанта Федора Петровича Денисова, впоследствии первого графа из донских казаков (с 1799 г.), но последний отказался от такой чести, ссылаясь на свою старость и

[457] Там же.

малограмотность, и просил государя предоставить эту должность своему зятю, генералу Орлову. Царь уважил эту просьбу, и Орлов назначен был войсковым атаманом. Первым распоряжением Павла Петровича относительно в. Дон. было искоренение всех нововведений кн. Потемкина, т.е. уничтожение войскового гражданского правительства и восстановление прежней войсковой канцелярии[458].

В канцелярии по-прежнему стали заседать атаман и наличные старшины. Все бумаги адресовались уже на имя войскового атамана и войска Донского.

Ко времени вступления в атаманство Орлова, дела по станичному самоуправлению пришли в полное расстройство; там царил полный хаос, при наличии засилья старшин, жалованных уже не кругом, а царской властью или войсковыми атаманами. Причиной этой неурядицы были нововведения в управлении войском Донским, начиная с Петра I и кончая реформами князя Потемкина. Словом, Дон был выбит из самобытной своей колеи и направлен по чуждому ему руслу, руководимый усмотрением «жалованных» старшин. Еще в 1721 г. войсковою грамотою повелевалось станицам «выборных станичных годовых атаманов почитать и во всем быть им послушными», между тем по старому казачьему праву сами атаманы должны были быть послушными станичному кругу, или сбору, т.е. являться простыми исполнителями его постановлений. В 1743 г. упоминаются уже выборные старики, которые впоследствии стали именоваться «подписными». Название это им присвоено от того, что при объявлении распоряжений о неприеме и сыске беглых от станичных атаманов и лучших выборных граждан станицы отбирались подписки, «сказки». От них же требовались подписки и в объявлении и исполнении войсковых грамот, касающихся нарядов на службу, укрепления станиц на случай набегов татар и проч., а в 1792—5 гг. о переселении на Кубань и о выдаче ослушников. Вот почему станицы Есауловская до Пятиизбянской в 1792 году и сменили своих атаманов и подписных стариков, как давших подписки в исполнении распоряжений войскового правительства о переселении, и выбрали других, своих единомышленников. Кроме того, с половины

[458] Рескрипт на имя Орлова 6 июля 1797 г. Акты Лишина, т. Ш, № 120. «Что касается до вкравшихся злоупотреблений и сделанных перемен кн. Потемкиным, писал Павел, то вам принадлежит первыя искоренять, а мне последних не опробовать, яко клонящихся всегда к истреблению общественнаго порядка вещей».

XVIII в. для сыска и высылки беглых из других губерний все войско было разделено на несколько участков (округов), во главе которых были поставлены назначенные войсковым атаманом старшины; чрез этих же старшин войсковое правительство стало объявлять станицам свои распоряжения. К концу того же века из канцелярий «старшин по сыску беглых» образовались «окружные сыскные начальства». Орлов обратил особенное внимание на положение станичных дел, неладившихся после экзекуций князя Щербатова и приказов наказного атамана Мартынова, назначившего во многих «мятежных» станицах своих, по своему выбору, атаманов и судей[459].

В наказе станицам атаман Орлов старался восстановить везде старое выборное начало. Он советовал выбирать атаманов из людей «расторопных и добрых в поведении. «Ради пособия им во всегдашних словесных судопроизводствах» выбрать из среды своей, четырех или более, степенных стариков, называвшихся раньше «подписными»; на их обязанности должно лежать немедленное, вместе с атаманом, исполнение распоряжений сыскных начальств и словесное разбирательство спорных дел. Дела же, подлежащия решению общаго станичнаго сбора, должны откладываться до праздничных дней. Все тяжебныя дела на сумму не свыше 50 руб. должны быть решаемы в станицах. Недовольные решением станицы могут переносить свои дела в сыскныя начальства. Ведению атаманов и стариков подлежали дела по мелким кражам, семейным ссорам, буйству, дракам и проч. Более крупныя дела переносились на станичный сбор, присуждавший к штрафам, розгам, забиванию в колодки и выселению. Атаман Орлов особенно возстал против присуждения *«напивания пойлом»*, ибо сие введение было весьма подло и не сообразно с должным порядком».

Искреннее желание этого атамана было, чтобы «донские граждане между собою блюли старинную простоту и убегали от тяжебных дел и ябед»[460].

---

[459] Мартынов заступал место войск. атам. Иловайского, когда последний был в Петербурге по делу об отмене насильственного переселения казаков на Кубань.

[460] Простота эта действительно среди донских казаков в их общественной жизни в неприкосновенности сохранялась до половины прошлого столетия. Когда же в сыскных и судных начальствах засел «крючковатый» чиновник с стряпчими, дьяками и повытчиками, то дела стали решаться «по похоти, по злату и серебру, по пешкам и штофам». Об этом нам передали наши отцы и деды.

В правление войском Орлова (1798 г.) в пределы Дона, теснимые киргизами, с разрешения правительства, прикочевали из-за Волги дербетовские калмыки, в числе 3724 кибитки, 9525 душ. мужского пола. Им дозволено было отправлять службу наравне с казаками. Для учреждения порядка между ними образовано особое правление[461]. Но это не понравилось калмыкам, и они в начале 1800 г. ушли в астраханские степи. Никакие меры не помогли возвратить их обратно. По повелению Павла Петровича калмыки эти оставлены на жительстве в малом Дербете. Кроме них в войске Донском остались, причисленные в казачество разновременно, калмыки так называемые «базовые», которых в то время считалось 2262 души мужского пола.

Но самым важным событием для войска Донского конца XVIII в., положившим неизгладимый отпечаток на жизнь казачества в продолжение всего прошлого века и перевернувшим все древние его устои и традиции, — было появление на Дону жалованного донского дворянства, разделившего все боевое казачество на две неравные части; меньшая — дворян помещиков и большая — рядовых казаков.

И все это случилось по происками и усиленным домогательствам небольшой кучки корыстных себялюбцев, испорченных растлевающим началом и политикой рабовладельческой России. За великие вековые заслуги всей массы боевого казачества, «Всевеликого войска Донского», сокрушившего могущество Оттоманской империи и ставшего твердой ногой на границах тогдашней России по Кубани, Тереку, Уралу и дебрям далекой Сибири до Амура, маленькая группа людей, случайно выплывших на поверхность народной массы, при поддержке русских самодержцев, получила неисчислимые выгоды в ущерб всему казачьему населению старого Дона, захватила лучшие казачьи земли и населила их закабаленным в рабство крестьянством, следуя примеру русских помещиков.

Со времени обложения подушной податью (с 1763 г.) малороссийские черкасы, приписанные к станицам и жившие в хуторах, поселках и приселках, хотя и считались свободными землепашцами, но тем не менее были ограничены в некоторых правах, как например: они не имели голоса в станичных делах, не

[461] Рескрипты Павла I ген.-лейт. Иловайскому 1-му 30 авг. и 14 окт. 1798 г. Акты Лишина, т. III, № 121 и 122.

могли отлучаться без ведома станицы, и даже войсковою грамотой 1776 г. было воспрещено выдавать за них в замужество казачьих вдов и дочерей и жениться на беглых крестьянских женках»[462].

Указом сената 1 февраля 1775 г. повелено брать рекрут из донских малороссиян наравне с поселянами казенного ведомства.

В 1796 г. и для донских крестьян наступил свой «Юрьев день», запоздавший против московского на 200 лет[463]. Указом Павла Петровича, данным 12 декабря, «в видах водворения порядка и утверждения в вечную собственность владельца, повелевалось, чтобы в губерниях Екатеринославской, Воронежской, Таврической и Кавказской области, а также и на Дону — каждый из поселян остался в том месте и звании, как он по нынешней ревизии (5-й) записан будет». Хотя этим актом и не устанавливалось полное крепостное право, т. к. донские землевладельцы, старшины и военные чины не пользовались еще правом российского дворянства, тем не менее многие из них увидели себя потомственными обладателями нескольких сот и даже тысяч крестьянских душ. Это количество некоторые старались увеличить покупкою крепостных в других губерниях и на ближайших ярмарках. И вот, страстно желая явиться в роли настоящих дворян-помещиков, донские выборные и жалованные чиновники, считавшиеся до того «за уряд» исходатайствовали у Павла Петровича сравнение своих чинов-званий с чинами регулярных войск. 1798 г. 22 сентября последовал высочайший указ, данный чрез Военную коллегию, такого содержания: «Взирая всегда с удовольствием на ревность и службу войска Донского, в знак признательности и благоволения нашего к оному, для уравнения чиновников, в войске оном служащих, признавать их чинами по следующей табели, сохраняя им по службе прежнее их звание: войсковых старшин — маиорами, есаулов — ротмистрами, сотников — поручиками, хорунжих — корнетами. Квартирмистры же (коих полагается в каждый полк по одному) равняются с квартирмистрами регулярных войск[464].

---

[462] Труды войск. статист. комит. в. 1-й, 1867 г., стр. 78. «Моск. отд. арх. Глав. Штаба». Связка № 115. Указ 1776 г. 10 янв. № 74.

[463] Акты Лишина, т. III, № 124.

[464] Там же, № 1130, стр. 420. Арх. гл. упр. каз. войск. Дела ком. о войске Дон., о привилегиях. № 2, л. 285.

Само собою разумеется, что жалованные раньше царскою властью генеральскими, бригадирскими и полковничьими чинами остались при своих армейских чинах, равных с регулярными.

Донскими полками обыкновенно всегда командовали старшины, носившие звание, когда они были в походе, полковников. Приведенным указом они признавались маиорами. Вот почему в то время на Дону и сложилась между казаками забавная поговорка: «нашего полковника пожаловали маиором».

К концу этого века за донскими помещиками числилось уже крестьян до 70 тыс., а по 6 ревизии 1811 г. 76 857 душ.

И вся эта масса крестьянского населения поселена была на войсковых и юртовых казачьих землях, перешедших потом донскому дворянству в потомственную собственность, без ведома и согласия всего Войска. Впрочем, согласия-то его, с упразднением Войскового Круга, никто и не спрашивал.

Класс донских помещиков быстро стал увеличиваться. Дон раздвоился. Вместо единого, нераздельного казачьего сословия (казачество к тому времени было сведено уже в сословие), где все были равны, все от рожденья братья, вдруг из общей массы, поголовно служившей «не за страх, а за совесть, с травы да воды» русским царям, явилось новое донское дворянство с правами и привилегиями, с этим сословием сопряженными, оставив в стороне многотысячное рядовое казачество с его угасающими традициями «о братстве и равенстве» и поголовной, как и прежде, военной службой.

* * *

Создавая донское дворянство, Павел I в то же время стал очень подозрительно относиться к донским генералам, жалованным Екатериной II.

Взаимная неприязнь, существовавшая между матерью и сыном при жизни первой, всем известна. Екатерина от всей души ненавидела и презирала Павла и даже хотела оставить престол внуку своему Александру; в свою очередь Павел платил ей тем же. До 42 лет он жил уединенно вдали от двора, в подаренных ему Екатериной имениях в Гатчине и Павловске.

Ко времени вступления на престол, 42 лет, он был уже изломанным, раздражительным и озлобленным человеком. В се-

мейной жизни был деспот и мучитель. Льстец Кутайсов и фаворитка Нелидова еще имели на него некоторое влияние; ко всем остальным был болезненно подозрителен и жесток. К преобразованиям Екатерины относился отрицательно. Все его мероприятия имели одну цель — уничтожить излишнее влияние на ход управления высшего дворянства и восстановить блеск самодержавия. Фавориты и орлы Екатерины, в том числе и Суворов, подверглись опале или гонению. Прусская муштра и прусская форма одежды с буклями, пудрой и косами были его идеалом в военном деле.

Первый из видных донцов, прославившийся своими военными подвигами, подвергся гонению ген.-маиор Матвей Иванович Платов. В персидской войне, начатой Екатериной под конец своей жизни, Платов, будучи походным атаманом донских полков, одной геройской атакой выручил главнокомандующего, Валериана Зубова, брата фаворита Платона Зубова, из очень затруднительного положения. О Платове заговорили как о выдающемся полководце. 6 ноября 1796 г. на престол вступил Павел. Дела круто изменились. Зубовы были удалены. В одну из ночей Платов был арестован и с фельдъегерем отвезен сначала в Кострому, а потом в Петербург и замурован в один из сырых казематов Петропавловской крепости, где он пробыл $3^1/_2$ года. Как это случилось и за что был арестован Платов, никто в Черкаске не знал; даже не знал и сам Платов. Весной 1800 г. удалены со службы ген. от кавалерии Дмитрий Ив. Иловайский и сын его ген.-м. Павел Иловайский. В г. Черкаск прибыв, ген. Кноринг производит о них следствие и в апреле препроводил их «с сенатскими курьерами неизвестно куда». 29 мая того же года по указу Павла исключен из службы г.-м. Дмитр. Евдок. Греков. 11 июля взят с фельдъегерем стар. Ив. Ник. Мешков. 5-го августа в Черкаск прибыли генерал Репин и его адъютант Кожин. При них были, по высочайшему повелению, казнены, по старому московскому обычаю, на черном эшафоте (с палачом и топором) войсков. старш. Ив. Афан. Апонасов и три гвардейских казака Луганской станицы Попов, Колесников и Козмин, а также наказан кнутом гвардии поручик Петр Осип. Грузинов, а потом 5 сентяб. того же 1800 г. понес жестокое наказание родной брат его, полковн. Евграф Осип. Грузинов. Также был сооружен эшафот, поставлены в строй, наголо шашки, атаманский и «артиллерийский» полки, приведен из тюрьмы арестант, прочитан царский указ и палач дал несчастному Грузинову бо-

лее 400 ударов кнутом, отчего он в тот же день в тюрьме скончался[465]. Никто не мог дать положительного ответа о причине удаления со службы, наказании и казни перечисленных выше лиц. Болезненно подозрительный Павел, которого именуют некоторые историки «неразгаданным монархом», был в сущности самый опасный «маниак»; везде и всюду он искал крамолу и при помощи своих шпионов, которые на Руси не переводились, старался утвердить свой «священный трон».

Казалось, вернулась та страшная эпоха московской Руси, когда господствовало всем известное «слово и дело», когда каждый не только простой обыватель, но даже стоящий во главе управления не мог поручиться, что с ним будет сегодня, завтра... Все притихло. Лучшие люди уходили от дел и укрывались в глуши деревень; даже знаменитый Суворов, герой Измаила, подвергся опале и пел на клиросе вместе с дьяком в своей деревенской церкви. Таким характером государя пользовались для своих низких целей всякие проходимцы и, вместо успокоения, еще больше разжигали его страсти. Все государство было охвачено паникой.

И вот в этот-то период времени войску Донскому суждено было вынести новое испытание, испить новую чашу терпения и покорности.

Политический горизонт Европы в то время был заволочен тучами и туманом. Лучшие государственные головы терялись и не знали, чего держаться. Лишь один гениальный Наполеон знал, куда идет, и кружил головы всех европейских дворов. Против Франции составлялись коалиции европейских государств. Во главе их стояла Англия. Павел поддерживал ее сторону. Суворов, «завинтив свой измаильский штык», разил французов вместе с казаками в Италии[466]. Двуличная союзница России — Австрия во главе с Тугутом и гофкригсратом устроили ему там такие препятствия, что этот мудрый и опытный полководец почитал отозвание свое с арены громких побед за счас-

[465] Записки св. Рубашкина. Прот. Г. Левицкий, стр. 18 и 19. Полковник Грузинов. А.А. Караев. 1896 г.

[466] В грамоте на Дон Павел Петрович 15 февраля 1800 г. писал: «Нашему любезно-верному войску Донскому. Верность ваша к нам, оказанная во многих случаях, особенно же заслуги в войне против французов, в продолжении Итальянской кампании 1799 г., где мужеством и неустрашимою своею храбростью поражали везде неприятеля... за ваши подвиги жалуем вам знамя, на коем изображено заслужившее вам сие отличие». Грамоты. Прянишников, стр. 301.

тье и вскоре после того в 1800 г. умер. Завистливый Павел не приказал воздать праху его даже самых обыкновенных воинских почестей, достойных фельдмаршала, генералиссимуса и князя Италийского.

Павел порвал союз с коварной Австрией, а потом и с Англией. Главная причина разрыва с последней была — захват англичанами в сентябре 1800 года остр. Мальты, принадлежавшего ордену Мальтийских рыцарей — иоаннитов, великим магистром которого в то время состоял Павел Петрович. На требование этого «странного» магистра, носившего даже облачение и все знаки ордена, англичане, боясь, чтобы остров не попал в руки Наполеона, отказали. Раздраженный этим, Павел заключил союз с Наполеоном, старавшимся подорвать торговое значение Англии «континентальной системой», закрыв для торговли с ней все европейские порты. План Наполеона был гениален, и если бы он был доведен до конца, то Англия потерпела бы в своих торговых предприятиях окончательное крушение. Гений Наполеона, поддержанный могуществом России, мог это сделать. Нужно было уязвить Англию в Индии, сосредоточив ее богатства и могущества, и никто, кроме России, не мог ему быть в этом деле лучшим помощником. Для похода по среднеазиатским степям надобно было легкое конное войско, и нигде его не было столь много и такого хорошего качества, как в России. Это были донские казаки. Это была первая часть дела, задуманного Наполеоном. Вслед за казаками сам Наполеон намеревался провести чрез Россию полмиллиона своей победоносной армии до Волги, оттуда морем до Астрабада, а там караванным путем до Индии.

Павел пришел в восторг от этого шага и 12 января 1801 г. дал на Дон указ «собрать все войско Донское на сборныя места» и три рескрипта на имя атамана Орлова, два от 12 и один от 13-го января, в которых открывал ему цель похода и маршрут следования войск[467].

Вскоре на Дон прибыл исхудалый и постаревший М.И. Платов, выпущенный из темницы по совету приближенных царя, как пригодный для выполнения задуманного предприятия генерал, которого любят и слушают казаки. Он получил от царя подробные словесные инструкции о предстоящем походе.

---

[467] Оренбургский поход. Дон. обл. Вед. 1856 г. № 1, 2, 3 и 5; А. Филонов. Донесения Орлова Павлу Петровичу 23 янв., 1 и 10 февр. 1801 г.

Получив царские рескрипты, Орлов приказом по войску предписал готовиться к походу всем наличным офицерам, урядникам, полковым писарям и казакам. Словом, всем, способным носить оружие, «до последняго», *о дву конь* и с запасами провианта на $1^1/_2$ месяца. Казаки обязаны брать с собою ружья и дротики, «не оставляя их отнюдь дома». К этому поголовному ополчению привлечены были и все донские калмыки, в числе 510 челов., сборный пункт которым была назначена слоб. генерала Мартынова на Салу. Для казаков сборные места были определены в следующих станицах: Качалинская, Усть-Медведицкая, на р. Медведице и Бузулуке. Дело приготовления к походу «по секретной экспедиции» шло очень быстро. 20 февраля Орлов доносил уже Павлу, что 22 507 чел. готовы к походу.

Никто не знал цели этих секретных приготовлений, кроме атамана Орлова, Платова и некоторых приближенных, которым поручено было заготовить по дороге от Дона до Оренбурга провиант и фураж для лошадей, и тех, которым приказано осмотреть и изучать дороги, а в Оренбурге добыть «языков» и переводчиков, знающих среднеазиатские языки. Есаулу Денежникову атаман поручил узнать:

1) «Начиная от Оренбурга, какая есть удобнее к проходу войск дорога чрез степи киргис-кайсаков, до р. Сарасу, земли каракалпаков и узбеков до Хивы, а оттоль до Бухарии и далее до Индии. Есть ли по дороге сей реки, какой оныя широты»... и т.д., словом, узнать все, что требуется для прохода войск».

В своих рескриптах Павел Петрович (в первом) писал Орлову:

«Англичане приготовляются сделать нападение флотом и войском на меня и на союзников моих датчан и шведов. Я готов их принять, но нужно их самих атаковать и там, где удар им может быть чувствительный и где меньше ожидают. Заведение их в Индии самое лучшее для сего, подите с артиллерией чрез Бухару и Хиву на реку Индус. Приготовьте все к походу. Пошлите своих лазутчиков приготовить и осмотреть дороги; все богатство Индии будет вам за сию экспедицию наградою. Таковое предприятие увенчает вас всех славою, заслужит по мере заслуги мое особое благоволение, приобрест богозжи и торговлю и поразит неприятеля в его сердце. Здесь прилагаю карты, сколько у меня их есть. Бог вас благослови. Есмь ваш благосклонный Павел».

Во втором рескрипте: «цель вся сие разорить и угнетенных владельцев (Индии) освободить и землю привесть России в ту же зависимость, в какой она была у англичан, и торг обратить к нам».

В третьем: «...Мимоходом утвердите Бухарию, чтобы китайцам не досталась. В Хиве вы освободите столько-то тысяч наших пленных подданных... Если бы нужна была пехота, то в след за вами, а не инако будет можно. *Но лучше, кабы вы то одни собою сделали*».

Государственный казначей Державин по повелению государя, на эту экспедицию отпустил Орлову 1 670 285 руб., *«кои должны быть возвращены из добычи той экспедиции»*.

16 февраля атаман выехал из Черкаска на сборные места, а 28 февраля, получив от Павла рескрипт с объявлением «благоволения за исправность и готовность», двинулся в поход. За командированием 4 полков на Кавказскую линию и оставлением на сборных пунктах «на случай» до 500 чел., в поход выступило: офицеров 510, казаков 20 497, артиллеристов 501 и калмыков 510, всего 22 016 чел. На Дону остались лишь израненные и больные, старики, женщины и дети. Все войско, состоявшее из 41 полка и 2-х рот артиллерии, было разделено на 4 части. Одной из передовых колонн, 13 полков, командовал генер. Платов; второй, 8 полков, ген.-м. Бузин; 3-й — 10 полков, ген.-м. Боков 1-й и 4-й — 10 полков, Денисов 6-й. Первая половина состояла под непосредственным распоряжением самого атамана. При нем находилась вся артиллерия, с полковн. Карповым, и войсковые землемеры. Артиллерия состояла из 12 единорогов, с 960 гранатами, 120 ядрами и 360 картечами и 12 пушек с 1080 ядрами и 360 картечами.

Суровая зима 1801 г., степное бездорожье, река Волга, на которой при мартовской оттепели от тяжести артиллерии и массы людей проваливался лед, так что местами из крыг льда приходилось наводить искусственные мосты, неурожай хлеба и трав у степных заволжских жителей — все это создавало такие затруднения этому легендарному походу, которые могут преодолеть только казаки, а никакая другая армия в мире. Колонны шли наугад, определяя путь по солнцу и часто не по тем дорогам, где заготовлен был для них фураж. Люди и лошади, которых было более 40 тыс., голодали. Колонны шли от 30 до 40 вер. в день. Ночлеги в этой безлюдной степи были или на сырой земле, или на жестоком морозе. Оренбургский губерна-

тор Бахметев сообщил Орлову, что несмотря на все усердие есаула Денежникова узнать и проведать о дорогах на Бухару и Хиву, поручение его осталось без исполнения. Даже «если бы он пробыл здесь (в Оренбурге) и еще месяц, то достаточного сведения не получил бы». Следовательно, Орлову самому приходилось открывать дороги в неведомые восточные страны и вести по ним на верную гибель все войско Донское, исполняя приказ безумного русского венценосца, гнавшего курьера за курьером и настаивавшего на скорейшем выполнении задуманного даже не им, а хитрым Наполеоном плана.

Безумство и невежество Павла не имели границ. На присланной им Орлову карте дорога от Оренбурга до Бухары и Хивы и далее на Индию была проведена одной тоненькой черточкой, а что на пути под этой черточкой таилось, никто в России не знал и не ведал. Необозримые безводные среднеазиатские степи, непроходимые горы Гинду-Куша, хищные племена Бухары и Хивы, текинцев, каракалпаков, киргизов и узбеков, с которыми едва справилась Россия в 70-х годах прошлого столетия, в затуманенной и невежественной голове Павла не вмещались. А донские полки шли и шли ускоренным маршем, сделав в три недели по страшному бездорожью около 700 верст. Вот уже их передовые отряды на вершинах р. Иргиза. Далеко родной Дон, далеко течет он, милый, светлыми струями омывая зеленые берега. Куда и зачем они идут, думали казаки, и при воспоминании о родимых станицах, где остались их старики, жены и сироты дети, уныло свешивали свои буйные головы.

23 марта в селении Мечетном, ныне Вольского уезда Саратовской губ., атаман получил высочайший манифест о смерти Павла и о восшествии 12 марта на престол Александра I, а также рескрипт на его имя о *возвращении донских* полков на Дон[468]. Это было накануне Светлого Христова Воскресения. Атаман собрал круг и сказал: «Жалует вас, детушки, Бог и государь родительскими домами». Громкое ура покрыло широкие заволжские степи. В первый день Пасхи атаман и бывшие с ним полки слушали обедню в селе Мечетном в старообрядческом мужс-

[468] В ночь с 11 на 12 марта некоторые из высших сановников и офицеров, во главе с военным губернатором графом Паленом, с согласия великих князей, решили устранить от власти Павла и потребовали от него отречения от престола. Павел встретил их с таким упорством и гневом, что в запальчивости был ими убит. Записки пол. Саблукова. 1906. Русская История проф. Платонова, стр. 378.

ком монастыре, а вечерню в старообрядческом же женском Успенском.

25 марта донцы двинулись в обратный путь. Радость их не имела границ.

9 апреля некоторые полки были уже на Дону. Другие пришли 17. Артиллерия — 25-го. Казаки были распущены по домам.

В этом страшном и трудном походе потерь в людях не было, хотя много было больных и ослабевших. Удивительна выносливость казаков. Убыль в лошадях была весьма незначительна.

Поход этот и теперь живет в памяти народной и известен под именем «восточного».

Этим походом и закончился страшный и кровавый для донского казачества XVIII век. Много оно послужило для чести и славы России; много получило за свои геройские подвиги похвальных грамот, знамен и бунчуков, но еще больше потерпело от самовластия и несправедливости ее неблагодарных и недальновидных венценосцев.

Содержание

Историк, казак и провидец 3

Вместо предисловия
(Как нужно писать историю) 8

Часть I
Предки казачества 14

Глава I
Взгляд историков
на происхождение казаков 14

Глава II
Краткий обзор современных народов
Северного Кавказа 25

Глава III
Черкесия и ее прошлое 38

Глава IV
Кто были скифы-сарматы? 49

Глава V
Черкасия, Чигия, Алания и Казакия 69

Глава VI
Геты—Руссы 82

Глава VII
Амазонки 124

Глава VIII
Гунны и Хазары 131

Глава IX
Христианство в Приазовье
и древнерусская письменность 140

Глава X
Хазары-беловежцы и переселение их на Днепр 150

Глава XI
Татарское нашествие 170

Часть II
Розыскание о начале
русского казачества 192

Глава I
Казаки запорожские, северские, рязанские и др. 192

Глава II
Движение
казачества на Дон 222

Глава III
Донские казаки
служат грозному царю 241

Казаки Терские и Гребенские.
Атаман Ермак 241

Ермак на турецкой границе
в устьях Дона 245

Глава IV
Новгородские повольники на Дону 262

Глава V
Арийцы из Арианы. Ас-Саки — Казаки 289

Глава VII
Отношение Дона к Москве
при царе Михаиле Феодоровиче 298

Глава VIII
Разрыв Дона с Москвой.
Убийство казаками посла Карамышева.
Требование от казаков присяги 304

Глава IX
Взятие казаками Азова
и «Азовское сиденье» 312

Глава X
Казаки помогают России
в войне с Крымом и Польшей 335

Глава XI
Степан Разин и его эпоха 340

Часть III
Дон служит русским царям 360

Глава I
Присяга казаков
на верность службы царю 360

Глава II
Последние вспышки разинцев
на Волге 363

Глава III
Общественный и военный строй,
быт и нравы казаков
в конце XVII в. 366

Глава IV
Беглые крестьяне и старообрядцы на Дону 383

Глава V
Участие казаков
в азовских походах Петра I 396

Глава VI
Булавинский бунт 406

Глава VII
Реформы Петра I в управлении
войском Донским 423

Глава VIII
Атаманы Данила и Степан Ефремовы 437

Глава IX
Пугачевский бунт 448

Глава X
Атаман Алексей Иванович Иловайский.
1775—1796 гг. 451

Глава XI
Атаман Василий Петрович Орлов 1796—1801 гг.
Оренбургский поход казаков 458

Научно-популярное издание
Тайны Земли Русской

Савельев Евграф Петрович

ДРЕВНЯЯ ИСТОРИЯ КАЗАЧЕСТВА

Редактор *П.И. Руднев*
Корректор *С.И. Смирнова*
Дизайн обложки *Е.А. Забелина*
Верстка *М.В. Субботина*

ООО «Издательский дом «Вече»
Почтовый адрес:
129348, Москва, ул. Красной Сосны, 24, а/я 63.
Фактический адрес:
127549, Москва, Алтуфьевское шоссе, 48, корпус 1.

Гигиенический сертификат
№ 77.99.60.953.Д.000452.01.09 от 27.01.2009 г.

E-mail: veche@veche.ru
http://www.veche.ru

Подписано в печать 06.10.2009. Формат 84 ×108 $^{1}/_{32}$.
Гарнитура «SchoolBook C». Печать офсетная. Бумага офсетная.
Печ. л. 15. Тираж 5000 экз. Заказ В-1497.

Отпечатано в полном соответствии с качеством
предоставленного электронного оригинал-макета
в типографии ОАО ПИК «Идел-Пресс».
420066, г. Казань, ул. Декабристов, 2.
E-mail: idelpress@mail.ru

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ВЕЧЕ»
ООО «ВЕСТЬ» является основным поставщиком
книжной продукции издательства «ВЕЧЕ»
Почтовый адрес:
129348, Москва, ул. Красной Сосны, 24, а/я 63.
Фактический адрес:
127549, Москва, Алтуфьевское шоссе, 48, корпус 1
Тел.: (499) 940-48-71, (499) 940-48-72.

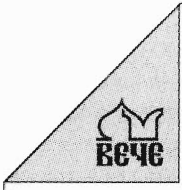
Интернет: www.veche.ru
Электронная почта (E-mail): veche@veche.ru

По вопросу размещения рекламы в книгах
обращаться в рекламный отдел издательства «ВЕЧЕ».
Тел.: (499) 940-48-70
E-mail: reklama@veche.ru

ВНИМАНИЮ ОПТОВЫХ ПОКУПАТЕЛЕЙ!
Книги издательства «ВЕЧЕ» вы можете приобрести также
в наших филиалах и у официальных дилеров по адресам:

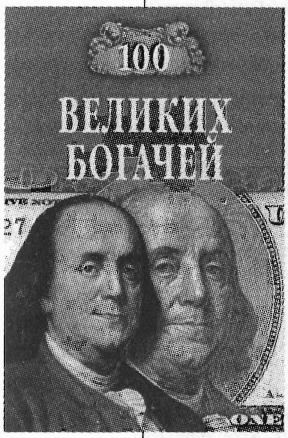
В Москве:
Компания «Лабиринт»
115419, г. Москва, 2-й Рощинский проезд, д. 8, стр. 4.
Тел.: (495) 780-00-98, 231-46-79
www.labirint-shop.ru
В Санкт-Петербурге:
ЗАО «Диамант» СПб.
г. Санкт-Петербург, пр. Обуховской обороны, д. 105.
Книжная ярмарка в ДК им. Крупской.
Тел.: (812) 567-07-26 (доб. 25)
В Нижнем Новгороде:
ООО «Вече-НН»
603141, г. Нижний Новгород, ул. Геологов, д. 1.
Тел.: (831 2) 63-97-78
E-mail: vechenn@mail.ru
В Новосибирске:
ООО «Топ-Книга»
630117, г. Новосибирск, ул. Арбузова, 1/1.
Тел.: (383) 336-10-32, (383) 336-10-33
www.top-kniga.ru
В Киеве:
ООО «Издательство «Арий»
г. Киев, пр. 50-летия Октября, д. 2б, а/я 84.
Тел.: (380 44) 537-29-20,(380 44) 407-22-75.
E-mail: ariy@optima.com.ua

Всегда в ассортименте новинки издательства «ВЕЧЕ»
в московских книжных магазинах:
ТД «Библио-Глобус», ТД «Москва», ТД «Молодая гвардия»,
«Московский дом книги», «Букбери», «Новый книжный».

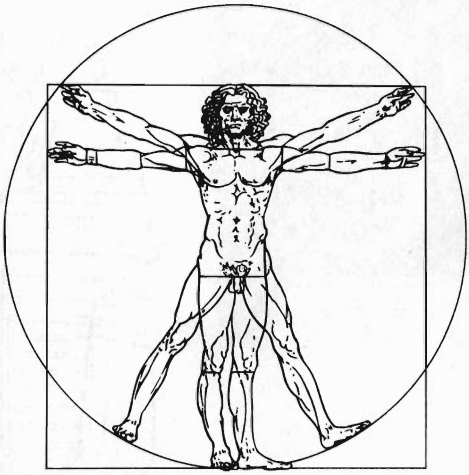


ПИШЕШЬ РЕФЕРАТ?
СДАЕШЬ ЭКЗАМЕНЫ?

«100 великих» помогут на все 100!



- 100 томов в серии
- Энциклопедическая полнота
- Отечественные и зарубежные авторы



Лучшие книги серии изданы в подарочном исполнении в серии

Золотая коллекция
«100 великих»

- Цветные иллюстрации на мелованной бумаге
- Оригинальное оформление

ВЕЛИКИЕ ГОСУДАРСТВА ВЕЛИКИХ ЭПОХ

СЕРИЯ КНИГ

ГИДЫ ЦИВИЛИЗАЦИЙ

Сведения по культуре, религии, экономике, военному делу, повседневной жизни исчезнувших цивилизаций в изложении крупнейших европейских историков.

ВЕЧЕ

В КАЖДОМ ГОРОДЕ — СВОЯ ЗАГАДКА

СЕРИЯ КНИГ

ТАЙНЫ ЗНАМЕНИТЫХ ГОРОДОВ

- Легенды и реальные истории, предания и современные хроники Москвы, Петербурга, Рима, Каира, Лондона, Парижа, Берлина, Стамбула...
- Тайны древних городов и современных столиц.

Вече

ВЕЛИКИЕ ТАЙНЫ ВЕЛИКОГО ПРОШЛОГО

СЕРИЯ КНИГ

TERRA HISTORICA

- Забытые традиции древних культур
- Яркие страницы средневековой истории
- Уникальные исследования, необычные гипотезы, новые открытия

Кто такие казаки? Потомки беглых крепостных, одно из сословий старой России, как обычно утверждает академическая наука? Или же их предки (по крайней мере часть из них) испокон веков жили в тех же самых краях — на Дону, на Кубани?.. Именно такой позиции придерживается автор этой книги — историк казачества, писатель и краевед Евграф Петрович Савельев. Привлекая колоссальный по объему фактический материал, со страстью и убежденностью истинного патриота он доказывает, что культура казачества во многих своих проявлениях уходит в глубины тысячелетий, что казаки — не случайные пришельцы на своей земле.

ISBN 978-5-9533-4471-5